

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
РУССКИХ
МЫСЛИТЕЛЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА

МОСКОВСКИЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

КАФЕДРА ИСТОРИИ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
РУССКИХ
МЫСЛИТЕЛЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА

Т О М

II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 5 2

ИЗДАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И С ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
И. Я. ЩИПАНОВА

АЛЕКСЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ
ПОЛЕНОВ

О КРЕПОСТНОМ СОСТОЯНИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАДАННОЙ ОТ ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ЗАДАЧИ: «ЧТО ПОЛЕЗНЕЕ
ДЛЯ ОБЩЕСТВА — ЧТОБ КРЕСТЬЯНИН ИМЕЛ
В СОБСТВЕННОСТИ ЗЕМЛЮ ИЛИ ТОКМО ДВИЖИМОЕ
ИМЕНИЕ, И СКОЛЬ ДАЛЕКО ЕГО ПРАВА
НА ТО ИЛИ ДРУГОЕ ИМЕНИЕ ПРОСТИРАТЬСЯ ДОЛЖНЫ?»

Прежде нежели приступим к самому изъяснению предложенного, то для лучшего порядка неотменно требуется знать, какие соединяем мы с словом *крестьянин* понятия. Крестьянин в общем знаменовании означает человека, имеющего постоянное жилище и пребывание в деревне, назначенного и упражняющегося в земледелии и что к нему принадлежит, невзирая, какой бы власти он подвержен ни был.

РАЗДЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Крестьяне разделяются у нас на разные роды, смотря по тому: 1) Кому они принадлежат и оттого называются государственным, дворцовым, господским¹. 2) На кого возложено обязательство — на человека или на землю, куда принадлежат крепостные и вольные. 3) Имеет ли кто землю или нет, чего для называются пахотными и бобылями².

Можно много найти и других разделений в рассуждении крестьянства, у иностранных употребляемых, но оные, будучи в России неизвестны, не имеют здесь места; ибо состояние наших крестьян, выключая малороссийских³, равно, и они вообще, как сами в себе, так и в своем

имении не вольны. Итак, оставя сие, за нужнейшее считаём рассмотреть, поскольку может быть вредительна или полезна неволя, которой подвержено наше крестьянство в рассуждении имения.

ПРЕИМУЩЕСТВА СОБСТВЕННОСТИ

Ежедневное искусство ⁴ показывает нам, что собственная каждого польза составляет главный предмет, к которому, как к середине, стремятся все наши помышления, и притом ободряет нас к понесению всяких трудов; а что она представляется в разном виде, то сие зависит от случая и воспитания. Сие ясно видеть можно, ежели рассудить, что мы по врожденной в нас склонности стараемся беспрестанно о нашем благополучии: *искать того, что нам приносит действительное удовольствие, и убегать всего, что ему противно, суть два неусыхаемые источника добродетелей и пороков.* Должно знать приличные средства обращать к добру сии страсти и искусным образом их поощрять: следствия неотменно будут соответствовать желаниям.

Крестьянин, которого мысли сходны с его состоянием, равным образом тцится по мере сил и знания приумножить свое благополучие, ежели он не находит в своем предприятии такого препятствия, которое иногда против воли заставляяет его быть о себе нерадивым. Я думаю, и не без причины, что собственность в движимом и недвижимом имении может почестся за один почти и притом весьма изрядный способ к ободрению и поправлению крестьянства, которое в прочем лишено всех с правами общества соединенных выгод и преимуществ; ибо крестьянин, будучи господином своему имению, не опасаясь ни с которой стороны в рассуждении его претерпеть какое насилие и пользуясь приобретенным свободно, может располагать и употреблять оное, смотря по своим выгодам. Он знает, что ему должно делать для удовольствования домашних нужд или для получения прибýtка; вследствие чего старается он охотно выискивать всевозможные средства обращать всякий случай в свою пользу;

болотистые, песчаные, бугроватые места не утомят рачительных его рук, но все трудолюбиво должно повиноваться и приносит с избытком пользу. Домашние ~~вещи~~ добровольно следуют его примеру, или для строгого надзирания надлежащим образом исправляют свою должность; ничто не может утаиться от его глаз, он сам все видит; наималейший примеченный недостаток, пока он его, исправля, не отвратит, беспокойствие ему наносит.

Сии выгоды способствуют также, что крестьянин, видя у себя некоторый достаток и впредь тем же себя лаская, не шадит ничего, что служит к сохранению здоровья, и сверх приличной для защищения себя от времени одежды⁵ может питаться здоровою пищею, немало к продолжению жизни и распространению людей служащую; также и во время случиться могущей болезни в состоянии лучшее о возвращении здоровья прилагать старание, нежели неимущий. Что касается до распространения человеческого рода, то достаточный крестьянин, всегда зная, что дети его при нем и по смерти его не будут претерпевать бедственного состояния, приумножение семьи приводит его в немалую радость, и крестьянин, смотря по своим достаткам, старается им дать приличное воспитание.

Из сего также следует, что сверх исправной отдачи подушного окладу и оброку⁶ мещанство равным образом немалой должно надеяться пользы, ибо сверх дешевизны нужных съестных припасов посредством крестьянского трудолюбия будут получать множество изрядных товаров, как, напр., пеньку, лен, шерсть, кожи и проч., которые, будучи переделаны на фабриках, служат к истреблению в народе праздной жизни и к прокормлению многих тысяч. Наконец, от владеющего собственным имением крестьянства все государство будет чувствовать великое облегчение: доходы его несравненно возрастут, и в случае нужды кроме уложенного можно от них надеяться сильной помощи.

Возьмем, напротив того, не имеющего никакой в имении воли человека, рассмотрим его как душевные, так и телесные качества. Сей печальный предмет, обращающийся пред моими глазами, ничего больше, кроме живых

изображений лениости, нерадения, недоверия, боязни не представляет, одним словом, он носит все на лице своем начертанные признаки бедственной жизни и угнетающего его несчастья.

По справедливости рассудить, то от лишенного всех прав человечества и тем в конечном унынии приведенного человека ничего лучшего ожидать не должно. Мы не можем требовать, чтоб человек, будучи так сильно понижен, старался о себе надлежащим образом, ибо он наперед знает, что от своих трудов никакой пользы, кроме опасности, истязания и насильствия, не получит. Единственное попечение, и то принужденное, состоит, чтобы удовлетворить некоторым образом необходимые нужды, а впрочем все свое время препровождает в праздности, почитая оную за облегчение своей бедности. Несмотря на бедственное свое состояние, ничто его не трогает; подражание, покушения и размышления о поправлении своего состояния совсем ему неизвестны. Он всегда худо одет, вкушает худую пищу, не радеет нимало о домашних делах, приумножение семьи служит ему в тягость, одним словом, все то, о чем бы другой безмерно стал радоваться, наводит ему великую горесть. От сего происходит, что жизнь их недолговременна, распространение человеческого роду великие находит себе чрез то препятствия, воспитание их служит не к исправлению, но к большому нравов растлению, и общество не только что не может в случае нужды на них надеяться или получить какое вспомоществование, но в противном случае они ему всегда тягостны и требуют сами от него беспрестанной помощи.]

Не без причины многие славные люди утверждают⁷, что конечное угнетение не только вредно для общества, но и опасно. Не упоминая о римлянах, лакедемонянах⁸ и других великий вред и разорение от собственных своих рабов претерпевших народах, соседняя нам Польша в новейшие времена при случае казацких возмущений⁹ видела обращенное против себя угнетенных своих крестьян оружие и сильно потрясена. Илоты¹⁰, страдавшие под игом несносного рабства, сильно потрясли лакедемонскую республику; римляне с великим своим вредом прекратили рабскую войну¹¹ и видели в разорение приведен-

ную от рабов Сицилию, наилучшую свою провинцию; соседняя нам Польша равным образом во время казацких возмущений великий урон от крестьян притесненных претерпела. И действительно, человек, не имеющий никаких выгод, которые б могли его возбуждать к сохранению такого общества, где он ничего не составляет и всегда страждет, должен мало иметь к нему горячности; он знает, что каковая б в нем перемена ни случилась, то ему потерять нечего; иногда также случается, что такие люди, не видя конца своим бедствиям, приходят в отчаяние и приступают к опасной для каждого общества крайности. Чего для некоторых государи для поправления бедственного состояния таких крестьян уступали им с пользою собственности и имени или облегчали способ к получению свободы. Как то, так и другое учреждение служит и к собственности их славе и к пользе всего их отечества.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАБСКОГО СОСТОЯНИЯ

Дабы знать, на каких правах утверждено стоит рабство и откуда оное произошло, то необходимо требуется искать его начала в самой отдаленной древности, и мы увидим после, к великому нашему удивлению, что происхождение крестьянства, подлейшего¹² из всех и притом неотменно нужного в каждом обществе состояния, должно приписывать насильствию.

О сем никто не будет сомневаться, что естественное право, от самого создателя в сердца наши влиянное, для совершенства своего причины подобных установлений в себе не заключает; чтоб люди сами от себя добровольно на то согласились и подвергнули бы себя столь жестокому жребию, также поверить не можно, рассуждая особливо по врожденной в человека к приобретению благополучия склонности и по непреодолеваемому стремлению к вольности. Таким образом, должно ему искать другой причины, на которой бы мы могли точно утвердиться.

Я со многими другими думаю, что сие приписывать должно войне, которая не только чрез все то время, как она продолжается, весьма печальные действия производит,

но и по окончании еще яснейшие своей суровости знаки оставляет; война, говорю я, причиною сего бедственного состояния, в котором такое множество нам подобных страдают. Древние народы, как видно из истории всех веков, почитали за общенародное право приводить в рабское состояние пленных, присвоая себе сверх сего полную власть, может быть, для большей своей безопасности и пользы в животе и смерти над таким человеком; и сие мнение, как ясно можно видеть из римских законов, столь далеко простиралось, что они их, исключив из числа людей, причислили к вещам. Римляне и греки, столь славные, столь просвещенные, перед всеми прочими народы отменным могут служить примером к подтверждению сей истины, и мы находим в их летописях, что целые народы подвержены были сему несчастью: илоты у лакедемонян, пенесты у фессалиян¹³ по тогдашним правам войны составляли крестьянское состояние, подверженное несносным бедствиям. Римляне, имевшие несколько веков сряду непрерывную войну и поступая с пленными по обыкновению тогдашних времен, собрали преужасное множество сих несчастливых, которые по разращении в Римской республике правов служили к удовольствованию роскоши и гордости и мучимы были бесчеловечным образом. Составление сих республик не дозволяло вольному человеку упражняться в художествах и купечестве, кои в великом у них были презрении; напротив того, все то, что их способными делало к понесению всяких воинских трудов, весьма высоко почиталось. Таким образом, пленники, приведенные в рабство, по примеру наших слуг, хотя с неравным выигрышем, должны были в домах у своих господ или вне оных отправлять всякую работу. Лекарки, всякие художники, купцы, земледельцы были из сего состояния людей, и жестокость их жребия в Европе не прежде переменилась, как по утверждении христианской веры. Равный пример, хотя с неравною суровостию, находим мы у франков или нынешних французов, которые по завоевании Галлии¹⁴, надеясь на превосходство своих сил, природных поработили. Бургундцы, готфы¹⁵ в завоеванных ими землях то же училили. Обыкновение сие не они первые ввели, но принесли с собою из Герма-

нии, общего их отечества, где оно, по свидетельству Тацита, в великом было употреблении, чего некоторые остатки и ныне в немецкой земле видны.

Российские прародители по примеру прочих народов равного были в рассуждении сего мнения, и воинское состояние, бывшее тогда в великом обыкновении, всех мысли на себя обратило. Для сей причины все искусства и художества были в великом небрежении, так что во времена первых великих князей не только что оружие, но и самое платье доставать должно было войною, как ясно показывает следующая Игоревой дружины речь: «Отроцы Свенелжи изоделися суть ору́жием и порты́, а мы нази; и по́йди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши, и мы»¹⁶ и проч. Беспрестанные почти войны и походы, как можно легко заключить, требовали великого множества народу, рассуждая особливо по тем временам, и мало давали времени рассуждать и стараться о домашних делах. Итак, для награждения происходящих от частой отлучки недостатков должно было найти какое-нибудь выгодное средство, которое бы равно соответствовало сему вреду. Самые сии войны изрядный к сему подали случай, собрав великое множество пленных, которые по принятому издревле обыкновению, будучи приведены в рабское состояние, причислялись к прочей добыче. Ибо, несмотря на тогдашнюю простоту, гражданин имел свой дом, имел свою семью, имел свою землю и поля, то не можно было без того обойтись, чтоб не иметь таких людей, которые бы единственно упражнялись в домостроительстве. Старание сие препоручаемо было пленным, которых в городе употребляли для услуг, а вне оного — для земледелия.

Мы находим достопамятное в Киевском летописце место, весьма много к подтверждению сей истины служащее, где сочинитель следующим образом говорит о завоевании святою Ольгою древлянской земли, что она «овех изби, а другие работе преда мужем своим; а прок остави их платити дань, и взложи на ня дань тяжку»¹⁷. Впрочем, что сие состояние людей и тогда уже известно было в России, то о сем ни малой мы не имеем причины сомневаться. Сие весьма яено свидетельствуют столь часто в наших древних летописях и законах попадающиеся слова

челядин и *смерд* — Не иное что, как рабское состояние, с сею только разностию, изъясняющие, что *челядин* означал домашнего слугу, а *смерд* земледельца или крестьянина. Древние российского народа законы также ясно показывают сию разность, как мы видим из сих слов Ярославовых законов: «Или холоп ударит свободна мужа?»¹⁸

Не должно и сего позабыть, что число сих несчастливых немало умножилось чрез добровольное, а иногда и принужденное, преступление; ибо ежедневное искусство показывает нам, что многие, хотя по природе вольные, думая копчить свои бедствия и надеясь сыскать себе защиту, предпочли рабское состояние благородной вольности и тем вечно себя посрамили, а потомство свое сделали несчастливым.

БЕДСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НАШИХ КРЕСТЬЯН

Сие строгое и бесчеловечное право войны сохранилось в полной своей целости даже до наших времен, и мы видим изрядные оного опыты над нашим крестьянством, которого бедственное состояние на такой степень возшло, что они, лишившись всех почти, так сказать, приличных человеку качеств, не могут уже видеть величину своего несчастья и кажутся быть отягчены вечным сном.

Крестьяне по самой справедливости заслуживают, чтобы иметь о них всевозможное попечение, и для приведения их в хорошие обстоятельства не должно падать ни труда, ни времени. Поистине сказать, сколь много должны мы быть обязаны таким людям, которые, будучи всегда готовы на защищение отечества, проливают за него свою кровь, которые, избавляя прочих от тяжких трудов и беспокойств, питают их изобильно, которые, не имея сами почти ничего, снабдевают других так щедро, которые, во все время своей жизни, не видя сами для себя никакой отрады, единственно упражняются в приумножении посторонней пользы; одним словом, наша жизнь, наша безопасность, все наши выгоды состоят в их власти, и неразрушимым союзом совокуплены с их состоянием. Но мы, ежели искренно признаться, забыв все сие вели-

кие благодеяния, вместо почтения платим презрением, вместо благодарения воздаем обиды, вместо попечения ничего, кроме разорения, не видно.

Ничто человека в большее уныние привести не может, как лишение соединенных с человечеством прав. Чрез сие мало-помалу приходим мы в нерадение и леность, которые, понижая нас, нечувствительно отнимают все силы и препятствуют нашему разуму возвыситься до надлежащего степени совершенства. Дошед до того, всегдашнее недоверие и некоторая боязнь не позволяют проникнуть сквозь густые невежества облака. Но пусть человек пользуется правами человечества, пусть уничтожены будут не допускающие его до их исполнения препятствия, то, возвратив свои силы, вскоре переродится.

Наши крестьяне печальным своим примером могут доказать, сколь пагубно конечное угнетение для людей. Итак, прежде всего должно помышлять, чтоб для славы народа и пользы общества вывести производимый человеческою кровью бесчестный торг. Мы в сем случае, не делая ни малой разности между неодушевленными вещами и человеком, продаем наших ближних, как кусок дерева, и больше жалеем наш скот, нежели людей. Сие должно неотменно уничтожить и нимало не смотреть, какие бы кто ни представлял причины. Довольно, что благосостояние общества того требует, и собственно малого числа людей польза, ежели можно то назвать пользою, что к собственному их вреду клонится, не должна быть принимаема в рассуждение. Я не разумею здесь конечное запрещение; но кто намерен продавать, то должен продавать все вместе, и землю и людей, а не разлучать родителей с детьми, братьев с сестрами, приятелей с приятелями; ибо, не упоминая о прочих несходствах, от сей продажи порознь переводится народ и земледелие в ужасный приходит упадок.

Я не нахожу беднейших людей, как наших крестьян, которые, не имея ни малой от законов защиты, подвержены всевозможным не только в рассуждении имения, но и самой жизни обидам и претерпевают беспрестанные наглости, истязания и насильства, отчего неотменно должны они опуститься и прийти в сие преисполненное

бедствий как для их самих, так и для всего общества состоянием, в котором мы их теперь действительно видим. Итак, не вдаваясь в дальние о бедных сих людях рассуждения, всякий легко может сие заключить из превратного образа их житья, поступок и мнений, которые нам не иное что, как весьма плачевное позорище представляют, — но оставя печальные сии и нашего сожаления достойные предметы, приступим к самому делу.

* *
*

Упомянув кратко о разных родах крестьянства, о пользе собственности и вреде за неиспением ее, также о происхождении рабского состояния и бедности наших крестьян, следует предложить средства к его поправлению; итак, для лучшего порядка разделим мы сие на четыре части, из которых в 1) будем говорить о учреждении крестьянского воспитания. 2) О определении крестьянам собственности в землях с надлежащим ограничением и об уступлении им полной власти над движимым имением и другими выгодами. 3) О заведении для защищения крестьян отличных судов и 4) о предосторожностях при сей перемене.

О УЧРЕЖДЕНИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Непростительное в наши времена в рассуждении общественного воспитания примечаемое нерадение великим бедствиям причиною; и сколько известно, то о сем так мало думают, что мы до сих пор не имеем еще такого расположения, которое бы с пользою могло быть употреблено в общенародном нравов исправлении. Самое главное дело, от которого зависит народное благополучие и с которым оно сопряжено неразлучным союзом, по несчастию, никогда нам на мысль не приходит. Мне кажется, что просветить народ учением, сохранить его здравие чрез приобучение к трудолюбию и чрез телесные упражнения, наставить при помощи здравого нравочения на путь добродетельной жизни — главные должны быть законов предметы, и наибольшее их старание должно

в сем обращаться. Рассуждая, по всем обстоятельствам видно, что мы весьма далеко от сего отстоим; иных нетерпение или непрозорливость, других незнание или собственная корысть, не упоминая многих других подобных сим причин, непреодолимым бывают препятствием в довершении столь великого дела.

Почти невероятно кажется, сколь много воспитание способствует к благополучию каждого общества, и для того оно первое место здесь занять должно. [Кому неизвестно, сколь великим порокам подвержен обыкновенно бывает простой народ: невежество, суеверие, невоздержание, леность, легкомыслие делают нам его не только презрительным, но в некоторых случаях и ненавистным. Самое наилучшее средство, как некоторые думают, к удержанию его неистового безумия состоит в строгости, припущении и казнях, не помышляя нисколько, что сие больше может служить к растравлению, нежели к исцелению ран. Довольно можно найти других способов, с лучшею пользою и успехом служить могущих к достижению сего намерения.] Я разумею воспитание, при помощи которого, как искусство многократно уже нам показало, можно преобразить всякого человека, какого бы он состояния ни был. Что касается до крестьян, о которых собственно здесь должно говорить, то неотменно требуется в рассуждении их такие принять меры, которые бы соответствовали простоте их жития и состояния; для того, застав с ^{дети} малолетства, предложить, каким образом с ними поступать в нежном сем возрасте.]

[В каждой деревне, где только можно и обстоятельства позволяют, учредить школу для обучения российской грамоте, по крайней мере читать и первым основаниям веры, малолетних крестьянских детей. Из малых деревень, где сего завести не можно, должны крестьяне посылать своих детей в самые ближние школы для обучения, разве невозможность, какая воспрепятствует; тогда остается им с других брать пример.]

Каждый крестьянин должен десятилетних своих детей отсылать в зимнее время в школу, дабы они, заблаговременно научась чему должно, по их состоянию, по возможности своем не имели никаких препятствий в работе.]

Нужные к тому книги должны им даны быть на первый случай без уплаты. Для сего намерения должно сочинить азбуку, где бы была церковная и гражданская печать ¹⁹, также прежняя российская и ныне употребляемая цифирь ²⁰, и присоединить к оной самый простой катехизис ²¹. Десять от бога данных Моисею заповедей могут служить основанием; разумное их изъяснение неотменно нужно; сверх сего должен он в себе заключать первоначальные основания евангельского учения кратко, ясно и без всякого примесу тонкостей. Упомянутые книги для облегчения крестьянской бедности должны продаваться по самой малой цене и притом совсем готовые. Провинциальные консистории ²² могут их у себя хранить и по требованиям священников отпускать немедленно, кои, распродав их, для избежания всяких обманов, по означенной на первом листе цене, деньги вносить будут в консисторию. В школах место учителей могут заступить дьячки, которые должны начинающих обучать грамоте, а знающим задавать учить наизусть катехизис. До их должности также надлежит раздавать печатные крестительные записки за священниковою рукою, дабы никто не мог утаивать своих лет*; ибо немалая польза знать число, лета, также и именные составляющих общество членов.

Для каждой церкви и школы довольно одного священника и дьячка в которых сверх занятия их должности надобно смотреть непорочное житье. Пример такой особы может больше действие произвести, нежели высокие рассуждения, превышающие простых людей понятия. Притом в священники и дьячки выбирать таких людей, которые бы хотя несколько разумели домостроительство, ибо крестьянин, видя пользу в самом деле, лучше может оную уразуметь, нежели на словах или с принуждения. Священник, сверх порядочного отправления божией службы, должен в самой церкви учить крестьян божью слову, искоренять в них суеверия, внушать почтение, любовь

* Образец записки. У крестьянина NN родился сын или дочь во 2 часу пополудни 9 ноября 1767 года. Крещен того же ноября 12 дня 1767 года и при крещении наречено ему имя NN, что свидетельствую, священник NN.

и верность к государю, усовещевать к добродетельному житию и трудолюбию; притом сколько можно просто, с приличною кротостию и без дальних околичеств. Надлежит также ему читать по три воскресенья сряду при всем собрании издаваемые в рассуждении крестьян или некоторым образом до них касающиеся указы, иметь весьма строгое смотрение над школою, поправлять случиться могущие недостатки, свидетельствовать крестьянских детей в их учении и толковать им катехизис по воскресеньям и праздничным дням в церкви.

Неотменно требуется, дабы такие люди отличены были довольною честью и пропитанием и имели бы надежду получить впредь за свои труды приличное награждение. На такой конец священник и дьячок должны единственно зависеть от епископа и провинциальной консистории, которые по требованию на убылые места будут присылать других, а недостойных по собственному усмотрению или по основательным жалобам сменять и наказывать; принимать со стороны по собственному произволению можно всем запретить и не делать в сем никакого послабления.

Для честного пропитания священнику и дьячку дать довольно земли и выгодный дом со всем, что принадлежит к домостроительству. О церкви, так как и о доме со всеми к тому принадлежностями, должна стараться консистория, а об отведении земли — дворянин или управитель. Сверх сего уставить им постоянные доходы с крестин, свадеб, похорон и проч., так чтобы в таких случаях ни крестьянину тяжести не было, ни священнику стыда. Но дабы труды и попечения их не остались без призрения, то, усмотря благонравие и исправность таких добродетельных церковников, можно их для большего поощрения переводить из деревень в города и определять к хорошим приходам. Но дабы все сие без действия не осталось, то посылать ежегодно от святейшего правительствующего синода ученых духовных особ для осмотра. Правительствующий сенат²³, для большей исправности, может присоединить к духовным светских искусных людей, которые должны совокупными силами стараться об отвращении беспорядков. Сии надзиратели не должны нимало друг от друга зависеть, но по окончании порученного

им дела подать должен каждый особенно в свое место обстоятельные и верные известия, в каком что состоянии находится.

Все сие предложено здесь, сколько можно, кратко. Духовный суд с привлечением к тому светских разумных и искусных людей может много еще прибавить в рассуждении священнической и дьячковой должности, строго над оными каждой провинциальной консистории надзирания и их приличного пропитания. Снабдить церковников в рассуждении должности их и поведения хорошими наставлениями также неотменно нужно.

И Понеже телесные силы крестьянам больше, нежели другим, нужны, то для сохранения здоровья нужно завести лекарей в больших деревнях, которые бы также для лучшего своего пропитания держали и аптеку, наполненную, смотря по крестьянскому простому состоянию, недорогими и немногими, но необходимо нужными лекарствами. И бы также желал, чтобы сии лекари упражнялись в лечении скота, что напоследок могло бы великую домостроительству принести пользу. Медицеская коллегия ²⁴ может в сем дать совершенное наставление и строгим своим смотрением принудить лекарей к точному наблюдению их должности. О заведении искусных и обученных повивальных бабушек, хотя бы сие и весьма полезно было, не должно помышлять, когда их не только в деревнях, но и в самых городах сыскать еще не можно. Со временем должно также помышлять о заведении по деревням докторов и назначить каждому из них известный округ, который бы заключал в себе довольное число деревень; ибо, не упоминая, что они в опасных случаях лучше могут помочь, нежели лекарь ²⁵, можно их старанием много хорошего открыть в рассуждении произрастений, животных и рыб и тем подать великий свет натуральной истории.

Полиция может по справедливости почесться за непоколебимую подпору народной безопасности; для того неотменно нужно оную учредить и содержать в полной силе не токмо в городах, но и в деревнях. Употребленные издержки награждаются стократно, и что кажется сначала весьма трудно, после то же самое представится безделицею.

Должность полицейских служителей по деревням должна состоять в исправном наблюдении дорог, принуждая крестьян в свободное время их поправлять или новые расчищать, искоренять воров и разбойников, советом и делом помогать в пожарное время, на каковой конец в каждой деревне завести недорогие пожарные трубы и другие к тому служащие орудия, иметь смотрение за строением и дабы по деревням, сколько обстоятельства позволяют, была чистота и опрятность. Сверх сего должны они сберегать лес, и где нужда потребует его вырубить на строение или на дрова, то, приказывая сажать на те места молодые деревья, смотреть за ними с возможным прилежанием, не допустить засаривать рек и озер, а особливо по которым хотя несколько можно ходить судам.

Самая трудность состоит в приискании способных и исправных в своей должности людей, и для того видим мы по большей части, что наилучшие учреждения не токмо без действия остаются, но иногда чрез превратное их исполнение или конечное упущение причиною бывают народного неблагополучия. О сем надобно много размышлять и тщательно выведывать душевные и телесные силы. Но понеже недоверение в сем случае нужно, то для большей еще исправности деревенская полиция подчинена будет городской, которой полицейские по деревням служители ежегодно должны отчет давать. После чего городская полиция будет посылать достоверных людей для очевидного освидетельствования.

О СОБСТВЕННОСТИ В НЕДВИЖИМОМ ИМЕНИИ

По предложению к исправлению крестьянского воспитания способов следует сказать, каким имением владеть крестьянину и в каких пределах должны заключаться его над оным права, так чтобы сие клонилось не только к собственной крестьянина пользе, но и всех тех, кои в сей перемене необходимо имеют принять участие, и всякий бы имел, что ему по справедливости иметь надлежит.

Примеры с других брать здесь не нужно, но единственно должно утверждаться на здравом рассуждении и на

правилах человеколюбия, не упущая притом никогда из глаз общенародную пользу. Всякое государство имеет свое особенное составление, погрешности и превосходства; и для того почти никогда не случается, чтобы законы и учреждения какого государства можно было с пользою приложить к другому. Введение римских прав во многих европейских державах походит на чудовище, и мы слышим ежедневные жалобы; однако понеже известно, по какой причине они введены и сохраняются, то мы и впредь будем слышать те же жалобы.

Рассуждая по назначению крестьян, можно легко видеть, на какой конец мы их имеем; Итак, вследствие сего каждый крестьянин должен иметь довольно земли для сеяния хлеба и паствы скота и владеть оною наследственным образом так, чтобы помещик ни малой не имел власти угнетать каким-нибудь образом или совсем оную отнимать, т. е. пока крестьянин исправно будет наблюдать все свои должности; ибо иначе можно его в наказание лишитъ сих выгод, как недостойного, и снабдить оными другого. Однако, прежде нежели помещик может сие сделать, то дело должно быть рассмотрено в приличном суде.]

Наследственное сие в землях право не должно к невозвратному владельцев вреду и великому их разорению так далеко простираться, чтоб крестьянин был в состоянии данную ему от другого землю располагать по произволению; довольно, ежели он сию может невозбранно и беспрепятственно пользоваться и от того себе получить пропитание. Для сей причины не дозволяется ему, под каким бы видом он ни хотел сие сделать, продавать свою землю или дарить, или закладывать, или разделять между многими детьми, но по смерти отца один из сынов будет оною владеть; таким образом помещик всегда удержит свое право, а крестьянин свободно будет пользоваться дозволенными ему выгодами.

Понеже может случиться, что по размножении семей не будет в деревне доставать земли на прокормление, то в таком случае немедленно принимать надлежащие меры; в рассуждении государевых крестьян никакого в сем опасаться недостатка не должно; но как скоро примечено

будет, что {земли их не могут прокормить, то, предупреждая всегда бедственный сей недостаток, немедленно вывести с прежнего места несколько семей и поселить на пустом месте, а разразивать семьи или брать одних холостых не должно. На такой конец каждый провинциальный суд²⁶ должен знать, сколько в окружности его правления находится пустых и способных к земледелию мест, иметь во всякой готовности надлежащие до земледелия орудия, снабдевать поселян семенами, скотом или в случае нужды выдавать им на все сие деньги без зачету. Выгодные для них дома также должны быть построены, и на первый случай уволить их, смотря по качествам земли, на несколько лет от всех тяжестей, дабы они имели довольно времени исправиться. Не имеющие довольно земли дворяне должны покупать по способности того места, и ежели не будет таких случаев, то тогда могут крестьян отпускать (прописывая в паспорте причину) в работу на фабрики или, что еще лучше, отдавать учиться такому ремеслу, с которым бы они и в деревне могли найти пропитание.

Земледелие требует много народу, и поощрение браков в сем случае неотменно нужно. Для того можно выдумать самые простые средства, дозволив, например, женатым иметь председиане перед холостыми; имеющим много детей упустить малое что из положенных на них тяжестей и проч. Должно также взять в рассуждение, что пребывание деревенских жителей по городам весьма много вредит земледелию; ибо, от чего бы мог иметь себе честное пропитание гражданин, тем пользуется крестьянин, а между тем земледелие, самое нужное, самое прибыточное для всякого общества богатство, в конечном остается запущении, не упоминая, что крестьяне очень портятся от городского своевольтва и роскошй, привыкают к праздности и делают себя неспособными к понесению деревенских трудов; для того всеми силами стараться их от того воздерживать и строго принуждать, чтобы они жили по своему назначению.

Я знаю, что у нас нет среднего состояния²⁷, и по выслани из городов крестьян могут оказаться великие недостатки; потому не без труда ввести в обществе столь

важную перемену; однако ежели подумать надлежащим образом, то мы скоро сыщем способных к тому людей *. Премудрый государь, просвещенный министр скоро найдут средство к уничтожению встречающихся им препятствий; одни только слабые души, ходящие во всегдашней тьме невежества, рассуждая по малой обширности своего света, почитают за невозможность в искоренении застарелых предрассуждений открыть себе чистую дорогу. Великий дух, возвышая себя перед другими, стремительным оком обозревает всю связь общественного здания и, без труда открывая начало, приращение и довершение бывающих в моральном свете явлений, имеет довольно сил или к остановлению, или к отвращению, или приумножению их течения и скорости.

О СОБСТВЕННОСТИ В ДВИЖИМОМ ИМЕНИИ

Сего не довольно для зашщипения сих бедных людей: снисканное их трудами имение также должно быть приведено в безопасность. Все крестьянское богатство состоит в земледелии и скоте, и сие может называться собственным его ремеслом, от которого он единственно должен получать свое пропитание и из происходящей от оногo прибыли уделывать по должности положенную на него часть государю и господину, а в прочем быть спокоен.

Что касается до движимого имения, состоящего в скоте и получаемых от земледелия плодах, то я думаю, что крестьянам в рассуждении его должно дать полную власть

* Мы имеем по городам множество ремесленных людей на государственном содержании. Отпущая всех сих людей на волю и учиня им на первый случай некоторое вспоможение, можно завести многочисленное мещанство и, дав им приличные по примеру других европейских народов вольности, возбудить к трудолюбию. Другие народы, рассуждая по качествам их земель, во многом нам уступить должны; однако, несмотря на то, мы видим, что они нас во всем почти превосходят: из ничего, так сказать, делают они чудеса. Учредив таким образом, мы вскоре равное увидим: города будут населены достаточными и полезными обществу жителями; красота их приумножится великодушными зданиями; государевы доходы возрастут несравненно; науки, художества и купечество придут в цветущее состояние, и всякий по справедливости тогда, не отягчая притом нимало общества, будет себя почитать благополучным.

и волю. Положим, что на первый раз получают они все сии вещи от щедрости других и чрез то приходят в состояние доставить себе и своему роду довольное пропитание; однакож из сего не следует, чтобы благодетели их по причине сей щедрости, которая сверх того весьма тягостна, могли себе присвоить полное право над нажитым их трудами имением; Довольно, ежели крестьянин в знак своей благодарности платит ежегодно своему господину уложенную долю, что, исчислив, бесконечно больше составит, нежели что ему дано; итак, напоследок не крестьянин, но господин остается должником, и вследствие сего при несчастии обязан он помогать крестьянину. 7 Сверх сих причин должно взять в рассуждение общенародную пользу, которая требует, чтобы каждый в обществе член, исправляющий надлежащим образом положенную на него должность, свободно мог пользоваться приобретенными чрез свои труды выгодами, и в случае насильственного или скрытого их нарушения правосудие должно их защищать. Напротив, ежели господину оставлена будет над каким-нибудь родом крестьянского имения полная власть, то крестьянство никогда не может подняться; опасность конечного разорения воспретит ему искать в суде помощи, и, служа жертвою беспрестанным гонениям и истязаниям, всегда будет находиться в упадке.

Сверх сего неотменно требуется определить для крестьян и другие промыслы, так чтобы сии промыслы, имея всегда некоторое с земледелием сходство, от одного их не отвлекали, но единственно дабы крестьяне при помощи их могли и себя и других снабжать. Для сего можно назначить известные дни, например каждое воскресенье, в которое крестьяне могут приезжать в город для продажи своих товаров. Таким образом могут они всегда весьма способно снабжать города и привозить на продажу всякого рода хлеб, пеньку, лен, холсты, сыр, масло, овощи и многие другие к нужному человеческому пропитанию служащие вещи, в чем не делать никаких замешательств и затруднений, но еще всевозможным образом споспешествовать. Оставаться в городах и там производить несходные с их состоянием и назначением промыслы можно им запретить и нисколько им в сем не послаблять.

ПРЕДПИСАНИЕ ПОСТОЯННЫХ СЛУЖЕБ И ПОДАТЕЙ ГОСУДАРЮ И ГОСПОДИНУ

По приведении их в столь изрядное состояние и дозволлив им столь великие выгоды, самая справедливость требует, чтоб и они по мере столь великих благоденствий воздавали равное благодарение, исправляя охотно и ревностно положенные на них в рассуждении государя и господина должности.

В рассуждении налогов с великим благоразумием поступать надлежит. Наибольшая состоит в сем трудность, что их не можно точно определить, так чтобы они равны были, глядя на различное положение стран и происходящее от того неравное в имени содержание, чего ради самое наилучшее, по моему мнению, в учреждении податей средство нахожу я в установлении десятой или другой какой части со всех от земледелия происходящих плодов. В рассуждении денежного сбора вообще можно сказать, что, чем сильнее богатеет народ, тем больше можно собирать подати, и ежели мы сыщем настоящее содержание между налогом и народным богатством, тогда они праведны, и никто не может жаловаться. Требуемые от крестьян в пользу господина службы можно учредить таким образом, чтобы крестьянин один день работал на своего господина, а в прочие на себя.

Предписание постоянных, для прекращения грабительств и разорений, податей и служб неотменно нужно; ибо такое учреждение немало защитит крестьян от наглостей их помещиков, которые их без всякой пощады и милосердия мучат, отнимая все то, что им в глаза попадетя, и чрез то приводят в несказанную бедность, от которой они никогда не в состоянии избавиться.

Во время наводнения, скотского падежа, недорода хлеба и в прочих случиться могущих несчастиях крестьянам для их поправления неотменно нужно помогать или деньгами, или отпущением на некоторое время податей, который убыток по исправлении своем могут они наградить.

Дворничество по ограничении самовольства никакого вреда не претерпит, и хотя с первого взгляда покажется, что уступление собственности и предписание постоянных

податей и служб уничтожает значную часть их над крестьянами прав, однако, взяв в рассуждение другие обстоятельства и отбросив все вредные предрассуждения, всякий легко может тогда видеть, что сие не токмо им не вредно, но гораздо большую против прежнего принесет пользу, и общество немалое будет чувствовать облегчение. В прочем они всегда удержат довольно прав, как то, например, охоту, рыбную ловлю, власть над своими лесами, которая только для пользы всего общества, по справедливости, может быть некоторым образом ограничена; и наконец, по обыкновению иностранного дворянства, можно им позволить в рассуждении своих крестьян отправлять гражданский суд, о чем мы теперь говорить станем.

О УЧРЕЖДЕНИИ КРЕСТЬЯНСКИХ СУДОВ

Весьма легко может случиться, что господа от пренебрежения к своим крестьянам и в надежде на преимущества своего состояния будут, утесняя их, причинять всякие обиды, чего ради неотменно должно их привести в безопасность чрез установленное на твердом основании правосудие, при помощи которого могли бы они себя защищать против всяких несправедливых нападений и насилий.

Обиды могут произойти или крестьянину от крестьянина или от господина. В сих случаях думаю я поступить таким образом, чтобы, смотря по важности обиды, учреждать приличные суды, дабы лишних волокит и издержек крестьянам не было. На такой конец позволить крестьянам выбрать между собою старосту и, придав ему три или четыре человека, представить их на подтверждение своему господину.

Сии деревенские судьи * должны решать самые маловажные дела, как, например, словесные обиды, драки,

* Неотменно требуется, смотря по простоте и незнанию крестьян, сочинить краткий регламент, который бы содержал в себе всё, до их должности принадлежащее, и описать обстоятельно, какие дела до их управления надлежат и какое для виновных должны они определять наказание.

малые тяжбы и проч. А что касается до важных между собою или с господином ссор, то учредить для того высшие крестьянские суды * под начальством таких людей, которых бы искусство и знание российских законов не было подвержено никакому сомнению и поручить им рассматривать и решать происходящие между крестьянами и господами важные спорные дела. В случае неудовольствия и неправого решения быть для апелляции земским судам из окольных дворян, к коим для большей исправности и порядка определять знающих права людей, которые единственно должны по требованию давать свое мнение и совет, дабы ничего служащего к нарушению закона произойти не могло, по все бы отправлялось по предписанию правосудия. (Сие все разумеется о гражданских судах, ибо криминальные не подлежат сим судам.)

КАКИЕ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ПРИ СЕЙ ПЕРЕМЕНЕ УПОТРЕБЛЯТЬ

Остается теперь сказать, какую должно принять предосторожность в рассуждении столь важной перемены. Известно, что сего вдруг без великой опасности произвести в действо не можно, и многими примерами уже подтверждено, сколь далеко в подобных случаях простирается неистовство подлого народа; итак, бесполезно принять такие меры, которые, не нарушая общего покоя, могли бы всем ясно показать, что сии намерения клонятся к собственному их благополучию.

Прежде нежели можно что начать в рассуждении сей перемены, то и за полезное признаю приготовить наперед крестьян чрез воспитание, под предводительством благовоспитанных церковников производиться имеющее; по учинении чего с надлежащею точностию, во-1-х, должно, зачав для показания примера дворянству с дворцовых

* Сии высшие суды также должны снабжены быть хорошими инструкциями, дабы богатый бедному, сильный немощему предпочтены не были, но каждый по заслугам своим получил бы достойное воздаяние.

и государственных крестьян, из которых награждать сими выгодами только рачительных и добрых крестьян, а ленивых и злонравных до сих преимуществ не допускать; но, дав время к исправлению, увещевать возможным образом, дабы отвратить от худой жизни, и для большего поощрения предлагать им те же выгоды, ежели только исправятся.

По утверждении сего великого учреждения, дабы тем больше возбудить к трудолюбию, можно дозволить богатым крестьянам записываться в мещанство, не просто, по с некоторыми договорами, дабы воспрепятствовать конечное запустение деревень. Для того смотреть накрепко, в состоянии ли такой крестьянин купить себе в городе двор; имеет ли довольное число денег на раззавод и может ли заплатить государю или господину уложенное за каждую душу, которую с собою из деревни выведет. Ежели он на все сие имеет денег, тогда можно ему дозволить переменить свое жилище и состояние.

Дворянство, до которого особливо касается сие дело, нимало к сему не принуждать; ибо каждый из них, будучи убежден собственною пользою, с доброй воли согласится ввести у себя такие учреждения, которые, не причиняя ему ни малейшего вреда, служат к благополучию таких людей, о сохранении которых человеколюбие и собственная его польза повелевают ему прилагать всевозможное старание.

Не иначе, как за весьма счастливого, должен я буду себя почитать, если сей мой труд соответствовать будет требованиям подавших повод к сему предложению. Впрочем, принимаю я смелость уверить, что всегдашние мои желания были — служить моему отечеству; в сем намерении я сие единственно и предпринял и искренне желаю, чтобы при благословенной нашей великой государыни державе Россия спокойно наслаждалась приуготовляемым под премудрым ее предводительством благополучием, принося усердные свои всевышнему творцу за изливаемые щедроты благодарения.

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
ГОЛИЦЫН

ПИСЬМА

Фонтенебло, 30-го октября 1765.

счастлив, князь, что мои мысли «о собственности» встречают ваше одобрение. Их следует считать лишь наброском, но вы придали ему окончательную отделку справедливым замечанием, что «собственность должна считаться средством для вдохновения любви к отечеству и что воин, сражающийся и за самого себя, с удвоенною ревностью станет защищать границы государства, с которым он получит органическую связь» и пр. Я совершенно разделяю мнение ваше, что «общее и повсеместное введение подобного устройства в государстве столь обширном, как Россия, могло бы встретить неудобства и что постепенная перемена была бы, может быть, приличнее».

Однакоже полагаю следующее: несомненно, что все истинно полезное укореняется прочнее, когда его принимает сам народ, а не тогда, когда его вводят путем приказания. И чем это принятие добровольнее, тем более можно рассчитывать на прочность установившегося обычая.

Добровольное принятие совершается лишь исподволь, но, чтобы вызвать его, нужен пример*. Кто же может

* Еще сомнительно, чтобы пример вразумил наших соотечественников и увлек их за собою; это даже маловероятно. К тому же подобное распоряжение может нарушить безопасность помещиков и пр.¹

подать лучший, как по сама ее величество государыня? Земли ее находится в ее распоряжении наравне со всем остальным государством. Если в них она дарует своим крестьянам собственность, не упоминая даже о землях нам, господам, принадлежащих, то таковой опыт ее милосердия не может не произвести, по моему мнению, чудесного действия, и мне уже заранее видятся три разряда подражателей ее величеству:

1) Люди, хорошо понимающие свои выгоды и обладающие патриотическим сердцем*.

2) Те, которые в делах ничего не смыслят, но пожелают угодить ее величеству.

А как подобное нововведение не замедлит сделаться предметом общих толков, то люди, слепо подражающие модам, составят последний, 3-й разряд.

Не говоря о чужих землях, которые вам, князь, известны лучше, чем мне, сама Россия дает нам множество примеров тому, что одного призрака этой собственности достаточно для благосостояния крестьянина.

Разве наши оброчные деревни не богаче барщинных? И разве имения, где нет приказчиков, не во сто раз счастливее тех, которые управляются ими? Самое существенное, по-моему, это отменить *сборы припасами и, главное, обозы*². Посторонний не поверит всей бездне зла, причиняемого обозами бедным крестьянам: потеря времени, гибель лошадей и все, что из того проистекает. Ошибаются наши русские бары в своих понятиях об экономии, полагая, что привозные припасы сберегают их средства. Ежедневный опыт указывает противное. Там, куда привозятся запасы, их всегда расходуется вдвое. Не гораздо ли лучше все получать деньгами? Бесконечная польза вытекла бы отсюда и для самого помещика, хотя бы уменьшение громадного числа дворовых, переполняющих наши дома** и которые ведь все оторваны от земледелия, источника и основы довольства и процветания государства.

Чтоб обеспечить пользование этою собственностью, кажется, было бы необходимо ежегодно посылать в каж-

* Мало пайдется охотников большими выгодами жертвовать прекрасным чувствованиям патриотического сердца.

** Великая истина.

дую область двух или трех объездных судей *, наподобие учреждения Вильгельма Завоевателя, выбирая их из офицеров гвардии и даже из придворных. Они разбирали бы и решали споры и тяжбы между крестьянами, между ними и помещиками, примиряли бы их и пр. В то же время они собирали бы точные сведения о состоянии области, куда посланы, и представляли бы о ней письменный доклад сенату, — доклад, который послужил бы основанием для всяческих улучшений, признанных впоследствии необходимыми.

Конечно, при отсутствии власти, которая защищала бы крестьянина от тирании русского помещика, собственность первого оставалась бы призрачно **, и невозможно было бы осуществление малейшей меры относительно земледелия, искусств, ремесл и денежного обращения или внутренней торговли. С этою целию, думаю, хорошо было бы учредить в каждом из областных городов присутствие, подобное существовавшему в Риме под именем *quindecim-viri* ³. Обязанности этих пятнадцати было: отводить земли ветеранам; размежевывать и облагать участки; судить и миротворить во всех пререканиях, возникающих из землевладения и земледелия, из договоров и запрещений; обеспечивать каждому свободное пользование поземельною собственностью. Словом, власть их простиралась на все, что называется сельским хозяйством.

Выгоды, которых можно ожидать от собственности, существенны. Независимо от любви к отечеству, которую она внушает, я полагаю, что в ней заключается единственное средство заселить Россию и насадить в ней науки и искусства. Всегда при этом обращаюсь к выводу Юма, в его *Опыте о происхождении искусств и науки*: «Из законов государств, хорошо управляемых, происходит обеспечение частной собственности; собственность рождает уверенность и спокойствие духа; из этого спокойствия развивается любопытство, а любопытством

* Такие объездные суды доселе в обычае у англичан; их называют ассизами.

** Это несомненно.

порождается всякого рода знание в искусствах, торговле и науках». Но самое существенное — это привязанность народа к государю, который ввел бы подобный устав: любовь, основанная на признательности к виновнику благосостояния. Кто, князь, более нашей августейшей государыни уже заслужил эту привязанность? Она уже привязала к себе наши сердца, а этим она довершила бы свое дело.

Таковы, князь, мои мысли о *поземельной собственности*. Я должен вам признаться, что они явились во мне плодом частых бесед по сему предмету с г. Салле⁴. Почтенный старец обладает по этому предмету такими верными сведениями, что удивляешься, встретив их в человеке, столь удаленном в течение всей жизни от управления делами*. В разговорах с ним мы исчерпали этот предмет до дна. О нем он составил подробную записку, единственный недостаток которой — темнота слога, почти недоступного, в особенности для людей, непривычных к способу его выражений...

Князь, Ваш покорнейший и послушнейший слуга
ДИМИТРИЙ, КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН

* *
*

Париж, 26-го мая 1766.

Князь, письма ваши возбуждают меня к труду, и возражения в них плодят новые мысли. Принимаюсь отвечать на ваши [письма] от 4-го и 7-го апреля.

Правда, что земледелие идет в России лучше, чем о нем думают иностранцы; однакоже если некогда маленькая Сицилия служила житницей для Римской империи, то от нашего отечества, с его безмерными пространствами

* Искренней любви к человечеству, усердия и благой воли недостаточно для осуществления великих предположений. Голицыну и ему подобным легко и дешево стоит великодушничать. Им ничего не стоит даровать своим крестьянам право собственности на земли; но богатые землесобственники, у которых крестьян многие тысячи, будут мыслить и заговорят иное.

и плодородием его почвы, можно было бы ожидать подобной услуги для всей Европы.

Мне кажется, что ее величество избрала наилучшие меры относительно развития у нас наук и художеств; ничто, конечно, не представляет лучших залогов для их преуспевания, как основание академий и правильное устройство сих учреждений. Но, опираясь на пример истории, боюсь, что средства эти окажутся слабы, если одновременно не будет у нас поднята внутренняя торговля. А она в свою очередь не может процвести, если не будет *мало-помалу введено у нас право собственности крестьян на их движимое имущество*. Среднее сословие⁵ также необходимо для процветания наук и художеств.

Образование среднего сословия не встретит, по-моему, затруднений: ее императорскому величеству стоит только пожелать оного. Но устроить его богатство, довольство, поставить его в возможность пользоваться плодами своего труда — вот что, может быть, у нас невозможно. Не кажется ли и вам, князь, как мне, что препятствием в этом случае непреодолимым послужит множество ремесленников, наполняющих дома русских бояр? Исключив из общего числа жителей Москвы и даже Петербурга бояр наших, скажите, велико ли останется население, на которое придется работать свободным ремесленникам?

Какова цель бояр, когда они отдают крепостных юношей в учение любому ремеслу? Каждый вам ответит: та, чтобы не нуждаться в чужом ремесленнике и чтобы делать сбережения на различных поделках, в коих мы нуждаемся. Такой обычай служит правилом и основой нашему хозяйству. Что такое хозяин, что такое благоустроенное господское хозяйство в России? Это тот или то, которые содержат наибольшее число людей (дворовых), из коих большинство — ремесленники. Везде в чужих землях дворовые ремесленники запрещены; там существуют цехи и потому цветут ремесла и искусства, помогая процветанию наук и свободных художеств. Юм подтверждает мое мнение: «Если государь, — говорит он, — не воспитает у себя фабриканта, способного выткать сукно столь тонкое, чтоб оно достигло цены две гинеи за аршин, то тем менее воспитается в его государстве астроном».

Не принимая этих выражений в буквальном смысле, должно, однакоже, согласиться, что все предметы производства имеют между собою до того тесную связь и зависимость, что, желая утвердить в стране науки и искусства не на основании предварительно созданных внутренней торговли и ремесл, непременно встретишься на пути к этой цели с величайшими препятствиями.

Относительно «объездных судей» я должен заметить, князь, что их учреждение должно служить к ускорению правосудия суда, а отнюдь не к замедлению. Вероятно, я неверно выразился, если дело представляется вам в обратном смысле. Позвольте мне напомнить вам образцы, которые родили во мне мысль о них.

Во Франции «несправедливость графов, господ и других низших отправителей правосудия была тем более страшным бичом для народа, что тирания их действовала в тени при помощи законов. Отказ в правосудии или неправосудие были одинаково тяжелы для судящихся: добиться отмены решения или права отзыва пред королевским судом представляло затруднения непреодолимые. В случае обжалования и на высшей степени суда обиженный встречал царедворцев подкупных, равно готовых продать свою помощь или отказать в оной, но во всяком случае расположенных для собственной выгоды обвинить слабейшего. Учреждение королевских послов (или объездных судей) облегчило большую часть этих зол повременными объездами вверяемой им области. *В темноту закрытого суда внесен был свет*, и судьи увидели необходимость следовать законам. Этот высший королевский суд, дотоле недоступный, явился одновременно во всех областях; и беспомощный народ немедленно обрел защиту от притеснений сильных» (*Observations sur l'histoire de France par l'abbé Mably*). [Аббат Мабли, Замечания по поводу истории Франции.]

В Англии в период саксонский, кроме случаев отказа или отсрочки правосудия в нижних судах, никакой отзыв не принимался на королевском суде. И такой обычай был общим для большинства феодальных государств. Вильгельм Завоеватель разрешил своей палате принимать отзывы на решения баронских и графских судов... Но

чтоб от обращений к высшему суду не отвратили тяжущихся издержки и затруднения путевые, при которых они невольно должны были бы соглашаться на решения низших судов, он учредил *объездных судей*, обязанных объезжать все королевство и лично, на местах, разбирать все тяжбы (*Юм*, История Англии и Плантагенетов).

Правило, общее при правлении: зло всегда стоит рядом с добром, и добро идет бок о бок со злом. За величайшими бедствиями следует полное благосостояние. Крестовые походы, бич, изобретенный честолюбием и видами политическими, поддержанный изуверством и суевериями, послужили основанием к учреждению здесь превосходного управления, ныне существующего. Нетерпимость поддерживает и заставляет процветать торговлю.

Как бы ни были мудры учреждения, распушенность в их действиях не преминет породить злоупотребления; и ваше замечание, князь, совершенно верно, что посольство *объездных судей* обременит народ новыми повинностями, а отправление ими суда затормозит вообще суд, если им вменится в обязанность поверять действия их предшественников.

В настоящем случае особую важность имеет первое замечание. Здесь требуется действовать с особою строгостию; и строгость — единственное, по-моему, средство, чтоб отвратить злоупотребления. Для предупреждения их необходимо установить награду за действия беспристрастные и кару за неправосудие.

Вторая часть вашего замечания легко удовлетворяется. Проверка действий предшественников никогда не должна быть поставлена в обязанность новым судьям; пусть они будто стороной о них наведываются. Их *первою* обязанностью должно быть осведомиться о тяжбах, ссорах и т. п. и их покончить. *Вторую* — ознакомиться с состоянием области, с ее торговлей, со средствами и промыслами жителей и пр. *Только* исполнив эти две обязанности, они могут обратить внимание на образ действий своих предшественников и донести о них императрице или сенату.

Наконец, стоит найти неудобным поручение им взаимного соглядатайства, чтоб их от него освободить, ибо оно есть далеко не важнейшая цель их поручения.

Шестнадцать судей, конечно, недостаточно для всей России; но я имел в виду лишь удельные имения государыни и потому полагал такое число судей удовлетворительным. Самые поездки их не могут значительно обременить крестьян, ибо им придется в год проехать только два раза, на место и обратно. А с течением времени поездки судей еще более для них облегчатся, ибо с развитием земледелия, внутренней торговли и умножением населения устроятся большие дороги и по всей России установятся почты, подобно как во Франции *, так как они сами по себе составляют важную отрасль промышленности и важны для местных жителей.

Окончу ответом на заметку вашу, которая касается искусства у французов. Вы полагаете, князь, что лучшие из художников у них — иностранцы. В деле живописи, ваияния, резьбы и зодчества, уверяю вас, самые искусные — из французов. Есть и иноземцы, но они представляют посредственность. Быть может, из иностранцев есть перво-степенные ремесленники; остальные все — французы.

Имею честь быть и проч.

ДИМИТРИЙ, КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН

* *
*

Париж, 10-го декабря 1767.

Что бы ни говорили, собственность на имущества, дарованная крестьянам, может только принести пользу и существенные выгоды государству. Чтобы подтвердить эту мысль, я не стану повторять доводы, представленные уже мною прежде. Привожу ее на этот раз, чтобы поговорить с вами об успехах ее на севере; за повод к беседе моей принимаю свежее известие из Копенгагена от 24 ноября, помещенное во многих газетах. Вот оно. Комиссии, недавно назначенной датским королем, поставлено главною задачею: упразднить рабство, в котором еще

* Вся Франция представляет едва половину Новгородской губернии.

состоят крестьяне в большей части областей сего королевства, и дать крестьянам в собственность их личный труд и их земли. От нескольких веков они лишены этих двух благ, и рабство их, хотя гораздо более легкое, чем у крестьян польских, не осталось без присущих ему последствий, — при унижении этого полезного сословия, представляющего большую часть народа, упадка его бодрости, истощения промышленности, обленения и, наконец, чувствительного уменьшения его в численности. Освобождение крестьян в Дании, к которому уже неоднократно подходили и которого искренно желали друзья отечества и человечества, равно как и просвещенные государственные люди, встречало доселе препятствия, казавшиеся неодолимыми. Казалось, было суждено нынешнему государю, в котором соединяются все эти благородные черты, взяться за сие спасительное предприятие и довести его до осуществления.

Конечно, подобное предприятие должно встречать затруднения; но я далеко считаю их не неодолимыми, и Дания дает нам в том доказательство. Но я горячо желал бы, чтоб ее и. в. повелела представить ей точное исследование о положении датских земледельцев до их освобождения, о способах приуготовительных к осуществлению его, о встреченных при том препятствиях, о том, как таковые были устранены, об ожидаемых последствиях и проч.

Может быть, современное положение России еще неблагоприятно такому нововведению. Знаю, что разумный и просвещенный законодатель должен наблюдать и выжидать время и обстоятельства, чтобы дать своему предприятию почву твердую и наименее сомнительную. Знаю, что истинная мудрость состоит не в изобретении, а в предвидении опасностей как от неумеренной поспешности, так и от излишней медлительности; одним словом, в предчувствии своевременности, в умении подготовить и вести дело. Но уже великий шаг сделает государыня и тем, если решит невозвратно о необходимости такой перемены для блага государства и установит ряд мер для осуществления оной в будущем. Я ни в чем, князь, не упорствую, и тем менее в предмете, по которому чувствую себя неопытным. Если мои возражения слабы, мои доводы не довольно

сильны, я послушаюсь вас тем охотнее, что ничто сравниться не может с искреннею преданностью и почтительною привязанностью, с которыми ... и проч.

* *
*

Гаага, 30-го сентября 1770.

В письме от 1-го марта вы выражаете сомнение (а я так совершенно убежден) в невозможности завести в России цветущую торговлю без упразднения крепостного состояния крестьян. К тому же вы предлагаете мне освободить моих собственных, ибо, говорите вы, это разрешено всем русским дворянам; однако досюда никто еще к тому приступить не пожелал.

Уверяю вас, князь, что со всевозможным усердием ищу благоприятного случая и невыразимо буду вам обязан, если вы благоволите исходатайствовать мне на то соизволение ее императорского величества.

Примите, впрочем, во внимание, что освобождение крестьян не должно быть единичным действием частного человека; разве бы государыня соизволила для меня на три статьи, столь существенные, что без них вместо устройства благосостояния того помещика, который дарует свободу своим крестьянам, последует для него совершенное разорение. Вам это станет ясно из рассмотрения требуемых мною трех условий:

- 1) изъять меня от взыскания *за беглых*,
- 2) изъять меня от поставки рекрут,
- 3) разрешить мне свободу торговли произведениями моей земли.

Вы, князь, заметите с первого взгляда, что первое условие совершенно необходимо. Даруя свободу моим крестьянам, я сразу улучшаю их положение и привлекаю тем к себе крестьян из других имений: Очевидно владельцы этих крестьян начнут против меня иски и тем разорят меня. Но напрасно эти господа будут подозревать меня в желании переманивать их подданных. Мне они не нужны. Я переносу всю ценность моего состояния на землю⁶. Значит, все старание, все заботы мои будут устремлены

на то, чтобы вся моя земля была обработана, чтобы вся она была снята; все прочее до меня не касается; излишек крестьянского населения меня не обогатит; существенным в моем хозяйстве будет то, чтобы каждый крестьянин имел участок земли, достаточный *не только для его пропитания, но и для обогащения его*, ибо, чем состоятельнее он будет, тем за высшую цену он станет снимать мою землю. Значит, население в моих деревнях должно точно относиться к пространству владимой мною земли; и, заселив в таком отношении всю мою землю, в большем числе крестьян я нуждаться не буду, ибо мне не останется, чем их наделять.

Может быть, на второе из моих условий вам будет труднее испросить согласие; но вы понимаете, что это условие представляет естественное и необходимое последствие вводимого мною порядка. Освобождая крестьян, я уже не вправе назначать такого-то или другого в военную службу, причем дарованная им свобода обратилась бы в призрак. Но вот средство, чтобы согласить непримиримое. Вам, князь, известен способ наших наборов. Всегда берется человек со столькох-то душ. Если бы такую *личную повинность* государыня милостиво разрешить мне изволила *обратить в денежную* по ценам, справочным ко времени набора, еще встретилось бы некоторое затруднение: именно, в разновременном исчислении крестьян, подлежащих набору. Чтобы устранить затруднение, я не нахожу иного средства, как с сего же времени принять наличный в моем имении состав крестьян за постоянную единицу, подлежащую обложению. Причем повторяю, мне нет никакой необходимости во множестве крестьян; мне одно необходимо — это, чтобы моя земля вся и хорошо была обработана; значит, население много увеличиться никогда не может.

Третье условие вряд ли даже нуждается в пояснении. Стой поры, как я принимаю исключительно землю за источник дохода, свободная торговля произведениями этой земли должна стать основой ее доходности; а этою-то свободою русские дворяне и не обладают. Трудность сообщения между внутренними областями России и вытекающее затруднение вывозить за границу хлеб должны

бы, естественно, направить нас к курению вина, варению пива и проч. Но вам известно, князь, что эта отрасль производства не только нам почти запрещена, но что тем, которые к ней обращаются, она служит в явный ущерб. Чтобы иметь право курить и варить, мы должны заключать договор с казною, которая платит нам по 60 коп. за ведро, а сама его продает за два рубля. Договор на поставку заключается не менее как на три года с определением ежегодного количества ведер. Но в это время, положим, случится неурожай: хлеб вздорожает, не достанешь его даже издалека. И вот расчет, основанный на одном урожае, обращается к невыгоде предпринимателя, в потерю, для него невознаградимую. — Я сообщаю вам одну истину, в которой мог сам убедиться в недавнее пребывание мое в Петербурге, и такой пример совершился над одним из моих дядей, о чем всегда можете осведомиться. — Следовательно, мне необходима полная свобода в распоряжении произведениями моей земли, и я убедительно вас прошу мне таковую исходатайствовать.

Уверяю вас, князь, что никогда не писал я письма с большею радостью и удовольствием и что я почту себя счастливейшим из людей, если получу возможность подать первый пример к освобождению крестьян.

Я должен войти в небольшое объяснение. Кажется, меня неверно поняли, осудив за настоятельное требование дарования собственности крестьянам. Из моих слов, должно быть, поняли, что я желал уступки им тех земель, которые они ныне обрабатывают; подобная слепость никогда не приходила мне в голову. Земли принадлежат нам. Было бы вопиющею несправедливостию их у нас отнять. Под дарованием крестьянам собственности я разумел:

1) их освобождение, то-есть собственность их на свою личность, без какой немислимы все другие виды собственности;

2) собственность движимую, то-есть их пожитки и проч.; наконец,

3) позволение тем, кто в силах покупать землю на свое собственное имя и владеть ею подобно нам, господам; что со временем и образовало бы их поземельную собственность.

Вообще, чтобы доказать вам, князь, насколько я в предложении моем искренен, скажу, что мы с братом собирались продать небольшое имение, в 7 верстах от Москвы, и я должен был с настоящею почтою выслать зятю Головину на этот предмет с моей стороны доверенность. Приостанавливаюсь в надежде, что ее величество, наша всемилостивейшая государыня, благоволит разрешить мне то, о чем ныне имею честь просить; и если это последует, то земля в таком близком расстоянии от большого города делается для меня дорогим достоянием. Вместо того, чтобы ее продать, я, напротив, скуплю все части моих братьев, разве они пожелали бы вместе со мною освободить крестьян, к чему склонить их я приму все зависящие от меня меры.

Имею честь быть и проч.

ДМИТРИЙ, КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН

РЕЧИ И МНЕНИЯ
ДЕПУТАТОВ КОМИССИИ
ДЛЯ СОЧИНЕНИЯ ПРОЕКТА
НОВОГО УЛОЖЕНИЯ

[МНЕНИЕ
ДЕПУТАТА Г. КОРОБЬИНА
О ПРАВАХ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН]
В КОМИССИЮ О СОЧИНЕНИИ ПРОЕКТА
НОВОГО УЛОЖЕНИЯ
ОТ ДЕПУТАТА КОЗЛОВСКОГО ДВОРЯНСТВА
НА ЧИТАННЫЕ О БЕГЛЫХ ЛЮДЯХ И КРЕСТЬЯНАХ
ЗАКОНЫ ПРИМЕЧАНИЕ
ЧИТАНО 5 МАЯ 1768 ГОДА

ри чтении законов о беглых господских людях и крестьянах пришло мне на мысль, почтеннейшие господа депутаты, рассмотреть, какая бы причина была, убеждающая их к толь поносному и для них самих опасному делу. По долговременном моем рассуждении и по бывшем с некоторыми благоразумными людьми о сем деле советовании¹ нашли мы, наконец, что причину оную искать должно или в лице псмещика, или в лице беглого человека. Чего ради, последуя здравому разуму, явно всем вещающему, что по истреблении побуждающей причины истребляется и самое поползновение, и паче всего основанному на том разуме 240-му правилу² данного нам всемилостивейше от се императорского величества премудрой Екатерины Второй Наказа, что гораздо лучше предупреждать преступления, нежели наказывать оные, предприял я в сем почтеннейшем господ депутатов собрания изъяснить, что наипаче бывает причиною к бегству господских людей и крестьян как со стороны их помещиков, так и со стороны их самих; такожде сообщить некоторые способы, могущие хотя отчасти зло сие предупредить или истребить причину оную.

Я не хочу здесь описать, коликой важности есть сия материя, поелику она предузнается несколько уже из самого начала, а паче всего яснее откроется из

последующего, — никак того представить, сколь она полезна, поелику большая часть судов, отправление земледелия и жалостное состояние людей от непоправления или, лучше сказать, от непредварения ее нужными законами происходит; но единственно то желаю донести, дабы и прочие гг. депутаты к предупреждению от бегства крестьян происходящего оттуда чувствительного вреда обществу не оставили со стороны своей предложить сему почтеннейшему собранию благоразумные, беспристрастные и удобнейшие способы.

Часто я размышлял о том, что бы понуждало крестьянина оставить свою землю, с которой ступить почитает он за дело невозможное, покинуть родственников, жену и детей, которых, видя при себе, несказанно утешается, а разлучаясь с ними, источник слез проливает, странствовать по неизвестным местам и предаться толиким несчастьям, иногда же и самой смерти. Когда токмо войду в такие мысли, то сам себя уверить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бегства. Чего ради должен бываю посмотреть на самих помещиков, как они поступают с ними. Думаю, из вас знают, почтеннейшие господа депутаты, многие, что есть довольно в свете таких владельцев, которые с крестьян своих берут против обыкновенной подати; есть и такие, кои, промотав свои пожитки и набрав много долга, отдают своих людей, отлучив их от земледелия, зарабатывать одни хотя следуемые ежегодно к уплате проценты; есть и такие, которые, видя, что получаемых с крестьян себе доходов на удовольствие прихотей своих не станет, удалив от семейства, употребляют единственно для своей корысти; но что еще всего больше, то являются между ними и такие, кои, увидев своего крестьянина трудами рук своих стяжавшего малый себе достаток, лишают вдруг всех плодов его старания. Сожаления, подлинно, достойно взирать на земледельца, потом лица своего от земли мало-помалу собирающего имение³, почитаемое им за бесценное сокровище, в надежде во время болезни своей или старости питать себя и семью свою, такжеде платить оброк своему господину, но вдруг неожиданным помещичьим приказом или под предлогом усмотренной за ним будто какой вины,

или без всего лишаящегося всех своих с толиким трудом собранных пожитков и погружающегося паки паче прежней в горестнейшую бедность, что подлинно с человеколюбием сходства никакого не имеет. Но ежели все сие беспристрастно рассмотрим, увидим точно, что сие угрожает разорением целому государству; ибо тогда только процветает или в силе находится общество, когда составляющие оное члены все довольны: от сего их спокойствие, от сего и дух, к защищению своего отечества распалющийся, происходит. Но как известно, что земледельцы суть душа обществу, следовательно, когда в изнурении пребывает душа общества, тогда и самое общество слабеет; итак, от изнеможения общества души недействительными чрез то самое остаются и члены общества, то-есть, разоря крестьян, разоряются и все прочие в государстве. А сие зло копь пагубно государству, всяк удобно понять может от единого токмо воображения разоренных граждан. Что же от помянутых мною случаев крестьяне разоряются, то разве тому сумнительно покажется, который мыслями еще колеблется о справедливости того: богат ли тогда крестьянин, когда у него все отнято и когда лишен он земледелия, как жребия, его изобилующего? чего для рассмотреть должно, не находится ли хотя один в действии который-нибудь из оных случаев в нашем отечестве? Ее императорское величество, все милостивейшая государыня в данном нам премудром своем Наказе между многими причинами, воспящающими умножению народа и земледелию, в нескольких статьях благоволила сказать тако: в 269⁴ — «кажется еще, что новозаведенный способ от дворян собирать свои доходы в России уменьшает народ и земледелие, все деревни почти на оброке, хозяева, не быв вовсе или мало в деревнях своих, обложат каждую душу по рублю, по два, даже до пяти рублей, не смотря на то, каким способом его крестьяне достают деньги»; в 275: «страна, которая податями столь много отягощена, что рачением и трудолюбием своим люди с великою нуждою могут найти себе пропитание, чрез долгое время должна быть обнажена жителей»⁵; в 276: «где люди не для чего убоги, как только что живут под тяжкими законами и земли свои почитают не столько за

основание к содержанию своему, как за подлог ⁶ к удручению, в таких местах народ не размножается: они сами для себя не имеют пропитания, так как им можно подумать от одного уделить еще своему потомству?» Там же, ниже: «они закапывают в землю деньги свои, боясь пустить оные в обращение; боятся богатыми казаться; боятся, чтобы богатство не навлекло на них гонения и притеснения». Видите ясно, почтеннейшие гг. депутаты, что многие из вышереченных случаев и у нас в действии пребывают, ибо не предписала бы подлинно нам всемиловитвейшая наша государыня оных статей, которых нам положение делать оставила, если бы оные на самом деле не происходили. Почему нетрудно теперь усмотреть можно, что причиною бегства крестьян по большей части суть помещики, отягощающие толь много их своим правлением. И для того всячески стараться должно предупредить помянутые случаи, как песносные земледельцам, вредные всем членам общества и государству пагубные. А сие удобно учинить можно, когда благоразумными и человеколюбивыми законами предупреждено будет то начало, которым безрассудные помещики, сверх надлежащего пользуются, чинят столько злоупотреблений, ибо молодой дворянин, ведая, что он господин над всем имением своих крестьян, для удовлетворения своим прихотям вышереченные случаи весьма удобно в действо произвести может. Итак, если бы всякий из владельцев известен был, что он не более от своего земледельца потребовать может, как только то, что законами предписано, то сим бы образом, кажется, могли пресечься те злоупотребления. Чего ради оное начало, от которого толь вредные происходят следствия, состоит в неограниченной власти помещика над имением своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало.

В рассуждении сей материи я бы с охотою от нее воздержался, если бы совершенно ведал, что все находящиеся в дражайшем отечестве нашем дворяне суть такие, которых правление над своими крестьянами умножает их благополучие усугублением изобилия и которые самим делом доказывают, что они правят ими, как отцы своими чадами. Но как из вышесказанного видеть можно, что

владельцы двоякого вида в нашем отечестве усматриваются: одни такие, которых потеряние почитают себе крестьяне будто как за погубление своей жизни; а другие такие, от которых всячески желают удалиться или иногда и подвергнуться самой крайней для жизни своей опасности. На первых хлебопашцы взирают, как на своих отцев, а на вторых — как на бич, отгоняющий их от своего семейства. Чего для надлежит предписать законами, коликую власть имеют помещики над именьями своего крестьянина. Данная нами торжественная присяга, собственная польза дворян, благоденствие крестьян и умножение хлебопашества сего от нас требуют. А паче всего велит сие учинить и ее императорское величество всемиловитейшая наша государыня Екатерина Вторая, которая в главе о размножении народа и земледелия данного нам Большого наказа наичувствительнейшим образом нам о сем внушает. Итак, дабы не оказаться нам гласа ее не слышавшими, предприял я с своей стороны представить вам, почтеннейшие гг. депутаты, мое о том мнение, которое основано на помянутом, данном нам всемиловитейше от ее императорского величества Наказе, почему оное и выслушать благо-склонно изволите.

Пекущаяся беспрестанно о благополучии подданных своих самодержица наша, всемиловитейшая мать отечества, Екатерина Алексеевна, в данном нам своем Наказе благоволила изрещи тако: в 293 ст[атье] — «не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного»; в 261: «законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества», то-есть, где никто не имеет своего собственного имения, там земледелие процветать или в хорошем состоянии быть не может, следовательно, надлежит предписать законами, дабы земледельцы или рабы ведали, что они имеют своего собственного. Премудрое умствование, изъявляющее матернее сердце! Видите, почтеннейшие гг. депутаты, что мать наша к нам вещает! Она внушает, что земледелия нет ничего полезнее в государстве. Она учит, что земледелие в том обществе весьма в худом состоянии находится, где рабы, то-есть крестьяне, ничего не признают за свое собственное, а ведают, что имение их состоит в воле их

помещика. Она настаивает, что для приведения хлебопашества, или земледелия, в цветущее состояние потребны такие законы, которые бы знать давали крестьянину, что известную часть своего имени почитать должен не за свою, но за помещичью, а прочее имение за свое собственное, то-есть за такое, которое он может без опасения пустить в обращение, как то: заложить, продать, подарить и оставить по себе, кому хочет, не думая, что оное когда-нибудь отнято будет его помещиком, и, кратко сказать, за такое, над которым он полный господин. Итак, коликой пользы надеяться можно, ежели у нас благоразумными законами предписано будет нечто для собственного крестьян имущества! Тогда малорассудный господин, ведая, что не может от своего земледельца потребовать сверх узаконенного, лишится надежды, что он довольно еще у себя имеет, и перестанет угождать своим прихотям; тогда не может более разорять и отягощать своих хлебопашцев, почему и сам останется в спокойствии, да и государство от того пребудет в цветущем состоянии, увидя своих членов наслаждающихся всех довольствием. Крестьянин же, зная, что он может иметь у себя нечто из своего собственного, старательные труды к трудам прилагать будет; тогда не станет он и закапывать в землю свои деньги, также не удалится от своей отчизны, и к бегству его прекратится повод, а чрез то и земледелие в полном своем изобилии явится.

Но дабы получить толико возделенное состояние и чтобы видеть хлебопашество в своей силе и земледельцев, изобилующих и наслаждающихся своим собственным имением, то надобно предписать законом, чтобы крестьянин платил своему помещику ежегодно известную дань, однакоже по силе 277 ст[атьи] данного нам Наказа — мерную⁷. Остается рассмотреть, в чем оная дань состоять долженствует: в деньгах одних, или в произрастениях⁸ сельских, или в обоих вкупе, то-есть какие поборы брать с крестьянина. Ее императорское величество всемилощивейшая наша государыня в конце 270 ст[атьи] данного нам Наказа благоволила сказать тако: «чтобы помещики те поборы брали, которые менее мужика отлучают от его дома и семейства». Посему надлежит сии поборы

братъ, смотря на положение места: инде произрастением, а инде в сравнении с оным — деньгами. Но предписать о сем количестве, также — где лучше получать оные произрастением и где лучше деньгами, сие требует большого рассмотрения, немалого сведения положения всего Российского государства и больше, нежели здесь определенно; времени.

Чего ради, оставя все сие на лучшее ваше, почтеннейшие гг. депутаты, рассмотрение, поспешаю к предупреждению могущих в некоторых произойти таковых мнений, что сим образом земледельцы могут вдаться в своевольничество и чрез то самое не можно будет управлять ими. Но как здесь говорено не о том, сколько имеет власти помещик в правлении своих подчиненных, но о том, сколько может он над их имениями, то от одного к другому не можно сделать заключения, ибо от того, что господин не может потребовать от своего крестьянина сверх положенной законом подати, не следует, чтобы крестьянин для того своевольничал: великая разность есть между властью помещика над имениями крестьянина и между правлением одного⁹. Притом же, когда здесь говорено об ограничении власти господской над имениями его земледельца, еще ничего не сказано об ограничении власти помещичьей в рассуждении правления. Она ему остается полная, как и ныне. Крестьянин его пребывает ему, как и ныне, крепостным, почему доброму владельцу ничто не препятствует к приведению своих крестьян в лучшее состояние своим благоразумием; а желаемым узаконением пресечется токмо воля у худых помещиков разорять своих хлебопашцев.

Итак, мнение мое заключаю тем, что я искренно желаю, дабы почтеннейшие гг. депутаты не оставили сию материю описать подробно, согласуясь с повелением ее императорского величества, с благосостоянием государства, с желанием соотечественников, с благополучием земледельцев и с пользою трудов их.

Козловского дворянства депутат

ГРИГОРИЙ КОРОВЬИН

(с[обственноручно] п[одписал])

[МНЕНИЕ ДЕПУТАТА Г. КОРОБЬИНА

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ 21 МАЯ 1768 ГОДА]

В Комиссию о сочинении проекта нового Уложения на поданные сего мая 12, 13 и 15 чисел от некоторых господ депутатов возражения ответ.

При бывшем сего мая 5 дня чтении поданного от меня голоса с немалым удовольствием приметил я, с каким вниманием почтеннейшие господа депутаты оный слушали, почему и заключил я, что мнение мое без уважения и надлежащего пополнительного рассмотрения оставлено не будет. Но к немалому размышлению моему увидел я, что некоторые господа депутаты, как то: углицкий от дворянства Александр Опочинин, зарайский от дворянства Михаил Кондырев, обоянский от дворянства Михаил Глазов, тверской от дворянства Василий Неклюдов, гороховецкий от дворянства Александр Протасов и кромский от дворянства Александр Похвиснев, повидимому, не изволят удовлетворять мое желание. Вместо ожидаемого мною подробного описания предложенной тогда от меня материи, согласно с повелением ее императорского величества все милостивейшей нашей государыни, нашел и последовавшее в них об оной сомнение, и вместо часемого мною ревностного изыскания хороших способов к ограничению власти помещиков над именьями своих крестьян усмотрел я слабое в них на то согласие. Чего ради вознамерился я, почтеннейшие господа депутаты, следующим

моим изъяснением как отразить происшедшее в них неправильное сомнение, так и убедить их о справедливости моего предложения. Но как в возражении господина депутата Глазова могут найтись следы почти всего того, о чем ни предложили прочие вышепомянутые господа депутаты, то я, оставя сих, рассудил ответ сообщить на одно токмо возражение господина депутата Глазова, держа следующею порядком: во-первых, покажу, в чем сей господин депутат меня не понял, потом изъясню его некоторые сомнительные следствия и, наконец, объявлю некоторые учиненные им неприличные своему званию выражения. Однакоже наперед рассудилось мне повторить кратко поданное мое мнение. Оно состояло в следующем.

Есть некоторые в отечестве нашем господа помещики, кои несходственно с человеколюбием поступают с крестьянами своими, налагая на них несносные подати; о сем и господин депутат Глазов, повидимому, не спорит, да и я, утверждаясь на 269, 275 и 276 статьях Большого наказа. А как таков поступок крестьян обременяет, то в случае, когда уже они более снести того не смогут, может оный поступок быть им поползновением оставить своего помещика. Итак, ежели со стороны помещика надобно будет положить что-нибудь причиною бегства крестьян, то, кроме показанного поступка, не нахожу ничего более; о сем, думаю, никто сомневаться не будет. К пресечению ж оного для прописанных в прежнем моем голосе причин за нужное почел я ограничить власть помещиков над имением своих крестьян, не опровергая и других способов, когда найдены будут удобнейшие. А чрез сие ограничивание разумею я то же, что и ее императорское величество сказать благоволила в 261 ст. Большого наказа, которого 270-й и 277-й статьям последуя, представил я почтеннейшему собранию, что помещику должно брать с крестьянина известную и мерную дань, которая, смотря на положение государства, состоять может инде в деньгах, инде в произрастении; но какие где лучше брать поборы — сие требует подробного сведения каждого места всего Российского государства, и для того избранные от оных мест господа депутаты могут удобно сему желанию удовлетворять, почему я оное поставил на их благорассуждение.

Из сего кратко описанного мною моего мнения довольно усмотреть можно, что желающим оное опровергнуть надобно показать, что или утверждался я на Большом наказе с ним несходственно, или следствия из него выводил неправильно. Но сего еще ни из единого из поданных противу меня возражений я не приметил, почему и не надобно было мне отвечать на učinенные против мнения моего возражения, если бы вышеозначенные господа депутаты сами своею переменою моих мыслей и, как приметить можно, принужденным защищением своего предложения меня к тому не вызвали; да и мнение господина депутата обоянского от дворянства, коснувшись кроме меня и прочих некоторых господ депутатов¹, сие же учинить меня убедило.

Помянутый господин депутат Глазов представляет следующее: «господин депутат (именуя меня) подал свое примечание, что владельцы многие разгоняют своих крестьян, кои-де, оставя свои дома, жен и детей, бегут в неизвестные места».

Если бы я не памятовал своих мыслей, то, конечно бы, подумал, что сие написано мною вне меня²: я еще никогда и в уме своем не представлял, чтобы владельцы разгоняли своих крестьян, да притом и многие. Помню и твердо содержу в памяти мною сказанное: объявил я тогда, что есть в свете такие господа, которые непомерными податями отягощают своих земледельцев, а чрез сие отягощение они разоряются. Но сие все имеет ли хотя некое сходство, ежели не сделано будет какого ограничения, с тем, что «владельцы многие разгоняют своих крестьян», — оставляю на ваще, почтеннейшие господа депутаты, рассуждение, будучи сам уверен, что если бы оный господин депутат прочитал надлежаче мое мнение, никогда бы сего не написал. Я подлинно знаю, что никто себе худа не желает, и, следовательно, не можно тому стать, дабы владельцы, и притом многие, разгоняли своих хлебопашцев, ведая, что от такого разгона не токмо им никакой пользы, но и крайнего разорения ожидать должно.

А как помянутый господин депутат Глазов, повидимому, вник в сие — токмо неправильно мне приписываемое — предложение, нимало того не касаясь, что мною было

представлено, то отсюда произошло, что и прочие господа депутаты, последуя ему же, разные несходственные с истинною учинили заключения, как то: господин депутат углицкий от дворянства Александр Опочинин, объявляя, что я к бегству крестьян считаю виновных владельцев, и показывая, что не можно тому стать от владельца, дабы он сделал что со вредом своему имению (как то сие теперь мною сказано), заключает, что не может он представить своей памяти, дабы нашлись какие погруженные в важнейшие пороки люди, которые бы не предусматривали благоденствия своей жизни.

А господин депутат тверской от дворянства Василий Неклюдов, приписывая мне весьма неправильно, что я причину бегства крестьян ставлю самих владельцев, и приняв такие предложения, из которых большую часть может ли он доказать совершенно — еще сомнительно, полагает, что побег крестьян происходят не от утеснения, ниже бесчеловечия помещиков, но единственно от развращенных их, крестьян, нравов; равномерно же и господин депутат гороховецкий от дворянства Александр Протасов, приписывая мне, будто бы я виною бегства крестьян единственно полагаю несносные подати помещиков, и узнав, что я представляю, дабы учредить нечто полезное для собственного рабов имущества, заключает уже, что я желаю, дабы земледельцы имели в собственности и земли.

Но обращаюсь паки на вышесказанное: по словах «что владельцы многие разгоняют своих крестьян» — пишет господин депутат Глазов далсе: «кои-де, оставя свои дома, жен и детей, в пезнаемые места бегут». Но как первое предложение мне неправильно приписано, так и последующее с мнением моим несходственно. Думает он, что те крестьяне, оставя дома, жен и детей, бегут в незнаемые места, которых владельцы многие разгоняют; а я в моем голосе заключил так: «почему нетрудно теперь усмотреть можно, что бегства крестьян по большей части причину суть помещики, отягощающие толь много их своим правлением». Сие же коль много с его предложением разнится, — всякому видно. Но я для удовольствия господина депутата Глазова изъясню сие мое заключение, хотя оно из предыдущего и весьма всякому ясно. Правление у меня и

показанном месте разумеется то, которое касается до собственности или до имени крестьян, потому что и выше говорено единственно о таком отягощении, которое хлебопашцам причиняется в рассуждении их имени. Итак, положив сие, учиним только некоторую перемену в словах, — смысл произойдет тот же; почему нетрудно теперь усмотреть можно, что помещики, которые отягощают толь много земледельцев своим правлением, собирая с них большие дани, а иногда и лишая кого из них приобретенных потом лица своего пожитков, суть по большей части причиною бегства их. Чего ради из сего заключения понять можно, что я называю владельцев причиною или посползовением к бегству крестьян по большей части токмо тех, которые отягощают их своим правлением не просто, но *толь много*, ибо отягощающие *не толь много* или несколько не могут быть поводом к побегу крестьян своих. Чего ради из всего вышеписанного довольно усмотреть можно, коль много реченный господин депутат Глазов и с ним прочие в мнении моем о причине бегства крестьян ошиблись; для сего я нарочно и изъяснил сие место пространнее, дабы и другие господа депутаты чего подобного им не подумали. При чем, однако, здесь за нужное почитаю сказать, что употребленные в сем месте глаголы *«суть, находятся причиною»* в том же смысле полагаются, в котором и *«могут быть»*, ибо причина в рассуждении сей материи состоит в возможности. Теперь приступлю к показанию сомнительных следствий, учиненных господином депутатом Глазовым.

Пишет он тако: «представляет господин депутат (означая меня) определить крестьян в единственное положение денежное или какое определенное, то, как видно, человек он молодой, в деревне бывал мало, экономию деревенскую править привычки еще не сделал».

Я вас, почтеннейшие господа депутаты, спросить смею: есть ли какое здесь согласие между предыдущим и последующим? справедливо ли заключение: «кто желает крестьянам состоять под единственным положением, тот еще молод, в деревнях мало бывал» и прочая? Правда, может быть, слова сии употреблены мне в нареkanie, но я, на сие невзирая, смело говорю, что здесь связи почти ни малейшей не усматриваю; но что бы он разумел чрез слово

«молод», я того не доискиваюсь, а оставляю на проникание всех господ депутатов, которые и без моего изъяснения довольно о том ведают. Рассмотрим мы теперь, каких мыслей он об единственном крестьян положении, денежном или каком определенном. Сие предложение, как видеть можно, ему невозможным кажется; однакоже посмотрим, что из сего произойдет. Представлено было от меня прежде, чтобы с крестьян получать известную и мерную дань, которая состоять долженствует инде в деньгах, инде в произрастениях; а как господин депутат обоянский от дворянства еще того нигде в своем голосе не опровергал, дабы узаконить владельцам брать с земледельцев своих известную и мерную дань, то я, приняв молчание его за согласие, неотменно заключаю, что он чрез единственный оброк разумеет то же, что и от меня предложено: дабы известная и мерная дань состояла инде в деньгах, инде в произрастениях, смотря на положение государства. Но сие для чего бы он почитал за невозможное, — понять не могу. Сам господин депутат Глазов приводит в доказательство означенной невозможности для примеру разные одного помещика деревни, довольствующиеся, по различию климата и по положению места, различными выгодами; сам он полагает, что находящиеся в некоторых из сих деревень крестьяне должны помещику своему иные давать сено, дрова и прочие припасы, иные платить деньги. Но сено, дрова и прочие припасы не суть ли произрастение? а деньги не суть ли деньги? Но сие не то же ли значит, что и я представил: дабы помянутая дань инде состояла в деньгах, инде в произрастении? Зачем же он почитает то за невозможное, что сам уже сделал возможным? Что же касается до того, может ли быть желаемое положение долговременно, — сей есть другой вопрос, о котором, равномерно как и о прочих поданных от господ депутатов, особливо от гороховецкого от дворянства Александра Протасова и кромского от дворянства Александра Похвиснева мнениях, учиненных мне вместо возражений, ни слова я не говорил, а просил токмо господ депутатов, дабы они, предложенную мою материю приняв в уважение, не оставили подробно разобрать тончайшим своим рассуждением и приискать ко всему удобнейшие способы, желая и сам

я по времени сообщить сему почтеннейшему собранию в дополнение некоторые мои мысли, коих тогда не объяснил за краткостью времени и ради того, дабы множеством не отягощать внимания вашего, что и подлинно бы от меня воспоследовало, если бы не воспящен был поданными против мнения моего или, сказать справедливее, против меня только возражениями. Итак, оставя помянутый вопрос для разобранья на другое время, приступаю теперь к другим сомнительным следствиям.

Господин депутат Глазов в поданном своем противу меня возражении пишет тако: «да только более он господин депутат (именуя меня) в том сомнителен, что подал свое мнение несправедливо против данного от ее императорского величества Наказа, — отделения 263 сказано так: причем, однако, весьма же нужно, чтобы предупреждены были те причины, кои столь часто привели в непослушание рабов против господ своих; не узнав же сих причин, законами упредить подобных случаев пельзя, хотя спокойствие одних и других зависит» и т. д. Почитает он мнение мое за противное 263-й статье Большого наказа. Но которое мнение? То ли, чтобы предписать нечто полезное для собственного рабов имуществва, то-есть чтобы они известную часть своего имени почитали за помещичью, а известную — за свою собственную? Но сие мое мнение есть то же, чему и ее императорское величество в 261 ст. Большого наказа повелела нам последовать; или то, что я положил дань мерную? Но сие на 277 ст. того же Наказа основано; или то, что она состоять должноствует инде в деньгах, инде в произрастении? Но и сие выведено непосредственно из 270 ст. оного же Наказа. Почему господину депутату Глазову надлежало бы показать или то, что я неправильно на сих статьях утверждался, или то, что в самых тех статьях и в приведенной 263 ст. нашел он некое противоречие. Первое не показал, а о другом и подумать не можно. Итак, из сего заключить можно, что или он не хотел прочесть моего мнения и сличить его с приведенными от меня статьями Большого наказа, или между самими статьями не мог усмотреть согласия либо отличия. Посему думать могу, что он вышеозначенные слова свои написал в таком же смысле, в каком сказал и сле-

дующее: «а сие», то-есть приведенное им из священного писания место, «основано на правилах Большого наказа 504 и 507».

Однакоже ежели рассмотреть причины, которые столь часто привели в непослушание рабов против господ своих, то и он то же разумёт, что и у меня в моем голосе подано. Помянутый господин депутат для узнания тех причин и для их предупреждения привел статью из «Начертания о нижнем роде»³ следующую: «помышлять надлежит о таких учреждениях, от коих бы сей род некоторую почувствовал пользу в облегчении их бремени»; из чего явствует, что он причиною непослушания рабов полагает то бремя, которое несут рабы, или крестьяне. А сие бремя не то же ли есть отягощение, которого не стерпя более крестьянин, как тогда мною было сказано, принужден бывает оставить своего помещика? Напрасно некоторые господа депутаты полагают причиною бегства крестьян единственно самих крестьян, когда кроме меня и господин депутат Глазов приведенными из «Начертания» словами убедил, что между причинами, приводящими рабов к непослушанию против господ своих, яко то к бегству и проч., есть то самое бремя, или отягощение, которое несут крестьяне. Посмотрим же теперь, каким образом сей господин депутат приступает к предупреждению оных причин или бремени рабов. «Надлежит, — говорит он приведенными из «Начертания» словами, — рассмотреть, в каком сей род ныне положении находится: весь ли сей род в разных российских областях в одном состоит положении или в государстве нашем много сыщется различных положений». Не знаю, зачем бы он к сему предупреждению почитал за нужное рассмотреть: в одном ли или в разном положении находятся земледельцы? — Или для того, чтобы в том положении хлебопашцам сделать некоторую льготу, или потому, чтобы оной льготы не сделать. Чтобы не сделать льготы — сего сказать не можно, ибо ее императорское величество в главе «О размножении народа и земледелия», равномерно же и в «Начертании о нижнем роде» учинить оную льготу повелела; следовательно, означенный господин депутат за нужное почел упомянуть о том ради того, дабы крестьянам сделать некоторую льготу. Но сия льгота

не та ли будет, которою прецедрая мать отечества, Екатерина премудрая в 261 ст. Большого наказа обрадовать изволила земледельцев, то-есть что «законы могут учредить нечто для собственного рабов имущества»? Сие же, «чтобы учредить нечто для собственного рабов имущества», — не то же ли, что и ограничить власть помещиков над именными крестьян своих, сиречь власть бы их в рассуждении имения своих хлебопашцев простиралась токмо до того имения, которое к ним принадлежит по закону, а до того имения, которое есть собственно крестьянское, оная бы власть не простиралась?

Итак, ясно видеть можно, что об ограничивании власти помещиков над именными своих крестьян господин депутат Глазов со мною согласен, чего ради тщетно и просят некоторые господа депутаты оставить сие ограничивание, согласное с Большим наказом. Но как они неограничивание власти господ над именными крестьян своих почитают за привилегию дворянскую, о соблюдении которой господин депутат зарайский от дворянства имеет от своей собратии доверенность просить ея императорское величество, то и господин депутат обоянский слово «привилегия» употребил в том же смысле, ибо в голосе своем пишет тако: «а чтобы наши собратия приведены были от нас в какое оскорбление и отнять бы у них привилегию, чем оные пользовались, о том в наших доверенностях ни у кого не объяснено, а у многих предписано просить, чтобы привилегия была прежняя неотъемлема». Из чего видеть можно, что он согласен, дабы привилегия сия от них была не отнята; а выше сего показано, что согласен также он и ограничить власть помещиков над именными крестьян своих. Следовательно, господин депутат Глазов или сам себе противоречит, или ежели скажет, что он на оба согласен, то представление мое о показанном ограничивании без всякой причины ставит он мне в нареkanie.

Но я, оставя его, господина депутата обоянского, уклонюсь на несколько времени к господину депутату кромскому от дворянства Александру Похвисневу, который между прочими сомнительными следствиями пишет следующее: «итак, я из сего заключить могу, что не опасность притеснения от помещика, но страх от помянутых

злodeев (то-есть грабителей и воров) больше принуждает (то-есть крестьян) скрывать сокровища и богатыми казаться, чтобы купно с оными не лишиться и жизни». Сие следствие положено, без сомнения, для опровержения моего заключения, которое вывел я из 276 ст. Большого наказа.

Мое заключение состояло в том, что крестьяне боятся деньги пустить в обращение и казаться богатыми, для того что опасаются, дабы их помещик, которого непостоянная и роскошная жизнь им известна, узнав сам собою или чрез кого другого о их имуществе, под видом каким-либо не разорил их вовсе; а он полагает, что те земледельцы делают сие потому, что боятся, дабы воры и грабители, которых дерзкая рука на всякое беззаконие им не безызвестна, явно или тайно не похитили их имения. Два противные следствия и выведены из одного и того же источника, сиречь из 276 ст. Большого наказа! Но могут ли быть оба справедливы, — оставляю на ваше рассуждение. Я покажу токмо, что меня убедило к учинению такого заключения. Помянутая статья гласит тако: «где люди не для чего убоги, как только, что живут под тяжкими законами и земли свои почитают не столько за основание к содержанию своему, как за подлог к удручению, в таких местах народ не размножается; они сами для себя не имеют пропитания, — так как им можно подумать от одного уделить еще своему потомству?»

Там же ниже: «они закапывают в землю деньги свои, боясь пустить оные в обращение, боятся богатыми казаться, боятся, чтобы богатство не навлекло на них гонения и притеснения». Сия статья взята из главы «О размножении народа и земледелия», следовательно, в ней и предписывается, что препятствует сему умножению, откуда сие препятствие происходит и для чего оно препятствием быть может. Препятствует в области умножения народа убожество или скудость, происходящая оттого, что люди той страны живут под тяжкими законами и что земли свои почитают не столько за основание к содержанию своему, как за подлог к удручению, ибо убожество делает то, что люди не могут о том и подумать, дабы нечто уделить еще своему потомству; а тяжкие законы и непочитание земель своих за основание к содержанию своему, но за подлог

к удручению или за предмет к обременению — производит то, что они, опасаясь, дабы находящееся у них богатство не навлекло на них гонения и притеснения, боятся слыть или казаться богатыми и боятся пустить оные в обращение, для чего и закапывают в землю свои деньги. Из чего ясно, почтеннейшие господа депутаты, видите, что ежели чрез людей разуместь здесь крестьян, как то и в самой вещи из содержания главы сея понимать должно, то боятся они пустить деньги в обращение, также боятся казаться богатыми и потому закапывают свои деньги в землю, для того что опасаются, дабы доведенное кем их богатство, например помещиком или управителем и проч., не навлекло на них гонения под видом какой усмотренной вины и притеснения, например работою и проч. Вот что меня убедило к учинению вышепоказанного заключения, а согласно ли оно с сею статьею, — препоручаю на ваше благорассуждение. Сам же обращаюсь пока к господину депутату обоянскому для показания тех выражений, которые званию его неприличными кажутся.

¶ Выше сказано было, что господин депутат Глазов для предупреждения причин, приводящих рабов к непослушанию против господ своих, за нужное почел рассмотреть, в каком положении крестьяне находятся — в одном или в различном? А для получения сего за должное почитает потребовать от всех господ депутатов известия, в каких положениях окажутся деревни владельческие. В рассуждение сего думает он о мне следующим образом: «я не весьма твердо себя уверяю в том, чтобы он (разумея меня) от собратий своих, от которого города депутатство имеет, и мог бы он дать обстоятельное сведение о положениях, и потому узнать не может». Причину же, для чего он обо мне так думает, полагает следующую: «он, господин депутат (именуя меня), от собратий того города дворянства и выбран не бывал». Вот причина, для которой он обо мне так думает! Но ежели он обо мне так думает, для того что я не выбран депутатом от дворянства козловского, то не должен ли он сим же образом так думать и о всех тех господах депутатах, которые в депутатское достоинство не были, как и я, избраны, а оное от других сняли? ⁴ Однакоже мне о сем говорить нет нужды, и потому, оставя сие

без примечания, поспешаю к другим мыслям господина депутата обоянского от дворянства. Утвердив он, что мне сдал депутатство бывший депутат общества козловского, показывает, с чем он мне сдал: «а отдал, — говорит господин депутат Глазов, — с тою доверенностью, в чем он (то-есть бывший до меня от козловского дворянства депутат) был уполномочен от собратий своих; ежели же он (разумея мня) изволит оную доверенность прочесть, он увидит, что от общества ничего того (сиречь о чем я в прежде поданном голосе представлял) не окажется, а препоручено только все нужды и недостатки дворянские представить, о чем общество того бывшего депутата и просьбою своею заключило». Из сих слов всякий из вас, почтеннейшие господа депутаты, ясно видит, что господина депутата обоянского от дворянства намерение есть или то, дабы я представлял вам о том, о чем от козловского дворянства в наказе мне предписано⁵, или по крайней мере о том, что с сим наказом согласно. Но где благоволение монаршее, призвавшее нас от всех стран империи российской не токмо для выслушания нужд наших, но для представления всего того, что каждый из нас почтет за лучшее? При сем же и следующее достойно рассмотрения: если найдено будет, что некоторые статьи частных наказов не сходствуют с некими статьями Большого наказа, то должно ли о тех статьях представлять сему почтеннейшему собранию или не должно? Если не должно, то зачем же господин депутат Глазов ставит мне то в нареkanie, что я в своем голосе не представил, дабы дворяне по имеющимся у многих господ депутатов наказам остались на всех прежних привилегиях, не исключая и власти их над именными крестьян своих? А если должно, то справедливо учинил он на меня жалобу, что я представил противное наказам тех господ депутатов, у которых предписано, дабы неотъемлема была прежняя привилегия дворян, по которой они, как выше сказано, не были ограничены над именными своими крестьян. Но сим образом частные наказания, повидимому, больше уважаются, нежели самый Большой наказ, в котором точно изображено: «дабы законом предписать нечто для собственного рабов имуществва». А сие никоим образом не можно, разве одну часть имения оставить владельцам, а другую

крестьянам для собственного их имущества; чрез такое же положение и власть помещиков над имениями своих земледельцев ограничена будет.

Из чего всего ясно видеть можно, что господин депутат обоянский от дворянства Михайло Глазов с прочими вышеупомянутыми господами депутатами во многих местах делал мне возражения неправильные. Мог бы я показать и другие его учиненные мне таковыя же опровержения; но сего сделать мне не рассудилось — отчасти для того, что уже многим предложением, может быть, наскучил вашему, почтеннейшие господа депутаты, великодушию, отчасти ради того, что из вышесказанного нетрудно усмотреть можно всякому или тех опровержений неправильность, или что они удобно с моим мнением могут быть согласованы, как то сие мною выше несколько раз было сделано, отчасти же потому, что эти опровержения не суть в самой вещи выражения, но другие вопросы, о которых у меня в моем представлении ничего не было упомянуто.

Все же сие заключу тем, что я никогда бы сего ответа не учинил, если бы вышепомянутые причины меня к тому не подвигнули. Я совершенно ведаю, что из таковых препинательных речей⁶ ничего более не произойдет, как намерение ее императорского величества и желание всех ее верноподданных, удостоивших нас пещись об их и всех нас общем благе, едва когда исполнится. Почему и стараться должно, дабы не так скорым быть к учинению возражений, как к рассмотрению предложенной материи и, ежели она того достойна будет, к поправлению и приведению ее по возможности на вышнюю степень совершенства. Козловского дворянства депутат *Григорий Коробкин* (сам подписал и местами исправил).

МНЕНИЕ ДЕПУТАТА И. ЖЕРЕБЦОВА

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ 20 МАЯ 1768 ГОДА

Благодарность, которую мы, почтенные господа депутаты, попечительнице нашего блаженства должны жертвовать, состоит в приложении ревностного и усердного старания о благоденствии любезного отечества, о пользе каждого гражданина, к чему горя моею искренностью, осмелился и я на читанный козловского дворянства господина депутата Григория Коробьина сего мая 5-го дня голос мое представить мнение.

Помянутый господин депутат, изъясняясь, надобно, сказал, ограничить власть помещиков над именем крестьян их и положить законом ежегодную им от земледельцев подать. Сие есть дело, похвалы достойное по той причине, что оно на пользе общей, то-есть на приведении земледелия в цветущее состояние, основано, и если вы, почтеннейшие господа депутаты, снесите причину скорого моего заключения, то я пространнее изъясниться приступаю.

Оставя похвалы достойные древних законодателей наставления, свой народ к земледелию побуждавшие, и опустив великих мужей выражения, хлебопашество как первый предмет общественного благосостояния изъясляющие, можем найти пространство сей материи во всемирно-славнейше данном нам от ее императорского величества Наказе, ибо бдящая о нашей пользе великая Екатерина, премудрая мать отечества, в главе XIII, в отд. 313 оног

«земледелие, — говорит, — есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно»; из чего следующее положение сделать можно: то, что правительство в цветущее привести старается состояние, великую пользу обществу приносит, а понеже к приведению в цветущее состояние земледелия правление все свои прилагает силы, следственно, земледелие великую обществу приносит пользу. Того ради надлежит изыскать, что препятствует земледелию, для того более, чтобы опого недостатки великим тщанием и здравым рассудком поправить можно было. Сие как скоро вообразжу, тотчас мне представляется, что от двух вещей в уладок приходит земледелие: 1) от нерадения хлебопашцев, 2) от чрезвычайно наложенных податей, из коих, без всякого сомнения, что-нибудь одно в Россию вкоренилось¹. В 271-м отд. данного нам от ее императорского величества Наказа написано, что «ныне земледелец, оставя свой дом, лет 15 опого не видит». Итак, тот, кто оставляет свой дом, а с ним и земледелие, оставляет его неотменно по принуждению; а понеже наши хлебопашцы оставляют свой дом, следственно, оставляют его по необходимой нужде, ибо всякий из вас, почтенные господа депутаты, сообразуясь с своим здравым рассуждением, увидит, что земледельцу без принуждения ни пашню оставить, ни в отдаленных от своего дома местах никакой нет нужды находиться: он имеет землю, которая ему его же трудами произрастает хлеб, имеет плодоносные поля, насыщающие его стадо, и посредством сих двух вещей все для себя потребное получить может; хлеб, его трудами приготовленный, — ежедневная его пища, а лен и шерсть его скота подают ему приличные его жизни одеяния. Следовательно, хлебопашество не земледелие, но чрез меру наложенные подати удручают², кой или, 1-е, от роскоши помещиков, или, 2-е, — чего вышепомянутый господин депутат³ не коснулся, — от жадности к сребролюбию управителей или приказчиков их происходят.

1-е. Поистине, почтенные господа депутаты, в великое меня приводит восхищение, ежели вообразжу тех помещиков, кой, прилежно за своею смотря экономиею, ревностных земледельцев обильно награждают, а ленивых кроткими увещаниями поощряют к опому печувствительно.

Но, с другой стороны, представив пышностью и роскошною жизнью зараженных, мыслию и духом колеблюсь, ибо роскошь расточает многие тысячи, истребляет несчетные сокровища и великим старанием благоприобретенные изживания в краткое время рассыпает. Сие я для того единственно выражаю, чтобы тем живее чрез меру наложенные от роскошных помещиков подати представить. Роскошный, час от часу уменьшая деньги, наконец, все их рассыплет, который, однакоже, по вкорененному в него пристрастию изыскивает всякие к получению оных способы: он имеет крестьян, следственно, к ним и обращается, налагает на них великую сумму, которой земледелец, не надеясь усердными достать на пашне трудами, оставляет дом свой и в отдаленных местах разными способами сыскать оную старается; а как земля остается пуста, следовательно, земледелец от оного увядает; к пресечению чего 270-е Большого наказа отделение предписать гласит помещикам законом, чтобы они с большим рассмотрением располагали свои поборы и те бы брали, которые менее мужика отлучают от его дома и семейства. Итак, я, не входя в подробное о сем пункте рассуждение, заключаю оное согласием с вышеозначенным господином депутатом и приступаю ко второму.

2-е. Управители или приказчики, пользуясь милостию своих господ, употребляют ее не только во вред оному, но и в великий ущерб всему обществу: великая охота к обогащению себя, лакомство и ненасытная жадность к сребролюбию к тому их побуждают. Он имеет у себя под команду довольное число безгласных крестьян, кои едва о себе слово произреши могут, и в оной надежде нападают на них, положенный от господина оброк удваивает или утроивает по своей власти, а неплатящих оный, изуродовав разными мучениями, неволею к тому понуждает, ведая, что помещик, находясь на службе, более об общем печется благоденствии, нежели о своих доходах. Следовательно, хлебопашец и в сем случае оставляет свое обиталище и, не хотя видеть тело свое обезображенным, разными способами достает деньги. Итак, ко истреблению сего злопрядия не повелено ли будет оных управителей и приказчиков отменить, а чтобы крестьяне без надзирательства

не остались, да выберется по согласию всего их семейства ⁴ староста, коего по истечении года освидетельствовав, одобренного оставить, избличенного же в неправде сменить можно будет.

Все сие здравому рассудку и благоразумному почтеннейших господ депутатов рассмотрению представляю. Нижегородской провинции депутат от пахотных солдат

ИВАН ЖЕРЕБЦОВ

(с[обственноручно] п[одписал])

【МНЕНИЕ ДЕПУТАТА И. ЧУПРОВА

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ 23 МАЯ 1768 ГОДА】

В Комиссию о сочинении проекта нового Уложения на прочитанный голос господина депутата трубчевского дворянства Григория Бровцына мая 21-го, то-есть третьего дня, примечание, которым опровергается голос господина депутата козловского дворянства Григория Коробьина в том, якобы несправедливо примечание его, которое подано об узаконении помещиковых крестьян¹; да, напротив того, представляет: помещики своих крестьян пред государственными с излишеством по хлебопашеству поощряют и во время недостатков, что потребно им, без удовольствия не оставляют.

таковых и весь свет знает: кто у кого под защитою и в добром поведении и в научении жительство имеет у помещика или хозяина, того похулить едва ли кто отважится; да не точию сторонние², но и благоразумные родители, видя чад своих в таковых содержаниях, за счастье себе вменяют; токмо здравые не требуют врача и в милости содержащиеся редко милости ищут.

Да и не на тех помещиков поношение, которые благоразумными учреждениями крестьян своих управляют; да и господин депутат Коробьин не о таковых, но безмерно о мучащих крестьян своих и несносные дани собирающих представляет. И, по слышанию, довольно таковых

признавается; недовольны тем, что по желанию своему по окладу с души берут деньгами, с них же еще и с домашнего произращения³ сверх денег собирают, да их же и в работу берут.

И одного господина депутата Коробьина в примечании о таковых праведное сожаление признается; и желание его узаконить, — в чем помещикам власть над крестьянами иметь и умеренную с них дань собирать, о чем и он, господин депутат Бровцын, упоминает, чтобы над безумными и мучащими своих крестьян быть опекунам. Да как же может опекун быть и управлять, как не будет на то права и узаконения? Видится праведно узаконению быть. И, кажется, не должно господина депутата Коробьина голос опровергать и справедливее удостовериться на голос Коробьина, нежели Бровцына, ибо Коробьина голос весьма сходен и с Большим наказом ее императорского величества: и во всем Наказе по большей части о всех вредных случаях упоминается не столько за них наказывать, как их предупредить и искоренять. Кажется, сие и с священным писанием весьма сходно. Да к чему же злоупотребление отворачивать тако не законами? И от чего бедные люди будут охраняемы, как не законом же? О чем и в Большом наказе, в 3-м отделении, упоминается.

Да он же, господин депутат Бровцын, представляет, якобы государственные крестьяне в вольности жительство имеют, и оттого ими хлебопашество незначительно производится и в непорядках и в побегам они находятся. О побегам и непорядках, кроме хлебопашества, и то бесспорно уповаю, что и во всей подсолнечной во всяком роде между добрыми есть и вредные, а между иными и не без дураков; а что же о хлебопашестве, государственные крестьяне не для другого кого, но для себя на пропитание желание и рачение имеют и не надеются того, что другие у них отнимут, как о том в 296 отд. упоминается, и вменяют себе земли в удовольствие, а не в удручение, как и в 276 отделении упоминается.

А что же к удобрению и к умягчению земли и посева, про то и я отчасти могу знать про государственных и помещиковых крестьян, которыми рачительнее исправляется. Как в прошлом, 1767 г., отправлен был от города Архан-

гельска в Москву, ехал в июне месяце, и тогда у государственных крестьян земли к посеву ржи переораны и взборонены по большей части на два ряда, а у помещиковых еще и однажды не ораны, а которые хотя и зачинают орать и засохшую землю орут плугами на трех конях, отворачивают скипы, иную одному человеку невозможно от земли поднять. И на государственных крестьян господин депутат Бровцын о нерачении к хлебопашеству, кажется, напрасно изволил поношение написать. И всем про то нетрудно знать, что государственные крестьяне по большей части жительство в поморских холодных местах имеют, хотя которые и весьма к земледелию трудолюбивы, да несчастье их от холодного воздуха и от частых недородов, и осенним ранним побивает морозом. А которые хотя и в хлебородных местах жительство имеют, и те по большей части под заводы подписаны⁴, и тем не точию вновь распахивать, может быть, и прежние времени иному нест обрабатывать. Да и в побегах, уповаю, что редко государственных крестьян находится, да и бежать им, кажется, не от чего, потому что и вечно достойные памяти прежде бывшие монархи в милости законами охраняли, да и ныне ее императорское величество матерним милосердием соизволила хранить и наблюдать со излишеством, и со дня восшествия ее на все-российский престол государственные крестьяне почувствовали себе великую пользу и милость от подтверждения указами о лихоимстве и неправосудии⁵. Может быть, он, господин депутат Бровцын, про тех крестьян и не знает, которые у некоторых помещиков в унынии и бедности жительство имеют, а мне думается, по большей части и в побегах те находятся.

На прочтенное же господина депутата ярославского дворянства Михаила Щербатова мая 22, то-есть вчерашнего дня, примечание, которым тоже опровергает голос Коробьина, притом представляет всякие благоразумные от помещиков крестьянам своим учреждения и, между прочим, объявляет дворянскую заслугу издревле российскому государству, на то отвечаю. Правда, что заслуга и завсегда признается за справедливое и честь дворянская за достоверно почитается, да однакоже и всякого мнения люди во всем государстве не без порученных дел

остаются: за кем какая должность состоит, чаю, что по возможности своей и все отправляют. Токмо ныне дело не о том идет, и господа депутаты не на то собраны, чтобы честь себе приписывать, но о узаконении всех вообще и каждого особенно, о чем данный от ее императорского величества Большой наказ научает (и из всего можно видеть), чтобы не остаться никакой вещи без узаконения; потому же, кажется, не должно оставить без определенного закона помещиковых крестьян, чтобы после сочинения проекта Нового уложения в бедности и в беспокойстве не находились, как ныне за некоторыми без призрения и защита находятся; о таковых во многих отделениях упоминается, и в 278 отделении, по нынешнему их состоянию и бедности со излишеством к сожалению их поощряет нас, а которые в милости и счастии, как выше мною сказано, таковых и представлять, кажется, не следует, как господа депутаты о том многословят. И всевышний творец сам господь бог нам путь дал попечение о нищих, бедных и об обиженных иметь; потому можно почтить за справедливый господина Коробина голос.

На прочитанный же голос от города Великого Устюга господина депутата Андрея Плотникова, которым опровергает голос Великоустюжской провинции г. депутата Василия Ключарева, коим оный Ключарев просил об увольнении из половничества⁶ (от великоустюжских купцов) государственных крестьян, и признается господина депутата Плотникова в примечании его желание быть у них половникам попрежнему, на что многие примеры и указы представляет, кажется его представление несходно с Большим наказом, видно, что желание его — великоустюжскому купечеству помещичьи выгоды иметь.

Кажется, не можно одному человеку купцом и помещиком быть; притом же в половничестве нечто иное: что сколько хлеба родится, хозяину — половина, посеум, можно разуметь, за добрыми помещиками в пять крат выгоднее крестьяне живут, нежели за купцами в половничестве, потому что у доброго помещика единственно по окладу умеренный оброк заплачат, а другое, что есть, все у себя и на себя промышляют, а в половничестве, примером, родится хлеба 20 четвертей — половину отдает хо-

лишну, а другой как себе на пропитание не достанет, тогда не будет времени, чтобы чего в дом смыслить, о чем могу и удостовериться, потому что выдаю их довольно: не точно у них у иных в доме другого чего, но и сверху скрозь⁷ худые оконницы за скудостью, а на плечах ладной одежды нет, хлеба — иногда отобедать с нуждой. А хотя господин депутат Плотников представляет, что их рачением к хлебопашеству и мастерству и поощряли, а то бесспорно однако: в год купцам же большая часть, а не половникам. И для того, по мнению моему, видится праведно быть — половников от них отобрать, а землями если дозволено будет владеть, то бы вольными людьми, кто пожелает, и с платою по добровольному договору обрабатывать; и о том уже мною в Комиссию о сочинении проекта нового уложения октября 31 дня в Москве пространнее подано.

Сверх того, о всем вышеписанном всем господам депутатам предаю на рассуждение. Архангелогородской провинции от черносозных крестьян депутат

ИВАН ЧУПРОВ

(в[ыправил] с[обственной] р[укой])

МНЕНИЕ ДЕПУТАТА А. МАСЛОВА

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ 27 МАЯ 1768 ГОДА]

В Комиссию о сочинении проекта нового Уложения

С 27 мая в разных числах от господ депутатов подаваемые голоса, а другие, напротив того, своими возражениями о крестьянах, на каком опыте находятся основании, объяснять соизволили. О чем и я почтеннейшему собранию осмелился на рассуждение свое примечание приложить, не изъясняя о тех, кои много и преимущественные имели у себя жалованные или купленные деревни и вотчины и, как есть то природные дворяне, отечески милосердствуя о своих крестьянах, и содержат их в добром порядке.

Есть уже ныне и такие, — во владение крестьянами вступили, только будучи при статских дел приказными: купил или через примоетки сильно отнял, или вольного по примоеткам без всяких резонов, будучи при делах, фальшиво укрепил, как то в отделении 306 напечатано: «случайно им во власть пришедших». В «Начертании о третьем члене»¹ напечатано: «неволя существенная, которая делает человека зависящим и принадлежащим к тому месту или земле, на которой он находится»; почему почтеннейшее собрание уверяю, что неволя существенная находится в разных обстоятельствах: 1) бывает, что у его владельца мало имеется земли и довольствоваться крестьянину к его

пропитанию нечем, а помещичьими поборами свыше его сил обременен; 2) а хотя б у некоторых владельцев и достаточное число находится земель, кои, не рассуждая о пропитании в жизни его крестьян и о распоряжении дней между крестьянами урочных работ, но всегда каждый день непосредственно на его работе находятся, а хотя и отпустит, и то разве редко бывает, на день или на два; так как же им пропитание иметь или родившихся от них детей воспитать, что они всегда всеми семьями бессходно на господина работают, еще ж сверх того и подушные деньги платят? Многие дворяне, говорят, крестьянские побегии почитают за самовольство, а в то рассуждение не войдут, от радости ли иной крестьянин покинул свои малые детища, чего ни единый зверь в коше — своих щенят, ни птица в гнезде — своих птенцов, без пристрастия от находящихся не покидает; тако несчастливому в свете человеку сие приключается по нужде, почему уже и закону перемена бывает.

И еще ж оные крестьяне чрез некоторых дворян неустройство не только в их домах, но и в судебных местах неповинно страждут, потому когда в случаях начинаемых его помещика в противность государевым законам поступков крестьянин не послушает — господин бьет, а послушает — так в судебных местах бьют. На сие ответственю. Вот отчего, почтеннейшее собрание, оное происходит неустройство, от которого многое причиняется и смертное убийство: многие владельцы, умышляя к отнятию у других владельцев недвижимого имения, посылают своих крестьян к запаханию чужих земель, к выкошению сенных покосов, к вырубке лесных угодьев, а иные усиленно в чужих дачах селят деревни и слободы, и от того бывают драки, бойни, смертное убийство; оное ж происходит к исследованию и до судебного правительства, которое в силе законов посылает за теми производящими драку, забирает тех крестьян ко ответу, будто бы крестьяне сделали самоуправством, а крестьяне, как то безгласные люди и не имея о себе никакого защищения, кроме того, как в судебном месте, так и пред своим помещиком подобострастны, хотя бы и ясное на то имели, что помещики на ту драку посылали, доказательство, только не смеют, да и боятся, которых в тех судебных местах при разпросах бьют, морят

в тюрьмах. Кто ж таковых, почтеннейшее собрание, от невинных побоев избавит и кто таковых от напрасных бед свободит? Не бедно ль смотреть на погибающих, кои уже к тому не имеют о себе законной защиты? Токмо сей грех к богу на небо вопиет.

В отделении 266 напечатано: «мужики большею частию имеют по двенадцати, по пятнадцати и до двадцати детей из одного супружества, однако редко и четвертая часть оных приходит в совершенный возраст. Чего для непременно должен тут быть какой-нибудь порок или в пище, или в образе их жизни, или в воспитании, который причиняет гибель сей надежде государства. Какое цветущее состояние было бы сей державы, если бы могли благоразумными учреждениями отвратить или предупредить сию пагубу». Вот отчего, почтеннейшее собрание, оное происходило. Как возможно будет бедному человеку детей своих воспитать, что их владельцы, хотя который и мало имея у себя имущества, не рассуждая о том, чтоб в таком вести себя состоянии противу своей возможности, но сверх того взирая на полномочных², свыше своих сил убранством против прочих тщится себя вести и тем своих людей безмерно отягощает. Есть такие владельцы: людей у него находится, примерно сказать, только двадцать человек, и то будет половина на пашне, а другая при нем в лакействе, и по свсей роскоши приумножает псовую охоту и думает, неусыпно старается и мужиков денно и ночью работою понуждает, как бы оное прокормить, а того не думает, что чрез его отягощение в крестьянских домах дети с голоду зле помирают; он же веселится, смотря на псовую охоту, а крестьяне горько плачут, взирая на своих бедных, голых и голодных малых детей.

И то, почтеннейшее собрание, как то по вашему лучшему благоразумию можете, усматривая из данного нам от всемилостивейшей государыни Наказа, что касается для собственного нижнего рода имущества, объяснить имею. Сего мая 2 дня Казанской провинции господин депутат Василий Кипенский утверждал своим мнением их труды на три части: первая для государственных податей, вторая — послушание господина, третья — для собственного их пропитания. Хотя бы и надлежало так, только,

между тем, мню я, чтоб быть не без погрешностей. Первое, — потому как то в неделе шесть дней, и того будет на работе господину два дни, есть мужики огурные³, он не может в те два дни за один день сработать и тому станет владельцу под обидою. Второе — есть же, напротив того, и такие владельцы: истребовавши на ту крестьян работу, он может двумя днями наверстать на всю неделю и в два дни может поустроенною, без умеренности тяжкою работою всех крестьян поделать пеших, без лошадей, и привести их в самое изнеможение и самих, принуждая их, не оставит притом без побоев. К тому ж, хотя б и те средства сыскивать для оных и такое положение сделать и на таком основании учредить, урочно им положить, сколько посеять бы господину десятин, — и потому умерить, кажется, невозможно в таком случае, когда б была везде пашня добрая и ordinarily мягкая, а то будет такой случай: владелец велит для себя пахать целину или крепкую залогу, чего крестьянин никак своим способом оного, по воле своего господина, исполнить и распахать не может.

И то, почтеннейшее собрание, как то в рассуждение будет по вашему благоразумию: не лучше ли бы было, чтоб не обратить таковое нижнего рода общество во вред, о коем все милостивейшая государыня соизволит высочайшею своею милостию изъяснить в «Начертании»: «онный род составлен из полезных сынов отечества»; и подлинно, почтеннейшее собрание, не они ли обще с дворянством и с прочими российскими людьми знатную государству оборону подают и немалую на армию денежную сумму приносят, как то в отделении 214 объясняет: «взаимно друг друга защищают», в «Начертании» объясняет (первая часть до права общего народов), что они составляют тело государства, во второй объясняет (часть о праве особенном)⁴: «право особенное сделано для пользы каждого лица», особенно в третьем члене объясняет (разбор сим трем государственным родам и точное постановление приличных им прав и выгод в Большом наказе, в третьей статье, напечатано): «всякого согражданина особо видеть охраняемого законами, которые не утесняли бы его благосостояния, но защищали его от всех сему правилу противных предприятый».

Я к тому приступить и ограничить не смею, а на рассмотрение почтеннейшему собранию нижеследующее предлагаю. Кажется, почтеннейшее собрание, противу означенных резоннов не лучше ли бы было сие средство: по тому их особливому нижнего рода праву учредить особую коллегию или контору, которая бы их содержала под своею апелляциею⁵, а в провинциях учреждены бы были от оной коллегии для того по их закону правления канцелярии в том порядке: когда требоваться будет в армию к защите государства, в пополнение военных людей, почему определенная к тому коллегия имеет требовать от своих подчиненных по провинциям канцелярий кроме однодворцев, кои содержат ландмилицкий корпус, со всего государства, со сколько душ положено будет, рекрут; в тех же канцеляриях иметь с них подушный сбор и, что положено на них будет, — господские доходы; который подушный сбор от тех канцелярий к отсылке отправлять, куда указом требоваться будет; а господские доходы, что с крестьян его в ту канцеляриюбору возили, отдать тому господину или от него поверенному с распискою. В случае, когда крестьяне причинят кому обиду в запашке других владельцев земель, в скошении сенных покосов, в рубке чужих лесных угодьев, на таковых крестьян просить в тех канцеляриях тем обиженным владельцам, где они в ведомстве состоять будут. Также, кто крестьянина посторонний во всяких случаях обидит, потому ж на оного обидчика просить, где тот обидчик своим правом судим будет. Отчего уже от помещиков, как ныне находится, никто обижен не будет, и крестьянина никто виновного не заступит, и крестьяне от невинных бед все избавиться могут законом, как то явствует из отделения 244: «сделайте, чтоб люди боялися законов, никого б кроме их не боялись»; и яко все под единою властью и защитою станем законодательницы нашей, милосердной матери отечества, поставлены на высочайшей степени своего отечества, о чем уже изъясняет в «Начертании» часть первая «о праве общем, необходимо нужном для сохранения целости, доброго порядка и тишины государства»:

«Все члены государства и чужестранные, в оном живущие, должны покоряться власти самодержавной и тем,

коим от оныя поручены части правления; и когда сие так состоит и добрый порядок от самыя верховныя власти и ото всех сохраняется, тогда подданные взирают на себя, как на семью, которыя государь есть отец». Впрочем же, предаю в наилучшее рассмотрение всему почтеннейшему собранию господам депутатам. Белгородской провинции от однодворцев депутат

АНДРЕЙ МАСЛОВ
(с[обственноручно] п[одписал])

МАТЕРИАЛЫ
ПУГАЧЕВСКОГО
ВОССТАНИЯ

**ИМЕННЫЕ УКАЗЫ, ПОВЕЛЕНИЯ
И МАНИФЕСТЫ
Е. И. ПУГАЧЕВА**

№ 1

амодержавного императора, нашего великого государя Петра Федоровича всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Во именном моем указе¹ изображено яйцкому войску: как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови, деды и о[т]цы ваши, так и вы послужите за свое отечество мне, великому государю императору Петру Федоровичу. Когда вы устоите за свое отечество, и не истечет ваша слава казачья отныне и до веку и у детей ваших. Будете мною, великим государем, жалованы: казаки и калмыки и татары. И которые мне, государю императорскому величеству Петру Фе[до]ровичу, винные были, и я, государь Петр Федорович, во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рекою с вершин и до ус[т]ья и землею, и травами, и денжным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом.

Я, великий государь император, жалую вас

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ

1773 году сентября 17 числа.

№ 2

От великого государя императора Петра Федоровича всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Сим моим именным указом² Илецкой станицы атаману Лазарю Портнову, старшинам и казакам повелеваю.

Как вы служили мне и предкам моим до сего времени, так и ныне, верные мои рабы, мне послужите верно и неизменно и докажите мне свою верноподданническую ревность тем, что, во-первых, ожидайте меня, великого государя, к себе, с истинною верноподданническою радостью и из городка навстречу мне со оружием своим выдьте и в доказательство своей мне верноподданнической верности положите оружие свое пред знаменами моими. Почему и прииму я вас с великою честью и удостою службу мне, которую ежели так будете продолжать, как присяжный долг требу[ет], и так, как мне приятно может быть, то столько награждены будете, сколько заслуги ваши достойны. И чего вы ни пожелаете, во всех выгодах и жалован[ьях] отказано вам не будет, и слава ваша не ис[те]чет до веку; и как вы, так и потомки ваши первыми при мне, великом государе, учинитесь. А жалованья, провианта, пороху и свинцу всегда достаточно от меня давано будет. Кто же сверх чаяния моего преслушает³ и не исполнит сего моего великого повеления, тот вскоре почувствует, сколько жестоки приготовлены муки изменникам моим. А когда атаман или старшины вам, рядовым казакам, попреля[т]ствуют, то и самих их неволею пред меня привести, за что награжден тот, кто приведет их, будет.

На подлинном подписано посему:

Я, великий государь *ПЕТР ТРЕТИЙ*
император всероссийский

№ 34

Российского войска содержателя и великого государя и всех меньших и больших уволитель и милосердый, сопротивникам казнитель, больших почитатель, меньших почитатель же, скудных обогатитель и всему российскому государству Петр Федорович и прочая, и прочая, и прочая.

Киргизскому войску содержателю Абул'хаирову⁵, приятелю и брату моему, именной указ и прочим моим верным слугам.

Для осторожности вам объявляю.

Когда всевышний господь бог мне даст волю, то я вас всех не оставлю и буду вас жаловать верно, нелицемерно землею, водою и травами, и ружьями, и провиантом, реками, солью и хлебом, и свинцом, от головы до ног обую. И моим верным слугам и войскам объявить: и будет от меня вольным и невольным всем моим, которые меня почитают, воля, чтоб и войска ваши не противились, что я обиду за них стоять, також и они б для меня, великого государя, постарали[сь] бы. Которых непослушных, казнить и ныне и впредь буду. И оное ваше в войске генералов и бояр не послушали б. Которые прежде служили, то я их могу простить, вперед они того не могли делать⁶. Кои прислать ко мне, великому государю, двухсот человек военных людей для нынешнего войска. И вы сами известны: для вас неприятель, тож и для меня. В том сей мой именной указ объявляется всем.

Российский государь *ПЕТР ТРЕТИЙ*

руку приложил

Написано при его императорском величестве
20 дня 1773 году⁷.

№ 4⁸

Тысячью великий и высокий, и государственный владетель над цветущем селении, всем от бога сотворенным людям самодержец, тайным и публичным даже до твари наградитель усердственный, в святости искусный, милостив и милосерд, сожалительное сердце имеющий — государь император Петр Федорович, царь российский, во всем свете славный, в верности свят, реченным разного рода людям под своим скипетром самодержавец, еще и прочих, и прочих, и прочих.

Время от времени пришедшим в подданство шведскому народу⁹ в городах и провинциях, також в степе и в полях повелению моему повинующимся добрым и худым людям моим с женами с детьми и с дочерьми известно и ведомо да будет.

Сии мои указы публиковать во всех сторонах живущим в деревнях, в пути проезжающим и в деревнях по каждой улице распространяя, везде разглашать повелел — показывать нужным¹⁰ моим людям жадное радостное мои милости для отворения у высочайшего моего двора дверей. С посланцем башкирским моим областям, старшине и деревенским старикам, большим и меньшим, заблаговременно повеление посылается с моим поздравлением. Також с других стран, заблуждая и претерпевая нужду и печаль, находящиеся, да и с боку, вспомня меня и услыша о моем имени, приезжающим, желающим быть в моем подданстве, каким образом и чем отцы и прадеды ваши издревле предкам отца моего и прежним дядьям и теткам служили, проливая кровь, и неприятелям супротивлялись, приятелям же подмогу давали. И пыне таким же образом душевно усердствующей и сердечно вернейшей и несумнительнейшей дражайшей, светлое лице имеющей, сладчайшей и честнейшей разговор имеющей государыне вашей служите безизменно, не пременяя сердца свои, повелениям бы моим были послушными, не вложя ваши сердца укривлению. Точно верьте: вначале бог, а потом на земли я сам властительный ваш государь. И мне служить будет[e], не щадя живота своего и души свои принося на жертву и неприятелям моим супротивляясь, к пролитию крови при мне в готовности быть; ибо справедливо и точно сие есть, в чем во уверение ваше свосручно во всюду, а потом и к вам указы мои разослал. И так будьте послушными и к сей моей службе преданность учините, то я вследствие первых примеров всем тем, что вы от единого бога просите, равно пожалую, ибо всемилостивейший ваш государь я. О чем верно знайте и верьте: отныне я вас жалую землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и с морями, хлебом, верою и законом вашим, посевом, телом, пропитанием, рубашками, жалованьем, свинцом, порохом и провиантом, сло-

ном, всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу. И будьте подобными степным зверям. А происшедшие от вас в сей жизни добрые и худые дела упуcaю¹¹ купно и с потомками вашими обоого пола до будущего пришествия. Вследствие чего, исполняя повеление мое, послушайте, что истинный ваш государь сам идет, и с усердием и верностью вашею благословенное лице мое видеть встречайте. Уповаю на господа от худых дел: чтоб сие выдуманно было в сердце, не держите никакого сумнения. А когда повелению господина скорым временем лицо отвратите и придете на мой гнев, те мои подданные от меня, не ожидав хорошее упование, милосердия б уже не просили, чтоб на мой гнев в противность не пришел; для чего точно я присягаю именем божиим, после чего прощать не буду, ей, ей.

Р. S. Сей мой указ писан сентября
в последних числах, во вторник начало,
в день Покрова подтвержден¹².

Доброжелатель, тысячью великий и высокий,
един великий император
государь *ПЕТР ФЕДОРОВИЧ ТРЕТИЙ*
руку приложил

№ 5

УКАЗ¹³

Я во свете всему войску и народам учрежденный великий государь, явившийся из тайного места, прощающий народ и животных в винах, делатель благодееяния, сладозычный, милостивый, мягкосердечный российский царь император Петр Федорович, во всем свете вольны[х], в усердии чисты[х] и разного звания народов самодержатель и прочая, и прочая, и прочая.

На сем свете живущему в городах и крепостях мне подданному благодетельному и продержательному народу¹⁴ с домашними, то-есть детьми и женами, объявляется — сии мои указы во всех сторонах, как то: на всех дорогах, местах, деревнях, на перекрестках и улицах, публикуются.

За нужное нашел я желающим меня показать и для отворения на сих днях пространно милостивой моею двери послать нарочного. И башкирской области старшинам, деревенским старикам и всем малым и большим так, как гостинец, посылаю мои поздравлени[я].

Заблудившие, изпурительные, в печали находящиеся, по мне скучившиеся, услыша мое имя, ко мне итти, у меня в подданстве и под моим повелешем быть желающие!

Без всякого сумнения идите и, как прежде сего ваши отцы и деды, моим отцам и дедам же служба, выходили против злодеев в походы, проливали кровь, а с приятелями были приятели, так и вы ко мне верно, душевно и усердно, бессумненно к моему светлomu лицу и сладозычному вашему государю для походу без измены и пременения сердец и без криводушия в подданство и в мои повелени[я] [идите?]. А особливо первая надежда на бога на сем свете. Мне, вольному вашему государю, служба, душ ваших не пожалейте против моего неприятеля проливать кровь. Когда прикажется, что будьте готовы, то изготовьтесь. А что верно я, то для уверения вас своей рукою во все стороны, как то и к вам, указы послал. Слушайте! И когда на сию мою службу пойдете, то за сие я вас попрежнему, как вы от бога меня просите, так и я вас помилую. А что я ваш подлинно милостивый государь, признавайте и верьте. Ныне я вас, во-первых, даже до последка землями, водами, лесами, жительствовами, травами, реками, рыбами, хлебами, законами, пашнями, телами¹⁵, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали, так пожаловал по жизнь вашу. И пребывайте так, как степные звери. В благодеяниях и продерзностях всех вас пребывающих на свете освобождаю и даю волю детям нашим и внучатам вечно. Повелени[я] мои послушайте и исполните. А что точно ваш государь сам едет, с усердием нашим для смотра моего светлого лица встречу выслыжайте¹⁶. А я уповаю на бога и вам подтверждаю: от таких продерзностей, размышляя, на себя сумнения не подлагайте. Когда ж кто, на приказани[я] боярские и скором времени положась, изменит и по[в]стречается моему гоню, то такие от меня благодеяния уже не ожидаете и милости

не просите и к гневу моему прямо не идите. Сие действительно божиим именем под присягою я сказываю: после истинно не прощу.

Доброжелатель, великий император,
государь *ПЕТР ФЕДОРОВИЧ*
и царь сам трети[й] руку приложил

Сей мой указ писан и скреплен
по исходе сентября месяца
по вторник, то-есть в Покров ¹⁷.

№ 6

Великий государь и над цари царь и достойный император Петр Федорович, рассудя своим мнением ко всем моим верноподданным послать сей мой именной указ ¹⁸ и прочая, и прочая, и прочая.

Да будет вам известно всем, что действительно я сам великий. И, веря о том без сумнения, знайте, мне подданные во всяких сторонах и находящиеся в здешних местах: мухаметанцы ¹⁹ и калмыки, сколько вас есть, и прочие все! Будучи в готовности, имеете выезжать ко мне встречу и образ моего светлого лица смотрите; не чиня к тому никакой противности, и пожалуйте, преступя свои присяги, чините ко мне склонность. Однакож если имеются при башкирцах старшины и Нагайской дороги все обыватели, то б в готовности ко мне приезжали и содержащихся в тюрьмах и у прочих хозяев имеющихся в невольности людей всех бы без остатку на нынешних месяцах и днях вынуждали. И приказание от меня такое: если будут оказываться противники, таковым головы рубить и кровь проливать, чтоб было детям их в предосторожность. И как ваши предки, отцы и деды служили деду моему блаженному богатырю государю Петру Алексеевичу и как вы от него жалованы, так и я ныне и впредь вас жаловать буду. И пожаловал вас землею, водою, солью, верою и молитвою, пищитью и денежным жалованьем, за что должны вы служить мне до последней погибели. И буду вам за то против

сего моего увещательного указа отец и жалователь, и не будет от меня лжи: много будет милости, в чем я дал мою пред богом заповедь. И буде кто против меня будет противник и невероятен²⁰, таковым не будет от меня милости: голова будет рублена и пажить ограблена. Для чего сей мой указ со учреждением и написал.

Октября 1 дня, в день субботний, 1773 году.

С которого списывая копии, имеете пересылать из города в город, из крепости в крепость.

Великий государь, царь российский, император
руку приложил

ПЕТР ТРЕТИЙ

Император сам *Петр третий*

руку приложил

Великого императора Петра Федоровича посланный башкирским старшинам и ко всем по Нагайской дороге обывателям и на Сибирской дороге жителям указ имеете публиковать всенародно²¹.

№ 7

Самодержавного императора нашего, великого государя Петра Федоровича всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Сим моим именным указом²² регулярной команде повелеваю:

Как вы, мои верные рабы, регулярные солдаты, рядовые и чиновные, напредь сего служили мне и предкам моим, великим государям, императорам всероссийским, верно и неизменно, так и ныне послужите мне, законному своему великому государю Петру Федоровичу, до последней капли крови. И, оставя принужденное послушание к неверным командирам вашим, которые вас развращают и лишают вместе с собою великой милости моей, придите

ко мне с послушанием и, положа оружие свое пред знаменами моими, явите свою верноподданническую мне, великому государю, верность, за что награждены и пожалованы мною будете денежным и хлебным жалованьем и чинами; и как вы, так и потомки ваши первые выгоды иметь в государстве моем будете и славную службу при лице моем служить определитесь. Ежели же кто, забыв свою должность к природному своему государю Петру Федоровичу, дерзнет сего именного моего повеления не исполнить и силою оружия моего в руки моего верного войска получен будет, тот увидит на себе праведный мой гнев, а потом и казнь жестокую.

Великий государь император *ПЕТР ФЕДОРОВИЧ*
всероссийский

№ 8

Самодержавного императора Петра Федоровича все-российского и прочая, и прочая, и прочая.

Сей мой именной указ²³ Красногорской крепости коменданту и Сакмарским казакам и всякого звания людям.

Именное мое повеление: как деды и отцы ваши служили, так и вы послужите мне, великому государю, верно и неизменно до последней капли крови. Второе: когда вы исполните мое именное повеление, и за то будете жалованы крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованьем, и хлебным провиантом, свинцом и порохом, и вечною вольностию. И повеления мои исполните со усердием, ко мне приезжайте, то совершенно меня за оное приобрести можете к себе мою монаршескую милость. А ежели вы моему указу противиться будете, то в скорости восчувствовать на себе праведный мой гнев. Власти всевышнего создателя нашего и гнева моего избегнуть не можете: никто тебя от сильных моих руки защищать [не] может.

Великий государь *ПЕТР ТРЕТИЙ*
всероссийский

№ 9²⁴

Всем армиям государь, Российской землю владетель, государь и великая светлость император российский, царь Петр Федорович, от всех государей и государынь отменный и прочая, и прочая, и прочая.

Сколько-сколько грозные и грозители в его величества руках уже искорененье! ²⁵ Больших и меньших в одном классе почитатель, скудных обогатейший государь и милостивый царь от его величества и всем разные уездные и провинциальные подсудимы! Старшинам же башкирским, малым и меньшим, правоверным богатырям ²⁶ и казакам и всем моим подданным, которые меня почитают, войскодержателям от меня известие. Для остерегания меня своеручно милостивый от своего войска, рассматривая, дал именной указ: никогда ни от кого не бойтесь и моего неприятеля, яко сущего злодея, не слушайтесь и не верьте, что всякое дело власть божия вышнего моего, когда я буду всех вас оберегатель. И если кто меня не послушает, то им за то учтена будет казнь.

Писан сей указ октября 14 го дня 1773 года.

Государь император, российской державы
содержатель, сам ПЕТР ТРЕТИЙ

руку приложил

№ 10

Самодержавного императора Петра Федоровича все-российского и прочая, и прочая, и прочая.

Сей мой именной указ ²⁷ в завод Авзянонотровскому Максиму Осипову, Давыду Федорову и всему миру мое именное повеление:

Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне, великому государю, верно и неизменно до капли крови и исполните мое повеление. Исправьте вы мне, великому государю, два марта ²⁸ и с бомбами и [с] скорым поспешением ко мне представьте; и за то будете жалованы крестом и бороною ²⁹, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованием, и хлебом, и провiantом, и свинцом, и порохом, и всякою вольно-

стию. И повеления моего исполните, со усердием ко мне приказ чайте [?], то совершенно меня за оное приобрести можете к себе мою монаршескую милость. А ежели вы моему указу противиться будете, то в скорости восчувствуете на себе праведны[й] мой гнев и власти всевышнего создателя нашего избегнуть не можете. Никто вас истинно [от?] нашей руки защитить не может.

1773 году октября 17 дня.

Великий государь *ПЕТР ТРЕТИЙ*
всероссийский

№ 11

УКАЗ

НАШЕМУ ГУБЕРНАТОРУ К РЕЙНЗДОРПУ ³⁰

Довольно известно вам: из опубликованных манифестов усмотреть можете, каким образом мы от завистников общего покоя всероссийского престола незаконно лишены были. А ныне всемогущий господь неизреченными своими праведными судьбами паки возвести нас соизволит, наших верноподданных рабов скипетру нашему покоряет, а завистников общему покою под ноги наши повергает. Только вы, ослепясь неведением, или помрачи[вшись] злобою, не приходите в чувство: власти нашей безмерно чините с большим кровопролитием противления и тщитесь процветшее имя наше таким же образом, как и прежде, паки угасить и наших верноподданных рабов, аки младенцев, осиротить. Однако мы по природному нашему к верноподданному отеческому великодушию, буде хотя и ныне, возникнув от [м]рака неведения и пришед в чувство, власти нашей усердно покорись, всемилостивейше прощасм и сверх того всякою вольностию отечески вас жалую. А буде в таком же ожесточении и суровости останетесь и данной нам от создателя высокой власти [н]е покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведный наш гнев.

1773 году ноября 17 дня.

Великий государь *ПЕТР ТРЕТИЙ*
всероссийский

№ 12

УКАЗ³¹

Его императорского величества самодержца всероссийского Петра Федоровича и прочая, и прочая, и прочая.

Всех моих верноподданных рабов желаю содержать в моей яко то от бога дарованной мне милости всякого человека тех, которые ныне желают быть в моем подданстве и послушании по самопроизвольному желанию. А если кто сверх сего моего до всего народа чинимого милосердия останется в своем недоразумении, тот уже напоследок воспримет от меня великое истязание и ничем себя не защитит. Сверх же сего и те, которые, как прежде, услуги приносили неизменные деду моему императору Петру первому, такие, что за его императорское величество до жизни своей пребывали в неисчерпаемых службах, за что и воспринимали немалые награждения и похвалы, но и ныне кто таковы мне будут приносить неизменные услуги, а заслужа, и я про тех всеусердно слышать желаю и без награждения никого не оставляю за те их услуги. И если кто ныне познает сие мое оказанное милосердие, действительно я уже вас всех пожаловал сием награждением: землею, рыбными ловлями, лесом, бортями³², бобровыми гонами³³ и прочими угодыми, также вольностию. Сверх же сего как от бога дарованной мне власти обещаю, что впредь никакого уже вы отягощения не понесете. А если кто не будет на сие мое воздаваемое милосердие смотреть, яко то: помещики и вотчинники, тех, как сущих преступников закона и общего покоя, злодеев и противников против воли моей императорской, лишать их всей жизни, то-есть казнить смертию, а дома и все их имение брать себе в награждение. А на опое их, помещиков, имение и богатство, также яство и питье было крестьянского кошта³⁴, тогда было им весело, а вам отягощение и разорение. А ныне ж я для вас всех един из потерянных объявился и всю землю своими ногами исходил и для дарования вам милосердия от создателя создан. То если кто ныне понять и уразуметь сие может о моем воздаваемом вам милосердии, и всякий бы,

яко сущий раб мой, меня видеть желает. Но, однакож, ныне еще не столько мне доброжелателей, как сколько общего покоя возмутителей и ненавистников. Ныне ж всемогущий господь неизреченными своими праведными судьбами паки возведет нас на всероссийский престол, те ³⁵ уже не один без отмщения противу их оказанного до меня злодействия не останется; и тогда всякий познает тягость своего преступления. А хотя и восхощет обратиться к законному повиновению и будет стараться и споспешествовать и приносить неизменные услуги, но только ничего принято не будет; тогда уже и воздохнет из глубины сердца своего и вспомянет всемирное житие ³⁶ свое, да уже возвратить будет тогда никак нельзя. А кто ж сей мой милостивый указ получит в свои руки, тот бы тот же час как из городу в город, из жительства в жительства пересылал и об оном мосм чинимом ко всему роду человеческому милосердью объяснял и всемирное житие воспомянул, как оное ныне, так же и впредь вышеизъясненное будет всем полезно.

На подлинном подписано (так) собственною его императорского величества рукою тако:

Император и самодержец всероссийский

ТРЕТИЙ ПЕТР

От 1-го декабря 1773 года.

№ 13 ³⁷

Божиею милостию мы, Петр третий, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Небезызвестно есть каждому верноподданному рабу, каким образом мы не от доброжелателей и завистцев общего покоя всероссийского и по всем правам принадлежащего престола лишены были. А ныне всемогущий господь неизреченными своими праведными судьбами, а молением и усерднейшим желанием наших верноподданных рабов скипетру нашему покоряет, а завистцев общему покою и

благотишию под ноги наши повергает. Только ныне некоторые, ослепясь неведением или помрачены от зависти злобою, не приходят в чувство и высокой власти нашей чинят противление и непокорение и тщатся процветшаяся имя наше таким же образом, как и прежде, угасить и наших верноподданных рабов, истинных сынов отечеству, аки младенцев, осиротить. Однако мы по природному нашему [к] верноподданным отеческому неизреченному великодушию, буде кто и ныне, возникнув от мрака неведения и пришед в чувство и власти нашей, верно покори-тесь и во всеподданнычески должности быть повинитесь, всемилостивейше прощаем. Сверх того всякою вольностию отечески жалуем. А буде же кто и за сим в таком же ожесточени[и] и суровости останется и данной нам от создателя власти не покори-тесь; то уже неминуемо навлечете на себя праведный наш и неизбежный гнев. Чего ради от нас для надлежащего исполнения и всенародно[го] истинного познания сим и публикуется.

Декабря 2 дня 1773 года 28.

На подлинном подписано
собственною с. и. в. рукою тако:

ПЕТР

№ 14³⁹

Божи[е]ю милостию мы, Петр третий, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявля[ю] всенародно и повелеваю тем, которые мой подданные и верные слуги: как я божиим повелением данного престола не по своей воле отменен, а ныне бог-тех, которые делали мне злодейства, привел ко мне в повиновение и по многой моей к богу с рыданием просьбе, очи их, ныне ослепленные, тех, которые моему приказанию противны и не хотят быть у меня в подданстве и которые приняли высочайшее мое имя и моих верноподданных слуг подобно остаются, как от отца дети — сироты и яко единородных моих детей от меня злодейски отнимают.

Однакож я, как возможно, полагаю все свои силы и показываю подданным моим отеческое мое милосердие: ежели ж кто не из приклоняющих ко мне ныне явится с чистым и прилежным ко мне сердцем, то я им заслуженную ими в противностях мне винность их отпускаю. Ежели ж кто сего моего увещания не послушает, то напоследок им никако[го] прощени[я] не будет. О чем сим и публикуется.

Подписано тако:

Государь *ПЕТР*

№ 15

Великим богом моим на сем свете я, великий государь, император Петр Федорович, из потерянных объявился, своими ногами всю землю исходил. Божиею милостию мы, великий государь Петр Федорович, самодержец, верноподданным рабам всякого звания и чину я, подлинный император Петр Федорович, государь, своим языком именно[й] указ⁴⁰ во всю Россию публикую, кто моего указу не слушает,

и прочая, и прочая, и прочая.

Слушайте: подлинно мы государь! Поверьте и знайте, идите ко мне встречу светлому лицу, не устрашитесь, от меня милости просите: которые от нас бегают, таковым милости не будет; кто желает, ко мне идите. Если в тюрьмах содержатся и в боярских руках люди в сем месяце, не держать — отпускать: от меня приказ. Ежели силою содержать будут, кто повелел, таковым головы рубить и кровь проливать, всю семью разделить. После того моим отцем и дедушкам матерью служили: дедушке моему первому и великому императору Петру Алексевиичю. И как он жаловал, так и я жалую впредь и после: пахотными землями и водами, и солью, и законами, и всем экипажем. После того молитесь богу за меня, и буду вам отец; ежели будете моего указу слушать, и буду жаловать. Не сомневайтесь, приидите в чувство, много милости получите; божиею милостию мы всемогущим богом присягаем. Кто

моей присяге не верит, тот злодѣй; ныне непріятель не верит и бѣгает от меня, таковым милости не будет: головы рубить и пажить разделить ⁴¹. В губерніях, городах и во всяких жительствовах всенародно публикуется.

Мы, государь император, *ПЕТР ФЕДОРОВИЧ*

своею рукою подписал

№ 16

УКАЗ

ДИРЕКТОРУ ИВАНУ ТИМАШЕВУ ⁴²

Понеже по данной нам от создателя высокой власти между прочими ежедневно изливаемыми щедротами новый знак отеческого своего милосердия всегда оказуем и тщимся, аки отец отечеству, своих верноподданных рабов привести в благоцветущее состояние и во всеподданническое усерднейшее повиновение. Но; хотя колькраты от вас нашей особе касающихся неизреченных озлоблений и противностей и по бы ~~е~~ ежели, возникнув от мрака неведения, и со усердием принидень в чувство, власти нашей покоритесь, конечно приять можете от нас всемилостивейшее прощение, и преданы те противности будут вечному забвению; и сверх того всякую вольность и благополучие вам даруем. А буде и за сим последним нашим всемилостивейшим указом в такой же жестокой суровости и непокорении найдетесь, то уже всемерно избегнуть не можете поносной и публичной, как и Копеечкин ⁴³, смерти. С давнего б времени вы могли от нас воспріять по суровости вашей награждения, однако, как господь, терпя, отдаем челоуекам грехи, чему и мы ревнуем и ожидаем от усердия обращения вашего. Притом же несколько сожалетельно о неповинных и ко оной злобе и противлению участвующих.

Декабря 21 дня 1773 года.

PETR

№ 17 ⁴⁴

Божиею милостию мы, Петр третий, император, самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем во всенародное известие.

Понеже мы по данной от создателя высокой власти между прочими ежедневно изливаемыми щедротами новый знак отеческого своего милосердия к подданным своим всегда оказуем и тщимся, аки отец отечеству, своих верно-подданных рабов привести в благоцветущее состояние и во всеподданническое усерднейшее повиновение. А ныне мы, усмотря чрезвычайно оказанную от казака *имрек* ⁴⁵: несносную высокообладающей особе нашей поносную обиду, за которую по всем правам и узаконениям подверг себя он, *имрек*, публичной и поносной смертной казни. Однако за нужное нами признано публиковать всенародно, в таковых его вредных к нам предприятиях требовать от всего общества на то голосов, простить ли его *имрек*, или учинить над ним на основании законов, прочим в страх и в подтверждение, смертной казни. На что б смотря, каждый не отважился, чтоб нас понести ⁴⁶, и всегда возмог признавать и почитать нас за действительного и природного своего чадолюбивого монарха.

Марта 3 дня 1774 года.

PETRI

№ 18

Божиею милостию мы, Петр третий, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Жалуем сим именованным указом ⁴⁷ с монаршим и отеческим нашим милосердием всем, находящимся прежде в крестьянстве и подданстве помещиков. Быть верноподданными рабами собственно[й] нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою ⁴⁸, головами и бородами ⁴⁹, вольностию и свободою вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владение[м] землями, лесными, севокосными угодьями

и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку и свободждаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и градеких мздомцев-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений. И желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от предписанных злодеев-дворян странствие и немалые бедствия. А как ныне имя наше властью всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим именным указом: кои прежде они дворяне в своих поместьях и вотчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с своими крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян всякий может восчувствовать тишину, спокойную жизнь, коя до века продолжаться будет.

Дан июля 31 дня 1774 году.

ПЕТР

№ 19⁵⁰

Божиею милостию , Петр третий, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется Березовской станицы господину атаману и всем живущим во оной донского войска казакам и во всенародное известие.

Довольно уже наполнена была Россия о нашем от злодеев (главных сенаторов и дворян) укрытии вероятным слухом, но и иностранные государства небезызвестны. Ни от чего ж иного сие воспоследовало, как во время царствования нашего рассмотрено, что от прописанных злодеев-дворян древнего святых отец предания закон христианский совсем нарушен и поруган, а вместо того от их злоевредного вымыслу с немецких обычаев введен в Россию другой закон и самое богомерзкое брадобритие и разные христианской вере как в кресте, так и прочем неистовства. И подвергнули, кроме нашей монаршей вла-

сти, всю Россию себе в подданство, с наложением великих отягощений, и доведя ее до самой крайней гибели, чрез что как яицкое, донское и вол[ж]ское войско ожидали своего крайнего разорения и истребления. Что нами обо всем выше прописанном отечески соболезновав, сожалели и намерены были от их злодейского тиранства свободить и учинить во всей России вольность. За что нечаянно лишены мы всероссийского престола и вменены злоумышленными опубликованными указами в мертвые. Ныне ж по промыслу всевышней десницы волею его святою вместо совсем забвения имя наше процветает. И по прежде обязанной присяге, признав и уверясь о точном нашем имени, приняли и склонились под наш скипетр и корону живущие Оренбур[г]ской, Казанской и Оренбур[г]ской [?] губерний с приписными городами и уездами народ, також Башкирская, Калмыцкая орды, и поселенные по реке Волге саксоны ⁵¹ и вол[ж]ское казачье войско и оказывают ревность и усердие в службе нашей охотно без всякого от нас принуждения. Того ради заблагорассудить соизволили чрез сей наш всемилостивейший указ дать знать о нашем шествии с победоносной армией как означенной Березовской станице, так и всему природному донскому казачьему войску. Что если оное восчувствует наше отеческое попечение и пожелает вступить за природного своего государя, который для общего спокойствия и тишины претерпел великие странствия и немалые бедствия, то б желающие оказать ревность и усердие для истребления вредных обществу дворян явились бы в главную нашу армию, где и сами мы присутствуем; за что без монаршей нашей милости и на первый случай не в зачет жалованья по десяти рублей награждения оставлены не будут. А для сведения всему донскому войску повелеваем: сей указ станица от станицы пересылать вниз по течению реки Дону, а, списывая со оного, копии для надлежащего исполнения оставлять в каждой станице. Во свидетельство того мы собственною рукою подписали и государственною нашею короною укрепить соизволили.

Писан августа ... дня 1774 году.

ПЕТР

№ 20⁵²

Божиею милостию мы, Петр третий, император и самодержец всероссийский и прочая.

Антиповской станицы господину атаману Ивану Платонову [со] старшинами и всей Антиповской станице.

Объявляется во всенародное известие.

Уповательно вся Россия небезызвестна, которая уже большая половина под скипетром и корону нашу добропорядочным образом склонилась и, признав нас, обстоятельно уверясь о точном нашем имени, а особливо несколько донского и вол[ж]ского войска, оказывают в нашей службе ревность и усердие. Того ради и вам, господину атаману Платонову с войском, посылаем всемилоостивейший наш именной указ с монаршим и отеческим милосердием и повелеваем по прибытии нашем с армиею учинить пристойное встречу, понеже завтра в половину дня прибыть имеем, для чего быть готовым в нашу службу.

А злодеев-дворян всячески стараться искоренять.

Во верность чего за подписанием собственной нашей руки и с приложением короны сей указ дан.

Августа ... дня 1774 году.

ПЕТР

 № 21

Самодержавного императора Петра Федоровича всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Именной мой указ⁵³ во Оренбургскую губернскую канцелярию губернатору к Рейнздорфу Ивану Андреевичу и всем господам и всякого звания людям:

Выйдите вы из града вон, вынесите знамена и оружие, преклоните знамена и оружие пред великим государем. И за то великий государь не прогневался, что вы учинили великую пальбу; и в том великий государь прощает чиновных и солдат, и казаков, и всякого звания людей. А когда вы не выйдете из града вон да учините вы великую против-

ность, то не будет вам о[т] великого государя прощения, и власти всевышнего создателя нашего избегнуть не можете. Никто вас о[т] нашей сильных руки защитить не может.

1773 году ноября 5 дня.

Великий государь *ПЕТР ТРЕТИЙ*
всероссийский

№ 22

Самодержавного императора Петра Федоровича все-российского и прочая, и прочая, и прочая.

Дан мой именной указ в Воскресенский старый завод бывшему приказчику Петру Биспалову⁵⁴.

Исправить бы тебе великому государю 5 голубиц и тридцать бонбав⁵⁵; и которая из дела выйдет голубица, и представить бы тебе в скором поспешении к великому государю, и не жалеть бы тебе коней государевых. И казны, сколько погречно, давай. А и я тебя за то, великий государь, буду жаловать. И, как можно, исправляй, моего, государева, не жалея. И никто же бы Биспалова с командою не обидел ни встречный ни по[пе]речный. А ежели кто одного обидит, тот примет о[т] великого государя гнев.

1773 году ноября 8 дня.

Великий государь *ПЕТР ТРЕТИЙ*
всероссийский

№ 23⁵⁶

Глава армии, светлый государь дву[х] светов⁵⁷.

Я, великий и величайший повелитель всех российских земель, сторон и жилищ, надо всеми твар[я]ми и самодержец в сильнейшей своей руке, я есмь, иногда ведая и услышав знающи[й] прочих и прочих, а иногда другим затруднише, уверение, знание и ведение, но иногда быть точно

сам. От его великого императора самого Петра Федоровича государя, в силу именных моих указов, состоявшемуся за собственною рукою, и по словесному рассмотрению отпущен со объявлением из моей армии в Нагайбацкую крепость русак Василий Торнов с пятью его товарищи, который, если поедет в другую крепость, собравшись командою, кто не подлястся, то ему дана власть рубить без всякого прекословия, без остановки и без крику и без стону.

Написано декабря ... дня подорожное.

Сам во уверение руку приложил *ПЕТР ТРЕТИЙ*,
так и ведайте

№ 24

Божиею милостию мы, Петр третий, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется во всенародное известие.

Усмотрено нами по случаю бытности с победоносною нашею армиею как в Осинском пригородке, так и Казанской губернии:

Некоторые из находящихся в тех жительствоующие разного звания и чина люди, кои, чувствуя долг своей присяги, желая общего спокойствия и признавая своего государя, верноподданными обязуясь рабами, всретение имели с принадлежащею церемониею. Прочие же, а особливо злодеи-дворяне, не хотя быть верноподданными и лишиться своего дворянства, употребляя свои злодейства, сами, да и имеющих при себе крестьян возмущая к супротивлению, чинили с ними противности; за что грады и жительства их выжжены, а с противниками нашею короне учинено по всей строгости нашего монаршего правосудия. А как в случае нашего прибытия с армиею в город Алатырь находящиеся во оном священного и прочего звания жители, кои по должности своей присяги, признавая своего монарха, учинили с пристойною церемониею всретение, а особливо и в склонность приняли порядочным образом. Наипаче ж из усмотренной нами оказавшей вер-

ности господина прапорщика Елеазара Сулдедешева, кой, не хотя учинить нашему величеству противности, склонил и весь находящийся в городе Алатыре народ в подданство нашей короне, за что награждается рангом полковника, и препоручается ему, как верноподданному рабу, содержать оный город Алатырь под своим ведением и почитаться главным командиром. В которой должности поступать тебе для склонившегося народу в силу законов во всем неупустительно, не чиня никому обид, налог и притеснения. Потому ж и всем помянутого города обывателям быть ему во всем принадлежащем деле послушными. С противниками ж и бежавшими, кои чрез вас сысканы будут, поступать со оными так, как с действительными злодеями, бунтовщиками и изменщиками своему государю, по всей строгости нашего монаршего правосудия. Напротив же того, и вам повелевается с такими противниками чинить по вышеписанному без опущения.

Дан июля 23 дня 1774 году.

На подлинном подписано:

ПЕТР

№ 25

Божиею милостию мы, Петр третий, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Известно и ведомо да будет каждому, что Василий Косоговский, который прежде был подпоручиком, а тысяща семьсот семьдесят четвертого года июля двадесять четвертого дня за оказанную его к службе ревность и прилежность подполковником пожалован. Того ради мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем нашим верноподанным оного подполковника признавать и почитать. Напротив чего, и мы надеемся, что он в том ему всемилощивейше пожалованном чине так и верно и прилежно поступать будет. Во свидетельство того мы собственною рукою подписать соизволили.

Дан июля 24 дня 1774 года.

ПЕТР

№ 26⁵⁸

Божиею милостию мы, Петр третий, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется во всенародное известие.

По случаю бытности с победоносной нашей армией во всех сначала Оренбургской и Сибирской линии местах, жительствующие разного звания и чина люди, кои, чувствуя долг своей присяги, желая общего спокойствия и признавая, как есть, за великого своего государя и верно-подданными обязуясь быть рабами, всретение имели принадлежащим образом. Прочие ж, а особливо дворяне, не хотя своих чинов, рангу и дворянства отстать, употребляя свои злодейства, да и крестьян своих возмущая к супротивлению нашей короне, не повинуются, за что грады и жительства их выжжены, а со оным[и] противниками учинено по всей строгости нашего монаршего правосудия. А как по пришествии нашем с армией под город Саранск находящиеся во оном священного и прочего звания жители, кои, чувствуя должность своей присяги и признавая своего монарха, с пристойною церемониею учинили всретение. А особливо усмотрен нами из оказавшей его верности господин прапорщик Михайла Шахмаметев против прочих весьма отлично, за что награждается от нас главным командиром и воеводою, причем поручаются ему здешнего города и всего уезду оного обыватели всякого звания и чина, кои даются ему, чтоб быть во всяком послушании. Да и вам, господину воеводе, поступать как в государственных делах, а особливо для склонившегося народу в силу указных у~~ч~~коненн~~е~~в, не чиня напрасно никому обид и налог (не чинить). С противниками ж и бежавшими от нашего милосердия, кои сысканы будут, чинить так, как с действительными злодеями, бунтовщиками и изменщиками своему государю. И вам, господину воеводе, с мирскими людьми чинить в силу нашего указа во всем непременно.

Июля 28 дня 1774 года.

ПЕТР

ВОЗЗВАНИЯ, УВЕЩЕВАНИЯ
И НАСТАВЛЕНИЯ
ПУГАЧЕВСКИХ ПОЛКОВНИКОВ

№ 27¹

ысокородный и высокопочетный господин коллежский ассессор и премьер-майор Василий Иванович Свербеев!

Я во удивление прихожу, что так напрасно закоснели сердца человеческие и не приходят в чувство, а паче не иное что, как делают разорение православным христианам и проливают кровь неповинно, а паче называют премилосердощедрого государя и отца отечества великого императора Петра Федоровича бродягою, донским казаком Пугачевым. Вы ж думаете, что одна Исетская провинция имеет в себе разум, а прочих почитая за ничто или, словом сказать, за скот. Поверь, любезный: ошиблись! Да и ошибаются многие, не зная, конечно, ни силы, ни писания. Если б мы нашего премилосердого отца отечества, великого государя, были не самовидцы, то б и мы в сумнении были. Верь, душа моя, бессумненно, что верно и действительно наш государь батюшка сам истинно, а не самозванец. Что ж за прибыль быть православным христианом в междоусобии и бранех и проливать кровь неповинных? И за что ваш господин воевода² с артиллерийскою командою взялся вернейших государю слуг приводить в разорение? Пожалуй, сделай себя счастливым, прикажи, чтоб без всякого кровопролития сделать и крови напрасно не проливать. Если ж после сего последнего до вас увещания в склонность

не придете, то обещаюсь богом подвигнуть мои вверенные от его императорского величества войска, и уже тогда никакой пощады ждать вам наде[я]ться не предвижу. От мала и до велика прошу, яко брата, уговорить. Вас же, если сие сделаете, обещаваю вам пред богом живот ³, а не смерть; закоснелым же, кто не придет в чувство после сего, ожидать благополучия не остается. Разве мы не сыны церкви божией? Опомнитесь, други и братья о бозе! Затем, скратя, оканчиваю сим и остаюсь при армии, посланной от его императорского величества.

Генваря 8 дня 1774 года.

Главной армии полковник
ИВАН ГРЯЗНОВ

№ 28 ⁴

Находящимся в городе Челябинску всякого звания людям.

Не иное что к вам, приятные церкви святой сыны, я простираю руку мою к написанию сего: господь наш Иисус Христос желает и произвести соизволяет своим святым промыслом Россию от ига работы, какой же, говорю я вам, — всему свету известно. Сколько во изнурение приведена Россия, от кого ж — вам самим то небезызвестно: дворянство обладает крестьянами; но хотя в законе божием и написано, чтоб они крестьян так же содержали, как и детей, но они не только за работника, но хуже почитали полян [псов?] своих, с которыми гоняли за зайцами. Компанейчики ⁵ завели преимущество заводов и так крестьян работою утрудили, что и в [с]сылках того никогда не бывало, да и нет. А, напротив того, с женами и детьми малолетними не было ли ко господу слез! И чрез то, услыша, яко израилтян, от ига работы избавляет. Дворянство же премногощедрого отца отечества великого государя Петра Федоровича за то, что он соизволил при иступлении своем на престол о крестьянех указать, что у дворян

их не было во владении, но то дворянам нежели ныне, но и тогда не пользовало, а кольми паче ныне изгнали всяким неправедным наведением⁶. И так чрез то принужденным нашелся одиннадцать лет отец наш странствовать, а мы, бедные люди, оставались сиротами. А ныне отца нашего хотя мы и старание прилагаем возвести, но дворянство и еще вымысел сделало назвать так дерзко бродягою, донским казаком Пугачевым, а, напротив того, еще наказанным кнутом и клеймы имеющим на лбу и щеках. Но если б, други и приятные святыне церкви чада, мы были прещедрого отца отечества великого государя Петра Федоровича не самовидцы, то б и мы веры не поняли, чрез что вас уверяем не сомневаться и верить действительно и верно: государь наш истинно. Чего ради сие последнее к вам увещание пишу: приидите в чувство и усердно власти его императорскому величеству покоритесь. Нам кровь православных не нужна, да и мы такая ж, как и вы точно, православныя веры. За что нам делать междоусобные брани? А пропади тот, кто государю не желал добра, а себе самому! Следственно, все предприятия вам уже разуметь можно, и если вы в склонность притти не пожелаете, то уже говорю нескротно: вверенные мне от его императорского величества войска на вас подвигнуть вскоре имею, и тогда уже вам, сами рассудите, можно ли ожидать прощения. Мой же совет: для чего напрасно умирать и претерпевать разорение всем вам, гражданам? Вы, надеюсь, подумаете, что Челябинск — славный по России город и каменную имеет стену и строения, — отстоится. Не думайте, приятные: предел от бога положен, его же никто прейти не может. А вам навверное говорю, что стоять — не устоять. Пожалуйте, не пролейте напрасно свою кровь. Орды неверные государю покорились, а мы — противотворникам⁷. Затем, скратя сим, остаюсь.

Генваря 8 дня 1774 года.

Подлинный подписал тако:

Посланный от армии его императорского
величества главной армии полковник

ИВАН ГРЯЗНОВ

№ 29⁸

Рассмотрению нами чинено, и по рассмотрении сия ваша бумажка посылается обратно. Из манифеста ж усматривается, якобы государь наш церкви разорял и прочие чинил непорядки. О таковых непорядках написанных мы не ныне уже известны, что написано напрасно, и персонально с государем было говорено. Вы ж, не видя, называете Емельяном Пугачевым, а мы, видя, и свидетельствовали. Как дерзнуть можем! Да уже и печатовать более ко увещанию Гришек ростриг, видно, не находят⁹. Да и вы не дураки ли: Дмитрий царевич был весьма малолетен, а Гришка назвался уже в[з]рослым; почему ж было можно опознать его? Как наш батюшка, всемилостивейший государь, уже не малых лет принимать изволил Россию; следственно, кого б я видал прежде, но и на всех послаться могу, что узнаю чрез двадцать лет, — нежели чрез одиннадцать лет. Итак, если отыщутся у вас благо-разумные люди, рассудить могут, что и узнать можно. Так вы лихо не подумайте того, что дворяне привыкли всюю Россию ворочать, как скотом, но еще и хуже почитают собак, а притом без малых¹⁰ жить не привыкли. А государь все то от них тогда отобрать изволил, так чрез то дворяне умыслили написать хулу, а признали быть за лучшее владеть Россиею сами и всеми угодными им угодностями. И для того благоволите город сдать без всякого напрасного православным кровопролития. Если же вы так отдаться несогласны, дать нам искоре знать. Ныне ж чрез два часа присылкою парочного не умедлить. Вы думаете и опасаетесь прислать человека, так не извольте сомневаться. Мы по таковых сердец, как вы: нашего удерживаете. Если же своего жалко, выслать нашего, и для того немедленно дайте знать, или значную от вас персону для хотя переговоровки. Право, пустим обратно.

№ 30

От вповь прибывшего в армию его императорского величества со увещ[ев]ательным его величества разного российскийского и азиатского народов от зловозмущения и расхи-

щения бесповинных главного российского войска предводителя Ивана Степанова, сына Кузнецова, города Кунгура господам главнокомандующим, того города настоятелям, о нижеследующем с пунктами.

УВЕЩЕВАНИЕ ¹¹

1

Я уповаю, что пред сим азиатских народов от командующих вам увещевания были и посланы. Но как всем вам не столько вероятно, что прежде сего и всем россиянам было небессумнительно, а понеже мы уже самым видением лица его императорского величества удостоились довольно видеть и при нем верноподданнически служить, коего и опознали, что наш всероссийский государь третий Петр Федорович и ныне известных паки полного своего отечества и монаршеской власти восходит на императорский престол. И ныне уже большею частию верноприклонившими городами и селениями овладел и легкого казацкого войска укомплектовал неисчисленное множество, коих во все страны с приумноженною артиллериею к склонению противящихся и отправил, подтверждая всем верноподданным, дабы при взятъе городов и приклонившихся к полной власти его величества от идущих армий никакого жителям притеснения, разорения, обид, налог и бесповинного кровопролития не чинили. А если кто в таковых обращениях и противных развратах сыщется, то не избегнет от полновластной его величества власти смертной казни, что ныне мною по всей следующей арми[и] с жесточайшим подтверждением и учреждено. И как россияны, так и иноверные приведены вравне: за учиненные преступлени[я] по изысканию вины поступаемо быть иметь по всей строгости.

2

Я уже довольно во всех проездах до стоящего ныне в селе Старом Посаде войска рассматривал и видел, какие против воли его величества азиатские народы чинят не

только противящимся без всякого увещевания, но и верно-подданным делают притеснени[я] и разные предобиже-ни[я] ¹², за что всех вас уверяю, что сей народ, как вам известно, имеет отменные мысли, то и для нас несколько делали самовластность; теперь, как выше изъяснено, присмирены, и, надеюсь, в-первых, на всевидящего ока, а потом на его императорского величества и его доволь-ную армию, кои уже от беспокойства прекращены.

3

Мне впустило и то, что от города вашего делается от настоятелей, яко то: от подполковника Башмакова, президента Хлебникова ¹³, а колыми паче от сына его, Емельяна Хлебникова ж, — против воли его величества чинят противность. К возмущая бесповинный и неразумяющий закона народ, собирая, увещевая их своими предметами, чинят против отечества и воли его величества многие противлени[я] и невежества. Можно ль вам войтить в сожаление и убояться страшного будущего суда о преданных, яко беспастушных овцах, приведенных к точному кровопролитию! Можно ль вам разуметь сие увещевание!

4

При проезде ж моем некоторые изысканы веры грече-ского исповедания из христиан и новокрещенных против-ники и, оставя свой предел ¹⁴, по увещеванию мусульман восходили в их закоп, а церковнослужители, будучи в сем страхе, оставляли при церквах богу возблагодарение ¹⁵ и в молении пение. И усмотря сей разврат противя-щи[х]ся над нами содержащему в руках богу, то тех же минут повелел без страха по христианскому нашему закону оное вседневно служить и для здравия его императорского величества и арми[и] его величества молебственное пение чинить, а обратившихся к неверию по рассмотрению вин штрафовать.

5

Елико ж принадлежит до сего увещевания, то я истинно и по христианской должности объявляю. Верьте, любезное и чистосердечное христианство, что действительно наш император Петр Федорович трети[й]! Я б много о сем наупомянул, но видите довольное войско в разных прошениях, то недостает писать довольного увещевания, а с манифеста и указа из Военной коллегии[и] копию при сем представляю.

6

Ну, еще я вам хочу предобъявить. Вы все знающие закона. Первый наш император и все монархи или, паче сказать, всякое державство посылают в сих возмущениях друг ко другу посланников. Не думаю, чтоб каждый владетель или город его задержать мог. Что и я посланных от вас ни под каким видом задерживать под казнию не хочу, а имею отправлять против полученных известий с честностию при своих учреждениях. Вот города Кунгура не делают ли противление! Бедных посланников всех, не только простой народ, но и священнический чин, захватывая, со изнурением садит в тюрьмы! Пожалуй, усердно прошу сего не чинить и до погубления себя не доводить!

7

Когда вы еще хотите верноподданнически склониться, то последний раз отдаю на рассмотрение. И будьте верны, что вы ничем от арми[и] его величества разорены не будете, и хотя кто прежде злое учинил, то указом его величества от смертной казни прощается. Чего для, не страшась, прислать наперед ко мне лучших города содержателей к переговорке (ко мне) человек до десяти с настоящим изъяснением.

8

Когда ж от вас пленным выпуску ко мне не будет и сами не представитесь, то уверяю, что поступлено будет поощною рукою. И не думайте того, как теперь у меня

арми[и] пятнадцать тысяч и хорошей артиллери[и] с припасом снарядов, я к прибавлению за непокорство ваше еще от его императорского величества буду требовать вспоможение арми[и] до двадцати тысяч. Только верьте, что сожалею христианство. Не погубите себя и бесповинную чернь.

9

Напоследок предписываю: вот сколь я отечески по монаршескому повелению удостоиваю. Если вы артиллерию и оружие с припасами, а паче и из граждан ко мне лучших вышлете, то верьте, что я, оставя башкирскую команду, а без сумнения сам к вам войду, а для вашего сумнения все войско предоставляю во окольных селениях. А посланных наших верноподданных подводчиков того ж часа отпустить и велеть явиться ко мне.

Генваря 20 дня 1774 года.

Главный всего войска предводитель

ИВАН КУЗНЕЦОВ

Войской предводитель и переводчик

АДИЛ БИГАШЕВ

Казачий атаман

МИХАИЛ МАЛЬЦОВ

Главный полковой писарь

ПЕТР ЛУТОХИН

Ротный писарь

ВАСИЛИЙ ПРОТОПОПОВ

№ 31

От прибывшего к арми[и] его императорского величества главного российского и азиатского войска предводителя Ивана Кузнецова, полковника Салавата Юлаева с товарищи Юговского Ивана Осокина завода определенному от нас к набору казацкого российского войска казак атаману Гавриле Ситникову о нижеследующем с пунктами.

НАСТАВЛЕНИЕ

1

Всем вам известно, что помощью всеведущего бога и молением всего войска его императорского величества паки наш государь император трети[й] Петр Федорович из невидимых восходит на всероссийски[й] императорски[й] и отеческий свой престол, коего, самым делом признав, мы к верноподданнической его величества службе многие города и селени[я] приклонились. А как скоро мы прибыли к городу Кунгуру, то некоторые неверствующие в том городе и в прочих местах обыватели к службе его величества против разосланных увещеваний чинят великое противление и к полной воле его величества непокорение, что по большей части от города Кунгура и от разъездного с командою от полковника Башмакова возмущение чинится, и несправедливым его духом бесповинные народы погибают с кровопролитием и многим и разорением напрасно. Чего для от нечестивых, дабы не могли и еще последовать бесповинный урон, мы за сходность признали сему приехавшему и определенному от нас быть атаманом и определяем: всевозможно стараться вспомооществованием около Кунгура в селениях бесповинный народ увещевать и набирать к себе верно приклонившихся его императорскому величеству казацкого войска добронадежных с пристойным оружием и доброконных казаков и по наборе вокруг всего того города Кунгура окружить и стараться против воли его императорского величества противящихся искоренить; а приклоняющихся со всяким охранением и печися¹⁶ о том, дабы те верноподданные разорены не были, накрепко смотреть под смертною казнию.

2

О наборе ж казацкого войска, сколько именно числом будет набрано и в которых местах город Кунгур окружен будет и какиѳ неприятельские силы противление чинить будет, то о всем обстоятельно присылать к нам' именные

списки. А в случае уже злого нападения и с противящимися ратоборствия¹⁷, то, как всевозможно, с набранным войском явиться к нам.

3

Мы определяем тебе, Ситникову, в помощь быть при тебе в команде есаулом Стифею Черепанову и по пристойному числу выбрать сотников и капралов по рассмотрению вашему, коим наистрожайше подтвердить, чтоб онг над своими командами и случающейся экстранадобности были в готовности. И наперед по опасности присылать сюда достоверные извести[я] без подлога.

4

Будучи вам при сем командировани[и] и при наборе зерноподданных, в жительствох казакам никаких обид, налог и притеснения не чинить, ко взяткам, кроме съес[т]-ного припаса, не касаться под опасением смертной казни.

5

Если же где кем захвачено у разных обывателей скот и разный экипаж с денежною казною, то для изыскания виновного и с грабителям[и] присылать ко отправлению к его императорскому величеству к нам. И если вы в сей верности будете, то по усмотрению службы не оставитесь с награждением его величества жалованием. А в противном случ[ае], что вами злое против воли учинено будет, то, как выше значит, име[е]т каждый понестъ жесточайшую смерть.

6

Мы еще вам подтверждаем: сколько можно стараться и до последней крови капли неприятелв воли его величества, а именно подполковника Башмакова с товарищи с их командою, в вожные и ручные железа присылать к нам.

Во уверени[е] чего подписуемся. А для вседолжного сведения с манифеста и с указу Военной коллегии[и] прилагаются копи[и].

Генваря 21 дня 1774 года.

Главный предводитель

ИВАН КУЗНЕЦОВ

Войскою предводитель и переводчик

АДИЛ БИГАШЕВ

От арми[и] походный войсковой писарь

ПЕТР ЛУТОХИН

Походный ротный писарь

ВАСИЛИЙ ПРОТОПОПОВ

№ 32¹⁸

От его высокографского сиятельства Ивана Никифоровича Чернышева¹⁹ атаману Семену Волкову и есаулу Василию Завьялову

НАСТАВЛЕНИЕ

Из поданного мне Рождественского завода и деревень Пристаничной и Зобачевки от мирских людей заручного письма²⁰ усмотрено мною, что вы, Волков и Завьялов, с мирского согласия выбраны: ты, Волков, в атаманы, а Завьялов — в есаулы. Почему и надлежит вам свою команду содержать в добром порядке и ни до каких своевольств и грабительств не допускать; а ежели кто окажется его императорскому величеству противником, а вам послушником, таковых по произволению вашему наказывать на теле, смотря по вине. Напротиву того и вам самих себя к худому состоянию не подвергать и во всегдашнем времени его величества манифесты и указы должны чувствовать и непременно исполнение чинить, за что вы можете получить особливую себе похвалу. А команде своей

никаких обид, налог и разорений не чинить и ко взяткам не касаться, опасаясь за ваш проступок неизбежной смертной казни. А притом старание прилагайте по насылаемым от меня к вам ордерам и прочим повелительным письмам исполнение чинить в немедленном времени. И где что видеть можете интересу казенному какую трату, о том немедленно меня репортовать; также, где окажутся его величеству злодеические партии, таковых всемерно стараться с командою своею ко всеконечному истреблению приводить и верноподданных сынов отечеству защищать. А когда потребую из команды вашей в службу его императорского величества, то по тому требованию хороших и доброконных и вооруженных ребят в немедленном времени отправлять ко мне. А в службу набирать подлежит таковых, чтоб не были старше пятидесяти, а малолетнее осьмнадцать лет.

А как оный Рождественской завод в действии не находится, то и впредь до указу или до резолюции в действо не пускать.

Да имеется во окружности вашего завода экономических три села²¹: первое — Дуброва, другое — Степанова, третье — Сагатки, и с прочими к тем селам деревнями. И в тех селах и деревнях жителей определяется вам содержать у себя под командою и париды чинить в службы равным образом против прочих, и им также быть во всем вам послушным.

Во уверение чего с подписанием руки и с приложением печати сие и дано в селе Чесноковке.

Февраля 13 дня 1774 года.

Граф ИВАН ЧЕРНЫШЕВ

№ 33

От арми[и] его императорского величества атамана и походного полковника Ивана Наумова Белобородова находящимся в Красноуфимской крепости при русской команде казачьему есаулу Матвею Чигвинцову с товарищи.

Сего числа чрез нарочно присланных от вас казаков получил я от вас требование, в коем объявили о несчастном припадке ²² от города Кунгура армии его императорского величества, чему с немалым моим прискорбием встретало о таком несчастии сердце. Для чего вы требуете, чтоб мне подать вам руку помощи и как людей, так и артиллерии прислать вам на вспоможение; а ежели я под городом Екатеринбургом стоять и отпору учинить большей надежды не имею, то б и со всем войском отступить в наши места.

На что вам чрез сие объявляю: я с моею армиею, которой уже по власти всемогущего бога мне во управление поручилось, имею слишком три тысячи и, с крайним моим усердием занимая самые к Екатеринбургу нужнейшие места, и сам нахожусь поблизости оного Екатеринбурга. Итак, отступить или для вас из своего войска уделить армии никак невозможно, а хотя б вас артиллериею, то есть пушками, снабдить и можно, но пороху у меня в войске и у самого недостаточно. Я ж, усматривая из вашего требования, а паче дошедшими до меня слухами, уверен, что кунгурское войско над армиею его императорского величества, взыграв, получили себе добычу от слабости предводителя, не имея настоящего при войске распоряжения, допуская жадных к богомерзкому пьянству. Я ж бы для сохранения его императорского величества армии вверенного, на кого в том положиться мог, от себя и отправил; но находящаяся при мне армия для подклонения Екатеринбурга теперь раздроблена в разные места, и затем послать не можно.

Для чего, ревнуя его императорскому величеству, и за наилучшее предаю вам мое наставление к распоряжению и к лучшему управлению находящейся при вас армии, хотя в помощь себе выбрать по общему войска согласию верного, смелого и в нужных случаях неробкого человека, ибо армия всегда одним доброго распоряжения человеком против неприятеля ободрен[а]. Итак, вам предаю мое согласие, желая от моего усердия и прося у всещедрого бога милости, дабы на счастье его императорского величества вы с вашею армиею могли пребывать в целосохранинном здравии с безбедным противником воли его

императорского величества поражением, впрочем, я, рекомендуя о себе и своей армии, остался благополучно.

Февраля дня 1774 году.

И при сем вам накрепко подтверждаю, чтоб предводитель был выбран из верных рабов, который уже по довольной вашей знаемости к его императорскому величеству чистосердечные свои ревности оказуем, а не из ласцов²³, кои только одним видом и обманством свои заслуги оказывают. И в том крайне наблюдать, дабы от такого хищника впредь не можно было обмануться.

Атаман и походный полковник

ИВАН БЕЛОБОРОДОВ

Повытчик²⁴

МАКСИМ НЕГОДЯЕВ

№ 34

Из государственного военного корпуса от находящегося в башкирской деревне Верхних Кичах походного войскового старшего атамана Ивана Белобородова мешерскому старшине Бахтияру Каникаеву, сотникам Юсупу Юнусову, Абкариму Касякаеву, писарю Исмаилу Иманову

НАСТАВЛЕНИЕ

Во исполнение присланного из Государственной военной коллегии[и] на имя мое, Белобородова, указа, пущенного из оной от 4-го, полученного в реченной деревне чрез нарочную почту²⁵ 9-го числ[а] сего апреля, повелено для укомплектования и распространения корпуса его величества собрать русской, башкирской и черемисской его величества команды многотысячное число человек, коя и препоручена мне, Белобородову, для отправления в главную армию, дабы от недоброжелателей общего покоя могло

произойти в том всякое благополучие и тишина. В таком случае тебе, старшине Каникаеву с товарищи, дается сие наставление в нижеследующем образе:

В силу вышеписанного Государственной военной коллегии указа следовать вам в Кунгурский уезд и о сем объявите тамошних окольных жительств обывателям — русским, башкирским и черемисским, с тем чтоб они, кои доброго состояния, собрались к вам в команду без малейшего замедления со всем конным прибором и оружием, со обнадеживанием таковым, что они от его величества за ревность имеют получить достойную похвалу и без подлежащего удовольствия остаться не могут, а, напротив того, за непослушание поступлено будет по всей строгости законов неотменно и политической смерти²⁶ не избегнуть без всякой пощады. И когда вам те люди собраны будут, в таком случае оных привести ко мне, где я буду обретаться, без замедления. Между же тем, следуя из того Кунгурского уезда, имеющуюся под твоим ведением команду, колико оной соберется, только ни единого человека не оставляя под сме[р]тную казнию, совокупя с показанной, весть же ко мне. У которых если обыщутся²⁷ хорошие лошади, а казаков в команде не будет, у таковых тех лошадей обирать с запискою²⁸; также и какое орудие обыщется, потому ж брать. Будучи ж тебе, старшине Каникаеву, с товарищи, за тем порученным делом, обид и налог не иметь, опасаясь за то смертной казни неминуемо. И по сему учинить по всей строгости его величества законов неотменно.

Апреля 9-го числа 1774-го года.

Походный атаман

ИВАН БЕЛОВОРДОВ

Повытчик

СЕРГЕЙ ШВЕЦОВ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
НОВИКОВ

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ
ИЗ САТИРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА
«ТРУТЕНЬ»

ТРУТЕНЬ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ НА 1769 год

ПРЕДИСЛОВИЕ ¹

Господа читатели!

Сколько вы ни думайте, однакож верно не отгадаете намерения, с которым выдаю сей журнал, ежели я сам о том вам не скажу. Впрочем, это и не тайна. Господа читатели, вы люди скромные, так я без всякого опасения на вас в том положиться могу. Послушайте ж, дело пойдет о моей слабости: я знаю, что леность считается не из последних пороков; знаю, что она непримиримый враг трудолюбия; ведаю, что она человека делает неспособным к пользе общественной и своей частной; что человек, обладаемый сим пороком, недостоин соболезнования; но со всем тем никак не могу ее преодолеть. Порок сей так мною овладел, что ни за какие не могу приняться дела и для того очень много у себя теряю. В праздничные дни к большим боярам ездить на поклон почитается за необходимость, ибо те, которые сие исполняют, находят свое счастье гораздо скорее; но меня к тому леность не допускает. Чтение книг почитаю весьма полезным, но лень не допускает сие исполнять. Просвещать разум науками и познаниями нужно, но лень препятствует; словом, я сделался вечным невольником презрения достойной лени и могу во оной равняться с наиленивейшими гишпанцами. Часто по целой неделе просиживаю дома для того только, что лень одеться. Ни с кем не имею периписки затем, что лень не допускает. От лени никакой

еще и службы по сие время не избрал, ибо всякая служба несходна с моею склонностию. Военная кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество; она нужна, и без нее никак не можно обойтись; она почтенна, но она не по моим склонностям. Приказная хлопотлива, — надобно помнить наизусть все законы и указы, а без того попадешь в беду за неправоe решение. Надлежит знать все пронырствы, в делах употребляемые, чтобы не быть кем обмануту, и иметь смотрение за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорят: *Дай за работу*; а это очень трудно. И хотя она и по сие время еще гораздо нужна, но однакож она не по моим склонностям. Придворная всех покойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства гораздо в вышнем степене, нежели сколько должно знать ее актеру: тот притворно входит в разные страсти временно, а сей беспрестанно то же делает, а того-то я и не могу терпеть. Придворный человек всем льстит, говорит не то, что думает, кажется всем ласков и снисходителен, хотя и чрезвычайно надут гордостью. Всех обнадевивает и тогда же позабывает; всем обещает и никому не держит слова; не имеет истинных друзей, но имеет льстецов, а сам также льстит и угрождает случайным людям². Кажется охотником до того, от чего имеет отвращение. Хвалит с улыбкою тогда, когда внутренно терзается завистию. В случае нужды никого не щадит, жертвует всем для снискания своего счастья; а иногда, полно, не забывает ли и человечество! Ничего не делает, а показывает, будто отягощен делами; словом, говорит и делает почти всегда противу своего желанья, а часто и противу здравого рассудка. Сия служба блистательна, но очень скользка и скоро тускнеет; короче сказать, и она не по моим склонностям. Рассуждая таким образом, по сие время не сделал еще правильного заключения о том, что подлинно ли таковы сии службы или леность, пренятствуя мне в которую-нибудь из них вступить, заставляет о них неправильно думать; но утвердился только в том, чтобы ни в одну из них не вступать. К чему ж потребен я в обществе? *Без пользы свету жить — тягчить лишь только землю*, сказал славный российский стихотворец³. Сие взяв

ТРУТЕНЬ,
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ
ИЗДАНИЕ,
на
1769 годъ,
МЪСЯЦЪ МАЙ.

Они работаютъ , а вы ихъ трудъ ядите.

Г. Сумар. въ XIII приштѣ, I книги.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

в рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству. Думал иногда услужить каким-нибудь полезным сочинением, но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непроборимые препоны. Наконец, вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принести пользу моим согражданам. Итак, вознамерился издавать в сей году еженедельное сочинение под заглавием *Трутня*, что согласно с моим пороком и намерением, ибо сам я кроме сего предисловия писать буду очень мало, а буду издавать все присылаемые ко мне письма, сочинения и переводы в прозе и в стихах, а особливо сатирические, критические и прочие, ко исправлению правов служащие, ибо таковые сочинения исправлением правов приносят великую пользу; а сие то и есть мое намерение. Чего ради всех читателей прошу сделать мне вспоможение присылкою своих сочинений, которые все напечатаны будут* в моих листках. Сочинения присылать можно к переплетчику, у которого продаваться будут сии листки, с надписанием: *Г. издателю Трутня*. Предисловие мое оканчиваю искренним желанием, чтобы издание сие какую-нибудь пользу и увеселение принесло читателям. Причина сему изданию лень. Дай бог, чтобы она хотя однократно была полезна. Прощайте, г. читатели; я с вами долго говорить не буду для того, что я чрезвычайно устал.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ IV. МАЯ 19 ДНЯ

ВЕДОМОСТИ

Из некоторого приказа

Явилось порожнее место, которое в год две тысячи рублей безгрешного приносит дохода. Надобно знать, что сие место требует человека разумного, ученого и прилеж-

* Выключая те, кои будут против бога, правления, благопристойности и здравого рассуждения. Я надеюсь, что таковых и не будет, ибо против первых двух в наше время никто ничего не напишет, кто хотя искру понятия имеет; против последних же двух, без сомнения, благопристойность писать запретит.

ного, ибо от него блаженство и жизнь великого числа людей зависит. Трое домогаются сего места.

Первый из них дворянин без разума, без науки, без добродетели и без воспитания; хотя он во младых еще летах записан был в службу, но оной, живучи у матери между нянек и шутих, никогда не исполнял, а доставал чины чрез предстательство, преимущественно пред теми, которые служили. Душ за ним тысячи две; но сам он без души. Короче сказать, все достоинство сего молодца в том только и состоит, что он дворянин и родня многим знатным боярам.

Второй искатель места есть дворянин же, но родством ни с каким случайным боярином⁴ не связан. Поведения доброго, разума хотя и не пылкого, однако наукою подкрепленного. Служит в полках и хотя отменного ничего не сделал, но по крайней мере исполняет свою должность с прилежностью. Знает человечество⁵, из подвластных себе наказует только виновных, крестьян своих не грабит, живет не роскошно и по мере своего дохода, купцов по примеру других дворян не обманывает; словом, дворянин сей человек порядочный, и хотя он к важным должностям не вовсе годится, однако благополучно бы было наше отечество, ежели бы таких дворян гораздо побольше у нас завелось!

Третий проситель места, по наречию некоторых глупых дворян, есть человек подлый, ибо он от добродетельных и честных родился мещан. Природный его разум, соединенный с долговременным и в России и в чужих краях учением, учинили его мужем совершенным. Мало таких наук, которых бы он не знал или о которых бы он не имел понятия; защитник истины, помощатель бедности, ненавистник злых нравов и роскоши, любитель человечества, честности, наук, достоинства и отечества; верный друг, благоразумный отец, безмятежный сосед, рассудительный и беспристрастный судья. Во всех местах, куда он от правительства был определяем, оставлял примеры разумного своего поведения; благополучны были те люди, которыми он повелевал; неустрашимы были те солдаты, которыми он предводительствовал, и неприятель всегда разбит, с которым он сражался. Покрытый ранами и содеража себя одним жалованием, никогда не негодовал

на свою скудость, но спосил оную без роптания; словом, он показал собою, что не порока, но добродетели делают человека достойным почтения честных людей. Не просил бы он и упомянутого выше места, ежели бы здоровье его позволило долее служить в армии или ежели бы он не был в состоянии подвластных сему месту учинить благополучными и восстановить их от разорения, в которое приведены были бывшим судьейю.

Читатель! угадай: глупость ли, подкрепляемая родством с боярами, или заслуги с добродетелию награждаются?

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ V. МАЯ 26 ДНЯ

Господин Трутень!

Второй ваш листок написан не по правилам вашей прабабки⁶. Я сам того мнения, что слабости человеческие сожаления достойны, однакож не похвал, и никогда того не подумаю, чтоб на сей раз не покривила своею мыслию и душою госпожа ваша прабабка, дав знать на своей стр. 340 в разделении 52, что похвальнее снисходить порокам, нежели исправлять оные. Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан; но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает; и ежели смели написать, что учитель, любви к слабостям не имеющий, оных исправить не может, то и я с лучшим основанием сказать могу, что любовь к порокам имеющий никогда не исправится. Еще не понравилось мне первое правило упомянутой госпожи⁷, то-есть чтоб отнюдь не называть слабости пороком, будто Иоанн и Иван

но все одно. О слабости тела человеческого мы рассуждать не станем, ибо я не лекарь, а она не повивальная бабушка; но душа слабая и гибкая в каждую сторону покривиться может. Да я и не знаю, что, по мнению сей госпожи, значит слабость. Ныне обыкновенно слабостию называется в кого-нибудь по уши влюбиться, то-есть в чужую жену или дочь; а из сей мнимой слабости выходит: обесчестить дом, в который мы ходим, и поссорить мужа с женою или отца с детьми; и это будто не порок? Кои посторожее меня о том при досуге рассуждают, назовут по справедливости оный беззаконием. Любить деньги есть та[к]же слабость, почему слабому человеку простительно брать взятки и набогачаться грабежами. Пьянствовать также слабость или еще привычка; однако пьяному можно жену и детей прибить до полусмерти и подраться с верным своим другом. Словом сказать, я как в слабости, так [и] в пороке не вижу ни добра, ни различия. Слабость и порок, по моему, все одно, а беззаконие дело иное.

На конце своего листка ваша госпожа прабабка похвалит тех писателей, кои только угождать всем стараются, а вы сему правилу, не повинуюсь криводушным приказным и некстати умствующему прокурору, невеликое сделали угождение. Не хочу я вас побуждать, как делают прочие, к продолжению сего труда, ниже вас хвалить: зверок по когтям виден. То только скажу, что из всего поколения вашей прабабки⁸ вы первый, к которому я пишу письмо. Может статься, скажут г. критики, что мне как трутню с Трутнем иметь дело весьма сходно; но для меня разумнее и гораздо похвальнее быть трутнем, чужие дурные работы повреждающим, нежели такую пчелою, которая по всем местам летает и ничего разобрать и найти не умеет. Я хотел было сие письмо послать к госпоже вашей прабабке, но она меланхолических писем читать не любит⁹, а в сем письме, я думаю, она ничего такого не найдет, от чего бы у нее от смеха три дни бока болеть могли.

Покорный ваш слуга

ПРАВДУЛЮБОВ

ТРУТЕНЬ
ЛИСТ VI. ИЮНЯ 2 ДНЯ

ВЕДОМОСТИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Из Литейной

Змеян, человек неосновательный, ездя по городу, надседаяся кричит и увещевает, чтобы всякий помещик, ежели хорошо услужен быть хочет, был тираном своим служителям; чтоб не прощал им ни малейшей слабости; чтоб они и взора его боялись; чтоб они были голодны, наги и босы и чтоб одна жестокость содержала сих зверей в порядке и послушании. В самом деле *Змеян* поступает с своими рабами, как проповедует. О человечество! koliko ты страждешь от безумия *Змеянова*! и если б все дворяне пример брали с сего чудовища, то бы не было у нас кроме мучителей и мучеников. Однако благоразумный *Мирен* не следует мнению *Змеянову* и со всем отменно с подвластными себе обходится. Ежели *Мирен* не наилучших в России слуг имеет, так по крайней мере не боится, чтоб он ими был проклиняем.

ИЗ МОСКВЫ

Один посредственный дворянин, но любящий свою пользу больше общественной, имел крепостного человека, преискусного миниатюрного живописца. Искусство сего живописца велико, но доходы, которые он получал за свои труды, весьма были малы. Причина тому та, что он холоп и русский человек, ибо в Москве есть обыкновение русским художникам платить гораздо меньше иностранных, хотя бы последние и меньше имели искусства; словом, доходы сего живописца, за его содержанием, весьма малый составляли оброк его помещику. Помещик, как человек благоразумный и такой, который в рассуждении своих доходов арифметику учил только до умножения,

рассудил за благо сего живописца продать. Живописец купил бы сам себя, но не имел денег. Некоторый знатный господин, достойный за сие великого почтения, о том проведав и увидев его работу, купил его за 500 рубл. и избавил его от неволи для того, чтобы сему достойному художнику дать свободу. Сей господин старается, чтобы живописца приняли в Академию художеств. Ежели сие сделается, то он ему откроет путь ко снисканию счастья. Вот пример, достойный разумного, знатного и пользу общественную любящего господина! Дай бог, чтобы таковых наукам и художествам меценатов в России было побольше!

ИЗ КРОНШТАДТА

На сих днях прибыли в здешний порт корабли: 1) Trompeur * — из Гуана в 18 дней; 2) Vétilles ** — из Марсельи в 23 дни. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов, табакерки черепашковые, бумажные, сургучные; кружева, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякие так называемые галантерейные вещи; перья голландские в пучках чиненые и нечиненые; булавки разных сортов и прочие модные мелочные товары. А из Петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние наши безделицы, как то: пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотна и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы.

* * *

*

Молодого российскийского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею; желающие смотреть, могут его видеть безденежно по многим улицам сего города.

* — обманщик. — *Ред.*

** — безделки, пустяки. — *Ред.*

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ VII. ИЮНЯ 9 ДНЯ

Издатель Трутня¹⁰ обещался публике во своих листках не сообщать иных, как только ко исправлению нравов служащие сочинения либо приносящие увеселение. О сем по сие время всевозможное он прилагал попечение и уверяет, что и впредь брани, не приносящие ни пользы, ни увеселения, в его листках места имети не будут, ради чего издалика и с улыбкою взирает он на брань *Всякия Всячины*, относящуюся к лицу г. *Правдулюбова*, ибо сие до него, как до чужих трудов издателя, ни по чему не принадлежит, а только с нетерпеливостію желает он узнати, как таковые наполнения сих весьма кратких недельных листков благоразумными и беспристрастными читателями приняты будут.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ VIII. ИЮНЯ 16 ДНЯ

Издатель Трутня, во утешение Всякой Всячине, своей современнице, не хотел напечатать сего письма; но по справедливости не мог он в том отказать г. *Правдулюбову*¹¹, тем паче, что он от *Всякия Всячины* отдан на суд публике; итак, благоразумные и беспристрастные читатели сей суд по форме или и без формы, как им угодно, окончать могут. Оправданно г. *Правдулюбова* здесь следует.

* *
**Господии издатель!*

Госпожа *Всякая Всячина* на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я ду-

мал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуместь не может; а сия вина многим нашим писателям свойственна.

Из слов, в разделении 52 ею означенных, русский человек ничего иного заключить не может, как только, что господин А.¹² прав и что госпожа Всякая Всячина его критиковала криво.

В пятом листе Трутня ничего не писано, как думает госпожа Всякая Всячина, ни противу милосердия, ни противу снисхождения, и публика, на которую и я ссылаюсь, то разобрать может. Ежели я написал, что больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным потакает, то не знаю, как таким изъяснением я мог тронуть милосердие? Видно, что госпожа Всякая Всячина так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит.

Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная; но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц¹³, ни прочих слуху противных речей, которые в издании ее находятся.

Госпожа Всякая Всячина написала, что пятый лист Трутня уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то-есть в ничто превратить, есть слово, самовластною свойственное, а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-нибудь право другим. Но с госпожи Всякой Всячины довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам, и так их всех ей уничтожить не можно.

Она утверждает, что я имею дурное сердце, потому что, по ее мнению, исключаю моими рассуждениями снисхождение и милосердие. Кажется, я ясно написал, что слабости человеческие сожаления достойны, но что требуют исправления, а не потачки; итак, думаю, что сие мое изъяснение знающему российский язык и правду не покажется противным ни справедливости, ни милосердию. Совет ее, чтобы мне лечиться, не знаю, мне ли больше

приличен или сей госпоже. Она, сказав, что на пятый лист Трутня ответить не хочет, отвечала на оный всем своим сердцем и умом, и вся ее желчь в оном письме сделалась видна. Когда ж она забывается и так мокротлива, что часто не туда плюет, куда надлежит, то кажется, для очищения ее мыслей и внутренности не бесполезно ей и полечиться.

Сия госпожа назвала мой ум тупым, потому что не понял ее правоучений. На то отвечаю, что и глаза мои того не видят, чего нет. Я тем весьма доволен, что госпожа Всякая Всячина отдала меня на суд публике. Увидит публика из будущих наших писем, кто из нас прав.

Покорный ваш слуга

ПРАВДУЛЮБОВ

6 июня 1769 году.

Господин издатель! ¹⁴

Чистосердечное ваше о самом себе описание мне весьма нравится, чего ради я от доброго сердца хочу вам дать совет. В вашем Трутне печатаемые сочинения многими разумными и знающими людьми похваляются. Это хорошо, да то беда, что многие, испорченные нравы и злые сердца имеющие люди принимают на себя осмеиваемые вами лица и критикуемые вами пороки берут на свой счет. Это бы и не худо, ибо зеркало для того и делается, чтобы смотрящиеся в него видели свои недостатки и оные исправляли. И то зеркало почитается лучшим, которое вернее показывает лицо смотрящегося. Но дело-то в том состоит, что в вашем зеркале, названном Трутень, видят себя и многие знатные бояре. И хотя вы в предисловии своем и дали знать, что будете сообщать не свои, но присылаемые к вам сочинения, однакож злостию напоившие свои сердца люди ставят это на ваш счет. Вот что худо-то! Мне очень будет прискорбно, ежели кто на вас за то будет досадовать; а каково иметь дело с худыми людьми и знатными боярами, я уже искусился. Я доживаю шестой десяток лет и во всю мою жизнь имел несчастье тягаться с большими боярами, угнетавшими истину, правосудие, честь,

добродетель и человечество. О г. издатель! сколько я от них претерпел! Смело сказать можно, что лучше иметь дело с лютым тигром, нежели с сильным злым человеком; тот со всем своим зверством и лютостью отнимает только жизнь, а последний оной не отнимает; но, отнимая душевное спокойствие и крепость, приводит дух во изнеможение так, что иногда подосадуешь за то, на что написано: *Не ревнуй лукавнующим, ниже завидуй творящим беззаконие.* Но полно, ныне таких бояр немного. Жаль, что надобно солгать, ежели сказать, что их совсем нет. Что ж делать! *В семье не без урода.* Надобно и за то благодарить бога, что их немного. Вместо старых есть ныне из молодых господ такие, которые, важных не имея дел, упражняются в безделицах и пред малочинными людьми показывают себя великими министрами в малых делах, недостойных ни чина их, ни имени, употребляя притом непростительные уклончивости, ласкательства, потачки и непозволённые хитрости, а все это для какой ни на есть безделицы или по слепому повиновению своим страстям и пристрастию к какой-либо вещи. Надобно желать, чтобы они способны были к важным государственным делам и прилежны ко исполнению оных так, как к малым, тогда бы они принесли превеликую пользу обществу. Намнясь при мне один такой придворный не господин, да еще господчик, говорил о вашем Трутне весьма пристрастно; надлежит сказать, что он имеет доброе сердце, но некоторая слабость им очень сильно владеет, почему он говорит и делает только то, что связано с выгодами его слабости. Сей господчик говорил следующее: «Не в свои-де этот автор садится сани. Он-де зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая-де смелость не что иное есть, как дерзновение. Полно-де его недавно отпряла Всякая Всячина очень хорошо; да это еще ничего, в старые времена послали бы-де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русского владения¹⁵; но нынче-де дали волю писать и пересмехать знатных и за такие сатиры не наказывают. Ведь-де знатный господин не простой дворянин, что на нем то же взыскивать, что и на престолюдымах. Кто-де не имеет почтения

и подобострастия к знатым особам, тот уже худой слуга. Знать, что де он не слышал, что были на Руси сатирики и не в его пору, но и тем рога посломали; а это-де одни пустые рассказы, что он печатает только присыльные пиесы. Пинче-де знают и малые ребята этот счет¹⁶, что дважды два будет верно четыре; а сверх того в его-де сатирах ни соли, ни вкуса не находят. Гораздо бы было лучше, ежели бы-де он обирал около себя и писал сказочки или что-нибудь посмешнее, так, как другие писатели журналов делают; так бы такое сочинение всем нравилось и больше бы покупали, так бы-де и ему больше было прибыли; а от этого журнала наверно-де он не разбогатает». Итак, г. издатель, совет вам даю следующий: не слушайте сего господчика, не обирайте около себя вздоров и не печатайте; нам они и так уже наскучили. И публика не такой худой имеет вкус, чтобы худое больше хорошего хвалила; но, следуя благоразумию, продолжайте печатать такие пиесы, какие мы по сие время в Трутне читали, но только остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатных бояр и боярынь. Пишите сатиры на дворян, на мещан, на приказных, на судей, совесть свою продавших, и на всех порочных людей; осмивайте худые обычаи городских и деревенских жителей; истребляйте закоренелые предрассуждения и угнетайте слабости и пороки, да только не в знатных; тогда в сатирах ваших и соли находить будут больше. Здесь аглинской соли употребление знают не многие; так употребляйте в ваши сатиры русскую соль, к ней уже привыкли. И это будет приятнее для тех, которые соленого есть не любят. Я слышал следующие рассуждения: в положительном степене или в маленьком человеке *воровство* есть преступление противу законов; в увеличивающем, то-есть среднем, степене или средостепенном человеке *воровство* есть порок; а в превосходительном степене или человеке, по вернейшим математическим новым исчислениям, *воровство* не что иное, как слабость. Хотя бы и не так надлежало, ибо кто имеет превосходительный чип, тот должен иметь и превосходительный ум, и превосходительные знания, и превосходительное просвещение; следовательно, и преступление такого человека должно быть превосходитель-

ное, а превосходительные по своим делам и награждение и наказание должны получать превосходительное. По полно, ведь вы знаете, что не всегда так делается, как говорится! Письмо мое оканчиваю искренним желанием успеха в вашем труде и чтобы мой совет принес вам пользу; а издание ваше всем знатым господам чтобы так нравилось, как нравится оно семерым знатым боярам¹⁷, которых я знаю. Сии господа читать сатиры великие охотники и, читая оные, никогда не краснеют, для того что никогда не делают того, от чего, читая сатиры, краснеть должно. Впрочем, с удовольствием всегда есмь

к вашим услугам готовый

ЧИСТОСЕРДОВ

Там, где я нахожусь.
Июня 6 дня 1769 года.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ IX. ИЮНЯ 23 ДНЯ

ВЕДОМОСТИ

ИЗ КОЛОМНЫ

Забылчесть дворянин, находясь в некотором приказе судьбою, трудами своими и любовью ко ближним нажил довольное имение. Он имел попечение о пропитании одних и в то же время разорял других, подобных себе по образу, а не по делам, ~~Барей~~. Его следующими описывают красками: несправосуден, завистлив, пронырлив, прибыткожаден, скуп, жестокосерд к бедным, злоязычник, ябедник и крючкотворец; а жена его, как сказывают, толста, глупа и проч., короче сказать, оба они составляют сокращенное хранилище пороков. Он подчиненным своим ничего не приказывает, не сказав *во святой час* и не прочитав молитву *пресвятой троице*; водки никогда не пьет, хотя бы то было и в гостях; дела подписывает перекрестясь, говоря: *честной-де крест на враги победа*, несмотря что те его

враги бывают часто законы, истина, правосудие, честь и добродетель, ибо он часто вершит дела против законов и истины; от таких беспокойств он и супруга его занемогли. Доктор прописал в рецепте для г. судьи *добрую душу и честь*; а для супруги *разум*, сколько одного потребно для судейской жены; но судья говорит: на такие-де ненужные расходы не пажил я еще денег.

ИЗ ТВЕРИ

Недавно пред сим чрез наш город проехал молодой дворянин, обучавшийся в некотором славном немецком университете разным наукам. Он о том городе рассказывал нам чудеса. Мещанин наш *Чистосердов* спрашивал у него о нравах того народа, о узаконениях, о обрядах их ярмонков и о проч.; но он ни на что не мог порядочного дать ответа. Мещанин потом спросил его, чему он там обучался? Дворянин отвечивал: философии. — «А что такое философия?» — «Философия не что иное есть, как дурачество, — отвечивал ученик славного университета, — а совершенный философ есть совершенный дурак». — «О! так вы с превеликим оттоле возвращаетесь успехом, — сказал мещанин, — ибо я нахожу вас совершенным философом». Дворянин, усмехнувшись, отвечал: «*Сократ*, славный в древности философ, говаривал о себе, что он дурак; а я о себе того сказать не могу, потому что я еще не *Сократ*». — «Об вас это другие скажут». — «А знаете ли вы, — спросил дворянин, — какая разница между ученым дураком и неученым?» — «Всеконечно, знаю, — сказал мещанин; — разница между ими та, что ученые дураки гораздо больше делают вреда государству». И разошлись. Дворянин поехал в путь, а мещанин нам сказал: «Видите, братцы, что и в славных немецких университетах разума не продают».

* *
*

Судья некоторого приказа покривил весы правосудия; он в том не виноват, а виноват подрядчик, который на судейскую сторону так много положил кулей с мукою,

что правосудие против такой тягости устоять не могло; желающие те весы починкою исправить из своих материалов могут явиться в том приказе.

* *
*

Прокурор *Правдулюбов* с судьей *Криводушным* в одном сидит судебном месте. Судья заразился известною под именем акциденции болезнью¹⁸, и для того в решении дел часто с прокурором бывает несогласен. Прокурор, опасаясь дальнейших от того следствий, чрез сие объявляет, что ежели сыщется искусный в лечении сих болезней лекарь и сего судью вылечит, тому за труды даст он награждение из собственных денег, ибо судья о лечении сей болезни и слышать не хочет; желающие помянутого судью пользоваться могут явиться у прокурора *Правдулюбова* немедленно.

* *
*

В некотором приказе был судья; он, служа в военной прежде службе, привык взятков не брать, почему, и сделавшись судьей, не переменялся. Он вершил дела по законам, не толкуя оные вкриво; весы правосудия в его время ни кулями с хлебом, ни мешками с деньгами покривлены не были. Все удивлялись его ополчению противу искушателей; и, наконец, большие судьи его правосудие почли гордостью, думая, что он не берет для того, что не дают больше. Гордость его наказали отрешением его от того места; он о том и не тужил; на место его посажен другой судья, в котором нималой нет гордости. Он берет взятки не яко взятки, но яко подарки. Весы правосудия в его руках, а указы в его устах, ибо они говорят то, что прикажет судья. Итак, в том месте, где сидел голубь, сидит ныне ястреб, о чем для сведения и объявляется.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XVI. АВГУСТА 11 ДНЯ

ВЕДОМОСТИ

ИЗ КРОНШТАДТА

На сих днях в здешний порт прибыл из *Бурдо*¹⁹ корабль; на нем кроме самых модных товаров привезены 24 француза, сказывающие о себе, что они все бароны, псвалье²⁰, маркизы и графы и что они, будучи несчастливы во своем отечестве, по разным делам, касавшимся до чести их, приведены были до такой крайности, что для приобретения золота, вместо Америки, принуждены были ехать в Россию. Они во своих рассказах солгали очень мало, ибо, по достоверным доказательствам, они все природные французы, упражнявшиеся в разных ремеслах и должностях третьего рода²¹. Многие из них в превеликой жили ссоре с парижскою полициею, и для того она по ненависти своей к ним сделала им приветствие, которое им не полюбилось. Оно в том состояло, чтобы они немедленно выбрались из Парижа, буде не хотят обедать, ужинать и почевать в Бастилии. Такое приветствие хотя было и очень искренно, однакож сим господам французам не полюбилось; и ради того приехали они сюда и намерены вступить в должности учителей и гофмейстеров²² молодых благородных людей. Они скоро отсюда пойдут в Петербург. Любезные сограждане, спешите нанимать сих чужестранцев для воспитания ваших детей! Поручайте немедленно будущую подпору государства сим побродягам и думайте, что вы исполнили долг родительский, когда наняли в учителя французов, не узнав прежде ни знания их, ни поведения.

ПОДРЯДЫ

Некоторому судье потребно самой свежей и чистой совести до несколько фунтов; желающие в поставке оной подрядиться, а у него купить старую его от челобитчского виноградного и хлебного сектара²³ перегоревшую

совесть, которая, как он уверяет, весьма способна к отысканию желаемого всеми философического камня, могут явиться в собственном его доме.

* *
*

Недавно пожалованный прокурор отъезжает во свое место и по приезде желает он развестъ редкое в том городе растение, именуемое *цветущее правосудие*, хотя воевода того города до оного растения и не охотник, чего ради потребен ему, г. прокурору, искусный садовник; желающие вступить во оную должность могут явиться у г. прокурора немедленно.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXIII. СЕНТЯБРЯ 29 ДНЯ

РЕЦЕПТЫ

Для его превосходительства г. Недоума

Сей вельможа ежедневную имеет горячку величаться своею породою. Он производит свое поколение от начала вселенной, презирает всех тех, кои дворянства своего по крайней мере за пятьсот лет доказать не могут; а которые сделались дворянами лет за сто или меньше, с теми и говорить он гнушается. Тотчас начинает его трясти лихорадка, если кто пред ним упомянет о мещанах или крестьянах. Он их в противность модного наречия не удостоивает ниже имени подлости, а как их называть, того еще в пятьдесят лет бесплодной своей жизни не выдумал; не ездит он ни в церковь, ни по улицам, опасаясь смертельного обморока, который непременно, думает он, с ним случится, встретившись с неблагородным человеком. Вот для чего сей вельможа, подобясь дикому медведю, сосущему свои лапы, сделал дом свой навсегда летнею и зимною для себя берлогою, или, лучше сказать, он сделал дом свой домом бешеных, в котором, отдавая себе

•

справедливость, добровольно заключился. Затворник наш ежечасно негодует на судьбу, что определила она его тем же пользоваться воздухом, солнцем и месяцем, которым пользуется простой народ. Он желает, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтоб простой народ совсем был истреблен, о чем неоднократно подавал он проекты, которые многими ради хороших и отменных мыслей²⁴ были опорочены для того, что изобретатель для произведения в действо своей выдумки требовал наперед трехсот миллионов рублей. Вельможа наш ненавидит и презирает все науки и искусства и почитает оные бесчестьем для всякой благородной головы. По его мнению, всякий шляхтич может все знать, ничему не учаю; философия, математика, физика и прочие науки суть безделицы, не стоящие внимания дворянского. Гербовники и патенты²⁵, едва-едва от пыли и моли спасшиеся, суть одни книги, кои он беспрестанно по складам разбирает. Александрийские листы²⁶, на которых имена его предков расписаны в кружках, суть одни картины, коими весь дом его украшен; короче сказать, деревья, чрез которые [он] происхождение своего рода означает, хотя многие сухие имеют отрасли, но нет на них такого гнилого сучка, каков он сам, и нет такой во всех фамильных его гербах скотины, каков его превосходительство. Однако г. *Недоум* о себе думает противное и по крайней мере в разуме великим человеком, а в породе божком себя почитает; а чтобы и весь свет тому верил, ради того он старается не чрез полезные и славные дела от других быть отличным, но чрез великолепные дома, экипажи и ливрею, несмотря что он для поддержания своей глупости проживает уже те доходы, кои бы еще чрез десять лет проживать надлежало. Для излечения г. *Недоума* от горячки

Рецепт

Надлежит больному довольною меру здравого привить рассудка и человеколюбия, что истребит из него пустую кичливость и высокомерное презрение к другим людям, ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество,

по она всегда будет обеспечена, когда не подкрепитсн достоинством и знатными к отечеству заслугами. Мнитсн, что похвальнее бедным быть дворянином или мещанином и полезным государству членом, нежели знатной породы тунеядцем, известным только по глупости, дому, экипажам и ливрее.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXIV. ОКТЯБРЯ 6 ДНЯ

РЕЦЕПТЫ

для г. Безрассуда

Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о том знает он только по тому, что они крепостные его рабы. Он с ними точно так и поступает, собирая с них тяжкую дань, называемую *оброк*. Никогда с ними не только что не говорит ни слова, но и не удостоивает их наклоения своей головы, когда они по восточному обыкновению пред ним по земле распростираются. Он тогда думает: *Я господин, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка; они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора.* В дополнение к сему прибавляет он, что точно о крестьянах сказано: *в поте лица твоего снеси хлеб твой.* Бедные крестьяне любить его, как отца, не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его тремещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва-едва имеют дневное пропитание, затем что насилу могут платить господские поборы. Они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: *это не мое, но божие и господское.* Всевышний благословляет их труды и награждает, а *Безрассуд* их обирает. Безрассудный! разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою во образе крестьян, рабов твоих? разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком. Вообрази рабов твоих состояние:

оно и без отягощения тягостно; когда ж ты гнушаешься теми, которые для удовольствования страстей твоих трудятся почти без отдохновения²⁷, то подумай, как должны гнушаться тобою истинные человеки, человеки господа, господа, отцы своих детей, а не тираны своих, как ты, рабов. Они гнушаются тобою, яко извергом человечества, преобра[щаю]щим нужное подчинение в неспособное иго рабства. Но *Безрассуд* всегда твердит: *я господин, они мои рабы; я человек, они крестьяне*. От сей вредной болезни

Рецепт

Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXVI. ОКТЯБРЯ 20 ДНЯ

КОПИЯ С ОТПИСКИ

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьют челом *** отчины твоей староста Андрюшка со всем миром.

Указ твой господский мы получили и денег оброчных со крестьян на нынешнюю треть собрали: с сельских ста душ — сто двадцать три рубли двадцать алтын; с деревенских с пятидесяти душ — шестьдесят один рубль семнадцать алтын; а в недоимке за нынешнюю треть осталось на сельских двадцать шесть рублей четыре гривны, на деревенских — тринадцать рублей сорок девять копеек; да послано к тебе, государь, прошлой трети недоборных денег с сельских и деревенских сорок три рубли двадцать копеек, а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился, насилу могли семена в гумны собрать. Да бог посетил нас скотским падежом, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, так и ту кормить нечем, сена были худые, да

и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многие пошли по миру. Неплательщиков по указу твоему господскому на сходе сек нещадно, только они оброку не заплатили, говорят, что негде взять. С Филаткою, государь, как поволишь? денег не платит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохворал, а сын большой помер, остались маленькии робятишки; и он нынешним летом хлеба не сеял, некому было землю пахать, во всем дворе одна была сноха, а старуха его и с печи не сходит. Подушные деньги за него заплатил мир, видя его скудость, а за твою, государь, недоимку по указу твоему продано его две клетки за три рубли за десять алтын; корова — за полтора рубли, а лошади у него все пали; другая коровенка оставлена для робятишек, кормить их нечем; миром сказали, буде ты его в том не простишь, то они за ту корову деньги отдадут, а робятишек поморить и его вконец разорить не хотят. При сем послана к милости твоей Филаткина челобитная, как с ним сам поволишь, то и делай; а он уже не плательщик, покуда не подрастут робятишки: без скотины да без детей наш брат твоему здоровью не слуга. Миром, государь, тебе бьют челом о завладеваемой у нас *Нахранцовым* земле, прикажи ходить за делом: он нас здесь разоряет и землю отрезал по самые наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дело по указу твоему господскому собрано тридцать рублей и к тебе посланы без доимки; за неплательщиков положили тяглые, только прикажи, государь, добиваться по делу. *Нахранцов* на нас в городе подал явочную челобитную, будто мы у него гусями хлеб потравили, и по тому его челобитью была за мною из города посылка. Меня в отчине тогда не было, посыльные забрали в город шесть человек крестьян в самую работную пору; и я, государь, в город ездил, просил секретаря и воеводу, и крестьян ваших выпустили; только по тому делу стало миру денег шесть рублей, воз хлеба да пять возов сена. *Нахранцов* попался нам на дороге и грозился нас опять засадить в тюрьму; секретарь ему родня, и он нас очень обижает. Отпиши, государь, к прокурору: он боярин добрый, ничего не берет, когда к нему на поклон придешь, и он твою милость знает, авось-либо он за нас вступится и секретаря уйдет, а воевода никаких дел не делает, ездит

с собаками ²⁸, а дела все знает секретарь. Вступишь, государь, за нас, своих сирот; коли ты за нас не вступишься, так нас совсем разорят и *Пахранцов* всех нас пустит в мир. Да еще твоему здоровью всем миром бьют челом о сбавке оброчных денег, нам уже стало невоготу; после переписи у нас в селе и в деревне померло больше тридцати душ, а мы оброк платим все тот же; покуда смогли, так мы таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже невмочь. Буде не помилуешь, государь, то мы все вконец разоримся; неплательщики все прибавляются, и я по указу твоему сбор делал всякое воскресение и неплательщиков секу на сходе, только им взять негде, как ты с ними не поволитишь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынешним летом не родились, бабы просят, чтобы изволил ты взять деньгами, по чему укажешь за фунт; да еще просят, чтобы за пряжу и за холстину изволил ты взять деньгами. Лесу твоего господского продано крестьянам на дрова на семь рублей с полтиною; да на две избы, по десяти рублей за избу. И деньги, государь, все с Антошкой посланы. При сем еще послано штрафных денег с Ипатки за то, что он в челобитье своем тебя, государь, оболгал и на племянника сказал, будто он его не слушался и затем с ним разошелся, взято по указу твоему тридцать рублей. С Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублей. И он на сходе высечен. Он сказал: *я-де это сказал с глупости*, а напередки он тебя, государя, отцом называть не будет. Дьячку при всем мире приказ твой объявлен, чтобы он впредь так не писал. Остаемся раби твои староста Андриюшка со всем миром, земно кланяемся.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXVII. ОКТЯБРЯ 27 ДНЯ

Г. Злораду, думающему, что слуг, ему подчиненных, ко исполнению своих должностей ничем иным принудить невозможно, как строгостию иль паче зверством и жестокими побоями. Для сей причины подчиненных ему слуг и за самоналейшие слабости и оплошности наказывает

зверски. Он не говорит с ними никогда ласково, но такими словами, которые в них производят ужас. Одевает, обувает и кормит он своих слуг весьма худо, утверждая, что когда сии безумия его несчастные невольники чувствуют голод и холод, тогда ежеминутно помнят они свое рабство и, по его мнению, следовательно, тем побуждаются ко исполнению своих должностей. Любовь к человечеству он опровергает и утверждает, что рабам жестокость и наказание равно, как и дневная пища, необходимо нужны. Надлежит думать, что он имеет сердце, напоенное лютым зверством и жестокостию, когда не слышит вопиющего гласа природы: *и рабы — человеки*. А нрав его весьма соответствует испорченному его воспитанию. От такой болезни надлежит прописать рецепт...

Для г. Злорада

Чувствований истинного человечества 3 лота; любви к ближнему 5 золотник. и соблезнования к несчастию рабов — 3 золотн.; положи вместе, истолочь и давать больному в теплой воде; а потом всякий час давать ему нюхать спирт, делающийся из благоразумия. Если ж и сие не поможет, тогда дать больному принять волшебных капель от 30 и до 40. Сии капли произведут то, что он сам несколько часов будет чувствовать рабское состояние, и после сего он, конечно, излечится.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXX. НОЯБРЯ 17 1814

КОПИЯ С ДРУГОЙ ОТПИСКИ

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьет челом и плачется сирота твой Филатка.

По указу твоему господскому, я, сирота твой, на сходе высечен, и клетки мои проданы за бесценок, также и ко-рова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит

остальных, только мне взять негде, остался с четверыми робятишками мал мала меньше, и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем. Над робятишками и надо мною сжалился мир, видя нашу бедность: им дал корову, а за меня заплатили подушные деньги, а то бы пришлось последнюю шубенку с плеч продать. Пынешним летом хлеба не сеял, да и на будущей земли не пахал; нечем подняться. Робята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем, пришлось пойти по миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить и дать вашу господскую лошадь, хотя бы мне мало-помалу исправиться и быть опять твоей милости тяглым крестьянином. За мною, покуда на меня бог и ты, государь, не прогневались, недоимки никогда не бывало, я всегда первый клал в оброк. Нынче пришлось на меня невзгодье, и я поневоле сделался твоей милости неплательщиком. Буде твоя милость до меня будет, и ты оботрешь мои сиротские и бедных моих робятишек слезы и дашь исправиться, так я и опять твоей милости буду крестьянин; а как подрастут робятишки, так я и добрый буду тебе слуга. Буде же ты, государь, надо мною не сжалишься, то я, сирота твой, и с маленькими моими сиротишками поневоле пойду питаться христовым именем. Помилуй, государь наш, Григорий Сидорович! кому же нам плакаться, как не тебе? Ты у нас вместо отца, и мы тебе всей душой ради служить. Да как пришлось невмочь, так ты над нами смилуйся; наше дело крестьянское, у кого нам просить милости, как не у тебя? У нас в крестьянстве есть пословица: *до бога высоко, а до царя далеко*, так мы таки все твоей милости кланяемся. Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не сжалишься? Помилуй, государь, прикажи мне дать клячонку и от оброка на год уволить, мне без того никак подняться невозможно; ты сам, родимый, человек умный и ты сам ведаешь, что как твоя милость без нашей братьи крестьян, так мы без детей да без лошадей никуда не годимся. Умилосердися, государь, над бедными своими сиротами. О сем просит со слезами крестьянин твой Филатка и земно и с робятишками кланяется.

КОПИЯ С ПОМЕЩИЧЬЕГО УКАЗА

Человеку нашему Семену Григорьеву!

Ехать тебе в **** наши деревни и по приезде исправить следующее:

1

Проезд отсюда до деревень наших и оттуда обратно иметь на счет старосты Андрея Лазарева.

2

Приехав туда, старосту при собрании всех крестьян высечь нещадно за то, что он-за крестьянами имел худое смотрение и запускал оброк в недоимку и после из старост его сменить; а сверх того взыскать с него штрафа сто рублей.

3

Сыскать в самую истинную правду, как староста и за какие взятки оболгал нас ложным своим докладом? За то прежде всего его высечь, а потом начинать следствием порученное тебе дело.

4

Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коем староста учинил ложный донос, обоих их дома опечатать и определить караул; а их самих отдать под караул в другой дом.

5

Если ж в чем-либо будут они чинить заперательство, то объяви им, что они будут отданы в город для наказания по указам.

6

И как нет сомнения, что староста донос учинил ложный, то за оное перевести его к нам на житье в село ***; буде же он за дальним расстоянием перевозиться и разорять себя не похочет, то взыскать с него за оное еще пятьдесят рублей.

7

Сколько пожитков всякого звания осталось после крестьянина Аписима Иванова и получено крестьянином Панфилом Даниловым, то все с него, Данилова, взыскать и взять в господский двор, учиня всему тому опись.

8

Крестьян в разделе земли по просьбе их поровнять по твоему благорассуждению; но притом, однакож, объявить им, что сбавки с них оброку не будет и чтобы они, не делая никаких отговорок, оный платили бездоимочно; неплательщиков же при собрании всех крестьян сечь нещадно.

9

Объявить всем крестьянам, что к будущему размежеванию земель нужно взять выпись; и для того на оное собрать тебе со крестьян, сколько нужно будет на взятие выписи.

10

В начавшийся рекрутский набор с наших деревень рекрута не ставить, ибо здесь за них поставлен в рекруты Гришка Федоров за чипенные им неоднократные пьянствы и воровствы вместо наказания, а со крестьян за поставку того рекрута собрать по два рубли с души.

11

За ложное показание Панфила Данилова и утайку свойства ²⁹ других взять с него, вменяя в штраф, сто рублей; а его перевести к нам в село *** на житье; а когда он просить будет, чтобы полученные им неправильно пожитки оставить у него и его оставить на прежнем жилище, то за оное взыскать с него, опричь штрафных, двести рублей.

12

По просьбе крестьян у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги с них; а чтобы они и впредь таким ленивцам потачки не делали, то кушить Филатке лошадей

на мирские деньги; а Филатке объявить, чтобы он впредь пустыми своими челобитными не утруждал и платил бы оброк без всяких отговорок бездоимочно.

13

Старосту выбрать миром и подтвердить ему, чтобы он о сборе оброчных денег имел неусыпное попечение и неплательщиков бы сек нещадно; буде же какие впредь явятся недоимки, то оное взыскано будет все со старосты.

14

За грибы, ягоды и проч. взять с крестьян деньгами.

15

Выбрать шесть человек из молодых крестьян и привести с собою для обучения разным мастерствам.

16

По исправлении всего вышеписанного ехать тебе обратно; а старосте накрепко приказать неусыпное иметь попечение о сборе оброчных денег.

*N. B. ****

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXXII. ДЕКАБРЯ 1 ДНЯ

РАЗГОВОР**Я И ТРУТЕНЬ**

Я. Г. Трутень! пожалуй, скажи, с каким намерением издаешь ты свой журнал?

Трутень. С тем, чтобы принести пользу и увеселение моим согражданам.

Я. Очень хорошо, намерение препохвальное. Но ты какой от того ожидаешь пользы?

Трутень. Польза будет велика, если только я заслужу внимание и похвалу разумных и беспристрастных

читателей и благоволение знатных господ и покровительство.

Я. Первое отчасти исполняется; что ж надлежит до последнего, то не думаю, чтобы ты имел в том успех. Ведасшь ли, полно, ты, друг мой, кто и чем заслуживают благоволение знатных господ и покровительство?

Трутенъ. Конечно, ведаю: те, кои говорят им правду, показывают их слабости и нечаянные проступки и от оных их остерегают. Наконец, все те, которые приносят пользу отечеству, всегда заслуживают их покровительство и защищение.

Я. Худо же ты их знасшь. Напротив твоего мнения, покровительство некоторых господ заслуживают только те, кои им угодяют каким бы то ни было средством, дозволенным или неподволенным. Защищение — те, которые льстят их слабостям, выхваляют бесстыдно во глаза тех, кои внутренно почитают скотами; тех, кои прославляют их добродетели, милосердие, кротость или кто к чему пристрастен; удивляются стройности их тела, хвалят телодвижения; и, словом, те, кои других бесстыднее, а говорящие им истину и показывающие их слабости всегда бывают ненавидимы и обыкновенно слынут невежами, грубиянами и злоправными людьми. Теперь рассуждай, что тебе надобно писать, когда хочешь заслужить их покровительство.

Трутенъ. Так по твоему мнению, в знатных господах нет ни единого добродетельного человека?

Я. Есть, только мало таких, которые помнят истину, любят добродетель и не позабывают, что они такие же человеки, как и те, кои их беднее, и что они в знатные возводятся достоинства для того только, чтобы больше могли делать благодеяния человечеству, помогать бедным и защищать угнетенных; а таких и очень мало, кои могут остерегаться ядовитого языка льстецов.

Трутенъ. Да ведь и знатные господа такие же, как и мы, человеки, и, следовательно, тем же подвержены слабостям. Так как же ты хочешь, чтобы они не делали ни малейших погрешностей; дорога, по косо́й они идут, гораздо скольщее нашей, и, следовательно, чаще и преты-

каются. По твоему мнению, знатный господин должен быть больше человека?

Я. Нет, я хочу, чтобы он был только человек, но человек, поелику отличен от прочих знатностию своего сана, потопику бы отличался и добродетелию; чтобы, восходя на степень знатности, не позабывал, что те бедные, от коих он отличен, остались еще такими ж бедными и что они требуют его помощи, так же как и он сам требовал, в подобном находясь состоянии; чтобы не затворял своего слуха от просьбы бедных и тем не скучал, что он может делать добро, чтобы старался о благосостоянии государства больше, нежели о самом себе, и чтобы не откладывал того до завтра, что нынче может сделать, ради того, что нужда времени не терпит.

Трутень. Очень хорошо; ты хочешь, чтобы они пеклись о благосостоянии других, лишаясь своего; чтобы, других покая, сами беспокоились; короче сказать, памятуя других, себя позабывали. На таком основании кто пожелал бы знатного достоинства? Сие бы преимущество лишало выгод жить для себя, и какая бы польза тогда была в знатном чине?

Я. Та, что они утешаться могут тем, что они возведены на такой степень, что могут делать другим добро, чем малочинные и бедные люди утешаться не могут. Не малая ли это отличность, что он признан добродетельнейшим многих подобных ему человек и могущим делать добро? Вот что прямо добродетельного человека утешать может.

Трутень. Так псуужели думашь ты, что все знатные господа похожи на описанных тобою? Ежели ты так думаешь, так очень много ошибаешься. Посмотри на О... П... Н... С... В... Ш... Б... В... ³⁰. Не считая прочих добродетельных господ, сии одни должны обратить тебя на другие мысли...

Я. Я не спорю, что сии господа, тобою наименованные, столько добродетельны, как ты сказываешь; но для чего не именуешь ты мне тех, кои, восходя на степень знатности, совсем забывают человечество, бывают горды, неправосудны, завистливы, пристрастны и множество других приобретают пороков вкупе со знатностию...

Трутенъ. Да разве малочиновные и бедные не имеют тех же пороков? Перестань, мой друг, вишить одних знатных; все люди слабостям подвержены, но разница между ими та, что в бедных людях не так их проступки приметны, затем что знатный господин, на вышнем стоя степене, привлекает на себя всех внимание и от такого великого числа судей его поступок не может укрыться. Надеешься ли ты, ежели будешь знатным господином, ты, который в нынешнем твоём состоянии почитаешься добродетельным человеком, не имать пороков, тобою ныне ненавидимых?..

Я. Я не хочу и боюсь желать знатного чина для того, чтобы не лишиться спокойствия и человечества, коим ныне наслаждаюсь.

Трутенъ. Ты видишь, что я прав, утверждая, что во всяком звании есть много людей и добродетельных и порочных; итак, первые заслуживают по справедливости похвалу, а другие критику, что исполняя, не думаю, чтобы мое издание никому не нравилось и чтобы все меня за то злословили.

Я. Однакож многие тебя злословят и говорят, что ты злоправный человек, что ты никого не щадишь и что в твоём издании, кроме ругательства, ничего нет.

Трутенъ. На весь свет и сама не угодит природа, так можно ли мне надеяться, чтобы мое издание всем нравилось? Довольно и того, что оно некоторым нравится. Нет ничего, что бы не было подвержено критике. Пусть критикуют, однакож бы не ругали. Если ж и к тому найдутся охотники, так я и за то сердиться не буду.

Я. Тебя бранят только те, кои сами заслуживают брань, и ты сего опасаться не должен. Впрочем, мне бы хотелось с тобою поговорить о другом, но теперь я не могу долее с тобою пребыть.

Трутенъ. Мне и самому досадно, что разговор наш не тем кончится, чем бы я хотел.

Я. В другой раз мы с тобою поговорим побольше, а теперь прощай.

Трутенъ. Прости.

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XXXIV. ДЕКАБРЯ 15 ДНЯ

Г. издатель!

Вчера я, по обыкновению моему, пришел в трактир обедать. За столом сидели мы только четверо, я с моим приятелем и двое агличан, и все разговаривали о чем кто хотел. Агличане — о политических делах, а я с приятелем говорил о городских новостях, а между тем ели. В половину обеда вошли в нашу комнату два человека; один одет так, как обыкновенно городские купцы одеваются, а другой чисто, но однакож приметить было можно, что сей человек из приказного рода ³¹. Купец подошел к трактирщику и спрашивал у него, что он возьмет за обед, чтобы накормить хорошенько восемь человек. Трактирщик спросил у него, кто будет обедать. Приказный служитель, не дав выговорить купцу, сказал: «У его милости завтра здесь обедать будет *Правосудие*. Он вознамерился его потраковать, *понеже* дело его имеет быть в скорости предложено к слушанию; того ради и подлежит помянутое *Правосудие* трактовать весьма богато, а я, г. трактирщик, вас его милости рекомендовал». Трактирщик сказал, что с других бы он взял и больше, но когда будет у него кушать только *Правосудие*, то он возьмет по два рубли с человека, oprичь напитков. Купец пришел во изумление и спрашивал, сколько же надобно напитков, чтобы *Правосудие* совершенно употчивать? Трактирщик отвечал, что он наперед этого сказать не может, но что по окончании стола подаст ему самый верный счет. Купец спрашивал после цену вин и больше двух часов торговался; наконец, хотя и вздыхаючи, однакож отдал двадцать рублей в задаток и приказал приготовить хороший обед. Мы приметили, что купец отдавал деньги с великим сожалением, и из того заключили, что он сие делает по нужде. По выходе их трактирщик и мы насчет их посмеялись довольно. Приятель мой и я весьма любопытны были видеть заказанный для *Правосудия* обед; и мы уговорились прийти туда на другой день. Сегодня в 12 часов пошли мы в тот

трактир; мы хотели обедать в одной комнате, но трактирщик нам униженно доносил, что сего ему никак сделать невозможно; но он во удовольствие наше назначил нам побочную комнату, из которой мы все видеть и разговоры званных гостей слышать могли. Купец бедный суетился и бегал, чтобы поскорее все было приготовлено и как возможно получше, но однакож как возможно и подешевле. Как скоро стол был накрыт, то купец вышел на крыльцо и почти целые два часа стоял на часах, ожидая прибытия своих гостей. Мы также ожидали их с нетерпеливостью, ибо мне хотелось узнать, в каком виде придет *Правосудие* на купецкий обед. Наконец, купец почти без памяти вбежал в назначенную для приема его гостей комнату и спрашивал, все ли готово, гости изволят ехать, и опроретью побежал встречать. Мы оба с приятелем устремили свой взор туда, откуда должно итти *Правосудие*. Наконец, оно показалось нам, но в каком же виде? — в виде нескольких секретарей и прочих приказных служителей. У сего *Правосудия* глаза не были завязаны³², они ими смотрели на стол, для них приготовленный, по нескольких обнадешиваниях, что купецкое дело решено будет скоро. Если они за стол, и я увидел, что *Правосудие* кушало изрядно. Один из них из поставленной перед него бутылки налил рюмку и только что хотел пить, как почувствовал, что *Правосудие* тем оскорбляется, когда трактирщик вместо бургонского поставил ординарное вино. Купец, услыша сие, с крайним огорчением переменял ординарное на бургонское и тем удовлетворил *Правосудие*. После начали пить здоровья всех гостей шампанским, венгерским и прочими хорошими и дорогими винами; не позабыли тут и скотов *Правосудия*, их здоровье также пили аглинским пивом. Купец, подавая каждую бутылку, испускал вздох. Наконец, вздумалось им выпить по бокалу, благополучного окончания купецкого дела, и встали из-за стола. Тут начали играть на бильярде а ла-гер³³. *Правосудие* положило было с каждой персоны по несколько имперялов³⁴ своих денег; но случившийся тут приказный крючок тотчас стал тому противоречить и сказал: «*Понеже*³⁵ почтенный сей купец звал обедать на свой кошт, того ради и эта игра должна по *Правосудию* быть на его кошт».

Между тем купцу шепнул на ухо, что это самое удобное время³⁶. Купец на сие согласился; они начали играть, и между тем почасту пили. Мы, увидя, что *Правосудие* так хорошо играет, что проиграть никогда не может, и как я страстный охотник до бильярда, то боялся, чтобы и нас не обыграло, и для того из трактира вышел. При выходе нашем приметил я, что *Правосудие* начинает уже шататься.

Слуга ваш *Г. П. Р. Т.*

ТРУТЕНЬ

ЛИСТ XVII И ПОСЛЕДНИЙ. АПРЕЛЯ 27 ДНЯ [1770]

РАССТАВАНИЕ, ИЛИ ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Против желания моего³⁷, читатели, я с вами разлучаюсь; обстоятельства мои и ваша обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение тому причиною. В минувшем и настоящем годах издал я, во удовольствие ваше, а может быть, и ко умножению скуки, ровно пятьдесят два листа, а теперь издаю 53 и последний: в нем-то прощаюсь я с вами и навсегда разлучаюсь. Увы! как перенести сию разлуку? Печаль занимает дух... Замирает сердце... Хладает кровь, и от предстоящего несчастья все члены немеют... Непричесанные мои волосы становятся дыбом; словом, я все то чувствую, что чувствуют в превеликих печалях. Перо падает из рук... Я его беру опять, хочу писать, но оно не пишет. Ярость объемлет мое сердце, я бешусь; бешенство не умаляет моей скорби, но паче оную умножает; но я познаю мою ошибку, перо еще не очинено. Я бросил его опять, беру другое и хочу изъяснить состояние души моей, но печаль затмевает рассудок. С какою скорбию возможно сравнить печаль мою? не столько мучится любовник при вечном разлучении со своею любовницею; не столько бесился подьячий, как читал указ о *лихоимстве*³⁸, повелевающий

им со взятками навсегда разлучиться; не столько печалится иезуит, когда во весь год не продаст ни единому человеку отпущения грехов или когда при последнем издыхании лежащего человека уговорит, в пользу своей души, лишить наследников своего имени, пустить их по миру, а именование, незаконно им нажитое и награбленное, отдать им в чистилище, будто бы тем учинить возмездие и чтобы омыть скверну души его; не больной сей выздоровеет и переменит свое намерение; не столько страдал *Кашей*, когда несправедливо захваченное им стяжание законно отдано, кому оно принадлежало; не столько бесится завистливый *Злорад*, когда при нем другие похваляются или когда он кого ругает и ему не верят; не столько терзается стихотворец, когда стихи его не похваляются; не столько бесится щеголь, когда портной испортит его платье, которого он с нетерпеливостью ожидал и в котором для пленения сердца хотел ехать в Екатерингоф³⁹ на гулянье, или когда ему парикмахер волосы причешет не к лицу, а он хочет ехать на свиданье; не столько мучится и кокетка, когда любовник ее оставляет и предпочитает ей другую женщину или когда ее не хвалят... Нет! печали всего света с моею сравниться не могут! Я пишу мою скорбь и опять вычерниваю; буквы, мною написанные, кажутся малы и, следовательно, не могут изъяснить великость оных. Я черню и перечерниваю, засыпаю песком, но ах! вместо песчицы я употребил чернильницу. Увы! источники чернильные проливаются по бумаге и по столу. Позорище сие ослабляет мои чувства... Я лишаюсь оных... падаю в обморок... упал на стол, замарал лице и так лежу... Чернильный запах, коснувшись моего обоняния, возвращает мою память... открываю глаза... но при воззрении из глаз моих слезы проливаются реками и, смешавшись с чернилами, текут со стола на пол. В таком положении нечаянно взглянул я на читателей; но что я вижу? Ах, жестокие! вы не соболезнаете со мною? на лицах ваших изображается скука... Варвары, тигры! вы не проливаете слез, видя мою горесть? так-то вас печали других трогают? теперь неудивительно мне, что при представлении трагедии, в самом печальном явлении, на которое сочинитель всю полагал надежду и надеялся, что весь партер

потопите слезами; но увь! ни у единого из вас не видно тогда было ни капли слез; жестокие! вместо пролития слез вы тогда зевали, будто бы было вам то в тягость. Так-то награждаете вы труды авторские? но почто бесплодно терять слова? окамененных ваших сердец ничем невозможно тронуть! Я заклинаю себя наказать вас за вашу свирепость... бешенство мною владеет... так, я вас накажу... но... на что колебаться; слушайте приговор вашего наказания: впредь ни единой строки для вас писать не буду... Вы приходите во отчаяние... нет нужды, ничем вы меня не смягчите, и слово мое исполнится. Я столько ж буду жесток, как вы. Прощайте... Слушайте, читатели, я хотел было сочинить двенадцать трагедий в том вкусе, о которой трагедии недавно я упоминал, двадцать комедий, пятнадцать романов... но вы ничего этого не увидите. Читайте... Ну, прощайте, неблагодарные читатели, я не скажу больше ни слова.

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ
ИЗ САТИРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА
«ЖИВОНИСЕЦ»

ЖИВОНИСЕЦ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ПЛ 1772 год СОЧИНЕНИЕ

НЕИЗВЕСТНОМУ г. СОЧИНТЕЛЮ КОМЕДИИ «О, ВРЕМЯ!»
ПРИПИСАНИЕ ¹

Государь мой!

Я не знаю, кто вы; но ведаю только то, что за сочинение ваше достойны почтения и великия благодарности. Ваша комедия «О, Время!» троекратно представлена была на императорском придворном театре и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. И как не быть ей хвалимой? Вы первый сочинили комедию точно в наших правах; вы первый с таким искусством и острою заставили слушать едкость сатиры с приятностию и удовольствием; вы первый с такою благородною смелостию напали на пороки, в России господствовавшие; и вы первый достойны по справедливости великия похвалы, во представлении вашей комедии оказанныя. Продолжайте, государь мой, ко славе России, к чести своего имени и к великому удовольствию разумных единоплеменников ваших; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочинениями: перо ваше достойно будет равенства с Молиеровым. Следуйте только его примеру ²: взгляните беспристрастным оком на пороки наши, закоренелые худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки; вы найдете толпы людей, достойных вашего осмеяния; и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославлению вашему осталось. Истребите из сердца своего всякое пристрастие; не взирайте на лица: порочный человек во

ЖИВОПИСЕЦЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

на

1772 годъ

СОЧИНЕНІЕ.

ВЪ САНКТ ПЕТЕРБУРГѢ.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСЕЦЪ»

всяком звании равного достоин презрения. Низкостепенный порочный человек, види осмеваема себя купно с превосходятельным, не будет иметь причины роптать, что пороки в бедности только единой пером вашим угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, пусть хотя в первый раз в жизни своей почувствует равенство с низкостепенными. Вы первый достоин показать, что дарованная вольность³ умам российским употребляется в пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете вы свое имя, имя, всеобщия достойное похвалы; я никакия не нахожу к тому причины. Неужели, оскорбя толь жестоко пороки и вооружа против себя порочных, опасаетесь их злословия? Нет, такая слабость никогда не может иметь места в благородном сердце. И может ли такая ваша смелость опасаться угнетения в то время, когда, ко счастью России и ко благоденствию человеческого рода, владычествует нами премудрая Екатерина? Ее удовольствие, оказанное во представлении вашей комедии, удостоверяет о покровительстве ее таким, как вы, писателям. Чего ж осталось вам страшиться? Но, может быть, особенные причины принуждают вас укрывать свое имя; ежели так, то не тщусь проникать оных. И хотя имя ваше навсегда останется неизвестным, однакож почтение к вам мое никогда не умалится. Оно единственным было побуждением приписанию вам сочинения под названием *Живописца*. Примите, государь мой, сей знак благодарности за ваше преполезное сочинение от единоеземца вашего. Вы открыли мне дорогу, которая всегда я страшился; вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге исправлять нравы своих единоеземцев; вы поострили меня испытать в том свои силы; и дай боже! чтобы читатели в листах моих находили хотя некоторое подобие той соли и сстроты, которые оживляют ваше сочинение. Если ж буду иметь успех в моем предприятии и если принесут листы мои пользу и увеселение читателям, то и за сие они не мне, но вам будут одолжены, ибо без вашего примера не отважился бы я напасть на пороки. Впрочем я останусь навсегда

вашим почитателем

С[очинитель] *Живописца*.

П. П. Хотел бы я просить вас, чтобы вы сделали честь моему журналу сообщением какого-либо из ваших мелких сочинений, но опасаясь отвлечь от упражнений ваших⁴.

В Санкт-Петербурге.
Апреля 12 дня 1772 года.

ЖИВОПИСЕЦ

ЛИСТ 2

АВТОР К САМОМУ СЕБЕ

Ты делаешься автором; ты принимаешь название Живописца; но не такого, который пишет кистью, а Живописца пером, изображающего наискровеннейшие в сердцах человеческих пороки. Знаешь ли, мой друг, какой ты участи себя подвергаешь? ведаешь ли совершенно, какой предлежит тебе труд? известны ли тебе твои свойства и твои читатели? надеешься ли всем им сделать угождение? взвесил ли ты беспристрастно свои достоинства и способности? подумал ли, что худой автор добровольно подвергает себя всеобщему осмеянию? — Ты молчишь: бедный человек! ты столько же поработен страстям своим, как и те, которых исправлять намеряешься! — Слышу твое возражение; как оно слабо и смешно. Ты говоришь: ведь другие пишут, не больше моего имея способностей; для чего же не писать и мне, имев столько же к писанию охоты, как и они; да еще и тогда, как все мои приятели уверяют, что я к писанию способен; ты один только упорствуешь и никогда на их не хочешь согласиться мнению. — Выслушай мой ответ, твоими же скажу тебе словами: ведь других пересмевают, для чего же ты примером их не исправляешься? Приятели твои льстили тебе или по легкомыслию, или в насмешку, или, наконец, по ложной благопристойности худое хвалить, дабы не раздражить хулимого; ты узнаешь, сколь опасны такие приятели! Я ведаю, что утвердить тебя в твоём заблуждении не великого им стоило труда. Самолюбие твое было тем удовлетворено,

и ты думал так: других пересмежали и оуждали для того, что они писали дурно; я сам усматривал их погрешности; я буду стараться убежать от подобных и потому не только что не подвергну себя порицанию, но надеюсь еще заслужить похвалу. — Как ты худо себя знаешь и какое заблуждение! Все писатели так думают, все так мысленно оправдываются, все так заблуждают, и все в других находят погрешности, а не видят только собственных своих. Посмотри на сего высокопарного *Невнопада*⁵; он силится, напрягается, обещает гору, но всегда рождает мышь; все так о нем говорят, но он один утверждает, что все обманываются, — бедный автор! Взгляни на сего дерзкого *Кривотолка*⁶; он безо всякия пощады порицает сочинения всех славных писателей, показывая тем остроту своего разума: он хорошие сочинения других обращает в худые, а свои негодные поставляет равными наилучшим сочинениям славных писателей; но никто из разумных людей ему не верит, и всякий говорит: он истинный *Кривотолк*! Какая ж причина сему Кривотолкову заблуждению? Зависть — бедный автор!

Тут найдешь писателя, старающегося забавлять разум своими сочинениями⁷ и производить смех в разумных читателях; но увидишь, что он больше досаждает и производит скуку, а смеется только сам — бедный автор!

В другом месте увидишь нравоучителя, порицающего всех критиков⁸ и утверждающего, что сатиры ожесточают только нравы, а исправляют нравоучения; но читатель ему отвечает: ты пишешь так сухо, что я никогда не имею терпения читать твои сочинения — бедный автор! Там сатирик описывает пороки, язвит порочных, забавляет разум остротою своего сочинения и приносит удовольствие. Некоторые читатели говорят ему: ты забавен, я читал тебя с приятностию, но ты едок; я тебя опасуюсь; а прочие кричат: он всесветный ругатель! — О бедный автор!

Встречается со мною трагический писатель⁹; он сочиняет трагедию и говорит: комедия развращает только нравы и научает порокам, а не исправляет оных; такие сочинения не только что бесполезны, но и вредны. Одна трагедия имеет свою целию добродетель и научает оной и самих царей. Какая завидная участь! Но читатель ему

ответствует: ежели твоя трагедия хороша, то тогда услаждает она мои чувства и питает разум; но, однакож, ведай, что до сея пищи охотников не много — бедный автор! Писатель комедий¹⁰ говорит: трагедия показывает следы нравоучения тем людям, которые в оном не имеют нужды; научать таких людей, кои или уже добродетельны, или не послушают его нравоучения, есть труд бесполезный. Напротив того, комедия приятным нравоучением и забавною критикою исправляет нравы частных людей; язвит пороки, не дает им усиливаться, искореняет их; словом, из всех театральных сочинений одна комедия полезна; но читатель ему говорит: знай, когда ты меня осмеиваешь, тогда я тебя пересмехаю — бедный автор!

Тут следует писатель, который не сочиняет ни трагедий, ни комедий для того только, что сии роды сочинений очень стары: он охотник выдумывать новое и для того пишет сочинение в таком вкусе, который с лишком за две тысячи лет откинут; ему читатель отвечает: напрасно ты трудишься; ты очень... бедный автор!

Но мне еще встречается писатель: он сочиняет пастушеские песни и на нежной своей свирели воспеваает золотой век. Говорит, что у городских жителей нравы развращенны, пороки царствуют, все отравлено ядом; что добродетель и блаженство бегают от городов и живут в прекрасных долинах, насажденных благоуханными деревьями, испещренных различными наилучшими цветками, орошенных источниками, протекающими кристалловидными водами, которые, тихо переливаясь по мелким прозрачным камешкам, восхитительный производят шум. *Блаженство* в виде пастуха сидит при источнике, прикрытом от солнечных лучей густою тению того дуба, который с лишком три тысячи лет зеленым одевается лиственным. Пастух на нежной свирели воспеваает свою любовь; вокруг его летают зефиры и тихим дыханием приятное производят ему прохладение. *Невинность* в видах поднебесных птиц совокупляет приятное свое пение с пастушескою свирелию, и вся природа во успокоении сему приятному внимаает согласию. Сама *Добродетель* в виде прелестная пастушки, одетая в белое платье и увенчанная цветами, тихонько к нему подкрадывается, вдруг перед ним показывается; пастух кидает

свирель, бросается во объятия своя любовница и говорит: пари всего света, вы завидуете нашему блаженству! Г. автор восхищается, что двум смертным такое мог дать блаженство; и как хотя мысленным не восхищаться блаженством! жаль только, что оно редко существует во природе! Творец сего блаженства хотя знает всю цену завидныя сея жизни, однакож живет в городе, в суетах сего мира; а сие, как сказывают, делает он ради двух причин: первое, что в наших долинах зимою много бывает снега, а второе, что ежели бы он туда переселился, то городские жители совсем позабыли бы блаженство пастушеския жизни. Читатель ему ответствует старинною пословицею: *чужую душу в рай, а сам ни погою* — бедный автор, ты других и себя обманываешь. Тут предстает пред мои глаза толпа писателей, которые то бредят, что видят. Их сочинения иногда читают; но ничего им не ответствуют, — о пребедные авторы! ваша участь достойна сожаления! Но как исчислить всех? Болезни авторские, равно как и сами они, многообразны. Писатели желают быть хамелеонами, преобразующимися по своему желанию и показывающимся наилучшими во всех видах; но редкие до сего достигают; прочие же всегда в одном, да и в худом еще показываются виде. Г. Живописец, вот картина, изображающая тебе авторов; я не входил в подробности, но начертанием одним изобразил различные роды упражнения, для коего ты себя определяешь. Я не упомянул также о сей грозной туче, на труды авторские всегда устремляющейся; о сих острых критических языках, которые даже до буквы, неправильно поставленные, писателям никогда не прощают. Что будет со твоими сочинениями, когда и славнейших российских творцов труды не щадятся? Тебе известно, какие свойства, дарования и способности составляют хорошего писателя; они бывают редки, но когда бывают, тогда обожают их просвещенные читатели. Итак, рассмотри себя, оставь сие упражнение. — Но ты молчишь; и я с досадою на твоём лице усматриваю непременно желание быть автором. Еще раз прошу тебя, оставь сие упражнение. — Нельзя, ты мне отвечаешь; так прости, бедный писатель, с превеликим соболезнованием оставляю тебя на скользкой сей дороге. По малой мере не позабывай никогда слов, мною тебе сказанных:

что люди, упорно подвергающие себя осмеянию, никакого не достойны сожаления. Впрочем, я даю тебе совет: избери из своих приятелей друга, который был бы человек разумный, знающий и справедливый, слушай его критику без огорчения; следуй его советам, и хотя оные обидят твое самолюбие, но однакож знай, что они будут иметь действие, подобное горьким лекарством, от болезней нас освобождающим. Наконец, требую от тебя, чтобы ты в сей дороге никогда не разлучался с тою прекрасною женщиною, с которою иногда тебя видал; ты легко отгадать можешь, что она называется *Осторожность*.

ЖИВОПИСЕЦ

ЛИСТ 3

Приняв название Живописца и сделавшись автором еженедельных листов, нечувствительно сделался я должником всех моих читателей. Они, без сомнения, потребуют в каждую неделю полулиста моего сочинения: я им так обещал и почтенное авторское слово сохраню неотменно. Да для чего ж бы и не сохранить оно? — По моде нашего времени писать нетрудно: благодаря бога, правая рука моя здорова, буквы чертить по бумаге научился еще с ребячества. Я говорю чертить, для того что российской грамоте учился я у дьячка ¹¹, который и сам не знал никаких правил, а о грамматике и не слыхивал; следовательно, учился я искусству попугая и обезьяны; но это разумеется только о российском языке, которому почти и все обучаются без правил; итак, были бы только чернила, перо, бумага, так и совсем автор. О времена! блаженные времена, в которые, не учась грамоте, становимся попами! Некоторые ненавистники письмен нового вкуса утверждают, что ко всякому сочинению потребен разум, учение, критика, рассуждение, знание российского языка и правил грамматических. — Устыдитесь, государи мои строгие судьи, устыдитесь своего мнения; оставьте ваше заблуждение; посмотрите только на молодых наших писателей, вы увидите, что они никогда вашим не следуют правилам. Вы то

проповедуете, чего не было или что вышло уже из моды, кто же будет вам следовать? — Право, никто. По малой мере, мы, молодые люди, никогда не отяготим памяти своей ненужным знанием; да это и похвально: для чего без нужды трудиться? На что разум, когда и без него писать можно? Что в рассуждении и критике? — все ли захватить автору, надобно и читателям что-нибудь оставить. Пропади знание российского языка, ежели и без него можно жить в большом свете; а этот большой свет составляют почтенные и любезные наши щеголи и щеголихи. Исчезните, правила грамматические! вы только пустое делаете затруднение. А учение? — О! эта ненужная тягость совсем брошена. — Но что я слышу! строгие, ученые и благоразумные люди негодуют, вооружаются против меня, хотят делать опровержение моим правилам; я пропал! — Но постойте, государи мои, есть у меня защитники, они за меня ответствовать вам будут. — Благородные невежды, ветреные щеголи, модные вертопрашки, на вас полагаю я надежду; вы держитесь моих правил, защищайте их; острые ваши языки к тому способны. И вы, добрые старички! вы думаете о науках согласно со мною, но по другим только причинам. Вы рассуждаете так: «деды наши и прадеды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно; науки да книги переводят только деньги; какая от них прибыль, одно разоренье!» Детям своим вы говорите: «расти только велик, да будь счастлив, а ум будет». — Прекрасное правоучение! неоспоримые доводы, новая истина открывается свету! Благоразумные старцы, премудрые воспитатели, в вашем невежестве видно некоторое подобие славнейших в нашем веке человеческия мудрости *Жан Жака Руссо*: он разумом, а вы невежеством доказываете, что науки бесполезны. Какие ужасные противоположники соглашаются утвердить вред, от наук происходящий! В первый еще раз сии непримиримые неприятели, *разум* и *невежество*, во единомыслие приходят. Прорицалище нашего века, славный *Вольтер*, познай свое заблуждение: старики наши, паче тебя тягостию лет обремененные, никогда не говорят, что на чстырех ногах ходить поздно. Послушаем теперь, как молодые люди о науках рассуждают.

«Что в науках, — говорит *Наркис*, — астрономия умножит ли красоту мою паче звезд небесных? — Нет; на что ж мне она? Математика прибавит ли моих доходов? — Нет; чорт ли в ней! Физика изобретет ли новые таинства в природе, служащие к мосму украшению? — Нет; куда она годится! История покажет ли мне человека, который бы был прекраснее меня? — Нет; какая ж в ней нужда? География сделает ли меня любезнее? — Нет; так она и недостойна моего внимания. Прочие все науки могут ли произвести чудо, чтобы красавицы в меня не влюблялись? — Нет, это невозможность; следовательно, для меня все науки бесполезны. А о словесных и говорить нечего. Одна только из них заслуживает несколько мое внимание: это стихотворство; да и оно нужно мне тогда только, когда захочется написать песенку. Я бы начал обучаться оному, да то беда, что я не знаю русского языка. Покойный батюшка его терпеть не мог, да и всю Россию ненавидел и сожалел, что он в ней родился; полно, этому дивиться нечему; она и подлинно это заслуживает: человек с моими достоинствами не может найти счастья! То, что имею я, другой почел бы счастьем, но для меня этого мало. — О Россия! Россия! когда научишься ты познавать достоинства людские!» Так рассуждает *Наркис*; достоинства его следующие: танцует прелестно, одевается щегольски, поет, как ангел; красавицы почитают его *Адонидом*¹², а солюбовники *Марсом*, и все его трепещут; да есть чего и страшиться, ибо он уже принял несколько уроков от французского *шпагобойца*. К дополнению его достоинств играет он во все карточные игры совершенно, а притом разумеет по-французски. Не завидный ли это молодец? не совершенный ли он человек? Читатель, скажи мне на ухо, каковы будут дети *Наркисовы*?

Худовоспитанник говорит: «Науки никакой не могут мне принести пользы: я определил себя к военной службе и я имею уже офицерский чин. Науки сделают ли меня смелее? прибавят ли мне храбрости? сделают ли исправнейшим в моей должности? — Нет; так они для меня и не годятся. Вся моя наука состоит в том, чтобы уметь кричать: пали! коли! руби! и быть строго до чрезвычайности ко своим подчиненным. Науки да книги умягчают

сердце, а от мягкосердочия до трусости один только шаг. Итак, пусть учатся и читают книги люди праздные, а я храбростию одною найду себе счастье». *Худовоспитанник* точно так и поступает; его называют храбрым офицером, похваляют; отец его радуется, что имеет столь достойного сына. Наконец, по многим храбрым его поступкам, оказал он прехрабрый подвиг; его пожаловали бы большим чином, если бы он что нибудь разумел oprичь науки рубить шпагою. Но тут уже смотрят на него другими глазами и говорят: он был наилучший офицер, когда был под командою, но будет самый худой начальник. Как поверить ему полк? он ничему не учился, ничего не читал и ничего не знает. Вместо большого чина дают ему деньги; он считает себя обиженным, думая, что когда был он хорошим офицером, то был бы еще лучшим начальником. Он идет в отставку и говорит: «достоинства не награждаются». *Худовоспитанник* приезжает в другую неприятельскую землю, а именно, во свое поместье. Служа в полку, собирал он иногда с неприятелей контрибуцию, а здесь со крестьян своих собирает тяжкие подати. Там рубил неверных, а здесь сечет и мучит правоверных. Там не имел он никаких жалости, нет у него и здесь никому и никакой пощады; и если бы можно ему было со крестьянами своими поступать в силу военного устава, то не отказался бы он их *аркибузировать*¹³. Там отнятием неприятельских земель служил он отечеству, а здесь отнятием оных у мало-мощных своих соседей делается преступником законов отечества. Правильно говорил *Худовоспитанник*, что науки для него бесполезны; не нужны они ему были в военной службе, а в отставке и совсем не годятся!

Кривосуд, получа судейский чин, говорит: «По наукам ли чины раздаются? Я ничему не учился и не хочу учиться, однакож я судья. Моя наука теперь в том состоит, чтобы знать наизусть все указы и в случае нужды уметь их употреблять во свою пользу. Науками ли получают деньги? науками ли наживают деревни? науками ли приобретают себе покровителей? науками ли доставляют себе в старости спокойную жизнь? науками ли делают детей своих счастливыми? — Нет; так к чему же они годятся?

Будь ученый человек хотя семи пядей во лбу, да попадись к нам в приказ¹⁴, то переучим мы его на свой салтык¹⁵, буде не захочет ходить по миру. О науки! науки! бесполезная тяжесть. О ученые! ученые! вы-то прямые дураки».

ЖИВОПИСЕЦ

ЛИСТ 4

Продолжение

Щеголиха говорит: «как глупы те люди, которые в науках самые прекрасные лета погубляют. Ужесть как смешны ученые мужчины; а наши сестры ученые — о! они-то совершенные дуры. *Беспримерно* как они смешны! Не для географии одарила нас природа красотой лица; не для математики дано нам острое и пронизательное понятие; не для истории награждены мы пленяющим голосом; не для физики вложены в нас нежные сердца; для чего же одарены мы сими преимуществами? — чтобы были обожаемы. В слове *уметь нравиться* все наши заключаются науки. За науки ли любят нас до безумия? наукам ли в нас удивляются? науки ли в нас обожают? — Нет, право нет. Пусть ученая женщина покажется в ту беседу, в которой будут все наши *щеголихи*, украшающие собою женский пол; пусть она туда покажется; чорт меня возьми! ежели там с нею хотя одно слово промолвят. А ежели она говорить начнет, то все мужчины зевать станут. Счастлива будет она, ежели случится там несколько человек ей подобных; тогда по малой мере хотя не умрет от скуки. Но что же она тем выигрывает? Не больше, как назовут ее ученою женщиною; да и то такие люди, которых самих называют *педантами*. Прекрасная победа! *беспримерно как славна!* — Ученая женщина! ученая женщина! фуй! как это *неловко*. Напротив того, ежели приеду я в такое собрание, то в миг окружают меня все мужчины. Станут наперерыв хвалить меня: один удивляется красоте моего лица; другой хвалит

руки; третий стан; иной походку; тот приятность моего голоса; иной превозносит нежность моего вкуса в нарядах; словом сказать, ни одна из безделок моих даже до булавки не останется, чтобы не была расхвалена. Все кричат: «вот прекрасная, приятная и любезная женщина; вот чудесное произведение природы; вот совершенное ее сотворение; она мила, как ангел!» Разумеется, что все такие слова без проводника идут к сердцу. Не успею я осмотреться, как уже тысячи пайду обожателей. Один говорит, что он хотел бы быть вечно моим слугою, лишь бы мог иметь счастье всегда меня видеть. Как это много! *беспримерно* много; из благородного человека хочет сделаться слугою для того только, чтобы чаще на меня смотреть и удивляться. Другой говорит, что он оставил бы престол всего света, лишь бы мог быть моим любимым невольником. Ужасная мысль! годится хоть в трагедию; по счастью, что он еще не король, а то бы и в истину он так сдурачился. Но однакож его до такого дурачества не допустили бы. Но как исчислить все, что говорят учтивые мужчины красавицам? ласкательства их неограниченны, а учтивости бесконечны. Слыша это, как не восхищаться? как за учтивости не платить ласкою? Я так и поступаю: с одним поговорю, другого похвалю, на третьего брошу взгляд, поражающий его сердце, и так далее. Я ни одному ничего не обещаю, но однакож всех их к себе привязываю. Ужесть как завидно состояние щеголихи и как *беспримерно* жалко ученой женщины. Божусь, что я своего состояния ни на какое не променяю. Какая ж нужда мне в науках? — право никакой». Так рассуждает *Щеголиха*. Читатель, скажи, не правильно ли ее рассуждение?

Молокосос говорит: «Я не хочу тратить времени для наук: они мне не нужны. Чины получаю я по милости моего дядюшки, гораздо еще преимущественнее пред теми, которые в науках погубили молодые свои лета. Деньги на мое содержание жалует мне батюшка, а когда недостает оных, тогда забираю в долг, и мне верят. Начальники мои не только что любят меня, но еще стараются угождать мне, делая тем услугу знатым моим родственникам. В любви счастлив я и без наук: всякая красавица

за честь себе почтет быть моею женою. Куда я ни приседу, везде меня ласкают; все хвалят, удивляются моей живости, превозносят остроту мою; итак, по всему науки для меня бесполезны». Читатель! прибавь от себя, как *Молокососа* все внутренно называют.

Волокита рассуждает так: «Какая польза мне в науках? Науками ли приходят в любовь у прекрасного пола? Науками ли им нравятся? Науками ли упорные побеждают сердца? Науками ли украшают лоб? Науками ли торжествуют над солубовниками? — Нет; так они для меня и не годятся. Моя наука состоит в том, чтобы уметь одеваться со вкусом, чесать волосы по моде, говорить всякие трогающие безделки, воздыхать кстати, хохотать громко, сидеть *разбросану*, иметь приятный вид, пленяющую походку, быть *совсем развязану*; словом, дойти до того, чтобы называли шалуном те люди, которых мы дураками называем; когда можно до этого дойти, то это значит дойти до совершенства в моей науке. В беседе со *щеголихами* бываю я волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; меня за это называют *резвым ребенком*; и хотя ударят меня по руке и скажут *перестань, ты очень дерзок*, однакож я никогда от того не краснею. Слова *я не в своей сижу тарелке* меня в таком случае извиняют. Впрочем, всегда должен я быть ветрен и злоязычен. С которою *машусь*, ту одну хвалю; в ней одной все нахожу совершенства, а в прочих вижу только недостатки и пороки. Что нужды, ежели они их и не имеют, довольно, что я тем делаю угодность моей красавице. Необходимо также должен я уметь портить русский язык и говорить нынешним щегольским женским наречием, ибо в наше время почитается это за одно не из последних достоинств в любовном упражнении. Открытие любви должен я делать по новому обыкновению и никогда не допускать, чтобы в такие разговоры вмешивалось сердце. Это было бы *дурачиться по-дедовски*. По-нашему надобно любить так, чтобы всегда отстать можно было. Открытие делаю я всегда, как будто это ненарочно случилось; например, рассказывая красавице о каком ни на есть любовном приключении, вдруг перерываю разговор. — «Э! кстати, сударыня, сказать ли вам новость? ведь я влюблен в вас *до дурачества*;

вы своими прелестями так вскружили мне голову, что я *не в своей сижу тарелке*. — «Шутишь, — она мне отвечает, — ужесть как *славно* ты себя *раскрываешь*». — «*Беспримерно славно*, сударыня; что мне нужды, как вы это почитаете, *резвостью* или *дурачеством*, только я вам говорю в *настоящую*, что я *дурачусь*. Пусть я не доживу до *медного таза*, ежели говорю неправду!» После такой клятвы, бросаю на нее *гнилой взгляд*, а между тем начинаю хвалить ее и тут даю полную свободу языку моему, который, сказать истину, в таких случаях очень остер. Она часто потупляется, будто бы стыдилась слушать себе похвалу, иногда усмехается, иногда удивляется и по часту говорит: «*перестань шутить, ведь не утешно слушать вздор*». После этого я даю свободу рукам; мне говорят: «*это уж и в истинную глупость*» — а я далее, далее; а наконец она и сама поверит, что это была не шутка. Потом бываем мы несколько дней смертельно друг в друга влюблены; и это называется *дурачиться до безумия*. Мы располагаем дни так, чтобы всегда быть вместе: в *серенький* ездим в английскую комедию; в *пестренький* бываем во французской; в *колетца* — в маскараде; в *медный таз* — в концерте; в *сайку* смотрим русский спектакль; в *умойся* — дома, а в *красное*¹⁶ ездим прогуливаться за город. Таким образом держу се своим *болванчиком* до того времени, как встретится другая. Вот моя наука! она, без сомнения, важнее всех наук, и я знаю ее в совершенстве. Пусть ученый человек со всею своею премудростию начнет при мне строить *дворики*, то я его так проучу, что он ото всякой *щеголихи* тотчас на *четырёх ногах* поскачет».

О великий человек! ты рассуждаешь премудро, наука твоя *беспримерно славно*, и ты так учен, что я *от тебя падаю*; ты *вечно посадил себе в голову вздор*, как тебе не удивляться!

Читатель! с позволения твоего, не пора ли оставить рассуждения некоторых наших молодых людей о науках. Кажется мне, что я уже ими довольно тебе наскучил. Ты ожидаешь чего-нибудь поважнее, потерпи, пожалуй, все будет¹⁷, только чур не сердиться.

ЖИВОПИСЕЦ

ЛИСТ 5

ОТРЫВОК ПУТЕШЕСТВИЯ В*** И*** Т***

Глава XIV

.....
...По выезде моем из сего города я останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали; но в три дни сего путешествия ничего не нашел я похвалы достойного. *Бедность* и *рабство* повсюду встречались со мною во образе крестьян. Нешаханые поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие покрытые соломою хижины из тонкого забора, двory, огороженные плетнями, небольшие *адоньи* хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны.

Не пропускал я ни одного селения, чтоб не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И, слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О блаженная добродетель, любовь, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъявляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!

Деревня *Разоренная* поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою. Какая несчастная жертва жестокости пламени, посвященная

нерадивостию их господина! Избы, или, лучше сказать, бедные развалившиеся хижинки, представляют взору путешественника оставленное человеческими селение. Улица покрыта грязью, тиной и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача, я не видал ни одного человека. День тогда был жаркий; я ехал в открытой коляске; пыль и жар столько беспокоивали меня дорогою, что я спешил войти в одну из сих развалившихся хижин, дабы несколько успокоиться. Извозчик мой остановился у ворот одного бедного дворишка, сказывая, что это был лучший во всей деревне и что хозяин оного зажиточнее был всех прочих, потому что имел он корову. Мы стучались у ворот очень долго, но нам их не отпирали. Собака, на дворе привязанная, тихим и осиплым лаем, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извозчик вышел из терпения, перелез через ворота и отпер их. Коляска моя ввезена была на грязный двор, намощенный соломою, ежели оною наместить можно грязное и болотное место; а я вошел в избу растворенными настежь дверями. Заразительный дух от всякия нечистоты, чрезвычайный жар и жужжание бесчисленного множества мух оттуду меня выгоняли, а вопль трех оставленных младенцев удерживал в оной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям. Пришед к лукошкам, прицепленным веревками к шестам, в которых лежали без всякого призрения оставленные младенцы, увидел я, что у одного упал сосок с молоком; я его поправил, и он успокоился. Другого нашел, обернувшегося лицом к подушонке из самыя толстыя холстины, набитыя соломою; я тотчас его оборотил и увидел, что без скорыя помощи лишился бы он жизни; ибо он не только что посинел, но и почернев, был уже в руках смерти; скоро и этот успокоился. Подошед к третьему, увидел, что он был распеленан, множество мух покрывали лице сего ребенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и этому услугу, согнал всех мух, спеленал его другими, хотя нечистыми, но, однакож, сухими пеленками, которые в избе тогда развешены были, поправил солому, которую он, барахтаясь, ногами взбил; замолчал и этот. Смотри на сих

младенцев и входя в бедность состояния сих людей, вскричал я: «жестокосердый тиран, отъемлющий крестьян насущный хлеб и последнее спокойство! посмотри, чего требуют сии младенцы! У одного связаны руки и ноги; приносит ли он о том жалобы? — Нет, он спокойно взирает на свои оковы. Чего же требует он? — Необходимо только пропитания. Другой произносил вопль о том, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третий вопиял к человечеству, чтобы его не мучили. Кричите, бедные твари, — сказал я, проливая слезы, — произнесите жалобы свои! наслаждайтесь последним сим удовольствием во младенчестве: когда возмужаете, тогда и сего утешения лишитесь. О солнце, лучами щедрот своих *** озаряющее, призри на сих несчастных!»

Оказав услугу человечеству, я спешил подать помощь себе: тяжкий запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу мог выйти из оной. Пришед ко своей коляске, упал я без чувства в оную. Приключившийся мне обморок был непродолжителен; я опомнился, спрашивал холодной воды; извозчик мой ее принес из колодезя; но я не мог пить ее по причине худого запаха. Я требовал чистой, но в ответ услышал, что во всей деревне лучше этой воды нет и что все крестьяне довольствуются сею пакостною водою. «Помещики, — сказал я, — вы никакого не имеете попечения о сохранении здоровья своих кормильцев!»

Я спрашивал, где хозяева того дома; извозчик отвечивал, что все крестьяне и крестьянки в поле, прибавя к тому, что когда был я в избе, то выходил он в то время в задние ворота посмотреть, не найдет ли там кого-нибудь из крестьян; что нашел он там одного спрятавшегося мальчика, который ему сказал, что, увидев издали пыль от моей коляски, подумали они, что это едет их барин, и для того от страха разбежались. «Они скоро придут, — сказал извозчик, — я их уверил, что мы проезжие, что ты боярин добрый, что ты не дерешься и что ты пожалуешь им на лапти». Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босиками, с раскрытыми грудями и в одних рубашках и столь были дики и застрашены именем боярина, что боялись подойти

к моей коляске. Извозчик их подвел, приговаривая: *«не бойтесь, он вас не убьет, он боярин добрый; он пожалеет вам на лапти»*. Ребятишки, подведены будучи близко к моей коляске, вдруг все побежали назад, крича: *«ай! ай! ай! берите все, что есть, только не бейте нас»*. Извозчик, схватя одного из них, спрашивал, чего они испужались. Мальчишка, трясучись от страха, говорил: *«да! чего испужались... ты нас обманул... на этом барине красный кафтан... это никак наш барин... он нас засечет»*. Вот плоды жестокости и страха; о вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастья, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей! *«Не бойся, друг мой, — сказал я испуженному красным кафтаном мальчику, — я не ваш барин; подойди ко мне, я тебе дам денег»*. Мальчик оставил страх, подошел ко мне, взял деньги, поклонился в ноги и, оборотясь, кричал другим: *«ступайте сюда, ребята, это не наш барин; этот барин добрый, он дает деньги и не дерется!»* Ребятишки тотчас все ко мне прибежали; я дал каждому по несколько денег и по пирожку, которые со мною были. Они все кричали: *«у меня деньги! у меня пироги!»*

* *
*

Сие сатирическое сочинение под названием путешествия в*** получил я от г. И. Т. с прошением, чтобы оно помещено было в моих листах. Если бы это было в то время, когда умы наши и сердца заражены были французским народом, то не осмелился бы я читателя моего потчевать с этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нежных вкусов благородных невежд горьковато. Но ныне премудрость, сидящая на престоле, истину покровительствует во всех деяниях. Итак, я надеюсь, что сие сочинение заслужит внимание людей, истину любящих. Впрочем, я уверяю моего читателя, что продолжение сего путешествия удовольствует его любопытство.

ЖИВОПИСЕЦ

ЛИСТ 6

ВЕДОМОСТИ

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Из Миллионной

Здесь примечена великая перемена в продаже книг. Прежде жаловались, что на российском языке не было почти никаких полезных и к украшению разума служащих книг, а печатались одни только *романы* и *сказки*¹⁸; но, однакож, их покупали очень много. Ныне многие наилучшие книги переведены с разных иностранных языков и напечатаны на российском; но их и в десятую долю против *романов* не покупают. Пржнему великому на *романы* и *сказки* расходу причиною было, как некоторые сказывают, невежество; а нынешнему малому наилучшим книгам расходу полагают причиною великое наше просвещение. И подлинно, благодаря нашему самолюбию, мы ныне так стали разумны, что не только ничему уже не хотим учиться, но и за стыд почитаем упражняться в науках, а еще и паче во словесных. Что ж касается до подлинных наших книг, то они никогда не были в моде и совсем не расходятся; да и кому их покупать? Просвещенным нашим господчикам они не нужны, а невеждам и совсем не годятся. Кто бы во Франции поверил, если бы сказали, что *волшебных сказок* разошлось больше сочинений *Расиновых*? А у нас это сбывается: *Тысяча одной ночи* продано гораздо больше сочинений *Сумарокова*. И какой бы лондонский книгопродавец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупятся? О времена! о нравы! Ободрайтесь, российские писатели! сочинения ваши скоро и совсем покупать перестанут.

ИЗ ТВЕРИ

Недавно чрез наш город проехал в Петербург какой-то славный *Выдумщик*. Он рассказывал нам о себе великие чудеса и показывал более ста *выдумок*, им сочиненных.

Между прочими выхвалял он более всех сочинение, в котором он предлагает способ для приохочивания молодых российских господчиков ко чтению русских книг. Оный в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими буквами. Г. *Выдумщик* уверяет, что сим способом можно приманить ко чтению российских книг всех щеголей и щеголих, да и самых тех, которые российского языка терпеть не могут. Он утверждал, что если эта его выдумка произведется в действо, то он надеется от сего великого успеха, потому что, по его мнению, французские буквы мягкостью своею очистят всю грубость российского языка. Сей великий человек недолго промешкал в нашем городе и поскакал в Петербург.

ЖИВОПИСЕЦ

ЛИСТ 13

АНГЛИЙСКАЯ ПРОГУЛКА 19

Прогуливаясь третьего дня по берегу, встретился я с одним из тех почтенных человек, которые превосходительство поставляют не в пышности названия, но в доброту сердца. Сей господин, с обыкновенною своею учтивостию и ласкою, свойственною только добродетельным людям, подошед, поздравлял меня с хорошим успехом Живописцовых листов, уверяя при том, что они заслужили благоволение многих почтенных особ. Я начал было благодарить его за сие для меня приятное известие, но он, перервав мои слова, спрашивал, для чего я не издаю продолжения путешествия И*** Т***. «Без сомнения, дошли до вас, — говорил он, — толки, сим листочком произведенные; но вы не должны о том беспокоиться. Правда, что многие наша братья дворяне сим вашим листом недовольны, однакож ведайте и то, что многие за оный же лист и похваляют вас. На всех никто угодить не может, так старайтесь по крайней мере угождать тем, которые во своих требованиях справедливее других. Впрочем, я совсем не понимаю, — продолжал он, — почему некоторые думают, что будто сей листок огорчает целый дворянский корпус. Тут описан помещик, не имеющий ни здравого рассужде-

ния, ни любви к человечеству, ни сожаления к подобным себе; и, следовательно, описан дворянин, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющий*...

.....
 Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмеет утверждать, что сие злоупотребление недостойно осмеяния? И кто скажет, что худое рачение помещиков о крестьянах не наносит вреда всему государству? Пусть вникнут в сие здравым рассуждением, тогда увидят, отчего останавливаются и приходят в недоимку государственные поборы, отчего происходит то, что крестьяне наши бывают бедны, отчего у худых помещиков и у крестьян их частые бывают неурожаи хлеба**.

Не все ли [сие] проистекает от употребления во зло преимущества дворянского? Когда ж неустроению сему причиною худые дворяне, то не достойны ли они справедливого порицания? Пусть скажут господа критики, кто больше оскорбляет почтенный дворянский корпус, я еще важнее скажу, кто делает стыд человечеству: дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющие, или ваша на них сатира? Итак, верьте, — примолвил он, — что такие ваши сатиры не только что не огорчают дворян, украшенных добродетелию и знающих человечество, но паче еще и превозносят их. Правда, что в числе ваших критиков были и такие, которые порицали вас, будучи побуждаемы слепым пристрастием ко преимуществу дворянскому; но коль чудно и странно сие пристрастие! Как? защищать упорно такое преимущество, которым сами они и все честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются?.. Я знаю еще недовольных вашим листком; но неудовольствие сих людей достойно того, чтобы вы имели к ним почтение, ибо они, не ведая вашей цели, никакого не могли по началу сделать правильного заключения и потому из любви ко ближнему более сожалели, нежели оуждали, что вы не с той стороны принялись за сию сатиру. Напротив того,

* Тут следовали многие другие упрекания, относящиеся к худым помещикам, но я их исключил, опасаясь навлечь на себя сугубое негодование²⁰.

** Я и тут многое выключил для сказанных мною причин в первом примечании.

бранили вас надменные дворянством люди, которые думают, что дворяне ничего не делают неблагородного, что подлости одной свойственно утопать в пороках и что, наконец, хотя некоторые дворяне и имеют слабость забывать честь и человечество, однакож будто они, яко благородные люди, от порицания всегда должны быть свободны. Сии гордые люди утверждают, что будто точно сказано о крестьянах: *наказу их жезлом беззакония*; и подлинно они часто наказываются беззаконием! Что по их мнению... 21

Мы привыкли, — продолжал он, — перенимать с жадностью все от иностранных, но, по несчастю нашему, по часту перенимаем только пороки их; например, когда были у нас в моде французы, то от обхождения с ними остались у нас легковёрность, непостоянство, вертопрашество, вольность в обхождении, превосходящая границы, благоразумием учрежденные, и многие другие пороки. Французов сменили англичане: ныне женщины и мужчины взапуски стараются перенимать что-нибудь от англичан; все английское кажется нам теперь хорошо, прелестно, и все нас восхищает. И мы, по несчастю, столь пристрастны к чужестранному, что и самые пороки их нередко почитаем добродетелию. Французскую наглость называли мы благородною вольностью, а ныне английскую грубость именуем благородною великостью духа. Я говорю это, — продолжал он, — не в поношение обоих сих народов, ибо всяк ведаёт, что французы и англичане весьма много имеют доброго; но говорю единственно в доказательство пристрастного нашего к иностранным порокам прилепления. Кто захочет в истине сего мнения удостовериться, тот пусть поглядится: я уверен, что он много найдет сему подобного. 22

Некоторые из нас удивлялись шатавшимся провинциальным английским актерам, а своих имеем, которые равняются с наилучшими английскими актерами и актрисами, но, однакож, они нам не удивительны, потому только, что они русские.

Когда ж все английское в такой у нас превеликой моде, то для чего любители иностранных вкусов не почитают тот ваш листок в английском вкусе написанным? Ибо

в Англии дворяне критикуются равно как и простолюдины. Я сожалею, что вы в заглавии сего сочинения не написали: *Путешествие, в английском вкусе написанное*; может быть, что это название вместо порицания привело бы его в моду. О времена! О нравы!» — сказал сей господин, вздохнувши. После сего усиленно просил он меня, чтобы продолжение и сие его рассуждение напечатал я в моих листах под названием *Английской прогулки*. Сколько ни отговаривался я от сей просьбы, но, однакож, убежден был уверениями его, что сие рассуждение не будет противно дворянам, истинно благородным. Итак, в удовольствие его я сообщаю и то и другое, прося притом извинения, что выключил нечто из его рассуждений: это показалось мне необходимо нужным.

ЖИВОПИСЕЦ

ЛИСТ 14

ПРОДОЛЖЕНИЕ

ОТРЫВКА ПУТЕШЕСТВИЯ в*** И*** Т***

Глава XIV

Между тем солнце, совершив свое течение, погружалось в бездну вод, дневной жар переменялся в прохладность, птицы согласным своим пением начали воспевать приятность ночи, и сама природа призывала всех от трудов к покою. Между тем богачи, любимцы *Плутовы*²³, препроводя весь день в веселии и пиروваниях, к новым приготавлилися увеселениям. Люди праздные, скучающие драгоценностию времени, потеряв сей день бесполезно, возвращались на ложе свое спокойными и радовались, что один день убавился из их века. Худой судья и негодный подьячий веселились, что в минувший день сделали прибыток своему карману и пролили новые источники невинных слез. Волокиты и щеголихи, препроводя весь день в нарядах, скакали на берег * для свиданья. Ревнивые супруги и лю-

* Надобно думать, что это путешествие писано в то время, когда прогуливание по берегу было в моде.

бовники затворялись по своим покоям и проклинали вольное обхождение. Устарелые щеголихи воспаляли великое число восковых свеч и, устроив лице свое различными хитростями, торжествовали восхождение престарелья луны, своея благодетельницы, которая бледным своим светом оживляла увидение их прелести. Игроки собирались ко всеночному бдению за карточными столами и там, теряя честь, совесть и любовь ко ближнему, приготовлялись обманывать и разорить богатых простячков всякими непозволенными способами. Другие игроки везли с собою в кармане труды и пот своих крестьян целого года и готовились поставить на карту. Купец веселился, считая прибыток того дня, полученный им на совесть, и радовался, что на дешевый товар много получил барыша. Врач благодарил бога, что в этот день много было больных, и радовался, что отправленный им на тот свет покойник был весьма молчаливый человек. Стряпчий доволен был, что в минувший день умел разорить зажиточного человека и придумать новые плутовства для разорения других по законам. А крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в поте, измученные, и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали.

Вошед на двор и увидев меня в коляске, все они поклонились в землю, а старший из них говорил: «не прогневайся, господин добрый, что нас никого не прилучилося дома. Мы все, родимый, были в поле; царь небесный дал нам ведро, и мы торопимся убрать жниво, покуда дожди не захватили. По сиось день господень все-таки у нас, родимый, погода стоит добрая, и мы почти со всем господским хлебом управились; авось-таки милосливый Спас подержит над нами свою руку и даст нам еще хорошую погоду, так мы и со своим хлебишком управимся. У нашего боярина такое, родимый, поверье, что как поспеет хлеб, так сперва всегда его, боярский, убираем; а с своим-то-де, *изволит баять*, вы и после уберетесь. Ну, а ты рассуди, кормилец, ведь мы себе не лиходен, мы бы и рады убрать, да как захватят дожди, так хлеб-от наш и пропадает. Дай ему бог здоровье! Мы, кормилец, на бога надеемся, бог и государь до нас милосливы, а кабы да Григорий Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили, как в раю!» —

«Подите, друзья мои, — сказал я им, — отдыхайте; завтра воскресенье, и вы, конечно, на работу не пойдете, так мы поговорим побольше». — «И! родимый! — сказал крестьянин, — как не работать в воскресенье! Помолясь богу, не што же делать нам, как не за работу приниматься; кабы да по всем праздникам нашему брату гулять, так некогда бы и работать было? Ведь мы, родимый, не господа, чтобы и нам гулять; полно того, что и они в праздничные дни по-пустому шатаются». После чего крестьяне пошли, а я остался в коляске своей и, рассуждая о их состоянии, столь углубился в размышления, что не мог заснуть прежде двух часов пополудни.

На другой день, поговоря с хозяином*, я отправился в путь свой, горя нетерпеливостью увидеть жителей *Благополучных деревни*; хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике той деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных.

*Продолжение сего путешествия напечатано будет
при новом издании сей книги*

ЖИВОПИСЕЦ

ЛИСТ 15

*Господин живописец! Поместите, пожалуйста,
следующее письмо в ваши листы, буде возможно;
содержание его, кажется, заслуживает это,
чтобы вы исполнили просьбу*

Вашего покорного слуги П. Р.

ПИСЬМО УЕЗДНОГО ДВОРЯНИНА К ЕГО СЫНУ

Сыну нашему Фалалею Трифоновичу, от отца твоего Трифона Панкратьевича и от матери твоей Акулины

* Я не включил в сей листок разговор путешественника со крестьянином по некоторым причинам; благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор, конечно, бы заслужил его любопытство и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Разоренных деревни и подобных ему.

Сидоровны, и от сестры твоей Варюшки низкий поклон и великое челобитье.

Пиши к нам про свое здоровье; таки так ли ты пожи-
вашь, ходишь ли в церковь, молишься ли богу и не поте-
рял ли ты святцев, которыми я тебя благословил? Береги
их; ведь это не шутка: меня ими благословил покойник
дедушка, а его — отец духовный, Ильинский батька ²⁴.
Он был болен черною немочью и по обещанию ездил в
Киев; его бог помиловал, и киевские чудотворцы помогли;
и он оттуда привез этот канонник ²⁵ и благословил дедушку,
а он его возом муки, двумя тушами свиными, да стягом
говяжьим ²⁶. Не тем-то покойник-свет будь помянут! Он
ничего своего даром не давал, дедушкины-та свет грешки
дорогошьки становились. Кабы он, покойник, поменьше с
попами водился, так бы и нам побольше оставил. Дом его
был, как полная чаша, да и тут процедили. Ведь и наш
батько Иван: кабы да я не таков был, так он бы готов
хоть кожу содрать; то-то поповские завидливые глаза,
прости, господи, мое согрешение! А ты, Фалалеюшка,
с попами знайся, да берегись; их молитва до бога доходна,
да убыточна... Как отпоешь молебн, так можно ему под-
нести чарку вина да дать ему шесть денег ²⁷, так он и дово-
лен. Чего ж ему больше, прости, господи, ведь не рожна?
Да полно, нынче и вищо-та в сапогах ходит: экое вре-
мечко; вот до чего дожили: и своего вина нельзя при-
везть в город; пей-де вино государево с кружала, да
делай прибыль откупщикам ²⁸. Вот какое рассуждение!
А говорят, что все хорошо делают; поэтому скоро и из
своей муки нельзя будет испечь пирога. Да что уж и гово-
рить, житье-то наше дворянское нынче стало очень худень-
ко. Сказывают, что дворянам дана вольность; да чорт
ли это слыхал, прости, господи, какая вольность? Дали
вольность ²⁹, а ничего не можно своею волею сделать:
нельзя у соседа и земли отнять; в старину-то побольше
было нам вольности; бывало, отхватишь у соседа земли
целое поле, так ходи же он да проси, так еще десять полей
потеряет; а вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя
сколько надобно, да и продашь на сотню места. Коли вое-
вода приятель, так кури смело в его голову: то-то была
воля-та! Нынче и денег отдавать в проценты нельзя:

больше шести рублей брать не велят, а бывало, так бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нет-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, что можно выйти из службы³⁰ да поехать за море; а не слышать, что там делать: хлеб-ат мы и русский едим, да таково ж живем. А из службы тогда хоть и не вольно было выйти, так были на это лекари; отнесешь ему барашка в бумажке, да судье другого, так и отставят за болезнями. Да уж, бывало, как приедешь в деревню-та, так это навертасешь; был бы только ум, да знал бы приказные дела, так соседи и не куркай. То-то было житье! Ты, Фалалешка, не zapomнишь этого. Сестра твоя Варя посажена за грамоту; батько Иван сам ей начал азбуку в ее именины; ей минуло пятнадцать лет: пора, друг мой, и об этом подумать; ведь уж скоро и женихи станут свататься, а без грамоты замуж ее выдать не годится, и указа самой прочесть нельзя. Отпиши, Фалалешка, что у вас в Питере делается; сказывают, что великие затси. Колокольню строят и хотят сделать выше Ивана Великого³¹; статочное ли это дело? то делалось по благословению патриаршему, а им как это сделать? Вера-та тогда была покрепче, во всем, друг мой, надеялись на бога, а нынче она пошатнулась, по постам едят мясо и хотят сами все сделать; а все это проклятая некресть делает: от немцев житья нет! Как поводимся с ними еще, так и нам с ними быть в аде. Пожалуйста, Фалалешка, не погуби себя, не заводи с ними знакомства; провались они проклятые! Нынче и за моря ездить не запрещают, а в Кормчей книге³² положено за это проклятие. Нынче все ничего; и коляски пошли с дышлами, а и за это также положено проклятие; нельзя только взятки брать да проценты выше указных, это им пуще пересола, а об этом в Кормчей книге ничего и не написано; на моей душе проклятия не будет; я и по сю пору ежду в зеленой своей коляске с оглоблями. Меня отрешили от дел за взятки; процентов больших не бери, так от чего же и разбогатеть: ведь не всякому бог даст клад, а с мужиков ты хоть кожу сдери, так немного прибыли. Я, кажется, таки и так не плошаю, да что ты изволишь сделать: пять дней ходят они на мою работу, да много ли в пять дней сделают? Соку их нещадно, а все прибыли нет; год от году все больше

нишают мужики: господь на нас прогневался; право, Фалалейшук, и ума не приложу, что с ними делать. Приехал к нам сосед *Брюжисжалов* и привез с собою какие-то печатные листочки ³³ и, будучи у меня, читал их. Что это у вас, Фалалейшук, делается, никак с ума сошли все дворяне? Чего они смотрят? Да я бы ему, проклятому, и ребра живого не оставил. Что за живописец такой у вас проявился? какой-нибудь немец, а православный этого не написал бы. Говорит, что помещики мучат крестьян, и называет их тиранами, а того, проклятый, и не знает, что в старину тираны бывали некрещеные и мучили святых; посмотри сам в Четьи-Миней ³⁴; а наши мужики ведь не святые; как же нам быть тиранами? Нынче же это и ремесло не в моде; скорее в воеводы добьешься, нежели во... Да полно, это не наше дело. Изволит умничать, что мужики бедны; эдакая беда! неужто хочет он, чтоб мужики богатели, а мы бы, дворяне, скудели; да этого и господь не приказал; кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помещику, либо крестьянину; ведь не всем старцам в игумнах быть. И во святом писании сказано: *работайте господеву со страхом и радуйтесь ему с трепетом. Примите наказание, да не когда прогневается господь: егда возгорится вскоре ярость его.* — Да па что они и крестьяне: его такое и дело, что работай без отдыху. Дай-ка им волю, так они и неведь что затеют. Вот-те на! до чего дожили! только я на это смотреть не буду; ври себе он, что хочет, а я знаю, что с мужиками делать *

О коли бы он здесь был! То-то бы потешил свой живот; все бы кости у него сделал как в мешке. Что и говорить, дали волю: тут небось не видят, и знатные господа молчат; кабы я был большим боярином, так управил бы его в Сибирь. Эдакие люди за себя не вступятся! Ведь и бояре с мужиками-та своими поступают не по-немецки, а все-таки так же по-русски, и их крестьяне не богаче наших. Да что уж и говорить, и они свихнулись. Недалеко от меня деревня Григорья Григорьевича Орлова ³⁵; так знаешь ли, по чему он с них берет? Стыдно и сказать, по

* Я нечто выключил из сего письма: такие мнения оскорбляют человечество.

полтора рубли с души, а угодьев-та сколько! И мужики какие богатые; живут себе да и гадки не мают, богатее много дворянина; ну, а ты рассуди сам, какая ему от этого прибыль, что мужики богаты; кабы перетаскал в свой карман, так бы это получше было; эдакий ум! То-то, Фалалешка, не к рукам эдакое добро досталось. Кабы эта деревня была моя, так бы я по тридцати рублей с них брал, да и тут бы их в мир еще не пустил; только что мужиков балуют. Эх! перевелись-ста старые наши большие бояре: то-то были люди, не только что со своих, да и с чужих кожи драли. То-то пожилы да поцарствовали, как сыр в масле катались: и царское, и дворянское, и купецкое — все было их; у всех, кроме бога, отнимали; да и у того чуть тако не отни... А нынешние господа что за люди, и себе добра не хотят. Что уж и говорить, все пошло на немецкий манер. Нутка, Фалалешка, вздумай да взгадай, да поди в отставку, полно, друг мой, ведь ты уже послужил, лбом стену не проломишь; а коли не то, так хоть в отпуск присзжай. Скосырь твой жив и Налетка ³⁶; мать твоя бережет их пуще своего глаза; намнясь Налетку укусила было бешеная собака; да спасибо, скоро захватили, ворожея заговорила. Ну, да полно, и было за это людям. Сидоровна твоя всем кожу спустила; то-то проказница; я за то ее и люблю, что уж коли примется сечь, так отделает! перемен двенадцать подадут ³⁷; попросит, небось, воды со льдом; да это нет ничего, лучше смотрят. За сим писавый кланяюсь. Отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

ЖИВОПИСЕЦ

ЛИСТ 20

ВЕДОМОСТИ

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Известия

Некто из молодых господ, умеющий жить во свете, одеваться по моде, чесать волосы со вкусом, танцовать прелестно и петь французские песни с наилучшими манерами,

третьего дня ехал в богатой своей английской карете, запряженной шестью прекрасными лошадьми, и, проезжая мимо гостиницы двора, обронил *кредит*; кто оный поднял и возвратит сему господину, тому обещает он покровительство свое при дворе.

Подряды

Некоторому знатному родом и заслуженному, по его мнению, господину потребно до двенадцати молодых, неглухих, проворных и умеющих вкрадываться дворян. Он обещает содержать их на своем иждивении; а должность их состоять будет в том, чтобы сим молодые люди проповедывали повсеместно милосердие к бедным сего господина, которого, однакож, он не имеет, его любовь к отечеству, о которой не имеет он и понятия, и приписывали бы ему всевозможные добродетели. Сим способом надеется он прийти в любовь ко всем и получить чины, которых он по знатности своего рода давно имеет право требовать. Желавшие вступить в сию должность могут явиться у него самого, в собственном его доме, построенном из корыстей, полученных прапрапрадедом его под Чингирипом.

ЖИВОПИСЕЦ

ЛИСТ 23

Господин Живописец!

Признаюсь, что я на вас весьма роптал, когда увидел в ваших листочках и то письмо, которое ко мне отец мой писал. Я тогда стыдился за порог выйти: мне казалось, будто всякий думает то же самое и обо мне, что об отце моем, и я боялся, чтобы не стали указывать на меня пальцами. Но теперь я очень сердит на моего отца; и потому досада моя на вас окончилась, и заступила благодарность ее место. Я сообщаю к вам письма, одно от отца моего,

другое от матери, а третье от дяди и четвертое, мною³⁸ в ответ на их письма написанное. Пускай разум их откроется свету, пусть в мое отмщение посмеются им люди и пусть свет узнает, каких свойств —

Ваш усердный слуга

Ф.АЛАЛЕЙ ***

Сыну моему Фалалею

Так-то ты считаешь отца твоего, заслуженного и почтенного драгунского ротмистра? Тому ли я тебя, проклятого, учил и того ли от тебя надеялся, чтобы ты на старости отдал меня на посмешище целому городу? Я писал к тебе, окаянному, в наставление, а ты это письмо отдай напечатать. Погубил ты, супостат, мою головушку! пришло с ума сойти. Слыханое ли это дело, чтобы дети над отцами своими так ругались? Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтение к родителям, в силу указов, велю высечь кнутом; меня бог и государь тем пожаловали: я волен и над животом твоим; видно, что ты это позабыл! Кажется, я тебе много раз толковал, что ежели отец или мать сына своего и до смерти убьет, так и за это положено только церковное покаяние. Эй, сынок, спохватись! Не сыграй над собою шутки: ведь недалеко великий пост, попоститься мне немудрено; Петербург не за горами, я и сам могу к тебе приехать. Ну, сын, я теперь тебя в последний раз прощаю, по просьбе твоей матери; а ежели бы не она, так уж бы я дал себя знать. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: ведь ежели ты окажешь еще какое ко мне непочтение, так уж не жди никакой пощады; я не Сидоровне чета: у меня не один месяц проохаешь, лишь бы только мне до тебя дорваться. Слушай же, сынок, коли ты хочешь опять прийти ко мне в милость, так просись в отставку да приезжай ко мне в деревню. Есть кому и без тебя служить; пускай кабы не было войны, так бы хоть и послужить можно было, это бы свое дело; а то ведь ты знаешь, что нынче время военное; неровно как пошлют в армию, так пропадешь ни за копейку. Есть пословица: богу молись, а сам не плошись; уберись-ка в сторонку, так это здоровее

будет. Поди в отставку, да приезжай домой; ешь досыта, спи сколько хочешь, а дела за тобой никакого не будет. Чего тебе лучше этого? За честью, свет, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будет есть. Пусть у тебя не будет Егорья³⁹, да будешь ты зато поздоровее всех егорьевских кавалеров. С Егорьем-то и молодые люди частехонько поохивают, а которые постарее, так те чуть дышат: у кого руки перестреляны, у кого ноги, у иного голова; так радостно ли отцам смотреть на детей изуродованных? И невеста ни одна не пойдет. А я тебе уже и приискал было невесту. Девушка неубогая, грамоте и писать горазда, а пуще всего великая экономка; у нее ни синий порох даром не пропадет, такую-то, сынок, я тебе невесту сыскал. Дай только бог вам совет да любовь да чтобы тебя отпустили в отставку. Приезжай, друг мой, тебе будет чем жить и опричь невестина приданого; я накопил довольно. Я и позабыл было тебе сказать, что нареченная твоя невеста двоюродная племянница нашему воеводе; ведь это, друг мой, не шутка: все наши спорные дела будут решены в нашу пользу, и мы с тобою у иных соседей землю обрежем по самые гумна; то-то любо: и курицы некуда будет выпустить! Со всем будем ездить в город; то-то, Фалалеюшка, будет нам житье! никто не куркай! Да полно, что тебя учить, ты ведь уже не малый ребенок, пора своим умком жить. Ты видишь, что я тебе не лиходей, учу всегда доброму, как бы тебе жить было попригоднее. Да и дядя твой Ермолай чуть тако не то же ли тебе советует; он хотел писать к тебе с тем же ездоком. Мы с ним об этом поговорили довольно, сидя под любимым твоим дубом, где, бывало, ты в молодых летах забавлялся: вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих. Куда какой ты был проказник смолоду! Как, бывало, примешься пороть людей, так пойдет крик такой и хлопанье, как будто за уголовное в застенке секут; таки, бывало, животики надорвем со смеха. Молись, друг мой, богу; нечего, правду сказать, ума у тебя довольно: можно век прожить. Не испугайся, Фалалеюшка, у нас нездорово: мать твоя Акулина Сидоровна лежит при смерти. Батько Иван исповедал ее и маслом особоровал. А занемогла она,

друг мой, от твоей охоты: Налетку твою кто-то съездил поленом и перешиб крестец; так она, голубушка моя, как услышала, так и свету божьего не взвидела, так и повалилась! А после как опомнилась, то пошла это дело разыскивать, и так надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю; да к тому же выпила студеной воды целый жбан, так и присунулась к ней огневица. Худа, друг мой, мать твоя, очень худа! на ладан дышит; я того и жду, как сошлет бог по душу. Знать что, Фалалейюшка, расставаться мне с женою, а тебе и с матерью и с Налеткою, и она не лучше матери. Тебе, друг мой, все-таки легче моего. Налеткины щенята, слава богу, живы; авось-таки который-нибудь удастся по матери; а мне уж эдакой жены не наживать. Охти мне, пропала моя головушка! где мне за всем одному усмотреть! Не сокруши ты меня, приезжай да женись, так хоть бы тем я порадовался, что у меня была бы невестка. Тошно, Фалалейюшка, с женою расставаться: я было уже к ней привык, тридцать лет жили вместе, как у печки погрелся! Виноват я перед нею: много побита она от меня на своем веку, ну да как без этого. Живучи столько вместе, и горшок с горшком столкнется, как без того! Я крут больно, а она неуступчива, так, бывало, хоть маленько, так тотчас и дойдет до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынок, как жить с женою: мы хоть и дирались с нею, да все-таки живем вместе; и мне ее теперь, право, жаль. Худо, друг мой, и ворожеи не помогают твоей матери; много их приводили, да пути нет, лишь только деньги пропали. За сим писавый кланяюсь, отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

ЖИВОПИСЕЦ

ЛИСТ 24

Свет мой Фалалей Трифонович!

Что ты это, друг мой сердечный, накудесил? пропала бы твоя головушка: ведь ты уже не теперь знаешь Панкратьевича; как ты себя не бережешь; ну кабы ты, бедненький, попался ему в руки, так ведь бы он тебя

изуродовал пуще божьего милосердия. Нечего, Фалалешка, норовок-ат у него, прости господи, чертовский; уж я ли ему не угождаю, да и тут никогда не попаду в лад. Как закуралесит, так и святых вон понеси. А ты, батька мой, что это сделал, отдай письмо его напечатать; ведь ему все соседи смеются: экой-де у тебя сынок, что и над отцом ругается. Да полно ведь, Фалалешка, всех речей не переслушаешь; мало ли что лихие люди говорят, бог с ними, у них свои детки есть, бог им заплатит. Чужое-то робя всегда худо, наши лучше всех; а кабы оглянулись на своих деток, так бы и не то еще увидели. Побереги ты, мой батька, сам себя, не рассерди отца-то еще, с ним и черт тогда уж не совладеет. Отпиши к нему поласковее, да хоть солги что-нибудь, ведь это не какой грех, не чужого будешь обманывать, своего; и все дети не праведники: как перед отцом не солгать. Отцам да матерям на детей не насердиться, свой своему поневоле друг. Дай бог тебе, друг мой сердечный, здоровье, а я лежу на смертной постеле; не умори ты меня безвременно: приезжай к нам поскорее, хоть бы мне на тебя насмотреться в последний раз. Худо, друг мой, мне приходит, нечего, очень худо. Обрадуй, свет мой, меня; ты ведь у меня один одинок, как сипий порох в глазе, как мне тебя не любить; кабы у меня было сыновей много, то бы свое дело. Заставай, батька мой, меня живую; я тебя благословлю твоим ангелом, да отдам тебе все мои деньжонки, которые украдкой от Панкратьевича накопила: ведь для тебя же, мой свет; отец-ат тебе несколько дает денег, а твое еще дело детское, как не полакомиться, как не повеселиться? Твои, друг мой, такие еще лета, чтобы забавляться; мы и сами с молодую таковы же бывали. Веселись, мой батюшка, веселись: придет такая пора, что и веселье на ум не пойдет. Послала я к тебе, Фалалешка, сто рублей денег, только ты об них к отцу ничего не пиши; я это сделала украдкой, кабы он сведал про это, так бы меня, свет мой, забранил. Отцы-то всегда таковы: только что брюзжат на детей, а никогда не потешат. Мое, друг мой, не отцовское сердце, материнское, последнюю копейку из-за души отдам, лишь бы ты был весел и здоров. Батька ты мой, Фалалей Трифонович; дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное,

свет мой, умник, худо мне приходит: как мне с тобою расставаться будет? на кого я тебя покину? Погубит он, супостат, мою головушку! этот старый хрыч когда-нибудь тебя изуродует. Береги, мой свет, себя, как можно береги. Плетью обуха не перебьешь; что ты с эдаким чортом, прости господи, сделаешь. Приезжай, мой батька, к нам в деревню, как таки можно приезжай: дай мне на себя насмотреться; сердце мое послышало, что приходит мой конец. Прости, мой батюшко, прости, свет мой; благословение тебе посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайший, мой свет, поклон приношу. Прости, голубчик мой, не позабудь меня.

Любезному племяннику моему Фалалею Трифоновичу, от дяди твоего Ермолая Терентьевича низкий поклон и великое челобитье; и при сем желаю тебе многолетнего здравия и всякого благополучия на множество лет, от Адама и до сего дне.

Было бы тебе вестно, что мы по отпуску сего письма все, слава богу, живы и здоровы; тако ж и отец твой Трифон Панкратьевич здравствует же, только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больно трудна: что подыметь, то и есть, а сама ни на волос не поворохнется. Вчерась отнялись у нее и руки и ноги, а теперь, чай, уж и не говорит; и при мне-та так уж через мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоим ангелом, да Фарсульской богородицей, а меня — неопалимой. Ну, брат племянник, мать-то твоя и перед смертью не тароватее стала! Оставила на помин душе такой образ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидалица какая! У меня образов-то и своих есть сотня места, да не эдаких, как жар вызолочены; а эта, брат, неопалима, подлинно, что не обожжет, и окладишко весь почернел; бог с нею! Спасибо хоть за то, что она в полном уме исповедалась и маслом особоровалась; хоть и умрет, так уж по-христиански. Дай бог, всякому такую кончину! Да и тут, Фалалеюшка, кабы не я, так бы разве глухою исповедью исповедывать. Уж я ей говорил: «эй, Сидоровна, исповедайся, ведь уже ты в гроб глядишь»; так нет-ста, насилу прибили. А как

приспичило, так давай, давай попа, да уж за то в один день трижды исповедалась. Знать, что у нее многоноcko грешков-то скопилось. Приводили, правда, и ворожей; нечего, спасибо твоему отцу, не поспеуился; да ничего не помогло. А после исповеди привели было еще одного, да уж и Сидоровна сама не захотела напрасно тратить деньги. Кому жить, Фалалеюшка, так будет притоманно жив, а кому умереть, тому и ворожей не пособят. Животом и смертью бог владеет. Аще ежели ему угодно будет прекратить дни ее, то приезжай погребсти грешное тело ее. Да и кроме того нам до тебя есть дело. Ну, Фалалеюшка! не испугайся: ведь матушка твоя скончалась, поминай как звали. Я только теперь получил об этом известие; отец твой, сказывают, воеет, как корова. У нас такое поверье: которая корова умерла, так та и к удою была добра. Как Сидоровна была жива, так отец твой бивал ее, как свинью, а как умерла, так плачет, как будто по любимой лошади. Приезжай, друг мой, Фалалеюшка, приезжай бога ради поскорее, хоть не надолго, а буде можно, так и вовсе. Ты сам увидишь, что тебе дома жить будет веселее петербургского. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебе присоветую, сиречь к приказным делам, да только где похлебнее, наприклад, в экономические казначеи или в управители дворцовых волостей, или куда-нибудь к подрядным либо таможенным делам. В таких местах кому ни удалось побыть, так все, бог с ними, сытехоньки стали. Иной уже тецерь и в каменных палатах живет, а которые ни одной души за собою не имели, те уже нажили сотни и по две-три. Не в пронос сказать о нашем Авдуле Еремеевиче: хотя он недолго пожил при монастырских крестьянах ⁴⁰, да уже всех дочек выдал замуж. За одной, я слышал, чистыми денежками десять тысяч дал да деревню тысяч в пять. А не совсем-таки разорился, бог с ним, про себя еще осталось. А кабы да его не сменили, так бы он и гораздо понагрел руки около нынешних рекрутских наборов. Знать, что тех молитва дошла до бога, которые в эту пору определились ⁴¹. Не житье им — масленица! Я бы-ста и сам не побрезгивал пойти в эдакие управители. Перепало бы кое-что и мне в карман: кресты да перстни, все те же деньги, только умеи концы хоронить. Я и поныне еще все стареньким живу. Кто перед

богом не грешен? кто перед царем не виноват? не нами свет начался, не нами и окончается. Что в людях ведется, то и нас не минется. Лишь только поделись, Фалалеюшка, так и концы в воду. Неужто всех станут вешать? в чем кто попадетя, тот тем и спасется. Грех да беда на кого не живет? Я и сам попался было одиножды под суд; однако дело-то пошло иною дорогою, и я очистился, как будто ни в чем не бывал. Но кабы ты сам сюда приехал, так бы мы обо всем поговорили лучше на словах; а писать-то страховато, неровно кому попадетя в руки, так напляшешься досыта. При сем, во ожидании тебя, остаюсь дядя твой

*Ермолай ***.*

ЖИВОПИСЕЦ

ЛИСТ 25

Господин Живописец! 42

Я уже ваших листочков не читаю, да и покупать их более не намерен. Правда, мне должно признаться пред всеми, а вам предо мною, что содержание моего письма для вас, а паче еще для вашего состояния не очень приятно будет, ибо из оногo не можете вы для себя никакой другой пользы ожидать, как только того, что вы всякую неделю четыре копейки ⁴³ из ваших доходов потеряете. Сохрани бог! если бы все ваши благосклонные читатели согласились на таковые предложения! тогда бы, конечно, я вам не советовал собирать сокровища вашу кистью; однако я осмеливаюсь с неким пророческим духом вас в том уверить, что ваши читатели, кои из мещанства и купечества, не отрекутся и впредь платить вам дань за описание глупостей и пороков нынешнего века. Что ж касается до дворянства, то я в некоторых, ⁴⁴ предвижу для вас более вреда, нежели пользы, и больше ущерба в ваших доходах, нежели приращения оных. Не громовой ли то удар будет для вас, когда я вам чистосердечно открою, что купленные мною двадцать листов вашей живописи преданы уже от парикмахера моего на всеожжение! Признайтесь сами, не представляется ли в сию

минуту глазам вашим тот жестокий пламень, посядающий творения ваши! Однако прошу вас, государь мой, дружески, соберите в сем случае все силы ваши и выслушайте мужественно причины, побудившие меня к уменьшению ваших семидневных сборов.

Я прихожу по знакомству в некоторый дом. В оном благородная девица, которая, по мнению других, а не по моему, весьма просвещенна, раскладывает по всей комнате свое платье и уборы; но что я увидел? чепчики, манжеты, булавки, новые башмаки и самые ее волосы одеты в *Живописца!* Тогда я сам в себе сказал: «Итак, ты, господин *Живописец*, служишь всем лицам сея красавицы общим покрывалом или спанчею!» Другой раз случилось мне притти к одному молодому придворному, и лишь чуть только успел я выговорить два или три слова, как вдруг появился портной с новым вышитым камзолом и начал его униженно просить о десятилетнем еще долге; но господин вместо платы сказал ему в ответ: «друг мой, ведь я тебе только за шинели и сертуки остаюсь полторы тысячи должен, а прочее все в коротком времени получишь». Потом начал он кричать: «малый, подай чистой бумаги для камзола». Но малый, не запинаясь, отвечал, что нет во всем доме ни лоскутка бумаги. «Провались твоя голова, — закричал господин, — ты всякий день мне все одну проповедь читаешь: все нет да нет... Так подавай те листочки, что лежат за печкою». Слуга тащит оттуда, но что? разодранного *Живописца!* Итак, государь мой, не погневайтесь, я видел вашего *Живописца* у разносчиков в корзинках, получал его с пудрою и с помадою; однако сего еще не довольно. Последние два приключения причинят вам гораздо чувствительнейшие удары. Прошедшей недели нужда заставила меня навестить одну модную госпожу, которая хотя редко бывает больною, однако и никогда здоровою. А сия губительная болезнь погубила и *Живописца!* Ибо кто бы к сей госпоже ни пришел и в какое бы то время ни случилось, то увидит всяк у нее превеликую кучу лекарств, служащих ей повседневною пищею. Здесь я, государь мой, изобретаю то, чего бы иной и в десять лет изобрести не мог. Любопытное мое око, ко крайнему вашему неудовольствию, открыло, что каждая бумажка, хранящая жизнь

сея госпожи, есть *Живописец* и что все оные не иное что суть, как изувеченные *Живописцы!* Признайтесь, государь мой, легко ли вам сносить таковые насильства и станет ли еще сил ваших прочесть следующее приключение? Ибо что до меня касается, то я прихожу здесь в такую робость и бессилие, что не могу ниже глаз моих обратить на следующие строки; и одно только перо мое говорит за меня и мыслит и пишет. А дело вот в чем состоит.

Давно уже пылал я желанием сыскать себе друга, но друга богатого, пригожего и, если можно, разумного и женского пола. Петербургские свахи за несколько времени проповедуют уже имя, прав и добродетели мои. Третьего дня пришедши одна из сих посланниц сказала: «Ну, теперь дело сделано; одну половину брака сооружила я, а ты совершай другую. Я вас у одной приезжей барыни, имеющей у себя прекрасную *Елену*, описала честным дворянином, степенным, в любовных хитростях невинным агнцем; притом, что вы не картежник, не мот и бережете каждой копейки как глаза; словом, я вас называла петербургским чудом и российским фениксом». — «Да упоминала ль ты о том, — сказал я ей, — что я не только дворянин, но дворянин еще с именем, ибо я ученый дворянин». «Сей-то пункт, — был ее ответ, — и оставила я нарочно для вас самих. Она деревенская барыня, так вы можете как ее, так и дочь ее легко и лучше меня о том уверить. Итак, совершайте благополучно начатое мною дело. Сия деревенская барыня дает за дочерью двести душ, а она вас завтра к себе ожидает!» На другой день, то-есть вчерась, одевшись я благопристойно, не позабыл также по обыкновению моему и *Живописца* в карман положить, ибо я его для того всякий день с собою носил, что если случится в ком-нибудь какой порок приметить, то я, вынув его из кармана и сыскав пристойную для сего страницу, прошу, не угодно ли ему прочесть нечто из *Живописца*. Таким образом, пришедши я к сей барыне, старался сколько сил моих стало, во-первых, уверять ее в том, что сваха моя есть сущая христианка и что она ей о моих качествах и за мои деньги самую истину говорила; после начал я приближаться к важному моему намерению и вступил в разговор об учености. «Сударыня, — сказал

я ей, — самое важнейшее упражнение в жизни моей состоит во чтении книг, ученых людей почитаю я больше всего на свете. Не изволите ль знать российского *Рабнера*, то-есть господина *Живописца*? Он составляет новые картины и, изгоняя из сердец наших пороки, преселяет их на оные, а душу нашу одним только добродетелям предоставляет». — «Кровь моя, — отвечала она, — запрещает мне иметь знакомство с мастеровыми людьми. Чей он человек? Из господских ли он или из купеческих? И вы знаете с ним?» — «Конечно, сударыня! Я имею честь называться его приятелем». — «Не подлость ли то, — вскричала она с презрительною улыбкою, — знаться и дружитья с художниками и живописцами! Да ты и сам не Хамов ли внучек?» — «Сударыня, — отвечивал я, — извините меня, вы, конечно, ошибаетесь в имени Живописца, которое употреблено только для заглавия книги; а сочинитель сам имеет совсем другую фамилию и есть не только дворянин, но еще ученый дворянин, то-есть который книги пишет. Я же называюсь его приятелем для того, что не только читаю, хвалю и ношу с собою его сочинения, но хочу еще, подражая его примеру, и сам прославиться изданием книг». Тогда она, оборотясь ко мне спиною и захохотав, говорила к своей дочери: «Я еще в первый раз от роду слышу, что и дворяне бывают ученые. Благодаря бога! В нашей фамилии не было еще ни за одним такового художества, и никто ни книжником, ни скорописцем не бывал; и я скорее согласилась бы отпереться от родни, нежели дочь мою выдать за ученого». Потом, оборотясь ко мне, сказала: «друг мой, не погневайся, у меня двери всегда будут для тебя заперты, а теперь для выхода твоего давно уже открыты стоят; и я лучше советую тебе убираться в царство живописцев и там искать своей невесты. Ибо в нашем отечестве истари положено для дворянина шпага, для стряпчего перо, а грамота для попов».

Я, приметя в ней деревенское и грубое невежество, приводил ей в пример князей, графов, баронов и великое множество знатных дворян, которые себе науками вечную славу заслужили. Однако она столь упорно в своем мнении стояла, что не хотела и самого глупого сержанта променять на десять ученых дворян. Наконец, домашние

примеры открыли ей глаза и, будучи насилу убеждена, что чрез ученость дворянская кровь нимало не повреждается, сказала мне: «однако избирай любое: или чтоб я у тебя ни одной книги не видала, не исключая и благородного твоего *Живописца*, или прошу не знать моего дома. В первом случае имеете вы и дочь, и двести душ, и меня вместо матери вашей, притом открою тебе в деревне моей новый ученый свет, то-есть как за сохою ходить и как из кажда души золото делать; напротив того, лишаешься ты всего». Признаюсь, государь мой, что я при сих словах остолбенел и, не могши ничего говорить, просил только себе двадцать четыре часа на размышление. Господин *Живописец!* подержите бога ради отмщение ваше за сожжение двадцати листочков, ибо то учинено в первом жару и в крайней задумчивости, а теперь, при таковых обстоятельствах, потребен мне ваш совет, совет, от которого зависит все мое благополучие. Скажите, что должен я здесь предпринять? Во ожидании от вас скорого и полезного для меня совета, остаюсь вашим приятелем,

дворянин с одною душою

ЖИВОПИСЕЦ

ЛИСТ 5 [1773]

На прошедшей неделе получил я с почтового двора письмо следующего содержания.

Слушай-ка, брат *Живописец!* На шутку, что ли, я тебе достался? Не на такого ты наскочил. Разве ты еще не знаешь приказных, так отведай, потягайся. Ведомо тебе буди, что я перед владимирской поклялся и снял ее, матушку, со стены в том, что как скоро приеду я в Петербург, то подам на тебя челобитье в бесчестье. Знаешь ли ты, молокосос, что я имею патент, которым повелевается признавать меня и почитать за доброго, верного и честного титулярного советника ⁴⁵; ведаешь ли ты, что и в *подлости* * есть присловица: *не пойман, не вор, не поднята,*

* Подлыми людьми по справедливости называться должны те, которые худые делают дела; но у нас, не ведаю, по какому предрасуждению, вкралось мнение почитать подлыми людьми тех, кои находятся в низком состоянии. (*Примечание Новикова.*)

не... А ты, забыв законы духовные, воинские и гражданские, осмелился назвать меня якобы вором. Чем ты это докажешь? Я хотя и отрешен от дел, однакож не за воровство, а за взятки; а взятки не что иное, как акциденция. Вор тот, который грабит на проезжей дороге, а я бирал взятки у себя в доме, а дела вершил в судебном месте; кто себе добра не захочет? А к тому же я никого до смерти не убил; правда, согрешил перед богом и перед государем: многих пустил по миру; да это дело постороннее, и тебе до него нужды нет. Как перед богом не согрешить? Как царя не обмануть? как у него не украсть? Грешно украсть из кармана у своего брата, а это дело особое; у кого же и украсть, как не у царя; благодаря бога, дом у него как полная чаша, то хотя и украдешь, так не убудет. Глупый человек! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищением казенного интереса. А похищение и воровство не одно: первое не что иное, как только утайка, а другое — преступление против законов и достойно кнута и виселицы. Правда, бывали и такие примеры, что и за утайку секли кнутом, блаженной памяти при ***⁴⁶ это случалось; но ныне, благодаря бога, люди стали рассудительнее и за речешную утайку кнутом секут только тех, которые малое число утаят; да это и дельно; не заводи дело из безделицы. А прочих, которые приличаются в утайке больших сумм, отпускают жить в свои деревни⁴⁷. Видишь ли ты, глупый человек, что ты умничаешь по-пустому. Кто тебя послушается? Я помню, как один господин в бытность мою у него рассуждал о тебе так: он-де делает бесчестье всем дворянам, пища эдакие письма; что-де подумают иностранные об нас, когда увидят, что у нас есть дураки, плуты⁴⁸

Понимаешь ли ты, что и верить этому не хотят, что есть бессовестные судьи, бесчеловечные помещики, безрассудные отцы, бесчестные соседи и грабители-управители. Что ж ты из пустого в порожнее пересыпаешь? Мне кажется, брат, что ты похож на постельную жены моей собачку, которая брешет на всех и никого не кусает. А это называется брехать на ветер; по-нашему, коли брехнуть, так уж и укусить, да и так укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другие собаки, а постельным

хотя и дана воля брехать на всех, только никто их не боится. Так-то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законов, определяющих казнь за преступление. Слышал я от одного моего соседа историю, как один греческий мудрец сказал, увидя, что... да полно, ведь не все надобно говорить, об ином полно, что и подумашь. Ну, брат маляр, образумился ли ты? Послушай, хотя ты меня и обидел, однакож я суда с тобою заводить не хочу, ежели ты разделаешься со мною добрым порядком и так, как водится между честными людьми. Сделаем мировую: заплати только мне да жене моей бесчестье, что надлежит по законам; а буде не так, то по суду взыщу с тебя все до копейки. Мне заплатишь бесчестье по моему чину, жене моей — вдвое, трем сыновьям-недорослям вполов против моего жалования, четырьмя дочерям моим, девицам, вчетверо каждой, а к тому времени авось-либо бог опростает мою жену и родит дочь, так еще и пятой заплатишь. Видишь ли, что я с тобою поступаю по-христиански, как довлеет честному и доброму человеку. Смотри, не испорти этого сам и не разори себя. К эдаким тяжбам мне уже не привыкать: я многих молодчиков отбрил так, что одним моим, жены моей и дочерей бесчестьем накопил трем дочерям довольное приданое. Что ж делать, живучи в деревне, отставному человеку? чем-нибудь надобно промышлять. Многие изволят умничать, что, живучи в деревне, можно-де разбогатеть одним домостроительством и хорошим смотрением за хлебопашеством; да я эдаким вракам не верю. Хлеб-таки хлебом, скотина скотиною, а бесчестье в головах. Да полно, что об этом и говорить, на такие глупые рассуждения нечего смотреть; которая десятина земли принесет мне столько прибыли, как мое бесчестье? нет-ста, кто что ни говори, а я-таки свое утверждаю, что бесчестьем скорее всего разбогатеть можно. Есть и такие умники, которые проповедывают, что бесчестье брать бесчестно; но пусть они скажут мне: что почтеннее, честь или деньги? что прибыльнее, честь или деньги? что нужнее, честь или деньги? Коли есть деньги, так честь нажить не трудно, а с честью, право, немного наживешь денег. Так-то, брат, я рассуждаю; да я думаю, что и многие хотя не согласятся на сие словами, по в самом

деле моим же правилам следуют. Итак, рассуди хорошенько, пожалуй, послушайся меня и не заводи тяжбы, так мы и останемся приятелями; а это нет ничего, что ты меня выбранил: *брань на вороту не виснет*, лишь бы деньги у меня были в кармане. А притом постарайся уговорить племянника моего Фалалея***, чтобы он пошел в отставку и приезжал в деревню. Видно, что ты ему приятель, потому что он отдает тебе все отцовские и материнские и мои письма для напечатания. За сим остаюсь

доброжелатель

ЕРМОЛАЙ

Октября 22 дня 1772 года,
из сельца Краденова.

ДРЕВНЯЯ
РОССІЙСКАЯ
ВИВЛЮФИКА,

ИЛИ

собрание разныхъ древнихъ сочиненій, яко
то: Россійскія посольства въ другія госу-
дарства рѣдкія грамоты, описанія сва-
дебныхъ обрядовъ и другихъ истори-
ческихъ и географическихъ достопа-
мятностей, и многія сочиненія древ-
нихъ Россійскихъ Стихотворцевъ;

издаваемая

ПОМѢСЯЧНО

Николаемъ Новиковымъ,

ЧАСТЬ I.

МѢСЯЦЪ ЯНВАРЬ

Въ Санктпетербургѣ 1773 года.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ ПЕРВОГО ТОМА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
«ДРЕВНЕЙ РОССІЙСКОЙ ВИВЛЮФИКИ»

ПРЕДИСЛОВИЕ
К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ
«ДРЕВНЕЙ РОССИЙСКОЙ ВИВЛИОФИКИ»

Благосклонное принятие от общества некоторых маловажных моих сочинений¹ ободрило меня и было поощрением к важнейшим трудам. В нынешнем, 1773 году увидят читатели мои ежемесячное издание под заглавием Древняя Российская Вивлиофика; и когда приняты были благосклонно собственные мои безделки, то в рассуждении вещества, сие издание наполняющего, почти не сомневаюсь я о благосклонном оного принятии.

Не все у нас еще, слава богу! заражены Францією; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся, с неменьшим удовольствием увидят некое начертание нравов их и обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземских народов; но гораздо полезнее иметь сведение о своих предках; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных, но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оными. Напоенные сенским воздухом², сограждане наши станут, может быть, пересмехать суеверие и простоту или, по их, глупость наших прапрадедов; но одни ли россияне подвержены были суеверию? — Пусть припомнят господа наши полуфранцузы день святого Варфоломея³;

тогда не должно будет удивляться, что у нас некоторые частные люди от суеверия пострадали. Но я прекращаю сие, дабы не навлечь на себя гнева от сих подражателей клевет А * де Ш ** 4.

К тебе обращаюсь я, любитель российских древностей! для твоего удовольствия и познания предпринял я сей труд; ты можешь собрать с него полезные плоды и употребить их в свою пользу. Не взирай на молодых кошунов, ненавидящих свое отечество; они и самые добродетели предков своих пересмевают и презирают. Впрочем, я уведомил уже тебя известием, в ведомостях напечатанным, о порядке сего издания; что ж касается до вещества, которым наполнено будет сие издание, то сие показывает заглавие сей книги.

Остается мне просить благосклонных моих читателей о вспомоществовании мне в сем издании, ибо хотя я уже и имею много разных любопытства достойных списков для наполнения сего издания, но, может быть, у охотников хранятся еще достойнейшие оных. Итак, если соблаговолишь ты, любезный читатель, учинить мне сие вспоможение, то сообщи таковую книгу к переплетчику Миллеру, а я, списав оную, возвращу вам в целости с засвидетельствованием моего благодарности.

Ее императорское величество, всемилостивейшая наша мать и государыня, пекущаяся о просвещении нашем, и в сем случае первая соизволила ободрить меня самым делом ⁵, указав сообщить мне из Вивлиофики ее книгу, содержащую множество редких писаний. В самом начале сего моего труда сия книга принесла мне великую пользу, ибо я находил в ней то, что пропущено во многих списках.

Наконец, если усмотришь ты, благосклонный читатель, какие погрешности мои или недостатки, в сем издании легко быть могущие, то упусти оные, памятуя, что в начале своем ничто не может быть совершенно.

«КОШЕЛЕК»
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ СОЧИНЕНИЕ 1774 ГОДА

Отечеству моему
сие сочинение усердно посвящается

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ ¹

Две причины побудили меня издавать во свет сие слабое творение и посвятить оное отечеству моему: первая, что я, будучи рожден и воспитан в недрах отечества, обязан оному за сие служить посильными своими трудами и любить оное, как я и люблю его по врожденному чувству и почтению ко древним великим добродетелям, украшавшим наших праотцев и кои некоторых из наших соотечественников еще и ныне осиявают. Я никогда не следовал правилам тех людей, кои безо всякого исследования внутренних, обольщены будучи некоторыми снаружи блестящими дарованиями иноземцев, не только что чужие земли предпочитают своему отечеству, но еще, ко стыду целой России, и гнушаются своими соотечественниками и думают, что россиянин должен заимствовать у иностранных все, даже и до характера, как будто бы природа, устроившая все вещи с такою премудростию и паделившая все области свойственными климатам их дарованиями и обычаями, столько была несправедлива, что, одной России не дав свойственного народу ее характера, определила ей скитаться по всем областям и занимать клочками разных народов разные обычаи, чтобы из сей смеси составить новый, никакому народу не свойственный характер, а еще наипаче россиянину, выключая только тех, кои добровольно из разумного человека переделываются в

КОШЕЛЕКЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

СОЧИНЕНІЕ

1774 ГОДА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
ЖУРНАЛА «КОШЕЛЕКЪ»

несмысленных обзвьян и представляют себя на посмешище всея Европы. Таковые не только что не видят добродетелей, россиянам природных, но если бы где оные с ними ненавистно и повстречались, то, без сомнения, отвратили бы зрение свое, именуя оные грубостию и невежеством. Да сие и не удивительно, ибо мы уже давно бросили истинные драгоценные жемчуги, предками нашими любимые, яко недостойные и во Франции не употребляемые, а принялись жадно покупать ложные; но я смело скажу: если бы Франция столько имела жемчугов, сколько имела Россия, то никогда бы не стала выдумывать бусов: *нужда и бедность—мать вымыслов*. А ныне развращение во правах учителей наших столь велико, что они и изъяснение некоторых добродетелей совсем потеряли и столь далеко умствованиями своими заходят, что во аде рай свой найти уповают; но о сем пространнее поговорим на своем месте.

Второй причины не захотелось мне теперь читателю моему объявить, а рассудилось лучше оставить оную до того времени, как мы побольше с ним ознакомимся, дабы при первом с ним свидании обойтись сколько возможно миролюбивее.

Впрочем, должен бы я был объяснить читателю моему причину избрания заглавия сего журнала, но и сие теперь оставляю, а впредь усмотрит он сие из *Превращения русского кошелька во французский* ², которое сочиненьице здесь помещено будет.

Наконец, желаю читателю моему в жизни сей пользоваться древними российскими добродетелями, приобрести те, которых они не имели, и дойти до того, чтобы, если не будет он любить своего отечества, было ему стыдно. Аминь.

ДЕНИС ИВАНОВИЧ
ФОНВИЗИН

ПОСЛАНИЕ
К СЛУГАМ МОИМ ШУМИЛОВУ,
ВАНЬКЕ И ПЕТРУШКЕ

Скажи, Шумилов, мне: на что сей создан свет?
И как мне в оном жить, подай ты мне совет.
Любезный дядька мой, наставник и учитель,
И денег, и белья, и дел моих рачитель!
Боишься бога ты, боишься сатаны:
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?

На что сотворены медведь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька и Петрушка?
На что ты создан сам, скажи, Шумилов, мне?
На то ли, чтоб свой век провел ты в крепком сне?
О, таинство, от нас сокрытое судьбою!
Трясешь, Шумилов, ты седой своей главою,
«Не знаю», говоришь, «не знаю я того,
Мы созданы на свет и кем, и для чего.
Я знаю то, что нам быть должно век слугами
И век работать нам руками и ногами;
Что должен я смотреть за всей твоей казной
И помню только то, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я муж твоей любезной няньки;
На что сей создан свет, изволь спросить у Ваньки».

К тебе я обращаю теперь мои слова,
Широкие плеча! большая голова,
Малейшего ума просторная столица!
Во области твоей кони и колесница *,

* Ваньке поручено было смотрение над каретою и лошадьми.

И стало, наконец, угодно небесам,
 Чтоб слушался тебя извозчик мой и сам.
 На светску суету вседневно ты взираешь,
 И, стоя позади, Петрополь * обтекаешь;
 Готовься на вопрос премудрый дать ответ,
 Вещай, великий муж, на что сей создан свет?

Как тучи ясный день внезапно помрачают,
 Так Ванькин ясный взор слова мои смущают.
 Сомнение его тревожить начало;
 Наморщились его и харя, и чело.

Вещает с гневом мне: «На все твои затеи
 Не могут отвечать и сами грамотеи.

И мне ль о том судить, когда мои глаза
 Не могут различить от ижицы аза? ¹

С утра до вечера держася на карете,
 Мне тряско рассуждать о боге и о свете;
 Неловко помышлять о том и во дворце,
 Где часто я стою смиренно на крыльце,
 Откуда каждый час друзей моих гоняют,
 И палочьем гостей к каретам провожают,
 Но если на вопрос мне должно дать ответ,
 Так слушайте ж, каков мне кажется сей свет.

Москва и Петербург довольно мне знакомы;
 Я знаю в них почти все улицы и дома.

Шатаюсь по свету и вдоль и поперек,
 Что мог увидеть я, того не простерег.

Видал и трусов я, видал я и нахалов,
 Видал простых господ, видал и генералов;

А чтоб не завести напрасный с вами спор,
 Так знайте, что весь свет считаю я за вздор.

Довольно на веку я свой живот помучил,
 И ездить назади я истинно наскучил.

Извозчик, лошади, карета, хомуты
 И все, мне кажется, на свете суеты.

Здесь вижу мотовство, а там я вижу скупость;
 Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.

Да сверх того еще приметил я, что свет
 Столь много времени неправдою живет,

* Сие послание писано в Петербурге.

Что нет уже таких кашеев на примете,
 Которы б истину запомнили на свете.
 Попы стараются обманывать народ,
 Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
 Друг друга господа, а знатные бояря
 Нередко обмануть хотят и государя;
 И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
 За благо рассудил приняться за обман.
 До денег лакомы посадские ², дворяне,
 Судьи, подьячие ³, солдаты и крестьяне.
 Смиренны пастыри ⁴ душ наших и сердец
 Изволят собирать оброк с своих овец.
 Овечки женятся, плодятся, умирают,
 А пастыри притом карманы набивают,
 За деньги чистые прощают всякий грех,
 За деньги множество в раю сулят утех.
 Но если говорить на свете правду можно,
 Так мнение мое скажу я вам не ложно:
 За деньги самого всевышнего творца
 Готовы обмануть и пастырь и овца.
 Что дурен здешний свет, то всякий понимает.
 Да для чего он есть, того никто не знает.
 Довольно я молол, пора и помолчать.
 Петрушка, может быть, вам станет отвечать».

— «Я мысль мою скажу», вещает мне Петрушка:
 «Весь свет, мне кажется, ребятская игрушка;
 Лишь только надобно потверже то узнать,
 Как лучше, живучи, игрушкой той играть.
 Что нужды, хоть потом и возьмут душу черти,
 Лишь только б удалось получше жить до смерти!
 На что молиться нам, чтоб дал бог видеть рай?
 Жить весело и здесь, лишь ближними играй.
 Играй, хоть от игры и плакать ближний будет;
 Щечи его казну ⁵, — твоя казна прибудет.
 А чтоб приятнее еще казался свет,
 Бери, лови, хватай все что ни попадет.
 Всяк должен своему последовать рассудку:
 Что ставишь в дело ты, другой то ставит в шутку;
 Не часто ль от того родится всем беда,
 Чем тешиться хотят большие господа,

Которы нашими играют господами
Так точно, как они играть изволят нами?
Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу.
Иные резвятся, хохочут, пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут
Вот как вертится свет; а для чего он так,
Не ведает того ни умный, ни дурак.
Однако, ежели какими чудесами
Изволили спознать вы ту причину сами,
Скажите нам се...» Сим речь окончил он,
За речию его последовал поклон.
Шумилов с Ванькою, хваля догадку ону,
Отвесили за ним мне также по поклону;
И трое все они, возвыся громкий глас,
Вещали: «Не скрывай ты тайнства от нас:
Яви ты нам свою в решениях удачу,
Реши ты нам свою премудрую задачу!»
А вы внемлите мой, друзья мои, ответ:
И сам не знаю я, на что сей создан свет.

КАЛЛИСФЕН

ГРЕЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Каллисфен, афинский философ, прогуливаясь некогда в Ликейском саду, встретил наставника и друга своего Аристотеля, который с веселым видом, обняв его, — «прочти, любезный друг, — сказал ему, — прочти письмо, которое я получил сейчас от Александра ¹, возрадуйся о моем сердечном удовольствии. Среди военного пламени, среди величества славы Александр сохраняет добродетель». Каллисфен в восхищении прочитал сии строки, писанные рукою Александра: «Возлюбленный учитель! будь уверен, что я твердо помню и точно исполняю все твои наставления; но я человек и окружен льстецами: боюсь, чтоб наконец яд лести не проник в душу мою и не отравил добрых моих склонностей. Нет минуты, в которую бы не твердили мне наедине и всенародно, словесно и письменно, что я превыше смертных, что все мои дела божественны, что я предопределен судьбою вселенной даровать блаженство и что, наконец, всякий, иначе обо мне мыслящий, есть враг отечества и изверг человеческого рода. О, мой друг нелицемерный! Не смею звать к себе самого тебя; знаю, что обременяющая старость не позволит тебе следовать за мною в военных моих действиях; но сделай мне теперь новое благодеяние: пришли ко мне достойнейшего из всех учеников твоих, который бы имел дух напоминать мне часто твои правила

и укорять меня всякий раз, как я отступать от них покушуся».

«Ты видишь, — говорил Аристотель, — ты видишь, чего от меня желает Александр. Тебя, Каллисфен, посылаю на сие важное служение человеческому роду».

«Меня? Меня посылаешь ко двору толь сильного монарха? — сказал Каллисфен. — Но что мне там делать? Ты знаешь, могу ли я превозносить порочные деяния государя и его любимцев? Ты учил меня почитать добродетель, исполнять ее делом и преклонять к ней смертных». — «Точно того от тебя и требую, — говорил Аристотель, — точно для того Александр тебя от меня требует; ты друг Платонов, друг мой; поди под защиту героя, моего питомца, возжечь любомудрия свещу во всех пределах света, и когда Александр покоряет себе мир оружием, ты покоряй его законам мудрости».

«Но при дворе царя, коего самовластие ничем не ограничено, — говорил Каллисфен, — может ли истина свободно изъясняться?» — «Неужели гонения страшишься?» — спросил Аристотель. — «Боги! — возопил Каллисфен, — вы знаете, с радостью ли исполню долг моего служения и готов ли я вкусить смерть за истину!»

Аристотель, продолжая свою беседу, воспламенял более в душе ученика своего тот восторг, которым сам был одушевлен. Каллисфен немедленно отправился к Александру; он нашел его в Персии в самый тот час, когда войско его одержало преславную над Дарием победу².

Невозможно изобразить, с какими почестями принят был Каллисфен от юного победителя. Он обнял его, как друга; заклинал его говорить правду без малейшего опасения; повелел ему быть с собою безотлучно, и в тот же самый день Александр, идучи в совет, повел его с собою и тамо дал ему по себе первое место.

В совете рассуждаемо было о том, какой судьбе подвергнуть мать, жену и дочь побежденного Дария. Голоса собираемы были с младших. Арбас, юный полководец, который гораздо лучше знал хитрости придворные, нежели военные, чаял при сем случае выслужиться пред государем презрительною лестью, оскорбляя человечество.

Он почитал за полезнейшее, умертвив на площади пленниц, показать свету, что быть неприятелем Александру есть уже преступление, достойное смертной казни. Надменный пышностью и ложным славолюбием, Клитомен советовал при торжестве победы приковать их к колеснице победителя. Аргион, вельможа пренизкой души и презнатной породы, имевший зверское сердце и скотский разум, примыслил мать Дариеву послать на лютное заточение, жену и дочь отдать в добычу военной черни; словом, самое меньшее осуждение плененному царскому роду было вечное рабство. Дошло до Каллисфена. «Государь! — говорил он, — когда сих несчастных, но невинных привезут к твоему царскому стану, выйди им на сретение ³, обрати к ним человеческое око, пролей в души их отраду кроткою и утешительною беседою и удиви свет своим великодушием». Александр, выслушав совет Каллисфена, вскочил с своего места и бросился обнимать его. «О, достойный мой наставник! — говорил ему Александр в восхищении. — Победа возвышает мое имя, а ты возвышаешь мою душу». История свидетельствует, с каким человеколюбием принял Александр Дариев род.

На другой день был держан еще военный совет в присутствии государя и философа. Войско Александрово завоевало Козрозецкую область ⁴, которая управлялась своими владельцами и издревле предана была Персии. В совете рассуждаемо было, что делать с козрозецами, кои всегда могут грекам наводить подозрение своею преданностию к персиянам. Полководцы Александровы, приобыкши к воинским лютостям, положили единогласно, чтоб на всякий случай, из предосторожности, побить до смерти всех жителей завоеванной области, понеже-де, прибавил в своем мнении один из ученых советателей, по истреблении сего народа, никакого уже вреда мы опасаться от него не можем. Сие мнение предложено было в совете к подписанию Каллисфену. «Боги! — возопил сей философ, — истребите самого меня, если рука моя сей варварский приговор подпишет!» Столь внезапное восклицание произвело в собрании глубокое молчание. Александр, взяв приговор в руки, задумался и, углубясь в размышление, нечувствительно раздирал он бумагу, содер-

жащую лютую судьбу нескольких тысяч людей невинных; глаза его наполнились слезами; наконец, трепещущим голосом, прерываемым воздыханиями нежного человека, прекратил он общее молчание и едва мог сии слова промолвить Каллисфену: «Ты друг человеческого рода, ты охранитель моей славы!»

В то время Леонад был уже несколько месяцев любимцем Александра; в самое короткое время умел он овладеть совершенно душою сего монарха. Им самим владели страсти — высокомерие и алчность к обогащению. Он не любил никого и никем любим не был, ибо тот, кто любит одного себя, недостоин быть любимым от других. Добра делал мало для того, что не любил видеть людей в удовольствии; если же добро делать ему и случалось, то обыкновенно таким образом, что получивший его благодеяние был бы гораздо больше рад не быть никогда им обязанным. При дворе был он очень силен, следовательно, не было ему и нужды делать подысков; однакож вредил он другим охотно, потому что в огорчении других сердце его находило удовольствие. Но горе тому, коего погубление могло пособлять его возвышению или, по мнению его, нужно было к сохранению его силы в государе. Сей любимец занемог за несколько часов до прибытия Каллисфена. Наушники, его окружавшие, тотчас возвестили ему, с каким почтением и повиновением внимает Александр советам философа. Леонад так скоро выздоровел, что на третий день прибытия Каллисфенова в состоянии уже был предстать поутру пред лице монарха. «Позвольте, — говорил он ему, — поздравить ваше величество с приобретением в друзья ваши философа; я слышал, что вы по его совету явили пример великодушия». — «О, мой истинный друг! — отвечал ему Александр, — буде хочешь мне доказать свою дружбу, то будь сам другом Каллисфену». — «Если могу, государь! — отвечал Леонад, — но сомневаюсь. Приятно мне, когда подают вашему величеству благие советы; но не могу терпеть, чтоб от премудрейшего в свете государя отъемлема была слава его премудрости». — «Что значат слова твои!» — спросил Александр. — «Значат, государь, — сказал Леонад, — что сколь я доволен советами Каллисфена, столь гнушаюсь поведением его при сем

самом случае. Вообразите, ваше величество, что вчера в вечеру при двадцати свидетелях, которых я сейчас могу представить, отзывался он о вас, как о слабом юноше, которого может он заставить делать все, что ему угодно; но мне известно, государь, ваше собственное проицание. Вы знаете свойство человека. Каллисфен, может быть, нескромен, но вам советами полезен; пусть свет ему и верит, что без него не умели б вы сами быть великодушны, но...» — «Дивлюсь, — прервал Александр в смятении речь его, — как при толикой мудрости Каллисфен может столь ослеплен быть самолюбием, чтоб меня считать ребенком». — «Ваше величество! — говорил любимец, улыбаясь льстивым образом, — вселенная чувствует, что вы из ребят уже вышли». — «С чего же Каллисфен думает?..» — «Не смею сказать, с чего...», — перервал он. — «Скажи, мой друг!» — просил усиленно Александр. — «С того, — отвечал Леонад, спустя голос и запинаясь извительно, — с того... что... я думаю, он... ученый дурак».

Леонад знал Александра совершенно; он точно ведал, в которую минуту удобнее чернить у него клеветкою и в которую удачнее вредить ругательною насмешкою. Умел он различить тех людей, для очернения которых вдруг и клевета и насмешка потребны ему были. Каллисфен казался ему толь мудрым и толь для него опасным, что почел он за нужное употребить против него оба сии орудия, недостойные честного человека. Александр так уязвлен был вымышленным отзывом Каллисфена о его слабодушии, что самую брань: «ученый дурак», почел он внезапно исторгнутою из души Леонада силою самой истины.

«Непонятно, — говорил Александр своему любимцу, — как мало учение прибавляет ума человеку. Со всеми знаниями Каллисфена я ласкаюсь, что он больше ошибся во мне, нежели ты в нем». — «Государь, — отвечал ему Леонад, — мой суд о нем не может быть пристрастен; он не был никогда моим учителем, а я всего менее желаю быть его учеником. Но Каллисфен считает себя вашим наставником и думает, что, чем менее отдает он справедливости нашим дарованиям, тем более всякое ваше похвальное доиние приписано будет его достоинству».

Между тем Александр велел всех пускать к себе в шатер. Пошел и Каллисфен. Государь взглянул на него с некоторым робким смущением. Сколь ни глубоко выражение: «ученый дурак» проникло в душу Александра, но он не мог вдруг забыть, что «ученый дурак» вчера и третьего дня был умнее целого совета и что он сам «ученого дурака» обнимал с нежными слезами как мужа, пленившего сердце его мудростию и человеколюбием. «Государь! — спросил его Каллисфен. — Какое смятение объяло твою душу? Твой взор являет неудовольствие, досаду и недоумение!» — «Ты правду сказал, — отвечал ему Александр, — я действительно в досаде; мне случилось ошибиться в одном из окружающих меня. Я считал в нем много мудрости, а теперь вижу, что я в его уме сам глупо обманулся». — «Сия ошибка не весьма важна для монарха, — отвечал философ, — от глупого человека можно взять дело и поручить его разумному; но гибельна ошибка для государя бывает тогда, когда клеветника считает он праводушным; когда любит он того, кого все ненавидят; когда вверяется тому, кто наглым и бесстыдным образом государскую доверенность во зло употребляет; когда считает другом того, кто вероломно завладел его душою».

Каллисфен не знал отнюдь ни Леонада, ни клеветы, которою сей очернил его у Александра. Он почел за долг высказать все сие нравоучение тому, кто просил его усиленно говорить правду без опасения. Александр приведен был речью Каллисфена в пущее смятение. Он имел разум и тотчас почувствовал, что ни ученый, ни неученый дурак никогда так не говорит, как изъяснялся Каллисфен. Леонад, приметив сие, вмешался в речь. «Из какой-бишь Аристотелевой книги читаете вы проповедь?» — спросил с насмешкою у Каллисфена. — «Из той, — отвечал ему философ с твердостью и с некоторым родом презирающей жалости, — из той, когорая, как видно, вам не очень нравится».

Сей разговор пресек вошедший в шатер к Александру вестник, который послан был с реки Арбея от повелевающего там частию войск начальника с уведомлением, что персияне, все свои остальные силы собрав, идут про-

тив греков. Тотчас Александр пошел сам навстречу неприятелю. Совершенная над ним новая победа низложила персидскую монархию; но Дарий лишился жизни не в сражении: он умерщвлен был вероломно собственными своими подданными.

Славу победы отравлял разнесшийся скоро слух, что Дарий убит изменнически повелением самого Александра, который так возгнушался сим недостойным подозрением, что велел сыскать убийцу и казнил его смертью. Сим оправдался он пред светом совершенно. Каллисфен похвалил его поведение. «Что слышу я? — сказал ему Александр с холодною улыбкою. — Уже и Каллисфен льстить мне начинает; помнится, для наставления, а не для похвал прислал тебя Аристотель». — «Государь! — отвечал Каллисфен. — Между хвалою и лестью есть великая разность. Я тебя хвалю, но не льщу тебе; долг философии обязывает меня хвалить добрые дела и осуждать злые. О, боги! Если когда-нибудь унизишь ты себя к последним, всерь мне, найдутся люди и тогда тебя превозносить; но сии люди будут не философы».

Леонад все сие слушал, распаляясь внутренно злобою на Каллисфена; он несколько раз покушался было обратить в смех его нравоучения, но умел воздержаться. Невзирая на то, что острота ума его была безмерная, чувствовал он, что истина, умным человеком твердо произнесенная, может в один миг сделать смешным самого насмешника. Итак, решился он губить Каллисфена скрытою клеветою и скоро довел государя до того, что один вид философа стал уже ему в тягость.

В сие время Александр предпринял путешествие в Ливию, ко храму Юпитера Аммона⁵. За день пред отъездом вышло расписание, кому ехать при лице государя. Он взял с собою весь свой совет; но над именем Каллисфена написано было рукою Александра: «позади в обозе».

Философ ни малейше не тронут был сим знаком холодности государя, для того что он ничем его не заслужил; всего же менее оскорблен он был явным к себе презрением придворной черни, которая, прочитав выражение: «позади в обозе», старалась оскорблять всячески Калли-

сфена, ласкаясь, что такое поведение против впадшего в немилость всевысочайше причтено быть может за всеиужайшее и верно-рабское усердие к произволению государя.

Между тем Александр в самый день своего отъезда, увидев Каллисфена, совестился долго подойти к нему; наконец, доброе сердце превозмогло, и он, воображая, что философ огорчился его холодностию, хотел его успокоить. «Я боюсь, — говорил ему государь, — отягчить тебя скорым путешествием с собою. Мы в войне обыкли к трудам, кои могли б тебя обременить. Следуй за мною так тихо, как тебе угодно». — «Государь! — отвечал ему Каллисфен, — повинуюсь твоей воле; но будь уверен, что для меня совершенно равно, ехать с тобою или позади, если мое присутствие не более тебе полезно, как мое отсутствие».

Сии слова произнес Каллисфен с такою кротостию, с таким простосердечием, что сам Александр и все предстоящие никак не могли их приписать негодованию философа, но видели в них одно искреннее его усердие быть полезным государю. Леонад приметил, что Александр вдруг сильно возмутился, и для того нужно ему было рассеять тотчас сие смущение и не допустить сердце государя обратиться на добродетельное чувство. Он подал знак остающимся восначальникам испрашивать от Александра повеления; а между тем подвезли колесницу, в которую Леонад нечувствительно посадил государя, и увез его гораздо скорее, нежели он уехать думал.

Каллисфен, как ненужный государю человек, отправился по его повелению в обозе с ненужными вещами. Скотаз, начальник обоза, был из тех придворных тварей, коих поведение пред знатыми весьма подло, но пред теми, коих он не боялся и в ком не искал, весьма грубо; словом, человек был низкий и глуп до невероятности; верблюды, лошади, ослы составляли существо душевных его чувств. Говоря об них, вдруг приходил он в пресмешной восторг; но ни о чем уже другом слова молвить не умел. С Каллисфеном обошелся он так невежливо, как от Скотаза ожидать токмо можно. «Зачем, старик, тащишься с нами? — говорил он с презрением философу, — здесь

и без тебя грузно. Я слышал, что ты философ; дай-ка посмотреть на себя. Мы их при конюшне не видывали; я чаю, полно, есть ли они и при дворце». — «Я никого не видал, — отвечал Каллисфен. — Видно, что двор не их жилище». — «У двора, — говорил Скотаз важным голосом, — надобно ум, да и ум, не твоему чета. Мы тут сами около тридцати лет шатаемся, да того и смотришь, что в беду попадешь». — «Я не в беде», — говорил Каллисфен. — «Да что ж ты не при лице? — спросил его Скотаз. — Ты хочешь меня уверить, что царских любимцев в обоз отсылают; нет, старик, коль ты отдан на мои руки, так, видно, мода с тебя спала. Ты, я чаю, болтаньем своим досадил многим господам. Я и сам, — промолвил Скотаз, вздыхая, — я и сам за царских ослов страдал не однажды». В дороге начинал он с философом говорить о лошадях и верблюдах; но увидя, что философ в сем деле ничего не разумел, возымел он к нему глубочайшее презрение, а потому и учредил с ним свое поведение: из колесницы, в которую сперва посажен был Каллисфен, высадил он в телегу. Не было пригорка, на который бы не заставлял он всходить пешком Каллисфена. «Если бы случилось тебе везти на гору Леонада, — говорил ему философ, — ты поступил бы с ним иначе, нежели со мною». — «Вот на! — отвечал Скотаз, — да для его я сам бы рад припрячься».

Наконец, спустя несколько дней по прибытии Александром ко храму Юпитера, доехал туда и философ. Жрецы предупели уже подлюлю лестию помрачить рассудок государя. Каллисфен, услышав, что сей Аристотелев ученик почитает себя богом, называет себя Юпитеровым сыном и проповедует странные басни о своем происхождении, вошед в чертог царский, увидел Александра, окруженна воинами, не имеющими о божестве понятия, и придворными, верующими во все то, во что государь приказывает верить. Все они дерзнули утверждать, что Александр есть бог действительно. «Государь! — спросил его философ, — правда ли что ты бог?» — «Правда!» — отвечал Александр, покраснев и запинаясь. — «Государь! — говорил ему Каллисфен, — велико твое требование, но не бойся, чтоб философия обременила тебя тяжким порицанием: она таковым мнениам только лишь

смеется; но, став богом, государь, если им стать тебе угодно, помышляй, к чему обяжет тебя сие великое титуло. Боги от единых благотворений познаются: за усердие к себе платят они милостями, за обожание — покровительством. Иногда мещут они гром, но мещут против воли; паче всего в свете любят они творить блаженство смертных».

Каллисфен уклонился от приношения жертвы ученику друга своего Аристотеля, отозвавшись, что в Ликее не привыкли они находить богов так с собою близко. От нового бога ожидал он нового какого-нибудь преступления, дабы употребить против него всю строгость, каковою философия на исправление смертных онолчается; к несчастью, ожидание его не много продолжалось. Через несколько месяцев мнимый сын Юпитера впал во все гнусные пороки; земной бог спился с кругу; пронзил в безумии копьем сердце друга своего Клита ⁶ и однажды после ужина, в удобность пьяной своей наложнице, превратил он в пепел великолепный город.

Слух о сих мерзостных злодеяниях воспалил рвение Каллисфена. Он вбежал в чертоги монарха, не ужасаясь ни величества его, ни множества окружающих его полководцев и сатранов. «Александр! — возопил он. — Сим ли образом часшь ты достоин быть олтарей? Ты друга умерщвляешь, тысячи невинных своих подданных предаешь пламени; чудовище! ты имени человека недостойн!» От сих слов изумление объяло всех предстоявших, но скоро превратилось оно в лютость. Придворные возбуждали паче злобу Александра, который, будучи вне себя от гнева, поручил Леонаду изобрести достойную казнь неслыханному у двора дерзновению Каллисфена ⁷.

Леонад имел бесчеловечие немилосердно мучить сего почтенного мужа и вкинуть потом в ужасную тюрьму, между тем как изыскивали для него род лютейшей казни; болезненное страдание, соединясь с тяжестию оков, извлекло из брэнного тела его великую душу.

По кончине самого Аристотеля найдено в бумагах его следующее письмо Каллисфеново, писанное за несколько часов пред его смертию. Здесь предлагается оно с отметкою его друга.

Письмо Каллисфена

«Умираю в темнице; благодарю богов, что сподобили меня пострадать за истину. Александр слушал моих советов два дни, в которые спас я жизнь Дариева рода и избавил жителей целой области от конечного истребления. Прости!»

Отметка рукою Аристотеля

«При государе, которого склонности не вовсе развращены, вот что честный человек в два дни сделать может!»

ОПЫТ РОССИЙСКОГО СОСЛОВНИКА

*Старый, давный, старинный, ветхий, древний,
заматерелый*

С*таро* то, что давно было ново; *старинным* называется то, что ведется издавна. *Давно* то, чему много времени прошло. В настоящем употреблении *ветхим* называется то, что от старости истлело или обвалилось. *Древне* то, что происходило в отдаленнейших веках. *Заматерело* то, что временем сильно окоренело и огрубело.

Старый человек обыкновенно любит вспоминать *давные* происшествия и рассказывать о *старинных* обычаях; а если он скуп, то в сундуках его найдешь много *ветхого*; нередко бывает он *заматерел* в своих привычках. Сих примеров столько ныне, сколько бывало и в *древние* времена.

Обманывать, проманивать, проводить

Все сии слова значат ложь представлять истиною. *Обманывают* те, кои умышленно облакают ложь всею наружностью правды. *Проманивать* есть не делать обещаемого, питая тщетною надеждою; *проводить* значит брать притворно участие в чью-нибудь пользу, действуя во вред.

Что не любит истины, тот часто *обманут* бывает. *Проманивать* есть больших бояр искусство. Стряпчие обыкновенно *проводят* челобитчиков.

*Чувство, чувствование, чувственность,
чувствительность, ощущение*

Чувства суть способности, коими животное приемлет впечатления внешних вещей; *чувствованиями* называются душевные движения и страсти; *чувственность* есть прилепление к удовольствиям чувств своих; *чувствительность* есть качество, коим тело или душа стремительно проникаются; *ощущение* есть то самое впечатление, которое душа от внешних вещей приемлет.

Счастлив, кто в старости сохраняет все свои *чувства*. Благороден, кто имеет великодушные *чувствования*. Благоразумный всего своего удовольствия в одной *чувственности* не полагает; честный человек принимает с особливою *чувствительностию* все, что честь его трогает; дурная музыка и всякое дурное действие производят на нас неприятное *ощущение*.

Робкий, трусливый

Робкий бежит назад, *трусливый* нейдет вперед; *робкий* не защищается, *трусливый* не нападает. Нельзя надеяться ни на сопротивление *робкого*, ни на помощь *трусливого*.

*Основать, учредить, установить,
устроить*

Основать значит положить чему-нибудь прочное начало; *учредить* значит привести вещи в такой порядок, чтоб каждая была на своей чреде; *установить* есть не что иное, как определить уставы или правила, по коим в деле следовать; *устроить* разумеется распорядить вещи так стройно, чтоб развращение до них не прикоснулось.

В России Екатерина II *основала* общество благородных девиц, *учредила* наместничества, *установила* совестный суд и *устроила* благочиние.

Понятие, мысль, мнение

Понятие есть то спознание, которое разум имеет о какой-нибудь вещи или деле. *Мысль* есть действие существа разумного. *Мнение* есть следствие размышлений.

Нельзя иметь *понятия* о вещи, если не обратишь к ней *мыслей* своих; *появ* же ее ясным образом, нельзя ошибиться в своем об ней *мнении*.

Сколько судей, которые, не имея о делах ясного *понятия*, подавали на своем роду весьма много *мнений*, в которых весьма мало *мыслей*.

Обида, притеснение

Обида есть вред, приключаемый чести или имуществу. *Притеснение* есть недопущение пользоваться правом своим.

Не действуют законы тамо, где *обиженный притесняется*.

Сумасброд, шаль, невежда, глупец, дурак

Сумасброд никогда не следует рассудку, с которого сбред, а руководствуется во всех своих делах одним воображением. *Шаль* притворяется обыкновенно глупее, нежели он есть, для того что без сего притворства не стало бы природного ума его возбудить на себя внимания. *Невежда* называется человек без просвещения. *Глупец* тот, которого ум весьма ограничен. *Дурак*, который ума вовсе не имеет.

Сумасброд весьма опасен, когда в силе. *Шаль* часто дурачеством досаждаёт. *Невежда* обыкновенно в своих мнениях упрям. *Глупцы* смещны в знати. *Дураку* закон не писан.

Несчастье, напасть, беда, бедствие

Все сии слова возвещают и знаменуют злоключения; но *несчастьем* называется всякое злое происшествие; *напасть* же есть злоключение нечаянное. *Беда* также есть нечаянное зло, но грозящее еще лютейшими следствиями. *Бедствие* значит то же самое, но в обширнейшем смысле употребляется.

Потерять друга есть *несчастье*; лишиться разбойниками всего имения есть *напасть*; *беда* ручаться за мотов; голод и язва суть народное *бедствие*.

Полно, довольно

Оба сии наречия принадлежат до количества, с тою разностию, что *полно* имеет большее отношение к тому количеству, которое иметь желаешь, а *довольно* к тому, которое употреблять хочешь.

Скупому сколько денег ни давай, никогда не скажет *полно*. Для мота не *довольно* миллионеров. Если наливают в рюмку через край, то и пьяница скажет: *полно*, хотя ему и не *довольно*. Многие, имея посредственный доход, говорят: для нас его *довольно*, но редкий скажет: *полно* желать больше.

Проступок, вина, преступление, злодеяние, грех

Проступок есть меньшая степень погрешения. *Виною* называется неисполнение предписанных должностно правил. Тяжкая *вина*, то есть важное нарушение закона, именуется *преступлением*. *Злодеяния* происходят от безмерного развращения сердца. *Злодей* обыкновенно бесчеловечен, вероломен и враг общия безопасности. *Грех* есть действие противу гласа совести.

Проступок свойствен слабости человеческой и легко бывает извиняем. Не всякая *вина* заслуживает наказания. Надлежит *преступление* исследовать весьма осторожно прежде, нежели осудить преступника к наказанию. *Злодеяние* достойно казни. *Грехам* судия бог.

Худо понять приказ начальника есть *проступок*.

Забвением не исполнить повеления начальника — *вина*. Ослушание начальству — *преступление*. Умысел противу начальства — *злодеяние*. Пред начальством благодетельствующим *грех* быть неблагодарну.

Низкий, подлый

Человек бывает *низок* состоянием, а *подл* душою. В *низком* состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек. Слово *низкость* принадлежит к состоянию, а *подлость* к поведению; ибо нет состояния *подлого*,

кроме бездельников. В *низкое* состояние приходит человек иногда поневоле, а *подлым* становится всегда добровольно. Презрение знатного *подлеца* к добрым людям *низкого* состояния есть зрелище, унижающее человечество.

*Помогать, пособлять, вспомоществовать,
давать помощь*

В *нужде* *помогают*; в *труде* *пособляют*; в *недостатке* *вспомоществуют*; для *обороны* *дают помощь*.

Сострадание велит *помогать* бедным; великодушные влечет *пособлять* бессильным; щедрый человек своим излишком *вспомоществует* другим в недостатках. Человечество¹ заставляет *подавать помощь* беззащитным.

Беспорочность, добродетель, честь

Часто без разбору говорится: он ведет жизнь *беспорочную, добродетельную, честную*; но чтоб узнать, все ли сии выражения единообразно употреблять можно, надлежит определить разум² каждого.

Беспорочность поставляет себе правилом не делать того другому, чего бы не пожелал себе. *Добродетель* распространяет сие правило гораздо далее и велит делать то другим, чего бы пожелал себе. *Беспорочность* обыкновенно меньше заслуживает похвалы, нежели *добродетель*. Первая может происходить и от страха наказания; но последняя есть великодушное стремление человека жертвовать другому своим благосостоянием. Чем таковая жертва важнее, тем славнее добродетель.

Состояния людей так многообразны, что при различии *добродетели* от *беспорочности* необходимо надобно рассмотреть внимательно, какой человек, в какое время и в каких обстоятельствах сделал доброе дело.

Иногда *беспорочность* достойна похвалы гораздо больше, нежели самая *добродетель*. Богатый человек, не расстраивая нисколько своего состояния, помог бедному некоторым подаянием. Угнетенный нищею возвратил отданную ему на сохранение вещь, о которой никто не знал, что она у него в сохранении. Один изъявил *добро-*

детель, другой *беспорочность*; но которая достойна * большого почтения? Можно сказать, что *беспорочность* бедного есть уже *добродетель*; а *добродетель* богатого есть только что *беспорочность*.

Сверх сих качеств, долженствующих руководствовать нашими делами, есть третье, весьма достойное внимания: *честь*.

Беспорочный бывает таковым по воспитанию, для собственных выгод и повинаясь законам; *добродетельный* следует часто в делах своих рассуждению; но *честный* человек не закону повинуется, не рассуждению следует, не примерам подражает; в душе его есть нечто величавое, влекущее его мыслить и действовать благородно. Он кажется сам себе законодателем. В нем нет робости, подавляющей в слабых душах самую добродетель. Он никогда не бывает орудием порока. Он в своей добродетели сам на себя твердо полагается.

Ленивый, праздный

Ленивый бывает, кажется, таковым больше от расположения тела, а *праздный* больше от расположения души. *Ленивый* боится при деле труда, а *праздный* не терпит самого дела. Трудлюбивый становится иногда *ленивым*, но не *праздным*; ибо *праздный* от роду не бывал трудлюбивым. *Ленивый*, побеждая свой порок любочестием, может быть отечеству весьма полезен своею службою; *праздный* шатается обыкновенно или без дела у двора, или в непрерывных отпусках, или, не служа, в отставке, и исчезает с именем презрительного тунеядца.

Запомновать, забыть, предать забвению

Запомновал тот, кто не может вспомнить. *Забыл*, кто совсем потерял память о какой-нибудь вещи или деле. *Предать забвению* есть никогда не вспоминать.

* В издании 1783 г. напечатано «должна». Очевидно ошибка. В издании же 1830 г. вместо слова «должна» напечатано «достойна». — *Ред.*

Можно *запомнить* имя судьи, который грабит; но трудно *забыть*, что он грабитель, и само правосудие обязано преступлению его не *предать забвению*.

Власть может повелеть такое-то дело *передать забвению*; но нет на свете власти, которая могла бы повелеть то же самое дело не только *забыть*, ниже *запомнить*.

Совершить, окончить, прекратить

Совершить есть доделать то, чего много уже сделано; *оканчивают* начатое, продолжая работу; *прекращают* те, кои недокопченное прерывают или вовсе уничтожают.

Чтоб написанная купчая имела свое действие, необходимо надобно оную *совершить*. Тяжбу начать легко, да *окончить* трудно. Совестьный суд преклоняет судимых *прекращать* распри примирением.

Звание, чин, сан

Звание есть должность, в службе отправляемая, или место, в службе занимаемое. *Чины* суть степени чести, на которые государь достойных людей возводит. *Сан* есть верховное достоинство, сопряженное с важнейшим государственным служением. *Звание*, например, заседателя, председателя, предводителя. *Чин* прапорщика, майора, бригадира. *Сан* наместника, военачальника, градоначальника и проч.

Можно иметь *звание* без *чина*, но стыдно брать *чины* без *звания*. Кто в большом *сане* не имеет большой души, тот не возбудит никогда к себе внутреннего почтения.

В *звание* определяют, *чином* жалуют, *саном* облачают.

Не можно сказать: он пожалован заседателем, ибо в одном месте может заседать и поручик и генерал-поручик. Не можно сказать: он определен бригадиром, ибо, будучи пожалован в сей *чин*, может оставаться при том же *звании*, в которое определен был в прежнем своем *чине*. *Саном* обыкновенно облачаются больших *чинов* особы; но не всякий большой *чин* есть *сан*, ибо не всякий большой *чин* налагает важное государственное служение. Есть большие *чины*, в которых нет никакой нужды иметь боль-

ших достоинств, а достигают до них иногда одною знатностию породы, которая есть самое меньшее из всех человеческих достоинств.

Правота, правосудие

Правота есть добродетель, влекущая нас отдавать каждому справедливость. *Правосудие*, кажется, определено награждать и наказывать сходственно с законом. Судья не властен внимать *правоте* своей, а повинен следовать *правосудию*, то-есть закону. *Правосудие* есть главное достоинство судьи; но *правота* должна быть главная добродетель государя, ибо он своею *правотою* властен умягчать излишнюю строгость *правосудия*.

Суевер, ханжа, пустосвят, святоша, лицемер

Суевер есть тот, которого вера противна рассудку и здоровым понятиям о вышнем существе. *Ханжа* считает в душе своей угодить богу наблюдением всех мелочей, изобретенных суеверием. *Пустосвят* полагает святость в одной пустоте, то-есть в действиях, не составляющих никакого истинного богу угождения. *Святоша* выдает себя всенародно за человека, прилепленного к единой святости. Притворно-набожный называется *лицемер*.

Ханжа таскается вседневно по церквам, поет молебны не святым, но образам, ибо к одному образу святого имеет всю теплую веру, а к другому того же святого никакой. *Пустосвят* почти никогда к обедне не поспевает. Он бежит в церковь отнюдь не за тем, чтоб с умилением сердечным богу помолиться, но чтоб перецеловать все иконы, которые губами достать может. *Святоша* бродит босиком, в волосяной рубашке, иногда и в веригах. *Суевер* есть несчастнейшее создание. Он всемипутно боится бога, не как судию праведного, но как судию грозного. Все кажется ему предвешанием божеского гнева. Он трепещет днем от примет, ночью от сновидений. Он считает себя всегда пред богом без вины виноватым. Подкреплять и распространять суеверие есть ремесло *лицемеров*.

В, во, на

Некоторые писатели почитают правилом *в* писать пред словом, начинающимся с гласной буквы, например, *в* опасности, *в* естестве, *в* Очакове; а *во* пред словом, начинающимся с согласной, например, *во* Франции, *во* славе, *во* гневе; но мне кажется, что обычай и слух делают такое множество исключений из сего правила, что оно и правилом назвать нельзя.

Смешно было бы говорить и писать: *во* Москве, *во* пороке, *во* глине. Напротив того, мы в самых важных сочинениях читаем: *во* услышание, *во* Апостолах, *во* Израили и проч.

Обычай иногда позволяет *на* употреблять вместо *в* и *во*, например, вместо: живу *в* Москве, *в* Кубани, *в* Луговой, идем *в* рынок, *в* поле, — говорится: живу *на* Москве, *на* Кубани, *на* Луговой, идем *на* рынок, *на* поле и проч.

*Ум, разум, разумение, смысл, рассудок,
рассуждение, дарование, понятие,
воображение, толк*

Все сии названия, изображающие качества души, не имеют никакого определенного знаменования. Всякий произносит оные, как сам пошмает. Один *умом* называет *дарование*; другой чрез *дарование* разумеет *понятие*; иной *смысл* мешает с *толком*; иной *толк* именует *разумением*. Словом, надобно из содержания всей речи распознавать, в каком означении употреблено такое название. Сие неудобство происходит не от недостатков нашего языка, но от человеческого о душе незнания; ибо как можно понимать ясно качества такого существа, которое само собою для нас непостижимо? Часто, как будто бы в доказательство превосходства французского языка пред нашим, спрашивают: как по-русски *esprit*? Но прежде нежели сие слово переводить, надлежит узнать, что чрез оное сами французы разумеют. Гельвецкий, прославившийся сочинением своим³ по сей материи, начинает свою книгу точно сими словами: «On dispute tous les jours sur ce qu'on doit appeler *esprit*: chacun dit son mot; personne n'attache les mêmes idées à ce mot; et tout le monde parle

sans s'entendre» *. После сего можно ли требовать, чтоб сие слово на какой-нибудь язык переведено быть могло?

Читая наши духовные книги и лучших писателей, старался я приметить, в каком знаменовании в них сии названия приняты. Здесь сообщаю мои примечания.

Из всех изображенных качеств души *ум* кажется главнейшим, ибо содержит в себе все пространство понятия, всю силу воображения и всю действительность души. Апостол Павел, говоря о боге, вопрошает: кто разуме *ум* господень? Небесные духи названы в священном писании: небесные *умы*.

Разум, кажется, применить можно к зрению. Он есть душевное наше око. Об нем судить надобно, как о телесном, то-есть по его ясности, быстроте, или объемлемому им пространству.

Некоторые думают, что *разум* превосходнее *ума* для того, что частица *раз* значит будто усугубление; но мне кажется сие мнение несправедливым, ибо частица *раз* иногда вместо усугубления значит уничтожение; например, *расстроить* не значит больше строить, но напротив того, значит построенное разрушить. Впрочем производимые от *ума* и *разума* глаголы, кажется, могут решить, которое из сих слов важнее. Кто *умеет*, тот всеконечно *разумееет*; но не всякий тот *умеет*, кто лишь только *разумееет*.

Разумением называется способность примечать бесчисленные отношения во всеобщей стройности вещей. *Смысл* есть первая и самая меньшая степень познания, или первое впечатление души, действием чувств производимое. *Рассудок* есть та естественная способность, кою люди одарены от бога для познания истины. *Рассуждением* называется действие души, судящее о пристойности и непристойности идей человеческих. *Дарованием* имеем отменную к чему-нибудь способность, естественную или приобретенную. *Понятие* есть душевная способность мыслить или получать идеи. Чрез *воображение* разумеем ту силу, которую всякое чувствительное существо имеет представлять в разуме своем вещи, чувствам подверженные. *Толк* есть способность вникать.

* Вседневно о том спорят, что должно называть словом esprit. Всякий о нем по-своему толкует; никто не присвоет одинаких к нему понятий. Все говорят о нем, не разумея друг друга.

К объяснению сих названий, может быть, послужит история известного Глупона. С самого младенчества ничего он не обещал. Будучи трех лет, едва имел он *смысл* годового младенца. Учился грамоте так плохо, что не оставалось никакого сомнения о худом его *понятии*. Начали было учить его и рисовать, но бросили, увидя, что не имеет он ни малейшего *разумения*; а как многие Глупоны охотники писать стихи, то и наш напутал превеликую оду, в которой не было ниже искры *воображения*. Словом, во всю свою молодость за что ни принимался, все доказывало, что природа не дала ему никакого *дарования*. Вышед из училища, сделался он господином своих поступков и повел себя так дурно, что ни одной своей страсти не хотел или, паче сказать, не умел подчинить *рассудку*. Вошед в службу, выпросил себе судейское место; но чрез несколько дней все приказные служители⁴, даже до последнего подьячего, смеяться стали *рассуждению* своего начальника. В обществах с ним также странное случалось. Те слова, кои в устах людей острых казались наполненными *разума*, те же самые слова в устах Глупона казались величайшим дурачеством. Счастлив бы он был, если б остался в посредственном состоянии. Никому не было бы нужды обращать на него особенного внимания, но слепой случай сделал Глупона знатным господином⁵, и он впутался в дела. Тут уже вся публика скоро усмотрела и единогласно заключила, что в нем *толку* мало, *ума* не бывало.

Всегда, непрестанно

Всегда значит во всякое время, при всяких случаях, во всяком положении. *Непрестанно* значит без остановки, без прерывания. Не тот писатель хорош, кто пишет *непрестанно*, но тот, кто пишет *всегда* хорошо.

Писец, писатель, сочинитель, творец

Писец называется тот, кто сочиняет свое или чужое переписывает. *Писатель* — кто сочиняет прозою. *Сочинитель* — кто пишет стихами и прозою. *Творец* — кто написал знаменитое сочинение стихами или прозою.

Говорится: *писец* исправный, *писатель* древний или новый, *сочинитель* знаменитый, *творец* славный.

У нас в древности *писцов* было мало; из них отличился Нестор, *писатель* Российской истории. Между *сочинителями* нынешнего века славен Ломоносов, *творец* лучших од на российском языке.

*Намерение, предприятие, замысел,
умысел*

Положенное на мере достижение какого-нибудь вида, или цели, называется *намерение*; когда оно взято и расположено, бывает *предприятие*; когда оно хитро, именуется *замыслом*; когда исполнение одного почитается преступлением, есть *умысел*. *Намерение* и *предприятие* так в своем знаменовании разнятся, что весьма правильно и нередко употребляем выражение: я *предприим* *намерение*.

Честный человек никогда не *предприимлет* бесчестного *намерения*, ибо для исполнения одного ум его ни к каким *замыслам* не обратится, и в душе его всякий *умысел* ужас производит.

Письмо, грамота, послание

Под теми именами разумеется всякая переписка между людьми разных состояний. Чрез *письма* сообщают мысли свои люди всякого звания: и государь к подданному, и подданный к государю посылают *письма*; но *грамоты* пишут одни государи. *Письма* древних называются *посланиями*.

Волтеровы *письма* наполнены острою; *грамота* Филиппова к Аристотелю внимания достойна; *послания* святого Павла богодухновенны.

Стихотворные сочинения под именем эпистол недавно начали называть *посланиями*.

Влюбленный, любовник, любитель

Тот *влюблен*, кто в сердце своем страсть любви ощущает; но *любовник* только тот, кто в своей страсти изъяснился; часто * случается видеть *влюбленных*, которые не

* В издании 1783 г. напечатано «что». Очевидно ошибка. В издании 1830 г. вместо слова «что» напечатано «часто». — *Ред.*

смеют казаться *любовниками*; по нереже видим *любowników*, которые никогда *влюблены* не бывали. Слово *любитель* не принадлежит до любовной страсти. Так же смешно было бы сказать: он ее *любитель*, как: он *любownik* наук и художеств.

Животное, скот

Все то создание, которое имеет душу живу, называется *животное*. Следственно, человек и *скот* под сие название подходят. Но если человек называется в добром смысле *животным*, то *скотом* иначе не именуется, как в дурном смысле, то-есть когда рассудок управляет им не больше, как *скотом*.

Люди и *скоты*, составляющие род *животных*, имеют между собою ту разницу, что *скот* никогда человеком сделаться не может, но человек иногда добровольно становится *скотом*.

Милый, любезный

Мил, кто любим; *любезен*, кто любви достоин. *Любезный* человек может быть не *мил* и *милый* не *любезен*. Впрочем, слово *любезный* относится к одним людям, а *милый* и к вещам неодоушевленным. Говорится: ему не *милы* ни чины, ни деньги, но нельзя сказать: ему ни деньги, ни чины не *любезны*.

Ревность, ревнование

Ревность есть душевное страдание, происходящее от того, когда видим благо, желаемое для самих нас, в обладании у другого. Сие слово употребляется более всего, когда речь идет о любви. *Ревнование* есть род *ревности*, возбуждающее нас с кем-нибудь поравняться, или кого превзойти в чем ни есть, похвалы достойном. Человек, которого сердце растерзано *ревностью*, не может в то ж самое время удобен быть к *ревнованию* в делах великих.

Д о м, д в о р

Дом есть здание для обитания. *Двор* есть место, окруженное стенами или зданиями, составляющее часть дома. Передко случается у большого *дома двор* весьма малый. *Двор* также значит придворных господ и служителей, а *дом* — знаменитое поколение. В немецкой земле княжеские *дома* свои *дворы* имеют.

М и р, т и ш и н а, п о к о й

Все эти слова знаменуют состояние, никакому волнению не подверженное; но *мир* означает оное относительно ко внешним неприятелям; *тишина* — к будущему или прошедшему приключению; *покой* изображает сие состояние без всякого отношения.

Худой *мир* лучше доброй браки. Исцеля себя от ложного любочестия, пошел в отставку и живу в *покое*. *Тишина* часто бурю предвещает.

В церковных книгах нередко находим выражения: *мир* ти, евангелие *мира*, князь *мира*, успе в *мире*; следовательно, берется за союз, согласие, добрую совесть, блаженство. Давид, раздробляя понятия свои о добром правлении, говорит, что в нем «милость и истина сретостися, правда и *мир* облобызастся».

ВСЕОБЩАЯ ПРИДВОРНАЯ ГРАММАТИКА

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Сия Грамматика не принадлежит частно ни до которого двора: она есть всеобщая, или философская. Рукописный подлинник оной найден в Азии, где, как сказывают, был первый царь и первый двор. Древность сего сочинения глубочайшая, ибо на первом листе Грамматики хотя год и не назначен, но именно изображены сии слова: *вскоре после всеобщего потопа.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ ВСТУПЛЕНИЕ

Вопр. Что есть Придворная грамматика?

Отв. Придворная грамматика есть наука хитро льстить языком и пером.

Вопр. Что значит хитро льстить?

Отв. Значит говорить и писать такую ложь, которая была бы знатным приятна, а льстецу полезна.

Вопр. Что есть придворная ложь?

Отв. Есть выражение души поллою пред душою надменною. Она состоит из бесстыдных похвал большому барину за те заслуги, которых он не делал, и за те достоинства, которых не имеет.

Вопр. На сколько родов разделяются подлые души?

Отв. На шесть.

Вопр. Какие подлые души первого рода?

Отв. Те, кои сделали несчастную привычку без малейшей нужды в передних знатных господ шататься вседневно.

Вопр. Какие подлые души второго рода?

Отв. Те, кои, с благоговением предстоя большому барину, смотрят ему в очи раболепно и алчут предузнать мысли его, чтобы заранее угодить ему подлым таканьем.

Вопр. Какие суть подлые души третьего рода?

Отв. Те, которые пред лицом большого барина, из одной трусости, рады все всклепать на себя небывальщины и от всего отпереться.

Вопр. А какие подлые души рода четвертого?

Отв. Те, кои в больших господах превозносят и то похвалами, чем гнушаться должны честные люди.

Вопр. Какие суть подлые души пятого рода?

Отв. Те, кои имеют бесстыдство за свои прислуги принимать воздаяния, принадлежащие одним заслугам.

Вопр. Какие же суть подлые души рода шестого?

Отв. Те, которые презрительнейшим притворством обманывают публику: вне дворца кажутся *Китонами*¹; вопиют против льстецов; ругают язвительно и беспощадно всех тех, которых трепещут единого взора; проповедуют неустрашимость; и по их отзывам кажется, что они одни своею твердостью стергут целость отечества и несчастных избавляют от погибели; но, переступя чрез порог в чертоги государя, делается с ними совершенное превращение: язык, ругавший льстецов, сам подлаживает им подлейшую лестию; коего ругал за полчаса, пред тем безгласный раб; проповедник неустрашимости боится некстати взглянуть, некстати подойти; страж целости отечества, если находит случай, первый протягивает руку ограбить отечество; заступник несчастных для малейшей своей выгоды рад погубить невинного.

Вопр. Какое разделение слов у двора примечается?

Отв. Обыкновенные слова бывают: *односложные, двусложные, троесложные и многосложные.* Односложные: *так, князь, раб;* двусложные: *силен, случай, упал;*

троесложные: *милостив, жаловать, угождать*, и, наконец, многосложные: *Высокопревосходительство*.

Вопр. Какие люди обыкновенно составляют двор?

Отв. Гласные и безгласные.

ГЛАВА ВТОРАЯ О ГЛАСНЫХ И О ЧАСТЯХ РЕЧИ

Вопр. Что разумеешь ты чрез гласных?

Отв. Чрез гласных разумею тех сильных вельмож, кои по большей части самым простым звуком, чрез одно отверстие рта, производят уже в безгласных то действие, какое им угодно. Например: если большой барин при докладе ему о каком-нибудь деле, нахмурясь, скажет: *о!* — того дела вечно сделать не посмеют, разве как-нибудь перетолкуют ему об оном другим образом, и он, получа о деле другие мысли, скажет тоном, изъявляющим свою ошибку: *а!* — тогда дело обыкновенно в тот же час и решено.

Вопр. Сколько у двора бывает гласных?

Отв. Обыкновенно мало: три, четыре, редко пять.

Вопр. Но между гласными и безгласными нет ли еще какого рода?

Отв. Есть: полугласные, или полубояре.

Вопр. Что есть полубоярин?

Отв. Полубоярин есть тот, который уже вышел из безгласных, но не попал еще в гласные; или, иначе сказать, тот, который пред гласными хотя еще безгласный, но перед безгласными уже гласный.

Вопр. Что разумеешь ты чрез придворных безгласных?

Отв. Они у двора точно то, что в азбуке буква *ъ*, то-есть сами собою, без помощи других букв, никакого звука не производят.

Вопр. Что при словах примечать должно?

Отв. Род, число и падеж.

Вопр. Что есть придворный род?

Отв. Есть различие между душою мужскою и женскою. Сие различие от пола не зависит, ибо у двора иногда женщина стоит мужчины, а иной мужчина хуже бабы.

Вопр. Что есть число?

Отв. Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милости достать можно; а иногда счет: сколькими полугласными и безгласными можно свалить одного гласного; или же иногда: сколько один гласный, чтоб устоять в гласных, должен повалить полугласных и безгласных.

Вопр. Что есть придворный падеж?

Отв. Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости. Впрочем, большая часть бояр думают, что все находятся пред ними в *винительном падеже*; снискивают же их расположение и покровительство обыкновенно *падежом дательным*.

Вопр. Сколько у двора глаголов?

Отв. Три: *действительный, страдательный, а чаще всего отложительный*.

Вопр. Какие наклонения обыкновенно у двора употребляются?

Отв. *Повелительное и неопределенное*.

Вопр. У людей заслуженных, но беспомощных, какое время употребляется по большей части в разговорах с большими господами?

Отв. *Прошедшее*, например: *я изранен, я служил* и тому подобное.

Вопр. В каком времени бывает их ответ?

Отв. В *будущем*, например: *посмотрю, доложу* и так далее.

Г Л А В А Т Р Е Т И Я

О ГЛАГОЛАХ

Вопр. Какой глагол спрягается чаще всех и в каком времени?

Отв. Как у двора, так и в столице никто без долгу не живет, для того чаще всех спрягается глагол: *быть должным* (для примера прилагается здесь спряжение *настоящего времени*, чаще всех употребительнейшего):

Настоящее:

Я должен.

Мы должны.

Ты должен.

Вы должны.

Он должен.

Они должны.

Вопр. Спрягается ли сей глагол в прошедшем времени?

Отв. Весьма редко, ибо никто долгов своих не платит.

Вопр. А в будущем?

Отв. В будущем спряжение сего глагола употребительно, ибо само собою разумеется, что всякий непременно в долгу *будет*, если еще не есть.

**РАССУЖДЕНИЕ
О ИСТРЕБИВШЕЙСЯ В РОССИИ
СОВСЕМ ВСЯКОЙ ФОРМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПРАВЛЕНИЯ И ОТ ТОГО О ЗЫБЛЕМОМ СОСТОЯНИИ
КАК ИМПЕРИИ, ТАК И САМИХ ГОСУДАРЕЙ**

Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют. Просвещенный ясностию сея истины и великими качествами души одаренный монарх, облекшись в неограниченную власть и стремясь к совершенству, поскольку смертному возможно, сам тотчас ощутит, что власть делать зло есть не совершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла. И действительно, все сияние престола есть пустой блеск, когда добродетель не сидит на нем вместе с государем; но вообразя его таким, которого ум и сердце столько были бы превосходны, чтоб никогда не удалялся он от общего блага и чтоб сему правилу подчинил он все свои намерения и деяния, кто может подумать, чтоб сею подчиненностию беспредельная власть его ограничивалась? Нет. Она есть одного свойства со властью существа высшего. Бог потому и всемогущ, что не может делать ничего другого, кроме блага; а дабы сия невозможность была бесконечным знамением его совершенства, то постановил он правила вечныя истины для самого себя непреложные, по коим управляет он вселенною и коих, не престав быть богом, сам

преступить не может. Государь, подобие бога, преемник на земле вышней его власти, не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постанови в государстве своем правила непреложные, основанные на благо общем и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем.

Без сих правил, или, точнее объяснить, без непреложных государственных законов, непрочна ни состояние государства, ни состояние государя. Не будет той опоры, на которой бы их общая сила утвердилась. Все в намерениях полезнейшее установлению никакого основания иметь не будут. Кто от радит их прочность? Кто поручится, чтоб преемнику не угодно было в один час уничтожить все то, что во все прежние царствования устанавливаемо было? Кто поручится, чтоб сам законодатель, окруженный неотступно людьми, затмевающими пред ним истину, не разорил того сегодня, что созидал вчера? Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединились бы узлом взаимных прав и должностей. Одно пристрастие бывает подвигом всякого узаконения, ибо не прав государя приравливается к законам, но законы — к его нраву. Какая же доверенность, какое почтение может быть к законам, не имеющим своего естественного свойства, то-есть соображения с общею пользою? Кто может дела свои располагать там, где без всякой справедливой причины завтра вменится в преступление то, что сегодня не запрещается? Тут каждый, подвержен будучи прихотям и неправосудию сильнейших, не считает себя в обязательстве наблюдать того с другими, чего другие с ним не наблюдают. Тут, с одной стороны, на законы естественные, на истины ощутительные дерзкое невежество требует доказательств и без указа им не повинуетя, когда, с другой стороны, безумное веление сильного с рабским подобием непрекословно исполняется. Тут, кто может, повелевает, но никто ничем не управляет, ибо править должныствовали бы законы, кои выше себя ничего не терпят. Тут подданные порабощены государю, а государь —

обыкновенно своему недостойному *любимцу*. Я назвал его недостойным потому, что название *любимца* не приписывается никогда достойному мужу, оказавшему отечеству истинные заслуги, а принадлежит обыкновенно человеку, достигшему высоких степеней по удачной своей хитрости нравиться государю. В таком развращенном положении злоупотребление самовластия восходит до невероятности, и уже престаёт всякое различие между государственным и государевым, между государевым и любимцовым. От произвола сего последнего все зависит. Собственность и безопасность каждого колеблется. Души унывают, сердца развращаются, образ мыслей становится низок и презрителен. Пороки любимца не только входят в обычай, но бывают почти единым средством к возвышению. Если любит он пьянство, то сей гнусный порок всех вельможей заражает. Если дух его объят буйством и дурное воспитание приучило его к подлому образу поведения, то во время его знати поведение благородное бывает уже довольно заградить путь к счастью. Но если провидение в лютейшем своем гневе к человеческому роду попускает душою государя овладеть чудовищу, которое все свое любочестие полагает в том, чтоб государство неминуемо было жертвою насильств и игралищем прихотей его; если все уродливые движения души влекут его первенствовать только богатством, титлами и силою вредить; если взор его, осанка, речь ничего другого не знаменуют, как: «боготворите меня, я могу вас погубить»; если беспредельная его власть над душою государя препровождается в его душе бесчисленными пороками; если он горд, нагл, коварец, алчен к обогащению, сластолюбец, бесстыдный, ленивец, тогда нравственная язва становится всеобщею, все сии пороки разливаются и заражают двор, город и, наконец, государство. Вся молодость становится надменна и принимает тон буйственного презрения ко всему тому, что должно быть почтенно. Все узы благочиния расторгаются и к крайнему соблазну, ни век, изнуренный в служении отечества, ни сан, приобретенный истинною службой, не ограждает почтенного человека от нахальства и дерзости едва из ребят вышедших и одним случаем поднимаемых негодниц. Коварство и ухищрение

приемлется главным правилом поведения. Никто нейдет стезею, себе свойственною¹. Никто не намерен заслуживать; всякий ищет выслуживать. В сие благопоспешное недостойным людям время какого воздаяния и могут ожидать истинные заслуги, или паче есть ли способ оставаться в службе мыслящему и благородное любочестие имеющему гражданину? Какой чин, какой знак почести, какое место государственное не изгажено скаредным прикосновением пристрастного покровительства? Посвятя жизнь свою военной службе, лестно ль дослуживаться до полководства, когда вчерашний канрал², неизвестно кто и неведомо за что, становится сегодня полководцем и принимает начальство над заслуженным и ранами покрытым офицером? — Лестно ль быть судьей, когда правосудным быть не позволяется? Тут алчное корыстолюбие довершает общее развращение. Головы занимаются одним примышлением средств к обогащению. Кто может — грабит; кто не может — крадет, и когда государь без непреложных государственных законов зиждет на песке свои здания и, выдавая непрестанно частные уставы, думает истреблять вредные государству откупы³, тогда не знает он того, что в государстве его ненаказанность всякого преступления давно на откуп, что для бессовестных хищников стало делом единого расчета исчислить, что принесет ему преступление и во что милостивый указ стать ему может. Когда же правосудие претворилось в торжище и можно бояться потерять без вины свое и надеяться без права взять чужое, тогда всякий спешит наслаждаться без пощады тем, что в его руках, угождая развращенным страстям своим. И что может остановить стремление порока, когда идол самого государя, пред очами целого света, в самых царских чертогах, водрузил знамя беззакония и нечестия; когда, насыщая бесстыдно свое сластолюбие, ругается он явно священными узами родства, правилами чести, долгом человечества и пред лицом законодателя божеские и человеческие законы попирает дерзает? Не вхожу я в подробности гибельного состояния дел, исторгнутых им под особенное его начальство⁴; но вообще видим, что если, с одной стороны, заразивший его дух любобначалия кружит все головы, то, с другой — дух праздности,

поселивший в него весь ад скуки и нетерпения, распространяется далеко, и привычка к лености укореняется тем сильнее, что рвение к трудам и службе почти оглашено дурачеством, смеха достойным.

После всего мною сказанного и живым примером утверждаемого⁵ не ясно ль видим, что не тот государь самовластнейший, который на недостатке государственных законов чаёт утвердить свое самовластие. Порабощен одному или нескольким рабам своим, почему он самодержец? Разве потому, что самого держат в кабале недостойные люди? Подобен будучи прозрачному телу, чрез которое насквозь видны действующие им пружины, тщетно пишет он новые законы, возвещает благоденствие народа⁶, прославляет премудрость своего правления: новые законы его будут не что иное, как новые обряды, запутывающие старые законы, народ все будет угнетен, дворянство унижено, и, несмотря на собственное его отвращение к тиранству, правление его будет правление тиранское. Нация тем не меньше страждет, что не сам государь принялся се терзать, а отдал на расхищение извергам, себе возлюбленным. Таковое положение долго и устоять не может. При крайнем ожесточении сердец все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, нечувствительно в одну точку соединяются. Вдруг все устремляются расторгнуть узы нестерпимого порабощения. И тогда что есть государство? Колосс, державшийся цепями. Цепи разрываются, колосс упадет и сам собою разрушается. Деспотичество, рождающееся обыкновенно от анархии, весьма редко в нее опять не возвращается.

Для отвращения таковой гибели государь должен знать во всей точности все права своего величества, дабы, первое, содержать их у своих подданных в почтении и, второе, чтобы самому не преступить пределов, ознаменованных его правом самодержавнейшею всех на свете властью, а именно властью здравого рассудка. До первого достигает государь правотою, до второго кротостию.

Правота и кротость суть лучи божественного света, возвещающие людям, что правящая ими власть поставлена от бога и что достойна она благоговейного их

повиновения; следовательно, всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не от бога, но от людей, коих несчастья времен попустили, уступя силе, унижить человеческое свое достоинство. В таком гибельном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, если разрывает. Тут дело ясное. Или она теперь вправе возвратить свою свободу, или никто не был вправе отнимать у ней свободы. Кто не знает, что все человеческие общества основаны на взаимных добровольных обязательствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают. Обязательства между государем и подданными суть равным образом добровольные, ибо не было еще в свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ее государем; и если она без государя существовать может, а без нее государь не может, то очевидно, что первобытная власть была в ее руках и что при установлении государя не о том дело было, чем он нацию пожалует, а какую властью она его облакает. Возможно ль же, чтоб нация добровольно постановила сама закон, разрешающий государю делать неправосудие безотчетно? Не стократно ль для нее лучше не иметь никаких законов, нежели иметь такой, который дает право государю делать всякие насильства? А потому и должен он быть всегда наполнен сею великою истиною, что он установлен для государства и что собственное его благо от счастья его подданных долженствует быть неразлучно.

Рассматривая отношения государя к подданным, первый вопрос представляется разуму, что ж есть государь? Душа правимого им общества. Слаба душа, если не умеет управлять прихотливыми стремлениями тела. Несчастно тело, над коим властвует душа безрассудная, которая чувствам, своим истинным министрам, или вовсе вверяется, или ни в чем не доверяет. Положась на них, беспечно принимает кучу за гору, планету за точку, но буде презирает она их служение, буде возмечтает о себе столько, что захочет сама зажмурясь видеть и, заткнув уши, слышать, какой правильной разрешимости тогда

ожидать от нее можно и в какие напасти она сама себя не увлекает!

Государь, душа политического тела, равной судьбине подвергается. Отверзает ли он слух свой на всякое внушение, отвращает ли оный от всяких представлений, — уже истина его не просвещает; но если он сам и не признает верховной ее власти над собою, тогда все отношения его к государству в источниках своих развращаются: пойдут различия между его благом и государственным; тотчас поселяется к нему ненависть; скоро сам он начинает бояться тех, кои его ненавидят, и ненавидеть тех, которых боится, словом, вся власть его становится беззаконная, ибо не может быть законна власть, которая ставит себя выше всех законов естественного правосудия.

Просвещенный ум в государе представляет ему сие заключение без сомнения, во всей ясности, но просвещенный государь есть тем не больше человек. Он, как человек, рождается, как человек, умирает и в течение своей жизни, как человек, погрешает; а потому и должно рассмотреть, какое есть свойство человеческого просвещения. Между первобытным его состоянием в естественной его дикости и между истинного просвещения расстояние толь велико, как от неизмеримой пропасти до верху горы высочайшей. Для восхождения на гору потребно человеку пространство целой жизни, но взошед на нее, если позволит он себе шагнуть чрез черту, разделяющую гору от пропасти, уже ничто не останавливает его падения, и он погружается опять в первобытное свое невежество. На самом пороге сея страшная пропасти стоит просвещенный государь. Стражи, не допускающие его падение, суть правота и кротость. В тот час, как он из рук их себя исторгает, погибель его совершается, меркнет свет душевных очей его, и, летя стремглав в бездну, вопиет он вне ума: «все мое, я все, все ничто».

Державшийся правоты и кротости просвещенный государь не поколеблется никогда в истинном своем величестве, ибо свойство правоты таково, что самое ее никакие предубеждения, ни дружба, ни склонности, ни самое сострадание поколебать не могут. Сильный и немощный, великий и малый, богатый и убогий — все на одной чреде стоят; добрый

государь добр для всех, и все уважения его относятся не к частным выгодам, но к общей пользе. Сострадание производится в душе его не жалобным лицом обманывающего его корыстолюбца, но истинною бедностию несчастных, которых он не видит и которых жалобы часто к нему не допускаются. При всякой милости, оказуемой вельможе, должен он весь свой народ иметь пред глазами. Он должен знать, что государственным награждается одна заслуга государству, что не повинно оно платить за угождения его собственным страстям и что всякий налог, взыскуемый не ради пользы государства, есть грабеж в существе своем и форме. Он должен знать, что нация, жертвуя частию естественной своей вольности, вручила свое благо его попечению, его правосудию, его достоинству; что он отвечает за поведение тех, кому вручает дел правление, и что, следственно, их преступления, им терпимые, становятся его преступлениями. Тщетно государь помыслил бы оправдаться тем, что сам он пред отечеством невинен и что тем весь долг свой пред ним исполняет. Нет, невинность его есть платеж долгу, коим он сам себе должен: но государству все еще должником остается. Он повинен отвечать ему не только за дурно, которое сделал, но и за добро, которого не сделал. Всякое поущение — его вина; всякая жестокость — его вина, ибо он должен знать, что послабление пороку есть ободрение злодеяниям и что, с другой стороны, наистрожайшее правосудие над слабостями людскими есть наивеличайшая человечеству обида. К несчастью подданных, приходит иногда на государя такая полоса, что он ни о чем больше не думает, как о том, что он государь; иногда ни о чем больше, как о том, что он человек. В первом случае обыкновенно походит он в делах своих на худого человека, во втором бывает неминуемо худым государем. Чтобы избегнуть сих обеих крайностей, государь ни на один миг не должен забывать ни того, что он человек, ни того, что он государь. Тогда бывает он достоин имени премудрого. Тогда во всех своих деяниях вмещает суд и милость. Ничто за черту свою не преступает. Кто поведением своим возмущает общую безопасность, предается всей строгости законов. Кто поведением своим бесчестит самого себя, наказыв-

вается его презрением. Кто не рачит о должности, теряет свое место. Словом, государь, правоту наблюдающий, исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая ее к почестям.

Правота делает государя почтенным; но кротость, сия человечеству любезная добродетель, делает его любимым. Она напоминает ему непрестанно, что он человек и правит людьми. Она не допускает поселиться в его голову несчастной и нелепой мысли, будто бог создал миллионы людей для ста человек. Между кротким и горделивым государем та ощутительная разница, что один заставляет себя внутренно обожать, а другой наружно боготворить; но кто принуждает себя боготворить, тот внутри души своей, видно, чувствует, что он человек. Напротив того, кроткий государь не возвышается никогда унижением человечества. Сердце его чисто, душа права, ум ясен. Все сии совершенства представляют ему живо все его должности. Они твердят ему всечасно, что государь есть первый служитель государства; что преимущества его распространены нацию только для того, чтоб он в состоянии был делать больше добра, нежели всякий другой; что силою публичной власти, ему вверенной, может он жаловать почести и преимущества частным людям, но что самое нацию ничем пожаловать не может, ибо она дала ему все то, что он сам имеет; что для его же собственного блага должен он уклоняться от власти делать зло и что, следовательно, желать деспотичества есть не что иное, как желать найти себя в состоянии пользоваться сею пагубною властью. Невозможность делать зло может ли быть досадна государю? А если может, так разве для того, что дурному человеку всегда досадно не смочь делать дурно. Право деспота есть право сильного; но и разбойник то же право себе присвоит. И кто не видит, что изречение *право сильного* выдуманно в посмеяние. В здравом разуме сии два слова никогда вместе не встречаются. Сила принуждает, а право обязывает. Какое же то право, которому повинуются не по должности, а по нужде и которое в тот момент у силы исчезает, когда большая сила сгоняет ее с места. Войдем еще подробнее в существо сего мнимого права. Потому что я не в силах кому-нибудь сопроти-

вляться, следует ли из того, чтоб я морально обязан был признавать его волю правилом моего поведения? Истинное право есть то, которое за благо признано рассудком и которое, следовательно, производит некое внутреннее чувство, обязывающее нас повиноваться добровольно. В противном случае повиновение не будет уже обязательство, а принуждение. Где же нет обязательства, там нет и права. Сам бог в одном своем качестве существа всемогущего не имеет ни малейшего права на наше повиновение. Вообразим себе существо всемогущее, которое не только ко всему принудить, но и вовсе истребить нас может, которое захотело бы сделать нас несчастными или по крайней мере не захотело бы никак пеccись о нашем благе, тогда чувствовали бы мы в душе обязанность повиноваться сей вышней воле, клонящейся к нашему бедствию или нас пренебрегающей? Мы уступили бы по нужде ее всемогуществу, и между богом и нами было бы не что иное, как одно физическое отношение. Все право на наше благоговейное повиновение имеет бог в качестве существа всеблагого. Рассудок, признавая благим употребление его всемогущества, советует нам соображаться с его волею и влечет сердца и души ему повиноваться. Существу всеблагому может ли быть приятно повиновение, вынужденное одним страхом? И такое гнусное повиновение прилично ль существу, рассудком одаренному? Нет; оно не достойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Сила и право совершенно различны как в существе своем, так и в образе действия. Праву потребны достоинства, дарования, добродетели. Силе надобны тюрьмы, железа, топоры. Совсем излишне входить в толки о разностях форм правления и разыскивать, где государь самовластнее и где ограниченнее. Тиран, где б он ни был, есть тиран, и право народа спасать бытие свое пребывает вечно и везде непоколебимо.

Истинное блаженство государя и подданных тогда совершенно, когда все находятся в том спокойствии духа, которое происходит от внутреннего удостоверения о своей безопасности. Вот прямая *политическая воля* нации. Тогда всякий волен будет делать все то, чего позволено хотеть, и никто не будет принужден делать того, чего

хотеть не должно; а дабы нация имела сию вольность, надлежит правлению быть так устроено, чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти, чтоб никто не мог быть игролищем насильств и прихотей, чтоб по одному произволу власти никто из последней степени не мог быть взброшен на первую, ни с первой свергнут на последнюю, чтоб в лишении имени, чести и жизни одного дан был отчет всем и чтоб, следственно, всякий беспрепятственно пользоваться мог своим именем и преимуществами своего состояния.

Когда же свободный человек есть тот, который не зависит ни от чьей прихоти; напротив же того, раб деспота тот, который ни собою, ни своим имением располагать не может и который на все то, чем владеет, не имеет другого права, кроме высочайшей милости и благоволения, то по сему истолкованию политической вольности видна неразрывная связь ее с правом *собственности*. Оно есть не что иное, как право пользоваться; но без вольности пользоваться, что оно значит? Равно и вольность сия не может существовать без права, ибо тогда не имела бы она никакой цели; а потому и очевидно, что нельзя никак нарушать вольности, не разрушая права собственности, и нельзя никак разрушать права собственности, не нарушая вольности.

При исследовании, в чем состоит величайшее благо государств и народов и что есть истинное намерение всех систем законодательства, найдем необходимо два главнейших пункта, а именно те, о коих теперь рассуждаемо было: *вольность* и *собственность*. Оба сии преимущества, равно как и форма, каковою публичной власти действовать, должны быть устроены сообразно с физическим положением государства и моральным свойством нации. Священные законы, определяющие сие устройство, разумеем мы под именем законов фундаментальных. Ясность их должна быть такова, чтоб ни малейшего недоразумения никогда не повстречалось, чтоб из них монарх и подданный равномерно знали свои должности и права. От сих точно законов зависит общая их безопасность, следственно, они и должны быть неизменными.

Теперь представим себе государство, объемлющее пространство, какового ни одно на всем известном земном шаре не объемлет и которого по мере его обширности нет в свете малолюднее; государство, раздробленное с лишком на тридцать больших областей⁷ и состоящее, можно сказать, из двух только городов⁸, из коих в одном живут люди большею частию по нужде, в другом большею частию по прихоти; государство, многочисленным и храбрым своим воинством страшное и которого положение таково, что потеряннем одной баталии может иногда бытие его вовсе истребиться; государство, которое силою и славою своею обращает на себя внимание целого света и которое мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся и никем не предводимый, может привести, так сказать, в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели; государство, дающее чужим землям царей и которого собственный престол зависит от отворения кабаков для зверской толпы буян⁹, охраняющих безопасность царския особы; государство, где есть все политические людей состояния, но где никоторое не имеет никаких преимуществ и одно от другого пустым только именем различается; государство, движимое вседневными и часто друг другу противоречащими указами, но не имеющее никакого твердого законоположения; государство, где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьей над человеком другого состояния, где каждый, следственно, может быть завсегда или тиран, или жертва; государство, в котором почтеннейшее из всех состояний, долженствующее оборонять отечество купно с государем и корпусом своим представлять нацию, руководствуемое одною честью, *дворянство* уже именем только существует и продается всякому подлецу, ограбившему отечество; где знатность, сия единственная цель благородных души, сие достойное возмездие заслуг, от рода в род оказываемых отечеству, затмевается фавором, поглотившим всю пищу истинного любочестия; государство не деспотическое, ибо нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные¹⁰, обязанные защищать невинность и нака-

зывать преступления; не монархическое, ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия, ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом государя; на демократию же и походить не может земля, где народ, пресмыкаясь во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства.

Просвещенный и добродетельный монарх, застав свою империю и свои собственные права в такой несообразности и неустройстве, начинает великое свое служение немедленным ограждением общия безопасности посредством законов непреложных. В сем главном деле не должен он из глаз выпускать двух уважений: первое, что государство его требует немедленного врачевания от всех зол, приключаемых ему злоупотреблением самовластия; второе, что государство его ничем так скоро не может быть подвергнуто конечному разрушению, как если вдруг и не приуготова нацию, дать ей преимущества, коими наслаждаются благоустроенные европейские народы. При таком соображении каковы могут быть первые фундаментальные законы, прилагается при сем особенное начертание.

В заключение надлежит признать ту истину, что главнейшая наука правления состоит в том, чтоб уметь сделать людей способными жить под добрым правлением. На сие никакие именные указы не годятся. Узаконение быть добрыми не подходит ни под какую главу Устава о благочинии¹¹. Тщетно было бы вырезывать его на досках и ставить на столы в управах; буде не врезано оно в сердца, то все управы будут плохо управляться. Чтоб устроить нравы, нет нужды ни в каких пышных и торжественных обрядах. Свойство истинного величества есть то, чтоб наивеличайшие дела делать наипростейшим образом. Здравый рассудок и опыты всех веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа. В его руках пружина, куда повернуть людей: к добродетели или к пороку. Все на него смотрят, и сияние, окружающее государя, освещает его с головы до ног всему народу. Ни малейшие его движения ни от кого не скрываются, и таково есть счастливое или несчастное царское состояние, что он ни добродетелей, ни пороков своих

утаить не может. Он судит народ, а народ судит его правосудие. Если ж надеется он на развращение своей нации столько, что думает обмануть ее ложной добродетелью, сам сильно обманывается. — Чтоб казаться добрым государем, необходимо надобно быть таким, ибо как люди порочны ни были б, но умы их никогда столько не испорчены, сколько их сердца, и мы видим, что те самые, кои меньше всего привязаны к добродетели, бывают часто величайшие знатоки в добродетелях. Быть узлану есть необходимая судьбина государей, и достойный государь ее не уstraшает. Первое его титуло есть титуло честного человека, а быть узлану есть наказание лицемера и истинная награда честного человека. Он, став узлан своею нациею, становится тотчас образцом ее. Почтение его к заслугам и летам бывает наистрожайшим запрещением всякой дерзости и нахальству. Государь, добрый муж, добрый отец, добрый хозяин, не говоря ни слова, устрояет во всех домах внутреннее спокойство, возбуждает чадолюбие и самодержавнейшим образом запрещает каждому выходить из мер своего состояния. Кто не любит в государе мудрого человека? а любимый государь чего из подданных сделать не может? Оставя все тонкие разборы прав политических, спросим себя чистосердечно: кто есть самодержавнейший из всех на свете государей? Душа и сердце возопиют единогласно: тот, кто более любим.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ
КРЫЛОВ

ПИСЬМА ИЗ ЖУРНАЛА «ПОЧТА ДУХОВ,

ИЛИ УЧЕНАЯ, НРАВСТВЕННАЯ И КРИТИЧЕСКАЯ
ПЕРЕПИСКА АРАБСКОГО ФИЛОСОФА МАЛИКУЛЬМУЛЬКА
С ВОДЯНЫМИ, ВОЗДУШНЫМИ И ПОДЗЕМНЫМИ ДУХАМИ»

ВСТУПЛЕНИЕ

С тужа, дождь и ветер, соединясь, самый лучший день изо всей осени делали самым несносным для пешеходцев и скучным для разъезжающих в великолепных экипажах. Грязь покрывала все мостовые; но грязь, которая своим цветом не так, как парижская догадливым французам¹, не приносила новой дани нам от Европы, а делала только муку щеголям, у которых, как будто в насмешку парижским и лондонским модам, ветер вырывал из рук парасоли, портил прическу голов и давал волю дождю мочить их кафтаны и модные пуговицы. Все торопились добраться до домов, и многие бранили себя, что, понадеясь на календарь, вышли в хороших нарядах.

В такое-то прекрасное время возвращался я от его превосходительства господина Пустолоба, к которому осьмой месяц хожу по одному моему делу и который мне во сто пятнадцатый раз очень учтиво сказал, чтоб я пожаловал к нему завтра. Лестное приказание из уст вельможи, если оно говорится во сто пятнадцатый раз! Что до меня, то я, возвращаясь от него, бранил сквозь зубы его, все дела на свете, самого себя и проклятое *завтра*, для которого всякий день я должен был переходить пешком добрую итальянскую милю².

Ненастье умножалось, я был беден, а потому имел мало знакомых и перекуптий; но, к счастью, увидел старый

развалившийся деревянный дом, в котором (почитая его пустым) не думал никого обеспокоить своим посещением; и подлинно, это были пустые хоромы, где я нашел убежище от дождя; но не нашел его от беспокойных моих мыслей.

«Как! — говорил я сам в себе, — есть такие люди, которые имеют богатый доход, великолепный дом, роскошный стол за то только, что всякий день несколькими моим братьям беднякам учтиво говорят: *придите завтра*, думая им этим делать великое одолжение. О! что до меня, то я клянусь, что в последнее имел честь быть в прихожей его превосходительства. Пусть лежачие просители из всех улиц сходятся или съезжаются на дрожках, в каретах, пешком и на костылях слушать его учтивые *пожалуйте завтра*, а я скорее соглашусь умереть с голоду в своем шалаше, нежели замерзнуть в его прихожей. Лучше иметь дело с чертями или с колдунами, нежели с бестолковыми...»

«Конечно, — сказал мне некто, — если ты обещаешься мне усердно служить, то увидишь, что колдуны и черти не столь вероломны, как о них думают, и что, по крайней мере, ни от которого из них ты не услышишь по одному делу сто пятнадцать раз *завтра*».

Я оборотился назад, чтоб увидеть, от кого был сей голос; но в какой пришел ужас, увидя старика с седою бородою, большого роста, в некотором роде шапки конической фигуры, в платье, усеянном звездами, в поясе, на котором изображены были двенадцать знаков Зодиака. В руках он имел трость, которая была очень хорошо свита, по подобию наших модных соломенных тросточек, из трех ветвей: из черной, красной и зеленой; на шее, как щеголеватая красавица, имел он повешенный несколько заржавелый железный медальон на цепочке того же металла, который, однакож, ценил он дороже всех европейских медальонов вместе. По всему этому наряду нетрудно было мне догадаться, что это волшебник, а испугаться еще легче, для того что я с природы труслив и с младенчества боюсь чертей, колдунов, пьяных подьячих, злых вельмож и проч., и проч., и проч.

«Милостивый государь! — сказал я ему, весь в страхе, — благодарю вас за предложение, но...»

П О Ч Т А
Д У Х О В Ъ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ,

ИЛИ

Ученая, Нравственная, и Критическая переписка
Арабскаго философа *Маликульмульла*
съ водяными, воздушными и подземными
Духами.

Ч А С Т Ъ 1.

~~~~~

Печашано съ дозволенія указнаго

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1789 ГОДА.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
ЖУРНАЛА «ПОЧТА ДУХОВ»

«Я вижу, — прервал он, — что я тебе кажусь несколько непригож и что ты меня боишься».

«Признаюсь, сударь, — отвечал я ему, — что я, в первый раз видя ваш мундир, не могу удержаться от страха; конечно, вы иностранец, а может быть, и житель того света».

«Я *Маликульмульк*, — отвечал он, — и ремеслом волшебник; имя мое известно во всех трех частях света: в воздухе, в воде и в земле; у меня в них есть довольно пространные владения, и если ты примешь на себя название моего секретаря, то я отвезу тебя в свой увеселительный дом, находящийся в Харибде³, и оттуда пройдем мы богатою подземною галлереею в великолепные мои палаты, стоящие под горою Этною».

«Государь мой! — отвечал я, — это не лучший способ склонять в свою службу людей с тем, чтоб их изжарить или утопить; правда, у нас иногда секретарей морят с голоду, но, по крайней мере, принимают их всегда с хорошими обещаниями».

«Не опасайся, мой друг, — отвечал Маликульмульк, — ты увидишь, что в моих домах так же весело и спокойно, как в самых богатых ваших чертогах, и ничуть не жарко, так что один из ваших философов⁴ тому уже несколько веков назад вступил в мою службу управителем дома под Этною. Я думаю, вы все того мнения, что он сгорел; а вместо того ему там так показалось прохладно, что он выбросил назад оттуда свои туфли и ныне живет у меня очень спокойно; смотрит за моим домом и за библиотекою, которую я уже девять тысяч лет собирал. Он делает критические замечания на всех древних и новых философов, на все секты и на все науки, которые, может быть, скоро выйдут в свет. Итак, ты видишь, что если бы было ему жарко, то бы он, конечно, не принял за такую беспокойную работу, от которой можно вспотеть и в самой Гренландии. Я тебе обещаю не меньше выгодное содержание и дам тебе свободу жить, где ты ни пожелаешь».

С сим уговором согласился я вступить в службу почтенного Маликульмулька и, не хотя переменять жилища, выбрал к тому сей город.

«Если бы, — сказал я ему, — был у вас также и здесь какой-нибудь увеселительный дом, то бы я с охотою

согласился в нем вам служить. Пожалуйте, господин Маликульмульк, — продолжал я, — купите себе здесь какой-нибудь дом, только, прошу вас, на истинные, а не на волшебные деньги, для того что здесь профессоров этой науки очень не любят и часто секут розгами или сажают в бешеный дом, да и мне, новому вашему секретарю, от того не безопасно, ибо здесь живут люди, а не волшебники и им очень не мудрено сделать ошибку и высечь одного вместо другого».

«Не опасайся, — сказал мне волшебник, — мы будем веселиться и не будем подвержены никакой опасности; я имею здесь несколько увеселительных домов в самом городе, и тот, в котором мы теперь, из самых лучших».

«Как! — вскричал я с удивлением, — вы шутите: я не знаю, как для вас, а для меня дом с провалившеюся кровлею, с развалившимися печами, с худыми полами и с выбитыми окнами в ненастное время ничуть не кажется увеселительным; этот дом годен только на дрова, в нем не согласится жить и сторож академической библиотеки».

«Ты иного будешь мнения о моем богатстве, — сказал Маликульмульк, — когда увидишь сей дом хорошими глазами».

Тогда он полою своей епанчи потер мои глаза. В какое ж после сего пришел я удивление, увидя себя в великолепнейших чертогах! Золото и серебро блистали повсюду; картины, резьба, зеркала придавали великолепный вид сим комнатам, которые за минуту пред тем казались мне пустыми сараями; словом, пышность сего дома могла поравняться с пышностию первейших дворцов в Европе.

«Вот что я тебе дарю», — сказал мне милостивый Маликульмульк.

Я благодарил его так, как мог, и обещал исполнять ненарушимо его повеления.

«Позволь, мой благодетель! — вскричал я, — чтоб в одно же минуту позвал я к себе обедать некоторых из богатых и гордых моих знакомцев, которые ставили великим одолжением, когда удостоивали меня своею беседою, скучною для меня так же, как для них скучны философические книги или, лучше сказать, как для сонного судьи приказ».

«Я тебе никогда не советую этого делать, — отвечал волшебник, — для них комнаты сии ничуть не переменили своего вида и покажутся такими же, какими они доселе тебе казались; с помощью только моей епанчи, над которою я трудился три тысячи лет, могли бы они видеть их такими, каковы они есть, но я не хочу всему городу насильно протирать глаза; оставь, друг мой, думать людей, что ты беден, и наслаждайся своим богатством».

«Ах! я вижу, что оно мечтательное», — вскричал я с неудовольствием.

«Нет, — отвечал он, — все, что ты видишь, очень истинно; *перипатетизм* один может заставить почитать несчастием самое блаженство. Почему ты предпочитаешь те комнаты, которые искусством людей сделаны в несколько лет, тем, которые я делаю в одну минуту? Если я властью моею могу этот дом привести в прежний свой вид, то время не может ли разрушить также очарование самых лучших художников и превратить обработанные ими вещи в первобытное состояние, которое будет небольшая кучка земли? Правда, люди все будут думать, что ты не богат, но с первейшими богачами не то ли же случается? Они и сами иногда почитают себя бедными, а философы почитают их нищими, и эти люди умнее тех, которые им приписывают название богачей; все богатство Креза не могло уверить Солона⁵, что Крез был богат; а Солон бы и ныне не посадили в бешеный дом, хотя бы, может быть, и заставили его быть помолчаливее. Итак, ты видишь, что истинное состояние человека не по тому называется богатым или бедным, как другие о нем думают, но по тому, как он сам почитает».

«Так поэтому, — отвечал я, — должен я питаться пустою мыслию, что я богат, между тем как, может быть, стою здесь по колени в грязи, в пустых покоях и мерзну от стужи и от ветров».

«Чувствуешь ли ты это?» — спросил он меня.

«Нет», — отвечал я.

«Так поэтому, — продолжал он, — ты глупо сделаешь, когда это будешь воображать. А как ты боишься бедности, то вот тебе деньги», — сказал он, выдвигая большой из стола ящик с самыми полновесными червонцами.

«О, теперь-то я богат», — говорил я с восхищением, принимая деньги.

«Да знаешь ли, что они такое? — говорил он, — это изрезанные кружками бумажные обои».

«Господин волшебник! — сказал я с сердцем, — не эту ли негодную монетою дашь ты своим секретарям жалованье? Я сойду с ума прежде, нежели соглашусь принять твои бумажные вырезки за наличное золото».

«Не опасайся, — отвечал он, — я с тобою только пошутил: я ненавижу обманов и не буду тебе платить обоями вместо денег; в этом доме тебе в них и нужды не будет, старайся только реже из него выходить, ибо, как скоро ты выйдешь на улицу, то очарование в глазах твоих исчезнет».

После сего нам собрали на стол; мы очень хорошо обедали, и я, по привычке спать после обеда, лег на самую мягкую постель, какою бы и самая богатая духовная особа не погнушалась, а Маликульмульк пошел в свой пребогатый кабинет, который за час казался мне разломанным курятником.

Прежде, нежели заснул, делал я тысячу разных рассуждений, остаться ли мне в новом моем звании, которого еще не знал должности, и быть ли довольну мнимым своим богатством? «Что, — думал я сам в себе, — если я ел только черствые корки гнилого хлеба, тогда, когда казалось мне, что утолял свой голод вкуснейшими пищаами, и почитал Маликульмулькова повара искуснее всякого француза? И что, если в самую сию минуту лежу я на голых и на мокрых досках, между тем как воображаю, что лежу на мягких подушках, которые бы могли сделать честь кровати и богатейших восточных государей? Не смешно ли будет, когда за это буду я отправлять тяжелую секретарскую должность? Но надобно и в том признаться, что я совершенно доволен. Пусть люди будут меня почитать бедным, что мне до того за нужда! Довольно, если и для себя кажусь богатым. Правда, всякий станет такому мнению смеяться: не смешно ли бы было, когда бы меня посадили в великолепную тюрьму и называли бы меня свободным, но не позволяли бы мне выходить из комнаты ни на три шага, а между тем весь бы свет думал, что я счастливейший смертный, — был ли бы я оттого подлинно

счастлив? Нет, конечно; поэтому и ныне я не буду беден оттого, когда меня почитать таким будут». Итак, я решился остаться в сем доме; а сверх того, название секретаря льстило меня новыми доходами, ибо я слышал, что оно очень прибыльно и что все секретари истинно богаты, не выключая из того числа и секретарей академий.

Итак, выпавшись спокойно, не так, как секретарь, который еще исполняет сие звание и от времени до времени боится, чтоб не быть ему повешену, но так, как секретарь, который, наслаждаясь уже выгодами оногo, вышел в отставку, пользуется плодами плутовства, не страшится более виселицы и спит спокойно, не вспоминая о своих челобитчиках. Выпавшись, говорю, таким образом, встал я с моей пышной постели (а может быть, и с голых досок), вошел в кабинет Маликульмулька исполнять его повеления, и он в коротких словах объявил мне мою должность.

«Я, — говорил он, — своими знаниями приобрел нескольких друзей, которые живут в разных частях света, близ моих владений; а как поместья мои отсюда очень не близки, то утешаюсь тем, что, не видя их, получаю от них письма и сам отвечаю им на оные; но как мне уж тринадцать тысяч лет, и, следовательно, в таких пожилых годах иногда склонен я клени, то ты должен будешь писать то, что я тебе буду сказывать, и читать мне их письма. Я позволяю тебе списывать и для себя те, которые тебе понравятся; прочее ж время все в твоём распоряжении».

«Почтенный Маликульмульк! — говорил я ему, — когда вы позволяете мне списывать ваши письма, то позвольте их также издавать в свет и тем уверить моих соотчичей, что я имел честь быть вашим секретарем, которые без сего доказательства почтут сию историю сказкою, как обыкновенно привыкли называть невероятные дела; а может быть, посадят меня и в дом сумасшедших». Сверх того, говорил я ему, что, служа у него в секретарском чине, я ничем иным не буду пользоваться, кроме своего жалованья, для того что у него ни подрядов, ни откупов, ни поставок никаких нет, и мне будет стыдно сказать, что я, быв секретарем у такого знатного человека, ничем не поживился, между тем как некоторые секретари самых

последних мест, с помощью хорошей экономии, получая по 450 рублей в год жалованья, проживают ежегодно по 12 000 рублей и строят себе очень порядочные каменные дома. Господин ворожея говорил мне, что он здесь расположен жить *инкогнито*, однакож я ему доказал, что лучше быть славным, нежели неведомым, и говорил ему, что сам Цицерон радовался, когда некто из стихотворцев зачал описывать его дела; что Сенека говорил, что он не для чего другого учился философии, как только для того, чтоб люди это знали, и что сам господин Эмпедокл, управитель его увеселительного дома, изволил соскокнуть к нему для того, чтоб быть славным.

Маликульмульк смеялся сим мнениям и, наконец, для меня склонился, чтоб его и приятелей его письма были издаваемы в свет. Я было намерен был попросить у него на то и денег, но опасался, чтоб он мне не дал изрезанных обоев вместо червонцев; а я столько люблю всех своих земляков, особливо же типографщиков, что никогда не намерен обмануть их столь бесстыдным образом. Итак, решился лучше деньги на расход типографий для издания сих писем занять от читателей, нежели выпустить такие деньги, за которые бы я, как не имеющий ни какого законного права, ни власти выдавать фальшивых денег и как секретарь Маликульмульков, должен был отвечать, между тем как он спокойно бы по воздуху, по воде или по земле уехал в свои владения.

П И С Ъ М О I

От гнома Зора к волшебнику Маликульмульку

Вот первое письмо, любезный и премудрый Маликульмульк, которое я к тебе пишу после нашей разлуки. Я было хотел тебя поздравить с новым годом, но не знаю, которому ты веришь календарю: Юлианскому ли или древнему Римскому⁶; а может быть, ты и того мнения, что год со всякого нового дня начинается. Я бы желал уверить тебя

о моем к тебе дружестве, но мы с тобою столько знакомы, что можем оставить для других такие учтивости, которыми ныне почти все письма наполняются; итак, лучше скажу тебе новость и какая ужасная перемена делается в аде!

Вчера с ми́нул срок полугодовому отсутствию Прозерпину⁷. Плутон⁸ с нетерпеливостью ожидал ее возвращения; вдруг предстала пред него одна тень, одетая в скороходское платье, и докладывала, что Прозерпина прибыть изволила. Минуту спустя богиня сама входит в нынешнем французском платье, в шляпке с перьями и в прекрасных башмачках, которых тоненькие каблучки придавали ей вершка три росту. Бедный Плутон оледенел, увидя ее в сем наряде; мы сами несколько оторопели; некоторые из нас говорили очень тихо: «Конечно, она сошла с ума», а другие кричали во все горло: «Богиня еще прекраснее!» Но все с нетерпеливостью ожидали, чем все это кончится.

«Здравствуй, мой ангел! — сказала, подошед к своему мужу, Прозерпина и присела перед ним два раза. — Признайся, — продолжала она, — что я не без пользы возвратилась к тебе с того света! каково тебе кажется это платье, эта ческа, эта шляпка, эти высокенькие башмачки? Знаешь ли, что все это последней моды и взято из французских лавок?»

«Друг мой! — говорил, почти всхлипывая, бедный Плутон, — что тебе сделалось?.. здорова ли ты?.. Ах! я ведь говорил, что частая перемена воздуха может повредить мозговую перепонку. Любезная Прозерпина! опомнись, что ты! Ах, зачем ты ездила на тот проклятый свет! Я предчувствовал...»

«Как зачем? — перехватила речь его Прозерпина, — знаешь ли ты, что я там в нынешнюю поездку выучилась петь и танцевать: посмотри, как чисто делаю я *аглинские па в контрдансе*».

В минуту подхватила она близ ее стоящего Сократа и принудила его пропрыгать с собою *аглинские прогулки*⁹. Диоген хохотал во все горло и говорил, что это прекрасная пара, а Плутон бесился и не знал, что делать; он шепнул тихонько Цицерону, не может ли он уговорить жену его отстать от таких дурачеств. Цицерон подошел к ней со всею важностию, достойною римского оратора и сенатора.

«А! здравствуй, дедушка, — сказала она ему, — послушай, мне есть до тебя маленькая просьба, и мне ужасно хочется, чтоб ты ее исполнил: напиши, пожалуй, похвальную речь французским торговкам; ты не поверишь, как я и они будем тебя благодарить. Твои *филиппические речи* стоили тебе головы¹⁰, а за эту речь, о которой красоте я уверена, подарю я тебя последней моды *фраком и аглинским гарнитуром пряжек*. Признайся, что это очень щедрая плата».

«Богиня! — сказал Цицерон, — могу ли я верить своим глазам, чтоб ты, будучи бессмертна, пленилась дурочествами существ, которые едва живыми назваться могут?»

«О! ты скучишь своими нравоучениями, жизнь моя, — отвечала Прозерпина, — оставь их. Знаешь ли, что ты был бы истерпим в нынешнем свете и разве одними твоими острыми словами мог бы сыскать благосклонность у женщин, которые ныне решат судьбу ученых людей».

«Богиня, — говорил Цицерон, — сия вредная язва не разорила ли и мое отечество? Ах! я бы лучше желал еще шесть раз быть из него изгнан и двадцать раз быть удушен, по приказанию новых Антониев, нежели видеть такую странную перемену».

«Ты не поверишь, — отвечала Прозерпина, — в каком совершенстве ныне Италия! Правда, ты не найдешь там ни одного Катона, ни Юлия, ни Брута, ни древнего Тарквиния; но, если б ты знал, как там хорошо сочиняют оперы *буффо*¹¹, то бы ты сделался театральным *буффоном*¹². — Жизнь моя! — продолжала она, оборотясь к Плутону, который смотрел на нее, вытараща глаза, — сделай милость, заведи здесь оперный театр; я на себя беру выписать актеров, музыкантов и хороших капельмейстеров».

«Богиня! — вскричал с сердцем Плутон, — ты, наконец, досаждаешь мне своими вздорными предложениями и сама не знаешь, что хочешь делать».

«Выбрить тебе бороду, радость моя, — отвечала с нежностью Прозерпина, — и нарядить тебя во французский кафтан. Ах! ты не поверишь, как прекрасны нынешние мужчины с выбритыми бородами; я видела своими глазами целые города, наполненные Нарциссами и Адонисами¹³, и уверена, что ты с выбритою бородою так же прекрасен

будешь, как Ганимед¹⁴; прибавь же к тому французский кафтан, тупей *алакроше*¹⁵, модные пряжки и щегольскую французскую шпагу. О! мужчины так стали хитры, что умели сделать прелестными в глазах женщин и шпаги свои. Ты не увидишь более тех старинных саблиц, которые весом тянули столько же, сколько те, которые их носили, но увидишь маленькие прекрасные шпажки, которые, ничуть не ужасая, делают только украшение и включены в число *галантерейных* вещей. Да, в число *галантерейных* вещей! Лучшие шпаги и лучшие тросточки продаются в аглинских магазинах».

Представь, мудрый Маликульмульк, каково было для нас видеть такое сумасбродство! Радамант, Эак и Минос¹⁶ жаллись как можно более, желая сохранить судейскую важность и чтоб не треснуть от смеха; сам Плутон половину плакал и половину смеялся; однакож ничем не мог уговорить Прозерпину, чтоб скинула она свое *фуру*¹⁷, а особливо, чтоб испортила прическу своей головы. «Как! — говорила она, — я буду ходить с растрепанными волосами в такое время, когда последняя театральная девка имеет у себя французского парикмахера! Нет, если ты хочешь, чтоб я осталась здесь, то неотменно выпиши мне парикмахера, портного и купца с *галантерейными* вещами, а без того я в сию же минуту еду в Париж».

Плутон морщился, сердился, смеялся, но, наконец, должен был согласиться на ее требование.

Кого же бы, ты думал, выбрали доставить таких надобных людей?.. Меня, ученый Маликульмульк! Поздравь меня с должностию модного поверенного Прозерпины. Я скоро еду набирать лучших искусников. Весь ад теперь в смятении от этой перемены, и я скоро, может быть, уведомяю тебя, чем это кончится.

ПИСЬМО II

От сильфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку

Два дни тому назад, мудрый и ученый Маликульмульк, как поутру очень рано пролетал я чрез Париж, где, рано взлетев на самый верх одной колокольни, сел там на

несколько времени для отдохновения, ибо я тогда чрезвычайно устал, облетев менее нежели в двенадцать часов около пятисот миль, и притом еще должен был столько же пролететь до того места, куда предпринял я свое путешествие. Сидя наверху сей колокольни, обозревал я обширное пространство всего города, и тогда пришла мне в голову та же мысль, которая заставила некогда Ксеркса проливать слезы. «Когда я помышляю, — говорил сей монарх, — осматривая свои войска, — сколь кратка жизнь человеческая, тогда прихожу в крайнее смущение от соблазна и не могу от слез воздержаться, что из сих многих миллионов людей, стоящих теперь пред моими глазами, чрез сто лет ни одного в живых не останется». — «Ежели бы все люди, — говорил я сам в себе, — обитающие в сем городе, помышляли о своей плачевной участи и о конце своей жизни, которого вскоре ожидать они должны, то, без всякого сомнения, скоро вышли бы они из своего заблуждения и оставили бы все суетные свои попечения, которыми непрестанно себя занимают. К чему служат все труды, приемлемые сими несчастными? Вместо того, чтоб наслаждаться немногими минутами их жизни, над коими они суть совершенные властители, они изнуряют себя великими трудами, потеют и мучатся для приобретения благополучия в такое время, которого никогда они не увидят и кое совсем не для них предоставлено. Они тогда престают существовать на сем свете, когда думают начинать только наслаждаться исполнением своих предприятий».

Алчные и корыстолюбивые купцы, которые день и ночь обременяют себя труднейшими заботами о своей торговле и которые здоровьем своим и покоем жертвуют ненасытному желанию собрать богатое имение, умрут прежде, нежели удовольствуют свое желание, а чрез то более будут чувствовать скорбь и сокрушение, что во всю жизнь свою бесполезно трудились; если же и случатся между ими таковые, которые прежде своей смерти удовлетворят свою алчность, то и для тех то время, в которое будут они наслаждаться сими сокровищами, приобретенными с толикими трудами и беспокойством, покажется столь коротко, что ни к чему более не послужит, как к приумножению их мучений, возбуждая в них большее сожаление о лишении

богатого своего имущества, коим столь маловременно они наслаждались.

Человек, который видит себя лежащего на одре смертном, тем более несчастлив, что с изнурением своего здоровья приобрел богатство и что не во всю жизнь свою находился в бедности; ибо, оставляя сей свет, [чем мнее в нем теряет]¹⁸, тем меньше о нем сокрушается. Лудовик XIV, умирая, лишился с жизнью государства. Герцог теряет менее, нежели государь; купец бедный теряет меньше, нежели богатый. Бедность есть такая вещь, которая всего способнее может произвести философов. Человек, обладающий богатым именем, редко захочет преподавать другим нравственные наставления. Сенека, быть может, один, а Эпиктетов найдется две тысячи¹⁹.

Ежели бы люди, мудрый и ученый Маликульмульк, устремляли некоторое внимание на бедность и низкость своего состояния, то постарались бы отвратить полезнейшими своими размышлениями те бедствия, которым подвергла их судьбина. Вместо того, что поступками своими унижают они свое состояние, которое учинилося уже совсем презренным, подражали бы они столько, сколько было бы им возможно, мудрым сильфам, кои единственно стараются только о том, чтоб исполнять и любить добродетель, и ожидают без страха и суетного желания того, что небо для них определило. Слабые человеки, будучи весьма отдалены от того, чтоб во всем поступать с благоразумием, все равно трудятся о учинении себя несчастнейшими. Кажется, что они со утешением умножают свои бедствия, кои по собственному их злоупотреблению присоединены к человеческой природе и коих горесть единые токмо философы услаждать умеют. Без сомнения, ты, мудрый Маликульмульк, много раз рассматривал те несчастья, которым подвержен весь род человеческий, но не знаю, заметил ли ты когда, что все люди, в каком бы состоянии ни были (выключая из того числа немногих только любомудров), суть равно несчастны в глазах истинного философа. Начнем сие исследование с государя.

Таковой государь, который, будучи окружен блистательным двором своим, единственно предается без всякой умеренности различным забавам, оставляя своим мини-

страм все попечение о своем государстве, может ли быть счастлив? Равным образом и тот, который для удовольствования непомерного своего честолюбия разоряет свое государство и приводит в крайнюю погибель своих подданных, не может назваться благополучным. Таковые государи, предающиеся страстям своим, сами чувствуют, сколько поступки их противны истинной чести, целомудрию и человеколюбию; ибо такова есть участь всех людей, поработанных порокам: что бы они ни делали, однакож не могут толико быть ослеплены, чтоб иногда тлеющая искра их совести не представляла им от времени до времени страшной истины. Некто из ученых мужей справедливо сказал, что совесть может быть закрыта завесою, потому что она не бог, но что она никак не может совсем истребиться, потому что происходит от самого бога. Преступник, сколько бы ни старался и сколько бы ни прибегал ко всем способам, могущим совершенно успокоить его смущение, однакож никогда до того не достигнет, ибо внутренние угрызения совести, подобно тем хищным птицам, которые по баснословию терзали грудь Промефееву, непрестанно сыскивают свою пищу, и сердце, терзаемое ими, во всякое время претерпевает несноснейшие мучения. Великие и малые люди равно бывают подвержены внутреннему угрызению своей совести, коль скоро сделаются преступниками.

В каком бы состоянии человек ни был и какое бы лице ни представлял, но ничто не может его избавить от терзания возмущенной совести: повсюду, где нет истинной добродетели, порок обитает, а с ним купно и внутренние угрызения, всегда за ним последующие. Тщетно порочный государь мыслит под защитою своего самодержавства успокоить страх свой, который посреди величества его, славы и беспечности повсюду за ним следует и непрестанно его мучит и терзает до самого того времени, когда лишится он жизни, а вместе с оною и пышных своих забав, смешанных со многими скорбями и мучениями. Мудрый философ может ли почесть благополучною столь неспокойною и бедственную участь?

От государя обратимся к придворному. Какое его состояние? Он есть невольник, посящий на себе золотые

оковы! Под пышною наружностью суетного величества он сокрывает тигостные попечения и несноснейшие скорби. Сколько таких придворных, которые в жизни своей не проводят почти ни одного дня, не будучи терзаемы честолюбием, желанием приумножить свое могущество и страхом лишиться милости своего государя? Можно ли таковую жизнь почесть счастливою, в которой надлежит быть непрестанно в мучительном беспокойстве и в недоверчивости ко всем тем, с коими имеешь обхождение, льстить своим неприятелям, не иметь ни одного истинного друга и во всем поступать по своенравию и по прихотям другого человека? Наконец, после столь мучительной и беспокойной жизни постигает смерть, которая стремительно разрушает все принятые меры, делает бесполезными все усиленные старания и оставляет единое токмо прискорбие, что в толиком злоупотреблении препровождаемы были краткие дни его жизни, которую прожил он, будучи всегда невольником, когда мог бы наслаждаться спокойною свободою. Нужно ли было родиться на свет единственно для того, чтоб играть столь мучительную ролю в своей жизни, которая кончится столь скоропостижно?

Здесьние духовные особы не могут почесться ни благополучнее, ниже спокойнее светских. Они приносят к подножию жертвенника терзающее их честолюбие. Они непрестанно помышляют о приумножении своего богатства. Скупость есть порок, свойственный большей части французских духовных. Надменный прелат всегда бывает смущен, печален и задумчив, но что б такое могло возмущать его блаженство? Он хочет быть архиепископом! Когда поступает он в сие достоинство, то и тогда кажется столько же печален, ибо желает кардинальства; потом получает кардинальскую шапку, но беспокойства его не уменьшаются, потому что думает быть папою. Наконец, не избавившись от сердечного сокрушения, он умирает с сожалением, что не мог удовлетворить всех своих желаний. Сто тысяч ливров годового дохода и пышные титулы *преимущества* и *высокомочия* не могли учинить его благополучным, и со всем его богатством он был беднее крестьянина, живущего при умеренности спокойным и довольным в своей хижине.

Деревенский священник ропщет непрестанно на свою судьбину и жалуется, что ему жить нечем. Чрез несколько времени получает он богатый приход, оставляет деревню и переселяется в город. Ужели он сим удовольствован? Нет! он хочет быть настоятелем; потом получает и сие достоинство, однакож желание еще не удовольствовано, ибо, чем более он возвышается и чем больше доход его возрастает, тем больше алчность его приемлет новые силы. Ежели бы он подобно тому кардиналу достиг до ближайшей степени к папскому достоинству, то и тогда не был бы доволен; если бы поступил он и еще далее, хотя бы сделали его папою, то и в то время доходы его казались бы ему умеренными.

Вот сколь велико человеческое ослепление, мудрый и ученый Маликульмульк! Они бросаются непрестанно от одного состояния к другому и во всех сих различных переменях не менее суть несчастны, поелику ищут они своего удовольствия в вещах суетных, скоропреходящих и неосновательных, а потому вместо истинного блаженства ничего другого не находят, кроме непостоянства, скуки, зависти, преступления и внутреннего угрызения, которое повсюду за ними следует.

Истинное и ни с чем несравненное блаженство состоит в любви к добродетели и в собственном спокойствии духа. Кто твердо уверен в сей истине, для соблюдения которой во всем поступает по мудрым и нужным правилам, тот совершенно благополучен и провождает жизнь без смущения и беспокойства; не страшится смерти и ее не желает, но ожидает спокойно всего того, что небо ему предопределит с его жизнью, ведая, что когда она кончится на здешнем свете, тогда наступит другая, чистейшая и светлейшая, и что сия будущая, совершенно блаженная жизнь будет наградою за мудрое поведение на сем свете.

Люди должны бы были непрестанно помышлять о двух вещах: во-первых, о краткости здешней жизни, а во-вторых, о бесконечном продолжении будущей. Тогда не предались бы они безумным помышлениям, причиняющим им несносные мучения, тогда сказали бы они сами себе: «Как! для приобретения вечного блаженства предоставлено нам трудиться несколько только минут, а мы расточаем

сии счастливые минуты в суетных желаниях и в предприятиях, которые тогда же исчезают, когда исполняются! Будем лучше помышлять о доставлении себе вечного жилища и не будем напрасно терять сих минут, от употребления коих зависит наше бесконечное блаженство».

П И С Ъ М О I V

От сальфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку

Когда я размышляю, мудрый и ученый Маликульмульк, о поведении большей части людей нынешнего света, то признаюсь, что не только извиняю, но даже хвалю поступки и образ мыслей людей, которым дают название *мизантропов* *. Все то, чем их упрекают, есть некоторым образом хвала их добродетели. Какой смертный, следующий путем истины, не возгнушается тех гнусных страстей и пороков, коими свет сей преисполнен? Возможно ли, чтобы сие не учинило его суровым, унылым и задумчивым? Напрасно думают, будто люди всегда и во всякое время были одинаковы. Я утверждаю, что слабые смертные никогда не были столь глупы, безумны, порочны и столь достойны сожаления, как ныне. Весьма нужно, чтобы в каждом государстве поболее было сих мизантропов, дабы люди могли пользоваться наставлениями, упреками и колкими насмешками сих угрюмых философов.

Так, мудрый и ученый Маликульмульк, я весьма в том уверен, что ничто не может быть столь полезно для благосостояния общества, как великое число сих мизантропов: я почитаю их за наставников и учителей рода человеческого. Одна половина света, занимаясь безделками, повержена ныне в совершенное ребячество, а другая одержима бешенством! Итак, должно поступать с людьми или как с младенцами, или как с бешеными. Обыкновенные философы, мудрецы и ученые не могут более быть их путеводителями; все их премудрые поучения не сделают никакого впечатления над развращенными их умами. Надле-

---

* *Мизантроп* — нелюдим, или человеконенавидец ²⁰.

жит употребить на сие гораздо строжайших наставников, — одним словом, таких, каковы мизантропы.

Возмогут ли все наставления Сенеки и Эпиктета произвести какое действие над глупою головою петиметра? Сделают ли они его разумнейшим? Заставят ли быть полезным обществу и не принимать более на себя тех смешных телодвижений и ужимок, чрез кои уподобляется он обезьяне? Без сомнения, все речи сих великих философов останутся безуспешны. Тщетно будут они прославлять пред ним добродетель и описывать всю гнусность пороков: он, насмехаясь как им самим, так и их словам, вместо ответа сделает, может быть, несколько странных прыжков или пропоет какую песенку из новой оперы. Но мизантроп, привыкший не обвиняясь говорить истину, есть человек, могущий заставить сего шалуна войти в самого себя. «Поступки твои, — скажет он ему, — забавляют меня несколько минут, но, наконец, становятся неспособны. Признаюсь, что ты очень забавен, и я не могу смотреть на тебя без смеха, однакож напоследок ты чрезмерно наскучишь. Хочешь ли, — скажет он ему, продолжая свою речь, — чтоб я говорил с тобою чистосердечно? Мне весьма удивительно, что по сих пор ты и тебе подобные не предложили еще правительству, дабы учреждено было особое собрание, где вознаграждались бы все модные ваши дурачества. Я уверен, что тогда был бы ты из числа первейших, могущих льститься восчувствовать на себе опыт сего столь благоустроенного заведения; потому наиболее, что нет никого даже и из твоих сотоварищей, кто бы мог с таким искусством, как ты, делать страннейшие телодвижения, шаркать ногами, кривлять рот, обращать по-модному глаза, болтать то, чего сам не понимаешь, смеяться без намерения, печалиться без причины и лгать с таким уверительным видом и смелостию, как другой говорит правду».

Сии язвительные шутки, мудрый и ученый Маликульмульк, произнесенные с насмешливым видом такого человека, каков мизантроп, делают больше впечатления и более поражают сердца, нежели наилучшие философические речи. Все сочинители нравочений и все проповедники не змогли еще отвлечь ни одного петиметра от его

глупостей; напротив того, *Мизантроп* Молиеров более сделал добра Франции, нежели проповеди Бурдаловы и прочих ему подобных проповедников. Итак, когда простой список произвел столь много пользы, то что должно ожидать от подлинника?

Врожденное людям самолюбие управляет с самого почти младенчества всеми их деяниями. Нельзя сыскать лучшего средства к исправлению их погрешностей, как изобразя гнусность тех пороков, коим они поработаны, обращать их в насмешку, а чрез то уязвлять сродное каждому человеку тщеславие. Никто не может исполнить сие с лучшим успехом, как мизантроп; следовательно, нет человека, который столько бы полезен был обществу, как он.

Когда я взираю на сих людей, кои, не беспокоясь нисколько о том, что будут об них говорить, не опасаясь злобы и ненависти своих сограждан, с презрением и смело осуждают все то, что видят в них худого, — тогда кажется мне, будто вижу врачей, окруженных множеством больных, кои, видя, что не хотят они пользоваться обыкновенными способами, принуждены бывают для спасения их жизни дать им против воли лекарства, хотя поистине не весьма вкусные, но способные восстановить их здоровье.

Пусть осуждают, сколько хотят, грубость и странные, по мнению некоторых людей, поступки мизантропов, я буду всегда утверждать, что почти невозможно быть совершенно честным человеком, не быв несколько им подобным. Неужели должен я почитать за добродетель подлое ласкательство придворного, готового всегда ублажать не только слабости своего государя, но даже и тех людей, от кого он надеется получить какое благодеяние? Достоин ли моей похвалы тот французский аббат, который, желая списать благосклонность своего епископа, превозносит до небес его глупости, который хвалит в нем добродетели, коих он никогда не имел, и который расточительность его называет нелюбостыжанием, невежество — простосердечием, а злость и суеверие — священной ревностию? Нет, премудрый Маликульмульк, я чувствую, что неприличность сих гнусных нравов возмущает мою душу, и потому стократно более предпочитаю сим подлым льстецам мизантропа,

человека угрюмого, нетерпеливого и бешеного, буде хотят, чтоб я его так назвал, но коего сердце наполнило притом справедливостию, чистосердечием, добродетелию и который неспособен ни лгать, ни притворяться.

Если бы при дворах государей находилось некоторое число мизантропов, то какое счастье последовало бы тогда для всего народа! Каждый государь, внимая гласу их, познавал бы тотчас истину. Один мизантроп истребил бы в минуту все те злодеяния, кои пятьдесят льстецов в продолжение целого месяца причинили. Министры, судьи, вельможи, одним словом, все те, коим вверено благосостояние народное, трепетали бы при едином названии мизантропа. «Надлежит исполнить, — сказали бы они, — со всевозможною ревностию возложенные на нас должности. Ничто не может остановить сего ужасного предвозвестника истины. Скоро глас его раздастся повсюду и, достигнув престола, известит государя о всех тайных наших делах. Если не ужасаемся мы оскорблять истину и добродетель, то да страшимся, по крайней мере, необузданного языка мизантропова, и когда пристрастия и пороки усыпили уже нашу совесть, то надлежит, по крайней мере, стараться, чтоб не подозревал он ни в чем нашей честности».

Мизантроп не только может споспешествовать пользе народной, но и благосостоянию самого государя: он научал бы своим примером как придворных, так и подданных, что усердие и ревностные услуги должны быть оказываемы единственно государю, а не его вельможам. Я помню, что читал некогда прекрасное описание мизантропа, паходившегося в службе Людовика XIII. Сей человек, имея при дворе немалый чин, не оказывал никогда ни малейшего почтения кардиналу Ришелье. «Я его не боюсь и не почитаю, — сказал он некогда, разговаривая о сем министре. — Я служу королю; ревность и усердие мое оказываю только одному ему; а в прочем мало беспокоюсь, любит ли меня кто или ненавидит». Сии слова привели в великое удивление кардинала: он велел сказать сему мизантропу, что если он один только раз скажет ему: «Господин кардинал, я ваш покорнейший слуга и прошу вашего покровительства», то постарается он снискать ему счастье и навсегда останется его другом. На сие предложение мизантроп

ответствовал, что он служит королю, а не господину кардиналу и что не имеет нужды ни в чьем покровительстве, кроме своего государя. Что ж касается до дружбы сего министра, то он столько ею не уважает, что если б король приказал ему убить господина кардинала, то не преминул бы он в четверть часа исполнить сие повеление. Один только мизантроп может иметь столь бескорыстные и столь преданные к своему государю чувствования. Я повторяю еще, мудрый и ученый Маликульмульк, чтоб быть совершенно честным человеком, надлежит быть несколько подобным мизантропу.

Наконец, чрез название мизантропа не разумею я здесь того бешеного и неспособнейшего врага самому себе и всему роду человеческому, который ненавидит [людей]¹⁸ за то, что они люди. Я желаю, чтоб тот суровый и задумчивый мудрец, о коем я говорю, ненавидел только пороки, сожалел о порочных и чтоб, упрекая людей, зараженных оными, поставлял главнейшим своим предметом их исправление. Между мизантропом, коего писал Молиер, и тем бешеным афинянином, о котором Плутарх нас уведомляет, находится величайшее различие. Весьма несвойственно приписали Тимону название *мизантропа*; надлежало бы лучше назвать его *лютым зверем* или *разъяренным медведем*. Должно ли почитать человеком того, который был свирепее льва и кровожаднее тигра? Сей изверг человечества, о котором я говорю, жил один в загородном своем доме близ города Афин, где не имел ни с кем больше знакомства, кроме одного только Алкивиада. Когда вопрошали его, почему, ненавидя вообще всех людей, предпочел он сего молодого грека прочим людям, то отвечивал он на сие следующее: «Я люблю и имею знакомство с Алкивиадом для того, что предвижу заранее те бедствия, которые причинит он некогда всей республике. Не думайте, чтобы дружество меня с ним соединило: нет! меня прельщает только тот огонь, которым от него вся Греция воспыласт».

Ненависть Тимонова к своим соотчикам простиралась до такой крайности, что всякое зло, им причиненное, приводило его в восхищение. Рассказывают, что в саду загородного его дома было несколько деревьев, на которых отчаянные люди оканчивали обыкновенно дни свои удав-

кою. Он, имея намерение вырубить сии деревья, дабы на том месте построить некоторое здание, пошел прежде в Афины, где созвал весь народ на большую площадь. Греки, пораженные необычайным сим созывом, бежали туда толпами, однакож весьма худо награждены были за свое любопытство. Тимон уведомил их, что он заблаговременно чрез несколько дней срубить деревья, находящиеся у него в саду, и для того заблаговременно дает знать, буде кто имеет желание удавиться, то чтоб не теряли времени. После сей прекрасной и трогательной речи распустил он своих слушателей. По моему мнению, весьма бы хорошо сделали, если б сего красноречивого оратора убили они в ту ж минуту камнями.

Сих извергов человечества надлежит истреблять со всевозможною поспешностию, опасаясь, дабы яд пагубных их предрассудков не повредил людей, наклонных и без того более ко злу, нежели к добродетели. Каких следствий долженствовала ожидать Греция от учрежденной там цинической секты²¹? Итак, когда нашлись столь глупые и столь безумные люди, кои при глазах целого народа не стыдились отправлять бесчиннейшие деяния, то легко может также случиться, что соберется когда-нибудь скопище подобных Тимону бешеных людей, кои, объявляя себя явно смертельными врагами человеческого рода, увещевать будут всякого с ними встречающегося, дабы он без дальнего размышления как возможно скорее удавился.

Я думаю, ты согласишься со мною, мудрый и ученый Маликульмульк, что афиняне весьма бы благоразумно поступили, если бы они наказали смертью Тимона за дерзновенную его речь. Кажется мне, что довольно уже я изъяснил, какое великое различие находится между сим беснующимся и мизантропом: один ненавидел людей, а другой ненавидел только их пороки. Наконец, остается нам желать, премудрый Маликульмульк, чтоб небо ниспослало людям друга, такого мудрого мизантропа, который, уличая их в погрешностях, побуждал бы чрез то к исправлению оных.

ПИСЬМО VIII

От сальфа Световида к волшебнику Маликульмульку

Когда воображаю я, мудрый и ученый Маликульмульк, что человек ничем другим не отличается столько от прочих творений, как великостию своей души, приобретаемыми познаниями и употреблением в пользу тех дарований, коими небо его одарило, тогда, обратя взор мой на жилище смертных, с сожалением вижу, что поверхность обитаемого ими земного шара удручается множеством таких людей, коих бытие как для них самих, так и для общества совершенно бесполезно и кои не только не вмещают в бесчестие слыть тунсядцами, но по странному некоему предубеждению почитают праздною, презрение наук и невежество наилучшими доказательствами превосходства человеческого.

Деревенский дворянин, который провождает всю свою жизнь, гоняясь целую неделю по полям с собаками, а по воскресным дням — напиваясь пьян с приходским своим священником, почел бы обеспеченным благородство древней своей фамилии, если б занялся когда чтением какой нравоучительной книги, ибо с великим трудом едва научился он разбирать и календарные знаки. Науки почитает он совсем несвойственным для благородных людей упражнением; главнейшее же их преимущество составляет в том, чтоб повторять часто с надменностию сии слова: *мои деревни, мои крестьяне, мои собаки* и прочее, сему подобное. Он думает, что исполняет тогда совершенно долг дворянина, когда, целый день гоняясь за зайцами, возвращается к вечеру домой и рассказывает с восторгом о тех неисповедимых чудесах, которые наделали в тот день любимые его собаки; словом, ежедневное его упражнение состоит в том, что он пьет, ест, спит и ездит с собаками.

Дворянин, живущий в городе и следующий по стопам нынешних модных вертопрахов, не лучше рассуждает о науках: хотя и не презирает он их совершенно, однакож почитает за вздорные и совсем за бесполезные познания. «Неужели, — говорит он, — должен я ломать голову, ванимаясь сими глупостями, которые не принесут мне

никакой прибыли? К чему полезна философия? — Ни к чему более, как только что упражняющихся в оной глупцов претворяет в совершенных дураков. Разбогатели хотя один ученый от своей учености? Наслаждается ли он лучшим здоровьем, нежели прочие? — Совсем нет! Ученые и философы таскаются иногда по миру; они подвержены многим болезням по причине чрезмерного их прилежания; зарывшись в книгах, провождают они целые дни безвыходно в своих кабинетах и, наконец, после тяжких трудов, живучи во всю свою жизнь в бедности, умирают таковыми же. Куда какое завидное состояние! Поистине, надобно сойтить с ума, чтоб им последовать. Пусть господа ученые насыщают желудки свои зелеными лаврами и утоляют жажду струями Иппокрены²²; что до меня касается, я не привык к их ученой пище. Стол, уставленный множеством блюд с хорошим кушаньем, и несколько бутылок бургонского вина несравненно для меня приятнее. Встав из-за стола, спешу я, как наискорее заняться другими веселостями: лечу на бал, иногда бегу в театр, после в маскарад; и во всех сих местах пою, танцую, резвлюсь, кричу и всеми силами стараюсь, чтобы, ни о чем не помышляя, упражняться единственно в забавах».

Вот, премудрый Маликульмульк, каким образом рассуждает о науках большая часть дворян. Сколь достойны они сожаления! Если б сии ослепленные глупым предрассуждением тунеядцы могли когда почувствовать сие сладчайшее удовольствие, сие тайное восхищение, которое люди, упражняющиеся в науках, ощущают, то перестали бы взирать на них, как на несчастных, лишенных в жизни сей всякого утешения. Науки суть светила, просвещающие души; человек, объятый мраком невежества, во сто раз слепее того, который лишен зрения от самого своего рождения. Гомер хотя и не имел глаз, однакож все видел: завеса, скрывающая от него вселенную, была пред ним открыта, и разум его проникал даже во внутренность самого ада.

Если дворяне, праздно живущие в деревнях и следующие модам нынешнего света, будучи предубеждены в пользу своего невежества, мыслят столь низко и столь несвойственно с званием своим о науках, то и служащие

в военной службе иногда подвержены бывают равному заблуждению. Жизнь сих людей в мирное время протекает в различных шалостях* и совершенной праздности: биллиард, карты, пуш и волокитство за пригожими женщинами — вот лучшее упражнение большей части офицеров. Ученый человек в глазах их не что иное, как дурак, поставляющий в том только свое благополучие, чтоб перебирать беспрестанно множество сшитых и склеенных лоскутков бумаги. «Какое удовольствие, — говорят они, — сидеть запершись одному в кабинете, как медведю в своей берлоге? Зрение наслаждается ли таким же удовольствием при рассматривании библиотеки, как и при вззрении на прелести пригожей женщины? Вкус может ли равно удоволствован быть чтением книг, как шампанским и бургонским вином? Осязание бумаги с такою ли приятностию поражает наши чувства, как прикосновение к нежной руке какой красавицы? Слух равное ли ощущает удовольствие от звука ударяющихся математических инструментов, как от приятного согласия оперного оркестра? Чернила и песок такое же ли испускают благовоние, как душистая наша пудра и помада? Какую скучную жизнь провозждают ученые! Возможно ли, чтобы человек для приобретения совсем бесполезных в общжитии знаний жертвовал для них своим покоем и веселостями».

Так рассуждает пустоголовый офицер, превозносящийся своим невежеством. Равным образом и сластолюбивый богач, пользуясь оставшимся после отца награбленным именем и получая пятнадцать тысяч рублей ежегодного дохода, нимало не помышляет о науках. Роскошь и нега в такое привели его расслабление, что потерял он почти совсем привычку действовать не только разумом, но и своими членами. Препровождая во сне большую часть дня, едва лишь только откроет он глаза, то входят к нему в спальню три или четыре камердинера, кои, вытащив его из пуховиков, составляющих некоторый род гробницы, где ежедневно на двенадцать часов он сам себя погребает, обувают его, одевают и, наконец, сажают в большие кресла, на которых дожидается он спокойно обеденного времени.

* В издании 1802 г. ошибочно напечатано «жалостях». — *Ред.*

За столом просиживает он три или четыре часа и наполняет свой желудок тридцатью различными яствами, над приготовлением которых трудились во все утро пять или шесть поваров. После обеда садится он опять на прежнее место, где засыпает или забавляется рассказами нескольких блюдолизов, привлеченных в его дом приятным запахом его кухни. Потом подвозят ему великолепный экипаж; два лакея, подхватя под руки, сажают его в карету, с такою же трудностию, как бы несколько сильных извозчиков накладывали на телегу мраморную статую. В сем положении ездит он по городу до самого ужина; свежий воздух возобновляет в нем охоту к пище, и движение кареты способствует его желудку варить пищу, кою он во время обеда чрез меру был отягощен. Возвратясь домой, находит он у себя великолепный стол и, просидев за оным до полуночи, ложится опять спать. — Вот точное описание повседневных упражнений роскошного сластолюбца. Итак, если во всю свою жизнь ничего он более не делал, как только спал или подобно расслабленному пребывал в бездействии, то можно ли будет сказать после его смерти, что он когда-нибудь жил на свете?

Бесконечно бы было, мудрый и ученый Маликульмульк, если б начал я исчислять слабости или, яснее сказать, дурачества некоторой части земных обитателей; а скажу только, что глупое их против наук предубеждение заставляет меня думать, что на земле столь же мало людей, которые бы прямо могли называться людьми, сколь немного сыщется беспристрастных судей и некорыстолюбивых секретарей.

ПИСЬМО XVII

От гнома Зора к волшебнику Маликульмульку

Извини меня, любезный Маликульмульк, что я давно к тебе не писал; это не оттого, чтоб мне было нечего писать; но я столько занят делами и окружен столь многими предметами, что, не зная, за что приняться, впал в нерешимость и долго бы в ней пробыл, если бы мой молодой Припрыжкин не подал мне причины к размышлению,

которое выбило у меня на время из головы все другие предметы.

«Поздравь меня, любезный друг, — сказал мне Припрыжкин, — с исполнением трех главнейших моих желаний». — «Как! — вскричал я, — неужели ты оставил свет, собрал хорошую библиотеку и нажил себе искренних друзей?» — «Вот какой вздор! — отвечал он, — я никогда этого не желал, как только один раз в жизни, когда недавно проигрался и был без денег; о, тогда я был великий философ! Но, любезный друг! ты знаешь пынешний свет и нашу мягкую философию, которую и у лучшего нашего философа один рубль испортить в состоянии. Нет, у меня есть другие, гораздо основательнейшие желания, которые небу было угодно исполнить. Поздравь меня, любезный друг, — продолжал он, меня обнимая, — с тем, что я сыскал цуг лучших аглинских лошадей, прекрасную танцовщицу и невесту, а что еще более, так мне обещали прислать чрез несколько дней маленького прекрасного мопса; вот желания, которые давно уже занимали мое сердце! Представь, не благополучный ли я человек, когда буду видеть вокруг себя столько любезных вещей! Я умру от восхищения! — Прекрасный мопс! — Невеста! — Цуг лошадей! — Танцовщица! — О! я только между ими стану разделять свое сердце! Я принужу их, чтоб они все равно меня любили... и если не за других, то, конечно, за собачку, парирую тебе всем²³, что она будет меня любить, как родного своего брата».

Такое прекрасное начало в первый раз заставило меня узнать, каким образом здесь женятся, и я захотел получше разведать, что значит здешняя женитьба. «Поздравляю тебя, любезный друг, — сказал я ему, — с исполнением твоего желания, а более всего с невестою; я уверен, что ты не ошибся в твоём выборе». — «Конечно, — сказал он, — лошади самые лучшие аглинские!» — «И о твоей невесте говорю, — продолжал я, — не правда ли, что она разумна?» — «Уж, конечно; говорят, что лучше ее со вкусом никто не одевается». — «Без сомнения, она добродетельна?» — «В том я верю ее матери, которая говорит, что дочка ни в чем от нее не отстала; а эта барыня может служить примером в добродетели... Она вечно или переби-

рает свои четки на молитве, или бьет ими своих девок; а достальное время проводит в набожных разговорах наедине с своим учителем богословия». — «Я думаю, что она прекрасна?» — «О! что до этого, то я никому, кроме своих глаз, не поверю; но я еще не успел ее видеть». — «Как! — сказал я, — ты женишься и не знаешь своей невесты?.. Да чем же она тебе так нравится?» — «Тридцатью тысячами дохода, — отвечал он мне с восхищением, — неужели ты думаешь, что это шутка? Если мне танцовщица будет стоить и двадцать тысяч, то все еще у жены останется десять, к которым приложу мой доход мы можем с нею жить, делая честь нашему роду. Что же ты смотришь на меня, вытараща глаза? О! как можно в тебе узнать усидного дворянина²⁴! Я вижу, что тебе в диковинку такие свадьбы, а это оттого, что ты еще не знаешь модного общежития; будь же свидетелем моей женитьбы и приучайся к правилам света». После сего подхватил он меня в свою карету, и мы поехали с ним в ряды²⁵ для закуски к свадьбе ему уборов.

Купцы наперекор просили нас в свои лавки и кричали, что у них есть самые дорогие товары; некоторые, правда, говорили, что у них есть лучшие, но у таких простяков, как я заметил, покупали очень мало. «Друг мой, — сказал я одному из сих купцов, — скажи мне, неужели здесь товары не потому выбираются, что они лучше, а потому, что дороже? То правда, что лучшие должны быть дороже; но я примечаю, что это у вас редко вместе встречается».

«Государь мой! — отвечал мне купец, — будьте уверены, что я имею все должное почтение к таким господам, как вы и его сиятельство г. Припрыжкин, и я бы думал обидеть его милость, если бы показывал ему лучшие товары, а не те, которые дороже; да и он, конечно, сочтя меня за невежу, пошел бы искать товаров в другие лавки. Были, правда, здесь варварские времена, когда у нас спрашивали лучшего, но просвещение переменяло такие грубые нравы, и мы ныне нередко берем за серебро обыкновенную цену, по 24 копейки и менее за золотник; а за такой же золотник стали платят нам по 120 рублей. За шелк берем мы самую умеренную цену, а за связку соломы²⁶ недавно брали по 400 и по 500 рублей; но, по

несчастью, наши барыни недолго пользовались приятною вольностью платить за солому дорогую цену, и мы принуждены были поровнять ее ценою не более, как с лучшей золотою парчею. Мы были бы в отчаянии, если бы дорогая пона стали не утешила нас в умеренной прибыли от соломы. Вот сударь, — продолжал он, показывая мне, — стальной аглинский эфес, который стоит 110 рублей».

«Я тебе сию минуту плачу за него деньги, — сказал я, — но скажи мне, чего он в самой вещи стоит?» — «Я боюсь, — говорил купец, — что он из самой лучшей аглинской стали; железа тут не более, как на 9 коп. Работа агличанам, может быть, стоит не больше полфунта стерлингов или два крона, что на здешние деньги сделает 2 рубля 20 копеек *. 52 рубля 80 коп. мы даем им прибыли; а достальные 55 рублей я имею честь брать с своих просвещенных земляков». — «Этого бесчеловечнее ничего быть не может!» — вскричал я. «Не угодно ли, сударь, — говорил купец, — посмотреть еще аглинских стальных цепочек, женских поясных и шляпных пряжек и шляпных петель; будьте уверены, что я уступлю вам за самую сходную цену». — «Что стоит эта цепочка?» — спрашивал я, указывая на одну, подлинно изрядно сделанную. «Последнее слово — 230 рублей, — отвечал купец. — Я не говорю о настоящей ее цене, — продолжал он, — она вам известна; но я уверен, что это не помешает вам купить так хорошо выработанную вещь».

Чтобы сдержать мое слово, я заплатил ему за три золотника стали 230 рублей. «Но скажи мне, — говорил я купцу, — неужели это не делает вреда государству и какую может приносить ему пользу?» — «Польза очень не мала, сударь, — отвечал купец, — во-первых, нас почитают богатыми, потому что мы за безделицы платим дорого; вкус наш в великой славе, потому что такие прекрасные вещи нигде так не расходятся, как здесь; наши

---

* Деньги той земли привел я в здешние российские, чтобы их названием не открыть такой странной земли; а я за долг почтительно умалчиваю о народе, которого гном Зор в письме своем описывает; да и не верю, чтобы мог где быть такой безрассудный, который бы за сталь платил в 60 раз дороже золота. Впрочем, уверяю читателя, что в сравнении денег ни одною полушкою не ошибся.

знатные господа, бывши одеты с ног до головы в такие драгоценности, подают великое мнение иностранным о своей знаменитости... Вот, сударь, пользы от дорогих товаров... Правда, есть также и вред, но он почти неприметен, и об нем не для чего думать. Эта безделица, сударь, вся состоит только в том, что наши мужики иногда умирают с голоду и в городах всему необходимому великая дороговизна». — «Ты шутишь, — сказал я, — неужели такие безделицы, каковы аглинские цепочки, пряжки, пуговицы, петли, или такие мелочи, каковы французские соломенные шляпки, блаженной памяти соломенные накладки и прочие подобные сим вздоры, могут принести такой вред государству? Пожалуй, мне это растолкуй».

«А вот, сударь, — продолжал купец, — между тем как ваш приятель покупает у моего сидельца нужные для него товары, я вам в коротких словах об этом расскажу. Например, его сиятельство г. Припрыжкин вздумал жениться; ему неотменно надобно к свадьбе множество таких мелочей; деньги на них он должен брать с своих 4 000 душ крестьян; в одну минуту посылает он приказ собрать с них к будущему году 80 000 рублей. Мужики, получа такое строгое повеление и не надеясь одним хлебопашеством доставить своему господину такую сумму, оставляют свои селения и бредут в города, где обыкновенно более можно выработать денег; вместо сохи и бороны берут они лопаты и топоры, становятся каменщиками, плотниками или разносчиками²⁷; днем работают, а по ночам, чтоб лучше собрать свой оброк, взыскивают его с прохожих. Город, вместо того чтоб получать от них хлеб, должен бывает сам их кормить и сверх того еще платить им деньги. От таких-то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымещать это на ремесленниках, ремесленники — на купцах, купцы — на господах, а господа опять принимаются за своих крестьян. К концу года крестьяне возвращаются в свои жилища с деньгами, отдают 80 000 рублей господину, а на достальные 10 000 рублей посылают в город купить себе хлеба, которого им становится мало до будущего года. Итак, города терпят недостаток, деревни — голод, граждане — дороговизну, а его сиятельство остается при новомодных галантерейных

вещах и празднует несколько дней великолепно свадьбу с своею почтенною невестою, которая с своей стороны щежеством такую же приносит пользу государству».

Между тем г. Припрыжкин кончил торг с сидельцем моего красная и, отсчитав ему 6 000 рублей за такие прекрасные товары, радовался, что заплатил дорожке всех за свою покупку. Надобно думать, что и невеста не менее делала приготовлений.

На другой день после сего у невесты в доме был бал, где было такое же собрание, о котором я тебя раз уведомлял²⁸, с тою только разностию, что тут были без масок и не платили денег. Невеста и жених, в первый раз увидевшись, чрез десять минут сделались так коротки, как будто были уже десять лет обвенчаны. Ему позволяли некоторые вольности жениха, но я заметил, что не один он пользовался таким правом. Неотказа (так называлась молодая невеста) была так благосклонна ко всем мужчинам, что, казалось, будто она за всех за них выходит замуж. С своей стороны и Припрыжкин ей не уступал; он всякую женщину почитал своею невестою, и всякая женщина была так к нему снисходительна, что почитала его своим женихом или еще и более. Я заметил, между прочим, что мать невестина, женщина пажобная, очень долго разговаривала у окна с будущим своим зятем с весьма важным видом. «Вот женщина умная, — сказал я сам в себе, — она, конечно, дает ему наставление в добродетели и в будущем хозяйстве». Но ты узнаешь скоро, любезный Маликульмулык, что я имел причины пенять себе в безвременно сделанной похвале сей старушке.

Прохаживаясь по залу, вздумалось мне хорошенько расспросить про здешнюю женитьбу, и для того зачал я разговор с одним, повидимому, постоянным и скромным гостем. Слова наши были наперед о мелочных вещах, как то о погоде (здесь очень часто начинаются преважные разговоры вопросом: какая на дворе погода? или: который бы, вы думали, час?); наконец я довел разговор до женитьбы. «Признаюсь, сударь, — говорил я ему, — что я очень радуюсь счастью моего приятеля Припрыжкина: женитьба есть такое утешение в жизни, что она отъемлет у человека половину горестей в оной. Как весело разделять время

с прекрасною и добродетельною женою, которой нравы во всем согласны с мужниными! Хорошая женщина — любезный товарищ в уединении, и наставления разумной красавицы скорее исправить могут, нежели десять скучных поучений какого-нибудь грубого старика; а основательному, но негибкому разуму мужчины не худо иметь себе в общежитии советником проницательный женский разум; и самые упреки из уст любимой женщины кажутся приятны».

«Из Америки или из Сибири изволили вы сюда прибыть? — спросил меня незнакомый. — Я очень любопытно желал бы услышать от вас о тамошних диких народах; по вашему вопросу мне кажется, что они еще не лишились своей невинности; видно, что письма о развращении их нравов, полученные мною, несправедливы».

«Государь мой, — отвечал я, — очень бы я рад удовольствовать ваше любопытство, но признаюсь, что я не был столь далеко отсюда, а приехал прямо из одной здешней провинции для покупки модных уборов моим родственникам; однакож, чтобы впредь не быть мне смешным такими вопросами, прошу вас, пожалуйста, расскажите мне, каким образом здесь почитается женитьба?»

«Очень просто, — отвечал он мне, — и это в коротких словах рассказать вам можно. У нас с женою так же поступают, как с платьем... Приходят в ветошный ряд, выбирают то, которое побогаче, платят за него деньги и относят домой; тогда-то уже увидят, что платье или не впору, или дурно сшито, и, усмотря свою ошибку, вешают его в гардероб, на место его выбирают другое и на него никогда уже не взглядывают, а только пишут его в реестре своем, хотя нередко камердинеры и знакомые им пользуются... Вот история женитьбы, с малою, однакож, разницею. Тот, кто хочет жениться, проведывает о невестах; к нему приходят и сказывают, что такая-то девушка приносит за собою в приданое 10 000 рублей доходу; часто не любопытствуя далее, он посылает к ее отцу сказать, что он, такого-то чина и стольких-то душ владетель, хочет на ней жениться. С обеих сторон справляются с великим прилежанием в истине сих уведомлений и потом начинают свадьбу; если же после, как то часто случается, ни жеща, ни муж друг другу не понравятся, то всякий

утешает себя, как может, и делают добровольно уговоры, чтоб не вступаться в некоторые безделицы, которые прежде сего мужей и жен краснеть заставляли. И таким образом муж, не сходясь с своею женою несколько лет, может надеяться быть не последним в своей фамилии, а жена имеет удовольствие приписывать своему мужу все домашние дела, которыми часто вертят комнатный служитель и человека четыре посторонних.

Дети, которые приписываются такому прекрасному супружеству, воспитываются с равною с обеих сторон прилежностью. Муж, не почитая это за свое дело, думает, что и того довольно с его стороны сделано, когда они носят его имя, а жена, видя, как мало думает о них тот, кто причиною их рождения, сама старается перещеголять его в нерадении; и такие-то прекрасные отрасли готовятся со временем занимать какие-нибудь важные места в государстве!»

Лишь только окончил он свою речь, как Припрыжкин, подошедши, отвел меня к стороне... «Доволен ли ты, любезный друг, своею будущею тещею?» — спросил я его. «Можно ли спрашивать меня об этом! — сказал он, — когда ты видишь, в каком я смущении; представь, что эта старая хрычовка в меня влюблена! и как видно, что старушка жалуется скорые решения, то, по ее словам, я очень ясно заключаю, что мне не видать ее дочери за собою до того времени, покуда...» — «О чем же ты думаешь? — вскричал я, — оставь эту старую фурию; неужели ты хочешь быть до такой степени развращен?»

«Вот какое дурачество! — сказал Припрыжкин, — чтоб я пожертвовал тридцатью тысячами дохода для такой мелочи; будь уверен, что я не столь своенравен, и если я теперь в досаде, то это не оттого, чтоб я старался презирать мою дорогую тещу». — «Что ж! разве ты страшишься, чтоб не узнали люди о таком преступлении?» — «Вздор! что кому за нужда до чужих дел!» — «Или не хочешь, чтоб твоя невеста сведала о сей измене?» — «Совсем не то: хотя невесту свою вижу я и в первый раз, но как у многих моих приятелей видал я ее портреты, которые без всякого прекословия переходили из рук в руки и доставались многим, то из того заключаю, что и подлинник не упрямее своих

списков; итак, поэтому не думаю, чтоб она на меня слишком осердилась за непостоянство».

«Что же тебя так беспокоит?» — «То, — отвечал с досадою молодой Припрыжкин, — что я сего вечера дал слово быть у моей прекрасной танцовщицы, а если эта старая хрычовка не отвяжется от меня с своими любовными изъяснениями, то я лишусь приятного удовольствия увидеться с театральною нимфою, а принужден буду проводить скучные часы с гадкою старухою».

По счастью господина Припрыжкина, сей день кончился без дальних для него хлопот с будущею его тещею, потому что к вечеру нашел он отговорку, чтоб уехать для свидания с своею танцовщицею, и мы с ним вместе поехали; меня завез он в тот дом, где я живу, а сам поскакал к своей сирене.

Прости, любезный Маликульмульк, я скоро тебя уведомлю, чем кончится такая знатная свадьба, которую Припрыжкин торжествует на счет своих 4 000 душ.

П И С Ъ М О   Х Х

От сильфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку

Весьма часто, мудрый Маликульмульк, оплакиваю я злополучие смертных, поработивших себя власти и своеправию таких людей, кои родились для их погибели. Львы и тигры менее причиняли вреда людям, нежели некоторые государи и их министры. Скажи, премудрый Маликульмульк, бросался ли когда лев, возбужденный величайшим голодом, на подобного себе льва и раздирал ли его на части для утоления своего голода? Напротив того, ежедневно* почти видим мы людей, которые для удовлетворения своего тщеславия, гордости или корыстолюбия жертвуют подобными себе людьми без малейшего угрызения совести.

Не под владением одних только тиранов видимы были целые государства, поверженные в бездну злополучия: много было таких государей, коим хотя потомство

---

* В издании 1802 г. — «ежегодно», повидимому, ошибка. — *Ред.*

приписывает великие похвалы, однакож они не менее других вреда людям причинили. Нерон выжег Рим для удовлетворения своего бесчеловечия; Юлий Кесарь наполнил кровью и грабительством всю Римскую империю, дабы чрез то показать свое могущество. Не все ли равно для людей, от какой бы причины они ни погибали? Все то, что их истребляет, не может быть им приятно.

Область, опустошенная тщеславным победителем, не должна ли почитать его чудовищем, рожденным для гибели рода человеческого? Кто дал право человеку убивать миллион подобных себе людей для удовлетворения своих пристрастий? В каком установлении естественного закона можно пайти, что множество людей должны прирессены быть в жертву тщеславию или, лучше сказать, бешенству одного человека? Все сии мнимые герои, которым ослепленные смертные придают пышное название *Великих* и *Победителей*, в глазах истинного философа суть не что иное, как *Нероны* и *Калигулы*; разность между ими только та, что сии римские императоры истребляли людей в своих владениях, а те погубляют как своих, так и подданных соседственных государей²⁹.

Монарх, предприемлющий войну для защищения своих областей и для поддержания прав и преимуществ своего народа, есть мудрый отец, обремененный великою семьею детей, коих хранит и оберегает он от ненависти их неприятелей; напротив того, государь, пекущийся единственно о удовлетворении своего тщеславия и убегающий мира для пагубного только удовольствия, чтоб вести беспрестанно войну, наносит более вреда людям, нежели язва и голод. Можно предохранить себя от недостатка в пропитании, выписав хлеб из других земель; от заразительной болезни есть также средство избавиться, удались в те места, где она еще не свирепствует, но тщеславного государя никак избегнуть невозможно. Подобясь испадающему с крутизны гор источнику, поглощает он все, что в пути своем ни встречается. Александр гнал людей и на конце вселенной; Карл XII, подражая его примеру, столько же бы, может быть, причинил вреда людям, сколько и сей македонский государь, если б небо, для спасения рода

человеческого, не ниспослало в свет мудрого и человеколюбивого государя ³⁰, который, преобразя души своих подданных, обуздал чрез то пагубное стремление сего надменного врага человечества.

Кажется, что люди тех только монархов называют *Великими* ³¹, которые во время своего царствования истребили из них несколько миллионов; напротив, тем, кои не погубляли рода человеческого, приписывают они только название *Кротких* и *Справедливых*. Бедственное и странное обыкновение!.. Государь истинно великий, следуя их предрассудкам, должны уступать в славе тем, коих мщение правосудных небес употребляет для наказания развращенных человек вместо язвы и голода.

Не одно только тщеславие победителей причиняет гибель роду человеческому: корыстолюбие столько же иногда бывает пагубно, как и наикровопролитнейшая война. Гораздо бы было лучше для некоторых государей, чтоб потеряли они половину своих подданных на сражении или при осаде какого города, нежели, собрав их имущество к себе в сундуки, поморить после с голоду. Смерть воина, сраженного во время битвы скоростижным ударом, не столь мучительна, как смерть бедного земледельца, который истаеает под бременем тяжелой работы, который в поте лица своего снискивает себе пропитание и который, истощив все свои силы для удобрения земель, видит поля, обещающие вознаградить его обильною жатвою, расхищаемые корыстолюбивым государем; смерть, говорю я, сего бедного земледельца во сто раз жесточе смерти воина, оканчивающего в одно мгновение жизнь свою на сражении. Тщесно бедные подданные стараются скрыть малые остатки своего стяжания от жадности корыстолюбивого государя; определяемые от него надзиратели, сборщики и поставщики пробегают беспрестанно города и селения, и сии ненасытные пиявицы высасывают кровь у бедного народа даже до последней капли.

Ревность государей к распространению своего закона не менее причиняла вреда людям, как и другие их пристрастия. Сколько во Франции несчастных принесено было в жертву злости и ненависти бесчеловечных пустосвятов ³²? Государь, преуверенные сими лицемерами, думали, что,

убивая людей, не только что истребляли в них своих неприятелей, но и угождали тем самому богу.

Защитники нетерпимости других вер в государстве для извинения своих бесчеловечий говорят: «Покоритесь нам; мы, воздвигая на вас временное гонение, устроаем чрез то вечное ваше спасение. Вы заблуждшие овцы, коих против воли желаем мы возвратить на пажить господню». Жестокие пастыри! — можно бы было им сказать, — в тысячу раз свирепейшие, нежели наилютейшие звери! Неужели думаете вы свирепством и бесчеловечьем преклонить к себе сердца человеческие? Почто гоните вы несчастных, которые как вам, так и обществу ни малейшего зла не причинили? Безжалостные веропроповедники! Между вами и Неропом нет никакого различия: тот посредством огня и меча хотел, чтоб все люди были язычники, а вы те же самые средства употребляете, чтоб преобразить всех в католиков. Христиане, отступившие от веры, отнюдь не были уверены в тех нелепых идолопоклоннических догматах, которым для избежания смерти они последовали; равным образом протестанты, жида и лютеране, принужденные для избежания ваших гонений переменить свой закон, гнушаются во внутренности своих душ тем, который наружно они исповедуют. Таким образом, темницы, пытки и виселицы принуждают только людей притворно верить тому, чему они не верят. Смее ли вы, бессмысленные и бесчеловечные богословы, утверждать, чтоб мучить людей повелено было вам милосердным богом? Вы не только не ужасаетесь своих злодеяний, но и всевышнее существо представляете столь же кровожадным, каковы вы сами.

Я чувствую, премудрый Маликульмульк, что, вспоминая пагубные дела некоторых бесчеловечных законопроповедников, не могу удержаться, чтоб не ощутить к ним величайшего омерзения. Против воли лишаюсь я философической моей твердости, ибо бедствия, причиненные людям суеверием, так велики, что, рассуждая об оных, нельзя быть равнодушну; и для того, прекращая сие письмо, я всячески буду впредь стараться, чтоб удалять от себя столь печальные мысли.

ПИСЬМО XXIV

От сальфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку

Примечено мною, почтенный Маликульмульк, что в гражданском обществе всего легче дается людям такое название, которое очень немногие из них заслуживают и которое должно бы быть больше уважаемо, ежели бы люди поприлежнее размышляли о потребных для сего названия достоинствах. Люди всего чаще говорят: *вот честный человек*, а всего реже можно найти в нынешнем свете такого, который бы соответствовал сему названию.

Великая разность между *честным человеком*, почитающимся таковым от философов, и между *честным человеком*, так называемым в обществе. Первый есть человек мудрый, который всегда старается быть добродетельным и честными своими поступками от всех заслуживает почтение; а другой — не что иное, как хитрый обманщик, который под притворную наружность скрывает в себе множество пороков, или человек совсем нечувствительный и беспечный, который хотя не делает никому зла, однакож и о благодеянии никакого не имеет попечения. Я в том согласен, почтенный Маликульмульк, что приличнее называть *честным человеком* того, который содержит себя в равновесии между добром и злом, нежели того, который явно предается всем порокам; но одного еще не довольно для получения сего названия, чтоб не делать никому зла и не обеславить себя бесчестными поступками, а истинно *честному человеку* надлежит быть полезным обществу во всех местах и во всяком случае, когда только он в состоянии оказать людям какое благодеяние.

Ежели рассмотреть прилежнее, мудрый Маликульмульк, различные состояния людей и войти в подробное исследование всех человеческих слабостей и пороков, которым люди нынешнего века часто себя поработают и кои причиняют великий вред общественной их пользе, то можно увидеть очень многих, которым щедро дается название *честного человека*, а они нисколько того не заслуживают.

Придворный, который гнусным своим ласкательством угождает страстям своего государя, который, не внемля

стенанию народа, без всякой жалости оставляет его претерпевать жесточайшую бедность и который не дерзает представить государю о их жалостном состоянии, страшась придти за то в немилость, может ли назваться *честным человеком*? Хотя бы не имел он нималого участия в слабостях своего государя, хотя бы не подавал ему никаких злых советов и хотя бы по наружности был тих, скромн и ко всем учтив и снисходителен, но по таковым хорошим качествам он представляет в себе *честного человека* только в обществе, а не в глазах мудрых философов, ибо, по их мнению, не довольно того, чтоб не участвовать в пороках государя, но надлежит к благосостоянию народа изыскивать всевозможные способы и стараться прекращать всякое зло, причиняющее вред отечеству, хотя бы чрез то должен он был лишиться милостей своего государя и быть навсегда от лица его отверженным.

Богач, который неусыпными стараниями, с изнурением своего здоровья собрал неисчетное богатство и наполнил сундуки свои деньгами, не подавая бедным нималой помощи, хотя все сии сокровища приобрел позволенными способами, однакож *честным человеком* назваться может только в обществе, в глазах же философа почитается он скупцом и скрягою, нималого почтения честных людей недостойным.

Мот, который расточает свое имение с такою же прилежностію, с какою скупой старается его сохранять; который то употребляет на роскошь, что должен бы был употреблять на вспоможение несчастным; который живет в изобилии, не чувствуя нималого сострадания к бедности многих от голода страждущих, коим мог бы он сделать немалую помощь, — такой безумный расточитель, ежели на роскошь свою употребляет только свои доходы и не имеет на себе долгов, в обществе называется *честным человеком*, но философы таким его не почитают, а он в глазах их хуже диких варваров, которые и о скотах более имеют соболезнования, нежели он о подобных себе чело-веках.

Надменный вельможа, думающий о себе, что знатное его рождение дало ему право презирать всех людей и что, будучи сиятельным и превосходительным, не обязан он

оказывать никому нималого уважения и благосклонности, если платит хорошо своим заимодавцам, если не поступает мучительно с своими подчиненными, а только их презирает, и если при исполнении возложенной на него должности не притесняет народ, правлению его вверенный, то в обществе называется *честным человеком*; но философы почитают его таким, который поступками своими оскорбляет человечество; который, будучи падут гордостью, позабывает и самамалейшие добродетели; не познает самого себя, и его безумное тщеславие столь же порочно и предосудительно, как зверская лютость дикого американца.

Многие разумные люди утверждают, что гораздо сноснее быть умерщвлену, нежели презираему, ибо смерть оканчивает все мучения, а к презрению никогда привыкнуть невозможно, и чувствуемое от оногo мучительное оскорбление час от часу непрестанно умножается. Чем более кто питает в себе благородных чувств, тем сносимое от других презрение бывает для него мучительнее. Итак, сего высокомерного и гордого вельможу должно почитать чудовищем, которого небо произвело на свет для испытания добродетели и кроткой терпеливости простых людей, ему подчиненных.

В обществе также называется *честным человеком* тот судья, который, не уважая ничьих просьб, делает скорое решение делам, не входя нимало в подробное их рассмотрение; но философы не думают, чтоб единого токмо старания о скорейшем решении судебных дел было довольно для названия судьи *честным человеком*; а, по их мнению, надлежит, чтоб он имел знание и способность, нужные для исполнения его должности. Судья хотя бы был праводушен и беспристрастен, но производства судебных дел совсем не знающий, в глазах философа тогда только может почесться *честным человеком*, когда беспристрастие его заставит его почувствовать, сколько он должен опасаться всякого обмана, чтоб по незнанию не сделать несправедного решения, и побудит его отказаться от своей должности. Ежели бы все судьи захотели заслужить истинное название *честного человека*, то сколько бы присутственных мест оставалось порожними! И если бы для занятия сих мест

допускались только люди, совершенно достойные, то число искателей гораздо бы поуменьшилось.

Чтоб быть совершенно достойным названия *честного человека* и чтоб заслужить истинные похвалы, потребно сохранять все добродетели. И самый низкий хлебопашец, исполняющий рачительно должности своего состояния, более заслуживает быть назван *честным человеком*, нежели гордый вельможа и несмысленный судья. Тот, кого называют *честным человеком*, должен не только стараться делать добро, но и при делании оного приемлет надежнейшие меры: он прилежно себя испытывает, перемениает свои поступки, ежели хотя немного что приметит в сих предосудительного, и слагает с себя все знатные и важные должности, сколько бы ни были они для него драгоценны, как скоро приметит, что он не имеет в себе потребных к тому способностей и не может возложенных на него должностей исполнять с пользою.

Итак, видя, сколь немногие люди заслуживают истинное название *честного человека*, надлежит не только удивляться, но и соболезновать о всем роде человеческом, который по природе поработен столь великим слабостям. Люди должны бы стыдиться бедственного своего состояния, что в свете между ними столь мало находится истинно добродетельных и достойных заслужить от философов название *честных людей*. По справедливости надлежит сказать, почтенный Маликульмульк, что гораздо более таковых можно найти в простых людях, не прилепленных ни к придворной, ни к статской, ни к военной службам, ибо, будучи обременены немногими должностями, гораздо менее имеют они затруднения учиниться истинно *честными людьми*. Сколько благополучен тот, кто подобно тебе, почтенный Маликульмульк, затворясь в своем кабинете, беседует с искренними своими друзьями, коих у него весьма мало; живет, доволен своею участью, и не завидует знатным чинам, кои редко бывают сопряжены с истинным достоинством и в коих почти невозможно совершенно исполнять всех нужных добродетелей, потому что в знатных чинах требуется оных великое множество.

П И С Ь М О ХХVIII

От волшебника Маликульмулька к сильфу Дальновиду

Все получаемые мною от тебя письма, любезный Дальновид, приносят мне великое удовольствие, и я всегда с утешением усматриваю в них основательные твои рассуждения о многих поступках людей, чрез которые заслуживают они осуждение. Ты очень хорошо делаешь, что входишь во все их состояния и примечаешь их слабости и пороки, ибо чтоб сделаться мудрым и добродетельным, наилучший способ есть тот, чтоб размышлять о глупостях и о странных нравах людей. Рассматривая прилежно непостоянство разума человеческого, непременно будешь остерегаться, чтоб самому не впасть в такие же пороки, какие в других осуждаешь.

Сколько есть таких людей, кои от нестарания познавать нравы и обычаи своих сограждан без всякого размышления предаются безумной ветрености и перенимают самые смешные и вздорные обыкновения, нимало не примечая своего заблуждения? Ежели бы они хотя один раз обратили примечательные взоры на различные поведения всех людей и не захотели бы принимать никакого другого правила, никакой моды и никакого обычая, кроме тех, кои сообразовались бы с здравым рассудком, тогда защитили бы себя от заблуждения, ибо глупость, примечаемая ими в других, заставила бы их узнать и свое безумие.

Свет есть обширное училище, открытое для всех, желающих научиться; нужно только входить в подробное рассмотрение разных случающихся в нем происшествий и совсем противных оным введенных людьми обычаев, тогда будешь иметь все желаемые способы, чтоб сделаться совершенным философом.

Пороки, примечаемые нами в других людях, могут служить для нас всегдашними наставлениями, и можно очень справедливо сказать, что для научения мудрости ничего нет лучше, как входить в рассмотрение всех слабостей человеческих. Глупости вертопраха, бесчинства нахала и безумие невежды достойны быть наставлениями философа, желающего употреблять с пользою природные свои дарования. Во все времена истинные мудрецы

учинились таковыми единственно от презрения и отвращения к людям, примечая в них нелепые и с разумом несходные поступки. Глупости и дурачества греков были причиною тому, что Гераклит непрестанно плакал, а Демокрит смеялся.

Дабы получить успех в изучении мудрости, надлежит лучше быть зрителем, а не действующим лицом в тех комедиях, которые играют на земле. Я всегда, любезный Дальновид, держусь сего правила и, живши столько лет на свете, довольно всего насмотрелся. Я очень много путешествовал в намерении, чтоб получить пользу от обозрения различных странских действий, которым был я простым только зрителем. И ты без всякого сомнения можешь поверить, что я находил тут обширное поле к размышлению. Например, агличане представляли мне тысячу блистательных добродетелей, смешанных со множеством свойственных им пороков, и чрез сие смешение добра и зла я познавал, что участь человеческая столь несчастна, что люди сами собою ничего не в силах сделать, кроме того, что могут извинять свои слабости несколькими хорошими качествами. Вообще кажется, что им совсем невозможно учиниться истинно мудрыми и совершенно добродетельными, а это предоставлено некоторым только философам, возвысившим себя свыше человечества; что ж принадлежит до простых людей, то между ими разумнейшим и лучшим может почитаться только тот, кто менее других имеет в себе глупости и злости. Щедрость, великодушие, мужество и бесстрашие агличанина помрачатся его гордостью, высокомерием, самолюбием и хорошим о себе мнением.

Во всех землях философ находит истинную причину сожалеть о людях и чувствовать к ним презрение. Путешественник страшится быть жертвою: в Италии — ревности, в Гишпании — суеверия, а в Англии — гордости и высокомерия тех людей, с которыми живет вместе. Однакож я лучше бы согласился попасть в руки жестокому инквизитору, нежели агличанину, который непрестанно будет давать мне чувствовать, сколько он почитает себя во всем лучшим предо мною, и который, если удостоит меня своими разговорами, то не о другом чем будет со мною говорить, как бранить всех других народов и

скучать рассказыванием о великих добродетелях своих соотечественников.

Ежели же иностранец в Лондоне бывает жертвою высокомерия, то в Париже не менее того мучится от глупости и от наглости. Там его обременяют учтивостями, разоряют почти ежедневным выдумыванием новых мод и оглушают глупыми и вздорными разговорами, а в награждение за сие мучение стараются его уверять, что он во всем подобен тем людям, с которыми живет, и так же глуп, как они. Из всех глупостей французов всего несноснее то, что они всякого живущего у них иностранца хотят преобразить во француза. Ежели кто из иностранцев говорит что-нибудь такое, что им нравится, то они скажут о нем, что он говорит так, как француз, а ежели кто имеет в себе приятный вид и в поступках своих учтив, то о таком говорят, что он совершенный француз. Мне кажется, что ничего нет глупее таких мыслей, кои столько же оскорбительны для путешественников, сколько несносно высокомерие англичан: сии последние говорят о себе, что они только одни в свете почтения достойны; но французы хотя не так грубо изъясняются, однакож дают ясно разуметь, что всякий человек тогда только может что-нибудь значить, когда бывает им подобен. Обе сии мысли одинакое имеют основание, и обе равно несправедливы и безумны.

Во всех народах можно видеть одинакие пороки, совсем противные хорошим чувствам и здравому рассудку. В немцах примечал я смешную и мечтательную их любовь к древним титулам и старинным грамотам, и сколь мало уважают они тех, кои не были герцогами, графами, маркизами и баронами. Я удивлялся, что отличным добродетелям и великим дарованиям оказывают они очень малое уважение в сравнении тех почестей, каковые англичанами воздаются истинному достоинству. Глубокомысленный философ, ученый математик и искусный физик не заслуживали нисколько благосклонности от почтенных господ немцев; англичане же, напротив того, воздали памяти Невтоновой равномерные почести, каковые должны бы были воздаваться государю, завоевавшему многие владения или чрез мудрое заключение мира доставившему блаженное спокойство своим подданным.

Желательно бы было, чтоб все народы подражали агличанам в оказании почтения и уважения великим людям, родившимся у них, которых природа одарила отличными дарованиями. Я уверен, что если Англия с давнего уже времени славится многими высокими умами, то это не от чего другого, как от того одобрения и поощрения, которое дается там ученым людям; но чтоб сие столь похвальное обыкновение учинилось общественным во всей Европе, то не видно еще к тому большой надежды.

Итак, обратившись опять к первому моему предмету, любезный Дальновид, я еще повторяю, что для избежания того, чтоб не впасть самому в те пороки, которым люди часто бывают подвержены, наилучший способ есть тот, чтоб примечать прилежно все их поступки, ибо всякий обыкновенно гораздо строже судит поступки других, нежели свои собственные, и часто случается, что в тех же самых пороках, которые в других осуждает и почитает нисколько неизвинительными, себя самого прощает и для оправдания своего находит разные извинения.

ПИСЬМО XXXIII

От сальфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку

Во время странствования моего по различным землям, когда я вижу, почтенный Маликульмульк, что по большей части счастливыми бывают многие люди такие, которые совсем глупы, не имеют нисколько здравого рассудка и почти уподобляются несмысленным скотам, тогда с крайним прискорбием размышляю о тех трудах и попечениях, которым предаются люди, в науках упражняющиеся, единственно для того, чтоб имя свое сделать бессмертным. Сколько горестей и скорбей большая часть из них претерпевает? Надобно думать, что желание проникнуть в глубокий мрак стольких протекших веков имеет в себе нечто чрезмеру лестное для побуждения их жертвовать оному без всякого сожаления тем драгоценнейшим временем, которым надлежало бы с удовольствием наслаждаться.

Из числа немногих лет, которые природа предназначила для продолжения жизни человеческой, надлежит исключить первые пятнадцать, кои проходят или в незрелом младенчестве, или в изнурительных трудах, употребляемых при воспитании; когда же человек достигает свыше шестидесяти лет, тогда уже жизнь его бывает для него тягостна, ибо разум вместе с телом в то время ослабевают и подвергаются различным немощам и болезням. Итак, в настоящей жизни человеческой, считая от пятнадцати лет до шестидесяти, не более можно полагать, как сорок пять лет. И сие-то столь краткое и столь драгоценное время учеными людьми провождается в наитруднейших упражнениях, за кои часто весьма малую получают они награду и кои не подают им никакого другого утешения, кроме единой надежды, что имя их предано будет незабвенной памяти будущим потомкам.

Надлежит признаться, любезный Маликульмульк, что науки, когда кто в них достигнет до того, что преодолет все затруднения, во оных находящиеся, имеют в себе нечто чрезвычайно лестное и что геометр и физик, трудясь двадцать лет сряду с неусыпными попечениями, почитают себе великою наградою открытие некоторых истин, дотоле им неизвестных; но ежели бы они проникли во внутренность сердец своих, то сами бы усмотрели, что побуждает их изыскивать с толикою прилежностью сии новые истины более надежда прославить свое имя, нежели то удовольствие, что трудами своими извлекли они их из той мрачной неизвестности, в коей они до того времени оставались погруженными. Если бы они совершенно были уверены, что им только одним оные их изыскания будут известны и что никогда не будет им позволено никому открыть сию тайну, то сомневаюсь, чтоб пожелали купить сие познание несносными своими трудами, продолжающимися несколько лет сряду.

Хотя философы и ученые говорят непрестанно о презрении славы, о мудрости и о спокойствии душевном, однакож, невзирая на все их прекрасные и высокопарные изречения, утвердительно можно сказать, что если бы они не были к тому подстрекаемы тщеславием, то невежество и поныне господствовало бы над всем родом человеческим

и что единое токмо желание отличиться от простых и неученых людей, превзойти знанием своих современников и заставить всех взирать на себя со удивлением было причиною, что древние веки прославлялись Аристотелями, Платонами, Софоклами, Еврипидами и Демосфенами. Сему единому желанию и нынешние времена одолжены произведением тех великих мужей, кои учинились знаменитыми чрез свои высокие и изящнейшие творения.

Если бы все различных родов ученые ничего более не имели своим предметом, как изучаться нравственным добродетелям и усовершенствовать себя в мудрости, то все их попечения ограничивались бы познанием самих себя. Они не старались бы измерять небеса, не исследовали бы течения планет, не углублялись бы в рассмотрение различных произведений природы, не вникали бы в раздробление их внутренних частей и не тпидились бы проникать даже до познания тягости воздуха. «Все сие, — сказали бы они, — не нужно к нашему намерению, ибо к какому предмету стремимся мы нашим познанием? Не к тому ли, чтоб искать способов учиниться благополучными и быть полезными для блаженства других человеков. Итак, будем обучаться только тому, что может послужить к соделанию нас добродетельнейшими, и сообщим нашим собраниям и нашим согражданам наши мудрые размышления. Какую пользу приобретут они от познания того, что в природе нет пустоты и что земля обращается около солнца? Сие не учинит их ни кротчае, ни снисходительнее, ни добродетельнее, ни спокойнее, ниже блаженнее. И самые невежды, совсем не знающие, чему научает их природа, будучи вспомоществуемы некоторыми токмо слабыми и всеобщими понятиями, часто бывают гораздо благополучнее людей, в науки углубляющихся. Сколько есть таких художников, кои, спокойно упражняясь в своих художествах, живут без всякого честолюбия посреди своих семейств с большею приятностию и удовольствием, нежели величайшие любомудры, затворенные в своих кабинетах и окладенные книгами, в коих писано о презрении славы? Итак, не наука делает людей благополучными, а честность и добрая совесть. Физика, метафизика, риторика — все сии науки не рождают истинной мудрости, ибо она иногда

встречается и у низкого ремесленника, и у хлебопашца, почему и надлежит се искать там, где она находится, и лучше чтить спокойное и кроткое невежество бедного художника, нежели тщетные и бесполезные познания тщеславного любомудра и высокопарного витий».

Поистине, любезный Маликульмульк, если бы ученые, трудящиеся с толикою прилежностью о сообщении людям приобретенных ими познаний, не иным чем были к тому побуждаемы, как единою любовью к мудрости, то, конечно, не преминовали бы они делать подобные сим размышления и, без всякого сомнения, уверились бы в том, что во сто раз полезнее научать людей способу жить благополучными и спокойными, нежели гоняться за открытием некоторых таких истин, коих познание совсем бесполезно, и притом приобретается бесконечными трудами. Они бы им говорили просто: «Воспользуйтесь настоящими минутами вашей жизни, будьте добродетельны, исполняйте с рачением возложенные на вас должности и не теряйте бесплодно сих драгоценных минут, которых вы никогда возвратит не можете. Время протекает, и если сердце ваше не возмущается внутренними угрызениями от учинения каких-либо злодеяний и если следуете вы закону честности, то имеете в жизни вашей все, что потребно для приятнейшего услаждения. Упражнение в бесполезных науках ни к чему более вам не послужит, как похитит у вас настоящее благо, питая вас тщетною надеждою о приобретении будущего мечтательного блаженства. Истинные мудрецы ни в чем нужды не имеют, а тщеславные любомудры за все хватаются и во всем чувствуют недостаток. Ежели вы постараетесь спокойно наслаждаться теми благодеяниями, коими небо вас одарило, тогда ваше благополучие будет в руках ваших, и вы только должны будете делать из него полезнейшее употребление. Участь человеческая была бы весьма несчастна, когда бы благополучие каждого зависело от познания таких вещей, которые для него совсем чужды».

Напротив, любезный Маликульмульк, ученые совсем не таким образом подают людям свои наставления: они весьма от того отдалены, чтоб говорить им таковыми словами, и те, которые бы так говорили, подобны бы были

купцам, осуждающим свои товары; а вместо того всякий ученый старается превозносить до небес ту науку, в которой он упражняется, и желал бы при прославлении ее помрачить все [другие]¹⁸ науки.

Ритор хотя и хвалит, однакож весьма слабо, философию: по его мнению, наивеличайшее превосходство человеческого разума состоит в даровании уверять людей силою красноречия и трогать сердца благороднейшими выражениями. Философ, напротив того, почитает ритора пустословом, коего все речи ничего в себе не заключают, кроме пустого звука, по воздуху разносящегося, и никакой не приносят пользы тем слушателям, которым более потребен здравый рассудок, нежели блистательные выражения. Подобно физику он даже совершенно осуждает и самое употребление риторской науки, которая, по его мнению, приносит более вреда, нежели пользы. Некто из знаменитых скептических философов, говоря о риторах, сказал: «Те, которые вымыслили намазывать лице женщин разными притираниями и делать из него маску, не столько причинили зла в свете, как высокопарные витии, которые стараются обольщать не глаза наши, но наш рассудок, и тем переменяют, ослабляют и повреждают самую сущность вещей». Республики, учредившие у себя порядочное и благоустройственное правление, как то: Критская и Лакедемонская³³, немного уважали ораторами и витиями.

Сия страсть, столь свойственная ученым, чтоб не похвалять никакую другую науку, в которой они не упражняются, не служит ли явным доказательством, что тщеславие, желание приобрести себе от всех уважение и честолюбие бывают главнейшим побуждением в неусыпных их трудах, нежели любовь к истинной мудрости. Если бы они трудились только для того, чтоб подавать наставление людям, или если бы упражнялись в науках совершенно полезных или в таких, которые рождают собою более любопытства, нежели приносят прибытка, тогда хвалили бы равно все науки и не давали бы нисколько преимущества той, в которой почитают себя больше других людей знающими. Но поелику думают они, что если люди более будут уважать ту науку, в которой они себя отличили, то чрез то и к ним самим будут иметь больше почтения, ибо тогда

самолюбие побудит людей пользы их соединять с собственными своими пользами; а потому философ думает, что, чем более философия будет в почтении, тем и он более будет уважаем. Историк, стихотворец и ритор такие же имеют мысли: каждый из них друг пред другом с вящим напряжением своих сил старается выхвалять — один историю, другой стихотворство, а третий риторику.

Любовь к мудрости, почтенный Маликульмульк, не желает быть превозносима похвалами. Человек, который хочет только быть полезным своим согражданам, не показывает в себе нималого пристрастия к отличным почестям и уважениям, каковые обыкновенно оказываются тем, кои подают людям свои наставления, служащие к украшению их разума и к исправлению их сердца. Суетное тщеславие, желание блистать своими дарованиями и быть предпочтенными своим совместникам никогда не возбуждают в них таких бескорыстных чувств; а вместо оных рождают самолюбие и зависть, которые хотя и бывают сокрыты, однакож не менее жестоки. Сии-то страсти по большей части бывают причиною той малой справедливости, которую ученые обыкновенно отдают один другому, ибо они всегда страшатся того, чтоб слава другого не умила их славы и не заградила бы пред ними путь к достижению того бессмертия, которого они с толикою алчностью желают. Некоторые из числа оных для приобретения имени своему бессмертной славы делали дела, столь же нелепые и почти, можно сказать, столь же безумные и порочные, каковое учинил Ерострат. Была ли чья смерть страннее Аристотелевой? Не можно ли оную причесть безумному его тщеславию, когда он хотел показать людям, что лишает себя жизни единственно для того, что не мог совершенно познать таинство природы? А сей другой философ Эмпедокл не должен ли так же почитаться безумным, который бросился в пучину горы Этны, оставя свои туфли, для того чтоб люди были известны о сем отважном его поступке и имя бы его сделали бессмертным? Он был бы несчастною жертвою своего бешенства, когда бы ты, почтенный Маликульмульк, над ним не сжалился, не спас бы его от сгорания и не принял бы в свой дом, находящийся под Этною, где он живет спокойно, смотрит за твоим домом и

между тем забавляется чтением книг в обширной твоей библиотеке и выписывает из них некоторые полезные замечания.

Многие ученые, которые хотя не простирали столь далеко своего тщеславия, как те, о которых я тебе упомянул, однакож поступки их ясно доказывали, что они не менее сего старались возмущать свое спокойствие в надежде учинить имена свои бессмертными. Сколько было таких, которые ссылаемы были в ссылку, заключались в темницы и лишались всего своего имения, чего могли бы они легко избежать, отрехшись от пагубных своих сочинений; но они лучше хотели лишиться всего и стенать под тягостными оковами или быть изгнанными из своего отечества, нежели истребить о себе память.

Но сколь ни было бы бедственно упорное желание о приобретении славы большей части ученых, однакож, любезный Маликульмульк, люди должны их в том извинить в рассуждении получаемой от них пользы, ибо соревнование, которое они один против другого чувствуют, поощряет их производить многие прекраснейшие творения. Надлежит о них более соболезновать, что они не делают того единственно из мудрости, что делают по честолюбию: люди должны благодарить самый сей порок, который заслуживает осуждение, ибо без него науки доньше были бы погружены во мрачной неизвестности.

Если какие погрешности могут быть извинительны, то без всякого сомнения те, которые столь искусно приемлют на себя вид мудрости и в коих не иначе, как по самом прилежном рассмотрении, приметить можно их несовершенство. А притом надлежит сказать и то, что не все ученые без изъятия любовь к славе и странное желание, чтоб с похвалою о них говорили, простирают до крайности. Во всех различных состояниях и во всех званиях находится много таких людей, которые в поступках своих достигают до совершенства; равным образом есть много и ученых, которые, обуздывая свои желания, полагают им некоторые границы и не позволяют себе преступать оные. Хотя то совершенная правда, что все жаждут бессмертия, однакож не все к достижению оного употребляют одинакие способы и не все желают его купить за одинакую цену.

ПИСЬМО XXXVI

От гнома Буристана к волшебнику Маликульмульку

Очень опасно, по моему мнению, любезный Маликульмульк, иметь худого советника, но ничего нет опаснее, как иметь его в своем отце. Есть, однакож, изверги, недостойные почтенного имени родителя, которые вместо наставления развращают своих детей. Ты узнаешь из письма, которое я при сем к тебе прилагаю, справедливы ли мои слова; но надобно прежде уведомить тебя, каким образом досталось мне это письмо.

На сих днях, бегая из суда в суд, наконец, отчаивался я сыскать преемников трем нашим судьям ³⁴: в иных местах видел я, что судьи были больны одною болезнию с Эаком, то-есть были глухи и не слушали слов своих челобитчиков; а другие, у которых мозг был не в лучшем состоянии, как у Миноса, не понимали, что им читали подьячие, и подписывали все то, что угодно было их секретарям, которые употребляли их, как некоторое орудие к своему обогащению. Хотя и были между ими разумные, но они более занимались происками, чтоб возвысить себя и унижить своих противников, нежели челобитчиковыми делами; и таким образом бедным челобитчикам не было иного утешения, кроме добрых судей, которым не дают никакой воли и которые толь робки, что, боясь истиною прогневать знатных господ, потакают несправедливости их любимцев.

Прохаживаясь таким образом, остановился я в прихожей одного суда, чтобы несколько отдохнуть, и лишь только присел, как вдруг вошла в комнату некоторая бедная женщина, которая, дожидаясь случая увидеть судей, села подле меня. Как я представлял челобитчика, а она действительно в суде имела иск, то и ничего не было легче нам, как разговориться о наших делах: я рассказал ей мнимую повесть о своих, а она открыла мне свои.

«Три рода женщин знаю только я несчастливых, сударь, — сказала она мне, — первые из них — немые спорщицы, которые лишены удовольствия обыкновенным своим орудием отгонять от себя досадчиков, вторые — молодые щеголихи, которые принуждены жить в деревне, а третьи — те женщины, которые, перешед за сорок лет

своей жизни, имеют тяжёлые дела. Ах! — продолжала она со слезами, — я претерпела все сии злосчастия. Желая отвязаться от строгих моих родителей, я вышла замуж в молодых летах за одного бедняка; я была красавица, сударь, и могла сделать его счастливым; но этот негодяй увез меня в свою деревню, где я должна была проводить лучшие мои лета, не видя никого, кроме рогатого скота и нескольких мужиков, которые еще отвратительнее были моего мужа. В такой горести одно утешение оставалось мне, чтоб всякий день перебранить всех, начиная с него и до последнего скотника: да и подлинно, не проходило ни одной минуты, чтобы кто из них, к моему утешению, не сделал какого дурачества. Таким-то образом, всегда для меня было некоторое упражнение, и мой язык умолкал только тогда, когда я засыпала; но — о несчастье! — кричавши шесть недель сряду, я охрипла, и мой язычок упал (при сих словах бедная женщина еще больше заплакала). Вообразите, сударь, мое состояние! Всякий день открытыми глазами я видела все дурачества моего мужа, моих девок и наших дворовых и принуждена была все это сносить, не выговоря ни одного слова! Всякий день брюзгливый мой муж делал мне свои вздорные поучения, а я не могла заглушить его своими словами и, вытараща глаза, принуждена была слушать его вранье. Таким мучением наказывал меня бог семь лет. Жестокий муж мой старался как можно отдалять от меня всех лекарей, чтобы продолжить навсегда приятную для него мою болезнь; но, наконец, небо сжалилось на мое мучение: я занемогла зубами; призвали лекаря, и он ошибкою вместо зубов вылечил мой язычок, который поднялся попрежнему. Я была вне себя от радости, и сколь ни велика была моя боль в зубах, но я в ту же минуту пошла браниться с моим мужем и, думаю, точно этим криком прогнала я от себя зубную болезнь; но как бы то ни было, только я твердо вознамерилась наградить несносные для меня семь лет моей немоты. Уже я чувствовала приятнейшее удовольствие слышать, что мой голос раздавался по комнатам; уже ничьих речей в доме, кроме моих, не было слышно, как дьявол позавидовал моему счастью. Спустя три недели после моего выздоровления, после обеда вошла я в комнату, где

муж мой имел привычку в это время спать. Я нашла его закутанного в одеяле, хотя уже на дворе было семь часов пополудни. Скажите, приличен ли был этот час, чтоб спать? Вы можете догадаться, что я в ту ж минуту начала браниться: по крайней мере на сей раз я была справедлива. Я села против его у окошка и кричала ему, что хозяйство требовало, чтоб не быть так сонливым. «Разве позабыл ты, — говорила я ему, — что мы еще сегодня не были в прядильной и не бранили баб? Разве ты не вспомнишь, что уже скоро будет время итти ко всенощной, а тебе прежде еще этого надобно мужиков пересечь за то, что они сегодня не успели до ненастья в огород съездить и убраться с поля. И разве вышло у тебя из головы, негодяй, — продолжала я, — что у тебя есть жена, от которой ты и так всегда бегаешь и делаешь се пустынноцею? Ведь здесь не город, где бы я могла найти тысячу человек, кем и без тебя заняться!» Словом, кричала я ему, сколько могла, и, наконец, суча его терпением, сдернула с него одеяло, но, о небо! он уже был холоден, — мой муж умер! Представьте, каково было мое мучение! Он не слышал ни одного слова, что я ему говорила (бедная женщина опять заплакала). Уже этого-то перенести не было у меня сил: я зарыдала, как могла громче, но уже ничто не помогло; одним словом сказать, я его похоронила, проживши с ним только три недели после моей немоты.

Как покойник меня любил и был, впрочем, добрый человек — царство ему небесное! — то он еще заживо укрепил³⁵ мне свою деревнишку. Я нашла его крепость и, вступя во владение сего поместья, думала спокойно провести остаток своей жизни; но проклятый ябедник, мой сосед, узнавши, что мой муж умер, сыскивает какое-то право на мою деревню и зачинает со мною тяжбу, когда я еще не успела оглядеться. Как он богатый человек, то с самого начала выгоняет меня из деревни и после того подает прошение, чтобы судьи подписали приговор, который он прежде уже рассмотрел и исполнил.

Это принудило меня приехать сюда в город; но уже судьи подписали то, что он сделал. Я их просила и доказывала мою справедливость; они обо мне сожалели, но не переделали моего дела: может быть, для того, что уже

издержали деньги, которые им заплачены за сей приговор, а мне нечем было надбавить цену моего соперника. Итак, я осталась в проигрыше. После сего перенесла я мое дело в другой суд и услышала, что тут судья не любил брать взятки. Это несколько меня обнадежило, но, к несчастью, узнала, что он любил пить с своими челобитчиками. Мой соперник напивался с ним всякий день допьяна, и я опять потеряла свой иск. Наконец, я перенесла дело в сей суд и везде с радостью слышала, что здесь главный судья не пьет и не берет взяток; но несчастье не перестает меня гнать. Вчерась уведомила я, что хотя он действительно правосуден, но что один взгляд молодой женщины в состоянии испортить его весы³⁶; а у моего соперника жена — жеманница двадцати двух лет. Не несчастливая ли я женщина! Если б за двадцать лет назад была эта проклятая тяжба, то я, нимало не заботясь, надеялась бы на свою справедливость; но, быв обременена сорока двумя годами, могу ли я надеяться победить соперника, женатого на двадцатилетней красавице? Ах! сударь, пригожая женщина всякую ложь может сделать истиной: у нашего судьи, конечно, есть глаза и сердце». — «Ну, сударыня, — отвечал я, — если бы не было у него глаз, то он не рассмотрел бы истины; а ежели бы не было сердца, то бы он не трогался ею». — «Ах! сударь, — вскричала огорченная вдова, — я не на то жауюсь, что у него есть сердце и глаза; но на то, для чего эта проклятая тяжба не за двадцать лет пред сим случилась».

Едва окончила она свою речь, как вдруг вышел судья, человек весьма набожного вида. «Кто здесь госпожа Безумолкова, урожденная Златоискова?» — спросил он. «Я, сударь», — отвечала вдова. — «А! сударыня, я читал ваше дело и, несмотря на решение двух судов, вижу вашу справедливость; итак, будьте уверены, что оно кончится в вашу пользу в самом скором времени; а между тем, чтоб узнать решительный приговор, вы можете пожаловать ко мне сегодня в четвертом часу пополудни». После сего он поговорил еще с несколькими челобитчиками и пошел в судейскую, оставя и вдову и меня в величайшем удивлении о столь редком его добродушии.

«Видите ли сударыня, — сказал я вдове, — как вы прежде времени несправедливо жаловались на сего судью;

он, не брав с вас денег, не напиваясь с вами пьян и не из уважения к вашим прелестям, коих, конечно, рассмотреть ему было некогда, хочет решить дело в вашу пользу». — «Это меня восхищает, — отвечала она, — и я ныне же отпишу о сем старшей моей сестре Златонсковой». — «Как, сударыня, — спросил я, — у вас есть старшая сестрица, которая еще не замужем?» — «Чему же вы дивитесь, — отвечала ветренная вдова, — ей еще не болсе двадцати семи лет: она может еще иметь в свое время женихов!» После сего ветренная Безумолкова пошла от меня в восхищении, позабыв о том, что она за две минуты пред тем проболталась мне в своей печали, что ей сорок два года, а я отправился домой.

«Вот, наконец, нашел я хотя одного честного судью! — думал я сам в себе, — теперь мне есть чем обрадовать Плутона, который уже, думаю, на меня сердится, что я до сих пор не сыщу для него доброго блюстителя законов, и приписывает, может быть, моему нерадению то, что должно приписывать нерадению больших господ: докажем же адским жителям, что и здесь есть судьи, которых перо свободно и не управляется ни деньгами, ни вином, ни женщинами, и поспешим похитить у света человека, который, конечно, или развратится, или будет гоним».

Узнавши дом сего судьи, в три часа пополудни торопился я к нему, чтоб уговорить его заступить место Эака. Дом его не показывал в себе ничего великолепного и тем более уверял меня в некорыстолюбии хозяина. Я не видал ни одной бутылки во всем доме, по чему имел причину думать, что он очень воздержан, также не сыскал я там ни одной женщины, кроме семидесятилетней старухи, которая перемывала посуду и ворчала, что она достальные зубы переломала о черствые корки хлеба, не находя ничего другого к столу, — и это подтвердило мои мысли, что у него женщины не много выиграют своею несправедливою просьбою. Я позабыл тебе сказать, что, желая его посмотреть, я сделался невидимым.

Таким образом прошел я до самой той комнаты, в которой он писал письма. Между прочими изготовленными лежало одно к его сыну. Я его тихонько взял и читал с великим удивлением; думаю, что и ты не меньше моего удивишься, когда его рассмотришь; вот оно:

Любезный сын!

Приятное твое мне письмо я в сем месяце получил и радуюсь, что ты в приказе ³⁷ набил руку так твердо, что своим четким письмом и самому слепому судье можешь понравиться. Только заметил я, что ты ять пишешь очень часто и ставишь двоеточия, запятые и точки. Пожалуй, повоздержись, Лентулушка, а то еще скажут, что ты некстати умничаешь. Заметь, мой друг, что судья, который не употребляет ятей и запятых, никогда не бывает дружен с секретарем, который пишет по фородрафии ³⁸. Да мне и еще есть пуждница кое о чем с тобою поизъяснитца.

Ты пишешь, что тебе несносна приказная служба, и просишь дозволения ее оставить. С чего ты это забрал себе в голову, друг мой! Да знаешь ли ты, что твой дед нажил в этой службе больше сорока тысяч рублей, твой отец приобрел большой каменный дом в четыре этажа; да и ты, мой свет, доколе не наживешь хотя посредственной деревнишки, дотоле я тебя из этой службы не выпущу, или не будь над тобою мое благословение; а ты знаешь, что этим шутить дурно.

«Низко ходить на поклон к своему судье!» — вот какой вздор! Да я, брат, и вырос в прихожей у своих командиров, зато ныне и у себя в прихожей людей выращиваю. Учтивость, друг мой, шею не вывихнет, а гордым и бог противится. Будто велика беда в праздник сходить к судье на поклон! Ведь нечего же делать! «К обедни», — скажешь ты мне. — К обедни, друг мой, успеешь и от начальника, а если и некогда будет, то бог не взыщет: он до нас милостив и не прогневется, если иногда прогуляешь обедню; а советник ³⁹ станет сердиться, если не придешь к нему в праздник поуутру, и может за это отомстить. Бог по великой своей благодати, конечно, простит, когда покаешься; а бояре ведь и покаяния не принимают.

Я здесь знаю одного молодого упрянца, который так же, как и ты, определяясь в штатскую службу, думал, что совсем не нужно ходить на поклон, и хотел лучше угодить своему начальнику прилежностью к своей должности; но он тем сделался несчастлив. Лучше бы было, если бы он прогулял, не бывши в приказе сто дней, нежели пропу-

стить шесть воскресеньев, не постояв в передней у своего покровителя, который за то лишил его места и принял к себе в прихожую на жалованье другого, который и доныне за триста рублей в год и за два чина в три года ходит к нему в прихожую исправно по всем табельным праздникам⁴⁰. Берегись, чтоб и с тобою не случилось такого же изгнания: ведь и пенять не на кого будет; ты тем немало себя в людях обесчестишь, для того что с стороны не всякий догадается, голова ли, или ноги твои были причиною, что тебя отставили.

Еще ты пишешь, что он тебе иногда несправедливые делает выговоры и что ты при первом случае сам скажешь ему, что он неправильно тебе выговаривает; берегись этого делать, сынок! Командир долго помнит, если ему подчиненный скажет, что он соврал; а это может иметь очень худые следствия. Впрочем, ты хотя человек благородный, но еще очень молод: для чего бы не вытерпеть тебе от начальника грубого словца? Я слышал, как вашу братью благородных дураками и скотами называют, а иногда и палкою по лбу заедут; да кто больше сносит, того больше и жалуют, и для того-то многие благородные терпеливо сносят от своих командиров название глупца, разини и проч., помня пословицу: «Где гнев, тут и милость».

А если ты вздумашь ему итти вопреки, то тебе же будет хуже: я тебе пророчествую, что он хотя и перестанет тебя бранить, но зато подкопает под тобою такую вину, что ты и места не сыщешь. Ты опять мне скажешь, что ты стараешься быть исправным в должности, следственно, и будешь безопасен от всех подысков. — Пустое, друг мой! да знаешь ли ты пословицу: «Господин сыщет вину, если захочет ударить палкою свою собаку». Притом ты должен знать и то, что всякий начальник представляет в себе особу государя; и мы так же его слуги, как и государевы; а слугу-то, ты ведь знаешь, что можно бить, как собаку. Итак, все мы собаки, Лентулушка, и всех нас можно бить палками; хотя ныне и запрещено это делать, но всякий ли подчиненный имеет случай и предстательство, чтоб получить удовольствие на своего начальника. Довольно нам и того утешения, что и у наших-то командиров есть

свои командиры, у которых они такими же бывают слугами, как мы у них.

Итак, оставь, пожалуй, твой строптивый нрав и покорись лучше необходимости. Как ты в твои лета и с твоим умом не можешь сыскать счастья в начальнике! Сколько раз учил я тебя, как надобно поступать в таком случае; а ты все позабываешь мои наставления и одно утямил себе в голову, что ты *благородный! благородный!* В службе, друг мой, надобно только это помнить перед своими подчиненными, а перед командирами должно совсем это из головы выкинуть. Каков бы глуп командир ни был, но кто захочет к нему подбиться, тот позабывает свое *благородство*, старается подражать всем его дурачествам, хвалит его поступки, потакает его словам и чрез то хочет сделаться первым его любимцем, а часто и получает в том успех, хотя, впрочем, совсем не смыслит своей должности. Приметь, любезный сын! что это не в одном вашем суде наблюдается: неужели ты хочешь быть выродком из приказных?

Но если ты так ленив, то ищи хотя другою дорогою своего счастья. Ты знаешь у твоего судьи ключницу Златоискову: постарайся к ней подбиться, избегая, однакож, всяких греховных помышлений. Впрочем, любезный Лентул! если бы ты так счастлив был, чтобы сыскал в ней благополучие, то бы чинка два верных схватил, для того что у этих ключниц и от чинов часто бывают ключи; а ежели бы хотя и греховное что случилось, то бы ты еще в свой век умел покаяться, а чинов-то бы с тебя не сняли. Я сам грешный человек, Лентулушка! У моего советника была кухарка, то правда, хотя я от нее чинов и не получал, но раза два от солдатчины избавлялся. Да, полно, я и не ленив был, не так, как ты, Лентулушка!.. Только слушай, Лентул! я тебе шутя это пишу, а в самом деле, что ты ни сделаешь, я греха на себя не принимаю, по пословице: «Ты в грехе, ты и в ответе», но ежели ты не боишься эпитимии, то, пожалуй, себе залезь этой дорогой в чинок, другой; я же с своей стороны, любезный друг! никогда не оставлю тебя своими отцовскими молитвами.

Я так о тебе более думаю, нежели ты сам: мне недавно попался случай, который может послужить к твоему благополучию, и я за него ухватился обеими руками.

У меня недавно случилось дело какого-то богача по прозванию Кривопросова со вдовою Безумолковою, которая по отце Златоискowych. Я тотчас представил, что она сестра ключницы твоего судьи, и, несмотря на богатые подарки Кривопросова, решил дело в ее пользу. Я хочу с нею свести знакомство, чтобы посредством ее упротить ключницу о ее за тебя предстательстве. Видишь ли, друг мой, чем я тебе пожертвовал! по крайнсей мере тремя тысячами рублями. Да если б только ты был порачительнее, то бы я был в состоянии сделать и еще более: я бы женился на этой вдове, чтобы тем породниться с ключницею твоего начальника и привести тебя у него в милость; но сердце мое слышит, что ты не поддержишь моего намерения, и для того на старости я намерен только за нею примахнуть.

Что же ты пишешь об отставке, то еще повторяю, что это совсем пустое, мой друг! Чем ты жить станешь, разве с своим секретарским чином по миру пойдешь? Что принадлежит до меня, то ты сам знаешь, что я человек не слишком достаточный и прежде смерти ничего дать тебе не в состоянии; если же ты, как говоришь, надеешься на своих приятелей, то, любезный сын! *не надейся ни на князи, ни на сыны человеческие*, а лучше наживи сам тысяч пятьдесят, да тогда с божьей помощью и ступай в отставку. Тогда, если тебе приказная служба и не будет нравиться, то с такими большими деньгами можешь и в военной службе сыскать себе счастье. Хотя ты не будешь греметь храбростию и не напечатают тебя во всех европейских ведомостях ⁴¹, но что до этого нужды? И без того наживешь хороших покровителей и будешь получать чины: ведь ведомости не животная книга ⁴², в них не одни праведные вписываются.

Я заглянул еще в твое письмо; ты пишешь, чтобы прислать к тебе хотя несколько денег; только, право, мой друг Лентулушка! у меня нет ни копейки, а посылаю к тебе мое родительское благословение и остаюсь навсегда

Отец твой

АВДЕЙ ЧАСТОБРАЛОВ

ПИСЬМО XXXVII

От сальфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку

Рассматривая с великим прилежанием, почтенный Маликульмульк, различные склонности людей и не последуя предрассудкам, никогда не верю тем обманчивым видам, кои подобно мишурным позументам издали блестят, как настоящее золото, но коль скоро станешь его рассматривать вблизи, то оное совсем теряет свою цену и достоинство. Я почитаю в людях одну только мудрость и добродетель, и под какими бы видами оные мне ни представлялись, я всегда равное имсю к ним уваженис. Мещанин добродетельный и честный крестьянин, преисполненные добросердечием, для меня во сто раз драгоценнее дворянина, счисляющего в своем роде до 30 дворянских колен, но не имеющего никаких достоинств, кроме того счастья, что родился от благородных родителей, которые так же, может быть, не более его принесли пользы своему отечеству, как только умножали число бесплодных ветвей своего родословного дерева.

Ежели бы кто захотел рассматривать начало многих фамилий, славящихся своею древностию, то увидел бы с удивлением, что сия знаменитость, столь много в них уважаемая, не имеет других себе оснований, как токмо благосклонность министра или его любовницы, или иногда заплачение за пергаментовый лист великой суммы денег, приобретенной чрез грабление вдов и сирот, и тем учинилась блистательною, так что пользующиеся оною не более в том имели участия, как и в славе великого Могола ⁴³ или в победах царя Пегуского ⁴⁴.

Может ли что быть страннее, почтенный Маликульмульк, как приписывать фамилиям таковые же свойства, каковыя имеют растущие деревья, кои произрастают и возвышаются, на какой бы земле ни были посажены, не имея ни малой нужды ни в чьей помощи? Коль скоро один раз частный человек учинил фамилию свою благородною, то может несомненно быть уверен, что наследники его, лишь только были бы богаты, час от часу будут нечто присовокуплять к достоинствам, предком их приобретенным. Такова есть участь дворянства. На какой бы земле

ни было оное насаждено, но сколь долго какой род будет иметь непрерывное свое продолжение, то от времени до времени делается почтеннее и знаменитее, ибо истинное его достоинство почитается токмо в древности.

Какие бы добродетели и великие достоинства ни имел новый дворянин, однакож его почитают дворянином *новой фабрики* ⁴⁵, по глупец и невежда, происходящий от древнего рода, почитается человеком знаменитого происхождения, и его называют древним дворянином.

Взирая иногда, почтенный Маликульмульк, на таковые предрассудки, кои имеют некоторые дворяне о древности своего рода, кажутся они мне столь же смешными, как пустые мнения некоторых ученых, которые тогда только изъявляют почтение к наилучшим творениям Фукидида, Тацита, Цицерона и проч., и тогда только оные читают, когда находят их в рукописях древних, совсем истасканных, измаранных и изодранных. Сколько бы кто ни старался им предлагать те же самые сочинения, исправленные и со всяким рачением преданные тиснению, и сколько бы их кто ни уверял, что в тех рукописях великое множество погрешностей, — что многие слова стерты и совсем почти непонятны, однакож они никого бы не послушали, ибо прилепляются к единой токмо древности: Цицерон кажется уже им не Цицероном, Фукидид теряет для них все свои достоинства, коль скоро не нужно надевать на нос очков, дабы с глубочайшим вниманием рассматривать, с потеряннем своего зрения, древние рукописи, восемь или девять сот лет назад писанные. Я думаю, почтенный Маликульмульк, что сие беспримерное почтение и уважение к древнему дворянству, не имеющему другого достоинства, кроме единой токмо древности, можно почесть столь же безумным мечтанием, как и ту страсть и привязанность к древним рукописям; а иногда уподобляю я оные тому безумному уважению, которое имеют голландцы к старой фарфоровой или глиняной посуде: простой глиняный горшок, который почли бы они за ничто, ежели бы он был сделан не более года, поставляется у них в числе драгоценностей, когда он сделан за пятьдесят или за шестьдесят лет назад.

Но когда я столь явно осуждаю людские предрассудки о дворянстве, то однакож не желаю сим утверждать, будто бы оно должно быть презираемо. Я совсем не имею таких мыслей; а только бы хотел, чтоб оно тогда токмо было почитасмо и уважаемо, когда украшается многими почтенными качествами; я желал бы, чтоб оно имело те же самые преимущества, каковые имеет добродетель, всегда сопровождать его долженствующая, и чтоб к нему не было оказываемо нималого уважения, коль скоро оно не заключает в себе сих достоинств. Последователи Эпикура полагали основанием всех вещей *пустоту* и *атомы*, но и оны одна без другой не имели у них никакой силы. Не можно ли бы было подобно сему постановить начальнейшими правилами почестям благородного дворянства, кои приписываются людям без всякого личного достоинства, *благородное рождение* и *благородные чувства*, так чтоб без сих последних первое совсем ничего не значило и было бы подобно совершенной эпикуриянской *пустоте*.

Сие установление сначала покажется относящим все вещи к первому их началу, а некоторые, может быть, подумают, что чрез оное желаю я, чтоб почти совсем не было других дворян, кроме тех, кои приобретают сие знаменитое достоинство одною своею особою, чрез отличные свои дела; однакож намерение мое совсем состоит не в том; ибо ежели бы я совершенно опровергал все различия, находящиеся между некоторыми фамилиями по их древности, то тем мог бы заслужить такое же осуждение, какое делаю сам безумным к людям предрассудком. Я полагаю, что в государстве благоустроенном непременно нужно, чтоб были различные чины и достоинства, из коих некоторые должны быть даваемы людям, имеющим хорошее воспитание, приводящее их в состояние и способность исполнять вверяемые им должности. Весьма естественно, что особы, рожденные от таких фамилий, кои с давнего уже времени почтены знаменитейшими чинами, бывают гораздо способнее других исполнять важныя должности, со оными сопряженные, будучи, так сказать, во оных воспитаны, нежели такие, которые нимало к тому необыкновенны и коим сии должности часто бывают совсем неизвестны.

Итак, еще повторяю, что нужно бы было учредить сие правило, ибо дворянство тогда только может быть полезно и всякого уважения достойно, когда сопровождается добродетелию; оно не должно и не может приписывать себе пикакого права к оказанию одного порока: невежества, безумия, бесчестия и проч., ибо все сии гнусные поступки почитаются в очах философа столь же предосудительными в благородном дворянине, как и в самом низком гражданине.

Вот еще другое правило, которое казалось бы мне столь же справедливо, как и первое. Надлежит, чтоб между двумя дворянами по единому достоинству давали одному перед другим преимущество; а ежели при таковых случаях будут предпочитать одного другому единственно потому, что род его имеет свое происхождение древнее, то сие предпочтение также можно будет уподобить тому уважению, которое делают голландцы старой посуде, или той смешной привязанности к древним рукописям, и тогда я буду утверждать то же самое, что говорил с начала моего письма, и думаю, что сие будет не без основания, ежели я сделаю справедливое заключение, что из почтения к дворянству никогда не должно без точного исследования оказывать достойные почести и преимущества благородному вертопраху.

Я нимало не удивляюсь, почтенный Маликульмульк, что многие знаменитые писатели толико вооружались против сильных предрассудков в пользу благородного дворянства: они тем старались защищать собственное свое, хотя простое, но честное рождение; и поелику природа, одарив их отличным преимуществом в разуме и добротою сердца, не дала им одного со стороны их породы, то потому не было ли весьма естественно, что они едва могли сносить, что предпочитали им таких людей, пред коими во всем прочем, кроме рождения, имели великое преимущество? Поистине я прощаю всем ученым в делаемых ими жестоких возражениях против дворянства, ибо они имели неоспоримое право нападать на сию мечтательную химеру, пред коею на жертвеннике возжигали постыдную жертву, которая долженствовала бы быть приносима единой токмо добродетели.

Если бы сии писатели, писавшие против раболепнейшего почтения, оказываемого к старым бумагам, к древним похвальным грамотам и к пышным титулам и чинам, были в состоянии сами собою познать внутренность тех, кои рождением своим надмеру превозносятся, то тем могли бы они с большим успехом нападать на сие ужасное страшилище, с которым непрестанно желали сражаться. Но, по несчастию, большая часть из них известны были о единых токмо слабостях и пороках, усматриваемых в дворянстве, и о некоторых поступках, достойных смеха, а не уважения многих дворян; а по тому самому делали они против их жестокие возражения и укоризны и поставляли добродетель выше рождения. Хотя и имели они к тому справедливейшую причину, однакож гораздо более находили бы способов к сему осуждению, когда бы, вошед в обстоятельное исследование, могли открыть многие странные и всякого презрения достойные поступки большей части дворян, носящих на себе сие достоинство по единому токмо названию. Весьма мало ученых поступали таким образом, ибо немногие из них находились в таких положениях, чтоб могли точно быть сведомы о всем том, что происходит в большом свете. Послику некоторые из сих ученых препроводили всю жизнь свою в своих кабинетах или с крайнею чувствительностию песли на себе иго учиненной с ними несправедливости, на которую непрестанно приносили жалобу, то низкость их рождения не позволяла им приближаться к особам высоких чинов и достоинств; некоторые же хотя и могли бы быть более сведомы о слабостях знаменитых вельмож, но они поставляли себе долгом употреблять свое свободное время на другое полезнейшее упражнение, нежели на исследование глупостей и коловратностей многих людей, думающих о себе, что чрез благородное свое рождение приобрели они право делать разные смеха достойные нелепости и что никто не имеет права им в том противоречить. Однакож я думаю, почтенный Маликульмульк, что время, употребляемое на примечание различных склонностей человеческих, сколь ни были бы оные порочны, всегда употребляется с пользою; ибо чрез то можно научить ненавидеть порок, рассматривая всю его гнусность.

ПИСЬМО ХЪ

От Эмпедокла к волшебнику Маликульмульку

Признаюсь тебе, почтенный Маликульмульк, что безумное мое стремление о приобретении пустой славы не только не принесло бы мне никакой пользы, но обратилось бы к мучительнейшему наказанию за мое тщеславие, если бы дружба твоя мне не вспомоществовала и не избавила бы меня от совершенной гибели. Повергшись в огненную пучину, начинал уже я чувствовать жестокость сей стихии и проклинал свое безумие, как рука твоя, извлеки меня из оной, неожиданно преселила в приятнейшее жилище, где нашел я все нужные для себя выгоды, каких ожидать никогда бы не осмелился. Я чрезвычайно доволен удивительною моею жизнью в твоём увеселительном доме под горою Этною: здесь, удалясь от шумного и беспокойного света, препровождаю блаженные дни. Чтение хороших книг в твоей библиотеке составляет первое мое упражнение, а прогулка по твоему саду наилучшая моя забава. Я удален от всего, что могло бы возмутить мое спокойство; никакая слава более уже меня не прельщает; насмехаясь всем человеческим глупостям, без всякого помешательства могу я прилагать попечение о изошрении моего разума и посвящать все часы моей жизни изучению полезной философии. Однакож за долг поставляю признательно тебе сказать, почтенный Маликульмульк, что, читая многих древних и новых авторов, писавших о различных родах человеческого безумия, которое хотя и можно иногда извинить нравами и обычаями некоторых народов, часто вхожу в размышление о странности разума человеческого: я почти начинаю думать, что нет на свете ни одного человека, выключая тебя, почтенный Маликульмульк, истинно мудрого. Когда я говорю *истинно мудрого*, то под сим словом разумею, что каждый почитающийся мудрым являл в себе нечто такое, что можно назвать глупостию. Многие ученые были уверены в сей истине и утверждали оную в своих сочинениях. Славный Дедро написал, что человек есть глупейший и достойнейший смеха из всех

животных *, но мис кажется, что авторы, писавшие о странности и непостоянстве человеческого разума, входили в исследование сего предложения не довольно философически и судили об одной только поверхности, а желательно бы было, чтоб они входили в обстоятельную подробность.

Хотя бы и не хотели они исследовать все различные состояния людей, но вникали бы в одно только состояние ученых и философов, то и тогда могли бы заметить, сколь далеко простирается слабость человеческого разума, ибо оный часто бывает подвержен многим несовершенствам и в то время, когда кажется быть возвышенным до самой высочайшей степени. Когда открывается очень много порочных склонностей и непостоянств в Картезии, в Лейбнице и в других подобных им мужах, науками себя толико прославивших, то надлежит ли удивляться, находя сии пороки в людях, никакими познаниями не просвещенных, или в петиметрах и вертопрахах нынешнего века? Ежели ученые мужи, признаваемые из всех людей совершеннейшими, подвергаются многим достойным осмеяния погрешностям, то чего же должно требовать от тех, которые почитаются от всех достойными презрения? Итак, почтенный Маликульмульк, я не без основания полагаю, что, рассматривая непостоянство разума человеческого по поступкам двух или трех прославившихся ученых мужей, можно бы было приобрести более успеха в познании всех людей вообще, нежели без всякого рассмотрения прилепляться к описаниям бесчисленного множества глупостей и сумасбродств, которые хотя и справедливо писателями были осуждаемы, но собраны без точного исследования и доказательств.

Какого бы великого духа особу ни избрать, в каждой непременно усматривается довольно погрешностей, почему и можно смело утвердить, что разум человеческий достоин более жалости, нежели удивления. Возьмем в пример двух знаменитых философов: одного древнего, а другого нового,

* Из всех животных, что на воздухе летают,
Что плавают в водах и землю населяют,
Хоть Запад, Юг, Восток и Север обойдем,
Но человека мы глупее не найдем.

и рассмотрим их главнейшие дела и поступки. Начнем прежде Аристотелем и потом обратимся к Лейбницу.

Сей знаменитый логик, будучи первым наставником людей в здравомыслии, между многими своими умословиями предлагал также пустые и вздорные басенки. Сколько нелепых, совсем ложных и бесполезных сказок поместил он в своих сочинениях! Итак, тот, кто припимал на себя столь много труда для научения людей здравому рассудку, требовал сам в тысячу раз более вспомоществования, которое надеялся предлагать другим, и погрешал непростительно против правил, самим им предписанных. Если же захотят видеть еще сего убедительнее пример слабости и непостоянства человеческого разума, то войдем в исследование природных свойств Аристотелевых. Он называл себя философом и был в самом деле таковым; однакож не менее других любил богатство; и самый корыстолюбивый купец, который от утра до вечера непрестанно занимается попечением о своей торговле, не столько бы мог превозносить оное похвалами. По мнению Аристотеля, одно только богатство составляет все то, что может назваться здесь совершенным благом. Лукиян справедливо насмеялся столь ложному Аристотелеву умозаключению и правилу, столь противному не только истинной мудрости, но даже естественному рассудку. Он упрекает чрез Диогена сему философу, что он то говорил единственно для того, дабы иметь благовидный предлог удовольствоваться свое сребролюбие⁴⁶ и просить себе у Александра всего того, чего получить от него надеялся.

Если Аристотель любил столько богатство, то не менее того прилеплен был к ложной славе: я называю ложною славою ту, которая не приобретается позволенными и честными способами. Дабы люди верили, что его мнения были основательнее и разумнее всех других философов, он предлагал им оные столь вздорно и нелепо, что тому надлежало бы быть столько же безумно, сколько он был лжив, если бы кто совершенно удостоверился, что сии философы действительно тем мнениям его последовали и сообразно им поступали. Вот какая была слабость в человеке столь великого и высокого духа!

Неблагодарность была также свойственною и природною погрешностию в Аристотеле. Сей философ, долженствующий более других познавать всю гнусность сего порока, предавался оному совершенно. Он никогда не упускал случая оскорблять как сочинения, так и самого Платона, которому был обязан всеми своими познаниями, коими толико прославился. Итак, можно ли после сего удивляться, что в нынешнем свете многие, хотя довольный разум имеющие люди, но в природных своих дарованиях далеко не равняющиеся с Аристотелем и которых можно бы было почесть против его совершенными невеждами, оскорбляют своих благодетелей, позабывая все их прежние благодеяния; и что ныне всякое оказанное благодеяние помнится только несколько дней после его получения, и благодетель дотоле только уважается, доколе есть еще надежда иметь в нем впредь какую-либо нужду, но коль скоро в нем нужды никакой уже не будет, то не только престается оказывать к нему уважение, но даже и имя его предается забвению! В нынешние времена, почтенный Маликульмульк, есть много таких примеров. Можно ли, повторяю я, сему удивляться, когда Аристотель, будучи одарен всеми наилучшими дарами природы, предавался сему гнусному пороку до такой крайности и старался всячески оскорблять Платона и повреждать его славу! После сего не должно ли ожидать, что люди обыкновенные могут достигать в сем пороке до чрезвычайности, и не должно ли почувствовать некоего презрения к человеческому разуму, толико прославляемому полуучеными, который кажется весьма жалким для тех, кои усматривают всю его слабость?

Всякий раз, когда размышляю я, почтенный Маликульмульк, о поведении многих великих мужей, не могу воздержаться, чтоб не почувствовать некоторого смятения, взирая на свое бедственное состояние, и едва не дохожу иногда до того, что желаю себе участи бессмысленных животных и согласился бы охотно променять свой разум, всегда колеблющийся и подверженный непреодолимым слабостям, на их врожденное побуждение, которое никогда не прменяется и управляется природою. Невежды или люди посредственного ума неперестанно превозносят друг

друга в великих дарованиях, полученных ими от природы; но имеющие более просвещения мыслят о сем подобно Паскалю и почитают справедливым то, что он сказал: «Видя бедственное ослепление в человеке, удивительные противоположности, открывающиеся в его свойствах, и взирая на всю безмолвную природу и на человека, лишенного просвещения, преданного своим слабостям и как бы блуждающего в малом уголке вселенной, не ведая, кто его туда поставил? зачем он туда пришел? и что случится с ним по смерти? — я прихожу в ужас подобно человеку, которого спящего принесли бы на пустой и страшный остров и который, пробудившись, не знал бы, где он, и не находил бы никакого способа из острова выйти. Рассуждая таким образом, весьма удивляюсь, как человек без содрогания может взирать на столь бедственное свое состояние!»

Вот, почтенный Маликульмульк, когда и самый высочайший разум последних веков не мог без ужаса взирать на свое бедственное состояние и был поражен удивлением, открывая противоположности, непостоянство и слабости в своей природе, почитая ее соборищем всех бедствий, то можно ли после одного людям обыкновенным взаимно друг друга превозносить похвалами в природных своих дарованиях, в превосходном разуме и просвещении? Такие люди что могли бы сделать со всеми своими посредственными дарованиями, которые ничего не значат в сравнении с Паскалем, когда и ему те высочайшие дары, коими он щедро был награжден от природы, казались достойными презрения? Сей ученый муж, почитая участь смертных столь бедственною и несчастною, полагал, что если бы не имели они в жизни своей других причин к скуке, то, конечно, соскучились * бы собственным своим существованием.

Теперь возвратимся опять к слабостям Аристотелевым. Удостоверяют, что он был изгнан из своего отечества за то, что приносил жертвы своей наложнице и в честь ее сочинил гимн. Можно ли далее сего простереть безумие? И самый глупейший вертопрах нынешнего века делал ли что-нибудь сему подобное? Я не нашел ни в одной книге из твоей биб-

---

* В издании 1802 г. «совокупилсь». Очевидно, ошибка. В первом издании 1789 г. «соскучились». — *Ред.*

лиотеки, чтоб и в Париже делали такое боготворение бывшим там славнейшим кокеткам, и никто не сочинял в честь их гимна; может быть, сочиняли какие-нибудь любовно-страстные песенки или мадригалы; но есть ли какое сравнение между гимном и мадригалом?

Итак, когда Аристотель воздал божескую честь своей паложнице и сочинил в честь ее священные стихи, то можно ли после сего удивляться, видя в нынешнем свете многих знатных вельмож, обожающих театральные девки и расточающих для них великие сокровища? Без всякого сомнения, будут осуждать такое безумие, но самое сие не доказывает ли, каким великим слабостям подвержен человеческий разум и каких следствий ожидать должно от его непостоянства? Если в прежние веки сие случилось в Греции, то не может ли то же самое случиться в Париже, в Лондоне, в... в...⁴⁷ и в других местах? Неужели ныне люди сделались разумнее? — Конечно, нет! — Более ли они просвещены Аристотеля? — Без сомнения, гораздо меньше. — Умеют ли они лучше противоборствовать страстям своим? — Нет, почтенный Маликульмульк, они и ныне так же предаются им без всякого сопротивления. Свойство людей нимало не переменилось, и если ныне не видно, чтоб делали они такие же глупости, какие сделал Аристотель, то это, может быть, оттого, что никому не случилось быть в подобных положениях. И в нынешний так называемый просвещенный век люди так же безумны, ветрены, непостоянны, сварливы, скупы, горды и тщеславны; каким бы высоким разумом они одарены ни были, никогда не могут себя защитить от многих пороков.

Посмотрим еще сему доказательство в небольшом исследовании свойств Лейбницевых.

Он имел столько же разума, как Аристотель, и преисполнен был толиким же тщеславием. Он говорил сам о себе такими выражениями, которые показывали в нем самую величайшую и, можно сказать, самую смешную гордость. «Мне не было еще пятнадцати лет от роду, — говорит он, — как препроводил я целые дни в изыскании случая, чтоб занять место между Аристотелем и Демокритом. Не более как двенадцать лет тому, как совершились мои желания и я достиг, наконец, до совершенного доказа-

тельства о действии веществ, которые, как казалось, прежде не являли к тому нисмалой способности. Опыты, делаемые мною совсем особливим образом, могут быть доказаны яснее, нежели то делано было другими в арифметических и геометрических задачах, хотя сие превосходит всякое воображение».

Можно ли распространить далее сего надменное о себе самом мнение? Может ли модный пестиметр безумнее сего о себе мыслить, или полуученый более сего превозносить себя похвалами? После сего кто будет удивляться, что Пустовраль поставляет себя в числе лучших писателей, что Любокрас прельщается своею красотою и что сочинители *Бредящего мещанина*⁴⁸ почитают прекраснейшими творениями глупые свои бредни, хотя многим довольно известно, что нет почти ни одного из их читателей, кто мог бы с удовольствием прочитать с пачала до конца хотя одну их книжку. Все сии люди, рожденные с разумом, в тесных пределах заключенным, могут ли воспротивиться погрешностям, сродным вообще всем смертным, когда не могли избежать Лейбниц, будучи из числа величайших и славнейших философов в Европе? Ежели он по природному своему свойству принужден был впасть в столь смешное безумие и если в то самое время, когда осуждал человеческое высокомерие, предавался сам до чрезвычайности сему гнусному пороку, то каким чудом люди простые могли бы возвыситься свыше пределов своего состояния и исправить свои несовершенства, присоединенные крепчайшими узами к существу их? Безумно бы было полагать возможность, столь противную как здравому рассудку, так и неоспоримому опыту.

Итак, погрешности великих мужей не только могут быть способны дать нам почувствовать недостатки всех людей вообще, но и доказать совершенно слабости и непостоянство человеческого разума. Поелику известно, что если кто захочет исследовать какую вещь, то всегда должно рассматривать ее с превосходнейшей степени, следственно, познавая глупости обыкновенных людей, узнаешь только то, что некоторые из них могут иметь погрешности, свойственные их природе, но, удостоверясь совершенно, что и самым высочайшим разумом

одаренные часто бывают подвержены таковым же порокам, как и самые безумнейшие, должно непременно заключить, что нет никого из смертных истинно мудрого.

Ежели бы люди прилежно рассматривали, почтенный Маликульмульк, сколь бывает в них посредствен перевозносимый ими столь великими похвалами их разум и сколь способен он принимать в себя различные впечатления предрассудков, самолюбия, гордости, тщеславия, а наконец, и всех страстей вообще, то гораздо менее полагались бы они на сей, по мнению их, природный светильник, который почитают они надежнейшим себе путеводителем, ибо ежели бы он был нечто действительно существующее и совершенно твердое и основательное, то надлежало бы, чтоб во всех людях был он одинаков, производил бы в них одинакие действия и показывал бы им все вещи в равном положении. Но отчего же происходит сие различие в чувствах? По какой причине один народ почитает какую-либо вещь правильною, а другой точно бывает уверен в ее неправильности? И для чего то, что называют добродетелию в Азии, почитается пороком в Европе? Который из сих двух есть истинный рассудок, европейский или азиатский? Если европейцы совершенно уверены в своих мнениях, то какую пользу приносит природный светильник большей части земных жителей? Тогда непременно надлежит признаться, что сей мнимый светильник, данный от природы людям для их путевождения, не более им полезен, как и самогустейший мрак. Почто думают европейцы, что рассудок азиатцев несправедлив? И для чего бы таким не назвать рассудок европейцев? Каким образом можно решить столь трудную задачу? Не полезнее ли в сем случае придержаться мнения святого Августина и верить, что грубость нашего тела причиною нашего малого познания и несовершенства нашего разума? «Разум человеческий, — говорит сей святой муж, — помрачается привычкою ко мраку, коим человек окружен во греховной нощи, и потому не может отверстыми очами взирать на свет, которого в нем недостает. Великое есть для него благополучие, когда он руководствуется к истине гласом и властью веры».

Приметь, почтенный Маликульмульк, что святой Августин, как кажется, совершенно был уверен, что человек никогда не был способен сам собою познавать истину и что потребно было для сего, чтоб он был к ней провождаем некоею высочайшею властью. Итак, следуя оному, какую надежду можно полагать на сей разум, толико превозносимый похвалами от философов и от многих ученых? Должно ли называть природным светильником такую вещь, которая неспособна подать нам ни малейшего просвещения? и какое действие может произвести философия, которая ничем другим не поддерживается, как властью сего обманчивого и мечтательного разума, который чаще приносит нам вред, нежели пользу?

Цицерон не без основания утверждал, что люди, может быть, были бы блаженнее, ежели бы не были одарены разумом. Он уподобляет его вину, которое хотя может иногда быть полезно для больных, но чаще делает им вред. И в самом деле, сколько глупостей извиняемы бывают посредством разума? Человек, который, не получивши от другого ни малейшего себе оскорбления, просзжает двести или триста миль единственно для того, чтоб с ним резаться, основывает безумие свое на разуме. Пустосвят, который возмущает целое общество и который один делает более зла, нежели язва и голод, защищает свое злодеяние разумом. Мот, повергающийся в роскошь, извиняет свои поступки посредством разума. Философ вздорные свои уствования утверждает также на разуме, и, наконец, нет ни одной такой вещи, в которую люди не вмещивали бы разума: все думают обладать им в равной доле, но все равно заблуждаются.

Гораздо полезнее, почтенный Маликульмульк, усмирить сих разумников, превозносящихся столь много своим разумом, показав им всю его слабость и несовершенство. Таким способом можно научить надменных любомудров покорять их рассуждения под власть веры и никогда не спорить о некоторых вещах, в понятие их не вмещающихся, ибо сколько есть между ими таких, о коих можно сказать с святым Бернардом, что «в то самое время, когда стараются они достигать до познания вещей, им недостижимых, сами о себе не имеют нималого познания».

ПИСЬМО XLIII

От сальфа Свстосида к волшебнику Маликульмульку

Недавно прохаживался я в публичном саду, желая посмотреть на множество машин⁴⁹, летающих на парусах, которых приносит туда хорошая погода и которые главную свою должность поставляют шесть часов в сутки бегать по всем аллеям, чтобы показать свое модное платье, кланяться многим, кто им навстречу попадетя, и осмеивать всех, кто мимо их проходит.

«Вот, — думал я сам в себе, — важное упражнение тварей, которых называют умными! Несчастлив тот город, который содержит в себе много таких тунеядцев». В ту самую минуту взглянув на сторону, увидел я двух человек, скромно прохаживающихся в отдаленной аллее. «Вот люди, — подумал я, — которые, как кажется, пришли сюда только для того, чтоб пользоваться хорошим временем и употребить его для рассуждения. Конечно, это философы; поспешу узнать мысли сих счастливых людей, которые умеют пользоваться хорошою погодою, не тратя времени в пустых беганиях по аллеям, но употребляют его для умного рассуждения». В минуту сделался я невидимым и подошел к ним.

И подлинно, это были такие люди, которых многие почитали философами. Они прохаживались, не говоря ни одного слова, с важным видом и только что пожимали плечами и возводили глаза кверху... «Ты размышляешь?» — сказал один из сих философов. — «Да, — отвечивал другой, — увы! я размышляю о всех бедствиях, удручающих несчастных человеков, и действительно вижу, что человеческая участь великого сожаления достойна!.. Где ты сегодня обедаешь?» — «Это правда, — говорил первый, — что люди с стороны несчастной своей судьбы очень жалки!.. Где ты будешь обедать?» — «Я никуда не давал слова; не хочешь ли со мною вместе итти обедать в трактир?» — «С охотою». В ту же минуту они пошли из саду, и я последовал за ними.

Вошед в трактир, оба они непрестанно твердили: «Ах! боже мой! сколь маловажна человеческая жизнь!.. Что

у тебя есть к обеду?» — спрашивали они у трактирщика. — «Часть самой жирной телятины, — отвечивал он им, — спаржа, котлеты, сосиски, соус с голубями, сладкий пирог и еще, если что будет угодно». — «Очень хорошо, — говорили два философа, — приготовь еще нам хорошей рыбы и дай побольше устриц... — Ах! боже мой! — повторяли они, — как жалки люди! вся жизнь их преисполнена величайшими бедствиями. Пойдем, сядем за стол. — Хозяин! Дай нам две бутылки хорошего шампанского и бургонского вина... Подлинно, маловажна человеческая жизнь!»

После сего сели они оба за стол и начали есть с добрым аппетитом, продолжая непрестанно оплакивать человеческую судьбину и почаству спрашивая друг друга: «Не хочешь ли выпить вина, любезный товарищ?» — «С великою охотою, любезный друг!» — «Ваше здоровье». — «Ваше здоровье». — «Знаешь ли ты, что я вчерась умер было от желудка». — «А я третьего дня в кофейном домепил очень много ликеру и оттого во всю ночь был в превеликом жару...» — «Ах! как маловажна человеческая жизнь!» — «Какое это прекрасное блюдо! покушай, любезный друг!» — «А! да и пирог чрезвычайно хорош: право, я ем один против четверых». — «А я против шестерых». — «Читал ли ты недавно вышедшее сочинение г...?» — «Читал, ах! как оно жалко! Этот сочинитель не похож на философа». — «Выпьем еще по рюмке». — «Все эти господа молодые сочинители никуда не годятся; надобно признаться, что здешняя ученость пришла бы в совершенный упадок, ежели бы не было нас с тобою и еще некоторых подобных нам, которых сочинения заслуживают уважение...» — «Гей! человек! принеси нам кофею и самых лучших сливок». — «Не жалко ли, что здесь важные места в государстве занимаются такими людьми, которые очень мало того достойны; здесь не умеют различать людей: одно только знатное рождение и богатство предпочитается; мы с тобою, любезный друг! все часы жизни нашей проводим в науках и знаем цену добродетели, а не имеем способов быть полезными нашему отечеству. А! кстати! сказывал ли я тебе, что завтра станут слушать мое дело с тем негодяем... Я уже решился разорить его до основания

и не уступить ему ни одной копейки... Ах! боже мой! сколь маловажна человеческая жизнь! Куда ж мы отсюда пойдём?» — «Но хочешь ли в театр, ты увидишь там новую актрису, с которою я третьего дня познакомился: она прекрасна! Но у меня с ума нейдет, каким великим бедствиям подвержена человеческая жизнь. Ах! боже мой! Ах! боже мой! Ах! боже мой!» — «Хорошо, пойдём, а оттуда можем зайти к одной моей знакомой, у которой муж превеликий глупец... а она женщина прелюбезная... Но я всегда ужасаюсь, когда приходит мне на мысль несчастное повреждение человеческих нравов! Ах! как маловажна наша жизнь!..» После сего вышли они из трактира, но я уже за ними не пошел, видя, сколь много обманулся в моем мнении, почти философами таких, которые нимало не заслуживали сего почтенного названия.

ПИСЬМО XLVIII

К Эмпедоклу от волшебника Маликульмулька

Из всех доказательств, предлагаемых древними мудрецами, ни одного нет яснее и правдоподобнее того, которое предложил один ученый муж: что *большая часть людей злобны и развратны*.

Развратность нынешнего века людей, любезный Эмпедокл, столь приметна, что она разве только быть может неизвестна в пустынях или в самых отдаленнейших скитах; но человек, живущий в свете, против воли своей познает их пороки. И самые те, которые, будучи удалены от их сообщества, не могут видеть их злобы, не престают ощущать ее действия, которые часто достигают и до самых уединеннейших кабинетов. Нравовучение, предлагаемое людям, не что иное есть, как поощрение к исполнению их обязанностей: какая была бы в нем нужда, ежели бы люди не были подвержены ежеминутному искушению нарушать правила чести и благопристойности? Вся история дел человеческих, от самого начала света, наполнена

злодеяниями, изменами, похищениями, войнами и смертоубийствами.

Но правоучительные правила должны состоять не в пышных и высокопарных выражениях, а чтоб в коротких словах изъяснена была самая истина. Люди часто впадают в пороки и заблуждения не оттого, чтоб не знали главнейших правил, по которым должны они располагать свои поступки, но оттого, что они их позабывают; а для сего-то и надлежало бы поставлять в число благодетелей рода человеческого того, кто главнейшие правила добродетельных поступков предлагает в коротких выражениях, дабы оные глубже впечатлевались в памяти.

Находящиеся в середине течения своей жизни, сколь ни кажутся удивленными, что в такое позднее время предостерегают их от пороков, но по претерпении многих несчастий и по изнурении своего здоровья сами они, наконец, признаются, что сия предосторожность была для них весьма нужна и что они могли бы избавиться от всех бедствий, ежели бы заранее следовали благоразумным советам, им предлагаемым. В нынешнем веке, любезный Эмпедокл, много есть таких людей, которые впадают в превеликие несчастия или приходят в совершенное разорение, не зная или пренебрегая тем правилом, которое предложено мною в начале сего письма.

Не проходит почти ни одного дня, чтоб не встретился в нынешнем свете какой-нибудь молодой человек, гордящийся полученным им богатым наследством, который, будучи не испытан в светском обращении, гоняется за утехами и за чинами. Он вступает в свет, не быв никому подвластен и не познав еще ни обмана, ни злобы людей, с которыми имеет обхождение; он всех искренно любит, будучи уверен, что и ему тем же отвечают: каждое сделанное ему приветствие доставляет ему новое знакомство, в котором думает он найти совершенную дружбу.

Также от времени до времени являются многие красоты, которые, привыкши непрестанно слышать себе похвалы, думают, что сердце человеческое не может чувствовать никакой другой страсти, кроме любви. Они тотчас бывают окружены бесчисленным множеством обожателей, которым во всем верят, потому что они им говорят только то, что

им приятно слушать. Если же кто посмотрит на них влюбленными глазами и произнесет несколько вздохов, тот уже покажется им пришедшим в совершенное отчаяние.

Итак, по справедливости, тот должен быть почтен полезнейшим наставником, кто сим новым Венерам, не имеющим нималого испытания в свете, часто будет твердить, что *большая часть людей злобы и развращенны*, и кто всегда им будет припоминать, что богатство и красота есть такая добыча, за которою ныне весь свет гоняется, и что между всеми теми, которые им льстят, может быть, нет ни одного, который бы не старался, их обманув и обольстя, у одних похитить честь, а у других все имение, которым обогатя себя разделить его с другими подобными себе обманщиками.

Добродетель, представляемая здравому рассудку и основательному воображению, толикие имеет прелести, столь достойна уважения и подкрепляется столь сильными доводами, что каждый [не]¹⁸испытанный человек должен удивляться, как могут быть в свете бесчестные люди, и потому все те, коим неизвестно еще могущество страстей и корыстолюбия и кои никогда еще не испытали ни коварного обольщения, ни гнусных примеров поврежденных нравов, ни того, с какою легкостью люди обращаются от одного злодеяния к другому, ниже того, сколь много способствуют к их развращению соблазнительные разговоры, обыкновенно думают находить искренность во всех сердцах и откровенность на всех языках.

Совсем невозможно, чтоб люди, состаревшиеся в свете, не жаловались на несправедливость, вероломство и обманы, которые они от других претерпели; но молодые люди обыкновенно таковые их жалобы почитают пустыми роптаниями, старым людям свойственными; и для того, незирая на все делаемые им наставления, смело впадают, с ослепленною доверенностию, в обманчивые сети нынешнего развращенного света, не предвидя опасностей, в которые сами себя ввергают.

Легковерие есть обыкновенная погрешность неопытных молодых людей, а потому и нужно бы было почаству им твердить, что вступать в свет без всякой осторожности, в надежде найти в нем справедливость и чистосердечие,

есть равно как бы пускаться в море без карты и без компаса, в надежде иметь всегда благоприятный ветер и найти у всякого берега, куда ни пристанешь, спокойную пристань.

Если захотеть исчислять все различные причины, побуждающие людей к несправедливости и злодеяниям, то должно прежде рассмотреть все желания, которые ими обладают и кои всегда одерживают верх над добродетелью. Есть множество людей, у коих золото управляет всеми поступками и кои ничего не делают иначе, как в надежде приобрести более, каким бы то способом ни было. Таковых сребролюбцев должно почесть из всех порочных людей гнуснейшими, ибо они, невзирая на то, что ими все гнушаются, не престают обогащать себя разорением других, похищая у них последнее имущество без [всякого]¹⁸ сожаления.

Другие, еще сих злобнее, провождают всю жизнь свою, делая вред другому, ибо они не могут спокойно взирать ни на чье благополучие и питают ненависть ко всем тем, кто их богаче и честнее.

Многие есть [и]¹⁸ такие, которые хотя не столько погружены в пороки, однакож совсем неспособны иметь дружбу или какую-нибудь искренность с кем бы то ни было.

Итак, вот сколь великие предстоят опасности, любезный Эмпедокл, от сообщения с людьми нынешнего века, от коих не иначе можно избавиться, как соблюдая величайшую осторожность; и тот, кто всегда будет помнить сказанное мною в начале сего письма спасительное правило, без сомнения, научится заранее не верить никаким блистательным паружностям, которые мечтательным своим блеском ослепляют глаза молодым неиспытанным людям, и не допустит себя до того, чтоб, наконец, собственным своим опытом познать все бедствия, каковые случаются с теми, кои, не зная сего правила, без всякой осторожности впадают в сети, расставляемые пред ними человеческою хитростию и коварством.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА
«ЗРИТЕЛЬ»

РЕЧЬ,
ГОВОРЕННАЯ ПОВЕСОЮ В СОБРАНИИ ДУРАКОВ

Милостливые государи!

Когда, простой памяти, предки наши оставили нам в наследство приятную способность делить время с лошадьми и собаками, воображали ли они, что сие дарование, которое одно мешало им зевать во всю их жизнь, не зажимая рта, будет осмеяно некоторыми беспокойными головами¹ и что их прилипчивая система жить, поджав руки, или, если позволят мне употребить такое смелое изображение, система их жить, поджав умы, найдет дерзких сатириков, которые осмелятся доказывать наперекор модному рассудку, что человеку большого света нужно иметь разум не для злословия, вкус не для кафтана и сердце не для волокитства. Но, государи мой! к стыду нашего века, это делается, и когда ж? Тогда как просвещение взошло у нас на вышнюю степень; когда почувствовали мы, что природа, сотворяя человека, не могла избежать некоторых погрешностей; когда, желая заменить ее недостатки, обрезали мы стан его целою четвертью², привязали к нему под шею жабот, причесали голову его анкрошет; словом, показали, каков бы он должен быть создан, если бы из рук природы вышел по совету премудрых французов. Но приступим подробнее к истории нашего модного просвещения, дабы тем яснее доказать грубость сатиры и возбудить в сердцах ваших благородную ревность переломать сатирикам руки и ноги.

З Р И Т Е Л Ъ

ежемесячное издание

1792 года.

ВЪ САНКТ ПЕТЕРБУРГѢ, 1792 го.
въ типографіи Г. Крылова съ товарищи.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ ЖУРНАЛА «ЗРИТЕЛЬ»

Мода уже давно со справедливою завистию видела, что науки обращали к себе внимание наших одноземцев и угрожали изво всего государства сделать одну академию. Сожалеля о погибающем человечестве и более всего сожалеля о бедных женищинах, которые бы должны были зазеваться до смерти подле своих мужей или любовников, слушая ученые их рассуждения, она принуждена была войти к нам украдкою и ввести сюда своих первых рачителей — французов, которые, делая нам честь, для нас оставляли в своем отечестве достоинство французских водоносов и разносчиков, чтобы образовать наши нравы и обычаи. Они-то из медведей сделали нас людьми; они-то показали нам необходимость переменять в год по пятидесяти кафтанов; открыли нам ключ, что удачнее можно искать счастья с помощью портного, парикмахера и каретника, нежели с помощью профессора философии; они-то, наконец, науча нас танцовать, открыли нам нужную для светского человека тайну, что ученые ноги в большом свете полезнее ученой головы.

Не подумайте, милостивые государи, что пристрастие управляет моим языком; нет, без самолюбия скажу, что я в сем случае философ и все нации люблю, выключая моего отечества. Итак, говоря о просвещении, нельзя умолчать мне об англичанах. Им-то обязаны мы искусством изъясняться с английскими лошадьми и превращать грубых наших крестьян в стальные пуговицы и пряжки; их-то скромный кафтан и французская ветреность составляют нечто неподражаемое из наших модных господчиков, которые одни имеют великое дарование соединять в себе благородную ветреность французских парикмахеров и философскую важность английских конюхов.

С каким ужасом, государи мои, воспоминаю я то время, когда у нас молодой человек при первом слове был виден, как далек он в невежестве: должно было или учиться, или опасаться посмеяния и самого презрения. Должно было проводить время в кабинете, вместо того чтобы с удовольствием убивать его в кофейных домах; должно было читать книги полезные... Но, любезные слушатели! я примечаю, что от одного напоминания о таком варварском времени вы зеваете и многие чувствительнейшие из

вас патриоты зазевались бы до слез, если бы продолжал я такое жалкое описание. Но оставим его. Сие время уже прошло; ныне молодой человек, желающий слыть ученым, не имеет большой нужды в грамоте; за недостатком своего ума можно иметь у себя на полках тысячи чужих умов, переплетенных в сафьян и в золотом обресе, а этого уже и довольно, чтобы перещеголять свою славою лучшего академика.

Но чем не обязаны мы счастливому нашему просвещению! Если б вздумал я описывать все в нем выгоды, то бы речь моя была длиннее всех предисловий Т...³ вместе; она бы показалась пространнее комедии Мнимого Детуша⁴, которая в своем пространстве столько неизмерима, что в ней ученый свет не находит ни начала, ни конца; она бы показалась протяжнее романа Антирихардсона⁵, которого долго терпеливейшие читатели не дочитывались до половины.

Но мне ли, государи мои, с слабыми моими силами, прилично говорить о пользах модного просвещения: сия материя так неисчерпаема, как древние авторы, которые под рукою молодых наших писателей перерождаются, как Протей⁶, в тысячи разных видов, один одного хуже. Довольно и того, когда доказал я, что модное просвещение возшло у нас на вышнюю степень; и в подтверждение этого стоит только вам взглянуть друг на друга, чтоб видеть истину моих доказательств и почувствовать выгоду вашего состояния, приманчивого для человека, которое одно только можно поддержать, не имея ни ума, ни сердца.

Были дерзкие писатели, которые утверждали, что петиметры ниже человека, и полагали их в число животных. Безумные! они не приметили, что таким заключением делали нашу славу. Так, государи мои! согласимся, что петиметр не человек; но если он скот, то, конечно, умнее всякой скотины, не выключая и самой обезьяны. Итак, не лучше ли быть первым между скотами, нежели последним между людьми? А сие-то лестное первенство получили мы в нынешний век, и оно-то посеяло яд зависти в беспокойных сердцах и вооружило на нас сатиру или, лучше сказать, пасквиль, покушающийся сделать жалким щеголя в большом свете, где играет он первое забавное лицо. Сей пасквиль желает разрушить наши труды, тогда

как мы в разборчивости платья и в щегольстве превосходим самих женщин; дерзкий сей пасквиль, кажется, осмеливается отнимать наше первенство и доказывает, что будто из человеческой головы можно сделать лучшее употребление, нежели то, чтобы давать ее французу всчесывать анкрошет, и будто голова не для того нам дана, чтобы носить на ней аглинскую шляпку.

Вот, государи мои, причина, для которой собралось теперь наше почтенное общество. Надобно подавить в самом начале дерзость; надобно доказать нашим противникам, что без хорошего парикмахера и портного нельзя ни заслужить уважения публики, ни подружиться со счастьем; что истинное достоинство состоит только в том, чтобы уметь одеваться по погоде и подделывать свой тупей под крымские овчинки⁷ так же искусно, как французы подделывают медь под золото.

Почему ж, возразят мне, может быть, некоторые, вооружаетесь вы на сатиру за то, что она нападает на порок, не указывая ни на чье лицо?.. Будто рассказывать дурачества разных особ не есть то же, что выставять их лица на осмеяние. Так, государи мои, не выставлены наши имена, но дела наши обнаружены.

Когда описываю я сочинителя, который своими романами перебивает у аптекаршей торг сонными порошками и который отважно передразнивает славного сочинителя *Клариссы* или *Новой Элоизы*⁸, нужно ли тогда долго задумываться, чтобы в неутомимом этом дразнильщике угадать неустрашимого Антирихардсона? Члена, который делает собою украшение нашему обществу, стремится подражать авторам, не читая их, и который всегда выигрывает у своего подлинника большинство томами, — нужно ли долго отыскивать его имя? Конечно, нет; и он имеет неоспоримое право назвать на себя личностью всякую сатиру, где осмеивается усыпляющий автор, хотя бы такое описание было сделано и за сто лет до его рождения. Не имеет ли право вступить за себя сиятельный Юла, как скоро описывают щеголя, который, как состаревшаяся в невестах девушка, проводит перед туалетом две трети своего века, старается всем понравиться и думает, что о красоте его твердит весь город, между тем как едва

примечают, что он двигается в большом свете? И много ли надобно трудов Одохвату на то, чтоб доказать оскорбление стихотворной своей особы там, где ругаются оды без стихотворства, стихи без остроты и без смысла и когда упоминается стихотворец, который похвалами своими мучит героев болсе, нежели Боало мучил своими сатирами Прадона и Котина⁹; где говорится про оды, в которых не только красот, но и смысла все академии вместе в триста лет не отыщут, — трудно ли, говорю я, Одохвату доказать, что тут разругана его особа? Нет, государи мои! стоит только ему вынуть первую свою оду, и самый скромный читатель согласится, что сатира метила на него.

Взгляните на описание Тарантула¹⁰, который разжился женою, поставя себе прекрасным правилом, что нет вреднее двух случаев: если у купца деньги, а у него жена назанерти, и который хочет переломать руки и ноги сочинителю за то, что тот издал описание его по-русски, которое покойник Ле-Саж еще до рождения его написал прекрасно по-французски. Кто не узнает в нем нашего милого Тарантула; кто, имеющий сердце и палку, не вооружится за его особу, как скоро увидит сочинителя, осмеивающего золотые рога? Если вам надобно подтверждение, что это сатира на него, то сам Тарантул выставит до двадцати доказательств, что, не обижая его, нельзя бранить рогатых, хотя и он еще не все доказательства знает; что ж, если вступится в это дело его жена? Какой бездны доказательств тогда ожидать мы должны! О! тогда-то, если только приговорят в наказание пасквиленту рвать у него по волоску за всякое доказательство Тарантуловой жены, то в два месяца останется у него менее волосов, нежели у усерднейшего мусульманина.

Итак, не ясно ли видны ваши имена, когда дела ваши выставлены? И не достойно ли такое ругательство явного мщения? Вооружимся же, государи мои, и поищем способов унижить дерзких сатириков! Отмстим и докажем, что если мы не в силах отбраниваться пером, то кулаки, палки и брани словесные суть такие в наших руках орудия, которыми можем мы прогнать армию Цицеронов.

При слове мщения нельзя не обратить мне моей речи к любезному нашему Тарантулу и не отдать справедливости,

что он под французским кафтаном носит итальянское сердце и ни на чем не остановится, лишь бы отомстить тому, кто ему не мил. Он в состоянии сатирика своего вызвать на аглинский бой головами и не задумается прибавить сучка четыре к своим рогам только для того, чтобы раскроить ему череп надвое. Вот пример, которому если мы будем рачительно последовать, то или наши неприятели смирятся, или нас принудят смириться... Станем подражать Тарантулу, и пусть похвала, которую я к нему обращаю, послужит нам поощрением, а ему наградою.

Он не подражал некоторым слабым душам, которые, увидя в сатире свое лицо, или стараются исправить свои слабости, или возвышают пирамиды печатной бумаги и пишут сатиру на сатиру. Нет, едва оцупью по рогам узнал он свой портрет, как дал клятву сломить голову сатирику, его типографщику и даже мастеровому, у которого покупает он чернило; и если б страх кончить свою историю в смирительном доме не удержал его, то бы доказал он, что и маленькое тело может сделать великое зло. Со всем тем это не привело его в отчаяние: он стал рассевать, как Бомаршев Базиль¹¹ зловредные на сатиру толки, и там, где говорят о пуговицах, он доказывает, что обижается чье-нибудь лицо; там, где бранят пьянство, он силится доказать, что оскорбляют честь; а там, где осмеивают податливого мужа, торгующего рогами, он силится уверить, что оскорбляют добродетель и человечество: словом, сидя в своей конуре, выдумывает он всевозможные кривые толки и ищет поссорить сатиру со всеми честными людьми, когда она ссорится с одними пороками. Он не смеет явно выдавать таких толков, но, как скромный автор, не ставит имя у своих творений, и читатель, задремав над его стихами, уже, проснувшись, угадывает, что это должен быть Мнимый Детуш; подобно и Тарантул наш по делам своим заставляет угадывать свою особу. Так точно рассерженный клоп, едва приметный в океане вещей, забивается в маленькую скважину, пускает вонь на своего неприятеля, которого телом он питается, и имеет дарование беспокоить нос, не опасаясь быть увидим. Он знает, что его не иначе лезя отыскать, как носом; и хотя всякий нос может до него довести, но что и самый терпеливый нос

в две минуты отступится от таких мучительных поисков и оставит ему поле сражения.

Вот, государи мои, пример, которому должны мы последовать, если хотим избавиться от ига сатиры. Дадим же себе слово переломать сильною рукою перья наших неприятелей, и если уже воображение наше слабо сравнится в выдумках с воображением маленького Тарантула, то будем хотя пользоваться его советами, которыми он в своем роде перещеголяет Генслея.

Итак, вы, почтенные собратия, которые ощупаете себя в сатире, не будьте так слабы, чтобы признавать свои погрешности и стараться их поправить. Но, подражая Тарантулу, старайтесь мстить сатирикам. Нет, ничего, хотя бы автор и не думал о вас: уже он ваш открытый неприятель, когда бранит дурачества, и вы получаете право злословить его особу, намерения и побить самого его, если вам удастся. Одним словом, я признаю, что тот не член нашего общества, кто не палкою станет оправдываться и не кулаками доказывать истину; а тот будет нашим украшением, кто ко всему этому прибавит злословие и вредные толки на сатирика. Может быть, не станут нас слушать, но зато какая слава и удовольствие для нас, если выиграем мы поле сражения! Тогда-то мы будем дурачиться, как хотим, и если уже станут хохотать над нами наши современники, то по крайней мере не будем мы воздержаны страхом, чтоб над нами смеялись позднейшие наши потомки... Тогда-то... но восторг меня объемлет и понуждает хотя кратко изобразить то золотое время. Последую движению моего духа и сим изображением, как самым приятным для вас местом, кончу мою речь.

Тогда-то, говорю я, кокетка будет спокойно щеголять белыми своими зубами и длинными волосами, не опасаясь, чтоб напечатано было, что зубы ее искусно сделаны из слоновой кости, а волосы проданы ей молодым щеголем, которого тетка, расточа все свое имение, оставила ему в наследство одни только свои прекрасные волосы.

Тогда-то щеголь, не находя о себе ни строки, будет иметь удовольствие мотать до тех пор, пока не заставят его в магистратской тюрьме¹² сличить приход с расходом; тогда-то расчетистый Тарантул, который любит свою

жену, как рыбак свою удочку, не будет опасаться, чтоб беспокойный сатирик исчислял сучки его рогов и предостерегал бы молодых людей от западни, которая старается ловить сердца, чтобы очистить имение. Тогда-то романы прилежного Аптирихардсона будут спокойно лежать на полке, не опасаясь, чтобы кто-нибудь их бранил, выключая малого числа неблагодарных читателей, которые, несмотря на то, что автору своему бывают часто обязаны хорошим сном, имеют безбожную привычку, проснувшись, бранить его первого. Тогда-то, наконец, всякий из нас будет смело дурачиться, не опасаясь, чтоб дурачеству, которое сделал он в Петербурге, стали смеяться даже в московских книжных лавках. Одним словом, мы тогда, читая древних авторов, будем иметь удовольствие смеяться их дуракам и иметь перед ними то преимущество, что нам наши потомки смеяться не станут и не будут нашими именами бранить своих дураков.

РАССУЖДЕНИЕ О ДРУЖЕСТВЕ

Во всех временах дружество почитали из числа первых благ в жизни; сие чувство рождается вместе с нами; первое движение сердца состоит в том, чтобы искать соединиться с другим сердцем, и между тем целый свет жалуется, что нет друзей. С начала мира все веки вместе едва-едва произвели три или четыре примера дружества совершенного. Но если все люди согласны, что дружество прелестно, почто же не ищут наслаждаться сим благом? Не есть ли сие заблуждение слепого человечества и следствие развращения оногo — желать блаженства, иметь его в своих руках и убегать его?

Выгоды дружества блистательны сами собою: вся природа единогласно подтверждает, что они приятнейшие изo всех благ земных. Без дружества жизнь теряет свои приятности; человек, оставленный самому себе, чувствует в своем сердце пустоту, которую единое дружество наполнить может; от природы заботливый и беспокойный, в недрах дружества утишает он свои чувствования.

Коль полезно пристанище дружбы! Она охраняет от коварства людей, которые почти все непостоянны, обманчивы и лживы. Первое достоинство дружбы есть вспомоществовать добрым советом. Сколь бы ни рассудителен кто был, но всегда нужен проводник; не должно без опасения верить своему собственному разуму, который страсти наши заставляют часто говорить по их воле.

Древние познали все благо любви, но они описания дружества сделали столь огромными, что заставили почитать оное за прекрасную выдумку, которой нет в природе. Кажется, они худо знали свойства человека, когда умышляли прельщать его такими описаниями и заставлять искать дружбы, столь богато раскрашенной ими: они как будто позабыли, что человек более склонен знатным примерам удивляться, нежели им последовать.

Но более ли ныне умели познать дружество? К стыду нашего века, кажется, признают, что делить с другом своим имение свое есть вышняя степень дружества и величайшее ее усилие. Но люди, которые так рассуждают, не изъявляют ли сим одно развращение нынешнего времени, алчность и привязанность свою к богатству, и способны ли они чувствовать дружество? В таких описаниях, желая дать почувствовать цену дружества, не оное, но свое корыстолюбие они изображают: главнейшая выгода дружества состоит в том, чтоб в друге своем найти образец добродетелей; нам всегда лестно приобретать почтение любимой особы, и сие-то желание заставляяет нас последовать добродетелям, которым мы в ней удивляемся.

Сенека советует другу своему выбрать почтеннейшего между людьми, поступать всегда, как будто б был в его присутствии, и давать ему отчет в своих делах: сей великий человек, сей судья наших деяний есть наш друг; никто столь за нас не отвечает нам самим, никто не оправдывает нас столь в глазах общества, как друг почтенный. Нам непростительно быть несовершенными в его глазах; и потому никогда не видно порочного в дружестве с добродетельным. Неприятно видеть того, кто судит и обвиняет нас беспрестанно. Надобно быть прежде уверенными хорошо о беспорочности своего сердца и правил, если хочешь выбрать себе друга. Выбирая друга, ты судью

себе избирасшь: порочный удобен ли отважиться на такой выбор, и выбор сей не принадлежит ли единой добродетели?

Я боюсь, говорил Плиний, лишась своего друга, я боюсь, чтобы не ослабеть в пути добродетели; уже потерял я моего проводника и свидетеля моей жизни. Дружество по необходимости заставляяет нас быть добродетельными: оно не может храниться иначе, как между почтенными* людьми, и тот, кто желает сохранить дружество, должен стараться подражать в добродетели своему другу. Итак, в дружбе находятся и полезные советы, возбуждения последовать добрым примерам; друг с нами делит наши печали, помогает нам в наших нуждах, не побужденный ни просьбою, ни корыстию, ни исканием. Рассмотрим же теперь истинное свойство дружества, по коему бы можно было познавать оное.

Первое достоинство, которое должно сыскивать в друге, есть добродетель: она-то уверяет нас в нем, что он способен к дружеству и оного достоин. Не падейся нимало на ваши обязательства, как скоро не на сем основании они утверждены: ныне не выбор, но нужды соединяют людей, и для того-то нынешнее дружество так же скоро кончится, как и пачинается: дружатся без разбору и ссорятся не раздумывая; ничто столь не презренно: худой выбор оказывает или дурное сердце, или дурной разум. Из тысячи умей выбрать себе друга; ничто столь не важно, как сей выбор, ибо от него зависит наше благополучие. Помысли, что нас судят в наших друзьях; выбрать друга значит дать обществу свой образ и открыть свое сердце. Всякий бы трепетал, если бы размыслил, сколь важно признать кого своим другом. Хочешь ли быть почтен? Обращайся с людьми почтенными. Итак, надобно хорошо познать прежде, нежели войти в обязательства. Первый знак, могущий уверить, что выбранный достоин дружества, есть добродетель. Потом должно, чтобы выбираемый друг был свободен и неподверженный страстям: одержимые гордостью и надмением неспособны к таким чувствованиям, а еще менее те, кои окованы узами любви. Любовь похищает всю цену дружества; она есть страсть жестокая,

* Через слово «почтенный» не разумею я «чиновный», так как многие очень неправильно принимают сии слова за синонимы,

а дружба — ощущение приятное и спокойное. Любовь напояет душу неким восторгом радости, за коею нередко следует жестокое сокрушение; но дружба есть наслаждение рассудка, всегда чистое и всегда ровное; ничто не может его переменить ни ослабить; оно питает душу, и время не сокрушает, но подкрепляет его.

Занимающиеся исканием почести также неспособны к сему чувствуванию: они более ищут богатства, нежели дружества. В дружестве не менее нужны чистые нравы; тот подвергается великой опасности, кто вступает в дружбу с человеком развращенного поведения.

Я думаю также, что чрезмерная молодость неспособна к наслаждению совершенным дружеством: мы видим много молодых людей, которые называются друзьями и думают, что это истина, но их связывают одни забавы; а забавы не суть узы, достойные дружества. Мы в летах, приличных дружеству, говорит Сенека своему другу: сильнейшие страсти в тебе угасли, остались одни приятные, и мы будем наслаждаться забавами дружества. Но рассмотрим должности дружбы.

Три время находятся в дружбе: начало, продолжение и конец. Как всякое начало дружества наполнено чувствуваниями, то все наполнено забавою при рождающемся дружестве. Но часто случается, что вкус притушается привычкою, очарование исчезает, и тогда уже должно поддерживать дружество по рассуждению; подпора всегда слабая. В дружбе, как в любви, должно падить чувства и вкус от притушения; сия предосторожность позволена. Но кто может воздержаться от утешения невинного и позволенного? Итак, должно утверждать дружество на крепчайшем основании; почтение, подкрепляемое знанием достоинств, — вот основание, которое никогда не может поколебаться. Любовь пишется с завязанными глазами; но у дружества снимается сия завязка; дружество рассматривает, прежде нежели избирает, и привязывается к одним достоинствам особы, ибо те одни достойны быть любимы, которые в себе самих заключают причину, побуждающую их любить.

Сделав добрый выбор, надобно на нем утвердиться и иметь к своему другу неременчивое почтение, и основанное

не на одних чувствах, но на рассуждении, ибо чувства могут охладеть, и тогда почтение, сопряженное со справедливостию, только останется неизменным. Не надобно дозволять себе ценить слабости в своем друге и еще менее — говорить о них; должно почитать дружбу. Но как она дана нам к тому, чтоб быть помощию добродетели, а не участвовать в пороках, то должно уведомлять, когда друг твой уклонится с пути добродетели; если он упрямствует, вооружись властью и силою, которую подают премудрые советы и чистота добрых намерений.

Не думай, что по окончании дружбы ты уже ничем не обязан: обязательства труднейшие остаются тебе исполнить, и в коих одна честь может тебя поддержать; к старому дружеству должно хранить почтение.

Некоторые думают, что смерть разрушает все обязательства, и малое число людей умеют быть друзьями умерших, хотя великолепнейшее украшение на наших похоронах суть слезы наших друзей и приятнейшая нам гробница — их сердца. Не думай, однакож, чтоб слезы, проливаемые только на погребении твоего друга, были последним знаком твоей к нему горячности: ты еще остаешься обязанным его имени, славе и дому, он должен жить в твоём сердце, в твоём воспоминании, в твоих устах похвалами и в твоих поступках подражанием его добродетелям.

Вот правила, вот образ дружества, начертанный на моем сердце самою природою, и я тогда только почту себя несчастливим, когда сердце мое охладет к толь благородным чувствованиям; когда дружество меня оставит и свет претворится для моего сердца в пустыню.

МЫСЛИ ФИЛОСОФА ПО МОДЕ, ИЛИ СПОСОБ КАЗАТЬСЯ РАЗУМНЫМ, НЕ ИМЕЯ НИ КАПЛИ РАЗУМА

Любезные собратия! — так начинает мой философ, — уважая вашу благородную ревность казаться разумными в большом свете и в то же время сохранять наследственное прилепление к невежеству, предприял я быть вам полезным

и преподавать способ, лестный для нынешнего воспитания, способ завидный — казаться разумным, не имея ни капли разума.

Намерение такое удивит угрюмых читателей и философов. Может быть, и вы сами почтете его странным, уважая старинную поговорку: «Ученье свет, а неученье тьма». Но кто учен, друзья мои? И когда сам Сократ сказал, что он ничего не знает, то не лучше ли спокойно пользоваться нам наследственным правом на это признание, нежели доставать его с такими хлопотами, каких стоило оно покойнику афинскому мудрецу; а когда уже быть разумным невозможно, то должно прибегнуть к утешительному способу — казаться разумным. Поставим себе в пример женщин, станем учиться у них: у них нет науки быть пригожею, но пригожею казаться — вот одно искусство, над которым многие лет по семидесяти трудятся, и часто с успехом.

Науки ныне в таком же малом уважении, как здоровье. Быть дородною, иметь природный румянец на щеках — пристойно одной крестьянке; но благородная женщина должна стараться убежать такого недостатка; сухощавость, бледность, томность — вот ее достоинства. В нынешнем просвещенном веке вкус во всем доходит до совершенства, и женщина большого света сравнена с голландским сыром, который тогда только хорош, когда он попорчен... То же можно заключить и о нашей учености: прямая ученость прилична низким людям. Учение, к удовольствию модных господчиков, уравниено с другими ремеслами, и здесь Невтон и Эйлер, конечно, менее уважаемы, нежели Брейтсгам и Гек¹; но искусство притворяться учеными — вот одно достоинство, приличное благородному человеку и которое делает его милым в глазах общества! Самые женщины, открытые неприятельницы книг, любят слушать его рассуждения, для того что оные не унижают их самолюбия. Женщине очень приятно видеть, когда мужчина лет под сорок рассуждает так забавно, как пятнадцатилетняя девушка, и такую прекрасною уловкою скрадывает у себя лет двадцать. Скажите мне, друзья мои, не первая ли должность мужчины нравиться женщине? Но что же для ее разборчивого и расчетистого вкуса может быть

приятнее молодого мужчины, с разметанным разумом, который бы, не утверждаясь ни на чем, старался о всем говорить, который бы своими рассуждениями о важных делах был так же забавен и основателен, как маленькая девушка за куклами?

И не ужасно ли, когда молодой благородный человек вздумает от чистого сердца прилепиться к наукам и представлять особу столетнего старика? Один вид такого невежи жить в большом свете заставит зевать самую учтивую женщину. Но вы, друзья мои, не должны опасаться, чтоб к вам относилась эта укоризна: обожая моду, вы не выступаете из ее правил; вы с искусством убегаете наук и с похвальным усердием храните, как талисман щеголих, наследственное невежество; вы не знаете, что такое есть мыслить, и можете служить первым доказательством, что человеку большого света не нужно иметь ни сердца, ни ума и что тот уже довольно одарен от природы, кто имеет проворный язык и может, не уставая, говорить по десяти часов сряду. Вы, наконец, столь искусно умеете играть лицо маленьких ребяток, что из вас стариков по одним седым волосам узнать можно; вы часто умираете прежде, нежели догадываетесь, что вы живете и зачем вы на свет родились.

Пусть смеются над вами; пусть ищут на вас сатиры, сказки, песни, эпиграммы; вы все это сноситесь с стоическим терпением, или, лучше сказать, вы ничего этого не видите и доказываете только тем, что ваши сатирики, желая вас переменить, оставляют вам поле сражения... Так точно старый осел, привыкший к понуканиям и к брани своего хозяина, с терпением слушает его восклицания и ругательства... зная, что это один пустой звук, и продолжает свой путь попрежнему, тихим шагом, оставляя хозяина в надежде, что он когда-нибудь его уговорит. Вот пример, которому вы последуете, — и справедливо делаете, друзья мои! Оставьте сатириков кричать и будьте уверены, что, нападая на вас, не вашей пользы, но своей славы они ищут, и вы только служите им богатым оселком, около которого острят они свой разум. Не думает ли свет, чтобы Боало перестал браниться, когда бы Прадон и Котин его исправились? Поверьте, что нет: он бы сыскал кого-нибудь

еще глупее для своих насмешек. Сказать ли вам более: перестаньте только дурачиться, вздумайте быть рассудительными, если только это можно, — и сатирики первые огорчатся такою переменою. Вы у них отнимите любимую их пищу, и многие из них помрут с отчаяния, что глупее, смешнее и забавнее вас никого побранить не сыщут. Но посудим философски: достойны ли вы даже и насмешек их и во многом ли они перед вами преимущество имеют?

Говорят строгие нравовучители, что первая и труднейшая должность человека есть победить свои страсти. Но вы, вы не имеете страстей, которые бы были для вас опасны, или, лучше сказать, вы совсем бесстрастны и поступаете так же равнодушно, как прекрасные куклы, показываемые в народных игрищах; и которые приписывают вам волю и страсти, так же обманываются, как мужики, которые, увидя разные движения кукол, думают, что оные делают все кривлянья по своему хотению. Поутру, едва проснетесь, компаные служители обертывают вас и поднимают с постели, после того волосочес вертит вашею головою, потом возят вас по городу, сажают за стол и к вечеру опять укладывают в постелью. Доказывает ли все это, чтобы в вас были хотя малые порывы страстей?

Тогда как важных ваших противников занимают желания, которые почти выше человека; когда они ищут таинства природы, стараются даже проникнуть в связи миров; когда измеряют, сколько далеко отселе до солнца, как будто бы желая вычислить, как дорог им станет туда проезд; когда занимаются топографиею луны; когда они устремляются еще в важнейшие рассуждения и силятся продолжать далес свой путь, несмотря на то, что перед ними открыта его бесконечность, — вы тогда спокойно занимаетесь игрушками; вас утешают зайчики, кареты, собаки, кафтаны, женщины, нередко случаются у вас и драки; но и дети ведь дерутся за свои безделки: ваши ссоры не важнее их, и потому-то вы не более их виноваты.

Вы не занимаетесь тем, далеко ли отселе до Сирнуса, и довольны, если кучер ваш знает, близко ли от вас первый хороший трактир или клоб; вы не думаете, солнце или земля скорее вертится, — довольно для вас и того труда,

что вы вертитесь с ними вместе, — и это важнейшая работа, которая в жизни вас занимает...

Но, завлеченный восторгом вас хвалить, любезные со-
братия, я не примечаю, сколь много отдалился я от моего
виду, и позабываю, что обширностию моего письма я под-
вергаю себя опасности не быть никогда вами прочтенным.
Приступим же скорее к самому делу.

Теперь уже ясно, сколь велики ваши выгоды, которых
первая важность состоит в том, чтоб блистать остроумием.
Щеголь, который не умеет притворяться разумным, не
может играть блистательного лица в большом свете,
а к сему-то и пужны некоторые правила, приведенные
в порядок... Вот предмет моего труда. Я посвящаю его
вам, друзья мои, и буду доволен, если один из тех фран-
цузов, которые готовят вас в свет и учат трудной науке
ничего не думать, — если один из тех французов, говорю
я, прочтя мои правила, скажет, что они согласны с образ-
цом, по коему он воспитывал благородное наше юношество.

1

С самого начала, как станешь себя помнить, затверди,
что ты благородный человек, что ты дворянин и, след-
ственно, что ты родился только посесть тот хлеб, который
посеют твои крестьяне, — словом, вообрази, что ты
счастливый трутень, у коего не обгрызают крыльев, и что
деды твои только для того думали, чтобы доставить твоей
голове право ничего не думать.

2

Приготовя себя таким прекрасным началом, из
коего следуют все другие правила, делающие блестящим
человека в большом свете, должен ты отвергнуть некото-
рые предрассуждения, мешающие иногда блистать остро-
умием молодому человеку, и для того привыкай заранее
шутить над тем, что для предков наших было священно.
Ничто так не блистательно, как молодой человек, когда он

шутит над важными вещами, не понимая их; при всей мелкости своего ума, он тогда так мил, как болонская собачка, которая бросается на драгунского рослого капитана и хочет его разорвать, между тем как он равнодушно курит трубку, не занимаясь ее гневом. Как мила и забавна смелость этой собачонки, так точно забавна смелость вашего ума, когда огрызается он на вещи, перед коими он менее, нежели болонская собачка перед драгунским капитаном.

3

Должно быть забавным в обществе, уметь убивать время и делить его весело; а к сему нужна только одна наука — играть в карты: она заменяет в большом свете все другие науки. Бойся не играть в карты: ничего нет глупее молодого человека, который, не зная карт, лишен способа кстати проиграть деньги барину или его любовнице... Карты суть душа наших собраний: без них четыре человека, съехавшись, по несчастию, вместе, не знали бы, что делать; и справедливо должно сомневаться, бывали ли, полно, до выдумки карт какие-нибудь собрания.

Французские учителя многие очень хорошо делают, что питомцев своих учат играть в карты, и я бы не советовал родителям принимать для своих детей никакого учителя, если он не знает игор, которые в употреблении. Молодой достаточный человек, вступая в свет, может спокойно забыть свои науки, имея деньги и дядюшек: он уже имеет право на невежество и на счастье, но карты ему необходимы: без них он в лучших домах будет мертвецом, и на него станут указывать пальцами, как на выходца с того свету!.. «Вообразите, — скажут женщины, — он невежда до такой степени, что не может сделать партию в виски!»²

4

Будь насмешлив, сколь можно: молодой человек, умеющий осмеять и подшутить, ищется, как клад, в лучшие общества; злословец не может быть дурак — вот определение

модного света. Старайся его заслужить, и ты будешь взыскан; но не будь низок и не шути над тем, что в самом деле достойно осмеяния: это знак слабого воображения, если молодой человек смеется над смешными только людьми или вещами; остроумник нынешнего века должен бегать такого недостатка и острить свой язык насчет важных и почтенных людей. Никакой нет славы смеяться над Антирихардсоном и над Мнимым Детушем: это значит бить лежачих; и без тебя весь свет знает, что они гадкие писатели, но если ты будешь смеяться над Ломоносовым или, увидя на театре, станешь бранить славную Ле-Саж и Делпи, то подашь тем знак о превосходстве твоего вкуса, который и столь великими талантами не мог быть удовлетворен.

5

Отбери несколько авторов наудачу, затверди их имена, вздумай, что один из них пленил тебя своими красотами, так, как Дон-Кихот³ вздумал, что его пленила Дульцинея, которой он и в глаза не видывал; таким образом пожаловав одного какого-нибудь автора (тем больше тебе чести, если он иностранный) в свои любимцы, брани других и занимайся им одним, приписывай тем погрешности, которых в них нет, и придавай ему прелести, коих в нем не бывало. Ничего нет милее, как видеть двух молодых щеголей, когда спорят они за своих авторов, не читав их, и мне часто случалось быть свидетелем, как Руссовы эпиграммы над Юнговыми *Ночами*⁴ одерживали победу, которая всегда оставалась на той стороне, у чьего защитника здоровее горло.

Маленькие дети ныне очень искусно учатся передражничать своих родителей, и если им не мешают в таком приятном упражнении, то можно со временем ожидать, что из такого ребенка сделается презабавный для света повеса; такие дети бывают обыкновенно неустрашимого духу, и на пятнадцатом году они уже в состоянии колотить своих отцов или выталкивать их с[о] двора.

6

Умей говорить, не думая; думать прилично ученому, а учение не пристало щеголю, и ты должен остерегаться, чтоб не сказать чего умного. Молодой человек, который говорит умно, очень глуп в большом свете; а ты должен быть забавен: большая часть женщин любит попугаев; хочешь ли и ты теми же самыми женщинами так же быть любим, старайся говорить, как попугай, и ты прослывешь остряком; выучи поутру несколько чужих острых слов и умей их сказать кстати... Твой разум, как женщина, должен быть прибран за уборным столиком — вот ключ к доброй славе. Умей поутру выкрадывать, что надобно тебе говорить днем, и половина города не приметит, что ты невежа.

Есть и другой способ говорить забавно без ума, буде только язык твой гибок и проворен, как трещотка; но это трудная наука, которой только у женщины учиться можно. Старайся подражать им, старайся, чтоб в словах твоих ни связи, ни смысла не было, чтоб разговор твой переменял в минуту по пяти предметов, чтоб брань, похвала, смех, сожаление, простой рассказ, — все бы это, смешанное почти вместе, пролетало мимо ушей, которые тебя слушают, и, наконец, чтоб ты, как барабан, оставлял по себе один приятный шум в ушах, не оставляя никакого смысла. Молодой человек с такими дарованиями нужен в модном обществе, как литавр в оркестре, который один ничего не значит, но где должно сделать шум, там без него обойтись не можно.

7

Остерегайся быть скромн, или ты заставишь думать что тебе нечего сказывать, а это великий недостаток. Молодой щеголь нынешнего века должен быть то же, что морская труба ⁶: принимая в один конец слова, выдавать их тотчас в другой; и чем кто смешнее умеет пересказывать, тем более приписывают ему ума. Не заботься, если от таких пересказов родятся ссоры, драки и бедствия: тем более чести пересказчику, чем более и блистательнее

действие произведет его пересказ. Легко станется, что ты и бит будешь, но это есть лавры, составляющие лучшее украшение пересказчиков: чем сильнее тебя побьют, тем яснее доказательство, что память и воображение твое обширны; и чем более тебя бранят, тем виднее, что ты привлекаешь к себе внимание. Многие франты совсем забыты от света, не имея дарования переносить вести; а это жалкая участь щеголя, если о нем помнят одни его заимодавцы.

Вот, любезные мои собратия, маленький опыт правил, столь необходимых тому, кто хочет с успехом блистать в модном свете! Пользуйтесь ими; я знаю, что многие французы будут завидовать, для чего другие написали то, чему они словесно учили; но я не самолюбив и охотно признаюсь, что эти прекрасные правила не моей выдумки и что мы обязаны оными тем снисходительным французам, которые, кончив на галерах⁶ свой курс философии, приехали к нам образовать наши нравы.

ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ

В ПАМЯТЬ МОЕМУ ДЕДУШКЕ,
ГОВОРЕННАЯ ЕГО ДРУГОМ В ПРИСУТСТВИИ
ЕГО ПРИЯТЕЛЕЙ ЗА ЧАШЕЮ ПУШШУ

Любезные слушатели!

В сей день проходит точно год, как собаки всего света лишились лучшего своего друга, а здешний округ — разумнейшего помещика: год тому назад, в сей точно день с неустрашимостию гонясь за зайцем, свернулся он в ров и разделил смертную чашу с гнедою своею лошадию прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную их привязанность, не хотела, чтоб из них один пережил другого, а мир между тем потерял лучшего дворянина и статнейшую лошадь. О ком из них более должно нам сожалеть? Кого более восхвалить? Оба они не уступали друг другу в достоин-

ствах: оба были равно полезны обществу; оба вели равную жизнь и, наконец, умерли одинаково славною смертью.

Со всем тем дружество мое к покойнику склоняет меня на его сторону и обязывает прославить память его, ибо хотя многие говорят, что сердце его было, так сказать, стойлом его гнедой лошади, но я могу похвалиться, что после нее покойник любил меня более всего на свете. Но хотя бы и не был он мне другом, то одни достоинства его не заслуживают ли похвалы и не должно ли возвеличить память его, как память дворянина, который служит примером всему нашему окольному дворянству?

Не думайте, любезные слушатели, чтоб я выставлял его примером в одной охоте; нет, это было одно из последних его дарований, кроме сего имел он тысячу других, приличных и необходимых нашему брату дворянину: он показал нам, как должно проживать в неделю благородному человеку то, что две тысячи подвластных ему простолюдинов выработают в год; он знаменитые подавал примеры, как эти две тысячи человек можно пересечь в год два три с пользою; он имел дарование обедать в своих деревнях пышно и роскошно, когда казалось, что в них наблюдался величайший пост, и таким искусством делал гостям своим приятные нечаянности. Так, государи мои! часто бывало, когда приедем мы к нему в деревню обедать, то, видя всех крестьян его бледных, умирающих с голоду, страшимся сами умереть за его столом голодною смертью; глядя на всякого из них, заключали мы, что на сто верст вокруг его деревень нет ни корки хлеба, ни чахотной курицы. Но какое приятное удивление! Сядя за стол, находили мы богатство, которое, казалось, там было неизвестно, и изобилие, которого тени не было в его владениях; искуснейшие из нас не постигали, что еще мог он содрать с своих крестьян, и мы принуждены были думать, что он из ничего созидал великолепные свои пиры. Но я замечаю, что восторг мой отвлекает меня от порядку, который я себе назначил. Обратимся же к началу жизни нашего героя: сим средством не потеряем мы ни одной черты из его похвальных дел, коим многие из вас, любезные слушатели, подражают с великим успехом; начнем его происхождением.

Сколько ни бредят философы, что по родословной всего света мы братья, и сколько ни твердят, что все мы дети одного Адама, но благородный человек должен стыдиться такой философии, и если уже необходимо надобно, чтоб наши слуги происходили от Адама, то мы лучше согласимся признать нашим праотцем осла, нежели быть равного с ними происхождения. Ничто столь человека не возвышает, как благородное происхождение: это первое его достоинство. Пусть кричат ученые, что вельможа и нищий имеют подобное тело, душу, страсти, слабости и добродетели. Если это правда, то это не вина благородных, но вина природы, что она производит их на свет так же, как и подлейших простолюдимов, и что никакими выгодами не отличает нашего брата дворянина: это знак ее лености и нерачения. Так, государи мои! и если бы эта природа была существо, то бы ей очень было стыдно, что тогда как самому последнему червяку уделяет она выгоды, свойственные его состоянию, когда самое мелкое насекомое получает от нее свой цвет и свои способности, когда, смотря на всех животных, кажется нам, что она неисчерпаема в разнообразности и в изобретении, тогда, к стыду ее и к сожалению нашему, не выдумала она ничего, чем бы отличился наш брат от мужика, и не прибавила нам ни одного пальца в знак нашего преимущества перед крестьянином. Неужли же она более печется о бабочках, нежели о дворянах? И мы должны привешивать шпагу, с которою бы, кажется, надлежало нам родиться. Но как бы то ни было, благодаря нашей догадке мы нашли средство поправлять ее недостатки и избавились от опасности быть признанными за животных одного роду с крестьянами.

Иметь предка разумного, добродетельного и принесшего пользу отечеству, — вот что делает дворянина, вот что отличает его от черни и от простого народа, которого предки не были ни разумны, ни добродетельны и не приносили пользы отечеству. Чем древнее и далее от нас сей предок, тем блистательнее наше благородство, а сим-то и отличается герой, которому дерзаю я соплетать достойные похвалы, ибо более трехсот лет прошло, как в роде его появился добродетельный и разумный человек, который наделал столь много прекрасных дел, что в поколении его не были

уже более нужны такие явления, и оно до нынешнего времени пробавлялось без умных и добродетельных людей, не теряя нимало своего достоинства. Наконец, появился наш герой Звениголов; он еще не знал, что он такое, но уже благородная его душа чувствовала выгоды своего рождения, и он на втором году начал царапать глаза и кусать уши своей кормилице. «В этом ребенке будет путь, — сказал некогда, восхищаясь, его отец, — он еще не знает толком приказать, но учится уже наказывать; можно отгадать, что он благородной крови». И старик сей часто плакал от радости, когда видел, с какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слуг; не проходило ни одного дня, чтобы маленький наш герой кого-нибудь не опарал. На пятом еще году своего возраста заметил он, что окружен такою толпою, которую может перекусать и перепарать, когда ему будет угодно.

Премудрый его родитель тотчас смекнул, что сыну его нужен товарищ; хотя и много было в околотке бедных дворян, но он не хотел себя унизить до того, чтобы его единородный сын разделял с ними время, а холопского сына дать ему в товарищи казалось еще несноснее. Иной бы не знал, что делать, но родитель нашего героя тотчас помог такому горю и дал сыну своему в товарищи прекрасную болонскую собачку. Вот, может быть, первая причина, отчего герой наш во всю свою жизнь любил более собак, нежели людей, и с первыми провождал время веселее, нежели с последними. Звениголов, привыкший повелевать, принял нового своего товарища довольно грубо и на первых часах вцепился ему в уши, но Задорка (так звали маленькую собачку) доказала ему, как вредно иногда шутить, надеясь слишком много на свою силу: она укусила его за руку до крови. Герой наш остолбенел, увидя в первый раз такой суровый ответ на обыкновенные свои обхождения; это был первый щипок, за который его наказали. Сколь сердце в нем ни кипело, со всем тем боялся отведать сразиться с Задоркою и бросился к отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причиненную ему новым его товарищем. «Друг мой! — сказал беспримерный его родитель, — разве мало вокруг тебя холопей, кого тебе щипать? На что было трогать тебе Задорку? Собака ведь

не слуга: с нею надобно осторожнее обходиться, если не хочешь быть укушен. Она глупа: ее нельзя унять и принудить терпеть, не разевая рта, как разумную тварь».

Такое наставление сильно тронуло сердце молодого героя и не выходило у него из памяти. Возрастая, часто занимался он глубокими рассуждениями, к коим подавало оно ему повод; изыскивал способы бить домашних своих животных, не подвергаясь опасности, и сделать их столь же безмолвными, как своих крестьян, по крайней мере искал причин, отчего первые имеют дерзости более огрызаться, нежели последние, и заключил, что его крестьяне хуже его дворовых животных.

Чадолубивый отец, приметя, что дитя его начинает думать, заключил, что время начать его воспитание, и сам посадил его за грамоту. В пять месяцев ученик сделался сильнее учителя и с ним взапуски складывал гражданскую печать¹. Такие успехи устрашили его родителя. Он боялся, чтобы сын его не выучился бегло читать по толкам² и не вздумал бы сделаться когда-нибудь академиком, а потому-то последнюю страницу букваря кончил его курс словесных наук. «Этой грамоты для тебя полно, — говорил он ему, — стыдись знать более; ты у меня будешь барин знатный, так непристойно тебе читать книги».

Герой наш пользовался таким прекрасным рассуждением и привык все книги любить, как моровую язву. Ни одна книга не имела до него доступа. Я не включаю тут рассуждения Руссо о вредности наук; вот одно творение, которое снискало его благосклонность, по своей привлекательной надписи. Правда, он и его не читал, но никогда не спускал с своего камина. «Прочти только это, — говорил он, когда кто вздумает хвалить перед ним науки, — прочти это, и ты будешь каяться, что в тебе более ума, нежели в моей гнедой лошади! О, Руссо — великий человек!» — продолжал он и после этого принимался с подострастным считать листы в его сочинении. Это было величайшее его снисхождение к учености, которое оказывал он только одному сочинителю *Новой Элоизы*.

Время, наконец, наступило записывать его в службу, и редкий родитель его, отпуская, дал сыну своему последнее наставление. «Помни, любезный сын, — говорил он

ему, — что у тебя две тысячи душ, помни, что ты старинный дворянин и остался один в своем роде. Итак, береги себя, не подражай бедным людям, которые, не имея куска хлеба, принуждены на службу тратить здоровье. Служи так, чтобы не быть разжаловану, а о достальном не пекись. Пусть бедные ищут чинов, а нашу братью, богатых, чины сами должны искать. Будь только порядочного поведения, то-есть не выходи из передних знатных, более всего берегись досадить женщине, сколь бы низкого состояния она тебе ни казалась: наружное состояние женщины бывает сходно с молодым деревом, которое сколь ни кажется слабо и презренно, но часто корень его глубоко под землею сплетен с корнем великого дуба, который может задавить тебя своею тяжестью. Короче, вот тебе в двух словах мое завещание: я не требую, чтобы ты возвратился заслуженным, по чиповным». — И после сего наградил он его своим родительским благословением и двумя тысячами рублей на дорогу. Спустя же три дни после его отъезду кончил свою знаменитую жизнь.

Сколь ни жаден был наш герой пользоваться наставлениями, со всем тем благородная его душа неохотно приняла сии последние, или, лучше сказать, он из них одобрил половину, то-есть, последую отцу своему, не хотел он служить, но не хотел также состариться в передних. Эти два правила поссорили его с двумя его дядюшками, со службою и сделали философом; суеты большого света скоро ему наскучили; он видел, что куда он ни приходил, то или он зевал, или над ним зевали, и взял миролюбивое намерение расстаться со светом, видя по всему, что они друг другу не надобны.

Редкое великодушие, неподражаемая скромность, — сии два любезные качества видны в нем были с самого приезде его в столицу. Честолюбивый на его месте, имея столь знатную родню, как он, не отстал бы от больших обществ и искал бы въезду в первые дома, но герой наш просиживал целые ночи в трактирах. Он убегал пышности и часто под вечерок из толпы завидливых игроков возвращался домой смиренно без кафтана. Он не был злопамятен и очень спокойно обедал там, где накануне били его за ужином! Терпелив был до крайности. Я сам, государи мои, был

свидетелем, с какою умильною кротостию принимал он побои от своих приятелей и после с ними вместе запивал свое горе. Иной бы честолюбивый, на его месте, повторяю я, был соблазнен примерами большого света и увлечен его суетами, но он равнодушно слушал вести, что такой-то его сверстник пожалован, что тому дано место, другому награждение. Всем этим не тронута была великая его душа, и он, зевая, стоически слушал такие новости. «Может быть, половину этих чиновников мне же кормить достанется, — говаривал он, — полно и того, что у меня есть две тысячи душ: это такой чин, с которым в моем околотке везде дадут мне первое место». «Все суета сует», — так заключал он обыкновенно свои рассуждения и после того, оставясь кругом дюжиною бутылок портеру, садился метать банк.

По сему можете вы заключить, милостивые государи, что общества его были хотя не пышные, но весьма веселые. Правда, замешивались иногда в них люди чиновные, но обыкновенно первые две дюжины бутылок восставляли во всей беседе совершенное равенство и дружество. Но это не было скучное дружество, заведенное лет на пять; нет, это было вольное и благородное дружество — такое, что часто, не конча еще взаимных о нем уверений, вцеплялись друг другу в виски, но без всякой злобы, и нередко для одного препровождения времени.

Вот, государи мои, образ городской его жизни: он, не гоняясь за счастьем, искал одних удовольствий; он не ездил по этикету зевать в большие дома, но, любя вольность, часто в своих дружеских беседах засыпал под столом; он не занимался тем, чтоб когда-нибудь привлечь на себя внимание всего света: ему довольно было и того, что имя его знали наизусть во всех трактирах и кофейных домах. Он никогда не намеревался быть политиком, но не для того, чтоб недоставало ему ума: нет, государи мои, он был слишком умен и нередко даже был за это бит от своих приятелей за картами, где более всего цеголял он остроумием. Но как ум гоним в целом свете, то очень скоро наскучил он быть умным и зачал играть в карты с философскою простотою и с благородною доверенностию; друзья его, вместо того чтобы удивляться сим любезным

качествам, в два месяца очистили все его имение и оставили нашего философа полунагим, несмотря на то, что северный климат совсем не удобен к цинической философии.

Всякий бы другой изнемог духом в таких стесненных обстоятельствах, всякий бы пришел в отчаяние, но он не поколебался нимало, и, сидя дома, с крайним умилением сердца ожидал, как заимодавцы поведут его в тюрьму. Как Юлий, не бежал он от своего несчастья³ и даже не выходил за ворота, хотя тогдашними темными вечерами мог он прогуливаться по улице в одном камзоле и туфлях, не нарушая городской благопристойности. Он не искал даже помочь своему несчастью. «Что будет, то будет», — говорил он, зевая неустрашимо. И судьба наградила его к ней доверенность. Тогда как казалось, что он оставлен от всего света; когда все ворота были для него заперты, выключая ворот городской тюрьмы; когда в кухне его, как в Риме, не осталось ни тени древней славы и, что всего бедственнее, когда последнюю бутылку портеру у него разбила испостившаяся кошка, искав с таким же усердием черствой корки, с каким Колумб искал новой земли; когда, говоря я, все сии несчастья собрались вокруг него, тогда родной его дядя, славный своею экономией, которую храня двадцать лет уже он не ужинал, вздумал, наконец, и не обедать, оставя в наследство герою нашему пять тысяч душ и сто тысяч денег.

Может быть, подумаете вы, что это сделало его надменным? Нимало! В тот же день пошел он к знакомому винному погребщику, напился с ним вместе и очень смиренно провел у него ночь на голом кирпичном полу.

Но уже страсти в нем начали угасать, и он, пользуясь прошедшими своими несчастьями, не захотел более ни в которой масти⁴ искать счастья, получил чин, пошел в отставку и намерился удалиться в свои деревни, дабы украсить собою наш уезд; имея же к шумным прощаньям отвращение, уехал из города, не уведомя ни одного своего заимодавца. Может быть, по скромности его, нравился ему также французский обычай уходить не простясь, ибо, свидетельствуют достовернейшие маркеры, что, когда только мог, уходил он по-французски из трактиров, сколь ни убедительно они ему за то пеняли.

Наконец, удалился он от городского шума и вступил в новое поприще для испытания своих дарований, и вы, государи мои, сами были свидетели, как сильно умел он ими блистать.

Едва появился он здесь, как объявил открытую войну зайцам и набрал многочисленную армию псов; наблюдая пользу поселян, хотел он истребить весь заячий род и сдержал свое слово. Правда, многие из строптивых его крестьян кричали, что они бы лучше хотели кормить зайцев, нежели бесчисленное множество псов и тунядлившую шайку охотников; что им милее было в хлебе своем встретить зайца, нежели полсотни лошадей и вдвое более того собак. Но герой наш, умея кстати и к месту пересечь сих рассказчиков, укротил их роптания и продолжал непримиримую ненависть к зайцам, как Аннибал к римлянам, а чтобы вернее их выжить, то вырубил и продал свои леса, а крестьян привел в такое состояние, что им нечем было засеять поля. С каким внутренним удовольствием герой наш выезжал тогда на поля и находил их так чистыми, как скатерть, не тревожась сомнением, чтобы где мог скрыться заяц. В три года обрил он так чисто свои земли, что неустрашимейшие зайцы могли в них искать одной только голодной смерти. «Скажи, — спрашивал у него некто, — не лучше ли на землях своих видеть тысячу сытых зайцев, нежели пять тысяч голодных крестьян, и не смешон ли тот, кто зажжет свой дом, желая выжить из него тараканов?» — «Молчи только, — отвечал наш герой, — я сам знаю, что моим крестьянам есть нечего, но еще лет пять, и зайцы позабудут мои земли: они будут бегать их, как песчаной степи. А тут-то я и обману весь этот род трусливых грабителей, восстановя прежний порядок и изобилие».

Какой редкий ум, милостивые государи! Имел ли кто когда-нибудь такое великое и смелое предприятие? Нерон зажег великолесный Рим, чтобы истребить небольшую кучку христиан. Юлий побил множество сограждан своих, желая уронить вредную для них власть Помпея. Александр прошел с мечом через многие государства, побил и разорил тысячи народов, кажется, для того, чтобы вымочить свои сапоги в приливе океана и после пощеголять этим дома.

Но все эти намерения и труды не входят в сравнение с подвигами нашего героя. Те морили людей, дабы приобрести славу, а он морил их для того, чтобы истребить зайцев. Но судьба, завидующая великим делам, не дала совершить ему своего намерения, подобно как множество других героев, которые, захватя себе дел тысячи на две лет, умирали на первом или на втором году своего предприятия.

Вот, государи мои, подвиги героя, которые... Но что я вижу! Любезные мои слушатели заснули с умилением, почтенные головы их лежат, как прекрасные бухарские дыни, вокруг пуншевой чаши. Торжествуй, покойный мой друг! Твои друзья, любя тебя, наследовали твои нравы. Так точно некогда засыпал ты на своих веселых вечеринках с половину окупутым в сндову носом. Увернись, если можешь, на одну минуту от Плутона, взгляни из-под пола на твоих друзей, потом расскажи торжественно адским жителям, какое приятное действие произвела похвала твоей памяти, и пусть покосятся на тебя завидливые наши писатели, которые думают, что они одни выправили от Аполлона привилегию усыплять здешний свет своими творениями.

ИЗ ЖУРНАЛА
«С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕРКУРИЙ»

ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ
НАУКЕ УБИВАТЬ ВРЕМЯ,
ГОВОРЯЩАЯ В НОВЫЙ ГОД

Любезные слушатели!

Наконец, сбыви мы с рук еще один год, убили триста шестьдесят шесть дней и можем сказать торжественно: не видали, как прошло время! Строгие философы! вы, которые жалуете утратить минуту, как скупой полушку, и плачете о потере дня, проведенного без пользы!

Придите и позавидуйте нашей способности радоваться о том, что мы целый год провели, не сделав ни одного такого дела, коим, по вашему мнению, человек отличается. Зарывшись в книгах, вы почитаете невероятностью, что тот может радоваться, прощаясь с старым годом, кто три четверти его проспал, а достальную прозевал; вам покажется баснею, чтобы человек, который целый год одевался и раздевался, причесывался и растрепывался, чтобы сей человек не плакал, утратив таким образом время; вы никогда не поверите, чтобы тот, кто пропрыгал и прошаркал триста шестьдесят шесть дней, хотя бы в конце года заметил, что он целые двенадцать месяцев таскал по-пустому свою голову. Но Сократы, Платоны, Пифагоры прошедших веков! воскресните на одну минуту, выбрейте себе бороды, причешитесь анкрешет, чтобы вас не стыдно было принять в большом свете; войдите в него, и вы увидите, сколь справедливо мое описание; увидите, как много философия ваша наделала успехов. Воскресните и проповедуйте, если хотите, сколь нужно соблюдать время. Вы увидите, что люди большого

света лучше вас знают, к чему оно дается, и что наука убивать время есть одна наука, прямо достойная благородного человека, который умеет чувствовать, что небо дало ему голову только для того, чтобы она пересказывала, когда желудку его нужна пища.

Вот, милостивые государи, что бы я сказал философам, употребившим все силы свои на то, чтобы научить нас скучному упражнению размышлять. Они бы взглянули на вас и признались бы, что человек может обойтись без размышления, если только имеет проворный язык, и что мы, имея дарование не думать, по крайней мере, столько ж счастливы, как люди золотого века.

Недоверчивый, глядя на нас, на образ нашей жизни, конечно, усомнится: ему покажемся мы игрушками мод, мучениками суетных желаний; или, что еще более, сочтет он нас безумными, а потому-то и несчастливими; как будто бы дурак, любезные слушатели, должен быть непременно несчастливее мудрецов, коих самолюбие заставляет признавать счастливыми только себя и коих дикий ум не понимает, какое счастье заключено в том, чтоб делить побратски время свое с обезьянами, с попугаями, посвящать себя блестящей службе четырех мастей, — словом, они не чувствуют прелестей науки убивать время, науки, впрочем, столь неисчерпаемой, что свет наш несколько тысяч лет в ней трудится и всегда открывает новые поля, столь же обширные, какие приписывают математике.

О сей то прелестной науке, милостивые государи, хочу я ныне распространить свою речь: не для того, чтобы желал я нас в ней усовершенствовать! Нет, вам уже не нужны учителя: природных способностей ваших к тому довольно, и вы, подражая предкам вашим, понимаете сие искусство самоучкою, притом же, когда праотцы наши убили семь тысяч лет¹, то стыдно бы нам было, имея величайшие примеры в истории и в глазах, требовать наставников, как убить несколько десятков лет, которые на нашу часть достались. Итак, я намерен соплести только достойную похвалу сей завидной науке, в которой обращается целый свет и которой имя столь же редко слышно, сколь часто ее употребление, ибо, к стыду нашему, любезные

слушатели, мы обладаем сим сокровищем, почти не чувствуя, что им наслаждаемся. Но да не смущает вас сия укоризна: недостаток ваш требует только исправления. Мы пойдем в свете довольно примеров, что человек часто обладает сокровищем, пренебрегая его по незнанию. Так некогда американцы ² ходили по золоту и, не умея его обдѣлывать, с радостью отдавали за европейские игрушки.

Может быть, критики скажут мне в возражение, что слово мое бесполезно; что доселе убивали мы время без всякого поощрения ораторов; что молодые люди наши, воспитанные в глазах французских гувернеров и в виду гончих и борзых собак, наполняются с младенчества благородною страстию расточать время; что по прошествии юношества учителя отдают их с рук на руки французским ростовщикам, иностранным магазейнам и театральным сборщицам сердец; что в сем новом свете получают они новые способы убивать время и иногда в одной переписке векселей не видят, как проходят целые годы, или, не имея наследственного достатка, трутся около глупых Мидасов ³, побужденные благородною ревностию истреблять монополию в деньгах, и таким образом, в приятной надежде обмануть удачно, сбывают не приметно с рук последнюю половину своего века; что все это делается без помощи убеждений; что, наконец, нужно только человеку броситься один раз в большие общества, и он будет иметь удовольствие умереть, прежде нежели примстит, что он жил на свете.

Не противоречу многому. В самом здешнем собрании вижу я примеры природных способностей: вижу с восхищением прелестниц наших праотцев, которые, пережив три поколения, и донныне не могут догадаться, что они не ровесницы шестнадцатилетним девушкам. С набожностью взираю я на сих долговечных Венер, на коих глядя, кажется, что они одногодки римской Капитолии ⁴ или, по крайней мере, Августовым медалям ⁵, и которые при всем том не досчитываются у себя пяти шестых доль своего века. Какой резкий знак, что это время мастерски убито! В другом месте вижу я почтенных старичков, которые с таким же просвещением входят в могилу, с каким вошли в колыбель, и еще кажутся младенцами. Они примечают глубокую свою

С: ПЕТЕРБУРГСКІЙ
МЕРКУРІЙ,

ежемѣсячное изданіе

1793 года.

Часть Первая.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ типографіи И. Крылова съ товарищи,
1793 года.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ
ЖУРНАЛА «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКІЙ МЕРКУРИЙ»

старость только потому, что им нельзя грызть орехов. Какая скромность! Пропосить семьдесят лет голову и не сделать из нее никакого употребления! Прожить век на скотном дворе и ограничить отличие свое от животных только тем, чтоб ходить на двух ногах! Иметь душу и не дать никому приметить, что ее имеешь, или, что еще более, самому этого не заметить! Вот чрезвычайная умеренность, которой не понимают тщеславные философы, хотя умеренность они и проповедают.

Мы одни, милостивые государи! мы одни способны к сей блистательной добродетели, украшающей общества большого света, и между тем как малая кучка самолюбивых мудрецов старается только о том, чтоб целый мир перед нею стыдился, между тем вы, милостивые государи! такую скромностию обуздываете свои умы, что и лошади бы ваши не краснели, на вас глядя, хотя бы они и имели способность краснеться, способность вредную, которой остатки и в нашем просвещенном веке наносят иногда тягость прелестному полу.

Признаюсь, что все завидные сии подлинники образовались без всякой помощи ораторов. Но следует ли из того, чтобы словесные возбуждения были излишни? Нет, любезные слушатели, красноречие всегда умножало рвение умов, и если иногда не было поощрением, то служило награждением отличных дарований, которые уже поздно было поощрять, ибо, милостивые государи, премудрого человека весьма трудно заметить, прежде нежели пройдет триста лет после его смерти; и потому-то многие благородные народы сперва убивали своих мудрецов, а после делали им статуи. Когда же вывелось это из употребления, тогда сыскали лучший способ: допускали их умирать в нуждах, в гонении и в презрении, а спустя после их смерти лет сто говорили им похвальные речи. Такой поступок умножил полки ученых, которые добровольно терпели первое и не получали последнего. Но благородная жадность к похвале не есть ли общая всему человеческому роду? Не она ли причиною, что многие великие души, подобные душе Сезостриса ⁶ и Александра Великого, ожидая величия от будущих веков, сносят терпеливо проклятие настоящего? Когда же похвала столь лестна, то для чего же не

возвеличить ею божественную нашу науку убивать время? Все науки имели своих защитников, своих хвалителей; ужли она одна останется в молчании? Как будто бы наше веселое общество, блистая ее выгодами, стыдилось признаться, до какого довело оно ее совершенства.

Другая причина, еще важнейшая, понуждает подать о ней полнейшее понятие: все науки, выключая математики, подвержены расколам; наша также избежать их не может. Я сам бывал свидетель, что многие молодые люди садились за книги только для того, чтобы убить время и, пристрастясь к постыдной для благородного человека жадности обогащаться познаниями, зачали скупиться временем, вздумали быть нас умнее: вздумали узнать свою голову короче, пежели сколько знали ее их волосочесы; и потом — жестокая неблагодарность! — сверх того, что сделались отступниками от нашего общества, первые стали на нас вооружаться и соблазнительным своим примером увлекли за собою последователей, которые вместо того чтобы блистать на балах и в больших собраниях, свели скучное знакомство с мудрецами. Такие-то развратительные примеры, происшедшие, может быть, от одного любопытства заглянуть в книгу, не должно ли прекратить и предостеречь наших молодых людей, чтобы они опасались всякой книги, выключая только полезных книг, заклеянных печатью Воспитательного дома??

Дадим же, сколько можно, ясное понятие о сей науке. А вы, любезные юноши, которые под покровительством проворной гребенки и верных ножниц назначены, может быть, играть великие лица на театре света; вы, прелестные грации, которые будете некогда требовать от наших правнуков такой же нежности, какой ныне мы ищем от вас, выслушайте меня и умпожьте свои силы победить наступающий год, и если уже необходимо должно, чтоб в физике вашей⁸ произвел он перемены, то оградитесь роскошью и ленью, и пусть хотя на морали вашей время не оставит никаких следов.

Время убивается двояким образом: или проводится оно в бездействии, или в таких упражнениях, которые на душе нашей никакого по себе следа не оставляют, и оттого-то в старых телах видим мы часто молодые души, хотя казалось,

что люди, в которых примечается это явление, были во весь их век чрезвычайно заняты. Какой великий предмет для благородного человека! — убивать то, что все убивает! преодолевать то, чему ничто противустоять не может! Герои, упражняющиеся в таких великих подвигах, не должны ли заслужить хвалу величайших в свете мудрецов, основанную даже на нашем признании, что мы перед ними нищи духом?.. Так, государи мои! согласимся, что они умнее нас; поверим, что они лучше знают ценить вещи, и послушаем их учения. Тот истинный философ, говорят они, кто умеет презирать мирские сокровища. Потом сказывают, что время драгоценнее золота и лучше всех земных благ. Но когда мудрецы сии тщеславятся достоинством, что они презирают золото, то сколько ж почтеннее мы их, пренебрегая самое время, сие сокровище, коего тратить нет даже и у них довольно твердости духа. Итак, мы-то истинные мудрецы, милостивые государи! Они презирают вещь, которая всегда в их руках быть может; но мы тратим равнодушно время, зная, что воротить его не в силах. Удивляются Сципиону Африканскому, что он сжег свой флот, дабы воспрепятствовать возвращению своему в Рим. Редкая вещь! имея храбрых воинов, он надеялся сожечь Карфаген и возвратиться домой на новых судах, но мы, сожигая, так сказать, наше время, не имеем никакой надежды возвратиться к нашему младенчеству и, следовательно, всякую минуту превосходим Сципиона мужеством. Великий Тит плакал, говорят, о том дне, который проводил, не сделав доброго дела, но мы — о, пример истинного великодушия! — мы проживаем лет по пятидесяти по-пустому и ни разу о том не поплачем.

Я уже сказал, что первый способ убивать время есть тот, чтобы ничего не делать или спать; но, к несчастью человек не может быть столь совершен, чтобы проспать шестьдесят лет, не растворяя глаз и не сходя с постели, ни также просидеть все это время, поджав руки. Хотя и старались испанцы осовершенствовать сию часть, хотя нередко встретить можно там героев, которые, поддерживая древнее свое благородство, почитают за честь, умереть с голоду, поджав руки; но великим подвигам легче удивляться, нежели последовать. Нам нужны другие способы.

Притом же мало ли есть таких прекрасных упражнений в большом свете, которые почти столь же знамениты, как и дарование ничего не делать, а такие-то упражнения и нужны для нашего общества. Делать, ничего не делая, говорить, ничего не сказывая, — вот два сильнейшие способа убить время; с сими двумя правилами человека уважаю я столько же, как и того, кто имсет испанскую твердость духа скорей согласиться дать себе отрубить руки и голову, нежели ими действовать. Рассмотрите хорошенько около себя, и вы найдете тысячу великих душ, которые располагаются проспять будущий год, половину зажмурясь и лежа, а другую половину — ходя и с открытыми глазами, и подают вам пример сбывать с рук время. Нужно ли вам знать имена их? Исполню ваше желание. А вы, почтенные образцы! простите, если, уступая моим восторгам, потревожу я несколько вашу скромность, дабы поощрить юношество подражать вам. И пусть слабая похвала моя послужит вам малым воздаянием, доколь небо не увенчает вас завидною наградою лежать, не переворачиваясь с боку на бок. Повторим, любезные юноши, с благоговением их имена.

Первый встречается мне Подлон: с математическою точностью делит он утренние часы будущего года по числу прихожих, в которых проходит важную науку помрачить достоинства гибкостью спины. Уже назначает он там себе самые выгодные места, где бы надежнее было ловить улыбки и благосклонные взгляды вельмож; уже, кажется, слышу я, как гибкий его язык, с беспристрастием историка, перед одним барином пересказывает дурачества другого, а этого едет бранить к третьему. Платя богатую подать новостями, мчитя он по всему городу их собирать, чтобы назавтрее позабавить своего покровителя насчет чести ближнего; он держит верный список рогам, выключая только своих; чувствуя, сколь становится он необходим, жалуется, что великих его трудов не может вынести четверня, и покровитель его, умея различать дарования, обещает ему шестерню. Но когда с четырью только товарищами любезный наш Подлон наделал столько подвигов, то согласитесь, почтенные слушатели, что несравненно полезнее отечеству будет он сам-сммь и более получит

способов оказать свои достоинства, когда резвое счастье, награждая поворотливость его языка, прибавит ему еще двух товарищей.

Замотов подает вам другого роду образец, как убивать время. Вооружась против него, рассекает он уже мысленно будущий год на тысячу частей, чтобы разбросать их по кофейным домам, по маскарадам и по вечеринкам; собирается глядеть на все и ничего не видать, говорить все и ничего не думать. Везде старается он поспеть. Всегда занят и никогда ничего не делает. Беспирестанно хлопочет, чтобы нажить повые долги. Одним словом, вот примерный молодой человек, который добивается мастерски триумфального въезду в полицию. Уже мысленно вижу я великолепный сей въезд; вижу, как торжественно препровождается он толпою портных, сапожников, каретников и волосочесов, которые все, подобно унылым пленникам, следуют за ним, повеся головы и держа в руках огромные реестры знаменитых его дел. Дела сии привлекают внимание правительства, и герой наш, подобно древним атлетам, принимается на казенное содержание.

Но какой новый предмет представляется моему взору! Подборов, вооружая бесчисленными дюжинами карт, выступает против нового года и назначает себя к продолжению благородного ремесла мстать неусыпно направо и налево. Наполняя приятно надеждою обмануть ближнего, преодолевает он сон и голод; пренебрегая все науки, погружается он только в одну важную науку — выметать направо все то, чего ждет налево его соперник. Сему-то одному искусству посвящает он все свои дарования и подобно Александру, не полагая границ своим победам, в героическом восторге грозитя целый свет пустить по миру.

Но до сих пор, любезные слушатели, предлагал я вам в пример особ, которые с возможною ревностью убивают время, достаемое на их часть; теперь хочу заключить, выставя в пример неподражаемого героя, который силится убить время даже своих потомков. Таков несравненный Скукобред. Он, наводняя своими сочинениями публику, хочет и несколько веков спустя быть орудием убивать время. Какой похвалы не заслуживает он, когда, проси-

живая насквозь ночи, занимается важным предметом усыплять даже десятое наше поколение по нисходящей линии; не покоряется усталости, и хотя часто голову его раскачивает приятная дремота, но мочная рука его никогда не перестает писать — и что всего удивительнее, милостивые государи! то никакая академия не в силах различить, что он написал сквозь сон и что наяву.

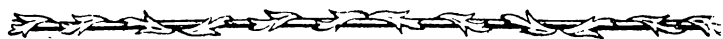
Но сей пример, любезные слушатели, не с тем выставляя я, чтоб возбудить в вас охоту ему подражать; довольно уже и того, если возбудит он в вас удивление. Мы уже видели, сколь вредно и опасно благородному человеку заниматься книгами. Но со всем тем, если кто из вас, милостивые государи! чувствует в себе геройскую смелость, никогда не читав, начать писать, тому не советую оставлять такой прекрасной склонности, которая производит пирамиды печатных бумаг в честь парнасским каникулам нынешнего времени⁹.

Но сим ли одним примером можно пользоваться? Другие не менее блистательны и более свойственны для благородного человека, который, и не принимаясь за перо, имеет право не называться безграмотным для того, что прадед его знал читать и писать. Для чего не подражать другим подлинникам, коих число столь велико, что предел речи моей не позволяет обо всех упомянуть, ибо я не намерен ни искутить терпения вашего, ни перещеголять бесконечности те отборные предисловия, которым книги, кажется, печатают в приданое.

Теперь, милостивые государи! надеюсь я, что вы можете чувствовать, что есть наука убивать время; можете видеть ее необходимость и силу в большом свете. Главная уловка состоит в том, чтобы никогда не думать. Педанты скажут, что это невозможно, но вы, не вдаваясь в словесные споры, можете им доказать истину на самом деле. Правда, молодым девушкам очень пристало иногда задумываться, но думать — никогда: это ремесло прилично только тем низкорожденным людям, которые не могут обойтись без своей головы и которые имеют бесстыдство не различать нас с обезьянами. Но, не занимаясь трудными спорами и розысками по натуральной истории, что совсем не наше дело, встретим лучше, милостивые государи! как можно веселее

наступивший год, подобно как храбрая армия встречает весело своего неприятеля. До сих пор часто видал я, что люди встречают новый год в таком восхищении, как молодой супруг — свою новобрачную или как малый ребенок — новую куклу; а на третий день все они скучают своими новостями, зевают и не знают, куда деваться от скуки, то-есть не знают, как убить время; но мы, любезные слушатели, получая теперь несколько подробнее идею, как сживать его с рук, мы, конечно, не будем подвергнуты опасности мучиться зевотою.

Сосдилим же нашу ревность, милостивые государи! год уже пастушил; уже это бремя наваливается на наши руки, но ободритесь — остерегайтесь мыслить, остерегайтесь делать, и год сей будет служить нам оселком, над которым наука убивать время покажет новые опыты, достойные нашего просвещения.

ПАФНУТИЙ СЕРГЕЕВИЧ
БАТУРИН

ИССЛЕДОВАНИЕ КНИГИ О ЗАБЛУЖДЕНИЯХ И ИСТИНЕ

Хоть полк противных мне восстань;
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнут брань,
На бога полагаюсь.

Из од Ломоносова ¹

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Имя пребывание наше, судьбою нам определенное, от большого света и от столиц, гремящих многоразличными деяниями разного состояния жителей, находящихся в оных, удаленное, мы мало получаем уведомления о происшествиях всякого рода, попеременно являющихся и исчезающих в сих поприщах сует и всеобщих движений; потому разглашения, занимающие многих любопытных и праздных о новой секте ², уже поздно достигли до сведения маленького нашего общества. Чудные о ней сказания возбудили в нас, как и в прочих, любопытство узнать сие нравственное и политическое явление; но недостаток средств и случая к тому оставляли желание наше тщетным. Наконец, один собрат наш, имея нужду отправиться в столицу, обязался употребить всевозможное старание приобрести к удовлетворению нашему сведение о предмете, учинившемся главнейшим нашим вожделением. Во все время отсутствия сочлена нашего мы пребывали в крайней нетерпеливости о возвращении его и восхищались предгрядущим удовольствием получить желаемое просвещение. Мы исчисляли дни от отбытия его и назначали тот, который должен был, по мнению нашему, прекратить ожидание наше. Наконец, депутат возвратился, и мы уже чаяли, что он при первом отверстии уст своих объяснит существенность науки мартинистов ³; однако

упование наше не соответствовало воображению нашему, и все утешения, представляющиеся нам к уменьшению нетерпеливости нашей, имели токмо действие усугубить оную, ибо возвратившийся известил нас, что, несмотря на усиленное его старание, он не мог достигнуть до святилища мнимой тайны, хранимой новыми гиерофантами ⁴.

Однако наш посланник, дабы удостоверить нас о своем попечении снискать познание о порученном ему, привез к нам книгу, которая служит основанием сей новой секты, сочиненную мнимым пророком оныя, и по имени которого последователи его именуются. Мы с превеликою жадностию приступили к чтению, ласкаясь найти хотя некоторую часть объяснения на недоумения наши, еще больше умножившиеся после привезенного собратом нашим уведомления. Но удивление наше возрастало по мере углубления нашего в оное, ибо мы повсюду находили вместо ясных положений непостижимую метафизику; безобразные рассуждения, юродивые мнения и те самые предложения, которые по важности своей должны были быть больше явственны и вразумительны, представлены с притворною мрачностью и каббалистическим изображением. Все пространное проповедывание, содержащееся в сей книге, происшедшее от воображения, мечтаниями воспаленного, знаменуется тщеславием, гордостью и шарлатанством, ибо он не иначе говорит читателям своим, как что он пришел возвестить истину, просветить ему подобных, доставить благо роду человеческому и что до него все были в заблуждении. А из такого бесподобного самохвальства заключить надобно, что проповедник такого надменного учения, будучи одушевляем беспредельным самолюбием и гордостью, старается токмо уверить о своем сверхъестественном знании тех, которые чтение книги его предпринять отважатся, дабы основать и утвердить новую секту или частное собрание, последующее мнениям оболудивым.

Хотя продажа оной книги и была пресечена, но до того великое число вышедшее экземпляров могло рассеять ⁵ мысли, преклонные ко лживым предложениям, содержащимся в сем соборище химер безобразных, ибо случается, что отменное сумасбродство, представляющее бредни о пред-

метах, одним воображением произведенных, и требующее более врачевания, нежели вероятия, от некоего рода умов почитается сверхъестественною премудростию. К тому же иногда бывает, что воспящение меньше действует над мнениями, нежели глас здравого рассудка, показующего, что предлог, внимания на себя обращающий, есть ничтожный и более осмеяния, нежели уважения, достойный. Потому мы за долг почитаем издать наши замечания на собрание странных нелепостей, происшедших от беспредельного притяжения личной пользы и безумного тщеславия, дабы предубежденные сокровенною премудростию каббалистико-метафизического учителя могли видеть, что под покровом мнимых таинств ничего, кроме надменности, особенных выгод, лжесловия и уклонения от здравого рассудка, не заключается и что всякий удобно усмотреть может, на каких благоразумных догматах она утверждается.

Главное содержание оных состоит в следующем:

Человек в первобытном состоянии не находился на земле и не имел телесного сего покрова, каким он ныне одет.

Надлежит стараться ему возвратить первые его права, которые делали его царем вселенныя.

Приближением к первобытному свету он приобретает владычество и право рабства над подобными себе.

Квадрат есть изображение божества.

Музыкальное согласие совершенного строя также показывает нам образ оного.

Во времени есть причина, богом сотворенная, действующая и разумная, которая всем вещественным существом управляет; человеку надлежит достичь до понятия ее, дабы приблизиться к первобытному состоянию.

Все вещи телесные имеют начала бестелесные, например: дерево, камень, минерал существуют началами бестелесными.

Доброе и злое начала в свете царствуют и друг другу противодействуют.

И еще другие пункты столько же разногласны со здравым смыслом, сколько и политическим установлением, что легко всякий увидеть может в умствовании его, противном рассудку, о происхождении начальственной власти.

Никогда благородный и чуткий справедливость примечатель не будет вместо деяний природы, многократными испытаниями утвержденных, предлагать свои уверения, не получившие, так сказать, клейма истины, неопровергаемыми доказательствами на них наложенного. Дерзость сия, может быть, только сопряжена со лживым знанием или с предубеждением снисходительного собственных своих произведений одобрения, заставляющего почитать их совершенными. Обладающий справедливым учением ничего без вернейших объяснений, учинившихся долговременными наблюдениями несомненными и ощутительными, не предлагает; но мечтающий умствователь, гордясь вымышленными своими мудроположениями, повелевает читателям принимать их за истинные пружины всего естества, несмотря на то, что существо оно и текущее обращение его не воображением познаемо быть может, но вопрошением рачительнейшего испытания природы, которая отрицает всякое откровение в себе пустомысленности, изображающейся суесловием, но обнаруживает себя только тем, кои прилежанием и трудолюбием тщатся проникнуть в творения ее.

Мы старались сокращать наше исследование, поелику предметы оно нам позволяли, ибо если бы мы хотели не оставлять без замечания все предложения, требующие оных, то бы нам должно было сочинить книгу, прогоняющую огромностию своею и самых неустрашмых читателей, которые покусились бы приступить к чтению оной.

Мрачный наш проповедник извиняется в непостижимости его учения обязательством, долгом и скромностию своею; однако сия последняя не воспрепятствовала ему употреблять частых самохвалств, кои приличны токмо одним лжепророкам, ибо он предварительно уведомляет своих читателей, что хотя он и пренебрегал красоты изречения, но добросовестный читатель признается, что он излишне был в оном тщателец, то-есть что он по скромности своей дает знать, если бы не делал сего пренебрежения, то бы сверхъестественное показал красноречие. Но мы заметим, что не можно согласно с правым рассуждением в одном каком-либо деле или вещи быть и тщательным и пренебрегательным; а потому надлежит думать,

что частые повторения и противоречия учителя мнимых таинств происходят от сего несовместного совокупления тщания и пренебрежения, понеже вся вымышленная его система о существах телесных и бестелесных основана на противодействиях тайных начал, так, как красоты изречения его — на противных действиях тщания и пренебрежения.

По правилам сего же противодействия он после всех, самым собою приписуемых себе, или падменными изречениями, или безмолвным образом тщеславных одобрений, на конце книги своей говорит, что читатели могли приметить из скромности его, что он мог бы сказать им более, нежели они видели. Особливая скромность, сама себя похваляющая! Но всего удивительнее то, что он после утвердительного своего учения и торжественного объявления, что он в истинах оного «так уверен, как бы сам присутствовал при сотворении существ», паки торжественно объявляет, что он ничего не знает. Некогда в Париже был шут, или, по-простолоудимому сказать, гаер, называемый Janot, который в игрищах своих на открытом месте пред собранием народа говаривал: *s'en est; ce n'en est pas*; оно есть; оно не есть. Сии слова были в такой моде, что они употреблялись между лучшими людьми во всевозможных смыслах. Кажется, и наш проповедник, подражая сему славному Janot, хочет сказать, что он знает и не знает, что учение его справедливо и несправедливо. Всякий благоразумный читатель легко увидеть может, что он употребляет сию противодействующую политику для того, дабы обратным средством и противным господствующим во всем его сочинении к утверждению мнимая откровенная ему премудрости вернее ударить в цель, которую он себе предположил.

Не имея пред глазами подлинного сочинения на французском языке, мы не можем судить о точности переложения некоторых слов; но токмо заметим, что слово *résulter* поставлено в переводе по-французски и названо содействием несправедливо, ибо *résulter* не значит на французском языке содействия, но сумму, произведение или следствие содействия разных деяний. Относительно до перевода всей книги вообще, мы с радостью отдаем

справедливость, что оный чист, внятен и текущ; сожалательно только, что господин переводчик⁶ употребил свое дарование на перевод такого сумасбродного сочинителя, который, конечно, не может требовать лучшего изложения непостижимого своего учения.

Мы на конце нашего исследования прилагаем таблицу, по которой любопытные читатели могут найти страницы текста, из коего взяты предложения, нами опровергаемые⁷.

Сие сочинение наше было написано в 1788 году; но как многие затруднения, совокупясь, воспрепятствовали изданию оною, то протечение с того года времени по нынешнее по необходимому прменению всего, что есть во времени, нанесло перемену и в обстоятельствах⁸, относящихся до опровержения нашего и предполагаемой нами цели в предвзятии труда сего, а потому, может быть, уменьшило любопытство к предлогу, который, потеряв новости своей, должен потерять большую часть и внимания, сначала к себе привлекавшего. Но, несмотря на сие, мы осмеливаемся сказать, что исследование наше мечтательной книги не совсем будет бесполезно для читателей, желающих находить пищу рассуждению своему в произведениях, им представляемых.

В редком писании высокомерие и гордость сочинителя являются с такою надменностью, с какою в книге, служащей предлогом нашему исследованию, ибо автор в предисловии своем говорит, что он «за долг почел ради пользы себе подобных свергнуть страшный покров, коим в теперешнем состоянии одета наука», то-есть что весь род человеческий, кроме его, пребывает в глубоком невежестве и что одному ему вся премудрость и познание истины открыты. Но по несчастию подобных ему, учение его так темно, что он и сам признается, что немногие разумеют оное будут, прибавляя еще к тому, что он иногда предлагать будет совсем иное, нежели о чем говорит. В таком случае на что было делать ложное обещание, когда он сам знает, что пишет непонятно; а «страшный покров» ничем иным свергнуть не можно, как ясным истолкованием предлагаемых доказательств.

Он объявляет читателям своим, что он «за не нужно почел сослаться на какие-нибудь свидетельства, для того что истины, на единых токмо свидетельствах основанные, не были бы уже истинами». И потому он повелевает почитать истинами токмо те, о которых он будет сам свидетельствовать непостижимым и сокровенным образом. Но сие предложение свидетельствует неправильность рассуждений его, ибо есть много истин, о которых верные

свидетельства всякое сомнение отъемлют и без коих они и не были бы истины. Свидетельств не требующие истины суть токмо те, которые мы или физически познаем, или действием здравого рассудка имеем о них понятие, столько же нас о существовании оных уверяющее, сколько и чувственное ощущение.

Если вещь полезна и составляет благо человеческое, на что писать о ней невразумительно и с притворною темнотою? Не есть ли долг любящего себе подобных изъяснить оную, чтоб всякий мог понять и восчувствовать пользу, от нее проистекающую?

Он говорит, что не от него произошло учение, проповедуемое им, но от природы. Никакое учение, откуда бы оно ни произошло, а наипаче такое, которое близко блаженства человеческого касается, не долженствует проповедываться непостижимо и сокровенно; таковой образ обманчивого наставления употребляем токмо одними тщеславными и лживыми учителями, дабы мнимую свою премудрость покрыть неким мрачным изречением, под которым бы ничтожность знания их удобно сокрыться могла.

«Воистину, — говорит гордый автор, предубежденный самолюбием своим, — ежели читатель даст себе время восчувствовать важность и взаимный союз начал, которые ему предлагаю, то признается... что они служат основанием всему, что существует...» и что читатель увидит невежество всех философов, политиков и законоположителей, которые, по уверению его, преподают учения или учреждают законы без правил и без доказательств. Но воистину надменный и мрачный сочинитель не мог далее распространить наглость свою порицанием всех великих мужей в учености и всех премудрых законодателей.

Явно изобличается незнание и высокомерие его, когда он говорит, что он одевает себя покровом, дабы не всегда его проникнуть было можно, и что он показал еще только первые черты обширного своего знания. Обыкновенно лживое учение и незнание ищут убежища в недоумительных изречениях и темных предложениях, дабы, приняв вид важности, показаться сокровенною премудростию; а высокомерное самолюбие всегда более хочет сказать

ИЗСЛѢДОВАНИЕ
КНИГИ
О
ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ
И
ИСТИННЪ

Сочинено особливымъ обществомъ
одного Губернскаго города.

* * *

Хоть полкъ противныхъ мнѣ воспань;
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнутъ брань,
На Бога полагаюсь.

Изъ одѣ Ломоносова.

ВЪ ТУЛѢ,
1790.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ КНИГИ П. С. БАТУРИНА

о себе, нежели может, несмотря на то, что уже с излишеством в пользу тщеславия своего изъясняется.

Потом он прибавляет, что цель его есть благо человека вообще. Но кто не видит столь несогласное противоречие? Можно ли предположить себе целью благо человеческого рода вообще и надеть на себя покров, чтоб роду человеческому не быть вразумительным, предлагая ему совсем иное, нежели о чем он сам говорит? Впрочем, он заставляет думать, что он и сам не имеет ясных понятий о проповедуемом им и что он для того облекся в покров невразумительного истолкования своего мнимого учения, дабы соответственные свои заблуждения оградить непроницательностью и не обнаружить мелкого своего понятия о существах, о коих он писать предпринимает.

Он с отменною важностию обещает открыть ошибки в творениях людских, равно как во всех установлениях гражданских и священных, так, как бы он был свыше существа человеческого и не подвержен никакой ошибке; но всем шарлатанам свойственно приписывать себе над другими преимущество.

При начале первого своего отделения он сожалеет о всех трудящихся в изыскании истины, утверждая, что «все оные находятся в заблуждении и собственною рукою налагают покрывало на очи свои. И тогда, — прибавляет он, — не видя ни малейшей светлости, впадают в отчаяние или боязнь и устремляются на стези пагубные, которые удаляют их навсегда от истинного пути». Все его покрывала ни к чему иному не служат, как усугубить темноту книги его и увеличить страшное покрывало, которое он свергнуть обещается. Сие огромное обещание творит его подобным народному продавцу мнимых лекарств, предлагающему и надежное от недугов исцеление и жизнь долговечную; по обманутые простяки скоро, познав легковерие свое, находят себя счастливыми, если оно не бывает причиною их раскаяния.

Противно ежедневным испытаниям, чтобы люди, упражняющиеся в снискании истины, впадали в отчаяние и устремлялись на пагубные стези, ибо мы видим любящих учение и углубленных в познание премудрости, сколько она по свойству человеческому познаваема быть может,

что они не впадают в отчаяние и ни по каким пагубным стезям не ступают. Они не истощают дни свои так, как он говорит, в тщетных и бесплодных усилиях; и он напрасно думает, чтобы труды их были совсем бесплодны или оставляли по себе одну горесть, понеже приобретение во всяком роде познаний есть не бесплодно и не только горести по себе не оставляет, но еще и причиняет совершенное удовольствие.

Он говорит, что «человек, как скоро захочет обратить взор свой на самого себя, при первом взгляде легко почувствует и признается, что есть для него определенная наука, или очевидный закон...» Но неужели мрачный проповедник — один токмо в роде человеческого, который может обращать взор свой сам на себя! И неужели одному ему только предоставлено было узнать совершенно эту истину, о которой он так невразумительно пишет! Прошлых и нынешнего столетия люди глубокого разума, обширного учения и сильного размышления не безуспешнее его обращали взор свой на естество вообще и особенно на человека; они находили вместо скрытных действий определенной науки и очевидного закона, никому себя, однакоже, не объявляющего, в первом — повсюду премудрость божью, а в познании человека — необходимость для него быть добродетельным, что, конечно, не бесполезнее двойственного и тройственного его законов.

Он присовокупляет, что «и всякому существу оный (закон) дан, но не во всех вообще существах находится...» Предложение, противоречие означающее! Ибо когда от всевышнего создателя и творителя миров закон дан всякому существу, то оный закон не может во всех вообще существах не находиться, например: когда солнцу закон дан освещать и согревать, планетам вокруг его шествовать, телам, находящимся на земном шаре, иметь к центру оного стремление, магниту — притяжение железа, человеку — думать и проч., то уже все оные законы не могут не находиться в сих существах дотолы, пока они бытие свое иметь не престанут.

Однако, несмотря на непонятное и мрачность покрытое его писание, он думает, что великое благодеяние людям сделает, «когда покажет источник и происхождение того

беспорядка, который их изумляет...», то-есть источник добра и зла, владычествующих в свете. Он ничего ни яснейшего, ни удовлетворительнейшего прежних любомудрых писателей о сем предлоге не представляет, в коих мы находим, что персияне в глубочайшей древности признавали два противоположительные существа под названием Оромазда — доброе и Аримана — злое; что индийцы еще прежде их также имели свое особливое мнение о происхождении зла. Они думали, что Брама, божество могущества и славы, Витзну⁹, любви и добродетели, Сиб, жестокости и разрушения, сотворили с общего согласия других богов, им подчиненных, называемых Девтов¹⁰. Сии полубоги училились возмутителями превыспренного обиталища; и бог, первенствующий из трех богов, сверзил их в бездну преисподнюю. По истечении многих веков их наказания они исходатайствовали быть человеками и принесли зло на землю, коего семя в них уже существовало и на небеси, почему Брама и принужден был дать им свой новый завет, называемый Вейдам¹¹.

Египтяне также признавали два начала, доброе и злое, под именами Озирида и Тифона.

В первых столетиях Кердон, Маркион и Манент — ереспачальники — утверждали ересь свою на добром и злом началах и которую святой Августин столь торжественно испровергнуул.

Но все мнения о двух началах столько же противны рассудку и правильному понятию, сколько и нашего мрачного проповедника об оных истолкование.

Он говорит: «Зло есть ложное, понеже оно не может существовать одно; ибо против воли его закон существ в одно время с ним существует, и оно не может его никогда уничтожить, хотя и угнетает его и расстраивает исполнение его». Когда зло угнетает и расстраивает исполнение закона существ, то оно есть вещественно, немощно и существует так же против воли существенного закона, как сей, по мнению его, существует противу воли зла.

Потом на другой странице говорит: «Зло не имеет само по себе никакой силы...» Но на что же он сказал, что оно угнетает и расстраивает закон существа? Следственно, оно не только не бессильно, но имеет в вышнем сте-

пени силу, когда может угнетать и расстраивать закон существа.

Далее еще он рассуждает: «Ежели бы добро сначала и всегда было современно злу, то некоторое не могло бы приобрести друг над другом никакого превосходства, ибо, по сему предположению, злое начало не зависело бы от доброго и имело бы равное ему могущество; итак, оба они или не имели бы друг над другом никакого действия, или бы содержали себя в равновесии; а из сего равенства сил произошла бы недействительность и совершенное бесплодие в делах сих обоих существ, ибо взаимодействующие силы их непрестанно бы препятствовали друг другу произвести что-либо». Из сего рассуждения что можно заключить иное, как добро и зло, хотя неравного могущества и старшинства, однако находятся не только между собою в союзе, но и в необходимом содействии, ибо от недействительности их произошло бы бесплодие в делах их.

Но он не долго при сем заключении оставляет читателя своего, ибо нескольких строк ниже утверждает, что «между добром и злом не было и не будет ни малейшего союза... что добро не может содействовать рождению зла, ни происходящим от него действиям...» Он прежде утверждал, что «взаимодействующие силы добра и зла непрестанно бы препятствовали к произведению дел их»; то, следственно, по его науке, без сего препятствия они должны иметь действительность и производить свои дела, одно посредством другого, потому что от недействительности их произошло бы бесплодие в делах их; а посему после такого утвердительного предложения уже не можно паки утверждать противное оному.

Нельзя не удивляться, как такие упорные одно другому противоречия и непонятные рассуждения, коими непрерывно наполняется книга мечтающего писателя, содержащая в себе не всеобщие заблуждения, но собственные его, могла приобрести славу хотя кратковременную и читателей, имеющих терпение читать ее. И что еще страннее, — что некоторые из оных тщеславятся, будто они заключающуюся мнимую потаенную в ней науку понимать могут! Но как мода во многих случаях более людьми управляет, нежели здравый рассудок, то были и такие,

которые, не читавши ее, уверяли, что она содержит в себе премудрость, нужную для блага человеческого, дабы причислить себя к последователям учения мартинистов, коего проповедники, имея больше рассудка, нежели сии легкодумцы, верующие чужим рассуждениям, находили в сооружении новой секты, на падении так же славящегося в свое время масонства, не одну выгоду, чтобы говорить о себе заставить, но другие, больше им полезные, не в химерических мнениях устроены, но в вещественных пределах обретающиеся.

После столь ясных его истолкований о добре и зле он вопрошает: «Если зло не произошло от доброго начала, каким же образом могло оно родиться? Поистине сказать, — прибавляет он, — сие предложение весьма важно и такое, в котором я бы желал удостоверить всех моих читателей; но я не льщу себя успехом». Весьма благо-разумно; «и сколь ни твердо я уверен в неоспоримости предлагаемых мною истин, однако не удивлюсь, что многие оные отвергнут или не поймут». Конечно, нечему дивиться, ибо все то, что противно рассудку, долженствует быть отвергнуто, и все, что писано невнятно и с тщеславною непропицательностью, всеми понято быть не может, а особливо когда сии мнимые таинства, кроме пусторечия, в себе ничего не содержат.

Мнение его, что зло произошло от развращенной воли возмутителей тишины небесной, почерпнуто, так как мы выше упомянули, из науки браминов, которая заключается в их первом законе, называемом Шаства, данном им за тысячу пятьсот лет пред их вторым законом, известным под именем Вейдама. По свидетельству одного агличанина господина Гольвиля, жившего тридцать лет в Бенарезе между браминами и который, выучив их древний священный язык, именуемый ганскрит¹², читал божественные их книги: во второй главе закона Шаствы описано сотворение ангелов; в третьей — возмущение их; в четвертой — низвержение; в пятой — превращение их в разные животные, напоследок — в коров, которые оттого почитаются священными в Индии, и, наконец, претворение их в человеков. Но учение нашего проповедника ту разницу имеет с наукой индийцев, что, по мнению его, начало, по воле

своей учинившись злым, родило древле зло, в котором и поныне пребывает; а человек сниспал с высоты своего состояния, для того что по сей же самой воле отлучился от доброго начала и приобрел пагубное знание зла. И хотя его и злого начала преступления суть равно плоды злой их воли, однако оба преступления — различного свойства и не могут подвержены быть равному наказанию, ниже иметь одинакие следствия: злое начало будет пребывать в своей продерзкой воле, доколе не будет ему возвращено сообщение с добром; а человек, невзирая на свое осуждение, может примириться с истиною; но способы, данные ему для восстановления его в прежнее состояние, сопряжены с весьма строгими условиями.

«Когда начало зла, — говорит он, — сделалось злым по одному деянию его воли, разумеется уже, что оно было добрым прежде произведения сего деяния. Но было ли оно равно тому высшему началу, о ком мы прежде говорили? Конечно, нет; оно было доброе, не будучи оному равным; было нижайшее того, не будучи злым: оно произошло от сего высшего начала и потому не могло ему равняться ни в силе, ни в могуществе; оно было доброе, понеже существо, произведшее его, было сама благодать и совершенство; оно было нижайшее оного, понеже, имея закон свой не от себя, имело оно способность делать то, что возложено ему было по его происхождению; и посему имело способность удалиться от сего закона и учиниться злым».

Немного выше он сказал, что «добро не может содействовать рождению зла»; по теперешним своим рассуждением, утверждая, что существо, произведшее его, было сама благодать и совершенство, он поставляет, что добро не только содействовало злу, но и было причиною происхождения его; следственно, столь разногласные предложения взаимно одно другое испровергают и уничтожают.

Человек же ныне, по мнению его, чувствует влияние зла по мере удаления своего от доброго начала; а потому, говорит он, «когда мы видим человека покоренна действию зла, то можем справедливо уверить себя, что он самоизвольно злу подвергнулся и что в его воле защищать и удалять себя от оного». Итак, если человек испытывает

папасти, например: от огня, от яростного стремления вод, от свирепости бурь; будет умирать язвою, изнуряться голодом, страдать под тягостию других каких бедствий, не от самого себя происходящих, претерпевать лишение от природы или от скорбных недугов какого-либо члена или чувственного органа, то он самовольно злу подвергнулся, потому что имеет свободную волю. Признаться должно, что логика мрачного нашего писателя не есть логика Бейля или Лока.

Страшнее всего, что он утверждает, что, «если бы человек устремил волю свою к доброму началу, престал бы злым быть, и зло не существовало б более», — предложение, означающее незнание свойств душевных человека; ибо если бы человек беспрестанно устремлял волю свою к добру, тогда бы он не имел ни слабости, ни страстей, ни склонностей, противных добру, и был бы творение доброты бесконечная и совершенное, но как один создатель всего, что существует, совершен и благодать имеет бесконечную, то безрассудно требовать сего от существа, по естеству своему вмещающего в себе и добро и худо. И как воля человеческая не есть бесконечно добрая и не есть бесконечно злая, то и не может всегда стремиться к добру, так как не может всегда стремиться ко злу. Нам кажется, что он больше всех имеет пужду устремлять свою волю к доброму началу, дабы предохранить себя от противных здравому рассудку писаний.

Далее он так философически о воле и свободе рассуждает: «Когда человек может ежеминутно унижать и обессиливать свободу свою, то весь человеческий род ныне менее свободен, нежели был в первые времена, кольми паче прежде его рождения», то-есть когда он еще не был на земле, но обитал в высших пределах, ибо мнение его есть, что человек прежде падения своего был из тех существ небесных, которые непосредственное с божеством имеют сношение.

Он признается, что «истолкование, каким образом воля может на что-нибудь решиться без побуждений и причин посторонних, есть бездна, непроницаемая человеку и всякому существу». Сими словами — «всякому существу» — он старается внушить, что ему знакомы

кроме человека и другие разумные существа; но когда всякому существу бездна сия непроницаема, как же он мог проникнуть, что природная воля человека есть из числа тех вещей, которые причин не имеют? Ибо он так разумно рассуждает: «Мудрец ищет причины тех вещей, которые оную имеют; но благоразумие и просвещение его не позволяет ему искать причины тех, которые не имеют, из числа коих есть природная воля человека, ибо она есть сама причина». Один создатель всего, что есть, причины не имеет; но все сотворенное не может иметь бытия без причины. Сия премудрость может быть только проповедусма таким учителем, которому все бестелесные существа известны; а не теми, которые утверждают познания свои на беспрестанных примечаниях и неутомимых испытаниях.

Потом он возглаголет, что он предлагает свои рассуждения не для ослепленного и легкомысленного человека, «который судит о вещах так, как они теперь, а не как были», то-есть как они были прежде бытия рода человеческого, что ему чрез откровение известно. «Итак, бесполезно, — продолжает он, — представлять ему таковые истины, понеже он будет судить о них по чувствам». Как же человек судит, что не по чувствам? Ибо когда бы он не имел чувств, тогда бы он ни судить, ни рассуждать ни о чем не мог.

Он вручает свою книгу, говорит он, «тому, кто старается свергнуть с себя темный покров». Сказать сперва, что сия книга предлагается для блага всего рода человеческого вообще, и потом вручать ее только тому, который старается свергнуть с себя темный покров, есть видимое противоречие; но премудрый сочинитель мало помышляет, так как мы увидим далее, предостерегать себя от противоречий, избобильно обретающихся в книге его.

После сего он рассуждает о падении человека; но, переображая священное писание, делает по обыкновению своему истолкование невразумительное, без сомнения для того, чтоб показать, что он имсет более о сем познания, нежели священный писатель, который по откровению божественному известил род человеческий о сотворении его всевышнею десницею, о блаженстве первого

человека и о его преступлении. «Мог бы я, — говорит он, — укротить непрестанные роптания на то, что мы осуждены участвовать в казни праотца нашего, хотя и не участвовали в преступлении его; но сии истины были бы от многих презренны, а признаны от столь немногих, что я бы погрешил, показав их всему свету». Из сего должно заключить, что мрачный наш проповедник есть или обманщик, достойный презрения, или человек, недоброжелательствующий себе подобным. Ибо если он не знает тех истин, о которых уверяет, что он их знает, то он обманщик; если же он их знает, да открыть не хочет, то он не только недоброжелатель подобным себе, но еще и желает погубления их, понеже многие ослепленные в неверии своем главнейшим доказательством имеют невинное страдание за преступление праотца своего; потому, открыв столь важную тайну, спас бы грядущих в вечную гибель.

Очень странным покажется нелепый роман, который он к сему прилагает, называя оный аллегорическим описанием человека в своей славе, и который следующего содержания.

«Ничье происхождение не превышает его происхождения, ибо он древнее всякого существа в натуре: он существовал прежде рождения всякого семени, однако явился в мир после всех их. Но тем он был выше всех сих существ, что им надлежало рождаться от отца и матери, а человек не имел матери. Сверх сего их должность была ниже человеческой: человек должен был всегда сражаться, дабы прекратить беспорядок и привести все к единице; а их дело — повиноваться человеку. Но, как сражения, к которым обязан он был, могли быть ему опасны, для сего был он покрыт броней непроницаемою, которую мог обращать на разные употребления по своей воле и с которой должен был делать списки, во всем равные и подобные подлиннику.

Сверх того, вооружен он был копием, составленным из четырех металлов, толь хорошо смешанных, что с начала бытия мира никто не мог их разделить. Сие копие имело свойство жечь, как огонь; кроме сего оно было столь остро, что ничего не было для него непроницаемого, и столь действительно, что одним разом ударяло в два

места. Сии преимущества, соединенные с неисчислимыми другими дарованиями, которые человек получил во сдипо время, делали его истипно крепким и страшным.

Страна, в коей человек долженствовал сражаться, была усажена лесом, составленным из семи дерев, из коих каждое имело шестнадцать корней и четыреста девяносто ветвей. Плоды их непрестанно возобновлялись и доставляли человеку наилучшую пищу; оные же деревья служили ему убежищем и делали жилище его как бы неприступным.

В сем жилище утех, в сей обители блаженства своего и на престоле славы своей человек был бы навсегда блажен и непобедим, ибо, получив повеление занимать средоточие оногo, мог оттуда без труда смотреть на все происходящее вокруг его и удобно примечать все хитрости и движения противников его, не будучи от них никогда видим. Итак, доколе пребыл он в своем месте, доколе соблюдал свое естественное превосходство, наслаждался миром и вкушал блаженство, коих не можно изъяснить нынешним человеком; но как скоро удалился из сего места, то престал быть господином оногo, и на его место послан иной действитель». Когда упомянуто выше, что человек должен был всегда сражаться, то, кажется, нельзя чрез одну страницу забыть сей должности человека «сражаться» и сказать, что он наслаждался миром, ибо всякий знает, что пребывающий в сражении не может наслаждаться миром. «Тогда, — продолжает он, — человек, лишася позорно всех своих прав, низвержен был в страну отцов и матерей, где с того времени и находится, сстуя и сокрушаяся о том, что видит себя смешанна с прочими существами натуры.

Невозможно вообразить печальнее и жалостнее того состояния, в котором находился сей несчастный человек в минуту его падения, ибо не только потерял он тотчас страшное копие, которому ничто не могло противиться, но и самая броня, коею был облечен, исчезла от него, и на место ее дана ему на время иная, которая, не будучи непроницаема, как прежняя, сделалась для него источником непрерывных опасностей; но при всем том обязан он был выдерживать то же сражение и потому гораздо больше стал открыт неприятелям.

Однако отец его, наказуя таким образом, не хотел лишить его всей надежды и совершенно предать ярости врагов; тронут будучи раскаянием и стыдом его, обещал возвратить ему прежнее состояние, если только употребит к тому тщание, но не прежде, однако, как заслужит право владеть копием потерянным и которое вверено было преемнику его, вступившему на место его в средоточие, которое он оставил.

Сего-то несравненного оружия исканием человеки должны были с того времени заниматься, и заниматься всякий день, ибо получением оного только могут они возвратить свои права и спискать все те милости, которые были им назначены. Несудивительно, что человеку после его падения оставлен был способ, ибо отеческая рука наказывала его и родительская любовь имела о нем попечение и тогда, когда правосудие того же отца удалило его от своего присутствия. Ибо место, оставленное человеком, столь премудро устроено, что, возвращаясь по тому же пути, по которому заблудился, человек может, несомненно, войти в средоточие леса, в котором единственно может пользоваться некоторою силою и упокоением.

В самом деле он заблудился, идучи от четырех к девяти, и не иначе может возвратиться, как шествуя от девяти к четырем», то-есть что он пошел от прямой к кривой дороге; а надлежало бы ему идти от сей к первой, ибо у сего притворного пророка число четыре означает божество, так как увидим ниже, а девять — круговую или кривую линию, означающую вещество и чувственные деяния; и потому он с таинственным видом употребляет изречения «четыре» и «девять». «Впрочем, — продолжает он, — нельзя ему жаловаться на сие определение, ибо таков есть закон, возложенный на все существа, обитающие в стране отцов и матерей; и поспе человек сошел в оную страну по своему хотению, то должен восчувствовать оного закона и наказания. Сей закон ужасен, я то знаю, но не может никак сравнен быть с законом числа пятидесяти шести. Сей закон страшен всем, которые ему подвергнутся; ибо они никогда не возмогут притти к шестидесяти четырем, не восчувствовав всей его стро-

гости». Мы хотя и отгадали значение чисел его 64, однако же не превозносимся сим достоинством, потому что каким бы каббалистическим порядком он не соплетал числа свои, но они никогда другое ничто не будут, как числа, не могущие иметь ни союза с божеством, ни излияния над благом человека; 64, сказанные им с шарлатанством, означают первую причину; ибо в странномысленной его премудрости, так, как мы далее увидим, число «десять», которое он здесь изъясняет «шестьдесят четырема», представляет центр божества.

В древнее время существовало чудовище, называемое Сфинксом, обитавшее подле города Фивы на горе Кифероны, которое предлагало свою загадку и пожирало всех тех, кои, представляясь к разрешению оной, не могли исполнить предприятия своего. По счастью нашему, сей новый Сфинкс, предлагающий загадки свои, не имеет могущества поглощать не отгадывающих; в противном случае, все читатели были бы подвержены ярости его; впрочем, если он любит загадки, так как видно по сочинению его, то бы он благоразумно поступил, когда бы отсылал их к издателям периодического сочинения, издаваемого в Париже, под названием «Меркурий французский», в каждом нумере коего помещаются загадки и которым многие пустомыслящие и обремененные праздностию стараются так или не так пайти отгадку и в следующем нумере поместить оную. В таком сочинении древние бредни, возобновленные нашим пророком, приличнее бы могли находиться, нежели в таком, в коем благо всего человеческого рода и открытие таинств, к оному ведущих, обещается.

Надлежит признаться, что мнимые его тайны и смелость уверять противуречивыми рассуждениями, что он свыше всех других понятием своим, долженствует произвести во всяком здравомыслящем читателе отвращение от столь наглого его тщеславия и самохвальства.

Говоря о человеческом теле, он так изъясняется: «Сие вещественное тело, которое мы носим, есть орудие всех наших страданий... оно содержит нас в мучении... ибо мы видим, сколь ужасны производит оно действия»; потом чрез несколько строк утверждает, что оно служит

защитою и предохранением противу опасностей, нас окружающих. Трудно согласить, как тело наше в одно время творит мучения наши, производит ужасные действия и служит нам предохранением. «Сие есть мнение, — продолжает он, — мудрецов всех времен; первое их упражнение состояло в непрестанном соблюдении себя от представляемых сим телом мечтаний». Мы можем ему длинный реестр представить всех времен мудрецам, которые такого темного понятия о теле человеческом не имели; следственно, сие есть мнение не всех мудрецов.

В описании его трех царств натуры такая же темнота и мнимой важности скромность владычествует. «Животные, — говорит он, — не имеют нужды быть неотделимы от земли; но получают плотское свое бытие от теплоты матерниной». Какое важное открытие, что нет нужды животным быть в земле укорененным! Однакоже он запомнил, что без содействия отцовского теплота материнская не в силах дать плотское бытие произведениям своим. «Растения суть плодотворимы двумя силами», но какими, — он умалчивает. «Минералы происходят от трех действующих сил» сокровенных, ему только известных, «и три действующие силы, их составляющие, им не принадлежат». Вот страшное учение! Силы, составляющие вещь, к ней не принадлежат! Когда силы оную составляют, то они суть части ее. Как же могут составляющие части вещь к ней не принадлежать? Все то же сказать: вещь существует и не существует.

Затруднение различать минералы от растения происходит, по мнению его, от того, что «разность родов существ телесных всегда содержится в пропорции геометрической четверной». Таким образом, между камнем и дубом, между журавлем и быком находится четверная геометрическая пропорция. Читая таковые нелепости, мне кажется видеть Моллисова Скапгарелу¹³, который в уверении, что его никто не разумеет, с пышностью произносит: «субстантивус», «датовус» и проч. Господа Бюфон и Бонет совсем другим образом в натуральной истории делают свои рассуждения.

«Прогрессия числа, — продолжает он, — есть непрерывна, не имеет границы, ниже какого-либо отделения.

А для совершенного узнания степени какого члена в сей прогрессии потребно знать хотя один радикас (корень); но сие знание человек потерял, лишась первобытного своего состояния. Он не знает ныне радикас никакого числа, потому что он не знает первого из всех радикасов». Каким же образом он имеет познание о сих радикасах? Он хочет заставить думать о себе, так как будет явственно далее, что он имеет сношение с божеством, которое удостоило его откровением своим. Между тем он в предосторожность упрек, которые читатели имеют право за противоречия и невразумительность ему делать, сказывает, что намерение и долг его препятствуют ему говорить открыто, хотя он при начале своей книги и сказал, так, как мы выше упоминали, что он предпринимает писать ради блага рода человеческого. Нельзя не удивляться сему странному долгу, который препятствует ему говорить открыто; кажется, что быть полезным подобным себе есть священнейший всех долгов, и потому никакой другой долг не мог бы ему запретить исполнить свое обещание и припудить умолчать о тайнах, заключающих в себе благо человеческое.

«Если бы человек имел такую химию, — продолжает он, — помощию коея мог бы он, не раздробляя тел, познать истинные их начала, то увидел бы, что огонь есть собственность животных, вода — собственность растения, и земля — минерала; тогда нашел бы он вернейшие знаки для распознавания истинного естества существ». Когда человек не имеет сей химии, о которой он говорит, каким же средством он узнал принадлежность каждой стихии к особливому царству? Но понятия его в химии такое же имеют свойство мрачности, как и все, о чем он пишет, ибо искуснейшие химики, как, например, Глаубер, Бехер, Шталь и проч., нашли в испытаниях своих, что все стихии имеют во всех телах смешение и ни одна из них особенно ни над каким царством не владевает и ни к нему не присвоена.

Удивительно покажется, что он после объявления своего, что его намерение и долг препятствуют ему говорить открыто, так себе противоречит: «...если я во всякой вещи направляю к истинному началу мысль человеческую,

то, без сомнения, мои изыскания будут не столь темны, как сих исследователей...», тех, кои основывают свое учение не на воображениях, но на доказательствах осязательных; «ежели примечатели действительно имеют омерзение к потаенным качествам, то прежде всего надлежит им переменить свой путь», подражая ему, взять путь мечты, «ибо воистину нет мрачнее и сокровеннее той дороги, на которую они желают нас привлечь». Воистину нет ничего мрачнее и сокровеннее тех потаенных качеств, о коих химерико-тайственный проповедник непонятными изречениями рассуждает. И каким образом он может направить мысль человеческую к истинному началу и учинить его изыскания не темными, когда намерение и долг его препятствуют ему говорить откровенно? А для направления мысли человеческой к истинному началу и представить изыскания светлые надобно говорить открыто и вразумительно; без того все тайные его слова, все числа, мнимую науку в себе содержащие, и все его самохвальное внушение о своем сверхъестественном познании не направят на путь истинного начала мысль человеческую и не подадут хорошего разума о понятии его.

В начале второго своего отделения он, рассуждая о страданиях скота и за что оный столь часто бывает лишен чувственного блага, которое учинило бы его столько счастливым, сколько скоту прилично, говорит: «Мог бы я объяснить сие затруднение, ежели б позволено мне было распространиться о союзе вещей и показать, до чего дошло зло ради заблуждения человека...» Изрядный способ избрал наш глубокий писатель в отрицании своем истолковать вещи, о коих рассуждает! Объявля только, что ему не позволено или долг его препятствует быть вразумительным, он думает, что достаточно оправдал себя в нелепом своем писании. Но когда ему позволено было составить книгу в 540 страниц из непонятных и страшных предложений, то, кажется, не много преступил бы он сие позволение, прибавя еще несколько строк к объяснению сего затруднения. Однако он не оставил отчасти изъяснить оное, дабы не усомнились в чудоявляемом познании его, сказав, что «земля не есть более дева, и сие то подвергает

со и плоды ее всему множеству зол, воспоследовавшему от потеряния девства ее».

Сие означение причины зла противоречит прежним его утверждениям и происходит из того же источника химер, из коего проистекли и все заблуждения его, ибо несогласно есть с справедливым состоянием земного вещества, что земля, по изречению его, не есть более дева, то-есть что будто во всем обитасмом нами шаре не находится больше чистой, первобытной и несмешанной с другим веществом земли. Но если на поверхности или на корке ее мало или и совсем нет такой земли, то сие не может служить доказательством, что бы в глубине земной, человеками не досягаемой, чистой и стихийной земли не находилось. Алхимики, которые такую землю называют девою, невероятные труды употребляли, да, может быть, и ныне некоторые из них, имеющие разум свой, еще порожденный болезнию философского камня, употребляют для обретения оной: опи, зная, что золото есть чистейшее из металлов, заключают, что для того и самая чистейшая земля должна входить в состав оного. Однако со всеми неусыпными их трудами очень сомнительно, чтоб они имели желаемый успех в работах своих, по той причине, что сия поверхность земли, которую мы только познавать можем, была во все время, с самого начала существования своего, подвержена беспрестанному действию над нею других стихий, которые мало-помалу разделили и раздробили первообразные и чистейшие частички стихийной земли и, совокупясь с оными, потом в неисчисленных соразмерах и образах составили бесконечное множество сложных тел разных родов и видов, находящихся на корке земли до некоторой глубины, весьма малой в отношении к диаметру земли, но чрезмерно великой в отношении к нам; потому что мы не могли еще проникнуть во внутренность оной далее, как на несколько сот футов.

После сего он опровергает все нынешние физические познания, имеющие на вернейших испытаниях основания свои, и предлагает новое учение о существе вещей; но, по несчастию, противоречия его, невразумительность и утверждения, никакими опытными доказательствами не

подкрепленные, но только не предупреждают в пользу одного, но противоборствуют каждому соглашению на новые предлагаемые им естества законы, на одной мысленной теории основанные, коих умножение распространяет густейшую мрачность и замешательство в физике мечтающего писателя, и заставляет думать, что он новый образ творения вещей почерпнул в собственном своем воображении, распаленном от напряжения к понятию метафизических и не находящихся в естественных пределах существ.

«Однако двойное содержание, — говорит он далее, — правящее телами и всем веществом, не есть то же двойное содержание, которое происходит от противоположности двух начал. Сие есть совершенно умное и основание свое имеет в противных между собою волях сих двух существ, ибо всегда в намерении только умом то или другое из них действует над чувственным, или телесным, то-есть дабы разрушить умное действие противное. Но не таково двойное действие то, которому приобщена натура; оно принадлежит только существам телесным, чтоб споспешествовать их воспроизведению и их содержанию; оно есть чистое, поскольку управляется третьим действием, приводящим его в порядок; оно есть необходимое средство, уставленное от источника всех степеней к строению всех вещественных его творений».

Здесь надлежит для вразумления, поскольку оно возможно, в столь мрачных и недоумительных рассуждениях заметить, что не одно злое начало именует он вторым началом, но еще также называет другое начало, которое произвело вещество и управляет им; сие служит к произведению и содержанию существ телесных; начало же злое имеет противную волю первому началу и действует над чувственным, или телесным, дабы разрушить действие первого начала, ему противоположное; двойное же действие чистое, о котором он здесь рассуждает, значит, так, как мы тотчас ниже увидим, растущее начало и огонь, противодействующий сему началу; а третье действие есть второе начало, или причина, действующая, разумная, определенная от первой причины к строению вещества. Должно признаться, что сочинитель новой метафизики и

физики щедро обогатил сию последнюю двойственными действиями, двойственными законами и началами; но совсем тем естественные его законы не суть законы ньютоновы ¹⁴.

«Разделять образы вещества, — говорит он, — не есть разделять сущность его». Никто о сем не сомневался; но раздробление тел посредством химии обнаруживает начала оных и руководствует к познанию существа сих начал. Он уверяет, что «рука человеческая не может разрушить состав вещества». Ни один испытатель природы не утверждал, чтобы можно было вещественное бытие превратить в небытие. Сие учение свойственно только новому строителю естественных законов. Чрез несколько строк ниже он прибавляет, что «человек не может произвести в веществе ни малейшего разделения; чем паки доказывається, — говорит он, — что сие телесное начало есть одно и просто и, следовательно, не есть вещество». Начало невещественное не может входить в состав вещей телесных и бездушных и быть их сущностию; то же сказать: ничто составляет что-нибудь; таковое утверждение будет не совсем благоразумно. Что начала вещественные должны быть просты и неразделимы, в том примечатели естества никогда не сомневались. Хотя и не все одинакого мнения о сих существенных началах естественных тел, однако все соглашаются, что оным должно иметь единство и неразделимость. Некоторые трудолюбивые и искуснейшие из них полагают быть началам вещества, так, как и все физичные химики признают за таковые четыре стихии, которые входят в состав всех сложных вещественных тел, ибо оные никакое искусство по сие время разделить в совершенности еще не могло; может быть, что они и сами суть сложные, но как никакие испытания в том не уверяют, то они и остаются началами всех тел сложных, ибо по раздроблении каждого из сих последних всегда все стихии или некоторые выходят и остаются уже неразделимы.

Он уверяет, что примечатели ошибаются, когда думают, что на место разрушающихся тел и исчезающих в глазах их, вступают другие тела; однако потом тотчас соглашаются и говорят: «Я согласен с ними в рассуждении

вседневного течения природы; вижу, что все образы тел рождаются и погибают; вижу, что на их места вступают другие...» Сперва отрицал, а потом согласился! Таковые маленькие неосторожности нередко с высокопарящим мудрецом случаются; однако он исправляет сию, прибавя, что «сие изменение совершается только в телах, которые суть преходящие, а не в началах, которые от того ни малейшей перемены в себе не терпят...» Ни один примечатель естественных действий не будет с ним спорить о его бестелесных началах, которые он взял из славного мечтовидца¹⁵ Шведенбурга; ибо спорящийся об оных подобен был бы человеку, уязвленному в рассудке, который, принимая мечту за вещество, стал бы действительно с нею сражаться. «...Кто явственно понял бытие и независимую и отделенную от тел непреложность сих начал, тому должно согласиться, что могли они и могут существовать прежде и после сих тел». Итак, если бы можно было какое телесное истребить или в ничто превратить, по учению проповедника новой метафизики, то начала насекомых, растений, минералов и самых отвратных материй после уничтожения сих тел не перестали бы существовать; но бестелесное существо принадлежит божеству, а потому из сего выходит весьма страшное заключение, что божество сопрягается с такими ничтожными и недостойными его телами. Однако видно, что он почувствовал столь неистовое и необходимое рассуждения его последствие, так изъясняется: «Не присовокуплю я к сему рассуждению тех доводов, которым не поверят, хотя они такого свойства, что так невозможно мне в них сомневаться, как бы я сам присутствовал при сотворении вещей».

Но мы уже видели, что когда он своих рассуждений развязать не может, тогда он извиняется или непозволением, или препятствием, происходящим от его долга и намерения; в теперешнем же случае он нашел другое средство к защищению себя от упрек в непостижимости проповедывания своего — то, чтоб признаться, что ему не поверят, в чем он и не ошибается и думает благоразумно. Но сию притворною отговоркою он хочет показать, что он удостоен откровением и ни в чем обманываться не может; а тем самым и подает причину подозревать, что для утвер-

ждения своих начал и дабы не допустить до вышепоказанного необходимого заключения, он хочет сказать, что сии начала, одушевляющие телесное вещество, не суть божество, но существа бестелесные, творение божие, сниспосылаемые обитать в земное вещество; ибо на другой странице он уже точно сими словами подозрение наше утверждает. «...малейшие частицы вещества не могут существовать, ниже понимаемы быть, не будучи содержимы и одушевляемы своим началом...» А еще немного далее уже яснее го[во]рит и подтверждает, что «из сих начал каждое по окончании своего действия долженствует возвратиться к первому своему источнику...»

Сия наука о истечении от божества начал, пронизающих во все вещество, издревле преподаваема была индийскими философами; после владычествовала между аравлянами¹⁶, которые думали, что бог сотворил великое множество духов, дабы всякий из них имел управление над естественными телами, в ведомство каждому назначенными; оттого и произошло обожание звезд и симулякров¹⁷, или вещественного представления сих мнимых правителей природы. Потом в Персии последователи Зороастра верили, что от источника света, называемого Мифра, боги, непосредственно происшедшие, участвовали во всей полноте света и божественности его. Но последующие постепенно за сими истечения произвели, наконец, богов, которые были уже совсем отдалены от первого совершенства и полноты. Божественная сущность в них ослабевала по мере их удаления от общего источника, и они тем больше были несовершенны, чем более приближались и заимствовали темноты. Таким образом происшедшие духи наполняли расстояние между богом и веществом и управляли в небесах, в воздухе и на земле; будучи могущественнее душ, которые суть так же истечения, но только в дальнейшем расстоянии от первого источника, они принудили их соединиться с телами и претерпевать бедствия телесной жизни. В первом веке некто, называемый Менандр, возобновил заблуждение Зороастра и утверждал, что неисчисленное множество духов, истекших от первого существа, сотворили свет и человеков; что некоторые из сих духов заключили по злости или по бессилию своему

душу человека в телесные органы, в коих она попеременно испытывает и удовольствия и страдания, которые прекратятся смертию.

Сверх сего, хотя он и отделяет от вещества бестелесные его начала, дабы сокрыть подобие учения своего со мнением славного атеиста Спинозы, но несмотря на его в том старание, весьма ощутительно, что присоединение бестелесных начал ко всякому веществу, какое бы сие вещество ни было, весьма сходствует с безбожною системою Спинозы, который уверяет, что во всей натуре есть только одно существо, имеющее в себе бесчисленное множество разных свойств и способностей, между коими находятся протяжение и способность мыслить; а оттого и мечтал он, что все тела суть образы и изменение одного протяжения, а другие — бестелесные существа, так, как, например, души человеческие суть изменение мысли, сопряженной со всеобщим существом, представляющим себя разными видами, кои действуют и бытие свое имеют по необходимости. Сие пагубное заблуждение отпадшего еврейна многими учеными людьми совершенно и удовлетворительно было испровергнуто, коим поборствовал и Фенелон епископ Камбрейский, муж известный честностию своею и чистотою нравов. Но какое бы существо, содержащееся в земном веществе, по мнению нашего исповедателя, ни было, однако то верно, чтобы неприятно ему было заключаться некоторое время в насекомом или в какой нечистой материи, которую называть здесь неблагопристойно¹⁸.

Он придает к вещественным своим началам еще другое начало — творителя всему веществу, называя его вторым началом, и так благоразумно рассуждает: «Вещество, будучи произведение второго начала, низжайшего и подчиненного иному началу, всегда находится в зависимости и того и другого, так что для продолжения бытия его необходимо требуется взаимное обоих стечение, ибо известно, что, как скоро которое-нибудь перестает действовать, тела разрушаются и исчезают».

Но мы скажем, что неизвестно, и ни один читатель о том не сведущ, так, как он и сам. Можно сказать «известно» тогда, когда предлагаемое в самом деле всем

известно, а не о том, чего никто не знает; ибо когда кто рассуждает о вещи, ему известной, то оный говорит ясно и не противоречит сам себе, так как наш странный проповедник. Он разумет под иным началом первое начало, коему второе подчинено, то, не уменьшая власть и действие первого, не можно требовать стечения второго начала, чтоб тела не разрушались. Но в вышепредложенных последних его строках находится еще другое противоречие; когда вещество есть произведение второго начала, то бесполезно было бы требовать к существованию оногo воспособления первого начала, потому что оно есть произведение второго начала, и, не унизя первое, не можно призывать его к сохранению творения другого начала, нижайшего и подчиненного ему. Не можно верить, чтоб наш темный писатель искренно говорил; а если подлинно воображение его так сильно в нем действует, что он мечтания свои почитает за существенные истины, в таком случае не можно не сожалеть о его заблуждениях, и потому должно признаться, что половина названия книги его совершенно справедливо.

После сего он опровергает пространными, но темными и странного противоречия доводами естественное деяние, кое из вещества производит попеременно разные образы. Но чем он ежедневно видимые вещественные деяния отрицает? Он соорудил новое начало, которое во множестве его начал еще не являлось: начало растущее, которым он снабдил землю особенно, сказав, что сие начало ей свойственно, «и к которому необходимо нужна, — прибавляет он, — внешняя причина, которая есть не иное что, как огонь небесный, или планетный, которая бы приводила в движение сие начало, дабы сила его оказалась.

То же сказать должно и о телах частных...»

Сколько в сих строках упорного рассудку сказано! Когда «о частных телах должно сказать то же», стало, их растущее начало независимо от растущего начала земного; стало, земля имеет растущее начало только для себя. На что же ей его для самой себя, если не для того, чтоб ей рост? Итак, по мнению его, земля растет, как и частные тела. И что такое растущее начало? Сказывает ли оно, каким образом действие растения происходит?

Физика должна иметь свои основания на испытаниях и доказательствах; но сказать «начало растущее», то же, что сказать «земля плодотворяющая», «солнце сияющее», «луна, по своему кругу обращающаяся», что не есть истолкование, но токмо одно объявление. Когда тела частные имеют такое же особенное растущее начало, как и земля, и в помощь себе огонь небесный, то к какой же должности он определяет бестелесные свои начала? Ежели они от высшего источника сходят в тела, только чтобы находиться в них без действия, а по разрушении их опять к оному возвратиться, то прибытие их и присутствие в телах совсем бесполезно.

«Висшняя огненная причина, — продолжает он, — производя отражательное действие, скоро бы преодолела действие начал неразделимых и разрушила бы их свойства, если б помощью существ питательных не возобновлялись силы их».

Какое странное противоречие! Не он ли утверждал, что начала его неразделимы и неразрушимы, а отражательное действие могло бы их разрушить; однако чему огонь небесный делает отражение, того он не сказывает; может быть, долг его или намерение препятствуют.

«Для сего-то, — продолжает он, — зародыши, лишённые питания, ежели выставить их на жар, погибают при самом своем зачатии...» Но без пищи не надобно их на жар выставлять; они и без того погибнут; «для сей же причины зародыши, которые уже в состоянии начать течение растения своего, скоро погибают и разрушаются, ежели недостает им пищи, нужной для защищения от непрерывного противительного действия огня; ибо тогда сие противодействие, проникая в самый зародыш, тем удобнее распространяет разрушающую силу свою». Хотя он повторяет новое свое открытие, что зародыши без пищи умирают, но он не имел в том никакой нужды, понеже довольно всем известно, что не только всякий зародыш погибает без пищи, но и всякое тело, жизнь имеющее. Что принадлежит до разрушающей силы огня, то не он ли прежде говорил, что «огнь небесный приводит в движение растущее начало, дабы силы его оказались»; каким же образом сей самый огонь есть в одно время и средство

к споспешествованию творения тел и орудие разрушения оных?

Потом он подтверждает опровержение свое, что тела не превращаются в другие и не вмешиваются в сущность одно другого, и говорит, что «думать, чтобы они вмешивались взаимно в сущность свою, есть противоречить законам природы и не знать сущности начала вообще».

Не есть противоречить законам природы утверждать то, о чем ежедневные деяния оной и испытания физические и химические нас уверяют. Мы бы очень несправедливое имели понятие о своем теле, когда бы думали так, как он проповедует, что кровь или твердые части тела нашего, получающие посредством пищи возобновление и замещение утраты, претерпеваемой ими ежедневно от движения, или обращения, в них жидкостей, не суть части самих нас, но части существ посторонних, служащих нам пищею, и с телом нашим не смешаны; всякий, имеющий такое рассуждение, заслуживал бы себе место в жилище безумных. Если бы писатель наш, покрывшийся покрывалом, обратил учение свое к рассмотрению и испытанию вещей естественных и ощутительных, а не к мысленным предметам, испытаний убегающим и кои у всякого в воображении, по расположению организации, могут разными образами представляться, тогда бы он говорил о естестве понятно и не имел бы нужды для избежания нареканий, заслуживаемых мрачным своим проповеданием, облачатся в покров непонятого рассуждения. А потому и не усомнился бы, что пища человеческая точно превращается в плотское существо его; войдя в желудок, она с помощью сока, называемого гастрическим, исходящего из желез, или glandулов, желудочных, претворяется в белую, подобную молоку, жидкость, после чего проходит сквозь нижнее устье желудка в кишки, где сок других glandулов, называемых всех вместе панкреасом, совокупясь с некоторою частию желчи, из печенки протоками своими в оные кишки исходящею, перемешивает и приготовляет сызнова материю, в несовершенство еще переделанную в желудке. Сия материя, вышедшая из желудка и смешанная с означенными соками, называется «хилус», части которой тончайшие и полезнейшие, проходя чрез

млечные сосуды, коими все кишки, обвернутые оболочкою (мезентерию), исцещены, вливаются в общее хранилище, называемое хранилище Пекетово, откуда входят в грудной проток, впадающий в остовую крововозвратную жилу. Достигнув до сей жилы, превращаются в кровь и входят с нею вместе в общее ее течение, которая посредством своего обращения разносит для жизни и составления существа нашего нужные соки по всему телу; а оставшиеся за втечением хилуса в млечные сосуды грубые части пищи способом ворсовой склизости, которою во внутренности своей все кишки обложены, и способом движения перистальтического, змеинообразно делающегося, выходят воп из тела¹⁹. Но кроме смешения разных существ воедино, которое мы видим в животных и растениях, в химии есть смешения, составляющие одно существо, например сера; никто не скажет, чтобы составляющие ее части не была сера, хотя оные прежде смешения другое вещество имели и свойства совсем другие; ибо многократными испытаниями доказано, что все существа жирные, масляные, уголь, металлы и прочие горючие, изобилующие флогистиком²⁰ тела, всегда непременно с kwasностию купоросною, которая не есть горючая сера, составляют горючую серу.

Он уверяет, что тела нечувствительно умирают, исчезают и уничтожаются. Однако он не почел за нужное объяснить, как делается исчезание сие, всем физикам непонятное, а требует, так, как и во всем его учении, чтоб верили ему на слово его. Но если бы сия невразумительная система подлинно и действительно быть могла, то б ежедневное исчезание тел уже давно земной шар разрушило как сим беспрестанным исчезанием, так и тем, что естественное взаимное притяжение тел в рассуждении величины и тягости их при первом уменьшении глобуса, нами обитаемого, прервав бег оного по пути своему, привлекло бы его к телу, превосходящему его силою притяжения, и господин премудрый писатель не имел бы удовольствия соплетать темные и мечтательные свои рассуждения, ни покрываться покрывалом для блага себе подобных. Если же он хочет сказать, что первое начало, или истина, или закон существенный, коими выражениями

он с умышленною тонкостью называет божество, присылает на место исчезающих веществ другие, то не удивительно, что в воображении его возродилось такое мнение, ибо и отражательные действия могли найти место в голове его; но никакой рассудительный читатель не примет дерзкого мнения, чтоб божество всякое мгновение для нас упражнялось в творениях, его недостойных. Довольно и того, что оно своею щедротою дало бытие всему веществу и тварям, в оное включенным.

В подкрепление системы своей мнимого исчезания он присовокупляет, что телесное разрушение не иначе совершается, как отлучением вторых истечений, оставшихся в трупе после невестественных начал. Надобно думать, что сии вторые истечения суть поверенные бестелесных существ, возвращающихся к источнику своему и по себе их оставляющих докончить разрушение тел, ими оживотворявших. Сии истечения он почитает средоточием той части, в которой они пребывали. Не можем «не признаться, — говорит он, — что тела, части тел, что вся вселенная есть сборище средоточий, понже видим, что тела постепенно исчезают. Если же все есть средоточие и ежели все средоточия исчезают в разрушении, то что же такое от тела разрушенного останется, которое бы могло составить части бытия и жизни новых тел?» Не можем и мы не признаться, чтобы он не был сам средоточие развращенных поврежденного разума рассуждений.

Хотя мы, предпринимая сие исследование, намерялись все мечтающего проповедника темные, противоречащие познаниям естественным, на вернейших испытаниях основанным, и здравому рассудку противоборствующие предложения не оставлять без замечания, но чем далее углублялись мы в сочинение, мечтаниями, ложным учением и гордостью произведенное, тем больше нам представлялось оных, требующих пространных возражений. Не только те рассуждения, которые он нарочно делал невразумительными, но и самые те, в коих он желал быть понимаем, не позволили бы нам пропустить их, ежели бы мы не опасались причинить столько же скуки читателям, сколько он наносит им обширным писанием о заблуждениях своих. При сем мы заметим еще и то, что книга

нашего пророка, мнимую премудрость предлагающая, заключающая в себе больше тайные виды честолюбия, так, как мы в течение сего нашего сочинения в своем месте означим, нежели желания просветить себе подобных, не заслуживала бы не только опровержения, но и никакого с нашей стороны внимания, если бы она новостью своею, к которой люди обыкновенно склонны, не служила орудием ухищренным умам ввести многих в заблуждения, расстроивающие общественный их образ жизни, а может быть, и состояния их. По такому уважению мы уже не могли не почесть себя обязанными предпринять исследование о заблуждениях проповедника мнимого блаженства; заблуждения тем сильнее влияния на большую часть жителей в обществе иметь могут, что таинственный образ учения всегда преклонял легковверных в пользу сокровенностей, ими не понимаемых и о коих предубеждение часто заставляет думать, что не всем людям вообще, но только одним избранным подобает познание оных; сим средством хитрые и чуждые искренности всегда приобретали пользу и уважение от людей непросвещенных.

Итак, мы для сокращения нашего исследования будем только останавливаться на тех рассуждениях, в которых он больше заблуждал и тщеславился сверхъестественным своим познанием. Например, так, как он говорит, что «в земле действительно надлежит телу мужчины разрушиться; но тело мужчины восприяло образ свой в теле женщины; когда же оно разрушается, тогда возвращает земле только то, что получило от тела жены. И так земля есть истинное начало тела жены, понеже вещи всегда возвращаются к своему источнику. А как сии оба существа толь сходны между собою, то, без сомнения, тело жены имеет земное происхождение...» Но когда все возвращается к своему источнику, то, стало, не одному мужчине надлежит разрушиться в земле, но и женщине, так, как происхождению от земли, возвращающемуся к своему источнику. Из сего скрытного проповедывания, которое кроме мечтательного уничтожения женского против мужского полу ничего не скрывает и из которого иного заключить не можно, как то, что он старается заставить думать о себе, что имеет знание тех таинств, которые будто бы

дают ему преимущество над всеми ему подобными; но здравомыслящий читатель не находит другой тайны во всех его нелепостях, как ту, что честолюбие вывело его из пределов благоразумия и заставило играть ролю много пророка нового откровения.

Немного ниже он так еще говорит: «...Впрочем, муж не есть отец разумного существа произведений своих, как то возвещали учения ложные и тем паче пагубные, что основаны были на сравнениях, взятых от вещества, как, например, на неисчерпаемых истечениях огня. Но во всем сем находится таинство, которое не почитаю никогда довольно скрытым».

Никогда никакое таинство, известное одному или некоторым, вообще для всех полезно быть не может; напротив же, вещь, полезная и могущая составить благо человеческое, никогда скоро открыта быть не может, и потому нельзя именовать ее таинством, понеже она по свойству благого излияния своего долженствует быть открытою и явною подобно светильнику небесному, изливающему благодетельные лучи свои на вещество земное, дабы все могли участвовать в пользе, от нее происходящей; и того, кто бы, совершенно зная оную, старался сокрыть сведение о ней, надлежит почитать врагом рода человеческого, так, как и того, который для своих особливых видов разглашал бы о познании какого-либо таинства и потом по причине своего неведения умолчал бы объявить оное. Сие рассуждение тем паче имсет отношение к нашему проповеднику, который таинство свое «довольно не почитает сокрытым», что он, при начале своей книги обязавшись писать для блага человеческого, повсюду учение свое, доставляющее сие благо, скрывает под покрывалом темных своих истолкований.

Потом он в помощь утверждения своего мнения, что вещества не могут смешаться одно с другим и составлять одну сущность, говорит: «Когда бы пицца и начала, содержащиеся в ней, могли смешаться с сущностию и началами существ, на которых изливают отражательные свои действия, то равномерно могли бы и заступить места их; тогда легко было бы переродить совершенно естество нераздельных и родов: а переменяя род и естество одного существа, можно то же учинить и во всех родах существ,

отчего бы произошло всеобщее смешение, и мы бы никогда не знали степеней и мест, принадлежащих существам в порядке вещей».

Конечно, вещество не может мешаться с бестелесностью, и, верно, никто ему отрицать не будет, что пища не мешается с его бестелесными началами; но сие не препятствует, чтоб пища не составляла единую сущность с теми телами, в которые она входит. Если же бы она, по мнению его, не мешалась с телами, а сохраняла бы свое существо, например, хлеб оставался бы хлебом, мясо — мясом и прочее следное или питание — тем, чем оно есть, в таком случае он не имел бы причины опасаться перемещения во всех родах естества, ибо тогда пища, входящая в тела, не мешаясь с ними и сохраняя свое существо, не только бы могла произвести такое перерождение, но и воспрепятствовала бы жизни тел, а потому не была бы пищею, или средством течения жизни телесной, но прекращением оной и разрушением всех существ, которые ныне она сохраняет и возобновляет. Надобно думать, что ему неизвестно, сколько пищи выходит чрез нечувствительную испарину и прочие каналы очистительные и каким образом она должна претворяться силою внутренних органов и смешаться с телами, в которые она входит для составления с ними одного существа. Что касается до отражательного его действия, мы оставляем ему оное в ненарушимости, так, как и бестелесные его начала всего вещества.

Но сильное его доказательство, что пища в телах сохраняет свое существо, состоит в том, что «в телесной натуре нет прелюбодеяния, ниже сынов-приемышей, потому что нет в ней ничего свободного». Сие прелюбодеяние то же значит, что смешение вещественной сущности, которое, несмотря, однакоже, на его отражательное действие, не меньше в естестве совершается; а сыны-приемыши значат, что мысленные его начала не могут быть приняты другими началами. Мы не будем с ним спорить о его приемышах, сиротах, беззаконнородившихся в воображении его; но что принадлежит до глубоко философического слова «прелюбодеяние натуры», то из вышесказанного нами можно усмотреть, что естественное прелюбодеяние во всей точности сего слова совершается.

Вот каким орудием он ослепляет читателей своих, стараясь подать изречениям своим некоторую дикость и оттого возбуждать удивление, дабы они уверились, что оные скрывают премудрость, обещающую блаженство.

«Итак, — присовокупляет он, — пища не иное что, как средства отражательного действия, нужные для охранения живых тел от чрезмерности огненного действия, которое непрестанно пожирает и разоряет сии питательные существа, так как без них разорили бы и самое живое тело...»

Теперь говорит он, что огонь чрезмерным своим действием разоряет и пожирает тела; а прежде уверял, что тот же самый огонь, то-есть внешняя причина, необходимо нужен растущему началу для произведения и оживления зародышей. Как можно верить такому писателю, который вместо опытных доказательств предлагает толь несогласные противоречия, несмотря на которые то правдою всегда пребудет, так, как мы выше упоминали, что пища не огонь пожирает, но она претворяется внутренними органами тел в жидкие и твердые части оных и служит к растению и жизни существ животных и от земли растущих.

«Я не престану повторять, — говорит он, — как они (примечатели) думают, что все образы суть произведение врожденных им начал, которые не могут инако явить своего действия, как под всеобщим законом трех стихий...»

Мы не престанем повторять, что нельзя человеку более надменным образом и несправедливо приписывать себе всеобщее знание не только естественных существ, но и за пределами оных находящихся. Ни один испытатель не утверждал, что в естестве сущность одна; но что все тела составлены из четырех стихий, то все упражняющиеся в познании естества как физики, так и химики постоянно и непременно в испытаниях своих сию истину находят. Мы увидим после, для каких причин он изгнал воздух из числа стихий, составляющих все естество, которые силою непрерывного движения, данного всевышнему десницею всему веществу, все образы оного составляли и составляют? Врожденные же начала, им вымышленные, суть начала бестелесные; то мы вопрошам, есть ли кто, прилежно рассматривающий деяния натуры, который бы мог

утверждать, что вещь нетелесная может составить вещь телесную? Он напрягает все силы воображения своего, столь плодовитого юродливыми мечтаниями, дабы соорудить здание системы вещественной на основаниях невещественных, обитаемое разных чинов существами бестелесными, и, окружая его густейшею темнотою, дабы слабость построения была неприметна, старается вовлечь в оное неосторожных читателей, кои, прельщаясь достигнуть блаженства, познакомиться с невидимыми обитателями оного и наслаждаться собеседованием их, мнят проникнуть мрачность, окружающую сей храм мечтательности.

Он в третьем своем отделении говорит: «Человек ежеминутно склонен к заблуждению, а особливо когда один осмеливается устремлять взор на такие вещи, которые познавать препятствует мрачность его темницы...» Сие предложение вероятно, ибо он, сочиня книгу непрерывных заблуждений, ощутительно доказал о справедливости оного. Чтоб отнять всякое о том сомнение, он, упоминая о добром и злом началах, так рассуждает: «...Но ежели сии начала разумны, то надлежит им быть сведущим и иметь понятие о всем, что ниже их, ибо без сего не пользовались бы они ни малейшею способностью разумения; если же они сведущи и имеют понятие о всех вещах, которые ниже их, то невозможно, чтоб каждое из обоих, яко существо действующее, не занималось оными и не старалось или разрушить их, ежели оно злое начало, или соблюсти, когда оно доброе существо». Прежде говорил, что добро имеет власть и силу независимые, которые простираются и на самое зло; но сим рассуждением он делает их равными, ибо старание доброго начала соблюсти, а злого разрушить значит, что они друг другу не покорны, понеже, хотя доброе начало и старается о соблюдении, но не имеет ни силы, ни власти удержать разрушение.

«Если бы они, то-есть примечатели, — говорит он, — тщательнее рассмотрели оные два разные начала, которых не могли не признать, увидели бы разность и противоположность их способностей и действий, увидели бы, что зло есть чуждо началу добра, действует своею собственною силою над временными произведениями сего начала,

с которым оно в единое место заключено, но не имеет действительной силы над самым добром, которое носится над всеми существами, поддерживает не могущих стоять о себе и оставляет по воле действовать и защищаться тех, которым дарована от него свобода...» Тут кажется, что он не только равняет доброе начало со злым, но еще творит сие последнее могущественнейшим первым, ибо, несмотря на то, что доброе начало носится над всеми существами, некоторые из оных, как свободные, так и несвободные, не избавляются от зла и претерпевают его действия.

Здесь надлежит еще заметить важнейшие его противоречия о добром и злом началах, ибо на странице 13 он говорит: «Добро само от себя получает могущество и силу», а на 14: «Приуждены мы признать в добром начале неизмеримое превосходство пред другим, единство, неразделимость, с которыми оно необходимо существовало прежде всего». Когда доброе начало само от себя получает могущество и силу свою и когда оно необходимо существовало прежде всего, то как же после столь утвердительного предложения сказать можно, что доброе начало заключено в единое место с злым началом? Стало, оно не получает могущества и силы само от себя, когда оно могло быть заключено в одно место с злым началом; и как можно подвластие сие согласить с тем, что оно необходимо существовало прежде всего? Ибо существование прежде всего принадлежит единому создателю всего; и потому безрассудно сказать о вещи, подвластной и могущей быть заключенной в одно место с злым началом, что оно существовало прежде всего. Прежде надлежало бы ему согласиться самому с собою и не прибавлять противоречивыми рассуждениями непонятности учения своего, кое уже и без оных так исправно ограждено от проникания читателей, что разум, утомленный работою проникнуть оное, наконец, вместо мнимых тайств, кроме одного пустословия, и вместо полезного открытия, кроме одного недугования в рассудке сочинителя, ничего не находит.

«Мы утвердили уже, — продолжает он, — что начала вещества, как всеобщие, так и частные, заключают в себе жизнь и должныствуют от оной произойти способности

телесные. К сему присовокупили и то, что, несмотря на нерушимое и природное сие их свойство, сии начала не могли бы никогда ничего произвести, если бы не были подвизаемы и согреваемы от противодействия огненных высших начал, долженствующих приводить в движение способности их...»

Не всякому можно понять, как что-нибудь бестелесное может быть подвизаемо и согреваемо от противодействия телесных огненных начал, долженствующих приводить в движение способности начал, вещества не имеющих, ибо не можно уму представить движения без тела или протяжения. Притом же когда, так, как он уверяет на 88 странице своей книги, что бестелесные начала в себе имеют все, что «нужно к совершенному исполнению их закона», то-есть к производству тел, то на что же им действие внешних огненных начал? Когда же без сих они ничего произвести не могут, то они не содержат в себе всего того, что нужно к производству и одушевлению тел; а потому уверение его было ложно.

Теперь мы перейдем к рассмотрению, для каких причин он исключает воздух из числа стихий; они покажутся не очень согласны с здравым рассудком; однако новый пророк уверяет, что они достаточны для утверждения трех стихий, ибо, говорит он, «натура показывает, что в телах находится три только измерения; три только возможные находятся разделения во всяком существе, имеющем протяжение; три только находится фигуры в геометрии; три способности, врожденные во всяком существе; три только мира временные; три только степени очищения человеческого, или три степени в истинном в[ольном] к[аменице] ²¹, словом, в каком ни рассматривай виде сотворенные вещи, нигде не можно ничего найти сверх трех».

Что три находится только измерения в телах и три фигуры геометрические, то должно быть трем стихиям. Вот изрядные физические основания! три только мира временные, три человеческие очищения, или степени в[ольного] к[аменица] — верные тому доказательства, и нельзя не увериться, чтоб не было трех миров временных! Он разумеет тут три мира временные те, которые, по

учению пред ним возвещавшего лжесказания Шведенбурга, суть: первый — мир ангелов, второй — духов, а третий — ссй естественный. Хотя сие и противно могуществу божию, которое, может быть, неограниченное число миров создало, но для системы его и для изгнания воздуха из стихий ему столько оных потребно. Три очищения человеческого! Мало! Человек чем больше может очиститься, тем спасительнее. Потом еще присовокупляет: «Итак, надлежит здесь сказать, что самая тленность тел показывает тленность и основания их и противоречит тому, что сущность их поставляют в четырех стихиях; ибо если бы состояли они из четырех стихий, то были бы нетленны, и мир был бы вечен; но как они составлены токмо из трех, то для того и не имеют бытия постоянного, понеже не имеют в себе единицы...» В сих словах глубоко мечтательное его таинство есть то, что если бы тела имели четыре стихии, то бы имели и единицу, числа, которые в сокровенной его науке означают божество, и потому мир, будучи божественный, был бы вечен. Не доказывается ли сею целепостию и пустою важностию, кроме химер, ничего в себе не замыкающею, что гиерофант новых таинств для тщеславия и гордого самолюбия своего говорит противу всеобщих понятий, естественными испытаниями утвержденных? Он дополняет благоразумные рассуждения свои, сказав: «Сие весьма ясно для тех, которым известны истинные законы чисел». Арлекин в итальянской комедии, рассказывая непонятный вздор, наконец, прибавляет: «Это очень ясно».

«Я уже сказал, — говорит он, — что воздух не в числе стихий». Сказал, однако несправедливо и против новейших испытаний, которые не дозволяют сомневаться, чтоб воздух не находился во всех телах и не имел бы в составлении их такого же участия, как и другие стихии. В древности, по свидетельству Секста Эмпирика, один философ, современник Пифагоров, называемый Ономакрит, преподавал в учении своем, что земля, огонь и вода одни только входят в творение существа всех тел; но химия тогда была, так сказать, в своем младенчестве и не могла рассматривать исправнейшими испытаниями вещества тел. Она почти в равном состоянии пребывала до XIII века,

в котором Алберт, называемый великий, и Рогер Бакон были искуснейшие примечатели в раздроблении тел, потом множество других славных, а наипаче нынешнего века, химиков внесли светильник в сокровеннейшие храмины, в коих натура хранила тайнства свои и которые признают четыре стихии, составляющие все тела.

«Понеже в самом деле, — прибавляет он, — нельзя почесть особливою стихиею грубую сию жидкость, которою мы дышим, которая расширяет или сжимает тела, чем больше или меньше бывает напоена водою или огнем». Казалось бы, что тому, который так тщеславно превозносится мнимым своим преимуществом иметь познание о всей вещественности и невещественности, надлежало бы знать, что воздух не одною водою или огнем напоен, но еще имеет беспрестанное смешение с другими материями, известными под именем газов, имеющими такую же жидкость, прозрачность, светлость и упругость, какую и сам воздух имеет, и которые, будучи от него отделены, суть смертельны, например: газы земель известковых, алкалических, газы, происходящие от загорания тел, и прочие мѣфитические, то-есть вредные и смертоносные, в коих ни животное дышать, ни огонь гореть не могут. Если бы чистый воздух, а не мнимое невещественное начало присутствен в атмосфере не был и втечением своим во все существа, жизнь имеющие, их не оживлял, то бы сии газы превратили глобус наш, столь многообразными и различными животными обитаемый, в печальную и мертвую пустыню.

«Но, без сомнения, — продолжает он, — в сей жидкости есть начало, которое мы должны назвать воздухом. Но оно несравненно действительнее и сильнее, нежели стихии грубые и земные, из которых тела составлены, что подтверждают бесчисленные опыты...» Когда тела составлены токмо из трех грубых земных стихий, а воздух сего мудреца, так, как он немного ниже говорит, хотя невеществен, однако, по бесчисленным его опытам, сильнее сих грубых стихий, то мы спрашиваем, каким образом он делал сии опыты и над чем употребляемые им к тому орудия действовали? ибо испытаниям подлежит только то, что вещественно. Если б он имел сведение о испыта-

ниях, деланных искуснейшими и славнейшими физиками и химиками над вещественным воздухом, а не над мысленным, то бы он узнал, что воздух входит в неограниченное число тел, даже и в самые плотнейшие и твердейшие, так, как часть их состава; узнал бы, что воздух, дотоле пока пребывает купно с другими стихиями началом оных, не оказывает ни расширения, ни упругости, ни других свойств, кои в нем являются только тогда, когда он находится в соединении частиц своих и вольным от уз, содержащих его в сложении тел. Наконец, узнал бы, что мнимое его начало невещественное, которое он принуждаст себя назвать воздухом, есть в самом деле тело, имеющее в совершеннейшем степени все свойства чистейшего воздуха и в косм, по испытаниям господ Пристеля и Лавуазие, животные впятеро или вшестеро могут больше жить без возобновления оногo, нежели в таком же количестве лучшего воздуха атмосферы, что пламя свечи, погруженной в оный, становится тотчас больше, жарчее и светлее и что сожжение материи ее делается в пять или шесть раз скорее, нежели в простом воздухе.

«Сей воздух есть произведение огня не сего вещественного, нам известного, но огня, который произвел огонь и все вещи чувственные». Когда сей огонь произведен от огня неизвестного, почему же неизвестный огонь ему известен? Сего он не объявляет, а только говорит: «Одним словом, воздух необходимо нужен к содержанию и жизни всех стихийных тел...» Как будто кто о том сомневается! «Он не может пребывать долее их; но, не будучи, как они, вещество, не может быть стихиею...» Воздух не вещество, не может пребывать долее стихий и сам не может быть стихиею! Не есть ли в сих несогласных и противоположительных словах совершенное отступление от здравого рассудка? «И, следовательно, сказано справедливо, что не может он (воздух) входить в составление сих самых тел». И, следовательно, сказано несправедливо, но для того только, чтоб ложными предложениями и мнимою сокровенностию читателей, имеющих терпение читать невразумительную книгу о заблуждениях и неистине, далее заводить в лабиринт непостижимого своего учения.

«Какое же он (воздух) имеет дело в натуре?» — вопрошает изгнатель воздуха и противоположник естественной науки. «Не убоимся сказать, что ему поручено сообщать существам телесным силы и качества сего огня, который их произвел...» С такою смелостию, какая во всей книге его является, конечно, нестрашно какую б то ни было несодеянность или сумасбродство сказать. «Он есть (воздух) возница жизни стихий, и его только помощью поддерживается их бытие; ибо без него все круги возвратились бы в центры, из которых они проистекли». Сие утверждение, что воздух есть возница других стихий, больше забавно, нежели удивительно; не без смеха подумать можно, как земля, вода и огонь на воздухе ездят! Заметить надобно, что он воздуху не надолго сие услужливое действие оставляет, ибо он на той же странице говорит: «Но надлежит примечать, что в то же время, как он содействует содержанию тел, бывает также главным орудием их разрушения...» И потом прибавляет, что сие противоречие не должно нас удивлять, потому что воздух так поступает в силу двойственного закона. Что воздух служит к содержанию тел, жизнь имеющих, и к разрушению оной лишенных, в том все физики не сомневались; но токмо до прибытия мрачного писателя не знали, что «воздух есть возница жизни стихий».

Чтоб утвердить превосходство воздуха над другими стихиями, он говорит: «...когда воздух, сколько можно рачительно отделен от тел, то сохраняет всегда свою силу и свою упругость...» Беспрестанные противоречия! Когда особый его воздух невеществен, каким же образом тот самый воздух имеет упругость, и как возможно рачительно отделить его от тел? «...Для сего должно признать его невреждаемым; а сие не приличествует ни одной из стихий, которые разрушаются тотчас, как только разлучились друг от друга». Надобно ль сказать сему искусному физики, что никакая стихия не разрушается, когда одна от другой отлучается, и никакие испытания еще по сей час как физические, так и химические, а наипаче воду не могли разрушить. Сию последнюю Боиль и Марграф, славные физики, великое множество раз перегоняли, и хотя находили при всякой перегонке по малой части

земли, однако вода перегнанная всегда оставалась певредима и так, как была; остающаяся же малая часть в сосудах земли должна быть почитаема посторонним телом воды. Господин Лавуазие важное доказательство неразрушимости воды исправнейшими испытаниями утвердил: в его перегонках оставалась также малая часть земли; но он нашел, что сия земля происходила от сосудов, ибо он в том удостоверился, вся прежде и после сосуды, к испытанию служившие. Почему и видно, что стихии не только тотчас по разлучении их, но и никогда не разрушаются.

Он систему свою тройственного числа распространяет даже и на человека. Разделение анатомистами тела человеческого на три части для удобного изучения оногo и называемые ими впадины или дупла (*cavitas*) служили ему основанием к построению из тройного числа человека, и, определяя сим разделением отношение к трем стихиям — соли, сере и ртути, — введенным в химию в XV веке Валентином, но потом искуснейшими химиками недостаточными признаны, он уверяет, что его учение «весьма сходно с учением физиологов о месте и источнике первоной жидкости».

Какого существа жидкость сия или самый тончайший сок, люди глубокого учения суть разного о том мнения. Бургав мыслил, что она жидкость есть самая острейшая и пронизательнейшая, отделяющаяся от крови мозговыми органами; Стенон — что она есть самая материя света. Винслов утверждает, что неисчетное множество мозговых маленьких сосудов, наподобие клубочков или кисточек, отделяют от крови, приносимой в оные беспрестанно многочисленными отраслями бьющихся жил, жидкость отменной тонкости, которая распространяется по всем нервам, имеющим исхождение свое из мозга. После сего отделения остальная кровь возвращается по отраслям крововозвратных жил в рукава твердой мозговой оболочки; а сии, наконец, изливают ее в шейную и позвоночную крововозвратные жилы. Невтон в конце своей Оптики и в приложенных к ней вопросах называет оную жидкость эфиром; Гартлей в преподаваемой им теории о чувствах и мыслях говорит, что оные происходят от поколебания частиц сего эфира, находящегося, по мнению первого, в нервах;

Шейн, аглинский учитель, с другими учеными отрицает совсем бытие сей жидкости. Потому учение физиологов никак не сходствует с его химерическим учением о месте нервной жидкости; ибо, по доказательству Бургава и Вислова, она не имеет одного определенного ей места, но наполняет все нервы, которые распространяются по всему человеческому телу. Притом наука физиологии не полагается на метафизические вымышления, но основывается на исследованиях анатомических и испытаниях химических; следственно, и нельзя того утверждать, чего в рассматривании внутренних частей тела человеческого не находится. Ибо в раздроблении оных ни серы, ни ртути не оказывается, но только спирт алкалический или вкуса средних солей, а иногда и то и другое свойство имеющий; уголь сих частей, остающийся в сосуде и сокрушенный в пепел, дает маленькую часть алкалической соли, подобной той, которая добывается из растений, а иногда и железа.

Кровь человеческая, приведенная подымающимися из ней парами в густость студенья, по испытаниям господина Шпильмана, теряет шестую часть веса своего; потом в перегонке дает около половины своего веса спирту алкалического, тридцатую часть масла прижженного запаха, каковой обыкновенно в раздроблении химическим огнем в телах остается, и столько же соли летучей. Уголь, остающийся от крови, содержит в себе довольноное множество частиц, магнитом притягательных, и сто двадцатую часть соли постоянной, или нелетучей.

По его же испытаниям из мозгу человеческого, весом в 3 фунта, или 96 лотов, выходит 72 лота спирту алкалического, 10 лотов вышеупомянуемого свойства масла, три золотника летучей соли; уголь его, жженный на огне открытом, не переменяет черноту свою, коего некоторые частички магнитом притягиваемы, и способом щелочения дает два золотника соли, которая сохраняет в себе много клейкости.

Кости животных, по новейшим испытаниям господ Макера, Пулетия и Руеля, содержат в себе землю известковую и соль фосфорическую; и потому доказательно, что ни сера, ни ртуть не имеют в теле человеческом

определенных обиталищ, но вместо серы огонь, называемый флогистиком, входит в состав всех тел, так, как и другие стихии; однако он не пребывает в одном месте, а находится и проникает все части оных. Странное и безобразное определение тройного, разделенного царствования трех разных существ в теле человеческом, может только поместиться в голове у того, который хочет уверить, что он имеет сообщение с некоторым существом, поставленным от бога для управления веществ и которое он называет причиною действующею и разумною. Ибо если б и подлинно сера и меркурий находились в теле человека, то бы они не оставались в назначенных им от сего нового рода размежевателя владениях, но чрез обращение крови носились бы по всему телу.

Он с некоторым видом самохвальства присовокупляет: «Сколь ни правильны сии разделения и сколь ни справедливы их отношения к трем стихиям...» так, как бы он вместо сей нелепости ощутительную и укрепленную испытаниями истину сказал! «Не усматривается ли также и в груди, что кроме средоточия крови находится еще вместилище воды, или сии ноздреватые части внутренности, которые собирают воздушную влагу и ее сообщают огню, или крови, дабы умерять ее жар?» Всем известно, что грудь не есть средоточие крови, которая обращается по всем частям тела. Если же он хочет назвать ее средоточием крови, потому что сердце, источник оной, имеет в ней обиталище свое, то мы не будем с ним спорить, может ли источник чему-нибудь назваться средоточием, понеже источнику свойственно истекать прямою или кривою линеєю, а не обращаться вокруг себя; но только заметим, что он столько же знающ и в физиологии, сколько в физике. Ибо грудь не есть вместилище воды, но органов, служащих ко вдохновению и издыхновению воздуха, так, как и для приведения крови в должное совершенство, дабы содержать все жидкости тела в равновесии и для оживотворения столь премудрым и многосложным образом сотворенной махины. Сие важное действие происходит таким образом.

Бьющиеся и простые жилы легкого, сотоварищующие духодвижным жилам, приносят кровь во все

тончайшие капальцы и сосудцы, от них распространяющиеся по всему легкому, и тем средством служат к тройному переделыванию крови. Первое есть то, что она, протекая по всем вышеупомянутым канальцам, или рукавкам, перетирается, раздробляется и так, как бы переламявалась; другое, что она чрез дыхания очищается от излишества пасочной сырости, и, наконец, третье состоит в том, чтоб ей оживляться проходящим по пуздреватым норкам легкого воздухом, который или целым своим втечением, или вносными своими частичками одевает ее цветом красным, приводит в полное совершенство и делает ее способною к одушевлению тела человеческого. Посему ясно видимо есть, что в груди нет вместилища воды, и поздреватые части легкого, так как мы изъяснили, совсем к другому действию определены, нежели к собиранию воздушной влаги и заливанью внутреннего в человеке пожара ²².

«Увидели бы они (примечатели), — говорит он, — что происходящее в груди их противоборствие серы, соли, огня или воды поддерживает жизнь тела и что ежели которого-нибудь из сих действователей не станет, то и тело престаёт жить». Примечатели довольно видят, что происходящее в нем противоборствие сумасбродства с рассудком заставляет его писать против сего последнего, понеже, когда один раз необузданное воображение возьмет поверхность над здравомыслием, то уже нет никакой странности или дум развращенных, которых бы оное возродить не могло, ибо он еще на той же странице прибавляет:

«Но надлежит также приметить, что сим двум силам, толь враждебным между собою, необходимо нужен посредник, который был бы преградою их действиям и препятствовал бы взаимному их одолению, ибо иначе все бы уничтожилось. Сей посредник есть начало меркуриальное, основание всякого телесного состава, с которым совокупясь оба прочие начала стремятся к единой цели. Он, везде с ними неотступно пребывая, принуждает их действовать по предписанному порядку, то-есть производить и содержать образы тел...»

Наука, включающая меркурий в начала и преподаваемая в свое время Парацельсом, давно уже искуснейшими

химиками испровергнута. Он полагал началами тел, называемыми им действительными, меркурий, масла и соль, а воду и землю определял в страдательные, но первые не могут быть началами тел, потому что они сами не суть простые, но составные из других существ гораздо простейших их. Бехер, почувствовав неправильность сего учения, признал только два начала, составляющие все тела, именно: воду и землю; но чтобы удобнее истолковать свойства сложных тел, он разделил землю на три рода, содержащие простые и стихийные земли: первую назвал стекловатою; вторую — воспаляющеюся; третью — меркуриальною. Стекловатая, по мнению его, есть начало твердости и взаимной вязкости частиц, составляющих совокуплением своим тела; чрез воспаляющую он разумел ту, которая наполняется огненными частичками, то-есть началами возгорания; чрез меркуриальную — начало металлов, ибо он думал, что сие начало соединением своим с двумя первыми составляет металлы. Шталь, который превосходил химическими своими познаниями Бехера, неоспоримым образом доказал существование двух первых земель, но не мог никакими испытаниями утвердить бытие последней и потому не признал ее за существующую. Однако, несмотря на сие, не только алхимики, но и некоторые химики думали, что меркурий не во все тела, так как уверяет наш учитель, но в одни металлы началом входит, и для извлечения коего Юнкар, Валлерий и Гросс преподают особливые наставления. Но Макер и Боме по предписанию сего последнего вынимать меркурий из свинца не могли иметь в том успеха, почему сии искуснейшие нынешних времен химики с основанием заключают, что оказавшийся меркурий в испытаниях Гросса был естественным образом присообщен к свинцу, а не был сам началом оного. Если бы философический меркурий, о котором алхимики мнят иметь сведение, находился во всех телах, то и тогда нельзя было бы представить себе, каким образом меркурий может принуждать огонь и воду действовать по предписанному порядку и заставляя их производить и содержать образы тел.

Здесь надлежит также заметить его противоречия. Прежде вещественные его начала были: начало растущее,

присвоенное к земле, а огонь был противодействователен сему началу; бестелесные же начала должны одушевлять всякое вещество по предписанному им закону; но теперь сих начал заступили места: сера, соль, вода, меркурий.

Он, видно, почерпнул премудрое свое знание о сере в писании старых химиков, которые, по объявлению господина Макера, называли все воспаляющиеся и горючие вещи серою и думали, что сера была одно из начал тел, и потому они называли: сера металлов, сера растений, сера животных и проч. И ныне, прибавляет он, у алхимиков и у тех, которые следуют их мнениям, так еще голова набита и помешена сими серами, что они тем больше с пышностью о них рассуждают, чем меньше их разумеют.

Последующее еще чуднее покажется, ибо он так продолжает рассуждение свое в прямом смысле слов, а не под символами, так как он называет изъяснение свое таинственным и непонятным образом. «Ради сей гармонии», то-есть ради гармонии серы и соли, огня и воды. «Тело животных ощущает безболезненно действие воды чрез легкое и действие огня чрез кровь, понеже тот закон, коего блюстителем есть меркурий, правит сим действием и размеряет пространство их.

Ради сей-то причины животное дышит», ради той причины, что блюститель меркурий наблюдает, чтоб животные ощущали безболезненно действие воды чрез легкое и действие огня чрез кровь. «А земля подвержена приливу и отливу своей водяной части, ибо животное дыханием принимает в себя жидкость, которая орошает кровь его, сверх той жидкости, которую он в пищу и питье принимает. И земля приливом и отливом принимает во все свои части влагу и соль, нужную к орошению ее серы, или начала ее растения».

Удивительно, что в осьмом на десять веке нашелся писатель, который за истину выдаст, что меркурий правит и размеряет пространство действия воды и огня, и который сравнивает дыхание человеческое с приливом и отливом морским! Таковые сумасбродные рассуждения не только опровержения, ниже внимания не заслуживают. Мы только на сие скажем, что изо всего его обширного

пусторечия о происхождении и существовании тел можно только то заключить, что он хотел сказать, что к рождению тел служит огонь центральный земли, а к растению их — огонь солнечный. Но как его тщеславие заставляло его для привлечения к себе уважения быть непонятным, то ему и надлежало употребить пустые выражения, изъясняющие мнимые его в естественных таинствах открытия, как то: отражательное действие пищи, врожденные начала, двойственные законы, меркурий, принуждающий воду и огонь производить и содержать образы тел, и прочие пелепости, которые непрестанно принуждают его впасть в противоречия.

Можно ли подумать, чтобы кто ныне с важностию стал уверять, что движение сердца имеет сношение с четырьмя переменами луны? Но он точно говорит: «Известно, что сие явление», то-есть движение сердца, «имеет сходство с четырьмя переменами луны, во время которых огненное солнечное действие изливает силу свою на соляную часть вселенная». Сии дживости древних астрологов и алхимиков давно уже из естественного учения прогнаны и погружены в ничтожество, откуда бы им никогда выходить не долженствовало. Однако он утверждает, что по правилам сего сношения, сжимания и разжимания сердца с четырьмя переменами луны происходит прилив морской и что сие явление представляет в большем виде двойственный закон. Притом, несмотря на сии правила, по коим двойственные законы действуют, он хочет вразумить, что причина физическая, поставленная от высшего начала к правлению тел вещественных и ему себя оказавшая, управляет движением сердца и движением воды морской. И такие бредни проповедник мнимых таинств выдает за истины! И находятся люди, которые думают, что в оных заключается сокровенная наука, относящаяся к благу человеческому!

Довольно забавно кажется, что он, не представляя во всей своей глубокомыслительной книге как одни химеры, называет всех испытателей натуры, кои утверждают познания свои на вернейших изысканиях, искателями химер и говорит: «Но я одну только вещь скажу сим упрямым искателям химер: ежели непременно желают они, чтобы

чувства их понимали, то да начнут прежде искать чувств говорящих, ибо сим единым средством можно снискать им разумения». Прилично ли тому, который так изъясняется, называть искателями химер трудящихся познавать естественные деяния не мыслями и не мечтаниями, но вернейшими испытаниями? Притом сие таинственное повеление, искать чувств говорящих, значит искать познания мнимой действующей физической его причины.

Он упрямым искателям химер для обретения чувств говорящих преподает следующее наставление: «Меркурий, как я выше сказал, есть вообще посредник огня и воды, которые, как враги непримиримые, не могли бы никогда согласно действовать без посредствующего начала, понеже посредствующее начало, заимствуя от естества обоих; когда их разлучает, в то же время и сближает друг с другом и таким образом направляет их свойства к пользе телесных существ». Разлучение значит отдаление одной вещи от другой, то нельзя правильно сказать, что можно в одно время две вещи разлучать и приближать. То же сказать, что один человек в одно время может быть в Москве и в Петербурге.

Меркурий, сближающий и разлучающий врагов непримиримых, подаст ему случай предложить свою теорию и о громе; но по обыкновению своему говорить о всем несходственно с деянием и с существом естества, таким же образом представляет и оную, ибо он нашел воздушного меркурия, способом коего он без затруднения гром в облаках производит. По мнению его, «жар есть ощутительное свидетельство всех начал, им утвержденных». Но каким образом жар свидетельствует о многочисленных его началах, о том испытатель бестелесного существа не упоминает, но токмо утверждает, что сей жар, свидетель начал, действует над тучею, в которой меркурий, серу и соль окружает и в себе заключает, от которого жара сера «загорается, отражает и отделяет сильно соляную часть, коей присоединение было противно истинному ее закону и делало болезнь в натуре». Присоединение соли к сере делало болезни в натуре! Премудро сказано! И такой проповедник позволяет себе всех великих мужей в учености называть искателями химер.

«При таком вспыхе, — продолжает он, — ртуть раздробляется в толь мелкие части, что все, что заключает он в себе, выходит опять на свободу, сам же после сего совершенного разрушения упадет с жидкостию на поверхность земли...»

После грома обыкновенно кроме дождя другой жидкости не упадет; то неправда, чтоб в дождевой воде находился ртуть, ибо, по испытаниям всех химиков, дождевая вода есть самая чистейшая, ни с какими посторонними телами не смешана и не содержит в себе ртути; а потому надобно заключить, что некоторая часть ртути действует в голове у бредящего писателя.

Но чтоб читатели не могли ничего отгадать в описании его о громах, он по обыкновению своему прибегает к началам невещественным.

«Итак, вся сия перемна производится на прочих двух сущностях, то-есть на тех, которые в натуре телесной суть знаки двух законов и двух начал бестелесных». И потому все в громах происходящие действия основаны на разных смешениях сих двух веществ.

«Наконец, толь справедливо то, что соль есть орудие всех чувственных действий, что перун опаснее тогда бывает, когда изобилует солями, понеже возгорание его, будучи сильнее, производит удары крепче и разорения ужаснейшие».

По таковому его особливому учению, гром служит доказательством, что соль есть орудие всех чувственных действий. Итак, по его мнению, прекрасная живопись, приятное согласие тонов, важность осязания происходят от соли; а доказательство сему гром, когда он производит разорения ужаснейшие. Вот какую благоразумный наш неискатель химер преподает физику и хочет на премудрых своих познаниях утвердить таинственную науку, дабы поставить себя на подножие для восприятия особенного почитания от подобных себе!

«Впрочем, сие возгорание, — продолжает он, — от изобилования соли бывает почти всегда в нижней части облака, как грубейшей, менее подверженной жару и, следовательно, способнейшей к замерзанию, отчего и бывает град».

Неправда, чтобы в нижней части облака было меньше жара; напротив, чем ниже или ближе к земле, тем в атмосфере больше жара находится, а чем далее от земли вверх, тем холоднее, ибо лучи солнца, ударяя на землю и отражаясь от нее, производят ближе к поверхности ее больше жара, нежели в высоте. Присоединим к сему еще собственный земли жар, то и будет ощутительно, что по лицу земли и в близости оно жарче, нежели в отдалении от нее; о чем последние аэростатические испытания все сомнение отъемлют. Ибо в 1783 году сентября 1 дня в Париже подымавшийся из Тюллери на воздушном шаре аэростатик заметил прежде поднятия своего на Ремюровом термометре, служившем ему в сем испытании, 7 градусов выше точки замерзания; но по вознесении шара в 10 минут на 1524 сажени оный термометр опустился на 5 градусов ниже точки замерзания. Сие исчисление возвышения шара учинено было по примечанию барометра, который, на поверхности земли показуя 28 дюймов и 4 линии, чрез 10 минут возвышения своего означал только 18 дюймов 10 линий, полагая на всякую по десяти сажень, что учинит около 1524 сажень.

Он не оставил предложить и о предохранительных средствах от грома, которые так же понятны и полезны, как и все его таинства. «Средство сие состоит в том, — говорит он, — чтоб пресечь столбы воздушные всякого положения, то-есть и горизонтальные и перпендикулярные, и прогнать к краям устремления перуна, ибо тогда, находясь в средоточии, нельзя опасаться, чтоб оный приблизился».

Мы не знаем, бывают ли столбы горизонтальные и можно ли сказать: «пресечь столбы горизонтальные», «прогнать к краям устремления перуна» и «находиться в средоточии»? Но только знаем то, что нельзя не ощущать благоразумным читателям некоего неудовольствия и тогда, когда он с смешным самохвальством приписывает себе знание о вещах, выходящих из круга понятий человеческих, но тогда, когда он с надменностию и утвердительно представляет сумасбродные нелепости, то уже не только неудовольствие, но и сетование возбуждает за толь малое к ним уважение.

Он к «прогнанию на край перуна» прибавляет еще: «Не скажу я причины сему, дабы не отступить от моей обязанности; пусть читатели сами изыскивают ее...» Сими словами кажется, что он издевается над читателями своими, ибо обыкновенно в общесжитии принимается за насмешку, когда кто говорит: знаю, да не скажу.

Что принадлежит до обязанности его, то когда он при начале книги своей обязывался доставить чрез нее благо роду человеческому, то уже никакая другая обязанность отвлекать его от первой не долженствовала; но умышленным умалчиванием он нарушает свое обещание, и потому подвергается всякому осуждению, коего неисполнители слова своего достойны.

После предохранительного от грома средства он представляет другое: предохранять себя человеку «от ужасного замешательства, в кое тщатся его ввергнуть», и познавать, что он способностями своими разнится от существа телесного. Сие средство состоит «в весе, числе и мере».

«Вес» не что иное есть, как всеобщее тел притяжение к центру земли, ибо все вещи развешивать можно только употреблением противной сему притяжению силы, которая удерживает падения их к поверхности земли; для того и нельзя сказать, что стремление тел к земле, а потому и к центру ее и оттого удерживаемая их сила могут быть предохранением себя человеку от ужасного замешательства. То же сказать, что стихийный огонь и воздух, проникающие в тела, не для того в веществе находятся, что бытие их совокупно с оным, но единственно для того, чтоб первый согревал желудок, а последний одушевлял легкое наше, и тем бы предохраняли нас от ужасного замешательства. Истина сия премудрого нашего писателя имеет на себе вид пустомысленного вздора. Ни одному физиологу не может быть понятно такое чудное и особенное владычество чрева над весом. Когда всякое тело удержанием противною силою стремления его к земле имеет вес, то есть означение силы одного стремления, следовательно, вес не к одному чреву принадлежит, но ко всем телам, как на поверхности, так и во внутренности земли находящимся, и если бы какое тело могло достигнуть до средоточия ее, то бы оно по мере приближения своего к оному и по силе

притяжения в превратном отношении квадратных расстояний уменьшаяся в весе своем и потеряв, наконец, всю тяжесть свою, при самом средоточии земли, оставалось бы неизвестно.

По премудрому его учению, число в животных есть голова, потому что она приводит в движение начало действий их.

«Сердце», или кровь, есть мера, потому что то или другое производят чувствования в них.

«Вес» относится к чреву потому, что оно «по силе краткого закона природы разваривает пищу в желудке и в недрах приготавливает семена возродительные...»

Мы устанем и читателей наскучим, если при всяком ложном его рассуждении станем укорять его в предложении оного; и для того только заметим, что кровь в животных не есть та жидкость, которая производит в них способности чувствовать. Сие действие отправляют нервы, исходящие из мозга и распространяющиеся по всем частям тела: им присвоено производить как чувства, так и движения сообщением своим с мышцами, орудиями движения. В чем свидетельствуют славнейшие анатомики Мальпигий, Руйш и Винслов.

Он дополняет мудрое сие средство, прибавляя «вес, число и меру» к способностям разума; итак, прилагает число к мысли, меру — к воле доброй или злой, а вес — к деяниям, происходящим от мыслей и воли: «по поспехе, — говорит мнимый пророк, — связь внутреннего сего деяния с происшедшим от него чувственным деянием есть истинное таинство человека, для того не могу я далее о сем говорить, не наруша скромности и не подвергаясь опасности...»

Странный способ преподавать учение: начать предлагать оный и вдруг сказать, что оно есть таинство человека, и для того нельзя о нем говорить, не наруша скромности и не подвергаясь опасности! Если он писал свои рассуждения, чтоб просветить читателей и показать им истину, то безрассудно умалчивать о том, что может служить к сей цели; если же он для того писал, чтоб его не разумели, то такое бессмысленное предприятие невероятно, и никто с сим намерением не пишет, ибо никто не желает трудиться вообще; потому явственно оказывается, что наме-

рение тщеславного метафизика не есть научить читателя тому, что непонятно, но только уверить непостижимым проповедыванием о мнимой своей премудрости, которая будто бы божеством в него вдохновенна; но сие его заблуждение должно причислить ко всем другим, в которые вовлекло его тщеславие. Пыше уже не есть время невежества и непросвещения. Химеры и потасные качества находят в здравом рассудке неукротимого врага, который преследует их во всех мрачных и пустозвучных выражениях — обыкновенное убежище оных; а философия, сопровождаемая испытаниями, не позволяет верить как тому, что утверждено сими последними и посвящено ими в чин вещей несомненных и истинных.

«По сие», то-есть то, что он далее говорить не может, «не препятствует признать со мною во внутреннем или в разумном человеке вес, число и меру...» Но мы спросим его: какое он имеет право требовать, чтоб безо всяких доказательств верили противоречащим его рассуждениям? Тем ли он приобрел сие право, что непонятные его предложения представляют повсюду мнимую сокровенность? Тем ли, что он изъясняется с бесстыдством шарлатана, старающегося ослепить слушающих его? Тем ли, что он показывает себя пророком, имеющим сообщение с неким бестелесным существом, ему только известным? И, наконец, тем ли, что, запутавшись в безысходных стезях системы своей о существах невещественных и сверхъестественных, он невразумительные истолкования свои иначе решить не может, как сказав, что ему долг или опасность далее говорить о них не дозволяют?

Итак, по его наставническому тону читателям надлежит верить, что «вес, число и мера» их предохраняет от ужасного замешательства и научает познавать, что «человек разнствует от существ телесных».

После бредней числа, веса и меры он уверяет, что в человеке находятся два начала бестелесные. «На невещественном начале человека, — говорит он, — а не на иной какой части вещества опочивает пачало сего разумное; с ним-то оно совокуплено на время всевышнюю десницу, осудившую его в сие узилище; однако по естеству своему оно господствует над телесным началом, как и

телесное начало господствует над телом...» Из сего значит, что он проповедует о существовании в человеке двух душ, из которых одна другой находится подчиненною: первая обитает в голове, а другая — во всем теле, которую он называет телесным началом. Итак, прибавляет, «нельзя уже нам сомневаться в том, что она в верхней части тела, или в голове, как выше показали мы, являет все свои способности; одним словом, она употребляет сие начало...», то-есть вторую душу, подчиненную ей и названную телесным началом, «к исполнению чувственных дел сих способностей. Сим-то средством ясно распознается обиталище и должность двух разных начал человека». Вот какие доказательства упрекающий других в искании химер называет ясными!

Для такого же ясного доказательства другой души в человеке, или, так, как он называет, бестелесного начала, он вопрошает: «Для чего человек, лишившийся по случаю которого-нибудь члена, несколько времени имеет чувствования, которые кажутся быть в том члене, коего уже он не имеет?»

Вопрос его тщетен и излишен! ибо никогда не бывает, чтоб человек чувствовал боль в отнятом члене тела своего, понеже с самой той минуты, когда нервы отнятой части отсекутся от нерв целого тела, имеющих из мозга исхождение свое, тогда престает всякая чувственная сообщенность между отнятою частию и целым телом. Но кроме того, что сия справедливость всем физиологам известна, один из нас собственным своим испытанием может уверить, что не только отнятая часть, но и та, которая еще не совсем отделена, а только претерпела разделение нескольких нервов своих, теряет чувство по мере большего или меньшего числа сих нервов, лишившихся сообщения с теми, коим они служили продолжением.

В дурацкую войну под одною крепостию в 1770 году сотоварищ наш получил из ружья неприятельского, почти прикосновенного к телу его, сильнейший удар пулею, которая, пролетев сквозь руку немного выше локтя, пресекла все жилы и нервы, лежащие на линии ее пролета. В то самое мгновение ему казалось, что рука его совсем отбита и что он больше уже ее не имеет, в чем и совершенно был уверен, пока другая рука, коснувшись

нечаянно нижней части больной руки, не переуверила его, что он еще не вовсе потерял ее. Сей самый случай возбудил в нем любопытство узнать, так же ли и другие ощущают раны свои; для того он спрашивал у многих раненых и некоторых имеющих отбитые у себя ноги гранодеров, какое они имели чувство при получении и после ударов в частях тела их уязвленных. Они ему все согласно сказывали как раненые, так и лишненные членов своих, что у первых оные онемели; а последние, что они не в ногах чувствовали боль, когда сии от них были отделены, но во всей внутренности их. Напротив, если отъятые члены, хотя малейшею частицею тела держатся и потому нервы оных не все еще пересечены, тогда претерпевающие сию несчастную участь ощущают скорбь несноснейшую. Он, находясь на одной батарее, был очевидным свидетелем, как один гранодер, коему ядро попало в ногу и отшибло оную по колено, но не могло перебить только маленькой частицы тела, отпасть ее удерживающей, чувствовал нестерпимейшую боль, и столько терзался сею, что, не дождав-шись подлекаря, сам отрезал ножом тот кусок тела, который не допускал отбитую ногу совсем отвалиться. После сей операции он казался менее мучился и был* спокойнее, что ясно доказывает, что никто в отнятой части тела своего никакой скорби не ощущает; а из сего заключить должно, что искусный наш физиолог во всех своих рассуждениях такие же верные доказательства представляет, какими он утверждает существо бестелесных своих начал, обитающих во всех вещественных образах.

Однако во многосложной его системе о бытии и деянии вещества многочисленные начала, им сотворенные, ему показались недостаточны к управлению оным; и для того он прибавил, так, как мы уже упоминали, еще над ними высшую, временную и разумную причину, поставленную от бога управлять всем естеством.

«Сия причина, — говорит он, — временная, разумная и действительная определяет действие начала, врожденного в зародышах чрез посредство второго действия, или того отражательного действия, без которого, как мы выше

---

* В издании 1790 г. напечатано «мучиться и быть». — *Ред.*

признали, не было б никакого произведения...» Стало, сия причина находится в зависимости от действия отражательного, без которого не было бы никакого произведения; но мы видели на странице 41* нашего исследования, что все вещество, по учению нашего пророка, есть произведение сей причины, которую он называет вторым началом; то каким же образом она могла произвести в веществе такое действие, от которого она учинилась сама зависима, понеже без отражательного действия не может быть никакого произведения?

Он сетует на примечательней, что они все разные причины и пачала, которые он в естестве находит, не почувствовали и действия оных, приняв одно за другое, смешали вместе. Ни один примечательней не мешал причин его, ни действия их не принимал одно за другое, потому что никому, кроме его, такие ложные понятия о естестве веществ в ум не приходили и никому столь странные и юродливые мечтания не воображались.

«Но, дабы предупредить беспокойство полюбных мне, которые могут подумать, что сия причина действующая и разумная, о которой им говорю, есть вымышленное и мечтательное существо, скажу им, что есть люди, которые познали ее физическим образом и что всякий также узнал бы ее, когда бы возложил на нее свое упование и потщился очистить и укрепить свою волю».

Можно ли сделать другое заключение о писателе, который не стыдится сказать, что есть люди (то-есть он сам), которые познали физически существо, управляющее натурою, другое заключение сделать, говорим мы, как то, что или метафизические его размышления повредили его рассудок, или тщеславное самолюбие ослепило его до того, что он с важностию предлагает за истины выдуманный им роман о существах невещественных и их приключениях в пределах мысленного пространства?

Однако он, почувствовав безрассудность его утверждения, исправляет оное тем, что он слово «физически» не понимает в общеупотребительном смысле, но только ему известно. Что бы подумали о человеке, который стал бы

---

* [См. настоящее издание, т. II, стр. 414.]

уверять, что слово «натура» не значит натуру? Если бы такой учитель не смешным, то по крайности жалким показался; то же можно сказать и о проповеднике нашем, ибо «физика», слово греческое, как всем известно, означает натуру, и сказать «физически» разумеется вещественно и ощутительно.

Потом он, упоминая о двух началах — добром и злом, — говорит: «После примечаний, которые делали мы над телесною натурою, может кто подумать, что сии два начала имеют необходимую друг в друге нужду к своему существованию...» Изо всего его рассуждения о телесной натуре нельзя ничего было подумать о двух началах, понеже они ни во что в рассуждениях его об оной не входили и были праздными при всех его сотворениях, как то: бестелесных начал, растущего начала, высшей причины, способствующей к произведению тел, силы отражательной, «и законе высшем, которым все тела управляемы, даже и в самых величайших сражениях их и в величайших их возмущениях...» Но что оные два начала имеют необходимую друг в друге нужду, того опять не думать нельзя, ибо он прежде сказал: «Если бы они не имели друг над другом никакого действия, то бы из сего равенства сил произошла бы недействительность и совершенное бесплодие в делах сих обоих существ». Следственно, они имеют друг в друге нужду, когда бы от взаимной их недействительности произошло бесплодие в делах их. Но теперь кажется, что он опасается, чтоб не приняли сего мнения; а таковым опасением отрицает, что он прежде о добром и злом началах утверждал; тем паче в сем увериться должно, что он теперь о добром начале так изъясняется: «Но ежели временное сие сотворение произошло от начала высшего и доброго, как и не можем в том сомневаться, то сие начало долженствует повсюду являть свое превосходство и свою главнейшую принадлежность, которая есть — иметь в себе все без изъятия, кроме зла, и кроме своих собственных способностей не иметь нужды ни в чем к сотворению всех своих произведений...» Каким же образом сие согласить с тем, что от недействительности сих обоих существ произошло бы совершенное бесплодие в делах их; и какую же бы ролю играть злу надлежало?

Он сей вопрос решит тем, что «зло служит к показанию великости и могущества доброго начала» так, как бы доброе начало могло тщеславиться, что злое будет показывать великость и могущество его.

Итак, из сих противоречий должно заключить, что он для того учинил сопряжение доброго с злым началом в своей метафизической системе, дабы показать какую-нибудь причину зла, владычествующего в свете; ибо после уже и то и другое мало ему нужны в его романе, хотя он в некоторых местах и старается упоминать о них; но упорное их привлечение представляет их посторонними; и они в последствии его сочинения являются так, как излишние лица в драматических пьесах, показывающиеся на сцену для некоторых безгласных явлений.

Примеры его, приведенные для доказательства учения его, основаны на таких же ложных рассуждениях, на каких и все здание химерической его системы сооружено. Ибо он в начале своего четвертого отделения говорит, что некоторые странственники, воспитанные в невежестве и лени, осматривали пространное царство и, видя в городах «толпящееся сходбище народа, который казался быть оставлен собственной воле, не подумали нимало о порядке и мудрости законов, охраняющих покой и благоденствие жителей; они возмнили, что все граждане равно праздны и живут в совершенной независимости». Ни одного нет человека, какой бы он умеренный рассудок ни имел и в каком бы невежестве и лени воспитан ни был, который бы, видя города и толпящийся в них народ, заключил, что города существуют без законов, а граждане живут в беспорядке и независимости; а, напротив того, чем больше они видели бы устройства в народе и свободного обращения его, тем больше бы удивлялись благоразумным и мудрым узаконениям, под которыми он благоденствует.

Он подтверждает свое уверение о причине, поставленной от бога к управлению всею вселенною, и говорит: «Человек, невзирая на очевидную необходимость сея причины, удаляется от нее, бежит от мечты к мечте и не находит себе постоянной точки, понеже без содействия третьего начала не можно быть совершенному делу; а ежели кто желает, скажу на сие доказательство, что, как

скоро кто дошел до трех, тот уже бывает и при четырех», то-есть кто познал два нижние действия, или две нижние причины и сию третью, правящую ими, тот познает и первое, или высшее, начало, в котором состоит число четыре. Вот все глубокое таинство в числах его трех и четырех!

Но мы еще повторим, что все числа его, с притворною важностию представляемые, ничего, кроме пустого тщеславия, в себе не заключают; ибо прямо желающий просветить себе подобных и с истинным познанием человек никогда сокровенными числами и невнятными предложениями изъясняться не станет; такое шарлатанство всегда было свойственно токмо тем, которые, приписывая себе мнимую премудрость, желали преклонять непросвещенных к последствию мнений своих.

Он, без сомнения, почувствовав, что подает нередко случай к нареканию несправедливого присвоивания себе всеобщего познания и наук, старается оправдаться или убавить оное таким образом: «Несправедлив был бы я и безрассуден, когда бы вздумал повелевать моим читателям, чтобы они мне верили. Нет! не обинуясь, повторю, что сердечно желаю, чтобы никто из них не полагался на мои слова, ибо я, поелику человек, не имею права на доверенность моих собратий...» Но гордые и тщеславные его выражения, как, например: «да научатся люди; возведу явственно; довольно я показал неосновательность мнений человеческих; при всем их невежестве упрямые химерики и проч.», худо согласуются с теперешнею его скромностию и более означают его высокомерие, нежели искренность.

Притом он не оставил к извинению таинственного своего учения привести в пример прежних начальников законов, похваляя их, что они проповедывали свои догматы с благоразумною скромностию и так как блюстители ключа науки отдаляли простой народ от познания сих догмат, дабы не осквернить таинство их науки. Все, что благоразумно и большему числу людей полезно, никогда осквернено быть не может, ибо всякое неистовое покушение против такой вещи значит не осквернение оной, но отступление от здравого рассудка устремляющихся на нее нарушителей пользы общественной и потому собственной своей; следственно, вещь, творящая благо человеческое,

не к осквернению, но к приверженности и почитанию себя побудить людей долженствует. Такое тщетное оправдание не извиняет никакого блюстителя ключа науки в сокрытии полезной тайны.

Все таинства, в древности язычниками учреждаемые, не к общественному, но токмо к благу жрецов, управляющих оными, относились. В Египте толкователи таинств, называемы иерогматы²³, были первые и неуступные советники царей, которые действовали по их советам; они вымышляли иероглифы и устанавливали обряды богослужения. Тщеславие заставляло их для уподобления себя государям своим носить скипетр, представляющий сошник, орудие земледелия. Они беспрестанно примечали звезды и движение небес, дабы уверить, что им открыто познание будущего и что они суть предсказатели оного.

Как могли быть полезны установления, в коих величайшие преступления прощались? Все славные в древности преступники получали в оных отпущение злодеяний своих; притом известно, что таинства язычников сопровождаемы были неистовыми беспорядками. И если верить Тертуллиану и Феодориту, то в таинствах, называемых элевзийскими, отправляемых в празднествах Цереры²⁴, приносилась жертва предложениям постыдным, хотя, впрочем, сии таинства важностию своею и благоустройством предпочитались всем другим, ибо по окончании оных собирались начальники правительства для исследования, все ль добропорядочно между торжествующими происходило; и искореняли все, что находили в противность благопристойности и кротости нравов. Цицерон, однакоже, думает, что в таинствах элевзийских открывалась токмо справедливая история Цереры и Прозерпины, дочери ее, и что посвящающиеся обзывались под ужасными заклятиями никогда и никому не объявлять, что сии две мнимые богини не что иное были, как две смертные женщины, дабы не истребилось к ним почтение в народе. Господин Плюшь, один из истолкователей мифологии, мнит, что сии таинства заключали в себе все то, что было благоразумнейшее в религии язычников; но по описанию стихотворца Клавдия, процветавшего в IV веке и который сам был языческой веры, оные были совершенно подобны нынешним

операм, представляющим волшебную мечту зрителям, ибо в них, по сего сказанию, похищение Прозерпины, сошествие во ад Цереры представлялись пантоминою ²⁵, и весь ад с богами и с причетом своим являлись чрез декорации зрению сопричастников таинств. Господин Волтер говорит, что «таинства язычников не стоили труда быть узнаемы, понеже собрания, в коих оны отправлялись, не из философов составляемы были, но из невежд, управляемых ухищренным гиерофантом, и что доколе число оных было невелико, дотоле они были в почтении; но когда оно надмерно умножилось, тогда все таинственники не больше имели уважения, как немецкие бароны, когда свет ими паполнился».

В таинствах Бакховых, Изисовых, Орфесовых, Адонисовых, Приаповых и проч. происходили мерзостные деяния; ночные собрания сопричастников были поводом к оным, и которые потом пришли в такое бесславие, что Плавт в комедии своей Адуларии заставляет Леонида так говорить Эвиллиону: я признаться тебе должен, что в одном ночном празднестве Цереры дочь твоя от меня сделалась беременна; и, наконец, срамные распутства, происходящие в сих сокровенных собраниях, подали причину совсем к уничтожению оных в Греции и в Риме. По сему краткому начертанию о таинствах языческих кажется, что основатель нововымышленных таинств не должен был бы кичиться, толь предосудительными установлениями и примерами оных одобрять тайное и скрытное свое учение, ибо токмо пороки и преступления понуждаются искать себе в мрачности и укрывательстве убежище; но честности и добрым делам подобает свет и явность.

«Покров и безмолвие, — говорит он, — есть предпочтительное убежище истины, и обладающие ею не могут довольно взять предосторожностей, дабы сохранить ее в чистоте...» Покров и безмолвие в таких истинах, которые изливают блаженство на человечество вообще, есть преступление, наказание заслуживающее, и обладающие ими не могут довольно стараться означить оные.

Новый гиерофант думает о древних законоположниках, чтобы им не надлежало совсем погребать таинства науки их в сокровенности, но токмо наложить покров на

важнейшие пункты и открытие оных поставить мздою трудов и постоянности. «Одним словом, — говорит он, — я бы на месте их возвестил тайнство», то-есть что он хочет сказать, что уже его и возвещает «яко истину покровенную, а не яко непроницаемую, и я имею счастье знать доказательство, что сие определение было бы гораздо лучше».

Вот какими половинооткровенными внушениями он старается уверить, что он просвещен в сверхъестественной премудрости разумною причиною и сю избран быть апостолом ее! Но как обрел он пред всеми другими себе подобными удостоиться сего откровения, того он не сказывает, и видно, что сие, то-есть главное, его тайнство покровенное и непроницаемое; но в самом деле оно есть ни то, ни другое, ибо представляющаяся мечта в воображении, заблуждшем в мысленных пределах, не может сделаться бытием существенным. Притом мы его спросим, как может в разумной причине, определенной всевышним творцом управлять вселенною, находиться ко одному к нему столько благодати. Если сия причина справедлива, то она не долженствовала бы лишить сей же благодати и других, которые не меньше добродетельны или еще и больше, нежели сей избранник; ибо прямая добродетель не тщеславна и не пустоглаволива; однако, по уверению его, причина разумная, кроме любимцев своих, никому еще не сообщилась. Если он скажет, что он трудом и исканием своим нашел тайное средство познать ее и быть ею предводительствуем, — вот изрядная поверенная божества, которая познания себе определила в приобретении некоего тайнства, от всех сокровенного! Из чего явствует, что присутствие такой причины, которой познание и благодать зависела бы от тайнства, малым числом людей приобретенным быть могущего, не соответствовало бы цели ее поставлению; ибо таких любимцев сей мнимой причины, как посланник ее, столь мало в рассуждении всеобщества, над которым власть и управление ее простирается должны ствуют, что число их в нуль превращается; и потому все люди, кроме обретателей тайнства, доставляющего познание ее, несмотря на определение от бога сей причины к правлению ими, были бы оставлены собственному своему управлению.

По мнению его, разность в религиях, между коими, так, как он уверяет, не находится и двух единообразных, происходит от того, что «люди не следуют единому предводителю и потеряли из вида единственный свет, могущий их просветить и согласить. Свет же сей есть ли иное что, как не сия причина действительная и высшая, которая должна держать равновесие между чувственными их и разумными способностями...»

Мы умолчим о том, что приличествует ли причине, правящей всею вселенною, держать весы для уравнивания способностей чувственных с разумными; но только спросим его, как возможно, чтоб причина, поставленная править, предводительствовать и просвещать, допускала людей утопать в заблуждениях, гибель им уготовляющих, и позволяла б им «возлагать на себя мрачный покров»? И не лучше ли бы ей вместо бесполезного развешивания разумных и чувственных способностей предохранить людей от заблуждения, а наипаче проповедника своего соблюсть от оных, снабдив его для того потребною мерою здравого рассудка?

«Не можем мы о бытии ее», то-есть о причине, правительнице природы, «сомневаться, хотя тщание человека познать и изъяснить (власть сея причины) весьма редко награждено было довольным успехом и просвещением».

Здесь заметить надлежит обыкновенное его противоречие, ибо он чрез страницу уверяет, что «человек имеет нужду только в самом себе, дабы признать бытие сея причины действительныя и разумныя и дабы чрез нее достигнуть до причины первыя и единственныя...» Каким же образом тщание человека познать сию причину редко награждается, когда довольно только и того, чтоб признать бытие ее, дабы достигнуть не только познания ее, но и познания первой причины, все сотворшей?

А немного ниже на той же странице говорит, что причина поставлена управлять веществом, «невзирая на то, что существа, населяющие сию вселенную, постигают ее или нет, она каждому из них подает помощь».

Когда она каждому подает помощь, то отчего же тщание человека познать ее весьма редко награждено было довольным успехом? Стало, помощь сия остается без помощи! И как возможно согласить то, что довольно

признать бытие сей причины, дабы достигнуть познания ее с тем, что не только одного признания сего довольно, но и самое тщание к тому редко награждаемо бывает? Видно, что и сего тщание неполным успехом награждено, понеже он не может себя предохранить от столь частых противоречий, несмотря на то, что он удостоен быть любимцем ее.

«Поелику действие причины действительная и разумная есть всеобщее, то должно было человеку и по чувствованию и по размышлению познать необходимость ее...» Когда бы действие действительная причины было действительно, тогда бы сомнительное предложение: «должно было», не имело бы своего места; но в самом деле то неотменно было, чему, по мнению его, быть надлежало бы; когда же оно не есть, а остается при том, чтоб «должно было», и сия мнимая причина действительная не употребляет действия своего спасти человеков от пагубных заблуждений и не печется о предохранении от оных или о просвещении их, а ожидает, чтобы люди сами нашли средство познать ее, то название страдательной ей больше приличествует, нежели действительной.

«Когда человек уже признал причину высшую в натуре, когда признал также, что она выше и мыслей его...» Когда он заставляет признавать, кроме бога, другую причину, всем правящую, какое же сомнение, чтоб такая причина и не была выше мыслей человеческих! «Не мог отрицать, что находятся и законы, которыми она действует над всем покоренным ей...» Признание его причины не есть познание законов ее, которыми она действует. «И что ежели существа долженствующие всего ожидать от нее, не исполняют сих законов, не могут надеяться от нее никакого просвещения, жизни или подкрепления». Если существа остаются в неведении сих законов, то, кажется, причине действительной пристойнее было бы действием своим их вразумить, нежели лишить их «просвещения, жизни и подкрепления».

Но если причина действующая не открывает сих законов, по крайности он сам к познанию их преподает весьма верные средства, например: «Если человек преступил законы ее в рассуждении времен и в рассуждении производства земледелия, то земля давала ему плоды несовер-

шенные и нездоровые...» Надобно ли ему то сказать, что всем известно, что, несмотря на соблюдение времен и производство земледелия, бывает часто, что земля дает плоды несовершенные, однакоже не нездоровые, потому что все плоды, служащие в обыкновенную пищу людям, будучи по существу своему здоровы, не могут от несоблюдения времени и от неисправного земледелия столько переродиться, чтоб быть нездоровыми. Если же когда в них такое свойство бывает, то оно случается не от перерождения, но от повреждения существа их. Небезызвестно также и то, что при всем рачительнейшем земледелии и исправнейшем наблюдении времени земля не только дает плоды несовершенные, но и совсем оные отрицает, что свидетельствует прошедший 1787 год, в котором, хотя никакого упущения не было из тех средств, коими научает наш пророк познавать законы причины действительная, однакоже хлеб не родился, и недостаток одного был многим поселянам отяготителен.

«Сие самое, — прибавляет он, — научило человека ощутительным образом, что сия телесная натура управляется законами и что законы сии принадлежат существенно причине действительной и разумной, коея необходимость чувствуют все люди». Люди чувствуют необходимость творца всевышнего, все создавшего и всем правящего, а не другого какого мысленного божества.

«Подобным образом размышляя потом и о своем существе мыслящем, почувствовал, что, послыку ничего не может без причины первая, то нужно стараться умиливать ее себе; понял он, что понеже сия причина охраняет его и печется о его благосостоянии...» Новое противоречие! Когда бог, или, по изречению нашего проповедника, первая причина поставила другую причину управлять вселенною и человеком, следственно, она препоручила ей охранение и попечение о нем, иное рассуждение предполагало бы в первой причине непостоянство, ибо когда она поручила управление телесною натурою другой причине, то уже она без легкомысленности и нетвердости не может почитать ее к сему за неспособную и сама предохранять и пещись о человеке. «То надлежит быть поставленным от нее средствам к сохранению его от зла; что следственно

деяния, служащие в пользу человеку, должны угодны быть сей причине...» О наставлении добродетели многие писатели несравненно лучше его и достойнее сему божественному источнику изъяснялись; они не мысленными и не на химерах основанными, но ощутительными доводами, взятыми из естества человеческого, доказали, сколько нужна добродетель человеку как для приношения жертвы всевышнему, так и для благосостояния его в общежитии с подобными себе. Но может ли проповедывать о добродетели без оскорбления ее тот, который дерзнул произнести хуление на сей священный луч, приспосланный для утешения несчастному человечеству? Ибо он говорит на странице 225 и 226: «Погрешают нынешние учения, которые приводят все законы человека к нравственной науке и всю свою религию к деяниям человеколюбия, или к утешению несчастных в вещественном порядке, сиречь, к сей добродетели толь естественной и столь незнатной, на которой современники наши хотят соорудить системы свои и которая, заключая человека в круге дел, совсем страдательных, бывает токмо покровом невежеству и теряет тогда всю свою цену в глазах мудреца».

Кто бы подумал, чтоб нашелся писатель, который опорочивает добродетель, утешающую несчастных и облегчающую бедствия их, и который говорит, что та самая добродетель, которой существенные свойства суть изливать подкрепление на претерпевающих жестокость судьбы, против их ополчающейся, «бывает токмо покровом невежества»? Так изъясняющийся о добродетели не подает хорошего мнения о человеколюбии своем. Современники наши, которые системы свои на добродетели сооружают, больше полезны человечеству, нежели тот, который оуждает ее и желает поставить на жертвенник полезной и почтеннейшей добродетели мечту, ничего не значащую, и химеры, имеющие действия не в натуре, но в воображении умствователя, заблужденного мыслями своими в превыспренних пределах. Хотя добродетель у сего жестокосердого мудреца цену в глазах и теряет, однакоже, от того не теряет она цены своей в глазах людей, имеющих сердце, могущее всю великость оной чувствовать. Потому никак не сожалетельно, что противодействитель добродетели, —

мы просим у него прощения, что мы заняли выражение, началам его принадлежащее, и приложили к нему самому, — никак не сожалетельно, говорим мы, что противодействователь добродетели находит ее в глазах своих цену потерявшею; ибо кто так о ней рассуждает, тот не может быть последователем законов ее.

Он утверждает, что «причина разумная и действительная отлична от причины первой; она есть первый действительный ее; не дает она семян существам телесным, но одушевляет их; не дает она человеку способностей разумных и чувственных, но правит и просвещает их...» Стало, она довершает творение первой причины, которая не могла ни разумных способностей просветить, ни чувственными править. «Одним словом: ей, как первой и превышей всех причин временных, поручено предводительство над ними, и некоторая из сих причин не может пробывать без ее помощи и не покоряться ей». Ни один человек, имеющий достоуважительное почтение ко всевышнему создателю миров, такого противного совершенству его мнения иметь не будет. Каким отступлением от рассудка воспринять мысль юродственную, что он сам или не мог, или не хотел управлять своим творением? Препоручение предводительства происходит или от недостатка сил в одной особе к правлению самою собою множеством областей, или от честолюбивых учреждений, дабы нижние разделения одной власти воздавали ей почтение и означали величество ее; но мыслить, что божество бессильно и честолюбиво, есть мнение безобразное, которое могло только приличествовать в древности учению лживого многобожия. И что такое, некоторая причина «не может не покоряться ей?» Все причины вторые должны покоряться первой причине, а не иной какой, то-есть богу всеприсносущному и всем управляющему.

«Не подаст она ему идеи о существе первом, коего она есть первая причина действующая, но покажет свойства сего первого существа, являя оные чрез произведения чувствительные; ниже подаст ему идею о служении сему первому существу, но просветит понятия его об оном и, представляя ему чувствительным образом способности сего первого существа, даст ему равномерно почувствовать

и полные средства воздавать ему честь». Сие рассуждение изъясляет недугование разума мечтательного проповедника: не подаст идеи о первом существе ни о свойствах его и потом представит способности его! Какое разногласное противоречие! Как можно не подать о какой-либо вещи идеи и представить чувствительным образом способности ее? Когда нет идеи о вещи, тогда не можно представить ни свойства, ни способности той вещи. Не показать свойства, но представить чувствительным образом способности есть предложение, в одно время утверждающее и отвергающее, ибо когда не можно показать свойства, тогда не можно показать и способностей. И на что поставлять для просвещения причину, которая не просвещает? Если бы сие просвещение входило в план творения всевышнего, то бы он не определил причину для просвещения, не подающую света, но дал бы тем существам, коим ему угодно было, меру, потребную просвещения. Вся логика мнимого апостола действующей причины, пребывающей в недействии равной силы сему рассуждению, и все его заключения оной соответствуют.

Он говорит, что ему ничто не препятствует уверить собратий его, не только о необходимости бытия сей причины, но еще и в том, что «в их власти состоит увериться о ней самим чрез себя, и тогда не останется у них ни малейшего сомнения». Не есть ни в чьей власти увериться о том, что никому неизвестно, и о чем мрачные метафизические рассуждения его не только не представляют удовлетворительного доказательства, но и не можно из оных себе никакого понятия составить. И что всего невразумительнее, что сия причина никогда не выпускает из вида человека и надзирает за ним, однако сие надзирание не избавляет его от заблуждений и не подает ему познания о действии сей причины действительной, над ним ничего не действующей.

Проповедник оной столь коротко познакомился с бестелесными существами, что он знает, которые из них мыслят и которые не мыслят. Потом прибавляет, что он не нарушит скромности, ежели скажет, что сии бестелесные существа «различает число», то-есть число, таинство в себе заключающее. Мы уже видели, что когда он в по-

кров свой столь исправно углубится, что уже не знает, куда направить по мечтательным пределам странствие свое, тогда он прибегает к скромности своей, которую он, кроме сих случаев, почитает за излишнюю.

«Хотя уже сказал я, — говорит он, — что человек не от подобного своего должен ожидать доводов и свидетельств верных о сих истинах...», то-есть от причины поручицы божией, которая, кроме его, еще никому никаких доводов не делала, однакож он, несмотря на то, что заставляя от нее требовать оные, сам употребил несколько страниц на сии доводы, которые ни к чему не доводят, и для того признательно и говорит: «По малой мере может он получить от него начертание их (истин), которое я и намерен ему предложить». Когда предлагается начертание истин, тогда сии истины должны быть внятны, ясны и ощутительны, ибо когда они сих свойств не имеют, а доводы темны и невразумительны, то тщетно есть предлагать мнимые истины, не могущие быть признаны таковыми; когда же они известны, то в доводах и верных свидетельствах никакой нужды нет, потому и начертание, которое он нам предложит, будет верным свидетельством химер, родившихся в голове его, и тщеславия показать себя пророком той причины, которая весит способности разумные и чувственные.

«Однако я не скрою от него, какое себе насилие делаю, предпринимая сие...» Ежели предлагаемое учение полезно, то для проповедывания оного делать себе насилие предосудительно и не есть знак человеколюбивой добродетели; ежели же оно невразумительно, непонятно, мечтательно, являет гордость и самолюбие учителя, то не можно сказать, что тут есть насилие, ибо насилие противно желанию; а человек, который старается внушить, что он не только о действии и существе телесной природы в самой точности имеет познание, но и бестелесные существа ему совершенно известны, не делает себе насилия, но удовлетворяет своему честолюбивому желанию оказать себя больше всех премудрым. «Не могу взглянуть на науку без стыда, видя все, что человек утратил...» Не на науку надлежит ему взирать со стыдом, но на мечтания, предлагаемые им! «И я желал бы, чтоб никто не узнал от меня того, что

я знаю...» Тщетное самохвальство! и гордое его желание больше чаяния его совершилось. Взявши сию небольшую предосторожность для соблюдения скромности своей, он сказывает, что будет изъясняться символами. «Ибо не нахожу в себе ничего достойного; для сей-то причины не могу изъяснить сих вещей иначе, как символами». Когда в нем столько нашлось достойного, чтобы получить откровение от причины действующей и разумной, то для того чтоб говорить понятно и вразумительно, кажется, в нем достоинства надлежало бы находиться достаточно. Однако мнимая его униженность, противодействующая прежнему его желанию, чтоб никто от него не узнал того, что он знает, не попрепятствовала ему написать пустословную книгу, дабы уверить, что все люди в заблуждении и кроме его никто ничего не знает; а чтобы и от него никто ничего не узнал, он символами своими так изъясняется: «Религия человека в первобытном его состоянии подчинена была наружному богослужению, как и ныне, хотя образ оного был особый. Главный закон сего человека был — обращать непрестанно взор свой от востока до запада и от севера до полудня, то-есть определять широты и долготы во всех частях вселенныя».

Мы оставим сго делать измерение бредней своих, но только для любопытства читателей представим описание символической сго книги.

«Первый лист предлагал о повсемственном начале, или о центре, из которого непрестанно истекают все центры.

Второй — о случайной причине вселенныя, о двойственном законе телесном, который поддерживает ее, о двойственном законе разумном, действующем во времени, о двойственном естестве человека и вообще о всем, что составлено и создано из двух действий.

Третий — об основании тел, о всех содействиях и произведениях всех родов. Здесь находится число невещественных существ, которые не мыслят.

Четвертый — о всем действующем, о начале всех языков, как временных, так и тех, которые вне времени, о религии и богослужении человека. Здесь находится число существ невещественных, которые мыслят.

Пятый — о идолопоклонстве и гниении.

Шестой — о законах создания мира временного и о естественном разделении круга полупоперечником, или радиусом.

Седьмой — о причине ветров, приливе и отливе моря, о лестнице географической человека, о истинной его науке и источнике произведений его разумных, или чувственных.

Осьмой — о числе временном того, который есть единственное подкрепление, единственная сила и единственная надежда человека, то-есть об оном существе истинном и физическом, которое имеет два имени и четыре числа, поелику оно есть действительное купно и разумно и поелику действие его простирается на четыре мира. В сем же листе о правосудии и о всех властях законодательных, где также содержатся и права государей, и власть полководцев и судей.

Девятый — о зачатии человека телесного во чреве жены и о разделении треугольника всеобщего и частного.

Десятый, наконец, был путь и дополнение к девяти предыдущим. Сей, без сомнения, был существеннейший, без которого все прочие были бы неведомы, ибо когда расположить все десять в круге по числительному их порядку, то увидишь, что сей более всех имеет смежности с первым, от которого все истекает; и ежели желает кто судить о важности его, то надобно знать, что чрез него создатель вещей есть непобедим, понеже он есть ограда, защищающая его со всех сторон, которую никакое существо прейти не может».

Нельзя сомневаться, чтоб он свое знание не из сей мнимой книги почерпнул. Он уверяет, что люди не могут «никакой науки постигнуть, ниже исполнить своих должностей, не прибегнув к сему источнику». Итак, по его мнению, во всех чинах, учрежденных в обществах, никто не исполняет своей должности: ни духовенство, отправляющее при олтаре служение божие и пекущееся о душевном спасении народов, ни министры, трудящиеся с успехом в делах государственных, ни полководцы и воины, жертвующие жизнью своею отечеству, ни прочие классы, беспрестанную и полезную деятельность имеющие, не исполняют должностей своих. Таковое безрассудное нареkanie на всех членов общества не может ни от кого другого

произнесено быть, как только от нашего скромного проповедника. «Не может человек ни на единую пядь приблизиться к сему источнику без причины действующей и разумной...» Чрез сие он хочет сказать, что она по преимущественной пред другими к нему склонности своей к оному его сопровождала.

«Кому не известны, — говорит он, — также худые успехи тех, которые полагают четыре стихии за основание вещества, не смеют отнять мысли у скотов, стараются сыскать сходство между счислением солнечным и счислением лунным, которые ищут на земле долготы и квадратуры круга...» Кому не известны не худые, но хорошие успехи в физике, в химии и вообще в познании всей телесной природы? Различные инструменты способствовали к важнейшим и полезнейшим открытиям в испытаниях и примечаниях естественных; а наипаче знания астрономические вознесены до такого степени совершенства, до какого уму человеческому только достигнуть возможно. Теория солнца и месяца в последней исправности известна. Видно, что наш метафизик астрономию учил в книге его, составленной им из десяти листов, а не в писаниях славных и лучших астрономов и не в обсерваториях.

«Не смеют отнять мысли у скотов...» Не недостаток смелости запрещает отнять у скотов мысли, но благоразумие и испытание, вернейший наставник в естественных примечаниях. Например: ежели бы собака или лошадь не имели мыслей и памяти, ибо память без мысли быть не может, то бы они никогда повелеваемого им от человека исполнять не могли; но имея память и мысли, они не только думают, но еще и некоторое рассуждение делают, например: когда повелевается лошади или собаке что-либо исполнить, тогда память им представляет о повелеваемом мысль, претерпение болезненного чувствования за непослушание и избавление от оногo за исполнение, потому они и делают такое рассуждение: когда повелеваемое было мною не исполняемо, тогда я ощущала чувство, боль мне причиняющее; но когда же исполняла, то от оногo была свободна; следственно, дабы избавиться болезненного чувства, мне надлежит повиноваться и исполнять повелеваемое.

Во всяком учении не смелость потребна, но терпение, прилежание и испытание. Если бы все ученые имели смелость, или, лучше сказать, наглость нашего проповедника, то бы, конечно, надлежало, вместо испытательных доказательств, утверждать учение свое на основаниях мысленных, неведущих, или мечтах, что б обратило науки паки в ничтожество и учесный свет погрузило б в невежество, из коего великой учености трудолюбивые мужи извлекли оный и проницанием творческого разума приобрели бессмертие именам своим.

«Которые ищут на земле долготы...» Где же он прикажет искать ее? Не там ли, где человек обращал взор свой от востока до запада и определял долготы для общего порядка? Непонятно, какую странность такие вздорные бредни нашли некоторых с довольным терпением прочесть оные! Что же принадлежит до полезного искания не земной долготы, которой бытие без искания всем известно, но средства познавать градус оной в разных расстояниях на поверхности земли, покрытой водою, то старание об оном похвально и обретение средства сего не выходит из физической возможности. Когда на сухом пути долгота столько же известна, сколько и ширина, чему свидетельствуют географические городов таблицы, то, кажется, с благоразумием согласно не можно сказать, что нет на земле долготы, ибо кто не знает, что широта без долготы не существует!

Наконец, мы достигли до надменных предложений нашего пророка, коими он беспредельное, по, скажем лучше, безумное свое честолюбие обнаружил; ибо он говорит, что «народам надлежало бы возводить взоры свои к первому токмо существу, к причине физической, действующей, разумной и к тем, которые трудами своими и своими качествами снискали право представлять на земле лице ее». То-есть и к нему, понеже он всячески старается уверить о тесном своем сообщении с сею причиною, поручицею божиею, и которая сопровождала его к источнику книги десятилистовой, дабы он качествами своими представлял на земле лице ее. После такого невероятного дерзновения, поместить себя в третьих для привлечения взоров, которые к нему народы возводить должны, и

надобно необходимо подозревать, что мнимый проповедник, представляющий лице мнимой причины, поставницы для правления природы, не ушедший ли из дома безумных? Примеры таковых заблуждений рассудка, поврежденного мыслями, беспрестанно к мечтаниям устремляющимися, нередко случаются, хотя, впрочем, все рассуждения, не относящиеся к предмету, столь жалостную в уме расстройку причиняющему, и не означают безумия. Некогда был в Афинах сумасшедший, который думал, что все корабли, входящие в гавань Пирею, принадлежали ему, и занимался исчислением мнимого своего богатства, из которого он ни на рубль ценою пользоваться не мог, и исправнейшим образом выкладывал, сколько каждый корабль содержал в себе груза, на какую цену и во сколько дней приходил из Смирны в Пирею.

Одному из нас, трудящихся в сем исследовании, случилось в Петербурге в 1783 году видать несколько раз одного итальянца, художника живописи, посаженного в дом безумных, который мнил, что он родной брат святого апостола Петра и что он имеет у себя вверенный ему от него ключ, отверзающий врата райские; впрочем, во всем, не касающемся до предмета, разум его уязвляющего, он разговаривал и рассуждал не безумно. Потом, чрез два года, нечаянным случаем наш сотоварищ повстречался с ним в Москве в одной французской лавке; хотя итальянец его тотчас и не узнал, но, по вопросам его не сомневаясь, чтоб он не видал его в расстроенном состоянии разума, признался ему, что строгая диета излечила его воображение и он не мнит больше быть братом апостола Петра и хранителем райского ключа. Почему не без основания заключить можно, что и проповеднику действующей причины, представляющему лице ее и требующему от народов возвождения на себя взоров их, такая же диета для излечения беспредельного тщеславия, неумеренного самолюбия и надменной гордости была бы полезна.

«Присовокупим страшные злоупотребления познаний, — говорит он, — заключающихся в четвертом листе книги, коея блюстителем родимся; присовокупим происшедший от того беспорядок к тому, что мы заметили о невежестве, страхе и немощи людей, и отложим символы, то и будем

иметь изъяснение и происхождение сего множества религий и богослужений, употребляемых между народами».

Сей же четвертый лист книги, которого не мы все, но он один блюстителем родился, содержит в себе, так, как мы видели, «о всем действующем, о началах всех языков, как временных, так и тех, которые вне времени, о религии и богослужении человека, о числе существ невестственных, которые мыслят». Итак, если мы по приказанию его отложим символы, то и будем иметь изъяснение о происхождении множества религий и богослужений, употребляемых между народами. Но кто не видит, что с отложением или с приложением сих премудрых символов сие изъяснение ничего не изъясняет? Таковые вздорные изъяснения, кажется, не должны ни малейшего сомнения оставить, что и все мнимые его таинственные истины не могут иным образом быть изъяснены, как сие происхождение о множестве религий и богослужений.

Рассуждения его в политике не меньше являют особенности и таковых же странных начал, на каковых он соорудил метафизическое свое учение о естественных познаниях, ибо он уверяет, что не могло никак быть, чтобы насилие и хитрость руководствовали к учреждению первоначальной власти или всеобщее согласие служило бы к составлению политических тел. Насилие — потому, что прежде оного предполагаются пастухи и земледелие; а общего согласия всех отдать власть в руки единого или нескольких людей не бывало и быть никогда не может, для того что «требуется соглашение бесчисленных мнений, которое еще никогда между людьми не встречалось».

Он представляет себе первоначальные общества столько же многочисленными и обширными, как и нынешние; но люди толпами, как всем известно, кроме нашего проповедника, без законов никогда существовать не могли; и потому неоспоримо, что первоначальные общества не что иное были, как разные семейства, и старшие из них давали им законы. Сии законы имели свою важность, потому что всякое семейство, размножаясь, составляло так, как бы народ особый; когда же оные становились многочисленнее и занимали больше пространства, тогда первые законы были недостаточны, и надобно было употребить власть

сильнейшую, нежели отцовскую и родственную. И для того по мере размножения семейств и соединения их в общество надлежало вручить власть поставленному правлению, состоящему в одной или нескольких особах; а от сего и сотворились государство и общества, повинующиеся поставленным в оных законам. Почему легко было возможно, что в начальных обществах нашлись люди, которые по обстоятельствам и по свойственному своему сложению или из видов полезных рождающемуся обществу, или для собственных выгод покоряли оные под свое начальство. Следственно нельзя отрицать, чтоб хитрость, проворство, а потому и насильство не руководствовали в первых обществах к притяжению в одни руки начальственной власти.

Оттого что невозможно во многочисленном собрании быть всем согласным во мнениях, он приступает к главнейшему предмету учения своего, о коем заблуждшее его честолюбие принуждает его говорить уже не символами и не загадками, ибо он без покрова вопрошает: «Имеет ли человек право вступить в какое обязательство, то-есть чтоб обязаться повиновением правительству, и согласно ли с рассудком полагаться на те обязательства, которые он сам составил?» Но согласно ли с рассудком делать такой вопрос? Кто ж будет за него делать обязательства, и на чьи же обязательства ему должно полагаться, если не на свои? Он хочет вразумить, что когда человек не имеет права вступать в обязательства, то не имеет и долга хранить оные. Такое противоположное общественному устройству рассуждение противно всем установлениям человеческим и праву естественному, которое научает обязательства свои хранить свято и ненарушимо.

«Что таковое право, — прибавляет он, — никогда не могло быть ему дано и что сие его деяние было бы ничтожно и излишно. Во-первых, припомним о той указательнице пути неизменяемой, которую мы признали предводителем его, не упустим никогда из памяти нашей, что все шаги его, которые без ее руководства он делает, бывают сомнительны, понеже без нее человек не имеет света, и она по самой сущности своей поставлена руководствовать ему и начальствовать при всех его действиях». По сему развраща-

ценному учению всякий, не пожелавший исполнять предписываемого ему законами гражданскими, может извиниться, что «без причины — указательницы неизменяемой ему пути» все деяния его ничтожны и сомнительны; и всякий может нарушить священнейшие обязательства под предлогом тем, что он не имеет права вступать в обязательства без причины, поставленной начальствовать при всех его действиях, и что она в учиненном им обязательстве ему не руководствовала, а потому он не имеет долга хранить оные.

«Итак, ежели бы человек без соизволения сей причины, бдящей над ним, вступил в важное обязательство, каково есть подчинение себя другому человеку, то он должен в сомнении находиться, сообразен ли поступок его собственному его закону и, следственно, служит ли к его благополучию; и сего бы довольно было удержать его, ежели бы, хотя мало, внушил он глас благоразумия». Сие рассуждение еще более решительно, что человек не имеет права подчинять себя другому человеку и что если бы он, «хотя мало, внушил глас благоразумия», то бы ему не надлежало повиноваться другим законам, но токмо собственному своему. Такое нравоучение не опровержения, но должного возмездия учителю за оное требует.

«Потом, размыслив прилежнее о своем поступке, не признался ли бы, что не только он подвергается быть обманут, но еще и все главные уставы правосудия прямо нарушает, уступая другим человекам те права, которыми законно не может располагать и о которых знает, что они существенно содержатся в руке, долженствующей все за него делать».

Если бы, к несчастью рода человеческого, нашлось большее число людей, которые верили бы вымышленной проповедником, желающим привлекать взоры народов на себя, причине, долженствующей все делать за людей, но ничего не делающей, то порядок общественный превратился бы в пагубный беспорядок, безначалие заступило бы место должного начальной власти повиновения, и главные уставы гражданского правосудия были бы совсем уничтожены, потому что никто не захотел бы уступить другим «человекам те права, которыми законно располагать

не может». А таковое неустройство в ожидании, чтобы недействующая причина действовала, причинило бы совершенное разрушение каждого общества, благоденствующего под благими законами человеколюбивых и премудрых своих законодателей.

Однако для исправления столь вредного порядку общественному учения он прибавляет, что он «за честь себе поставляет с политиками исповедать пред целым светом превосходную силу в государствах, которая, естественно, вселяет почтение и повиновение».

Прилично ли поставлять за честь себе и исповедывать превосходную силу государей тому, который вопрошает, имеет ли человек право подчинять себя верховной власти, и который утверждает, что таковое право никогда не могло быть ему дано и что сие его деяние ничтожно; тому, который говорит, что человек, уступая другим человекам над собою права, не только подвергается быть обманут, но еще главные уставы правосудия прямо нарушает; тому, который исповедает, что сие обязательство есть неосновательно и безрассудно; тому, который говорит, что человеку, имеющему благоразумие, не надлежит повиноваться другим законам, но токмо своему, и, наконец, тому, который утверждает, так, как мы тотчас увидим ниже, что человек, предохранивший способности свои от затемнения, становится владыкою над другими? Следственно, предохранившие себя в обществе от затемнения и потому učinившиеся сами владыками уже не должны будут оказывать повиновение государям, а, напротив того, должны почитать себя законными повелителями над всеми, не имеющими тех же преимуществ. Таковым притворным извинением он сам себе упрекает в развратном учении своем; и что бы возмог такой слабый антидот ²⁶ противу яду, истекающего из оногo, если бы, по счастью, сей яд не был обессилен нелепыми предложениями, невразумительными рассуждениями и больше смеха, нежели вероятия, достойными доказательствами об откровении ему действующей причины, о снабдении его ею своею благодатию и о избрании его в свои проповедники!

Он уверяет, что временное владычество человека над подобными себе долженствует быть вручено тому, который

больше предохранил себя «от камней претыкания и который меньше удалится от первобытного своего состояния... Когда же прочие люди не употребили тех же стараний и не имеют ни тех же успехов, ни тех же даров, то явствует, что тот, который имеет пред ними все сии преимущества, должен быть выше их и управлять ими».

Здесь паки представляется предмет любочестия, заставляющий его почти во всем своем сочинении удаляться от здравого рассудка; ибо когда он все изъясняемые преимущества хочет оказать в своей особе соединенными, следовательно, он и назначает самого себя быть тем, который должен быть выше всех и управлять ими. Следующее его рассуждение еще яснее изобличит безумное его желание первенствовать над всеми человеками.

«Будет он выше их, во-первых, по самому делу, понеже разнствует от них существенно по способностям и по могуществу, коих сила будет очевидная; сверх того выше их должен он быть по необходимости, понеже они, упражнявшись меньше его и не получа тех же плодов, конечно, будут иметь в нем нужду, потому что собственные их способности недостаточны и затемнены.

Ежели сие затемнение в человеке дойдет до развратности, то тот, кто предохранил себя от того и от другого, становится его владыкою, не только по самому делу и по необходимости, но и по долгу... Он должен употреблять над ним все права рабства и подданничества, права, столь же праведные и существенные в сем случае, сколько непонятные и ничтожные во всяком ином обстоятельстве», то-есть в нынешних законоположениях. И такой охудатель, стремящийся дерзновенно испровергнуть общественный союз и представлять священнейшие обязательства ничтожными, и тот, который столь явственным образом приписывает себе власть употреблять право рабства и подданничества над другими, осмеливается говорить, что он за честь себе поставляет исповедывать превосходную силу государей, которая, естественно, вселяет почтение и повиновение! Но превосходная сила государей, будучи всем известна, не требует никакого исповедывания, а наипаче такого, кое присвоивает сию силу всякому, могущему трудами своими предохранить себя от

затемнения; и который мнее удалится от первобытного своего состояния.

«Итак, сие есть истинное происхождение временного владычества человека над подобными ему, равно как узы его телесной природы были началом первого сообщества».

Не можно назвать истинным происхождением то, что в одном воображении мечтающего существует. Рождающий не естественным образом толь юродственные мысли мог бы сказать по развратности мнения своего, что сие происхождение временного владычества человека долженствует быть, а не есть. Ибо мы видим, что владычество государей не от того происходит, что они предохранили себя от камней претыкания и меньше удалились от первобытного состояния человека, но от прав, им принадлежащих по наследству, по завоеванию или по избранию народному; и потому, чего нет или не существует, нельзя сказать, что оно есть.

«Понеже свет, — продолжает он, — освещавший человека в первобытном его состоянии, был неисчерпаемым источником способностей и качеств, то чем ближе человек может к оному свету приблизиться, тем более должен он распространять свое владычество над человеками, удаляющимися от оного, и тем более должен он знать, чем может удержать между ими порядок и на чем основать твердость государства».

Не явственно ли он означает намерение распространить владычество свое над теми, которые примут столь гордое и ложное учение его; и не ощутительно ли; что он старается таковым внушением о просвещении и качествах своих уверить, что он сам есть тот, который знает, «чем содержать между людьми порядок и на чем основать твердость государства?» Однако, несмотря на его способности содержать порядок и утверждать государства, все государства от сей заботы его охотно увольняют и не будут его просить, чтобы он учредил в них порядок и основал твердость их. Не меньше также выше изъясненными его рассуждениями открылось, что цель нелепого и невразумительного его сочинения клонится к тому, чтоб учиниться главою химерической секты и над теми, которые ему поверят, что он меньше всех удалился от первобытного состояния чело-

века, приобрести владычество и право рабства; но по счастью число тех, над коими он мог приобрести сие право, столь мало, что владычество его столько же будет ничтожно, сколько предприятие его к тому химерическо и сколько все таинственное его учение мечтательно.

Он, почувствовав, что слишком откровенно о любоначалии своем изъясняется, приписывает все сказанные им преимущества достигнувших знакомства с причиною действующею и разумною царям и прибегает к обыкновенному своему покрову, под которым он так часто любит скрываться, и говорит: «Не скрою я, однако, что, представляя в сем виде царей и вообще всех начальников сообществ, в каком я их изобразил, подается повод ко множеству возражений...», из которых на сие: можно ли найти примеры оных, то-есть царей, достигнувших первобытного света, он так отвечает и просит «подобных себе быть уверенными, что истинные государи не суть существа воображательные, что были они во всех временах, есть и ныне и всегда будут...», то-есть те государи, которые, приближась к первобытному состоянию человека, имеют сообщение с причиною действующею и разумною; но когда и в которых странах они находились или находятся, он оставляет сие под своим покровом. «Понеже, — прибавляет он, — сие входит во всеобщий порядок и понеже, наконец, сие принадлежит к великому делу, которое есть нечто другое, нежели философический камень». Без сомнения, нечто другое; потому что камень философический есть обольщение рассудка, не выходящее из круга вещей естественных; «а его великое дело» простирается по мысленным бесконечным пределам, потому и долженствует иметь преимущество над всеми бреднями, которые когда-нибудь входили в ум астрологов и алхимиков.

Другое возражение, которое он предвидел и которое каждому благоразумному читателю не может не встретиться, состоит в том, что когда всякий человек, по учению его, достигнул бы до потерянного света, «кто ж будут тогда начальниками? Не все ли люди тогда равны будут, и не все ли они будут царями?» Он отвечает на сие, что разность в разумных способностях не дозволит всем равно приблизиться к сему свету.

Какого бы рода сие неравенство ни было, но число могущих предохранить себя от камней претыкания и приблизиться к первобытному состоянию человека было бы несоизмеренно малому числу царей, владычествующих в свете, и далеко превосходило бы оное; тогда над кем приобретшие знакомство с действующею причиною и остальные сверх потребного числа царей стали бы владычествовать? Он уничтожает сие затруднение, изъясняя, что если бы «и каждый человек достигал до последней степени своего могущества, то каждый человек был бы царь... Все они были бы государи в их владениях». Но в каких владениях, в каких местах оные находились бы и кто были бы земледельцы и проч., он того не открывает, но только уведомляет, что сие в теперешнем состоянии вещей быть не может, поелику люди не имеют к тому равных способностей. И потому трудящиеся приблизиться к свету и очистить себя от затемнения имели бы между собою подчиненность по мере своего просвещения, какая находится в разностепенстве воинского установления, которое, по уверению его, изображает первобытное состояние человека. Но когда оно было такое, каково есть ныне воинское служение, то нет никакой нужды для приближения к первобытному состоянию человека, стараться очищать себя от затемнения и достигать до познания причины разумной, понеже всякий легко может, записавшись в воинство, ехать на службу и тем средством паки возвратиться в первобытное свое состояние.

Он еще не оставил прибавить, сколь нужны были бы к благоденствию народов такие цари, каких он начертал, представляя себя образцом их. «В таком обществе» говорит он, то-есть в обществе, в коем бы оные цари владычествовали, полагая, без сомнения, и себя в то же число, «видели бы мы повсюду порядок и деятельность...» Так, как бы в нынешних правлениях члены общества находились в недейтельности и беспорядке! «Видели бы мы, что и для самих телесных скорбей находили бы они себе облегчение...»

Но кто ему сказал, что в настоящих правлениях никто не находит облегчения? Неужели ему неизвестно, что некоторые искуснейшие хирургические операции избавляют

многих жертв от смерти, похитить их устремляющейся, возвращают лишившимся какого-либо чувства паки употребление оногo, возобновляют живность органов, не исполняющих больше действия своего? Также не можно отрицать, чтоб и врачебная наука не часто служила к облегчению одержимых недугами... «Ибо, как я показал, свет, управляющий зачатием общества, разливался бы и объимал все его части. Тогда среди телесных вещей представился бы величественнейший образ и справедливейшая идея совершенства...» Сие совершенство среди телесных вещей представляется действием и существом своим каждому, кто взирать на оное желает лучше и справедливее мнимого совершенства, мечтающегося в мыслях его, ибо просвещение и трудолюбие нынешнего времени все телесные вещи привело до последнего совершенства, и никто, кроме его, не видит, что в настоящих правлениях члены общества находятся в недействительности и беспорядке, и никто, не сделавшись врагом суццей справедливости, оклеветания сего на все общества возложить не может.

Потом он увещевает, чтобы «страшливые правления» не тревожились его мнениями и не опасались бы, что он открывает недостаточество их, ибо ему кажется, что сие не уничтожает должного к ним почтения, и притом напоминает о своем почитании «к особе государей, равно как и к сану их...» После опорочивания правительств, под которыми общества находятся в беспорядке и недеятельности, сие увещевание необходимо нужно, так, как и после оуждения государей и определения на место их других, предохранивших себя от камней претыкания и приближившихся к первобытному состоянию человека, довольно благоразумно оказать им сию учтивость. «Полагаю всем подданным за непреложный долг повиноваться начальникам и что обвиняю без изъятия всякое непокорство и противление». Сие оправдание его учения, противоположного нынешним правлениям, он, конечно, приносит по правилам противодействия отражательной силы, ибо оно весьма противодействует и отражает прежние его предложения, которыми он утверждает, что человек не имеет права подчинять себя начальной власти, что он не должен повиноваться другим законам, кроме как

собственному свосму, что начальная власть его обманывает, что он своими качествами может приобрести право рабства над подобными себе. Хотя он и говорит, что непокорство и противление противны тем правилам, которые он утвердить намерен, однако предлагаемые нами здесь его правила, как видимо есть, не обвиняют непокорство и противление, но, напротив того, поощряют и побуждают к непокорству, когда они содержат учение, что человек не имеет права обязать себя подчиненностию начальной власти, что такое обязательство есть ничтожно. Произнесение одних слов, что он обвиняет непокорство и противление, для уменьшения преступления его против начальной власти, не может ни перетворить его учение, ни извинить его в оном.

Он, внутренне признаваясь, сколь много он погрешает против политических установлений и законной власти, старается подать правилам своим вид, менее его осуждающий, и прибавляет: «Не подданный учредил себе законы политические и начальников, так не его дело и опровергать их». Но что может больше опровергать законы политические, как учение, что человек не имеет права обязать себя подчиненностию начальной власти и что сие обязательство ничтожно и обманчиво!

«Наконец, если находится недостаток и в начальнике и в правительстве и в подданном, в таком случае не должно у меня спрашивать, ибо сие не будет уже государственное правление, но разбойничество, а для разбойничества нет законов».

После сего приличного названия разбойничества государственным правлением он говорит: «Итак, надеюсь, что сие мое признание может удостоверить государей в безопасности принятых мною во основание положений: не найдут они в них ничего, кроме ненарушимой привязанности к их особе и глубочайшего почитания к священному их сану...» Все государи и без него удостоверены, что пустословные и безрассудные его положения столько же мало могут поколебать их власть, сколько глубочайшее почитание, ненарушимость, привязанность и проч. сего нового противоборника правлений могут служить к укреплению оной.

«Ежели станут когда читать сию книгу владыки земные, то, уповаю, не вздумают, чтоб я предписанием сея покорности к ним увеличивал как-нибудь их власть и самих их освобождал от сей обязанности, по которой они как человеки должны подвергнуть свои поступки правилу общему, которому должно бы было руководствовать всеми нами». Но какое правило и для чего? Когда ему должно было, сие правило должность свою не исполнило, того он не объявляет. Кажется, что он раскаивается в своей покорности земным владыкам и для того прибавляет: «Давать им право отступать от него, от вышеупомянутого правила, есть благоприятствовать обману и оскорблять даже самое имя, для которого их чтим».

Такой наставнический тон, который он с владыками земными брать осмеливается, делает его в одно время и смеха и жалости достойным, ибо развлеченный его рассудок заставляет его заботиться, чтоб не давать им права отступать от правила, долженствующего ими руководствовать. Но мы с нашей стороны увещеваем его, чтоб он пребывал в покое, понеже владыки земные и без него знают обязанность свою, не требуют от него, чтоб он благоприятствовал обману, и потому избавляют его от опасения оскорблять имя их, для которого он токмо их и чтит, хотя обыкновенно бывает, что дела великие, человеколюбие и добродетель более привлекают почтения, нежели одно имя, лишенное преимуществ, могущих прославить оное.

Он говорит, что он почел за нужное сделать сие объявление, дабы «спокойно следовать намерению его», намерению охулять правления, и что его «стремление и желание клонятся к тому, дабы дать им восчувствовать те единственные средства, которые очевидно служат к их благу и совершенству». Не можно дать восчувствовать средств, служащих к благу, представляя вместо оных одни токмо химеры, которые тем больше ничтожны, чем меньше вразумительны и чем больше мнимых таинств заключать в себе предполагают. Благо человеков чувствительно токмо бывает от премудрых и человеколюбивых законов, а не от проповедника, достигшего мнимого света, обольщающего мечтательное его воображение. Он думает, что помощью сего объявления может спокойно порицать

страшлывые правления и определять начальников над оными тех, которые так, как и он сам, приблизились к первобытному состоянию человека и предводительствуемы действующею причиною, подчиненною первой причине.

По уверению его, истинный закон, на котором должны основываться государства, «по естеству своему имеет силу живую и непобедимую, но который худо известен был при зачатии упомянутых правлений или по установлении их в последующее время пренебрежен, понеже в противном случае они бы еще стояли». Каким злосчастьем могло воспоследовать, что закон, имеющий силу живую и непобедимую, остался в неисполнении и пренебрежении? Следственно, он не имел приписываемой ему силы, но мертвую и победимую, понеже неисполнение и пренебрежение противны суть действию силы живой и непобедимой. И что за закон, который никому не известен! Ибо законы, не только таким началом поставленные, от какого он пренебреженный закон производит, но и те, которые от начальствующих в государствах происходят, издаются не для того, чтоб они были неизвестны или пренебрежены, но для того, чтобы они каждого обязывали к исполнению ими определяемого.

Вот еще одно противоречие, относящееся к неосновательности учения его о существовании тел! Ибо он, рассуждая о том, утверждал, что оные исчезают и в ничто превращаются; однако теперь изъясняется в противность первому рассуждению: «Да и подлинно сие не противоречит», что закон, имея силу живую и непобедимую, остался пренебрежен, «той идее, какую мы в себе имеем о постоянности содействия сего закона, по тем понятиям, какие есть в человеке о истине: что есть, то не преходит, и пребывание есть для нас доказательство сущности вещей...» Стало, вещество не исчезает: когда что есть, то не преходит, и пребывание есть доказательство сущности вещей. Поистине сказать, мрачный наш проповедник в противоречиях своих может быть извинителен, ибо, следуя плодовитому своему воображению, рождающему столь великое множество мечтаний, на которых заблуждающие его рассуждения основаны, не можно ему было не впасть в частые замешательства и не противоречить самому себе.

«Не почитаю за излишнее, — говорит он, — уверить подобных мне, что есть правления, которые стоят с тех пор, как человек есть на земле, и которые будут до окончания времени...» Если б человек, пробудившийся от сна, стал утверждать, что юродливое его сновидение совершенно существует, о таком человеке не без основания заключить было бы можно, что сновидение его сильным своим впечатлением повредило его разум; такое же заставляет иметь мнение о себе и наш мечтающий проповедник, который от устремления мыслей своих на бестелесность и беспредельное желание приобрести право рабства над подобными себе столько расстроил способности рассуждения, что мнит уверить о бытии призраков, воображением ему представляемых, могущих творить благо человеческое, и что будто все мечты, на коих он основывает науку свою, ему открыты неким существом, называемым им причиною действующею и разумною; а потому и позволяет себе предлагать читателям все странности, какие только ему вздумаются, например так, как сии: что правления, которые стоят от начала первого человека и кои продолжение свое иметь будут до конца времени, что все сокровенности естественного деяния ему известны, что он видит существа, не подверженные чувствам человека и, наконец, что ему известны все происшествия в неведомых пределах. Выдавая такие нелепости, он гордится оными и почитает себя справедливым проповедником причины действующей, а потому и приобретшим право рабства и подданничества над подобными себе.

Он выхваляет воинское состояние и паки опорочивает оное, ибо он включает в мысленные свои доказательства о незаконности общественных установлений и то, что политические тела и начальники их в заблуждении своем имеют слабость думать, будто враги их человеки. Одобрив воинское состояние и оуждая людей, что они подобных себе почитают врагами, он ощутительно сам себе противоречит, понеже когда бы человек не почитал других человеков себе врагами, тогда воинское состояние было бы не нужно и учреждение его не существовало б. «По силе закона естества человека, — говорит он, — воистину нечего ему от другого человека опасаться...» Но воистину

метафизический наш проповедник, приобретший право рабства над подобными себе, употребляет во зло право сие, принуждая верить по его только одному слову тому, что противно свойству человеков и чему беспрестанные их деяния и об оных всех времен повествования противоречат.

Воистину нечего было американцам опасаться гишпанцев, которые 12 миллионов побили оных; и, по его уверению, нам должно думать, что все побияния не только в войнах, но и в злоумышлениях учинились не от вражды друг к другу, но от благоприятства; и когда люди так, как он утверждает, не могут быть друг другу врагами, то Сулла и Марий, Август и Антоний принесли несколько тысяч лучших сограждан своих на жертву тщеславию и корыстолюбию своему не потому, чтоб они были враги их, но токмо по благосклонности своей к ним. И от такого же источника произошли все бесчеловечные побияния, например: во враждах иконоборцев²⁷, в коих убито 60 000 человек, манихейцев²⁸ — 120 000, самого умеренного счета, в распрях епископских за престол папский — 20 000, в набегах духовных кавалеров²⁹, называемых меченосцами, по брегам Балтийского моря — 100 000. Потом из дружелюбия Иван Гус и Иеремий Прагские сожжены были в городе Констанции, что причинило войну, в которой погибло 150 000; и по следствию такого же друг к другу снисхождения в бесчеловечных убийствах, сотворенных от времен папы Льва X до папы Климента IX, почти во всей Европе, то-есть в Нидерландах, Голландии, Германии, Франции и Англии, в коих свирепое междуусобие вооружило вспламененных ревностью религии смертоносным мечом, друг друга истребляющим, погибло больше двух миллионов человек. Убийства еврейского народа, как междуусобные, так и те, кои они учинили над жалостными жителями областей, ими завоеванных; убийства, происшедшие в Азии, в Японии, в Африке на берегах, снабжающих европейцев черными невольниками, и во всех концах обиталища несчастного рода человеческого, без сомнения, простираются до многих миллионов. Присовокупим еще к сему частные убийства и общественные друг друга притеснения, злость, гнусную клевету, ненависть, всякого рода коварства, лицепрятие, надменность

и презрения, попирающие добродетель и достоинство, то и будем иметь живое изображение взаимного благоприятства, владычествующего между людьми, и найдем в оном достаточное доказательство, что люди не суть враги друг другу.

Сверх сего мы заметим еще, что не весьма согласно с человеколюбивою и кроткою философіею давать преимущество установлению воинскому пред установлениями гражданскими. Справедливая философия не возносится гордостью, не стяжает себе, будучи тщеславием побуждаема, неестественного и превосходного пред другими познания и, не желая сокрушения рода человеческого, не поощряет людей хвалами состояния воинского к сражениям и к взаимному друг друга истреблению: она старается вкоренить в жителей глобуса сего, которые уже и без того подвержены многим естественным припадкам, жизнь их сокращающим, смирение, человеколюбие, снисхождение и все добродетели, могущие облегчить бремя земного их пребывания.

Он часто упоминает, что недостатки правлений произошли от того, что общежителства составлены человеческою рукою и без помощи закона, «долженствовавшего дать им постановительное утверждение». Весьма странно, что закон, который долженствовал дать постановительное утверждение всем обществам и их правлениям, пренебрегал в толь важном деле исполнять определение свое и ожидал токмо пришествия в свет высокомысленного проповедника, чтоб начать исполнение своего долга! И возможно ли премудрости божией создать для пользы человеков закон, который бы столь долгое время пребывал бесполезен! Но видно, что такая бедственная сего закона беспечность произошла только для того, чтобы прославить угодника оногo, или действующей причины, приобретшего право рабства над подобными себе и готовящегося ниспосланным ему от нее светом управлять обществами, недостаточными в своих законоположениях и удалившимися от светильника, к коему он так близко приблизился.

Но всего чуднее, что после охуления всех правлений и утверждения, что царям надлежит быть только тем, которые менее удалились первобытного своего состояния,

он колеблется в смелости своей и с некоторым видом робости, ходатайствующей извинение ему, говорит, что «правление одной особы не подлежит к сему моему мнению».

Как можно согласить сие противоречие и другие подобные, коими он ищет пред самодержавною властью оправдаться, с сими словами, в точности выражаемыми: «Когда прочие люди не употребили тех же стараний и не имеют ни тех же успехов, ни тех же даров, то явствует, что тот, который имеет пред ними все сии преимущества, должен быть выше их и управлять ими». Потом на той же странице 278 так изъясняется: «Ежели сие затемнение» (способностей) «в человеке дойдет до развратности, то тот, кто предохранил себя и от того и от другого, становится его владыкою не только по самому делу и необходимости, но и по долгу». Не явствует ли как из сего, так и из прежних его предложений, отрицающих право человека подчинять себя верховной власти, что учение его подлежит более к правлению одной особы, нежели к правлениям другого рода, и что луч в нем здравого рассудка противоборствует тщеславию и гордости его и что, желая сохранить первый и удовлетворить последним, он только обнаруживает лживые свои сокровенности и старается для воображаемых выгод себе паложить «покров» повиновения и покорности на учение, которое открыто повинованию противоречит.

Потом он, мысля, что достаточно оправдился пред самодержавною властью и другими правлениями, продолжает политические свои рассуждения, с метафизикою сопряженные, и говорит: «Дабы удостовериться нам о их правдивости», то-есть о правдивости законов правоправления, «надлежит рассмотреть, проистекают ли сии законы прямо от истинного начала или они учреждены человеком только одним, и притом лишенным своего путеводца».

Послушаем, каким средством должно узнать о правдивости сих законов.

«Спрашиваю здесь: когда подданный присягнул или почитается присягнувшим в верности государю, то государь имеет ли право освободить его от присяги, какие бы ни произошли из того выгоды для государства? Обычай государей не требовать согласия жителей меняемых стран не доказывает ли, что прежняя присяга не была свободная,

что и новая таковая же будет? Сей поступок может ли быть когда-нибудь сходствен с теми понятиями, которые хотят нам дать сами законодатели о правлении законом?» Здесь кажется, что он паки ободрился и думает, что принесенным извинением государям он приобрел право им делать вопросы. Но к большей ясности сего рассмотрения и удостоверения, что законы сотворены человеком, лишенным своего путеводца, то-есть действующей причины, он так рассуждает:

«В том правлении, которого истину и нерушимое существование я возвестил, сии промены также в употреблении, в принятых правлениях чинимые, суть токмо изображения оных, потому что человек не может ничего изобретать: но производства оных суть отменны и происходят от таких побудительных причин, которые учиняют праведными все о том приговоры, то-есть что промен здесь свободный и добровольный с обеих сторон, люди не почитаются привязанными к земле и как бы составляющими часть владения; словом: сущность их не смешивается с сущностью временных владений». Вот какими убедительными доказательствами он старается изобличить государей в присвоивании власти, себе не принадлежащей!

Потом он опорочивает гражданские законы, в коих находит главнейшее неудобство то, когда оными определяется разводиться браки не за прелюбодеяние, но ради иных причин, о чем он так изъясняется: «Прелюбодеяние есть единственная причина, по которой могут быть законно разведены супруги...» Он ли во что считает несходствие нравов и мыслей, неустройство домашнее, бесплодие, за собою влекущее, отвращение, ненависть, бывающую иногда источником жесточайших преступлений; но прелюбодеяние в случае неравенства, происходящего или от сложения, или от лет, не бывает причиною злодейских умышлений, разве токмо в случае превосходной страсти к другому предлогу, что редко бывает. И тогда могущее произойти от оной преступление долженствует отнестись к вышеупоминаемым бедственным чувствам, рождающимся от несчастного бракосочетания; следственно, хотя прелюбодеяние и достаточно к определению развода там, где развод в употреблении, однако меньше имеет сильных

причин к оному, нежели изъясняемые нами несогласности как в нравственном, так и в натуральном сношении супругов. «Итак, когда гражданский закон последует другим рассуждениям, тогда не сомнительно возвещает, что он не имеет первой идеи сего обязательства».

Никакой другой идеи иметь о брачном сочетании гражданский закон не одоляется, как ту, которая представляет благоденствие сочетавшихся и от того пользу, изливающуюся на целое общество; следственно, надлежит ему определять развод для тех токмо причин, которые больше к сему препятствуют, а не для каких других, вымышленных поврежденным воображением.

Он говорит, что «супружество не долженствует быть дело рук человека, равно как прочие его дела; понеже как человек сей не должен сам собою заключать союза, то не имеет права разорвать оный; понеже, наконец, предаваться прелюбодеянию есть самовластно отвергать волю причины всеобщей временной, которая почитается заключившею обязательство и послушаться такой воле, которую она не одобрила...» Здесь надобно заметить важнейшее его противоречие, ибо он сими словами, что дела человека не долженствуют быть рук его, отнимая у него волю, которую он ему прежде приписывал, делает человека страдательною машиною и хочет, чтоб оною действовала мнимая его временная причина. Но кто не видит, что из последования такому учению последовало бы разрушение общественного союза и нравственных добродетелей, понеже всякий, наклонный к порокам, находил бы оправдание деяниям своим, противным общественному благу, в том, что не сам он действует, но причина временная, ибо все деяния человеческие не от его рук, но от нее происходят. Каким образом супружество не долженствует быть дело рук человеческих, то сие, будучи под тем же покровом, которым он покрывает все свои мечтания, столько же невразумительно, как сии последние ничтожны. Ибо нельзя понять, когда молодой человек, почувствуя страсть к приятному предлогу и влеком врожденным во всех тварях естественным побуждением к сочетанию обоих полов, захочет исполнить цель и намерение природы, как он тогда не должен ничего делать, а ожидать, чтоб совокупление

сие учинила действующая причина, для того что супружество не есть дело рук его. «Итак, поелику, — продолжает он, — воля человека всегда предшествует деяниям его, то не может забыть себя в телесных делах своих без того, чтоб не забыть себя прежде в своем хотении; почему, вдаваясь ныне прелюбодеянию плотскому, он соделывает вместо одного два беззакония».

Когда все деяния человека от воли причины мнимой временной зависят, то уже воля сей причины, а не его предшествует деяниям его. «Не может забыть себя в телесных делах своих без того, чтоб не забыть себя прежде в своем хотении...» Последнее предложение никакого смысла не представляет, понеже всякий человек имеет хотение, чтоб пользоваться удовлетворением оному, которое хотение бывает мертво, коль скоро исчезает надежда к удовлетворению; для того никто без сей надежды хотения иметь не будет, почему и доказательно, что желание человека относится к самому себе и с ним соединено; но всякий человек имеет желание для себя и дабы пользоваться им; следственно, невозможно ему в хотении позабыть самого себя, когда хотение рождается для самого себя.

Что ж принадлежит до плотского прелюбодеяния, которым человек соделывает два беззакония, сие значит, что первый человек прежде еще, нежели имел жену, отступил от данного ему закона и тем соделал прелюбодеяние, а после плотское его прелюбодеяние было другое, так что сие последнее не имеет места, когда не предшествует ему первое.

«Ежели читающий сие одарен разумением, легко может распознать в плотском прелюбодеянии некоторые яснейшие знаки прелюбодеяния, соделанного человеком прежде его покорения закону стихий...» Всякий читатель, одаренный благоразумием, легко может распознать из половинокрытых и мечтательных рассуждений нелепые бредни, коими готовится проповедник временной причины владычествовать над подобными себе.

«Но сколько желаю, чтоб всякий достиг сего разумения, столько обязанности мои запрещают мне давать малейшее о сем объяснение...» Обязанности наши

принуждают чувственными*, а не мысленными доказательствами разрушать химеры его, на которых он основывает гордость и тщеславие свое. «Сверх того, для моего собственного блага желаю лучше стыдиться беззакония человеческого, нежели говорить об оном...» Для собственного его блага мы желаем, чтоб он, устыдясь бредней своих, не провозглашал оные столь утвердительно и смеха достойным образом.

Казалось бы, что после уверения, что обязанности его запрещают ему давать малейшее изъяснение о прелюбодеянии и что он желает лучше стыдиться, нежели говорить об оном, он положит на него покров молчания, а не тот, которым он мнимые тайны свои покрывает; однако обязанности свои в сем случае он худо сохранил, может быть, для того, что он вступил в оные без причины действующей и временной; а как уже мы видели, что человек не имеет никакого права вступать в обязательства без ее руководства, то он, не почитая за законное дело хранить обязанность не давать ни малейшего объяснения о прелюбодеянии, на другой странице говорит: «Возвещу явственно, что первое прелюбодеяние было причиною лишения и невежества, в которых человек еще погружен, и что сим-то состояние света и сияния переменилось в состояние тьмы и бесчестия». Сим нарушением обязанностей своих он хочет показать, что он поступает сходственно с учением своим и что он в одно время подает пример и наставление.

«В оном же телесном прелюбодеянии человек легко может сделать себе понятие о тех несчастиях, которые уготовляет он плоду своих беззаконий, когда рассудит, что сия временная всеобщая причина или сия вышняя воля, не присутствует в составлениях, не одобренных ею, а еще менее в тех, которые осуждены от нее; что ежели присутствие ее необходимо нужно всякому бытию, существующему во времени, чувственному ли, разумному ли, то человек лишает потомство свое ее подпоры, когда рождает по незаконному изволению...» Когда он прежде беспрестанно утверждал, что во времени не может ничего ни сотвориться, ни существовать без сия причины времен-

* В издании 1790 г. напечатано «чувствительными». — *Ред.*

ной и действующей, каким же образом может быть на свет произведено и существовать то, что она не одобрила и что сотворилось без присутствия и без подпоры ее? Следственно, утверждать, что она не присутствует в составлениях, не одобренных ею, и что человек рождается против соизволения ее, есть странное противоречие предложениям, изъясняющим, что сия причина «определяет действие начала, врожденного в зародышах... что без содействия третьего начала, то-есть ее, не можно быть совершенному делу...» Кажется, что таким упорствующим и противным одному другому рассуждениям не только в пророке, предводительствуемым сверхъестественным вдохновением, но и в последнем школьнике, не утвердищемся в учении правильного рассуждения, явиться было бы невозможно.

«Когда человек, — говорит он, — может ныне соделать прелюбодеяние с женою, тем паче может еще, как и в начале, учинить оное без жены, то-есть прелюбодеяние умственное, потому, что воля человеческая после первой причины временной сильнее всего во времени, и потому, что она и тогда, когда не чиста и беззаконна, имеет могущество подобно началу, учинившемуся злым». Людям, не имеющим благодати откровения, неизвестно, как делается умственное прелюбодеяние; но тому, который познакомился с причиною действующею, вселил начала бестелесные во все вещественные образы, нашел важное открытие отражательной силы, находящейся в пище, изгнал воздух из стихий и превращает телесное вещество в ничто, немудрено знать об оном. Такому угоднику и чудодейцу нетрудно и человеческую волю учинить первым могуществом после действующей причины, хотя мы видим ее иногда совсем бессильну; ибо что воля заставляет предпринимать какое-либо действие или рождает желанья, то сие не значит в ней силу, но токмо причину деяниям или желаньям; а потому и явственно, что воле человеческой не сила должна быть присвоена, но только одно направление к телесным и душевным действиям.

«Не могу я, не наруша скромности, говорить о сем более; глубокие истины не всякому зрению сходны...» Нет нескромности в объявлении вещей полезных, а наипаче таких, от коих может произойти не только польза,

но и благо рода человеческого. Скромность присоединяется к тому, что может быть постыдно, вредно, огорчительно или что причиняет неудовольствие одному или многим; в таких случаях наблюдение скромности есть добродетель и столько же похвально, сколько в прежде упоминаемых обстоятельствах предосудительно. Глубокие истины токмо одному его зрению сходны для того, дабы приобрести право подданничества над подобными себе; и мы не можем его оуждать, что он их не представляет зрением, коим они несходны, ибо такая нескромность могла бы его лишить одного бесценного права, приобретенного отличными дарованиями и качествами его. «Но хотя и не объявляю людям первой причины всех законов премудрости, тем не менее они обязаны исполнять их, понеже они чувственные, а человек все чувственное может понимать». Сего открытия люди от него не требуют; они и без него знают, что первая причина всех законов есть всевышний создатель всего творения. Но тут приметить надобно смешное его самолюбие, заключающееся в сих словах: «не объявляю людям...». Как будто подлинно премудрость первой причины ему известна! «Человек все чувственное может познать...» Здесь он хочет внушить о себе, что он все чувственное знает; но тому, который сведущ и о том, что вне чувственного происходит, нетрудно знать все чувственное; а людям, не достигшим до первобытного состояния человека, не можно познать все, что есть чувственное, ибо много еще находится в естестве деяний и существ неизвестных, так, как и в известных множество остается сношений, по сие время неведомых.

Намерясь рассуждать о законах уголовных и полицейских, он так предваряет читателей: «Но в рассматривании сем (оных законов) расположение мое будет то же, какое было и во всем сочинении: везде я буду искать, сходны ли вещи с их началом, дабы всяк из того выводил следствия и научался бы паче сам собою, нежели бы следовал моим рассуждениям». Если бы расположение его сочинения или бы самое сочинение было внятно и основано не на мнимых тайнствах, но на рассуждениях правильных и с благоразумием не враждующих, тогда было бы позволительно ему говорить с таким одобряющим себя само-

хвальством и заставляя из оных выводить следствия, сопровождающие к познанию преподаваемого учения. Но когда вместо ясных и вразумительных предложений во всем его сочинении представляются непостижимость и химеры, с которыми рассудку читателя беспрестанно сражаться должно, тогда тщеславное повеление пророка временной причины научиться в бреднях его нимало ему не приличествует.

«Когда есть начало высшее, — говорит он, — единственное и всегда и везде благое, как то я всеми силами и старался доселе доказывать; когда есть начало злое, которого бытие я также доказал...» Конечно, есть начало всесущное и благое, ни от кого не поставленное и никем не созданное; однако не о ссм начале он всеми силами доказывать старался, коего бытие все творение вещает, но о мнимой временной причине, им вымышленной для управления вселенною. Доказательством почитается то, когда служащие к оному доводы, испытаниями оправдаемые, столь ощутительны и видимы, что отъемлют всякое сомнение о предлоге доказуемом; но рассуждения лживые, темные, не имеющие другого основания, как одни химеры, составленные рассудком, мечтаниями поколебленным, не могут быть почитаемы доказательствами.

Роман, откровенный ему причиною временною, о первобытном состоянии человека не может служить доказательством блудящих его мнений по мысленным обиталищам. Он повествует, что «человек в первобытном своем происхождении был торжественно оболчен властью наказывать, в чем и состояло его подобие с началом его; и по силе сего же подобия правосудие его было верно и безошибочно; права его были существенны и ясно видимы и никогда бы не изменились, если бы захотел он соблюдать их», то-есть если бы он не соделал мысленного прелюбодеяния и прежде существования жены, предшествовавшего естественному. «Тогда-то, говорю, имел он воистину право на жизнь и смерть злодеев области его». Воистину мудрец наш мало имеет уважения к читателям своим, когда он им такие нелепые басни предлагает за истины. Причем заметим мимоходом, что наш мечтолюб склонен к суровости, которую он во многих местах книги своей обнаруживает; и ему

вссыма нравится определять власть наказывать и право отнимать жизнь у мнимых подданных и злодеев своих.

После сего предварительного рассуждения о уголовных законах он утверждает, что они должны происходить от временной причины; но как она есть выше чувственных вещей, «то потребны ей, — говорит он, — средства чувственные для возвещения ее приговоров, равно как и для исполнения судов ее.

К сему делу употребляет она глас человека, когда, однако, учинится он того достойным; ему поручает она возвещать правду подобным ему и принуждать их хранить оную...» Сколько противного здравому смыслу находится в таком странном предложении о правосудии сей мнимой причины! Стало, правосудие ее зависит от угождения или неугождения ей судящего; если он ей угодил, то она поручает ему возвещать правду; если же он ей не угодил, то правосудие ее остается без действия и правда — сокрытою. По таковому учению о правосудии, участь судимых должна зависеть не от одной справедливости, но от расположения и способностей судящих угождать причине, отправляющей правосудие; и если судья не есть угодник ее, то несмотря на долг свой воздавать каждому правосудие, действующая причина ни о суде, ни о приговоре, ни о правде совсем никому не возвещает, и дело решится справедливо или несправедливо и без нее. Следственно, не можно сказать, что сия причина употребляет средства чувственные для возвещения приговоров и исполнения судов ее, когда она того не делает, и правосудие, для коего она поставлена, только тогда является, когда судья удостоен ее откровением, чего, как всем известно, кроме мечтающего проповедника, ни с кем не случилось.

Если сия причина, так, как он уверяет, определена «установить порядок во вселенной между всеми существами двух натур...», то для чего же она по сие время его не только не установила, но и главнейшего своего долга — отправлять правосудие — не исполняет; ибо мы находим в истории многих народов некоторые беззаконные и страстные решения по делам уголовным, погубившие невинных. Потому правосудие такой причины, которая была бы определена для всеобщего правосудия, являю-

щегося только для одних любимцев ее, было бы совершенное неправосудие и вредное беззаконие; следственно, если есть причина, поставленная, по уверению проповедника нашего, для отправления человеческого правосудия, то надлежит, чтоб все решения и приговоры судебных мест были справедливы; если же мы видим, что оные не все справедливы, то предполагать постановление такой причины безрассудно, ибо она не соответствовала бы цели определения ее.

«Желает ли кто, — говорит он, — еще лучше судить о непричастности помянутого права», то-есть права человеку отправлять правосудие, «тот пусть помыслит токмо о древних правах его...» О сих правах надобно мыслить токмо тому, кто их знает, а не тем, кои только пожелают судить о них; ибо не всякому причина временная открыла сведение об оных; а потому нельзя о том ни мыслить, ни судить, о чем мы ни малейшей идеи не имеем. «Во время славы его имел он полное право на жизнь и смерть бестелесную, понеже, наслаждаясь тогда самою жизнью, мог он по изволению сообщать ее своим подданным, или отнимать ее у них, когда благоразумие его находило сие нужным; и как они присутствием его токмо и могли жить, то имел он силу, единственно отлучась от них, умертвить их».

Не всякому понятно, как могут существа бестелесные претерпевать смерть! Ибо слово «смерть» значит прекращение в животных деятельности телесной: то же сказать, что вещь невещественная, тело петелесное, чего, кроме мечтающего проповедника или кого-нибудь, имеющего подобное ему в рассудке недугование, никто ни сказать, ни представить мыслями себе не может. Что принадлежит до того, как человек, «отлучась от своих подданных, мог умерщвлять их по своему благоразумию», то такое сумасбродство не заслуживает никакого внимания, и мы оное отсылаем для помещения в «Тысячу одну ночь» или в другие вздорные и не имеющие никакого благоразумия басни, коих рассказывание употребляется для детского усыпления.

Продолжая рассуждение свое о уголовных законах, он говорит, что «должно искать преступнику наказания в самой той вещи и в том чине вещей, которые им повреждены, а не брать их из иного отделения вещей, которое,

не имея никакого отношения с подлежащим преступлением, будет также повреждено, а преступление оттого не загладится».

О сем лучше, вразумительнее и обстоятельнее изъяснили законодатели, не мечтательное блаженство людям обещающие, но ощутительным образом благоразумнейшими и человеколюбивейшими установлениями оное творящие; и если бы он прочел Наказ ее императорского величества всероссийской монархини великия Екатерины, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения, то нашел бы в 9 главе, что сие рассуждение и польза, происходящая от оного, в совершенстве истолкована.

Преступления же наказываются не для того, чтобы они заглаживались, ибо никакая сила не может соделанное учинить не соделанным, но для того, чтоб воспрепятствовать другим покушаться на оные.

«Уголовные законы писанные, — говорит он, — суть величайший недостаток государств». Каким же должно законам быть, что не писанным? Ожидание приговоров и судов причины действующей было бы весьма тщетно, и правосудие только тогда бы исполнялось, когда бы судящий удостоился откровения ее; а между тем удержать течение правосудия, кому оно подобает, было бы разрушением устройства и благоденствия в обществах живущих, «потому что сии законы мертвы и остаются всегда одинаковы, а преступление возрастает и обновляется ежеминутно...» Изящность законов состоит не в том, что они мертвы или живы; и мы оставим ему сие различие, согласующееся с его мнимыми таинствами; но заметим только, что неправда то, чтоб преступления возрастали; ибо, по мере распространения просвещения, распространяется человеколюбие и добродетель, а гнусные пороки, преступления рождающие, исчезают, о чем достоверно свидетельствуют происшествия тех веков, которые больше мрачностию невежества покрывались.

Он изъясняет сетование свое, что законодатели «определяют смертные казни преступлениям, падающим токмо на чувственное и временное...» Как будто бы можно было определять смертные казни за то, что не существует ни в чувственном, ни во времени! Притом он удивляется,

для чего законодатели не определяют такой же казни упражняющимся, по мнению его, в учениях развратных и системах заразительных, то-есть в учениях, противных его мечтательной системе. Видно, что много и пустоглавый проповедник не только жестокосерд, так, как мы выше упоминали, но еще и неприятель кроткого позволения каждому воспринять и следовать мнениям о существах, слабому рассудку человеческому не постижимых, по убеждению разума и совести своей! Лживые пророки и метафизичные учителя всегда были гонители на трудящихся в приобретении познания о истинах, утвержденных на благоразумии и доказательствах несомненных. Но если какое учение заслуживает наказания, то, конечно, не то, которое посредством испытания сопровождает к познанию естественных вещей, пользу обществу или и самому правительству принести могущих; но то, в котором ласкают человека, что он может своими «трудами, дарованиями и качествами приобрести право рабства и подданничества над подобными себе»; то, в коем преподают наставление, что «человек не имеет права подчинить себя другому человеку», и, наконец, то, в коем утверждают, что «все обязательства человека незаконны, ничтожны» и что он сам собою никаких обязательств заключить не может. Всякий легко может видеть, сколь вредные действия из такого дерзкого и безумного учения для правлений и обществ приступить могут.

После приведения в безгласность правосудия, воздаваемого судьями, дабы оно было ожидаемо от причины действующей, он таким же образом уничтожает врачебную науку с ее искусниками и заставляет владык земных быть самих врачами; вымышляет для них другую науку врачевания, основанную на таких же началах, на каких основано все его мрачное учение, несмотря на то, что в сей науке никакие мечтания, никакие странные системы, кроме опытного примечания действия ощутительного вещей телесных, не способствуют к исцелению скорбей человеческих. Но как понятия его в физике, а наипаче в физиологии и в медицине весьма тесными пределами окружаются и рассуждения его как в первой, так и в последних больше жалости, нежели внимания, достойны,

то мы предложим вкратце состроенную им систему врачевания.

По мнению его, болезни происходят от трех стихий, оставшихся по исключении воздуха из числа оных, когда «начала их устремляются преодолевать друг друга или разделяются между собою...» Здесь он великодушно снабжает стихии началами, состоящими в сере, соли и ртути, несмотря на то, что они сами начала всех тел. Ему, конечно, открыто о сих стихийных началах от причины действующей, ибо поныне, так, как мы выше упоминали, еще никакими испытаниями не могли достигнуть до раздробления их и познания в них других начал. «То тотчас и безошибочно увидит (земной владыка) средство к восстановлению порядка.

И сего ради, — присовокупляет он, — врачебная наука заключаться должна в сем простом, единственном, а следовательно, и всеобщем правиле: собирать, что разделено, и разделять, что собрано...» Сие правило не к медицине принадлежит, но к хирургии, которая трудится соединять сверхъестественное разделение твердых частей человеческого тела и разделять таковое же оных частей соединение. Потому он и рассуждает, что когда суть только три стихии, то надобно, чтоб было только и три болезни, которые относятся «к главным веществам, составляющим животное тело, то-есть к крови, кости и к плоти, которые все три части относительно каждая к одной из стихий, от которой происходит».

И потому он исцеляет плоть солью, кровь — серою, а кости — ртутью; следственно, по сему превосходному его врачебному искусству надлежит, когда инфламация в крови или жар приводит оную во вредное волнение, давать больному серу; когда на коже бывают чирьи и другие припадки, источник свой в поврежденной крови имеющие, тогда натирать кожу солью; а когда будут кости болеть, то давать ртутиальные фрикции³⁰.

И таковая вся премудрость должна быть только тому открыта, который больше приблизился к первобытному свету и удостоился иметь откровение от причины временной.

«Например, известно, — рассуждает он, — что болезни плоти и кожи происходят от сгущения и порчи соля-

ных отседков в волокнистых сосудах, где они могут сделаться недвижимыми от быстрого и внезапного действия воздуха, равно как и от весьма слабого действия крови...» Врачам неизвестно, как болезни кожи и плоти происходят от соляных отседков, сгустившихся в волокнистых сосудах, которых отседков в анатомическом рассматривании тел еще не примечено. Они только знают, что припадки, случающиеся на коже и плоти, как, например, чирьи, апостемы, разных родов затверделости, раки, фистулы и проч., не от того происходят, что на поверхности кожи, под эпидермою или перепонкою в волокнистых сосудах, испещряющих в неисчисленном множестве всю кожу, могут сгуститься отседки соляные, но от поврежденной крови и других внутренних жидкостей, в сии сосуды изливающихся. Волокнистые сосуды суть, как всем физиологам известно, каналы нечувствительной испарины, которая так изобильна, что больше половины человеческой пищи чрез оную выходит, и от пресечения которой случаются скорби не на коже, но во всех частях тела, ибо препятствие к исхождению сей испарины обращает оную во внутренность, от чего приключаются опаснейшие и смертельные болезни.

Однакоже он, видя нелепость соляных своих лекарств, излечающих соляные отседки, говорит: «Должно признаться, что сия соль еще неизвестна человеческой врачебной науке...» Она известна только врачебной науке временной причины и ему, так, как угоднику ее; «и для того-то сия так мало и успела в излечении упомянутого рода болезней». И для того мы сей вздор причислим к такому же прочим, хранящимся под его таинственным покровом.

«Во-вторых, в болезнях костей меркурий должен быть употребляем с великою умеренностию, потому что он сильно связывает и стесняет прочие два начала, подкрепляющие жизнь всех тел, и потому, что он, связывая преимущественно серу, бывает разрушителем всякого возраста, как земного, так и животного...»

Мы не будем с ним спорить о сем мысленном меркурии, называемом алхимиками меркурием философическим и о коем они разные понятия имеют, ибо мы показали выше,

что нет врожденного меркурия ни в человеческом теле, ни в других существах; но заметим только, что меркурий, известный и от чувств не убегающий, ничего не связывает и ни к чему не присоединяется, кроме металлов, потому и не помещается в классе лекарств, называемых астрингенса, то-есть сжимающих, или вяжущих.

Мы оставим его бредить о трех всеобщих болезнях, о трех стихиях, о трех всеобщих лекарствах, но только не можем пройти без замечания маленького поучения, которое он делает государям при окончании пятого отделения своей книги.

«Итак, я надеюсь, — говорит он, — что государи, какие бы заключения ни выводили из представленного им от меня начертания, не должны, однако, никак почитать мои начальные положения противными власти их, когда я ничего более не желаю, как уверить их, что они могут приобрести власть непобедимую и непоколебимую». Сие желание в нашем проповеднике, сказать его изречением, есть противодействие желанию, которое он во всей своей книге изъявляет, — тому желанию, чтоб утвердить и распространить учение, совсем не согласное с теперешним его желанием. Ибо нельзя не почитать положения противными власти государей, когда сии безумные положения приглашают не одних государей, но каждого приобрести право рабства над другими, трудами и дарованиями своими могущими всякого приблизить так, как и сего мнимого пророка, к первобытному свету, дабы почерпнуть в оном право владычествовать над подобными себе. Здесь приметить надобно надменность его, понеже он, несмотря на неустройное для общества и противоборствующее первенствующему начальству учение, повелевает, чтоб государи не почитали противными власти их развратные его положения. Недостает только того, чтоб он к сему прибавил: «Ибо такое наше соизволение по приобретенному дарованиями и качествами нашими праву подданничества и рабства над подобными нам».

После таковых благоразумных поучений правителям государств он переходит к наставлению новой математики, основанной на тех же метафизичных началах, на которых вся странная его система мнимой премудрости основана.

«Понеже мера находится, — говорит он, — всегда в том начале, от которого чувственное произведение получило бытие, то как можно сему произведению чувственному и страдательному быть самому себе мерою и доказательством?..» То-есть что, по его мнению, мера не может быть мерою сама себе; и, следственно, чтоб узнать, что два аршина протяжения точно ли суть два аршина, не надлежит их мерить определению к тому мерою, но надобно искать мысленного и невещественного начала, откуда сие протяжение бытие свое получило. «И есть ли такие существа кроме не созданных, или кроме существ истинных, которые бы могли сами себя доказывать?» Существо, не созданное, почитается единос, все сотворшее. Предложение многих существ не созданных могло поместиться только в странное воображение естественную и сверхъестественную премудрость себе приписующего. По его математическому наставлению умственная математика столько же ясна и неизменяема, сколько чувственная темна и ограничена. Не всем математикам покажется вразумительно, как умственная математика может быть яснее чувственной и почему сия последняя темна, когда она из трех равных линий представляет равносторонний треугольник, а из четырех таковых же — разнобочный четвероугольник.

Он утверждает, что прямая линия имеет сношение с правильною нравственною; а круговая линия — с беспорядком нравственным. «Однакоже, — прибавляет он, — я предупреждаю, что сия истины не всем людям будут ясны...» Мы его уверяем, что сия не истины, но суесловие и пустомыслие, не только не всем людям, но и никому, имеющему правильный рассудок, не будут ясны, «а еще менее тем, которые следовали ложным началам, мною опровергаемым...» В каком жалостном был заблуждении весь род человеческий, что следовал другим, а не его началам! «Чтоб понимать слова мои, надлежит поставить себе за первое дело изыскивать вещи в самом их источнике, а не в представлениях ума, составленных воображением и скоропостижными рассуждениями». Сим выражением — «чтоб понимать слова мои» — он открывает беспредельное свое честолюбие и желание показать себя учителем, требующим повиновения от подобных себе, ибо

он для того заставляет стараться понимать слова его, представляющие многосложные его мечтания, коих он сам ни распутать, ни изъяснить не может, чтоб думали, что им самим истолкование оных есть ниже его и что он не почитает такого снисхождения читателей своих достойными. Несколько забавно, что тот, который наполнил целую книгу всякого рода нелепостями, происшедшими от воображения, преисполненного заблуждениями и химерами, запрещает полагаться на рассуждения, составленные воображением.

«Но я знаю, сколь мало есть людей, способных к сему отважному предприятию...», к тому, чтоб для понятия премудрых слов его искали вещей в самых их источниках, то-есть в источниках бестелесных. «Да хотя бы и много таких было, я должен предполагать, что весьма немногие из них получают совершенный успех...» Сие уведомление он очень благоразумно поместил, дабы те, которые захотят искать бестелесных источников, и, не нашед их, не сетовали бы на него в рассуждении его предсказания о неполучении ими успехов. Однако сие осторожное предварение было излишне, ибо весьма мало найдется таких, которые пожела-ли бы терять время свое, чтоб понимать его слова, которые, кроме гордости и мнимых сокровенностей, ничего удовлетворительного для рассудка, утверждающегося на явственных и неоспоримых доказательствах, не содержат.

Например: может ли здравомыслящий читатель принять за истину отношение его прямой линии к божеству? Ибо он таким образом хочет утвердить безобразное свое мнение: «Какое дело есть прямой линии? — не то ли, чтоб продолжать до бесконечности произведения той точки, из которой она истекает? А яко перпендикулярной линии — не то ли, чтоб уставлять и уравнивать основание всех существ и каждому из них начертывать свои законы?» Не есть ли совершенное отступление от рассудка, чтоб думать и верить, что перпендикулярная линия уставляет основание существ и каждому из них начертывает свои законы! В какое развращенное воображение может такая мысль водвориться, и может ли такое подобие достойно быть творителя всего? Что прямая линия из точки продол-

жается до бесконечности, а перпендикулярная служит к уравнению прямоты вещей, возвышающихся от земли, потому сии линии имеют свойства божественные! Не можно человеку, рассматривающему и оценивающему все его пусто-мысленные и мнимые тайны, возвещающие предложения читать и не находиться в некоем неприятном положении ума, видя нового мудреца, кичащегося толь невероятными заблуждениями.

Он уверяет, что круговая линия есть враг прямой линии, и потому он безбоязненно утверждает, что «число их есть различно. Не обинуясь, скажу, — прибавляет он, — что прямая линия имеет на себе число четыре, а круговая линия — число девять; и смело уверяю, что нет иного, кроме сего, средства достигнуть к познанию их...» Мы очень верим ему, что он никогда не обинуется, смел, безбоязнен в сотворении чудовищных мечтаний и дерзок в рассуждениях своих, на оных опирающихся, ибо почти все предложения книги его, знаменующиеся противорассудными особливостями, не дозволяют в том сомневаться; но тому не можем поверить, чтоб круговая линия была враг прямой линии и стремилась бы разрушать ее, ибо мы разумеем о прямой и круговой линии так, как здравый рассудок разуметь о них научает, не дозволяя в них подозревать химерических существ, которых он нам в оных представляет.

«Знаю, что может сие казаться невразумительным: столь много вещество овладело разумом подобных мне!..» Знают подобные ему, читающие книгу его, сколь много пустомыслие им овладело.

Он укоряет несмысленностию геометров, что они приписывают движение протяжению, или веществу, ибо он уверяет, что движение не в веществе находится, но в началах бестелесных. И потому течение какой-либо реки не есть движение телесности воды, но движение бестелесных начал, которые несут воду по ее стремлению; когда ядро, выстреленное из пушки, летит к цели своей, то сие делается не оттого, что ядро от силы пороха получило движение свое, но оттого, что бестелесные начала мчат его туда, куда оно выстрелено; если с какой-либо высоты тело летит на землю по законам тягости к центру земли, то

равным образом начала бестелесные сему движению суть причиною.

Потом он говорит, что «натура вещественная, имеющая протяжение, не может составлена быть, как только из линий не прямых, или, что все равно, нет в натуре ни одной прямой линии». По сему его предложению прямая линия, имеющая число четыре, не находится в натуре; и для того он нередко повторяет, что он не надеется, чтоб его понимали, что сие может казаться невразумительным. Но когда он не надеется, чтоб его понимали, на что же обременять других чтением непонятным и потому скучным и бесполезным? Если он находил удовольствие в мечтаниях, то нельзя было ему предполагать, что с таким же удовольствием было можно читать оные.

«Знаю, что сего недоволю, что исключил я из природы прямую линию; надлежит предложить и причины, побудившие меня к тому...» Сии причины суть: что огонь не был началом тел, но токмо внешнею причиною, помогающею растущему началу; что всякая жидкость есть собрание шаровидных частиц и что между данных двух точек расстояние наполнено меркуриальными воздушными частичками. «Итак, — рассуждает он, — поелику нет в телах непрерывности, а все в них составное и прерывное, то невозможно никоим образом полагать в них прямых линий».

Неправда, чтобы в телах была прерывность; всякое тело потому есть тело, что все части оно, прикосновенные друг к другу, составляют одно целое и непрерывное. Смешно представить себе какое-либо животное, имеющее прерывность в теле своем, его не повреждающую. Вообразим человека с сею прерывностию: какое бы странное замешательство в общежитии от того произойти могло! Например: в каком-нибудь многолюдном собрании, сколько б рук и ног было перемешанных! И какая бы трудность была всякому находить ему принадлежащие, могущие по прерывности своей смешаться с прочими, по такой же причине отделившимися от тел своих! Но как, по мнению некоторых, не бывает худа без добра, так, как и по учению нашего мудреца, добро и зло владычествуют и от недействия их произошло бы бесплодие в делах их, потому

из сей прерывности могла бы произойти некоторая полезность для частных людей. Ибо в таком положении тел можно было бы снабжать друг друга потребною частию тела, например: имеющему глупую голову можно было бы занять на нужный случай умную; имеющему неискусные руки, тяжелые ноги также удобно было бы приятельское вспоможение. В виде такого изображения можно согласиться с мечтающим проповедником, что истины его были бы не бесполезны роду человеческому.

Сии премудрые причины к исключению из естества прямой linee суть ясные доказательства, что она не существует в оном; и потому если мы видим какое-либо протяжение прямое, то надобно мыслить, что оно не прямое, а кривое, потому что в нем есть неравность, зрению неощутительная. Например: если мы видим гладкий и чистый мрамор, представляющий горизонтальную или вертикальную линию, то не надлежит думать, что оный нам представляет прямую линию, но кривую, поелику все в нем составное и прерывное. Однако главнейшая причина к уничтожению прямой linee в натуре состоит в том, что «прямая линия есть эмблема бесконечности и непрерывности произведений той точки, из которой она исходит».

Но перейдем от сего вздора, на котором мы больше остановились, нежели было надобно, к числу превыспренного метафизика четырем и девяти; первое принадлежит не только к умственной прямой линии, но еще к движению и востоку; а число девять не к одной круговой линии, но и к протяжению; сложение же сих чисел — тринадцать — значит число натуры, ибо он говорит: «Восток, который числом своим четыре может один обнять все пространство, понеже, соединясь с числом девять, или с числом протяжения, то-есть соединя действующее со страдательным, составляет он число тринадцать, которое есть число натуры». Четыре значит первую причину, а девять — вещество, соединение четырех с девятью разумеется, что она причина послала управлять веществом и бестелесными существами, в оном обитаемыми, вторую действующую причину; и как четыре и девять составляют число 13, то выходит из того натура, то-есть все его причины, бестелесные существа и вещество.

Но сего еще не довольно: он число четыре прилагает солнцу, а девять — луне; однако по обыкновению своему, когда слишком запутается в своих бреднях, тогда имеет прибежище к скромности, невозможности изъясняться, к обязательству и проч. Таким образом, и тут говорит: «Для чего не могу я распространиться более о сем девятерном числе, которое приписываю луне и, следственно, и земле, коея она есть спутница? Чрез числа сея земли показал бы я, какое дело ее и звание во вселенной; а сие могло бы нам открыть знаки истинного образа, ею носимого, и еще более объяснить нынешнюю систему, по которой она не есть неподвижна, а обтекает весьма великий круг». Что принадлежит до дела и звания земли, мы оставляем его произносить жалобные восклицания, для чего он не может распространиться о девятерном числе, хотя он после и довольно обширно распространяется; но касательно до образа и движения земли, то совсем другие физики и астрономы, нежели проповедник мнимой временной причины, истолковали как образ, так и движения ее, не таинственными выражениями и не девятерным числом, но доказательствами, утвержденными долговременными примечаниями и вернейшими исчислениями. После Коперника, Галлилея, Ньютона, Мопертюя, Бюфона мы не советуем ему рассуждать ни об образе, ни о движении земли, разве по обыкновению своему невнятными и невразумительными изречениями, словом, разве таким же вздором, каково есть следующее его рассуждение:

«Ибо астрономы, может быть, излишно торопливы были в своих рассуждениях; прежде, нежели положиться на свои наблюдения, надлежало бы им исследовать, которое из телесных существ долженствует действовать более: то ли, от которого противительное действие исходит, или то, которое приемлет оное; не быстрейшая стихия огонь и кровь ли не скородвижнее ли тех тел, в которых она протекает? надлежало бы им подумать, что земля, хотя и не занимает центра круговых путей звезд, однако может служить им приятелищем и потому должна принимать и ожидать от них влияний, не будучи, однако, принуждена прибавлять второе телесное действие к действию растительному, свойственному ей, которого сии звезды лишены».

Быстрейшая стихия огонь, скородвижная и вдруг явившаяся в астрономических предложениях кровь! Земля служит приятелищем звездам! Все сие безобразное и здравый рассудок оскорбляющее пустословие, признаться должно, мы думаем, что не может произойти, как от человека, бредящего от повреждения разума своего, или от совершенно паглого шарлатана, повинующегося тщеславию, им управляющему, чтоб только пустозвучным вздором ослепить читателей своих. И прилично ли такому толкователю круговых путей звезд и приятелища земного охудать астрономические наблюдения, учиненные со всевозможною точностию, и порицать астрономов, что они на оных полагаются; он, конечно, мыслит, что им надлежит полагаться на его четверном и девятерном числе.

«Наконец, самые простые опыты над конусом показали бы им истинный образ земли, и мы могли бы им открыть в самом предопределении ее, в чине, какой она занимает между сотворенными существами, и в свойствах перпендикулярной или прямой линии непреодолимые затруднения, которых системы их решить не могут».

Наш скромный учитель требует, чтобы всем его самохвальствам верили по его одному слову. Но если некогда беспредельную доверенность славный философ Пифагор имел от учеников своих, веровавших всем мнениям его и которые в рассуждениях своих иного доказательства не предлагали, как сказав: учитель так поведал, тогда физические познания не были освещены испытаниями великих мужей, как в нынешние времена, и Пифагор не был пророк мнимой действующей причины, но имел превосходный и здравый рассудок. Он изобрел не в мысленной математике, но в деятельной и чувственной доказательства четвероугольника и гипотенузы. Притом должно ли ему сказать, что лучшие астрономы не на системах утверждаются, но вернейшими с помощью инструментов примечаниями и вычислениями определяют шествия планет и движение в точности небесных тел.

Тут паки повторяет он сожаление свое, что всего того, чтобы он мог, сказать не может. «Для чего не могу показать отношений, находящихся между сею землею и телом человека, который составлен из той же сущности, понеже из

нее произошел? Если бы расположение моей книги позволяло, вывел бы я из неоспоримого их сходства свидетельство единообразности законов их и размеров, из чего легко можно бы усмотреть, что обоим та же цель предлежит». Расположение всякой книги долженствует быть такое, чтобы оно было внятно и вразумительно; потому никакое расположение книги не может препятствовать к ясности и вразумению в ней содержащегося; наблюдать иное правило в сочинении было бы тщетно и бесполезно.

К сему он еще прибавляет: «Открылось бы также и то, что сия земля должна быть для него почтенна, как мать его; и поелику после причины разумной и после человека она есть мощнейшее существо временной природы, то сама она есть и доказательство, что нет иных телесных миров, кроме сего видимого». Вот что называется сильным образом рассуждать! Однако он еще подкрепляет толь неоспоримое доказательство о небытии других миров не меньше убедительным рассуждением: «Понеже человек захотел все разлучить, все отсечь, то и полагает он множество иных миров, у которых звезды суть их солнца и которые между собою не более имеют сношения, как и с миром, обитаемым нами, как будто таковое отделенное существование можно согласить с тою идеею, какую мы имеем о единице, и будто человек, яко существо умное, ежели мнимые сии миры существуют, не имел бы о них сведения». Мы не будем оспаривать нашему пророку, яко существу бредящему, сведение о несуществовании других миров, ибо, имея столь тесное знакомство с бестелесными существами, может быть он с некоторыми из них, делая путешествие по бесконечному и неизмеримому пространству, в котором неисчетное множество небесных тел обращается, осведомился, что нет других миров; и мы не осмелимся нашими мирскими умствованиями отрицать такое благоразумное его утверждение.

Вот еще бесстыднейшее самохвальство, какое только может не писатель, но отважнейший шарлатан употребить сам о себе. «Что ж бы было, — говорит он после недавно вышеупомянутых вздоров, — когда бы я осмелился говорить о начале, которое одушевляет ее (землю)?..» Чрез сие «что ж бы было», он хочет сказать, что он-то

есть превосходнейший в свете всех мудрец и учитель и что он-то подлинно просветил бы всех и открыл бы великие истины, если бы осмелился говорить. Но мы скажем на это: «что же бы было», чтобы были такие же бредни, какими он щедро книгу свою обогатил, наскучив тем читателям, которые почитают за совершенную и безрассудную пустоту все его мнения и целепое учение.

Потом он после скромного своего вопрошения «что же бы было» говорит: «Но может быть я и так излишнее сказал, и ежели поступлю далее, страшусь нарушить права, не принадлежащие мне...» Мы ему советуем, чтоб он страшился только надменных и безрассудных своих самохвалств, а не того, чтобы он мог в самом деле представить что полезное человекам.

Наконец, он, несмотря на страшливость и упорность свою открыть тайну о четверном и девятёрном числе и почему сие последнее значит вещество, поднимает часть покрова, коего в поднятии он столько колебался, и изъясняет, что окружность представляется нулем, а центр может быть принят за единицу, которая, будучи совокуплена с нулем, составляет десять (10); когда ж отычется от десятка единица, тогда останется в числе 9, а в фигуре нуль, или круговая линия. «Теперь видишь, — говорит он, с тщеславным удовольствием и с особливым себя одобрением, как бы он подлинно полезное таинство для человечества открыл, — видишь, не сходны ли друг с другом число девять и окружность, и не справедливо ли приписано мною число девять всякому протяжению?» Он мыслит, что сим каббалистическим враньем неоспоримое сделал доказательство, что вещество соединено с числом девятью, а сие число — с веществом. Но какое излияние над благополучием человеческим подобие нуля с круговою линеею имеет? И не весьма ли сожалетельно видеть, что многие читатели принимают такой пышный вздор с важностию?

Он изъясняет превосходство числа четверного, которое, будучи сопряжено с прямою линеею, по его уверению, есть источник и орган всего «телесного и чувственного», то-есть означает первую причину, а не по таинственному изречению всевышнего создателя. Истолкование его о сем

числе есть обширнее, нежели о девятерном; но мы по-тщимся предложить оное сократительнее в том же смысле, в каком представляет новый каббалист оное.

Естественный круг растет вдруг во все стороны, и центр его мечет из себя бессчетное и неисточимое множество лучей; каждый луч почитается прямою линейю; то по ссй прямизне и по способности его продолжаться до бесконечности он есть истинный образ начала родителя, который непрестанно производит из себя и никогда не отступает от своего закона. И как круг есть собрание треугольников, и действие начала родителя, то-есть центра, которого «луч есть образ», открывается чрез тройственное произведение, то, прибавя только единичное число центра к тройственному числу произведения его, и будет четверное число, приписуемое прямой линейе. «...что поелику все вещи чувственные, — прибавляет он, — происходят от него», от четверного числа, «то и должны иметь ощутительный знак четверного своего происхождения; но как сие четверное число есть единственное начало, родитель чувственных вещей, яко единственное число, которому производительное качество существенно принадлежит, то неотменно надобно быть и одной фигуре в чувственных вещах, которая бы его назпаменовала, а сия фигура, как сказано, есть квадрат».

Не можно довольно надивиться, в какое сумасбродное заблуждение развращенное воображение вовлечь его могло, ибо можно ли, не отступя совершенно от всякого рассудка, называть все сотворшего квадратом и приписывать ему какую-либо нам известную фигуру.

Потом он, объясняя о радикасе умственного своего квадрата, говорит: «Но я могу засвидетельствовать всем людам, да и они могут то узнать, как и я, что одно только есть число, которое вчетверо больше своего радикаса. Удержусь я, сколько могу, показать им его положительно как для того, что легко его найти, так и для того, что есть такие истины, которые с сожалением я предлагаю». Не об истинах предлагаемых жалеть надобно, ибо полезные истины довольно скоро ни предложены, ни разглашены быть не могут; но о таком безумном и неистовом учении, кое составляет божество из чисел и из фигур геометриче-

ских, сожалеть надлежит. Не те ли еще истины он с сожалением предлагает, что сей божественный квадрат объемлет восток, запад, север, юг, что одна из сих стран управляет, другая принимает, а две противодействуют. «Страшные перемены, — прибавляет он, — которых следы повсеместно видны на земле, принадлежат необходимо действию двух действующих стран противных, то-есть той, в которой владычествует огонь, и той, где владычествует вода...» Сколько географы должны быть ему обязаны за такое важное открытие, ибо они думали по сие время, что вода окружает все страны, а не в одной пребывает. «Тогда не стал бы (человек) видимых им ежедневно следствий приписывать одной стихии, кажущейся быть причиною оных, потому что узнал бы он, что сии переобращения суть следствия непрестанного сражания сих двух врагов, в котором иногда тот, иногда другой преодолевает, но в котором также не бывает победитель без того, чтоб то место земли, где было сражение, не потерпело соразмерно с ним и не получило повреждения и перемен».

Но он тут позабыл про свою действующую временную причину, без которой в веществе ничто не совершается. Каким образом два друг другу врага, огонь и вода, находящиеся в двух разных сторонах, творят сражением своим страшные перемены по всей земле без ведома и без позволения сей причины, которая так незначительно управляет, что два врага, несмотря на власть и начальство ее, производят на земле вред и перемену?

Однако он, скоро вспомнив мнимую правительницу, которую он было в нулях при таких важных происшествиях оставил, говорит: «Но еще менее удивительными покажутся все сии явления, когда припомним, что сии две противоположные стихии, сии две силы, или сей двойственный знак всеобщий в веществе, всегда находятся в зависимости причины действующей, разумной, которая есть их центр и союз и которая может по изволению приводить в действие ту или другую силу и даже предать их действию низкому и злему».

Когда огонь и вода находятся в зависимости сея причины, следственно, они не по вражде производят страшные преобразования, но по повелению ее, которой они токмо

еуть орудия. С другой стороны, как же согласить, что причина, поставленная для порядка и устройства, нарушает до того сие устройство, что допускает двух врагов разорять глобус земной и предает несчастное порученное в надзирание ее вещество действию злого начала.

По мнению его, мир начался осенью и кончится летом. Но когда мир начался, тогда еще не было ни осени, ни зимы, ни весны, ни лета. Как можно думать, что была осень, когда лето еще не существовало? Доказательство, которое он сему делает, столько же правильно и премудро, как и все другие нами уже исследованные. «В самом деле, — говорит он, — когда существа лишаются теплоты солнца, когда сие светило удаляется от них, тогда сближаются они взаимно и сходятся, дабы заменить его отсутствие взаимным сообщением собственной теплоты...»

Неправда, чтобы существа сближались тогда, когда они лишаются теплоты солнца; неправда, чтобы сие светило удалением от земных существ лишало их теплоты своей. Удивительно, что такой великий мудрец, удостоенный откровением причины действующей и разумной, не знает, что зима бывает не от удаления от земли солнца, но от приближения, ибо в сем положении солнца с землею кратковременное его пребывание на горизонте и пологость лучей не могут сообщать столько теплоты, сколько тогда, когда оно бывает далее от земли и когда прямое ударение лучей его и более времени пребывания на горизонте, нежели зимою, сниспосылают на землю благотворительную теплоту, возобновляющую и производящую существа, и тот жар, который иногда слишком ощутителен бывает. Притом всем известно, что существа не тогда сходятся, когда солнце лишает их своей теплоты, но тогда, когда теплота оного становится чувствительнее, понеже обитатели воздушные начинают любовные свои союзы весною, насекомые — осенью, однако не тогда, когда они уже солнечной теплоты лишились; многие животные ищут сближения своего летом; да и сам человек к удовлетворению естественного побуждения не ожидает отсутствия теплоты солнца.

Из сего рассуждения его, что существа сближаются, когда удаляется от них солнце, он заключает, что мир

получит летом довершение своего всеобщего течения; потом прибавляет: «Я не забыл, что видимое нами солнце рождено, как и все тела и со всеми телами вместе; но я знаю также, что есть и другое солнце весьма физическое, которого сие токмо есть начертание и под надзиранием которого все дела рождения и создания природы производились, подобно как дневное и годовое обращение существ частных производится в надзирании и по законам нашего солнца телесного и чувственного». Тут причина временная, которая всем управляет и без которой ничто не сотворяется, паки от должности своей отрешается, и заступает место ее видимое и телесное солнце, по законам которого существа производятся; а под невидимым физическим солнцем, коего наше есть начертание, он разумеет тот центр, который мещет из себя лучи неисточимые.

О сем солнце учитель нашего мнимого пророка, прославившийся призраками и мысленными своими странствованиями в небесах и в аде, но почитаемыми им существенными, в одном сочинении своем так говорит: «Что солнце есть в свете бестелесном, в том я уверить могу, понеже я его видел. Оно кажется быть подобным такому же огненному шару, как наше солнце, и почти такой же величины; оно удалено от ангелов так, как наше удалено от человек; оно не восходит и не заходит, как наше, но пребывает неподвижно между зенитом и горизонтом, почему ангелы и наслаждаются вечным светом и непрерывною весною».

Он, по обыкновению свосму, для извинения себя в частых своих противоречиях и в безобразности своих предложений не оставил прибавить: «Итак, радея моим читателям, увещаваю их быть осмотрительными и не судить меня, не поняв прежде моих мыслей; и ежели хотят они разуметь меня, то надобно иногда взор свой простирать далее того, нежели что я говорю, ибо и по долгу и из осторожности я оставляю многое неизъясненным». Но мы увещаем мнимого обладателя откровенной премудрости по долгу человеколюбия, чтоб он простирал взор свой к здоровому рассудку и прекратил бы свои бредни как изъясняемые, так и неизъясняемые.

Весьма нужна была ему осмотрительность, чтобы не делать всевышнее существо квадратом и потом не определять

ему только одной части из оно́го, ибо он говорит: «Первый бок квадрата, яко база, основание, или корень прочих трех, есть изображение существа первого, единого, всеобщего, которое явило себя во времени и во всех произведениях чувственных, но которое, будучи самого себя причина и источник всякого начала, имеет свое жилище особо от чувственного и от времени...»

По долгу почтения всякой твари к сему существу, источнику всех начал, он должен был удержаться называть оное боком квадрата и отсылать его в особое жилище. Если бы он сам наблюдал осмотрительность, предписываемую им читателям, то бы он, так неистово и дерзновенно о всевышнем существе не рассуждал. «Второй бок (квадрата) принадлежит сей причине действующей и разумной...»

Третий бок есть тот, который означает все содействия, какие бы они ни были, то-есть как телесные и чувственные, так и невещественные и которые вне времени...

Чрез четвертый бок, — говорит он, — должно разуме́ть разные начала, действующие во временном отделении, то-есть как те, которые обладают разумными способностями, так и те, которые чувственные токмо и телесные способности имеют...»

Такая богословия весьма приличествует той физике, в которой преподается, что начало миру ссму было осенью, а разрушение и конец его впоследствии летом. Она совершенно согласуется со всеми нелепостями сего мечтателя, но не приличествует величеству всемогущего создателя! И безумная мысль, что он есть бок одного квадрата, противна есть почитанию, которое все творение воздавать ему долженствует.

«Итак, рассматривая прилежно четвертый бок сего квадрата, человек научится воистину знать цену его и преимущество. Тут увидит он ясно заблуждения...» Тут воистину увидит каждый благоразумный читатель, до какой степени юродства развращенное воображение достигнуть может.

«Но известно, — присовокупляет он, — что человек не может уже ныне взирать на сей квадрат с той стороны, с какой мог прежде, и что из четырех разных отделений,

содержащихся в нем, занимает ныне самое незнатное и мрачное, когда, напротив, в первобытности своей занимал первое и светлейшее». Как мог человек занимать в сем квадрате место первое и светлейшее, когда в оном же квадрате, по определению премудрого богослова, занимает первый бок «первое существо, источник всех начал»? Хотя сей химерический квадрат не может никому быть понятен, однако противоречие, определяющее человеку первое и светлейшее место там, где первое существо присутствует, ясно и внятно. Вот и другое противоречие, которое еще яснее!

«Нет у него (у человека) более сего преимущества драгоценного, которым он наслаждался во всем его пространстве, когда, имея место свое между квадратом временным и между тем, который вне времени, мог читать вдруг и в том и в другом...» Если человек занимал место между квадратом временным и между тем, который вне времени, и когда он, находясь между обоими квадратами, мог читать вдруг и в том и в другом, каким же образом он мог занимать в божественном или вневременном квадрате первое и светлейшее место? Ибо всякому, не лишенному рассудка, известно, что неразделимое, или вещь, не могущая претерпеть разделения без повреждения, не может быть в одно время в двух местах отделенных.

«Итак, весьма то истинно, что невозможно ныне человеку без вспоможения достигнуть к познаниям, содержащимся в квадрате, о котором говорим, понеже он не является ему в том виде, который один может сделать ему его вразумительным». Итак, совершенно истинно то, что невозможно никакому человеку, кроме сего каббалистико-метафизического проповедника, так безумствовать, как он. Хотя он и хочет сими словами показать, что без помощи сея причины действующей, которую он проповедует, не можно понять сего мнимого квадрата и что он самый тот, который имел сие вспоможение и достиг до познания оного, однако мало найдется читателей, которые бы такому наглому уверению, тщеславию и безмерным самолюбием произнесенному, поверили; и мы можем утвердить, не удаляясь от сущей справедливости, что все его огромные и пустомыслие означающие изречения, которыми он

хочет подобных себе научить мечтаниям своим, кроме гордости, самохвальства, поколебания рассудка и шарлатанства, ничего не означают.

Конечно, также вторая причина открыла ему, что первая причина подвержена принадлежностям своим, ибо он о сем так рассуждает: «Не покажется никак мечтательным то, что я здесь утверждаю, когда рассудить, что и в самом своем лишении человек имеет еще способности желания и воли; а имея способности, надобно иметь и принадлежности для объявления оных, понеже и сама первая причина подвержена тому, как и все, что к сущности ее принадлежит, что не может ничего являть без помощи своих принадлежностей». После заключения первой причины в квадрат и определения ее к одному боку нет уже никакой нелепой мысли, которая бы казалась безобразностию; однако мы почитаем за нужное заметить, что слово подвержение не может относиться к творцу и содержанию всего, ибо оно значит принуждение и отнятие свободы следовать воле своей. В древнее время у язычников Юпитер был подвержен судьбе и не мог преступить, что сею было определено; но всемогущество божие, кое есть начало и источник всякого творения и всякой принадлежности, не может быть подвержено никаким принадлежностям, над которыми власть и владычество его возносится.

Нам осталось еще сделать некоторые замечания на последнее отделение его книги, содержащее в себе рассуждения о единстве языка и о вольных художествах; но и по сим предлогам оные тем же клеймом рассудка, управляемого воображением, мечтаниями поврежденного, означаются. Хотя в сем отделении представляется не менее предложений, требующих странности своею быть примечены, но мы, опасаясь тех же повторений, коими наш кабалист расширил свое сочинение, представим в краткости исследование наше о парадоксах его, или несобытных предложениях.

Он полагает в человеке быть двум языкам: один — внутренний, а другой — наружный, и потому просит исследовать «свойства внутреннего и скрытого языка и увидеть, есть ли он что иное, как не глас и изображение начала, вне его сущего, которое начертывает в них мысль свою и кото-

рое делает сущным то, что в нем происходит». Если бы сие мнимое начало начертывало мысль свою во всех человеках, то бы все они имели мысли одинакие и не находилось бы во мнениях никакой разницы между всеми людьми, населяющими шар земной; и потому все живущие как среди Европы, так и камчадалы, японцы, готентоты и гюроны имели бы мысль одинакую, начертанную одним началом.

«По силе принятого нами понятия о сем начале мы можем знать, что поелику все люди должны быть им управляемы, то во всех их надобно быть и единообразному направлению, одинакой цели и одинакому закону, невзирая на необъятное многообразие добрых мыслей, какие могут быть им чрез сие средство сообщаемы». После того, что начало начертывает в людях мысль свою и направляет их к единой цели, изречение «сообщает им» разные мысли есть предложение, противоречие показующее, ибо не может быть в людях единообразное направление, когда им сообщены разные мысли, которые должны направлять по разным, свойственным сим мыслям устремлениям.

Он паки повторяет, что если бы позволено ему было, то бы он показал, что «от зачала мира был язык, который никогда не терялся и который не погибнет и после кончины мира...» После уверения его, что мир окончится летом, напрасно он мыслит, чтоб ему не позволено было безумствовать о языке, который и после сей летней кончины мира не погибнет. Но о таком негиблющем языке, который и тогда, когда мир и люди исчезнут, хотя он для людей и был сделан, существовать не престанет, надлежало было сказать, что он не от зачатия, но прежде еще зачатия мира был, когда он и после кончины оного не погибнет. Вот еще сильнейший довод о существе сего языка! Он уверяет, что «разлученные веками и самые современники, хотя и в дальнем расстоянии друг от друга, понимали один другого посредством сего всеобщего и негиблющего языка». Сим вернейшим доказательством он не только неоспоримо утвердил бытие сего языка, но еще и удостоверил, что он сам тот, который может разговаривать с усопшими и с теми, которые от него отдалены на несколько тысяч верст.

По сей премудрой способности разговаривать с умершими или с духами их и с отсутствующими не можно

сомневаться, чтоб господин пророк Мартин всю глубокую свою науку не почерпнул из писаний собеседника ангелов и сказывавшегося посланником Божиим Шведенбурга, который вправду безо всякого покрова и без всякой аллегории уверяет, что он видал ангелов, с ними говаривал, знает их жилище, их обхождение, и который писал к одному ученому, называемому Гартлеем, что он, кроме Штокгольмской академии, не хотел ни к какой другой быть причислен, для того что он есть член сообщества ангельского. Сей мечтовидец в том же письме так изъясняется: «Какие бы почести и какие бы выгоды не долженствовали произойти из того, о чем я вам выше упоминал, но я мало оные уважаю, когда их сравниваю с славою священной должности, к которой сам бог меня воззвал: ему угодно было в 1473 году явить себя лично мне, недостойному рабу своему, дабы отверзнуть во мне зрение света бестелесного и одарить меня способностью иметь сообщение с духами и ангелами». А еще в другом письме к ландграфу Дармштатскому он уведомляет его, что он разговаривал с одною умершею дамою, а шесть месяцев прежде письма его к ландграфу — с покойным Станиславом, королем польским, потом с последним умершим папою римским, который будто после смерти своей, пробыв с ним целый день, оставил его, дабы присутствовать на собрании иезуитов, в коем он председательствовал два месяца. «Я видел, — прибавляет он, — как он вознесся от них, и тогда мне позволено было беседовать с ним в разные времена, но не позволено было ничего сказывать об образе его жизни и о его состоянии».

Нельзя в учении такого, всевышнюю благодатию вдохновенного, наставника не приобрести дарование разговаривать с мертвыми и с отсутствующими!

Он исчисляет все преимущества сего языка; между прочими полезными отменностями оного сказывает, что он может показать силу севера, девственную землю и что полководцы средством сим имели успехи в сражениях. И потом прибавляет: «Но кроме того, что нельзя мне здесь быть откровенну, не наруша моего обещания и моих обязанностей, бесполезно говорить о сем яснее, ибо слова мои потеряны будут для тех, которые не обратили взора своего на сию сторону, а таковых несчетное почти есть

число». Когда он при всяком умножении сумасбродства всеми силами старается уверять, что ему все таинства божественные и естественные известны, и не устает по скромности своей в познании оных показывать самохвальство, то и мы не должны уставать в испровержении столь редкого тщеславия и изо всех сил возглашать, что, кроме легковерных, никто ему в мнимых его таинствах не верит.

Он уведомляет, что он с такою же осторожностью говорить должен, что сей истинный язык обнаруживается слухом и зрением; следственно, разность между внутренним и наружным языком, утвержденная им прежде, исчезла, и теперь уже паки она смешалась вкупе. Здесь надобно заметить увертку его: когда он почувствует, что он сказал нелепость, в которой надобно ему извиниться, тогда он делает другие предложения, затмевающие первые, и под видом таинственного смысла присвоил себе право предлагать читателям всякое сумасбродство, какое у него в воображении сотворяется. Ибо мы немного выше видели, что он утвердительно и безо всякого покрова уверял, что «разлученные веками и самые современники, хотя и в дальнем расстоянии друг от друга, понимали один другого посредством сего всеобщего и негиблющего языка», то-есть посредством того языка, который и после кончины мира существовать будет; но теперь он так изъясняется:

«Как бы мог он (человек) разуметь людей, которые или прежде его, или в отдалении жили, если не помощью писания? Однако надобно согласиться и в том, что сии люди, прежде бывшие или отдаленные могут иметь переводчиков, или толкователей, которые, равно с ними обучены будучи истинным правилам языка, о котором говорим, употребляют его в разговорах и таким образом сближают времена и отдаленные места». Все употребляемые языки, как древние, так и нынешние, имели и имеют действие сообщать человеческие мысли одних другим, отделенных расстоянием времени и места. Ибо в нынешнем веке читают Гомера и Виргилия; средством писания живущие в Лиссабоне и Петербурге, в Лондоне и в Мадрасе, в Париже и в Пондишери между собою разговаривать могут; следственно, сей истинный язык не имел бы никакого преимущества, если бы он нам его в сем смысле предста-

влял. Но сие простое изображение одного есть только покров, дабы легковерных уверить, что он точно знает тот язык, которым можно с умершими и с отдаленными разговаривать, а пред здравомыслящими оправдаться тем, что прежнее его предложение разумелось о языке употребляемом. Как можно иметь доверенность к писателю, который не только что мечтательные рассуждения, но еще и двоякие, могущие быть уклонны на ту сторону, на которую нужда потребует, с пышностию называет истинными.

По преданности своей к тройственному числу находит он во всех языках только «три коренные части речи: имя, или местоимение действительное; глагол; имя, или местоимение страдательное...» Грамматисты в сем оспоривать его не будут; но не с таким снисхождением дозволят они ему подобие меркурия с глаголом, ибо он говорит, что «глагол в наших способностях умных есть образ действия, а в началах телесных образ меркурия». Тут целомудренный наш учитель представляет нам еще новый пример похвальной скромности своей, изъясняясь таким образом:

«Теперь обрати мысль свою на сказанное мною о весе, числе и мере: рассмотри, не объемлют ли сии законы во владычестве своем человека со всем, что в нем и от него происходит; вспомни еще и то, что я сказал о славном тройном числе, которое объявил я всеобщим; исследуй, есть ли вещь, которой бы оно не обымало; и тогда научись иметь благороднейшую идею, нежели какую доньше имеют о том существе, которое, невзирая на свое униженное состояние, может толь высоко возводить взор свой, которое может такие познания привлекать к себе и понимать вдруг толь великое целое». То-есть что он заставляет людей почитать его благороднейшим существом для того, что он возвел взор свой на квадрат, на действующую причину, и для того, что он имеет сообщение с бестелесным существом; а тем и хочет сказать, что род человеческий ему много обязан и должен на него с почтением возводить взор свой, так как он повелевал прежде сие чинить за то, что он приобрел над ним право рабства, а теперь за то, что он возвождением своего взора в превыспренние и высокомечтательные пределы приобрел право человекам иметь о себе благороднейшую идею.

Главное доказательство, что меркурий подобен глаголу, он так предлагает: «...Наконец пусть рассмотрят примечатели, не чрез сей ли знак, называемый глаголом, являемо бывает в нас все, что ни есть умственнейшее и действительнейшее; не он ли один способен подкрепить или ослабить выражение...» Хотя сия неправильность грамматическая всеобщю свою известностию и не требует возражения, однако, дабы не подумали, что мы попускаем его делать нападение на безвинную пред ним грамматику и отнимать владычество у ней над теми частями речи, коими она издревле управлять обykle, мы объявим сему новому учителю языка, посредством коего он может с отдаленными и с мертвыми говорить, что глагол не имеет способности подкрепить или ослабить выражение: к сему делу принадлежат вспомогательные части слова, ибо если кто, желая изъяснить силу или слабость какого действия, самим им или кем другим производимого, произнес бы токмо один глагол, например: брежу, заврался, тот бы означил только простое деяние без подкрепления и без ослабления оногo; но если изъясняющий спи глаголы, изображающие просто деяния, прибавит к ним слова: очень, много, мало и проч., тогда чрез оные объяснится подкрепление или ослабление глагола. Потому и нельзя приписать глаголу то свойство, коего он не имеет и которое принадлежит только прилагательным именам; ибо из положительного делаются степени рассудительные и превосходные, например: славен, славнее; мудрый, мудрее.

«Итак, да уверятся грамматисты, — продолжает с обыкновенным своим благоразумием, — что поелику законы науки их придержатся начала, как и все прочие, то могут в оных открыть неисчерпаемый источник познаний и истин, о которых едва ли имеют малейшую идею».

К приобретению сих истин он преподает следующий способ: «Надлежит паче всего примечать, что прилагательное не может само собою присоединиться к существительному, равно как существительное одно бессильно произвести прилагательное; и то и другое ожидает высшего действия, которое бы свело их вместе и связало по изволению своему...» Итак, если кто захочет сказать или написать существительное с прилагательным, тому надлежит

ожидать высшего действия, которое бы их вместе связало по соизволению своему! И после сего можно ли искать паки смысла в таком учении, в котором первым правилом поставляется никогда не быть согласным с здравым рассудком?

Он отвечает читателям, «которые полюбобытствуют знать, как называется и какого рода есть сей язык», что «в рассуждении имени» он не может «удовольствоваться им, потому что» он «обещался не именовать ничего; но что касается до роду его», то он признается, «что это есть тот язык, который есть цель желаний всех народов земли, который тайно руководствует людям во всех их установлениях, в котором каждый из них особливо и тщательно управляется, не зная того сам, и который стараются они изобразить во всех своих делах, ибо он столь глубоко в них начертан, что не могут произвести никакого дела, на котором бы не было знаков его». И потом так глубоко забредил, что мы принуждены его оставить наполнять несколько страниц предложениями бессмысленными, один звук только изречений представляющими, и обратиться к обещанию его ничего не именовать, относительно к коему мы заметим, что неудобно именовать вещи постыдные и те, которые могут оскорбить в обществе нравственное согласие; но обещание не именовать вещи, могущие просветить человека, для коих писание предпринимается, есть дело против благоразумия и искренности, которая во всех писателях, трудящихся для всеобщей пользы, должна быть первым достоинством и ими предводительствовать.

Наконец, он восклицает: «Но умолкну, о святая истина! я буду похититель твоих прав, ежели и темным образом возведу тайны твои...» Признаться должно, что мы внутренне давно желали, чтоб он сие благое намерение принял, ибо все его мрачные рассуждения, ежеминутно рассудку и понятию человеческому противоборствующие, отнимают бодрость и охоту не только к исследованию, но и к единственному прочтению оных. Относительно же до поверенности в откровении ему таинства от истины, то сие предложение имеет на себе такой же знак правильности, как и все его рассуждения. Ибо если святая истина удостоила его сообщением ему таинств своих с тем, чтоб

он о них не объявлял, то все пустословное его сочинение было бы в противность столь величайшему ее к нему снисхождению; если же она выбрала его быть поверенным своим с тем, чтоб он просветил род человеческий, то он поступает вопреки ее намерению, когда темным образом и неявственно возвещает таинства ее; следственно, в таком его восклицании смысла никакого не находится. Сверх сего, мы еще повторим: если таинства благо человеческое содержат, то ненадобно возвещать их темным образом, но со всевозможною ясностию; если же они противные свойства имеют, в таком случае не надлежит их возвещать ни темным, ни ясным образом.

«Итак, имея всегда, — прибавляет он, — руководителем моим благоразумием, скажу далее...» Весьма странно видеть превозносящегося благоразумием того, который от него столько удалился, что уже больше не ступает, как по стезям безумия!

Но, к большому нашему сожалению, он, однакоже, не сохранил похвального своего обещания умолкнуть, но принуждает нас еще следовать за собою в разногласном с разумом проповедывании своем и, возвещая темным образом тайны о неисчетной различности писмен, уверяет, что «люди не могут ничего изобретать». Надобно ли ему напомнить, что полезные изобретения в науках и в художествах, например: земледелие, мореплавание, магнитная стрела, тиснение книг, увеличивающие и уменьшающие стекла, делание самого стекла, фарфор, часы и многие вещи, служащие к ежедневному употреблению в жизни человеческой, открыты людьми. Боиль, Бюфон, Гартсекер, Спалацциний обогатили физику своими изобретениями; Сенторий, Гарвей, Мальпигий, Левенгек — физиологию; Невтон, Картезий, Лейбниц сделали множество изобретений в математике, в физике и астрономии. Они ради пользы человеческого рода не покрывались мнимых таинств покровами, и благоразумие их не позволяло им предлагать читателям безобразные рассуждения, которые бы токмо отягощали тщетным и бесплодным прилежанием к понятию оных и отнимали бы у них время, могущее быть употреблено с успехом на другие предлоги, пользу существенную, а не мнимую доставляющие.

В доказательство, что люди ничего не изобретают, он, под руководством своего благоразумия рассуждая о живописи, так говорит:

«Однако чрез самую сию грубую живопись можем удостовериться совершенно в сей неоспоримой истине, объявленной выше сего, то-есть что люди не изобретают ничего...» Надлежит заметить, что он все свои бредни называет истинами. «...Не с телесных ли существ они сочиняют свои картины? Да и могут ли с чего иного брать оные? Потому, что живопись есть наука для глаз, то и не может она заниматься, как токмо чувственным, и находится, как токмо в чувственном же». Однако недавно упоминаемые нами изобретения не в живописи были учинены, но по другим предметам, несравненно важнейшим; а потому и несправедливо, чтоб люди ничего не изобретали. Не изыскивая, можно ли найти в живописи представления, не существующие в натуре? Мы заметим, что химеры с полезными изобретениями имеют разницу бесконечную.

«Скажет кто, — прибавляет он, — что живописец не только может обойтись без чувственных вещей, но еще, возвысясь над ними, может брать себе образцы в воображении своем. Сие возражение легко опровергнуть, ибо дадим всю волю воображению, позволим ему заблуждать, как хочет; спрашиваю, может ли оно родить что-нибудь, которое бы не в натуре было, и можно ли когда сказать, чтоб воображение сотворило что-нибудь?..» Сим вопрошением он разрушает возражение своё, которое он сам себе представил, ибо вся книга его свидетельствует, что все то, что воображение его возродило в оной, того, конечно, в натуре нет и быть не может, понеже слово натура, взятое, как известно из латинского языка, значит вещество вообще и бытие всех возможных существ телесных, их движение, сношение и действие одного над другим. И потому двойственные его законы, отражательное действие, бестелесные начала, причина действующая, квадрат, имеющий божественные действия, и прочие все нелепости не могут быть что другое, как химеры развращенного его воображения, не существующие в натуре.

Да избавит нас обязанность наша от прегрешения, содеваемого нами обращением мысли нашей на толь

неистовые и противные премудрости божией положения! Предприятие наше испровергнуть, поелику есть в возможности нашей, дерзкое и безумное учение творит нашу обязанность совсем другого рода, нежели его обязанность, ибо гордость и тщеславие быть главою секты принудило его вступить в свою для вымышления химер, коими он владычествовать над последователями своими готовится; а наша состоит в том, чтоб разрушить оные и прогнать их паки в мечтательные пределы, откуда блудящее воображение лживого пророка их исторгло.

Мы с сожалением должны сделать еще одно замечание на уподобление им существа все сотворшего, о коем всякой благоразумной твари не только говорить, но и мыслить подобает с почтением благоговением, — на уподобление, говорим мы, сего существа музыкальному согласию, называемому совершенному. Он предварительно так изъясняется: «Предлежит нам еще исследовать одно из произведений сего истинного языка, которого понятие стараюсь возвратить людям...» Сими словами он по обыкновенной и видно сродной ему скромности хочет сказать: «Взирайте, людие, с признательностию на мою к вам благодать; я хочу вам возвратить сей божественный язык, которому меня научила причина действующая временная!» Но, по несчастию, сие самохвальство не соответствует старанию его возвратить мнимый сей язык, ибо все, что он о том ни говорит, столько же вразумительно, как и то, что уже мы видели.

Таким образом, он к возвращению сего всеобщего языка говорит: «Во-первых, то, что известно нам в музыке под именем совершенного строя, есть для нас образ сея первая единицы, которая содержит в себе все и от которой все происходит; потому что сей строй есть единственный, что он сам в себе полн и не имеет нужды в помощи иного тона, кроме своих собственных; словом, потому что он неизменен во всей внутренней силе, как и единица...»

Если б можно было человеку делать такие сравнения, не отступая от рассудка, то бы и в таком случае сравнение сие было столько же несправедливо, сколько и сравнение квадрата с всевышним творцом есть неистово. Ибо совершенное согласие в музыке столько же разнится от единицы, сколько число 8 отлично от одного, потому что

строй совершенного согласия составлен из первого, или главного, тона, из терции большей или меньшей, из квинты и, наконец, из октавы; то можно ли уподобить единице разные тоны, означающие разные числа, но составляющие одно согласие? Притом неправда, чтобы совершенный строй был единственный, понеже оных в музыке находится естественным образом 24, половина называемых маиорных, а другая — минорных.

Известно, что октава не иное что есть, как повторение начального тона и что она содержится в главных тонах, которые звонкие тела издают выше первого тона, в каком бы то строю ни было. Оным изобретением, что звонкое тело издает кроме первого тона квинту и октаву, музыканты обязаны Тартинию, славному виртуозу, находившемуся в городе Падуве, близ Венеции, и с которым один из наших сотоварищей в сем исследовании имел случай часто беседовать. Сей искусный музыкант первый заметил, что басовая струна контрбаса издавала первый тон, называемый тон-родитель, и над ним его квинту и октаву.

Мы здесь заметим, какое насильственное притяжение он делает к тем числам, которые он избрал себе кумирами. Ибо он говорит: «Четверной промежуток есть главный действователь строя: он находится выше прочих двух промежутков тройных, дабы начальствовать и управлять всем действием, подобно как сия причина действующая и разумная, которая, как мы видели, господствует и правит двойственным законом всех существ, одеянных телами. Он не может подобно ей терпеть никакого смешения, и когда действует один, как сия всеобщая причина времени, то, верно, все его содействия правильны».

Ни одного слова тут нет, которое согласовалось бы с малейшею справедливостию, понеже после терции маиор не бывает целого тона, но токмо половина тона, потому кварта не только не начальствует над согласием, но еще и портит оное; а место сие, которое он приписует кварте, дабы являть мнимое могущество четверного числа, занимает квинта, и ее справедливо почесть можно после первого тона действователем совершенного строя, ибо она природным образом находится в первом тоне или тоне-родителе, так, как мы выше сего упоминали. Видно, что

нашему метафизику не очень известно употребление кварты и квинты в музыкальных сочинениях; но, дабы устроить непонятную систему свою, он вооружился и против здравого рассудка и против правды, в чем ясно свидетельствуют приведенные пред сим его предложения.

«Знаю, однако, что сия октава, будучи токмо повторение начального тона, может по строгости отнята быть и не входить в счисление тонов, составляющих совершенный строй...» Можно отнять октаву мысленно, но в исполнении совершенного согласия на инструментах отнять ее не можно, ибо название совершенного согласия не будет уже ему больше приличествовать, понеже без октавы оно будет несовершенно. «...Октава есть, — прибавляет он, — первый действитель, или первый орган, чрез который десять могли дойти до нашего сведения». Сие смешным образом таинственное изображение то же заключает в себе, что мы прежде о числе десяти видели, — будто бы оно есть центр, испускающий лучи бесконечные; в теперешнем же случае число десять значит ту же бесконечность, токмо без центра, по той причине, что, если к октаве приложить число два, то сие составит новую терцию, почему можно производить согласие до бесконечности, и потому октава есть первый орган, который служил к столь полезному понятию. И такую странно музыкальную науку, на разладе мыслей его расстроенным воображением сочиненную, благоразумный и скромный писатель, приобретший право рабства над подобными себе, представляет с важностию яко благо человеческое доставляющую!

Мы здесь представим еще образчик премудрого его рассуждения, дабы читатели наши могли сами судить о благоразумии его. Мы, подражая ему, возьмем число четыре; толь сие справедливо, что люди иногда, не ведая и сами, берут примеры с тех, с которыми они чаще в обхождении бывают; возьмем число четыре, говорим мы, и предложим четыре следующие параграфа из высокомысленного его учения, ибо рассуждения его, заключающиеся в оных, суть такой силы.

«Мы видели, — говорит он, — что кварта господствует над двумя нижними терциями и что сии две нижние терции суть образ двойственного закона, управляющего

существами стихийными. Не самая ли натура здесь показывает разность между телом и его началом, представляя нам одно зависимым и покоренным, а другое — яко начальника его и подкрепителя?

Сии две терции в самом деле показывают нам свою разностью состояние тленных вещей природы телесной, которая стоит на соединении двух разных действий; и последний тон, составленный из единого промежутка четверного, есть еще изображение первого начала, ибо он как чином своим, так и числом напоминает нам простоту, великость и неизменяемость.

Но сие не потому, чтоб сия кварта гармоничная была более долговечна, нежели все прочие сотворенные вещи. Когда она чувственная, то должна быть и преходящая; однакож в самом преходящем своем действии живописует разумению сущность и постоянность своего источника.

Итак, в сочетании промежутков совершенного строя находим все, что есть страдательное, и все, что есть действительное, то-есть все, что существует, и все, что человек может вздумать».

Итак, сочетание такого великого множества бредней причиняет всякому терпеливому читателю довольно страдания и заставляет его роптать, что в нем действует такое отменное сумасбродство и существует столько тщеславия, что заставило его вздумать такие нелепости. После чего лучше не можно ничего сделать, как закрыть книгу собо-рища оных и никогда в нее не заглядывать.

Однако мы не можем оставить без замечания еще предложения его, особливою странностию означающегося: он говорит, что «зло родилось и явилось в свет оттого, что октава уничтожена стала и на место ее поставлен новый тон септимы, что и составляет новый строй септимы...»

Неправда, чтобы октава уничтожена была, ибо ее так возможно уничтожить, как и все тоны; и строй септимы так же давно существует, как и строй совершенный, а потому и нельзя его назвать новым.

«И понеже натура не может иначе держаться, как по-мощию двух действий противных, от чего и происходят примечаемые нами сражение и насилие, смесь правильности и беспорядка, которые в точности изображает нам

гармония чрез совокупление согласий и разногласий, из которых составляются все музыкальные произведения».

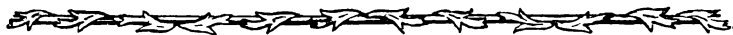
Если бы мы самим делом хотели возражать на такой музыкальный вздор, уху и понятию противный, то бы мы по справедливости подвергнулись нареканию, что и мы столько же отступили от здравого рассудка, сколько сам сочинитель, порабощенный надменному тщеславию своему, принуждающему его употреблять все силы свои, дабы уничтожить оный. Правда, он, почувствовав, что он необыкновенно заврался, прибавляет: «Без сомнения, чувствуют они (читатели), что я представляю аллегория, когда говорю, что ежели бы совершенный строй пребыл в истинном своем естестве, то зло еще бы не родилось, ибо по силе выше утвержденного начального положения невозможно порядку музыкальному в своем частном законе быть равным с высшим порядком, которого он есть токмо изображение». Но сими словами он утверждает, что он не аллегория представлял, но делал в прямом смысле слов описание высшего порядка изображением музыкального порядка, понеже, по уверению его, сей порядок есть изображение первого.

После таких благоразумных рассуждений он говорит: «Но везде удерживают меня благоразумие и долг мой, ибо в сих материях единый пункт ведет ко всем прочим; и если бы заблуждения, которыми науки человеческие заражают мой род, не принудили меня предпринять защищение его, не принялся бы я никак писать ни о котором из них». Забавно кажется видеть человека в одно время напоминать о своем благоразумии и предлагать рассуждения, совсем оному противные! И может ли быть благоразумие в таком отвратительном самохвальстве, что он принужден предпринять защищение всего рода человеческого? И в чем состоит сие защищение? В сумасбродных бреднях, никому не понятных! Он, не размысля, что для истребления заблуждений, или, по его сказать, для защищения от них, надобно было писать вразумительно, печется только о удовлетворении честолюбия своего; и для того безбоязненно приписывает себе достоинство защитника рода человеческого, а чрез то дабы по скромности своей хотя безмолвным образом объявить, что он сотворен

для изведения человеков из заблуждений к пагубе, их сопровождающих, почему они, будучи ему обязаны избавлением своим, должны с почтением на него возводить взор свой, так, как он прежде уже сего и требовал. Прилично ли такому мрачному писателю возноситься защищением рода человеческого? Присвоение себе такой славы непростительно бы было и в том, который, предлагая учение свое ясно и вразумительно, просветил бы совершенно род человеческий. Но справедливое достоинство не надменно и не самохвально: оно не знает пышных изречений, которыми мнит лживое обратить на себя удивление; оно старается быть полезным, укрываясь под скромностию своею, а не под покровом гордости, ежечасно возвещающей о своей глубокой мудрости и сверхъестественном познании. Не науки заражают род человеческий, но невежество и лживые рассуждения, возвышающие мечты на жертвенник правды.

Вот еще одна из его истин, которая, хотя не столько важна, как та, что «божество есть квадрат или человек не имеет права подчинять себя начальной власти и вступать в какое-либо обязательство», или как та истина, что «человек может познаниями и качествами своими приобрести право рабства над подобными себе», однако странностию своею требует отличения. Он уверяет, что «совершенный строй все смиряет и приводит в стройность, то нельзя сомневаться, что и после переворота стихий начала, бывшие с ними в сражении, должны обрести прежнее свое спокойствие, из чего, ежели отнести сие к человеку, должны мы познать, сколько может истинное познание музыки предохранить его от страха смерти, потому что сия смерть есть не что иное, как трель, которая оканчивает расстроенное состояние человека и приводит его к четырем согласиям».

Хотя его благоразумие и не могло его удержать от жестокосердого прекращения жизни рода человеческого смертоносною трелью, однако наше благоразумие не позволяет нам больше шествовать за сим новым Орфеем, не воскрешающим, как древний, но умерщвляющим трелью подобных себе; и для того при сей трели мы прекратим наше исследование бредней его, пожелав ему больше здравого рассудка, нежели сколько он его имеет.

ЗЕРЦАЛО
БЕЗБОЖИЯ

ЗЕРЦАЛО БЕЗБОЖИЯ

росвещение внушает разуму божественные узаконения. Способности духа изощряются пособиями священных наук доставить добродетель, благополучие, спокойствие, действие наук; а посему питомец оных старается чрез сих священных оракулов себе и другим доставить следствия их. Сие орудие безбожия, изображенное на нескольких сих листках, не принесет ли когда малья пользы просвещенному уму?..¹ Сие не ложно — знать просвещенному лишь, это значит подробнее ему иметь понятие о качестве истины. Убо не знающий цены на ум да не читает сих листков. Он будет знать оные слепо. Он получит вред, ибо не знает истины яко истины, лжи яко лжи.

Нездравомыслящий человек изнуряет силы разума на предметах, противных правоте. Его действия — обдѣлывать священные химеры. Плач, слезы да сопутствуют предприятиям ложного разума. Думать, что бог есть присущ всем совершенствам, что он существовать [может], — это значит восставать против ежедневного опыта, следственно, против природы — против священных обязательств здравого разума и совести.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НЕСОВЕРШЕН БОГ: ИМЕЕТ ПРЕДЕЛЫ СВОИХ
ДЕЯНИЙ

1. Допустить совершенство бога, дать цену важности его качествам — это значит вооружить против себя здравый рассудок, попать сей довод, могущий поколебать здание его блудительного мнения. Где ограниченность в деяниях, там несовершенство; где пределы, там действительность твари. Но, как всякому известно * [бог?] имеет пределы своих действий. Убо бог несовершен. Предел есть ограниченность. Но мир, по мнению богословов, будучи творение бога, имеет пределы. Убо мир ограничен.

2. Убедительность истины представляется, что все совершенства, порознь взятые, составляют единое божество. Бог творцем называется потому, что приписывается ему некоторыми умами творение мира, господом — потому, что власть над всеми творениями в руке его и проч. ** Но я препинаюсь². Тот не есть император, который не имеет подданных. Тот не есть властитель, который лишен подвластных. Тот не есть отец, который не имел детей своих существующими. Бог, называющийся, по мнению некоторых, творцем по созданию мира, был ли творец, когда еще мир не существовал? Ежели не был творцем, а в некоторое время получил оное титуло, то не есть вечен, ибо имеет начало некоторым своим качествам, составляющим совершенство бога. Ежели бог существовал без некоторых существенных качеств, и потому не есть бог, ибо несовершен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БОГ ИМЕЕТ ПРЕДЕЛЫ РАЗУМА

1. Быть богу совершенным — это значит иметь совершенный разум; но благотворное сие существо есть соперник его. Ибо ежели бы действовал в боге совершенный разум, ежели бы его действия покорялись оному, то бы

* В тексте ошибочно «известны». — *Ред.*

** В тексте после слова «проч.» написано слово «так». — *Ред.*

в тонкость всякая вещь была понимаема богом; будущее никакого бы труда не стоило ему предузнать. Но бедственно бога состояние! Он, не имея совершенного разума, не в состоянии постигнуть происшествий, основанных на будущем, — он не всеведущ. Мир сей, видимая столица творений, есть истинным свидетельством его недоумения. Нравственное зло не есть ли буйство? Оно есть исчадие несовершенств бога. Здесь ни малейших следов божественного разума не усматривается.

2. Что я говорю о незнании бога о будущем, — да и настоящее, будучи предмет чувства, не есть действие совершенного разума. Убо бог не подробно себе вещи представляет. Представлять себе вещи подробно, делать разборчивость в деяниях, избирать лучшее — это есть последовать учениям совершенного разума и удовлетворять предприятиям оного. Но бог не различает добра от зла, ибо в мире зло имеет цену добра; а где зло владычествует вместо добра, там к нему любовь, там недостаток, заменять снабжением всего нужного. Но бог пороку не дает знать о своем правосудии, ибо не истребляет мира за злодеяния, следственно, бог не имеет разума.

3. Не довольно сего, что бог не имеет разума, что в оном бог участвует, здесь может на сие восстать здравый разум и уничтожить сию химеру. Иметь разум — это значит иметь навык, есть быть тварию; быть тварию — это значит быть несовершенным; но несовершенства совместны ли с совершенствами?.. бог, поелику бог, должен быть чужд сущности твари; несовершенства должны уступить первенство и власть совершенствам. Следственно, бог не имеет разума.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БОГ ИМЕЕТ ПРЕДЕЛЫ ВОЛИ

1. несовершен бог — сия истина неоспорима, ибо деятельности совершенства должны быть совершенны. Но в мире все противное видится, совершенной воли бога, определяемой философами, ни малейших даже следов не усматривается. Следственно, бог совершенной воли не

имеет. Иметь волю, почитать священнейшими ее убеждения — это есть желать добра, а зла, яко яда, убежать. Но в мире здесь превратность, здесь зло да еще сугубое имеет свое пребывание. Начало: понеже тварь. Конец: понеже сущее сложное. Граница бытия! порок, губящий красоту человека, болезни, несчастья и проч. — дань пороков. Быть в мире злу, быть совершенству, — это не есть перстом ³ совершенной воли бога; а из сего следует заключить, что совершенной воли в боге нет.

2. И потому сие ложно, что бог имеет волю пресовершенную. Ибо ежели бы все совершенство воли находилось в боге, ежели бы сия благородная участь сопутствовала сущности его, чтобы мир был храмом совершенного блага, злополучия, несчастья не вынаруживали бы своих пагубных действий. Но в мире к бедственному его состоянию все противное существует: порок, сие чудовище, карает злополучное человечество, человек стонает от ударов деятельности несчастья. Жалко! следовательно...

3. Где воля существует, там должно непосредственно иметь свое влияние на творение блага совершенство состояния человеческого. Мир сей в творении есть капищем злополучий, о которых уже неоднократно было упоминаемо; а посему в мире не усматривается совершенства воли бога. Потому что бог не хочет всего того, что блага суть, ибо попускать, желать, избирать зло есть действие бога, а зло не усовершенствует нашего состояния, следственно, бог не имеет совершенной воли.

4. Ежели бы бог был присущ воле, ежели бы имел склонность желать добра, то бы имел премудрость, избирал бы лучшее, оставив худшее, и предпочитал бы большее благо меньшему. Но бог не избирает лучшего, не предпочитает большего блага меньшему, ибо миру дает пагубное существование. Миру же лучше бы было не существовать, нежели иметь злосчастное бытие, ибо не существовать — это значило бы не иметь пагубных действий, понеже не существует. Следственно, бог не есть присущ совершенной воли.

5. Воля бога яко бога должна быть совершенна, убо не переменяема. На намерение наказать ниневитян ⁴ противоположат намерениям деяний. Се перемена, се

превратность воли бога! переменяемость совместна ли с волей бога, поколику бога?.. Когда же представляет история волю бога игралищем перемены, следовательно, совершенной воли в боге нет.

6. Быть воли бога началом всех вещей существующих, быть виновницею всех творений, быть основанием их сущности, я недоумеваю, мой разум связывается узами недоверия. Что воля бога виновницею существования всех тварей, бытия порока может воспятить от себя блудительного мнения. Творить порок — это значит доказывать свое несовершенство, быть тварию. Но с богом совместно ли сие? Не быть виновницею существа порока — это есть не быть началом всех существ. След[овательно], совершенной в боге воли нет.

7. Воля должна быть вынаруживаема благостию, должна сопутствуема быть дарованием всех совершенств творению. Но бог в мир, нами обитаемый, не все совершенства помещает. Понеже, где зло имеет право существовать, там не все совершенства могут иметь место своего бытия; где власть, где владычество свое порок распространил, там совершенство должно уступить первенство несовершенству. Но мир сей преисполнен несовершенств, он есть столица зол. Следовательно, совершенство воли вовсе чуждо его состоянию.

8. Воля бога должна содействовать благоденствию благородной твари. Благополучие, при руководстве благоволения божеского, должно сопровождать деяние человека. Но увы! человек есть предмет плача, ибо нравственное зло, попускаемое богом, воспящает человека от совершенства, оно исторгает его из объятий блага, источника благоденствий. Следственно, совершенной воли в боге нет.

9. Воля бога есть ли зеркалом правосудия?.. содействует ли в воздаянии праведных, а в наказании злотворцев? Попечители о совершенстве весь день⁵ умерщвляются, вменяются, яко овцы заколения. Быть камением побитым, претренным[?], искушенным, умереть убийством меча, пройти в мило[с]тех и в козях кожах⁶, лишенным, озлобленным. Се участь праведников! Но соперников блага сопутствует счастье, во изобилии своем не повизаются

воеки, и это их воздаяние! Итак, здесь всякий может видеть действие правосудия бога. Следственно, совершенной воли в боге нет. Праведник от лова злодеяний убегает; — святость, воздержание, целомудрие, трезвенность, кратко, всякая добродетель есть действие его жизни. Но воздаяние ту же самую по содеянии добра участь имеет, которая прежде и при содеянии блага содействовала его состоянию. Приращение чести, достоинств, богатства совсем чуждо его состоянию, он не получает от бога награды за содеяние добра, и сие ли правосудие бога? а напротив, содевать зло, почитать оное сущностью своих действий есть действие злотворцев; но участь та же самая, которая прежде и при содеянии блага была присуща, сопутствует их состоянию. Наказание? — оно не имеет. След[овательно]: совершен[ной] воли в боге нет.

10. Делать все есть действие всемогущества, содействовать всемогуществу — это есть последовать внушениям благодати, быть благу есть иметь волю. Но в боге противное все усматривается благодати, всемогуществу, следовательно, — воле. Порок есть существо, но бог его не производит. Ибо производить порок — это есть иметь несовершенство, а быть несовершенным богу невозможно; не участвовать в содеянии его начала — это есть не быть всемогущу, ибо не все производит. Итак, когда не имеет всемогущества, следовательно, совершенной воли основания оно не имеет.

11. Святость есть действие совершенства. Совершенство есть источником совершенной воли, ибо где всесовершенство, там несовершенств ни малейших следов не усматривается, где святость, там совершенство воли. Но богу присуща ли святость? нет. Ибо бог ограничен, несовершен и потому не свят, следовательно, совершенной воли в боге нет.

Что же я скажу об определениях божеских источников воли?.. Те же качества принадлежат и до сих, каковы и до воли. Допустить, что определения бога суть всесовершенны, не переменяемы, [что] виновники существования всех тварей премудры, — это есть дать воле цену совершенства, непеременимости премудрости. Но в воле бога, как выше доказано, даже ни малейших признаков совершенства не усматривается. Следовательно, и определения бога не суть всесовершенны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БОГ НЕ ЕСТЬ ТВОРЕЦ И ПРОМЫСЛИТЕЛЬ МИРА

1. Несовершен бог; в сем убеждает опыт, природа, рассудок, совесть. Следовательно, бог не есть творец мира. Что бог есть творец мира, что он есть виновник существования всех творений, бытие мира уничтожает сию химеру, воспящает от сего блудительного мнения. Где действия маловажные, где деятельности не стоящая цены шажности, величество не участвует в творении их. Единая шажность не допускает покориться подлости. Но мир в рассуждении бога может доказать ничтожество мира. Следов[ательно], бог не есть творец мира.

2. Бог совершен, деятельности его должны соответствовать его сущности, ибо какова причина, таковы должны быть ее действия; причина не может произвести противных действий. Но мир сей есть храм зла, он противится совершенству бога яко бога. Следственно, бог мира не творил.

3. Где нет материи, там, как всякому известно, не может произведено быть нечто, ибо ничто не составляет сущности нечто существующего, из ничего ничто и бывает. Следовательно...

4. Промышлять богу о мире, быть опекуном одного, это есть не быть тварию, несовершенным. Всеведение величества должно уступить свойству недоумения, а не совместности с величеством бога.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МИР НЕ ЗАВИСИТ ОТ БОГА

1. Несовершенства не суть совместны с совершенством, сущность их между собою противна. Убо что несовершенно, то не может иметь причиною своею * бога яко бога. Но мир, нами обитаемый, сия видимая столица творений, есть несовершенна. Следовательно, несовершенства мира не могут зависеть от совершенства бога.

* В тексте ошибочно «своего». — *Ред.*

Где зло владычествует, где его деяния законом суть, там несовершенство, там препона ко входу во святилище благополучия. Мир, сие огромное здание, имеет границы своего бытия. Конец, понеже мир есть существо, — препона бытия. Здесь зло метафизическое, здесь несовершенство мира. Не довольно сего: нравственное зло, преследующее деяние человека, играет благополучием мира; плач, отчаяние сопутствуют деяния порока; болезни, несчастья суть дани злодеяний, кратко: всякое несчастье, колеблющее даже великость духа, есть следствием порока. Следовательно, мир, претерпевающий толь плачевные следствия, несовершен.

2. Ежели бы действия мира зависели от содействия бога, ежели бы его всемогущество преследовало случайности творений, то бы мир служил единым удовольствием человеку: он бы был красота, веселие. Но мир не содействует благоденствию человека. Красоты, совершенства даже ни малейших следов не усматривается, ибо суета, печаль, несчастья не суть поводом к доказательству красоты мира, но еще как и баснословие христианства *, одобряет мир единою ссылкою — пустынею, изгнанием ⁷. Не довольно сего: ненастья, туманы, порок, наказания, от естественных причин влекущие свое начало, не сооружают ли своего здания на безобразия[x]?.. Сие не ложно, мир только плачевные действия в себе заключает, что сдва стерпимы творениям! — потрясать благоденствие тварей вместе ли с красотою, то-есть удовольствием тварей? След[овательно], мир не зависит от бога яко бога.

3. Сие ли только доказывает независимость мира от бога? Действия, несовершенства мирские вынаруживают свою независимость от него. Вражда, несогласие творений между собою доказывают или несовершенства бога, или независимость мира от него. Где истребление друг друга, где дерзость восставать, поборать права общего благоденственного конца, там препона к общему благу, там стремление разорять общее благоденствие. Но в мире, яко в зеркале, видится сия бедственная роля, в нем мраз в

---

* В тексте ошибочно «христианство». — *Ред.*

необыкновенное время делает жертвою своею плоды земные, град, чрезмерный дождь играют благоденствием растений и проч. Следственно, мир, сей пространный собор творений, не зависит от бога.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НЕСОВЕРШЕННЫЙ НЕ ЕСТЬ БОГ

Здравый рассудок, совесть, опыт благородной твари внушает, что совершенства никакого не имеют сообщения с несовершенствами, их сущность между собою противна. Кое бо сообщение свету ко тьме! Быть побуждаемому, быть ограничено — это значит быть тварию; но тварь с качествами творца несовместны так, как вода с огнем, как небо с землею; но бог должен быть сущее пресовершенное существующее, от которого мир сей должен зависеть. Следовательно, несовершенный не есть бог.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БОГ НЕ ЕСТЬ ПРИСУЩ СУЩЕСТВОВАНИЮ

1. Допустить существование бога — это значит встать против опыта, разума, совести, дать цену совершенства богу, это малевать химеры. Следственно, бога нет. Сии ли причины, составляющие существенность прежде бывших глав, утверждают истину безбожия?.. нет, еще разум для защищения себя из священного довода предлагает пред глаза некоторые доказательства:

1*. Где единая воля законом, где единая находится свобода, где власть вовсе места не имеет, там нет принуждения. Ибо власть есть препона желаний, здесь воля должна покориться действию повеления, свобода — уже рабство. Но божество **, поколику божество, не должно обязано быть некоторыми законами; оно должно быть само себе законом, его независимость должна торжествовать

---

* Так в рукописи. — *Ред.*

** В тексте «убожество». — *Ред.*

над истреблением состояния естественного. Убо бог, поелику бог, к содеянию своего существования не принуждается. Следственно, бог не существует.

2. Необходимость есть исчадие существования; она есть случаем быть тварию, ее ограниченность, ее сущность не требует примеров. Ежедневный опыт воспящает от недоумения, воспящающегося о непоколебимости сея истины. О приобретении всего того, что нужна человеческая требует, стараемся. Трудности, стоящие иногда нарушения благоденствия нашего, опасности, потрясающие благополучие наше, становятся единою мечтою. Приобретение желаемыя необходимыя вещи удовлетворяет нужде человека. Се желания предел! Богу какая нужда в своем существовании? Что его к сему понуждает? Быть понуждаему богу к содеянию чего-нибудь — это значит быть богу тварию, но сие само сколь противно сущности бога! Существовать богу по собственному его произволению — это значит без всякой причины; но сие безрассудство не совместно с величеством бога. Следственно, бог не существует.

3. Ежели бы бог присущ был существованию, то бы совесть была истинным доказательством бытия бога; вопль ее вынаруживал бы в человеке познания о боге; опасность терзаться совестью не допустила бы человека до нарушения закона природы; совесть по содеянии зла мучила бы; но в человеке противное усматривается, его пагубные действия не токмо не сопровождаются раскаянием, сожалением, — веселие, удовольствие, дань пороков! А из сего следует заключить, что даже и самая совесть вооружается против бытия бога.

4. И потому сей довод (основывать бытие бога на внутреннем сознании), предлагаемый защитниками существования бога, недействителен; он восстает против опыта, следственно, против природы; доказывать бытие бога внутренним сознанием — это значит доказывать предрассудки предков, ибо порок — сие пагубное существо — безобразит разумное творение, ложь представляет в виде правоты, делает оную для человека естественностию; нарушать ее убеждения представляет опытность быть естественно наказану, а посему где ложь почитается за

истину, где ее побуждения не нарушаются без опасности быть наказану, там сознание о чем-нибудь не может быть истинно, там сомнение о их мнении должно поколебать душу человека.

Все сие говорено было о том, дабы убедить в сей истине, что бога нет, все причины, представляемы[e] здесь, доказывают несовершенство его. Что бог несовершен, это правда. Ибо иметь пределы деяний разума, воли, не быть творцем и промыслителем мира от него — это значит быть несовершенну. Несовершенный не есть бог. Ибо несовершенство несовместно с совершен[ством]. Следственно, бога нет...

ПРИМЕЧАНИЯ

А. Я. ПОЛЕНОВ *

Полепов Алексей Яковлевич (1738—1816) родился в военной дворянской семье в Костроме. Первоначальное образование получил в гимназии при Петербургской Академии наук. В 1762—1766 гг. учился в Страсбургском университете. По возвращении на родину числился переводчиком при Академии наук. Полепов занимался подготовкой к изданию древнерусских летописей и переводами на русский язык произведений западноевропейских мыслителей, как то: «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка» Монтеスキё (1769), «О свойстве прав человеческих» Феофраста (1772) и др.

Иностранное засилье, низкопоклонническое попустительство царского правительства злоупотреблениям иностранцев в делах Академии наук всячески препятствовали деятельности молодого русского правоведа Поленова, обнаружившего выдающиеся способности, и других русских ученых, что и вынудило Поленова отказаться от научной деятельности и перейти на службу в сенат, а затем в другие государственные учреждения.

Полепов был вынужден прекратить свою работу в Академии наук также вследствие нетерпимого отношения ее реакционного руководства к высказанным им передовым, осуждающим крепостнический строй воззрениям.

Когда в 1766 г. «Вольное экономическое общество» объявило конкурс на лучшее сочинение на тему: «Что полезнее для общества: чтоб крестьянин имел в собственности землю или только движимое имущество, и сколь далеко его права на то или другое имущество простираться должны?», Полепов принял в нем участие и представил сочинение под названием «О крепостном состоянии крестьян в России».

Несмотря на то, что сочинение Поленова было в числе пяти одобренных «Вольным экономическим обществом» и удостоенных награды (из представленных на конкурс 160 сочинений), оно не

* Примечания и подготовка текста к печати Л. Б. Светлова.

могло быть опубликовано даже после устранения из него автором наиболее резких и неприемлемых для царской цензуры мест.

Сочинение Поленова было впервые напечатано в журнале «Русский архив» в 1865 г. (изд. 1, стр. 287—316), откуда воспроизводится нами в настоящем издании.

О КРЕПОСТНОМ СОСТОЯНИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ

¹ *Государственные, дворцовые, господские* — крепостные крестьяне, 1) принадлежавшие государству и работавшие на государственных землях, 2) работавшие на землях, приписанных непосредственно к царскому дворцу, 3) принадлежавшие помещикам и работавшие на их землях. — 7.

² *Пахотные и бобыли*. — Пахотным назывался крестьянин, владевший земельным участком, инвентарем и тяглом для его обработки; бобыль — безземельный батрак, сельскохозяйственный рабочий. — 7.

³ *Включая малороссийских*. — Массовое закрепощение украинских крестьян произошло в 1783 г. — 7.

⁴ *Ежедневное искусство* — в данном случае в смысле «повседневный опыт». — 8.

⁵ *От времени одежды* — то-сть одежды в зависимости от времени года. — 9.

⁶ *Подушный оклад* — подать, которую крестьяне должны были платить в то время государству с каждого члена семьи мужского пола; *оброк* — ежегодная плата, которую крестьяне отдавали натурой или деньгами помещику. Оброк был одной из форм крепостнической эксплуатации; другой ее формой была барщина, при которой крестьяне обязаны были безвозмездно работать со своим инвентарем известное число дней в неделю на полях помещика. — 9.

⁷ *Многие славные люди утверждают*. — Поленов имеет здесь в виду выступление передовых русских мыслителей и писателей XVIII века против крепостнического рабства: критику Кантемиром, Посошковым, Ломоносовым и др. помещичьих отягощений крестьян. — 10.

⁸ *Лакедемоняне* — спартацы, жители древнегреческого государства Спарта. — 10.

⁹ *При случае казацких возмущений*. — Имеются в виду крестьянская война под руководством Степана Разина 1670—1671 гг., Булавинское восстание 1707—1708 гг. и так называемая Колиивщина — восстания крепостных крестьян против помещиков на Украине под руководством Гонты и Железняка в 1760-х годах. — 10.

¹⁰ *Илоты* — так назывались в древней Спарте крепостные рабы-земледельцы. Илоты являлись собственностью государства. — 10.

¹¹ *Рабскую войну*. — Поленов имеет в виду восстание рабов в древнем Риме под руководством Спартака (74—71 гг. до н. э.). — 10.

¹² *Подлейшего* — бедного, простого; слово «подлый» в XVIII веке не имело еще поносительного, бранного значения. — 11.

¹³ *Пенесты у фессалиян* — крепостные рабы-земледельцы у крупных землевладельцев Фессалии в древней Греции. — 12.

¹⁴ Завоевание Галлии франками произошло в 486 г. — 12.

¹⁵ *Бургундцы, готфы* (готы) — древнегерманские племена. — 12.

¹⁶ Поленов цитирует здесь древнерусскую летопись «Повесть временных лет» (начало XII века): «Дружинники Свенелда раздобыли оружие и одежду, а мы наги; пойдем, князь, с нами за данью и разбудем ее для нас и для тебя». — 13.

¹⁷ Тоже цитата из «Повести временных лет»: «Иных приказала убить, многих предала в рабство своим военачальникам, а остальных оставила, чтобы платили дань, и возложила на них тяжкую дань». — 13.

¹⁸ Цитата из «Русской Правды» — первого древнерусского свода законов, составленного при князе Ярославе Мудром (1019—1054) и отражавшего феодальные отношения в Киевской Руси. — 14.

¹⁹ *Церковная и гражданская печать* — то-есть церковно-славянская и русская азбука. — 18.

²⁰ До XVIII века в России числа обозначались буквами церковно-славянского алфавита; арабские цифры стали употребляться в России с 1703 г., с выходом «Арифметики» Магницкого. — 18.

²¹ *Катехизис* — краткое изложение вероучения в вопросах и ответах. — 18.

²² *Провинциальные консистории* — управления на местах по церковно-административным и церковно-судебным делам. — 18.

²³ *Правительствующий сенат* — высшее государственное учреждение в дореволюционной России, в функции которого входил надзор за выполнением законов. Сенат был также кассационной инстанцией для обжалования решений судов. — 19.

²⁴ *Медицинская коллегия* — орган центрального управления в области здравоохранения в России в XVIII веке. — 20.

²⁵ Поленов руководствуется принятыми в XVIII веке учеными степенями в области медицины: доктор — более высокая, лекарь — менее высокая научно-практическая медицинская степень. — 20.

²⁶ *Провинциальный суд* — примерно то же, что губернский суд; по административной реформе Петра I страна была разделена на ряд провинций, управлявшихся воеводами. Это деление просуществовало до учреждения губерний в 1775 г. — 23.

²⁷ Как и многие другие русские мыслители XVIII века, Поленов поимал под «средним состоянием» сословие, состоящее из мастеровых, ремесленников, мелких торговцев и т. п., и считал необходимым всемерное поощрение развития этого сословия. — 23.

Д. А. ГОЛИЦЫН

Голицын Дмитрий Алексеевич (1734—1803) — видный ученый и политический деятель XVIII века. Его служебная деятельность протекала главным образом на дипломатическом поприще. С 1762 г. он был русским послом во Франции, а с 1768 г. на протяжении 30 лет — послом в Нидерландах. Голицын является автором ряда

естественно-научных трудов в области электричества, минералогии, биологии, географии и пр., напечатанных на французском языке. Между прочим, им приобретена и издана в 1773 г. в двух томах рукопись сочинения французского философа-материалиста Гельвеция «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» («De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation»).

Голицын глубоко интересовался политическими и экономическими вопросами и в особенности проблемами реорганизации крепостнической системы хозяйства и освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Свои мысли и планы в этой области он изложил в письмах (на французском языке) к вице-канцлеру А. М. Голицыну, крупному вельможе, близкому к императрице Екатерине II.

Публикуемые в настоящем издании некоторые письма Д. А. Голицына были впервые напечатаны в «Сборнике Московского главного архива Министерства иностранных дел» (М. 1881, вып. 2), откуда и воспроизводятся.

ПИСЬМА

¹ Подстрочные примечания к письмам Д. А. Голицына сделаны Екатериной II, которую А. М. Голицын знакомил со своей перепиской. Да и сами письма, собственно, писались со специальным расчетом, чтобы их читала императрица. — 33.

² Имеются в виду принудительные сборы помещиками (помимо оброка и барщинных работ) со своих крепостных крестьян различных продуктов — живности, холста, ягод, грибов и пр., а также особенно тяжелая и разорительная для крепостных своеобразная «гужевая» повинность, в силу которой крестьяне вынуждены были на своих лошадях доставлять на дальние расстояния продукты и другие грузы помещиков. — 34.

³ *Quindécim-viri* — существовавшая в древнем Риме «Комиссия пятнадцати» по землеустройству. — 35.

⁴ *Санше* — вероятно, Санше Антуан, португальский врач и социолог. — 36.

⁵ Под средним сословием Д. А. Голицын подразумевает свободных производителей, ремесленников и торговцев. — 37.

⁶ Голицын исходил из физиократических теорий. — 42.

РЕЧИ И МНЕНИЯ ДЕПУТАТОВ КОМИССИИ ДЛЯ СОЧИНЕНИЯ ПРОЕКТА НОВОГО УЛОЖЕНИЯ

Коробьин Григорий [Степанович] — депутат Комиссии для сочинения проекта нового уложения, созданной Екатериной II. Биографические сведения о Коробьине не сохранились.

Коробьин не был выборным депутатом от козловского дворянства, каким он числился, а получил депутатские полномочия от депутата козловского дворянства Семена Муравьева, так как, согласно существовавшему положению, депутаты могли переусту-

пать свои полномочия. Коробьин вступил в исполнение обязанностей депутата Комиссии нового уложения в конце 1767 г. или в начале 1768 г. Его выступления против произвола помещиков-крепостников, за ограничение государственными законами этого произвола и в защиту собственности крепостных крестьян находились в явном противоречии с наказом, который был дан козловскими дворянами своему депутату, и вызвали бурную дискуссию на заседаниях Комиссии нового уложения. Против предложений Коробьина, по существу не затрагивавших основ самодержавно-крепостнического строя, решительно ополчились представители реакционного дворянства, в частности князь М. М. Щербатов, И. П. Чадаев, Д. В. Волков, Н. Е. Муравьев и др. Коробьина поддерживали в своих выступлениях представители прогрессивного дворянства и других социальных групп (пахотных солдат, однодворцев и пр.), как, например, Козельский, Жеребцов, Чупров, Маслов и др.

Речи Жеребцова, Чупрова и Маслова печатаются в настоящем томе. Выступления Козельского напечатаны в I томе.

Осенью 1768 г. Коробьин передал «на время» свои депутатские полномочия «артиллерии бомбардирного полка поручику Василию Родионову». Имеются определенные сведения, что Коробьина вынудили уступить депутатские полномочия, так как Екатерина II после ряда его выступлений сочла невозможным дальнейшее пребывание Коробьина депутатом Комиссии нового уложения.

[МНЕНИЕ ДЕПУТАТА Г. КОРОБЬИНА О ПРАВАХ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН]

ЧИТАНО 5 МАЯ 1768 ГОДА

Напечатано впервые в «Сборнике императорского русского исторического общества» (Спб. 1881, т. 32, стр. 406—410), откуда и воспроизводится в настоящем издании.

¹ С некоторыми благоразумными людьми о сем деле советовали — Коробьин ставит здесь в известность депутатов Комиссии для сочинения проекта нового уложения и правительство о том, что его предложения предварительно обсуждались с некоторыми депутатами, согласными с его мнениями. — 49.

² 240-му правилу — то-есть 240-ой статье «Наказа» Екатерины II депутатам Комиссии для сочинения проекта нового уложения. — 49.

³ Имение — имущество, собственность. — 50.

⁴ В 269 — то-есть в 269-ой статье «Наказа». — 51.

⁵ Обнажена жителей — лишена жителей, населения. — 51.

⁶ Подлог — повод, предлог. — 52.

⁷ Мерную — умеренную. — 54.

⁸ В произрастениях — натуральными продуктами. — 54.

⁹ Правлением оного — то-есть правом владения крепостными людьми. — 55.

[МНЕНИЕ ДЕПУТАТА Г. КОРОБЬИНА.]

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ 21 МАЯ 1768 ГОДА]

Напечатано впервые в «Сборнике императорского русского исторического общества» (Спб. 1881, т. 32, стр. 475—484), откуда и воспроизводится в настоящем издании.

Настоящее выступление Коробьина дает яркое представление об острой борьбе, которая велась на заседаниях Комиссии для сочинения проекта нового уложения вокруг крестьянского вопроса.

¹ *И прочих некоторых господ депутатов* — имеются в виду Козельский, Маслов, Жеребцов и др., также выступавшие за ограничение крепостнического произвола. — 58.

² *Вне меня* — вне себя, в выступлении. — 58.

³ *«Начертания о низшем роде»* — один из разделов «Наказа» Екатерины II депутатам Комиссии для сочинения проекта нового уложения. — 63.

⁴ *От других сняли* — имеется в виду то обстоятельство, что Коробьин получил свои депутатские полномочия от депутата козловского дворянства Семена Муравьева. — 66.

⁵ *В наказе мне предписано* — каждый депутат Комиссии для сочинения проекта нового уложения получал наказ от своих избирателей. — 67.

⁶ *Препинательных речей* — полемических речей. — 68.

[МНЕНИЕ ДЕПУТАТА И. ЖЕРЕБЦОВА.]

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ 20 МАЯ 1768 г.]

Жеребцов Иван — депутат Комиссии нового уложения от пахотных солдат Нижегородской провинции. Биографических сведений о нем нет.

Мнение напечатано впервые в «Сборнике императорского русского исторического общества» (Спб. 1881, т. 32, стр. 467—469), откуда и воспроизводится в настоящем издании.

¹ *В Россию вкоренилось.* — Жеребцов в видах предосторожности не утверждает категорически, что именно непомерные подати разоряют крестьян. — 70.

² *Хлебопашество не земледелец, но чрез меру наложенные подати удручают.* — Здесь, по всей вероятности, слово *земледелец* стоит в род. пад. мн. ч., что придает выражению такой смысл: не хлебопашество удручает земледельцев, а чрезмерные налоги. — 70.

³ *Вышепомянутый господин депутат* — Коробьин. — 70.

⁴ *Всего их семейства* — в данном случае — в смысле всей крестьянской общины. — 72.

[МНЕНИЕ ДЕПУТАТА И. ЧУПРОВА.]

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ 23 МАЯ 1768 г.]

Чупров Иван — депутат Комиссии нового уложения от новокрещеных и ясашных крестьян Архангелогородской провинции. Биографических сведений о нем нет.

Мнение напечатано впервые в «Сборнике императорского русского исторического общества» (Спб. 1881, т. 32, стр. 502—505), откуда и воспроизводится в настоящем издании.

¹ *Об узаконении помещиковых крестьян* — то-есть об урегулировании государственными законами отношений между помещиками и крестьянами. — 73.

² *Не точною сторонние* — не только посторонние. — 73.

³ *С домашнего произращения* — то-есть продукты и припасы крестьянского хозяйства. — 74.

⁴ *Под заводы подписаны* — приписаны к заводам. — 75.

⁵ *Указами о лихоимстве и неправосудии*. — Эти указы были изданы при вступлении на престол Екатерины II. — 75.

⁶ *Половничество* — испольтина, сдача крестьянам земли или снабжение их семенами и сельскохозяйственными орудиями для обработки полей исполу, что являлось одним из способов хищнической эксплуатации их труда. — 76.

⁷ *Но и сверху сквозь* — то-есть нет порядочной крыши над головой. — 77.

[МНЕНИЕ ДЕПУТАТА А. МАСЛОВА.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ 27 МАЯ 1768 г.]

Маслов Андрей — депутат Комиссии нового уложения от одноворцов Белгородской провинции. Биографических сведений о нем нет.

Мнение напечатано впервые в «Сборнике императорского русского исторического общества» (Спб. 1881, т. 32, стр. 513—517), откуда и воспроизводится в настоящем издании.

¹ *«Начертание о третьем члене»* — один из разделов «Наказа» Екатерины II депутатам Комиссии для сочинения проекта нового уложения. — 78.

² *Полномочных* — богатых, крупных помещиков. — 80.

³ *Огурные* — ленивые, псадивые. — 81.

⁴ *О праве особенном* — о праве личности. — 81.

⁵ *Под своєю апелляцією* — под своим наблюдением и защитой. — 82.

МАТЕРИАЛЫ ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ

Пугачев Емельян Иванович (ок. 1730—1775) — руководитель восстания крепостных крестьян (1773—1775) против самодержавнокрепостнического строя.

Пугачев родился в станице Зимовейской на Дону в семье донского казака. Был участником Семилетней войны (1756—1762), а позднее, в 1768 г. — Турецкой войны. В этих кампаниях он приобрел значительный военный опыт, пригодившийся ему впослед-

ствии, когда он стал во главе восставших народных масс. Освобожденный по состоянию здоровья от военной службы, Пугачев вернулся в родную станицу. Здесь вскоре начались его столкновения с царскими властями, вследствие которых он вынужден был бежать на Терек. Там он быстро возвысился, добился атаманства и был избран в число казачьих представителей, направлявшихся в Петербург ходатайствовать по своим делам. Схваченный за побег с Дона и возвращенный на родину, Пугачев снова бежал — на этот раз в Белоруссию. Воспользовавшись амнистией, уехал оттуда и поселился на реке Ирғиз. В 1772 г. переехал в Яик, ныне Уральск, областной центр Западно-Казахстанской области, где решил стать во главе восстания яицких казаков. Арестованный по доносу, Пугачев был посажен в казанскую тюрьму, но через полгода бежал и летом 1773 г. был снова на Яике, где шла деятельная подготовка к восстанию, которое началось открыто 18 сентября успешными военными действиями повстанцев против царских войск в Яицком городке и других крепостях.

Антикрепостническая и антидворянская программа Пугачева привлекла на его сторону обездоленные помещичье-крепостнической кабалой и самодержавно-полицейским произволом массы крепостных крестьян и «работных людей» приуральских и уральских заводов, а также угнетаемых национальных меньшинств.

Восстание охватило значительную часть страны и до основания потрясло дворянскую империю Екатерины II.

Преданный своими приближенными, Пугачев был схвачен царским правительством и после мучительных пыток казнен 10 (21) января 1775 г. в Москве, на Болотной площади.

Вместе с Пугачевым были казнены и ближайшие его помощники и сподвижники.

Царское правительство подвергло жесточайшим наказаниям многие тысячи участников крестьянской войны, физически истребляя их или после страшных палаческих увечий и истязаний ссылая навечно на каторгу. Карательные операции царских войск проводились еще долго после подавления Пугачевского восстания.

Страх царского правительства перед Пугачевым был настолько велик, что оно решило подвергнуть варварски жестокой каре и его семью, его малолетних детей. Несмотря на то, что судебным приговором по делу Пугачева была определенно установлена полная невиновность и непричастность к делу членов его семьи, его жена Софья Дмитриевна Нелюжица, сын Трофим 10 лет, дочери Аграфена 6 лет и Христина 3 лет были заточены пожизненно в одну из самых мрачных секретных царских тюрем для уголовных и политических преступников — Кексгольмскую крепость. Сюда же была заточена и вторая жена Пугачева — Устинья Кузнецова.

Указы и повеления Емельяна Пугачева №№ 3, 5, 6, 8, 10, 12—15, 17, 18 воспроизводятся в настоящей издании по документам, хранящимся в Центральном Государственном Архиве древних актов (ЦГАДА). Остальные документы воспроизводятся по материалам Центрархива «Пугачевщина» (т. I, Госиздат, М. — Л. 1926, стр. 25—43; 73—85).

ИМЕННЫЕ УКАЗЫ, ПОВЕЛЕНИЯ И МАНИФЕСТЫ Е. И. ПУГАЧЕВА

Документы эти писались, как правило, в своеобразной и необычной обстановке. Так, например, первый манифест Пугачева был, как он сам рассказал впоследствии, во время допросов в Тайной канцелярии, написан в поле во время поезда на Толкачевы хутора на стапичный сход для объявления о начале восстания. Пугачев, решив, что на сход надо явиться с чем-нибудь «письменным», попросил тут же сопровождавшего его казака Ивана Яковлевича Почиталина написать «хорошенько» нужную бумагу. «И оный Почиталин и все, — говорил Пугачев, — остановясь в поле, писал, что хотел, ибо он [Пугачев] ни одного слова не знал, как бы написать надобно, и по написании ему при Зарубине, Коновалове, Михайле и Сидоре Кожевниковых [приближенные Пугачева] оную написанную им бумагу прочел». Результат этих трудов, названный при этом манифестом, говорил далее Пугачев, «поправился больно, и оного Почиталина как он, так и все хвалили и говорили, что Почиталин горазд больно писать».

Политические документы крестьянской войны были, несомненно, плодом коллективного творчества, писать же их могли немногие. До нас дошли некоторые имена литературных сотрудников Пугачева; кроме названного уже И. Я. Почиталина, Алексей Дубровский, Максим Горшков, Никита Зябликов, Петр Гусев, Матвей Иванович Подуров и некоторые др. М. И. Подуров был депутатом от оренбургского казачьего войска в Комиссии для сочинения нового уложения 1767 г.

Имелся также ряд лиц из национальных меньшинств, которые писали специальные политические документы Пугачева на татарском, башкирском, казахском и других языках или переводили эти документы с русского языка на названные языки. Известны имена некоторых таких литературных деятелей и переводчиков-толмачей, например: Имапов Исмаил, Искандеров Рахманкул, Апатов Абу-бакир, Алаев Ресю и пр. В связи с этим следует сказать, что некоторые из публикуемых указов и манифестов Пугачева имеются в архивах только в переводах с татарского, башкирского и других языков, как, например, указ от 20 сентября 1773 г., указы от 1 октября 1773 г., указ от 17 октября того же года и пр.

Царское правительство особо жестоко расправилось с этими людьми, оценив их своеобразную литературную деятельность как чрезвычайно опасную для господствующего строя. Почиталин и Горшков после бесчеловечных и унижительных телесных наказаний — сечения кнутом и вырезания ноздрей — были сосланы в Сибирь. Подуров, несмотря на то, что он в силу своих прав как депутат Комиссии нового уложения не мог быть вообще согласно манифесту от 14 декабря 1766 года предан смертной казни, был повешен в Москве в день казни Пугачева 10 (21) января на Болотной площади.

В силу указанных выше своеобразных условий, в каких создавались эти документы, они публикуются в настоящем издании с сохра-

нением некоторых особенностей орфографии подлинника. Архивные подлинники, являющиеся официальными переводами, сделанными по поручению царских властей, печатаются, естественно, без соблюдения особенностей тогдашней орфографии.

¹ Манифест был впервые опубликован в печати в книге Н. Ф. Дубровина «Пугачев и его сообщники» (т. I, Спб. 1884).

Манифест написан первым секретарем Пугачева И. Я. Почтаиным 15 сентября 1773 г. и впервые оглашен на сходе 17 сентября на Толкачевых хуторах, где был восторженно воспринят собравшимися казаками и крестьянами. Пушкин писал об этом манифесте следующее: «Первое возмутительное [призывающее к восстанию] воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного». — 87.

² Указ напечатан впервые в упомянутой книге Дубровина (т. II).

Войска Пугачева вступили в Илецкий городок 21 сентября 1773 г.; этим числом и может быть примерно датирован указ. — 87.

³ *Преслушает* — ослушается. — 88.

⁴ Указ воспроизводится с архивного подлинника, хранящегося в ЦГАДА (ф. VI, д. 416, ч. I, лл. 65 (оборот) — 66). Архивный подлинник представляет собой официальный перевод с татарского языка, сделанный по распоряжению царских властей. — 88.

⁵ Указ дан на имя руководителя восставшими киргизами сотника Абдул Хаирова. — 89.

⁶ *Вперед они того не могли делать* — то-есть чтобы они впредь не делали б этого. — 89.

⁷ Указ, надо полагать, написан 20 сентября 1773 г. — 89.

⁸ Архивный подлинник этого указа является переводом с татарского, сделанным Имановым Исмаилом. — 89.

⁹ *Свецкому народу* — светскому народу, то-есть властям Пугачева. — 90.

¹⁰ *Нуждным* — нуждающимся. — 90.

¹¹ *Упуцаю* — отпускаю, прощаю. — 91.

¹² *В день Покрова подтвержден* — 1 октября (ст. ст.). — 91.

¹³ Указ воспроизводится по архивному документу (ЦГАДА, ф. VI, д. 415, лл. 16—17). Имеются сведения, что этот указ был написан на нескольких языках: татарском, арабском, персидском и турецком, что, конечно, не может не свидетельствовать об усиленной пропагандистской деятельности Пугачева в это время. На пакете архивного экземпляра имеется надпись, характеризующая настоящий указ, который предназначался для разных народов: «Между народов красивый и сладкоязычный сей написанный указ от высоковременного и высокопочтенного величайшего императора и царя Петра Федоровича следует в Башкирскую область». — 91.

¹⁴ *Продержательному народу* — имеются в виду, конечно, недовольные и преследуемые царским правительством люди. — 91.

¹⁵ *Телами* — то-есть свободой и неприкосновенностью личности. — 92.

- ¹⁶ *Встречу выезжайте* — выезжайте навстречу. — 92.
- ¹⁷ *В Покров* — то-есть 1 октября. — 93.
- ¹⁸ Указ воспроизводится по копии перевода с татарского языка, хранящейся в ЦГАДА (ф. VI, д. 415, л. 27). — 93.
- ¹⁹ *Мухаметанцы* — магометане, мусульмане. — 93.
- ²⁰ *Несвероятен* — недоверчив. — 94.
- ²¹ Приписка к указу сделана автором или отправителем документа. — 94.
- ²² Напечатан впервые в книге Дубровина (т. II). Указ адресован полковнику Оренбургского казачества Могутову. Датируется примерно 5 октября 1773 г. (днем прибытия Пугачева под Оренбург). Указ написан, по всей вероятности, Тимофеем Подуровым. — 94.
- ²³ Указ воспроизводится по копии, хранящейся в ЦГАДА (ф. VI, д. 415, лл. 3 (оборот) — 4). Датируется примерно первыми числами октября 1773 года. Значительное число сохранившихся архивных экземпляров свидетельствует о популярности и распространности документа. Написан И. Я. Почиталиным. — 95.
- ²⁴ Архивный подлинник этого указа является официальным переводом с татарского языка. — 96.
- ²⁵ *В... руках уже искорененье* — то-есть уже много разных врагов уничтожил своею рукою Пугачев. — 96.
- ²⁶ *Богатырям* — батырям, наездникам. — 96.
- ²⁷ Указ воспроизводится по архивному документу, представляющему собой «копию с копии» (ЦГАДА, ф. VI, д. 415, л. 25). Настоящий документ представляет собой видоизмененную, приспособленную к потребностям момента редакцию напечатанного указа коменданту Красногорской крепости (см. указ № 8, на стр. 95—96). — 96.
- ²⁸ *Два мартила* — то-есть две мортиры, две пушки. — 96.
- ²⁹ *Крестом и бородою* — то-есть старообрядческим крестом и правом не брить бороду. — 96.
- ³⁰ Напечатан впервые в книге Дубровина (т. II). Указ является ультиматумом оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу о сдаче Пугачеву гарнизона крепости. Написан И. Я. Почиталиным. — 97.
- ³¹ Указ воспроизводится по архивному подлиннику, который представляет собой официальный перевод с татарского языка (ЦГАДА, ф. VI, д. 415, л. 30). — 98.
- ³² *Бортлями* — пчельниками. — 98.
- ³³ *Бобровыми гонами* — местами, где водятся речные бобры, дающие ценный мех. — 98.
- ³⁴ *Крестьянского кошта* — то-есть крестьянского иждивения, труда. — 98.
- ³⁵ *Те* — то-есть «ненавистники и возмутители». — 99.
- ³⁶ *Всемирное житие* — то-есть мирную, благополучную жизнь. — 99.
- ³⁷ Манифест напечатан впервые в журнале «Русская Старина» (июнь 1875 г.). Этот манифест был очень популярен и распространен, о чем свидетельствует большое число сохранившихся экземпля-

ров с незначительными текстуальными изменениями. Написан, как предполагается, И. Я. Почиталиным и секретарем Военной коллегии Пугачева Максимом Горшковым; в составлении его принимал также участие заводской крестьянин Иван Петров. Манифест воспроизводится по архивной копии (ЦГАДА, ф. VI, д. 415, л. 31). — 99.

³⁸ В предыдущих публикациях манифест датируется 2 декабря 1774 г., что является несомненной опиской, которая нами исправлена. — 100.

³⁹ Повеление печатается по архивному документу, который является официальным переводом с татарского языка. Датируется примерно началом декабря 1773 г. (ЦГАДА, ф. VI, д. 420, л. 23). — 100.

⁴⁰ Указ воспроизводится с копии, хранящейся в архиве. Перевод с башкирского был выполнен, как указано на копии, 15 декабря 1773 г. (ЦГАДА, ф. VI, д. 415, л. 47). — 101.

⁴¹ *Пожить разделить* — то-есть конфисковать и разделить имущество и землю. — 102.

⁴² Указ, адресованный крупному уральскому заводчику, активному участнику борьбы с Пугачевым И. Тимашеву, был подброшен ему 22 декабря 1773 г. — 102.

⁴³ *Копеечкин* — яицкий казак, казненный Пугачевым. — 102.

⁴⁴ Обращение воспроизводится по архивному документу (ЦГАДА, ф. VI, д. 415, лл. 18, 19). — 103.

⁴⁵ *Казака имрек* (имя рек). — В соответствии с пометкой на втором листе архивного экземпляра здесь имеется в виду яицкий казак Черноморский, казненный Пугачевым. — 103.

⁴⁶ *Понесть* — поносить, оскорблять. — 103.

⁴⁷ Указ воспроизводится по архивному документу (ЦГАДА, ф. VI, д. 415, л. 15). Напечатан впервые в журнале «Русская Старина» (июль 1875 г.). Написан секретарем Военной коллегии Пугачева А. Дубровским (в прошлом сын мценского купца И. С. Трофимов). — 103.

⁴⁸ *Древним крестом и молитвою* — правом беспрепятственно жить в старообрядчестве. — 103.

⁴⁹ *Головами и бородами* — то-есть неприкосновенными правами личности. — 103.

⁵⁰ Этот указ напечатан впервые в книге Дубровина (т. III). Манифест является попыткой со стороны Пугачева палатить неблагоприятно сложившиеся, как известно, по ряду причин отношения с Донским казачеством. — 104.

⁵¹ *Саксоны* — немцы, выходцы из Саксонии. — 105.

⁵² Напечатан впервые в журнале «Русский Архив» (1870). — 106.

⁵³ Напечатан впервые в книге Дубровина (т. II). Повеление является ультиматумом командованию гарнизона Оренбургской крепости о капитуляции. Написано, вероятно, Тимофеем Подуровым. — 106.

⁵⁴ Петр Беспалов выполнял артиллерийские заказы Пугачева. — 107.

⁵⁵ *5 голубиц и 30 бомб* — 5 гаубиц (орудий) и 30 бомб (сударядов). — 107.

⁵⁶ Повеление выдано в форме мандата атаману Нагайбацкой крепости В. И. Торнову. Архивный подлинник является переводом с татарского языка. — 107.

⁵⁷ *Двух светов* — то-есть Европы и Азии. — 107.

⁵⁸ Этот указ напечатан впервые в книге Дубровина (т. III). — 110.

ВОЗВАНИЯ, УВЕЩЕВАНИЯ И НАСТАВЛЕНИЯ ПУГАЧЕВСКИХ ПОЛКОВНИКОВ

¹ Воззвание напечатано впервые в журнале «Русская Старина» (июнь 1875). Оно адресовано челябинскому чиновнику В. И. Свербееву. — 111.

² *Господин воевода* — имеется в виду челябинский воевода. — 111.

³ *Обещаваю... живот* — обещаю сохранить жизнь. — 112.

⁴ Увещевание напечатано впервые в журнале «Русская Старина» (июнь 1875 г.). — 112.

⁵ *Компанейщики* — заводчики. — 112.

⁶ *Наведением* — то-есть установлениями, порядками. — 113.

⁷ *А мы — противотворникам* — противникам, врагам Пугачева. Местоимение «мы» является в данном случае риторической фигурой, которой И. Грязнов обозначает обитателей Челябинска, послушных царской администрации (противотворникам), оказывавшей сопротивление Пугачеву. — 113.

⁸ Воззвание напечатано впервые в «Русской Старине» (июнь 1875); оно, по видимому, должно быть датировано январем 1774 года. — 114.

⁹ *Ко увещеванию Гришек ростриг, видно, не находят.* — Имеются в виду официальные правительственные прокламации, сравнивавшие Е. И. Пугачева с самозванцем начала XVII века Григорием Отрепьевым. — 114.

¹⁰ *Без малых* — то-есть без крестьян, без дворни. — 114.

¹¹ Увещевание «главного российского войска предводителя» И. С. Кузнецова напечатано впервые в сборнике «Пугачевщина» (т. 1). Является одним из любопытнейших документов о борьбе Пугачева и его главных сподвижников за дисциплину и порядок в охваченных восстанием районах и войсках. — 115.

¹² *Предобижения* — обиды. — 116.

¹³ *Президента Хлебникова* — то-есть градоправителя города Кунгура купца Хлебникова. — 116.

¹⁴ *Оставя свой предел* — в данном случае в смысле: оставя свою исконную веру. — 116.

¹⁵ *Оставляли при церквах богу возблагодарение* — то-есть прекратили богослужения. — 116.

¹⁶ *Печися* — заботиться. — 119.

¹⁷ *Ратоборствие* — сражение. — 120.

¹⁸ Наставление напечатано впервые в книге Дубровина (т. II).

¹⁹ *Граф Иван Никифорович Чернышев* — именование ближайшего сподвижника Пугачева И. Н. Чики-Зарубина. — 121.

²⁰ *Заручного письма* — поручительного письма. — 121.

²¹ *Экономических три села.* — Имеют в виду села, бывшие во владении монастырей, а с 1764 года перешедшие в ведение государства. — 122.

²² *О несчастном припадке* — то-есть о неудаче пугачевских войск. — 123.

²³ *Не из лестоцов* — то-есть не из льстецов. — 124.

²⁴ *Повытчик* — писарь, делопроизводитель. — 124.

²⁵ *Чрез нарочную почту* — указание на организацию средств связи в охваченных восстанием районах. — 124.

²⁶ *Политической смерти* — указание на определенные карательные меры, которые, повидимому, применялись властями Пугачева. — 125.

²⁷ *Если обыщутся* — то-есть если сыщутся, окажутся. — 125.

²⁸ *Обирать с запискою* — то-есть отбирать под расписку. — 125.

Н. И. НОВИКОВ

Новиков Николай Иванович (1744—1818) — выдающийся просветитель и книгоиздатель XVIII века. Родился в селе Тихвино-Авдотьино, Бронницкого уезда, Московской губернии (ныне Малинского района, Московской области), в семье небогатого помещика. Первоначальное образование получил дома. В конце 1750-х годов учился в дворянской гимназии при Московском университете. В 1762 г. Новиков, переехав в Петербург, поступил на военную службу в Измайловский гвардейский полк, начав службу с солдатского чина. Здесь с середины 1760-х годов начал он свою литературную и книгоиздательскую деятельность. В 1767—1768 гг. принимал участие в работах Комиссии по составлению проекта нового уложения в качестве секретаря подкомиссии «о среднем роде людей». В 1769—1770 гг издавал изобличавший крепостнические нравы и порядки сатирический журнал «Трутень», в 1770 г. — журнал «Пустомеля», в 1772—1773 гг. — сатирический журнал «Живописец» и в 1774 г. — журнал «Кошелек».

После Пугачевского восстания Новиков, как и некоторые другие дворянские просветители, примкнул к масонству; однако он не прекратил своей просветительской деятельности. Особенно расцвета достигла его просветительская и книгоиздательская деятельность в десятилетие 1779—1789 гг., в связи с переездом его в Москву и арендованием типографии Московского университета. В 1784 г. им была организована «Типографическая компания» — своего рода акционерное издательское общество, которое создало в Москве одну из наиболее крупных (в 20 печатных станков) в России и вообще в Европе первоклассных в техническом отношении типографий. За время своей деятельности Новиков издал около тысячи книг по самым различным отраслям знания и культуры.

За свою общественную и просветительскую деятельность Новиков неоднократно подвергался преследованиям со стороны царского

правительства. В 1792 г. он был арестован и без суда, по указу Екатерины II, заточен на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость. Только после смерти императрицы, в ноябре 1796 г., он вышел на свободу.

Одновременно с осуждением Новикова подверглись правительственному разгрому все его издательские предприятия. Огромное количество книг (около 20 тысяч) по приказу Екатерины II было предано огню. На все остальное имущество была паложена строгая опека, то-есть правительственный арест.

Все дальнейшие годы после выхода из крепости Новиков провел безвыездно в своем селе Тихвино-Авдотьино.

Деятельность Новикова имела громадное значение для развития русской науки и культуры и для распространения научных знаний в народе.

Новиков был плодовитым писателем. Его перу принадлежат многочисленные статьи в сатирических журналах и других периодических его изданиях. Он является автором и составителем ряда ценных исторических и историко-литературных трудов, не потерявших своего значения и до сих пор, как, например: «Древняя Российская Вивлиофика», «Опыт исторического словаря о российских писателях» и др.

О ряде произведений Новикова, например об «Отрывке путешествия в *** И*** Т***», о «Письмах к Фалалею» и др., в литературе высказывались и высказываются мнения, что они принадлежат другим авторам: «Отрывок путешествия» приписывается Радищеву, «Письма к Фалалею» — Фонвизину и т. п. Однако предисловие Новикова к 3-му изданию «Живописца» в 1775 г. дает все же довольно веские основания полагать, что автором этих ярких осуждающих крепостничество статей был он сам. Новиков указывает в предисловии, что он *«много переменил, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений под другими заглавиями»*. (Курсив мой. — Л. С.) Столь значительные редакционные изменения, внесенные Новиковым в напечатанные статьи, не оставляют сомнений в том, что он был если не автором их, то во всяком случае активным соавтором тех своих сотрудников, которыми эти статьи написаны.

В советскую эпоху избранные статьи и заметки из «Трутня» и «Живописца» Новикова были изданы в составе сборника «Русские сатирические журналы XVIII века», М., Учпедгиз, 1940.

Произведения Н. И. Новикова напечатаны также в сборнике «Русская проза XVIII века», т. I, Гослитиздат, 1950. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР выпустил однотомник «Сатирические журналы Н. И. Новикова», изд. Академии наук СССР, М. — Л. 1951.

В 1951 г. Гослитиздатом издан также однотомник: *Н. И. Новиков, Избранные сочинения*, в которые вошли многие неизвестные его произведения.

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ИЗ САТИРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ТРУТЕНЬ»

Сатирический журнал Н. И. Новикова «Трутень» начал выходить 2 мая 1769 г. и прекратил свое существование 27 апреля 1770 г. Журнал выходил еженедельно в виде тетрадки в несколько страниц. Отсюда и название номеров журнала «Листы» или «Листики». Всего за время издания вышло 53 номера средним тиражом 700—800 экземпляров.

Сатира журнала «Трутень», особенно в 1769 г., имела ярко выраженный антикрепостнический характер. Само название его — «Трутень», то-есть паразит, бездельник, живущий за счет труда других, — и предпосланный к нему эпитаф — «Они работают, а вы их труд ядите» — давали сразу же читателю представление о том, чему преимущественно будет посвящено содержание журнала. Резкая и меткая критика и изобличение Новиковым и его сотрудниками ужасов крепостнического строя, эксплуатации народа, злодеяний дворян-помещиков, их тунеядства и порочности, низкоклонства перед границей сделали чрезвычайно популярным журнал «Трутень» и вызвали одновременно крайнее недовольство Екатерины II и правящих кругов дворянства, что, повидимому, и привело к насильственному прекращению издания журнала в результате цензурного запрета. Имеются сведения, что в «Трутне» кроме Новикова сотрудничали писатели А. А. Аблесимов, В. И. Майков, Ф. А. Эмин, Д. И. Фонвизин и др. Лучшие антикрепостнические статьи из «Трутня» были дважды переизданы Новиковым совместно со статьями из сатирического журнала «Живописец», который выходил в 1772—1773 гг. Эти статьи вошли в 3 и 4-е издания «Живописца» 1775 и 1781 гг. 5-е издание «Живописца» вышло в 1793 г., в то время когда Новиков уже более года находился в заключении. Оно было осуществлено, как установлено, петербургским книгопродавцем Зотовым, вероятно, при содействии единомышленников Новикова. Включенные в настоящий сборник статьи и заметки «Трутня», которые вошли в 3-е и 4-е издания «Живописца», воспроизводятся по 4-му изданию этого журнала. Остальные статьи и заметки печатаются по 2-му изданию «Трутня», за исключением заметки из листа VII от 9 июня 1769 г., которая не вошла во 2-е издание и воспроизводится по 1-му изданию.

Заголовки всех статей и заметок, входящих в настоящий сборник, даны по 2-му изданию «Трутня».

¹ *«Предисловие»* — предпослано 1-му номеру «Трутня» 2 мая 1769 г. — 129.

² *Угождает случайным людям* — угождает людям, попавшим «в случай», то-есть в фавор при дворе. — 130.

³ А. П. Сумароков. — 130.

⁴ *Ни с каким случайным боярином* — ни с каким придворным временщиком. — 133.

⁵ *Знает человечество* — знает человеколюбие. — 133.

⁶ *Второй ваш листок написан не по правилам вашей прабабки.* — Во 2-м номере «Трутня» было напечатано письмо дяди к своему

племяннику, в котором в сатирических тонах изобличались взяточничество и вымогательство царских чиновников. «Письмо» вызвало по адресу Новикова нарекания официозного журнала «Всякая всячина», издававшегося самой Екатериной II, которую Новиков, как и все остальные издатели сатирических журналов того времени, иносказательно именует «прабабкой». «Всякая всячина» проповедовала принципы безобидной, не затрагивающей никого лично, «улыбательной» сатиры. Поэтому принципиальная и бьющая по определенным социальным порокам сатира «Трутня» и оказалась написанной «не по правилам прабабки». Письмо Правдулюбова (Новикова) является ответом «Всякой всячине», то-есть Екатерине II, и свидетельствует, как и последующие письма, относящиеся к этой полемике, о мужестве и смелости Новикова в его борьбе за право критиковать пороки самодержавно-крепостнического строя. — 134.

⁷ *Упомянутой госпожи* — то-есть Екатерины II. — 134.

⁸ *Из всего поколения вашей прабабки* — то-есть из всех сатирических журналов, издававшихся в 1769 г. одновременно с «Трутнем». — 135.

⁹ *Но она меланхолических писем читать не любит.* — Автор письма ссылается здесь на статью во «Всякой всячине», в которой смелые сатирические письма Новикова были названы «меланхолическими». — 135.

¹⁰ Статья является продолжением полемики с журналом «Всякая всячина». — 138.

¹¹ Письмо Правдулюбова является также продолжением полемики со «Всякой всячиной» о принципах сатирического творчества. — 138.

¹² *Господин А.* — корреспондент, чье сатирическое письмо, направленное против пороков дворянско-крепостнического общества, редакция «Всякой всячины» отказалась напечатать, поместив, однако, на своих страницах пространный ответ на него с рядом угроз и личных оскорблений. Возможно, что корреспондент А. — Новиков. — 139.

¹³ *Ни кнуты, ни виселицы.* — В журнале «Всякая всячина» появлялись статьи, написанные Екатериной II или инспирированные ею с угрозами по адресу передовых писателей и мыслителей. — 139.

¹⁴ *«Господин издатель!»* — также напечатано в 8-м номере журнала. — 140.

¹⁵ *Какого ни на есть царства русского владения* — то-есть на каторгу в Сибирь. — 141.

¹⁶ *Нынче-де знают и малые ребята этот счет* — намек на то, что Новиков печатает в «Трутне» свои и своих сотрудников статьи, а не «присылаемые» якобы кем-то со стороны. — 142.

¹⁷ *Семерым знатным боярам* — см. ниже примеч. 30, в котором говорится не о семи, а о восьми вельможах. — 143.

¹⁸ *Под именем акциденции болезнию* — то-есть брал за все взятки. — 145.

¹⁹ *Бурдо* — Бордо. — 146.

²⁰ *Шевалье* — один из старинных дворянских титулов во Франции. — 146.

²¹ *В разных ремеслах и должностях третьего рода* — то-есть в воровстве. — 146.

²² *Гофмейстер* — наставник, надзиратель. — 146.

²³ *От... хлебоного нектара* — от водки, от беспробудного пьянства. — 146.

²⁴ В 1-м и во 2-м изданиях «Трутня» напечатано: «...о чем неоднократно подавал он проекты, которые многими ради хороших и отменных мыслей были похваляемы, а многими были опорочены для того...». В 3-м и 4-м изданиях «Живописца» слова «были похваляемы, а многими» опущены. — 148.

²⁵ *Гербовники и патенты* — различные собрания знаков и документальных свидетельств о родословии и чинах дворян и офицеров. — 148.

²⁶ *Александрийские листы* — особый высокий сорт бумаги. — 148.

²⁷ В 3-м и 4-м изданиях «Живописца» после слов «без отдохновения» опущен следующий текст, имеющийся в 1-м и во 2-м изданиях «Трутня»: «Они не смеют и мыслить, что они человеки, но почитают себя осужденниками за грехи отец своих, видя, что прочие их братья у помещиков-отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастью, ради того что они в своем звании благополучны». — 150.

²⁸ *Ездит с собаками* — то-есть охотится. — 152.

²⁹ *Свойства* — в данном случае в значении имущества. — 156.

³⁰ *Посмотри на О.. П... Н... С... В... Ш... Б... В...* — Есть некоторые основания думать, что здесь имеются в виду следующие вельможи екатерининской эпохи: Г. Г. Орлов, П. И. Панин, С. В. Нарышкин, И. П. Салтыков, А. Н. Васильчиков, П. Б. Шереметев, Ф. П. Барятинский, В. А. Всеволодский. — 159.

³¹ *Из приказного рода* — чиновник. — 161.

³² *Глаза не были завязаны.* — В античной мифологии богиня правосудия Фемида обычно изображалась с завязанными глазами и весами в руках. — 162.

³³ *Играть на бильярде а ла-гер* — то-есть упорно состязаться в игре на бильярде. — 162.

³⁴ *По несколько империалов.* — Империал — золотая монета в царской России достоинством в 10 рублей. — 162.

³⁵ *Понезе* — ввиду того, так как. Новиков намеренно выделяет это слово курсивом как типичное для канцелярско-приказного жаргона того времени. — 162.

³⁶ *Удобное время* — то-есть это самое удобное время дать судье взятку (под предлогом проигрыша в игре). — 163.

³⁷ *Против желания моего.* — Новиков вынужден был прекратить издание «Трутня» по цензурным условиям. — 163.

³⁸ *Указ о лихоимстве* — указ, изданный в первые годы царствования Екатерины II. — 163.

³⁹ *Екатерингоф* — загородный парк в Петербурге. — 164.

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ИЗ САТИРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА
«ЖИВОПИСЕЦ»

Еженедельный сатирический журнал «Живописец» выходил с 12 апреля 1772 г. по июнь 1773 г. Всего за время издания вышло 52 номера журнала. Средний тираж — 600—700 экземпляров. «Живописец», так же как и «Трутень», выходил в виде тетради в несколько страниц. Статьи и заметки из журнала «Живописец» печатаются по 4-му изданию (1781 г.) этого журнала, за исключением обращения Фалалея к издателю «Живописца» (из листа 23) и письма «дворянина с одною душою» (из листа 25), которые воспроизводятся по 2-му изданию.

Заголовки всех статей и заметок, входящих в настоящий сборник, даны по 1-му и 2-му изданиям «Живописца».

Наиболее яркие и злободневные, антикрепостнические статьи напечатаны в 1-й части «Живописца» в 1772 г. Но резкое недовольство господствующей дворянской знати и самой Екатерины II критикой крепостнической системы и, как следствие этого, придирики цензуры, что видно из целого ряда пропусков в тексте, сделанных под цензурным натиском, а также начавшееся восстание крепостных крестьян под руководством Пугачева привели к тому, что во 2-й части журнала Новиков был вынужден в сущности прекратить печатание антикрепостнических сатирических статей.

Издание «Живописца» прекратилось внезапно и, по всей вероятности, также вследствие цензурного запрета.

О политической остроте содержания сатирических журналов Новикова свидетельствует и то обстоятельство, что царская цензура, как известно, чинила серьезные препятствия при пересылании литературоведом и библиографом П. А. Ефремовым в 1864 г. «Живописца» и в 1865 г. «Трутня».

¹ «Неизвестному г. сочинителю комедии «О, Время!» приписание» — напечатано в первом номере журнала «Живописец». Автор комедии «О, Время!» была Екатерина II. Новиков, хорошо зная это, умышленно посвятил свое новое сатирическое издание этому «автору», предполагая обезопасить себя таким образом от цензурных преследований. Именно этим объясняется утверждение Новикова, что комедия возбудила у него желание подражать ее автору в «похвальном подвиге исправлять нравы своих единоземцев». — 166.

² *Следуйте только его примеру.* — Надлежит иметь здесь в виду небольшие, но характерные редакционные изменения, внесенные Новиковым в 3-е и 4-е издания «Живописца», вследствие которых прежние положительные похвалы превратились в условные. В 1-м и 2-м изданиях было: «неро ваме достойно равенства с Молиеровым. Следуйте ж его примеру». — 166.

³ *Дарованная вольность.* — Здесь намек на широкообещательные, но невыполненные обещания Екатерины II при ее воцарении ввести некоторые свободы в стране. — 168.

⁴ В 3-м, 4-м и 5-м изданиях «Живописца» заключительные строки посвящения, напечатанные в 1-м и во 2-м изданиях («Впрочем, для меня весьма лестно получить ваш ответ»), опущены. Это, конечно, не случайное редакционное изменение. — 169.

⁵ *Высокопарного Невнопада*. — Очевидно, имеется в виду придворный рептильный одописец В. Петров. — 170.

⁶ *Держаго Кривотолка*. — Возможно, писатель В. И. Лукин. — 170.

⁷ *Писатель, старающегося забавлять разум своими сочинениями*. — Вероятно, имеется в виду писатель М. Д. Чулков, издатель сатирического журнала «И то и сё» (1769). — 170.

⁸ *Нравоучителя, порицающего всех критиков*. — Имеется в виду Екатерина II. — 170.

⁹ *Трагический писатель* — вероятно, А. А. Ржевский. — 170.

¹⁰ *Писатель комедий* — вероятно, Екатерина II. — 171.

¹¹ *Учился я у дьячка* — автобиографический момент. — 173.

¹² *Адонид* — Адонис, по древним сказаниям, — прекрасный юноша, любимец Афродиты. — 175.

¹³ *Аркибузировать* — расстрелять. — 176.

¹⁴ *В приказ* — в ведомство. — 177.

¹⁵ *На свой салтык* — на свой лад, по своему подобию. — 177.

¹⁶ *Серенький... красное* — шуточные названия дней недели в щегольском жаргоне XVIII века. — 180.

¹⁷ *Ты ожидаешь чего-нибудь поважнее, потерпи, пожалуй, все будет*. — Новиков имеет здесь в виду, конечно, сатирические статьи, направленные против основных зол самодержавно-крепостнического строя. — 180.

¹⁸ *Романы и сказки*. — Имеются в виду широко распространенные в XVIII веке приключенческие и «рыцарские» романы и сказки, например «О Бове королевиче» и пр. — 185.

¹⁹ Статья Новикова является ответом на резко отрицательные отклики, которые вызвал в правящих кругах напечатанный в 5-м номере журнала антикрепостнический «Отрывок путешествия в *** И*** Т***». Статья является также своеобразным вступлением к продолжению «Отрывка», который был напечатан в следующем, 14-м номере журнала. — 186.

²⁰ Пропуски в тексте сделаны Новиковым по цензурным соображениям. — 187.

²¹ Тоже пропуск по цензурным соображениям. — 188.

²² Тоже пропуск по цензурным соображениям. — 188.

²³ *Любимцы Плутовы* — то-есть любимцы Плутона; Плутос в древнегреческой мифологии считался богом богатства и роскоши. — 189.

²⁴ *Ильинский батька* — то-есть ильинский поп. — 192.

²⁵ *Канонник* — святцы, молитвенник. — 192.

²⁶ *Стягом говяжьим* — то-есть коровьей тушей. — 192.

²⁷ *Шесть денег* — то-есть 3 копейки. Деньга — старинная русская монета достоинством в 1/2 копейки. — 192.

²⁸ *Прибыль откупщикам*. — Имеется в виду указ 1765 г. об

установлении государственной монополии на винокурение и продажу вина и отдачу этого права откупщикам. — 192.

²⁹ *Дали вольность*. — Имеется в виду указ о вольности дворянства, изданный в 1762 г. Петром III, предоставлявший дворянству многие важные преимущества. — 192.

³⁰ *Выйти из службы*. — Указ 1762 г. освобождал дворян от обязательной государственной службы. — 193.

³¹ *Выше Ивана Великого* — выше колокольни в Московском Кремле; в ту эпоху эта колокольня считалась самым высоким сооружением в Москве. — 193.

³² *Кормчая книга*. — Древнерусский сборник церковных правил и узаконений. — 193.

³³ *Печатные листочки* — то-есть журнал «Живописец». — 194.

³⁴ *Четы-Минеи* — сборник рассказов о жизни святых. — 194.

³⁵ *Орлов* — фаворит Екатерины II. Новиков упоминает его, вероятно, по цензурным соображениям, для того чтобы сгладить в какой-то мере антикрепостническую заостренность своего памфлета. — 194.

³⁶ *Скосьирь и Налетка* — собаки. — 195.

³⁷ *Перемен двенадцать подадут* — то-есть двенадцать перемен розог. — 195.

³⁸ Ответ Фалалея родным не был напечатан в журнале. В 3-м и 4-м изданиях «Живописца» обращение Фалалея к издателю журнала опущено. — 197.

³⁹ *Не будет Егорья* — то-есть Георгиевского креста. Орден, учрежденный в России в 1769 году для награждения за воинскую доблесть. — 198.

⁴⁰ *При монастырских крестьянах*. — Имеется в виду служебная деятельность упомянутого в письме чиновника при переводе в 1764 г. крепостных крестьян, принадлежавших монастырям, в ведение государства. — 202.

⁴¹ *Определились* — то-есть получили назначение на доходные должности. — 202.

⁴² Данная статья воспроизводится по 2-му изданию «Живописца» 1773 г. В 3-м и 4-м изданиях статья опущена. — 203.

⁴³ *Четыре копейки*. — Номер журнала «Живописец» продавался по 4 копейки. — 203.

⁴⁴ *В некоторых*. — Здесь пропуск, вероятно, по цензурным мотивам. — 203.

⁴⁵ *Титулярный советник* — гражданский чин так называемого 9-го класса по петровской «Табели о рангах». — 207.

⁴⁶ *При **** — вероятно, при Петре I. — 208.

⁴⁷ *В свои деревни*. — При Екатерине II царские чиновники, уличенные во взяточничестве, отделявались незначительным наказанием; обычно ссылались для безмятежной жизни в свои нажитые грабемно деревни. — 208.

⁴⁸ Пропуск в тексте, вероятно, по цензурным соображениям. — 208.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ «ДРЕВНЕЙ РОССИЙСКОЙ ВИВЛИОФИКИ»

Исторический труд под названием «Древняя Российская Вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описание свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев», издавался Новиковым периодически в 1773—1775 гг. Всего вышло 10 частей. Часть I вышла в Петербурге в январе 1773 г. Впоследствии, в 1788—1791 гг., Новиков выпустил «вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное» издание «Древней Российской Вивлиофики» в 20 частях. В 1894 г. «Вивлиофика» была переиздана земской публичной библиотекой города Мышкина, Ярославской губернии. Предисловие воспроизводится по 1-ой части исправленного издания (1788 г.).

¹ *Некоторых маловажных моих сочинений.* — Так называет Новиков свои статьи в сатирических журналах и некоторые исторические и историко-литературные работы, написанные и изданные им в предшествующие годы. — 212.

² *Сенским воздухом* — то-есть воздухом реки Сены, протекающей в Париже. — 212.

³ *День святого Варфоломея* — дата массового избиятия католиками протестантов-гугенотов в ночь на 24 августа 1572 г. — 212.

⁴ *Клевет А* де Ш**.* — Имеется в виду аббат Жан Шапп де Отерш, автор клеветнической книги о России. — 213.

⁵ *Ободрить меня самым делом.* — По распоряжению Екатерины II Новикову было разрешено пользоваться историческими рукописями, хранившимися в государственных архивах. — 213.

«КОШЕЛЕК», ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ СОЧИНЕНИЕ 1774 г.

¹ *Вместо предисловия.* — Вводная статья к сатирическому журналу «Кошелек»; напечатана в первом номере «Кошелька», который Новиков издавал в Петербурге в 1774 г. Журнал выходил с 8 июля по 2 сентября. Всего вышло 9 номеров (листов) журнала. Переиздан литературоведом А. Афанасьевым в Москве в 1858 г. Журнал «Кошелек» посвящен преимущественно критике дворянского космополитизма, низкопоклонства перед границей. Вводная статья воспроизводится по 1-му изданию 1774 г. — 214.

² *Прегращение русского кошелька во французский* — то-есть непроизводительная трата русскими дворянами денег на дорогостоящие безделушки и предметы роскоши, приносившие огромные барыши французским промышленникам и торговцам. — 216.

Д. И. ФОНВИЗИН

Фонвизин Денис Иванович (1745—1792) — выдающийся русский писатель XVIII века, создатель одного из шедевров русской на-

циональной драматургии — антикрепостнической комедии «Недоросль» (поставлена на сцене впервые 24 сентября 1782 г.; напечатана анонимно впервые в 1783 г.), продолжающей до сих пор оставаться в репертуаре наших театров.

Д. И. Фонвизин родился в Москве. Происходил из военной дворянской семьи. Учился в Московском университете. В 1770-х и в начале 1780-х годов служил в коллегии иностранных дел, где он был близким помощником, доверенным лицом и другом выдающегося государственного деятеля екатерининской эпохи Никиты Ивановича Панина. Фонвизин умер в Петербурге в 1792 г.

В своих комедиях («Бригадир» и «Недоросль») многочисленных сатирических и публицистических статьях Фонвизин бичевал и осуждал социальные пороки своей эпохи. Не случайно Пушкин видел в нем активного деятеля русской освободительной мысли и называл его «другом свободы». Революционные демократы 40—60-х годов XIX века высоко ценили деятельность и творчество Фонвизина.

ПОСЛАНИЕ

К СЛУГАМ МОИМ ШУМИЛОВУ, ВАНЬКЕ И ПЕТРУШКЕ

Написано в начале 1760-х годов. Неоднократно перепечатывалось в XVIII веке и затем в собраниях сочинений Фонвизина. «Послание» широко распространялось и в рукописных копиях. Его значение достаточно убедительно характеризуется словами Белинского, который указывал, что оно «переживет все толстые поэмы того времени». В настоящем издании воспроизводится текст «Послания», изданного в 1769 г. вместе с переведенною Фонвизиним повестью Арно «Сидней и Силли, или благоденствие и благодарность» (печатано при Московском университете).

¹ *Ижица* и *аза* — последняя и первая буквы старославянского алфавита. — 220.

² *Посадские* — то-есть торговцы, купцы и ремесленники. — 221.

³ *Подьячие* — писцы в судебных учреждениях. — 221.

⁴ *Смиренны пастыри* — духовенство. — 221.

⁵ *Щечи его казну* — бери, хватай его достояние. — 221.

КАЛЛИСФЕН

Написано, как предполагается, в 1780 г. Впервые напечатано в сборнике «Правдолюбец, или карманная книжка мудрого» (СПб. 1801), откуда и воспроизводится в настоящем издании. В основу повести положены некоторые достоверные события из истории царствования Александра Македонского. Повесть иносказательно направлена против Екатерины II и «придворной черни», «придворных тварей», которые преследуют и изгоняют философов, мыслителей, смело критикующих действия и поступки государей.

¹ Аристотель был наставником Александра Македонского; Каллисфен — родственник и ученик Аристотеля. — 223.

² Имеется в виду война с персами (334—327 гг. до н. э.), в которой Александр одержал решительную победу над войсками персидского царя Дария III Кодомана. — 224.

³ *На сретение* — навстречу. — 225.

⁴ *Козрозецкая область*. — Имеется в виду, вероятно, древняя Согдиана или Бактрия. — 225.

⁵ *Храм Юпитера Аммона* — египетский храм, жрецы которого провозгласили Александра Македонского «сыном Аммона» («сыном солнца») и законным наследником древних фараонов. — 229.

⁶ Александр убил Клита, который спас ему жизнь в битве с персами при реке Граникс. — 232.

⁷ *Дерзновенно Каллисфена*. — По историческим сведениям, Каллисфен, заподозренный в заговоре против Александра, был заточен в тюрьму, где и умер. — 232.

ОПЫТ РОССИЙСКОГО СОСЛОВНИКА

Напечатан впервые в 1783 г. в журнале «Собеседник любителей российского слова» (части I, IV, X), откуда и воспроизводится в настоящем издании.

«Опыт» составлен Фонвизинным в связи с его деятельностью в Российской академии в 1783—1784 гг. по выработке руководящих правил для создания словаря русского языка. Истолковывая синонимы и близкие по значению и образованию русские слова (отсюда и название «сословник» — по аналогии со словами «сотоварищ», «собеседник»), Фонвизин придал своему, казалось, сугубо филологическому труду в ряде мест характер острого политического памфлета, например при истолковании слов «проманивать», «глупец», «низкий», «подлый», «чин», «сан» и т. д. Имеются в «Опыте» и некоторые автобиографические моменты, которые Фонвизин намеренно ввел с целью выражения своего недовольства вынужденной отставкой. Например при истолковании слова «покой». Это тем более характерно, что журнал «Собеседник» издавался при непосредственном, как известно, участии Екатерины II.

¹ *Человечество* — в данном случае в смысле — человечность. — 238.

² *Разум* — в данном случае — смысл. — 238.

³ Имеется в виду книга Гельвеция «De l'esprit» (1758) («Об уме»), которую Фонвизин изучил, как и другие труды французских материалистов XVIII века. — 242.

⁴ *Приказные служители* — чиновники каких-либо ведомств. — 244.

⁵ Рассказ о бездарном дворянине Глупоне изображает, надо думать, какое-либо реальное лицо, близкое ко двору, вероятно, крупного сановника И. П. Елагина, секретарем которого одно время был Фонвизин. — 244.

ВСЕОБЩАЯ ПРИДВОРНАЯ ГРАММАТИКА

Написана в начале 1780-х годов и предназначалась для журнала «Собеседник любителей российского слова», но не была в нем напечатана вследствие острого политического содержания. Статья не смогла быть напечатана и в предпринятом Фонвизиным в конце 1780-х годов издании сатирического журнала «Друг честных людей, или Стародум», запрещенного цензурой. «Грамматика» была широко распространена в рукописных копиях, ее упоминает в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев, читавший ее в рукописи. Впервые была напечатана в первом полном собрании сочинений Фонвизина в 1829 г. (издание неполноценно в текстологическом отношении). «Грамматика» воспроизводится в настоящем издании по «Полному собранию сочинений» Фонвизина, М. 1830, ч. III.

¹ *Кажутся Катонами* — то-есть притворяются смелыми республиканцами, обличителями деспотического самовластья. — 249.

РАССУЖДЕНИЕ

О ИСТРЕБИВШЕЙСЯ В РОССИИ СОВСЕМ ВСЯКОЙ ФОРМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ И ОТТОГО О ЗЫБЛЕМОМ СОСТОЯНИИ КАК ИМПЕРИИ, ТАК И САМИХ ГОСУДАРЕЙ

Среди публицистических произведений Фонвизина замечательно его «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления и оттого о зыблемом состоянии как империи, так и самих государей», написанное примерно в 1780—1783 гг. «Рассуждение» называют еще и «Завещанием Панина».

В фондах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) сохранилось письмо к Павлу I брата Н. И. Панина, Петра Панина. «Вашему императорскому величеству сведомо, — пишет Петр Панин, — что покойный мой брат, министр, граф Панин сочинял к поднесению вашему величеству «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления, и оттого о зыблемом состоянии как империи, так и самих государей»... Начатое им сохранилось от преследования (то-есть от преследования Екатерины II, по распоряжению которой были изъяты все бумаги Н. И. Панина. — *Л. С.*) в самый час смерти всех бумаг скончавшегося вернейшим к нему приверженцем Денисом Ивановичем Фонвизиним, к которому брат мой имел полную доверенность, а господин Фонвизин оправдал предо мною собственно как оную; так и подданническую вернейшую свою преданность и к вашему императорскому величеству весьма достаточными опытами, ибо он означенное брата моего «Рассуждение», сохранив со всею верностию, отдал мне, сколь скоро приехал я в Петербург, то потому и не мог я здесь пропустить без поручения господина Фонвизина в вашу монаршую милость и призрение как человека притом с особливими способностями ко гражданской и политической службе.

Покойный брат мой по последнем выезде в путешествие вашего императорского величества лишился возможности употреблять собственную руку на долгое писание, да и голова его перестала уже выносить долгую тиктагуру (то-есть диктовку. — Л. С.), для того все оное рассуждение писано рукою Фонвизина из преподаваемых словесных только покойным наименований». 1 октября 1784 г., в селе Дугине (ЦГАДА, ф. 1, р. 1, д. № 17, л. 1, 2).

«Рассуждение» стало известно Екатерине II и навлекло опалу на Фонвизина. Он был немедленно отставлен от службы; на его литературную деятельность был наложен фактический запрет; до конца его жизни произведения его уже не печатались. Историческое предание сохранило характерную фразу, с нескрываемым озлоблением произнесенную императрицей в кругу придворных при ознакомлении с конституционным проектом Фонвизина: «Худо мне жить приходится, уж и господин Фонвизин хочет учить меня царствовать!»

Когда же «Рассуждение» дошло до Павла I, он не обратил на него никакого внимания.

«Рассуждение» было впервые напечатано А. И. Герценом под названием «О праве государственном» в «Историческом сборнике Вольной русской типографии» в Лондоне (1860, выпуск 2-й, стр. 168—189). Оттуда перепечатано в «Международной библиотеке» (1880), издававшейся Э. Л. Каспровичем в Лейпциге. В России было впервые напечатано в приложении к книге Е. С. Шумигорского «Император Павел I. Жизнь и царствование» (Спб. 1907). Все эти публикации были, однако, неточны. В настоящем издании «Рассуждение» воспроизводится по архивной рукописи, хранящейся в ЦГАДА (ф. 1, р. 1, д. № 17, лл. 5—17). На первой странице этой рукописи написано следующее: «Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина Рассуждение о неперменных государственных законах».

¹ Такие же суждения о нравах екатерининской эпохи высказывают положительные персонажи комедии «Недоросль» — Стародум и Правдин. Стародум был одно время близок ко двору, и его глазам предстала там потрясающая картина стяжательства, зависти и честолюбия; здесь, многозначительно указывает Стародум, «по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее» (действие III, явление I). — 256.

² *Вчерашний капрал*. — Имеется, несомненно, в виду фаворит Екатерины II Григорий Потемкин. — 256.

³ *Откупы* — в царской России сдача с торгов частным лицам в эксплуатацию государственных монополий, например торговли вином, солью, взимания податей и пр.; Фонвизин указывает, что в его время предметом «откупа» стали правосудие, раздача наград, служебных мест и пр. — 256.

⁴ *Под особенное его начальство* — то-есть для единоличного решения, минуя все законные устаовления. — 256.

⁶ *Живым примером утверждаемого.* — Критика Фонвизина направлена против «живого» адресата, то-есть против Екатерины II. — 257.

⁶ *Возвещает благоденствие народа.* — Имеется в виду «Наказ» Екатерины II Комиссии для сочинения проекта нового уложения 1767 г., в котором были даны торжественные обещания издать законы, улучшающие положение народа. Все это ни в коей мере не было выполнено. Наоборот, последующее законодательство Екатерины II резко ухудшило положение народных масс, усилило произвол помещиков, ввело и закрепило самые гнусные и бесчеловечные формы крепостнического рабства (например, законы 17 января 1765 г. и 22 августа 1767 г., запрещавшие крестьянам под страхом суровых телесных наказаний и каторги жаловаться на притеснения и злодеяния помещиков, закон 1771 г., поощрявший разнузданную неограниченную торговлю крепостными, закон 1783 г. о закреплении украинского крестьянства и др.). — 257.

⁷ *С лишком на тридцать больших областей.* — В соответствии с изданным в 1775 г. «Учреждением о губерниях» было предусмотрено образование 40 губерний. Однако, когда Фонвизин писал «Рассуждение», еще не все губернии были образованы; поэтому он и говорит приблизительно на тридцати с лишком областях. — 264.

⁸ *Из двух городов* — то-есть Петербурга и Москвы. — 264.

⁹ *Для зверской толпы буян.* — Здесь имеется в виду, несомненно, царская гвардия, решавшая часто в XVIII веке в дворцовых заговорах вопрос о том, кому занимать царский престол. — 264.

¹⁰ *Трибуналы гражданские и уголовные.* — Имеются в виду различные формы судопроизводства в допетровской Руси. — 264.

¹¹ *Устав о благочинии* — закон о деятельности полиции, охране порядка и добронравия, изданный Екатериной II в 1775 г. при учреждении губерний. — 265.

И. А. КРЫЛОВ

Крылов Иван Андреевич (1769—1844) — знаменитый писатель и баснописец. Родился в Москве в незнатной и бедной офицерской семье. С детства ему пришлось испытать лишения и невзгоды. Еще мальчиком начал он служить в разных канцелярских должностях. В 1782 г. Крылов переехал в Петербург, где вскоре и началась его литературная деятельность. Первыми его литературными опытами были драматургические произведения. В 1784 г. он написал антикрепостническую оперу «Кофейница». Затем в 1786 г. он написал комическую оперу «Бешеная семья» и комедию «Сочинитель в прихожей»; в 1788 г. — комедию «Проказники» и др. В конце 80-х годов XVIII в. Крылов сблизился с кружком свободомыслящих дворян во главе с И. Г. Рахманиновым и стал помещать свои произведения в издававшиеся им журнале «Утренние часы». Уже в ряде произведений Крылова той поры отчетливо проявляются антикрепостнические идеи и мотивы. Он осуждает богатство и роскошь, приобретаемые за счет крепостнической эксплуатации народа, эгоистическое наслаждение всеми благами жизни «немногих избравших», в то время как угне-

тенное трудящееся большинство населения страны живет в беспроектной нищете и нужде. Особенно замечательна деятельность Крылова как издателя и сотрудника сатирических журналов. С января 1789 г. он стал издавать сатирический журнал «Почта духов, ежемесячное издание, или ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами». В этом журнале, где единственным автором был сам Крылов (предположение о сотрудничестве в нем Радищева не нашло сколько-нибудь веских подтверждений), он подверг суровой критике и осуждению общественные язвы современной ему эпохи — крепостническое рабство, самодержавный произвол, неправосудие, взяточничество, космополитизм дворянской знати и ее пресмыкательство перед иностранщиной. О степени остроты и актуальности сатиры Крылова можно судить и по тому, что царская цензура даже в 1847 г. при издании Полного собрания сочинений Крылова запретила печатать значительную часть писем «Почты духов».

«Почта духов» продолжала лучшие традиции сатирических журналов Новикова «Трутень» и «Живописец», изобличавших крепостнические злодеяния. Крылов использовал многие приемы и мотивы новиковской сатиры.

Прекращение издания «Почты духов» в августе 1789 г. произошло в результате неблагоприятных цензурных условий при усилившейся правительственной реакции после революционных событий во Франции (штурм Бастилии — 14 июля 1789 г.).

В 1792 г. начал выходить новый сатирический журнал — «Зритель». Его издавал Крылов «с товарищи» — с писателем А. И. Клушиным, актерами-драматургами П. А. Плавильщиковым и И. А. Дмитриевским. Они организовали своеобразное акционерное общество и на паевые вклады завели собственную типографию, где и печатался «Зритель». Редактором и основным сотрудником журнала был Крылов. В статьях, напечатанных в этом журнале, его сатирическое мастерство достигает высшего совершенства. Здесь им был создан ряд непревзойденных образцов политически заостренных сатирических пародий и замысловатого, метко разящего гротеска, как, например, «Речь, говоренная повесою в собрании дураков», «Мысли философа по моде, или способ казаться разумным, не имея ни капли разума», «Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная его другом в присутствии его приятелей за чашею пуншу» и др.

Журнал «Зритель» был запрещен цензурой в конце 1792 г.

В 1793 г. Крылов издавал журнал «С.-Петербургский Меркурий». Это был, собственно, уже не сатирический журнал. Социальная сатира представлена в нем только двумя статьями Крылова: «Похвальная речь науке убивать время, говоренная в новый год», «Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей».

Этими остроумными памфлетами заканчивается знаменательный период журналистской деятельности великого сатирика.

Журнал «С.-Петербургский Меркурий», как и предыдущие издания, повидимому, прекратился также вследствие цензурного за-

прета, и Крылов был вынужден на некоторое время покинуть Петербург.

Журнальная сатира Крылова прямо предшествует его басенному творчеству, органически неразрывно с ним связана. В баснях своеобразно воплотились мотивы и идейное содержание крыловской сатиры, его социальное бунтарство, критика крепостнического строя.

Текст напечатанных в настоящем издании сочинений Крылова воспроизводится по Полному собранию сочинений, т. I, Гослитиздат, М. 1945.

ПИСЬМА ИЗ ЖУРНАЛА «ПОЧТА ДУХОВ»

Журнал выходил с января по август 1789 г. Тираж — 250—300 экземпляров. Всего в журнале было напечатано 48 писем. По сохранившимся архивным материалам (ЦГАДА, ГА, р. VII, л. № 2837) видно, что в начале 1790-х годов было предпринято новое издание журнала большим по тому времени тиражом в 650 экземпляров. Однако оно не увидело света: цензура запретила издание. Весь отпечатанный тираж подлежал уничтожению. Но еще до того он сгорел во время случившегося пожара в имении Рахманипова в Тамбовской губернии. 2-е издание «Почты духов» вышло в Петербурге в 1802 г. Письма из «Почты духов», включенные в настоящий сборник, воспроизводятся по изданию 1802 г.

¹ *Догадливым французам* — насмешка над низкопоклонством перед заграницей дворянской знати, которая благоговела даже перед парижской грязью (как известно, в XVIII веке Париж был очень грязным городом). — 269.

² *Итальянская миля* — примерно 2 тысячи метров. В XVIII в. итальянская миля считалась самой длинной путевой мерой. — 269.

³ *В Харибде* — в самом опасном для мореплавателей месте водоворота в Мессинском заливе, где, по преданию, обитали чудовища Сцилла и Харибда. — 272.

⁴ *Один из ваших философов* — древнегреческий философ Эмпедокл (V век до н. э.). По одному из преданий, он бросился в кратер вулкана Этны, чтобы таинственным исчезновением своим дать повод для обоготворения себя. Однако одна из его медных сандалей была выброшена во время извержения вулкана, что и раскрыло тайну его смерти. — 272.

⁵ Легенда о беседе древнегреческого мудреца Солона с лидийским парем Крезом (VI век до н. э.) повествует о том, как Солон пришел к выводу, что, несмотря на несметные богатства Креза, он не может признать его счастливым. — 274.

⁶ *Юлианскому ли или древнему римскому*. — По юлианскому (установленному Юлием Цезарем) календарю новый год начинался 1 января; по так называемому древнеримскому календарю новый год начинался с весны, а первым новогодним месяцем считался

март. Зачастую счет месяцев нового года начинался произвольно, в зависимости от условий погоды. — 277.

⁷ *Прозерпина* — в древнегреческой мифологии богиня подземного царства, жена Плутона. — 278.

⁸ *Плутон* — в древнегреческой мифологии бог земных недр. — 278.

⁹ *Аглинские прогулки* — модный танец в XVIII веке. — 278.

¹⁰ *Филиппические речи стоили тебе головы*. — Древнеримский оратор Цицерон за обличительные («филиппические») речи против диктатора триумвира Антония был по приказу последнего умерщвлен. — 279.

¹¹ *Оперы буффо* — комические оперы. — 279.

¹² *Буффоном* — театральным комиком, забавником. — 279.

¹³ *Нарциссами и Адонисами* — в данном случае в смысле «прекрасными юношами». — 279.

¹⁴ *Ганимед* — в древнегреческой мифологии прекрасный юноша, похищенный орлом по повелению Зевса. — 280.

¹⁵ *Тупей алакроше* — модная прическа в XVIII веке. — 280.

¹⁶ *Радамант, Эак и Минос* — в древнегреческой мифологии — судьи подземного царства Плутона. — 280.

¹⁷ *Фуфо* — модно-курьезное платье. — 280.

¹⁸ Слова, взятые в квадратные скобки, напечатаны в издании 1789 г. и опущены в издании 1802 г. — 282.

¹⁹ *Сенека, быть может, один, а Эпиктетов найдется две тысячи* — то-есть, бедняков-философов множество. — 282.

²⁰ *Мизантропами* Крылов в данном случае, как он сам указывает, называет иносказательно писателей и мыслителей смело и безбоязненно критикующих и изобличающих общественные пороки. — 286.

²¹ *Циническая секта* — то-есть философская школа так называемых пняников, проповедовавших примитивные нравы и примитивный образ жизни. — 291.

²² *Струями Иппокрены* — то-есть водой из мифической реки вдохновения. — 293.

²³ *Парирую тебе всем* — ручаюсь, бьюсь об заклад. — 296.

²⁴ *Уездный дворянин* — то-есть отсталый провинциал. — 297.

²⁵ *В ряды* — в торговые ряды, в лавки. — 297.

²⁶ *За связку соломы* — за соломенную шляпку. — 297.

²⁷ *Разносчиками* — мелкими торговцами, торгующими на улице с корзин. — 299.

²⁸ *Я тебя раз уведомлял*. — В одном из своих предыдущих писем гном Зора описал дворянский бал-маскарад в Петербурге. — 300.

²⁹ В 1-м издании журнала 1789 г. весь этот абзац, начиная со слов «Область, опустошенная...» и кончая словами «...соседственных государей», напечатан в такой редакции: «Для меня весьма кажется удивительно, премудрый Маликульмульк, что, невзирая на все те бедствия, которые тщеславным Юлием и кровожаждущим Нероном свету причинены были, нашлись в то время столь гнусные люди, которые не устыдились превозносить их великими похвалами, приписывая им пышное название *Великих* и *Победителей*. Сии подлые льстецы недостойны называться име-

нем человека, ибо похвалою своею развращая сердца государей, причиняют чрез то гибель роду человеческому. Желательно бы было, чтоб государи, предузнавая гнусное ласкательство таковых извергов, подвергали их строжайшему и примерному наказанию, а тем избавляли бы многих от несчастья». — 304.

³⁰ *Мудрого и человеколюбивого государя* — Петра I. — 305.

³¹ *Называют Великими*. — Крылов высказывает здесь те же мысли, которые в свое время высказывал и Ломоносов в оде «На счастье» (1760), Радищев — в «Путешествии из Петербурга в Москву» и другие передовые русские мыслители XVIII века о том, что «великими» незаслуженно именуют государей, прославившихся разорительными и опустошительными войнами. — 305.

³² *Бесчеловечных пустосвятов*. — Подразумеваются жестокости католической инквизиции и массовое избиение во Франции гугенотов католиками в Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г. — 305.

³³ *Критская и Македемонская* — древнегреческие республики на острове Крите и в Спарте. — 318.

³⁴ *Трем нашим судьям* — см. примечание 16 на стр. 578. — 321.

³⁵ *Заживо укрепил* — то-есть при жизни завсчал деревню. — 323.

³⁶ *Его весы* — то-есть весы правосудия. — 324.

³⁷ *В приказе* — в служебных делах. — 326.

³⁸ *По фородрафии* — то-есть по правилам орфографии. — 326.

³⁹ *Советник* — в данном случае судья. — 326.

⁴⁰ *Табельным праздникам* — в официальные праздничные дни. — 327.

⁴¹ *Европейских ведомостях* — европейских газетах. — 329.

⁴² *Животная книга* — по библейскому преданию, книга жизни (живота), в которую записываются деяния человека. — 329.

⁴³ *Великого Могола* — то-есть могущественного некогда султана Индии. — 330.

⁴⁴ *Царя Пегуского* — императора одного из небольших государств (Пегу) в Малайе. — 330.

⁴⁵ *Новой фабрики* — то-есть новой выделки, недавнего происхождения. — 331.

⁴⁶ *Сребролюбие*. — Утверждение Лукиана о корыстолюбии Аристотеля является полемическим приемом. — 337.

⁴⁷ *в... в...* — пропуск названия Петербурга или Москвы по цензурным условиям. — 340.

⁴⁸ *Сочинители Бредящего мещанина*. — Имеются в виду авторы статей полумасонского журнала «Беседующий гражданин» (издавался в Петербурге в 1789 г.), которые резко нападали на сатирическую публицистику. — 341.

⁴⁹ *Множество машин* — здесь в смысле манекшенов, разряженных живых кукол, щеголих. — 344.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «ЗРИТЕЛЬ»

Журнал издавался с февраля до конца 1792 г.; выходил ежемесячно тиражом 200—250 экземпляров. Всего вышло 11 кни-

жек, составивших четыре части журнала. Статьи из журнала «Зритель» воспроизводятся здесь по изданию 1792 г.

РЕЧЬ, ГОВОРЕННАЯ ПОВЕСОЮ В СОБРАНИИ ДУРАКОВ

Напечатана во 2-й части журнала, стр. 42—58.

¹ *Некоторыми беспокойными головами.* — Имеется в виду сатирическая литература и публицистика, осуждавшая дворянские нравы. — 350.

² *Обрезали мы стан его целою четвертью* — затянули в корсет. — 350.

³ *Т...* — Есть предположение, что Крылов имеет здесь в виду посредственного драматурга В. И. Лукина (1737—1794), снабжавшего свои комедии длинными предисловиями. — 353.

⁴ *Комедии Мнимого Детуша* — В. И. Лукина, переведившего комедии французского драматурга XVIII века Филиппа Детуша. — 353.

⁵ *Романа Антирихардсона.* — Есть предположение, что здесь подразумевается сентиментальный дворянский писатель П. Ю. Львов (1770—1825), автор романа «Российская Памела или история Марии, добродетельной поселянки» (СПб. 1794). — 353.

⁶ *Протей* — в древнегреческой мифологии морское божество, которому приписывалась способность менять свой вид, перевоплощаться. — 353.

⁷ *Крымские овчинки* — каракуль. — 354.

⁸ Имеются в виду роман Ричардсона «Кларисса Гарлоу» и роман Жан Жака Руссо «Новая Элоиза». — 354.

⁹ Буало полемизировал со своими литературными противниками, французскими писателями Николасом Прадоном и Шарлем Котэнем. — 355.

¹⁰ *Тарантул.* — Предполагается, что Крылов имеет здесь в виду своего литературного противника и личного врага драматурга Я. Б. Княжнина (1742—1791). — 355.

¹¹ *Базиль* — дон Базилио, персонаж комедий французского драматурга Бомарше «Севильский цирюльник» и «Женитьба Фигаро» — монах ханжа и клеветник. — 356.

¹² *Магистратская тюрьма* — городская долговая тюрьма. — 357.

РАССУЖДЕНИЕ О ДРУЖЕСТВЕ

Напечатано во 2-й части журнала, стр. 236—245.

МЫСЛИ ФИЛОСОФА ПО МОДЕ, ИЛИ СПОСОБ КАЗАТЬСЯ РАЗУМНЫМ, НЕ ИМЕЯ НИ КАПЛИ РАЗУМА

Напечатано во 2-й части журнала, стр. 279—295.

¹ *Брейтегам и Гек* — вероятно, какие-либо иностранные торговцы модными товарами. — 363.

² *Партию в виск* — то-есть в вист (карточная игра). — 367.

³ *Дон-Кихот* — Дон-Кихот. — 368.

⁴ *Над Юнговыми Ночами*. — Имеется в виду поэма «Ночные думы» английского поэта Эдварда Юнга (1681—1765). — 368.

⁵ *Морская труба* — рупор. — 369.

⁶ *На галерах* — то-есть на каторжных работах. — 370.

ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ В ПАМЯТЬ МОЕМУ ДЕДУШКЕ,
ГОВОРЕННАЯ ЕГО ДРУГОМ В ПРИСУТСТВИИ ЕГО
ПРИЯТЕЛЕЙ ЗА ЧАШЕЮ ПУНШУ

Напечатано в 3-й части журнала, стр. 63—80.

¹ *Складывал гражданскую печать* — то-есть учился читать, складывая буквы алфавита. — 374.

² *По толкам* — по складам. — 374.

³ Крылов использует здесь сообщение Плутарха, будто Юлий Цезарь имел вещи предостережения о грозящем ему несчастье, но, несмотря на это, пошел в сенат, где и был убит заговорщиками-сенаторами. — 377.

⁴ *Ни в которой масти* — то-есть в карточной игре. — 377.

ИЗ ЖУРНАЛА
«С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕРКУРИЙ»

Журнал выходил ежемесячно с января по декабрь 1793 г. тиражом в 200—250 экземпляров. Всего вышло 12 книжек, составивших четыре части журнала.

ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ
НАУКЕ УБИВАТЬ ВРЕМЯ

Напечатана в 1-й части журнала, стр. 22—52. Статья воспроизводится здесь по изданию 1793 г.

¹ Крылов пользуется в данном случае библейским летосчислением, согласно которому мир был сотворен примерно семь тысяч лет назад. — 381.

² *Американцы*. — Имеются в виду коренные жители Америки — индейцы и пр. — 382.

³ *Глупых Мидасов* — то-есть глупых богачей. Мидас — легендарный фригийский царь, обладавший волшебным даром превращать в золото все, чего он касался. — 382.

⁴ *Римский Капитолий* — храм Юпитера в древнем Риме. — 382.

⁵ *Августовы медали* — медали, выбитые еще при первом римском императоре Цезаре Октавиане Августе. — 382.

⁶ *Сезострис* — легендарный древнеегипетский завоеватель. — 384.

⁷ *Печатью Воспитательного дома* — то-есть карточные колоды. — 385.

⁸ *В физике вашей* — то-есть в физическом состоянии, в теле. — 385.

⁹ *В честь парнасским каникулам нынешнего времени* — намек на реакционную политику царского правительства, пресекавшего творчество прогрессивных писателей и поэтов. — 389.

П. С. БАТУРИН

Вопрос об авторстве «Исследования книги о заблуждениях и истине» на протяжении долгого времени являлся историко-литературной загадкой. Еще в конце 50-х годов прошлого века эту загадку пытался разрешить библиограф М. Н. Лонгинов, но безуспешно. Выказывалось мнение, что обозначение места и года издания: «В Туле — 1790 г.», не более как мистификация и что книга вообще не могла быть напечатана в Туле, так как там в XVIII веке не было типографии.

Все эти вопросы и недоумения получили свое окончательное разрешение с опубликованием в 1918 г. в журнале «Голос минувшего» отрывка из записок писателя XVIII века Пафнутия Сергеевича Батурина, из которых узнаем, что он и является автором «Исследования книги о заблуждениях и истине». П. С. Батурин служил несколько лет в Калужском и Тульском наместничестве в качестве судебного советника по гражданским и уголовным делам. Кроме своих непосредственных служебных обязанностей П. С. Батурин ведал еще делами калужского театра и типографии, заведенной наместником Н. М. Кречетниковым по его совету и по постоянному. В этой типографии Батурин напечатал ряд своих произведений и переводов. Перечисляя названия книг, напечатанных в калужской типографии, Батурин указывает: вместе с ними «печатано было возращение, которое я сочинил на книгу «О заблуждениях и истине», содержащую науку мартинов, обнаруживающее таинственные их числа и прочие нелепости» («Голос минувшего», 1918, № 4—6, стр. 176).

Обстоятельства напечатания книги также выясняются из «Записок» П. С. Батурина. В 1788 г. наместник Н. М. Кречетников перенес свою резиденцию из Калуги в Тулу, куда были переведены все ведомственные учреждения наместничества. Сюда переехал и П. С. Батурин, привезший с собой из Калуги печатный стан и типографские шрифты. В Туле и было напечатано «Исследования книги о заблуждениях и истине».

Биографические сведения о П. С. Батурине скудны, так как опубликована только третья и то не весьма хорошо сохранившаяся часть его мемуаров. Предыдущие две части, где, должно быть, была изложена биография автора, не обнаружены.

П. С. Батурин родился около 1740 г. Происходя из дворянской семьи, Батурин был скорее типичным разночинцем, нежели

дворянином, так как не обладал недвижимым имуществом и не имел крепостных. Служебную деятельность начал он в очень молодом возрасте, с 1754 г., в одном из конных гвардейских полков. Был участником Семилетней войны (1756—1762).

В начале царствования Екатерины II вышел в отставку в чине капитана. В 1770 г. был вновь определен на военную службу и принял участие в первой Турецкой войне. Эти обстоятельства нашли свое отражение и в «Исследованиях» (см., например, стр. 452).

Где учился Батурич — неизвестно. Из его записок видно, что он обладал большой любознательностью, много читал, занимался литературой, вопросами театра, музыкой, изучал физику, химию, медицину и другие науки. Батурич путешествовал за границей, был в Италии и Франции, знал иностранные языки и занимался переводами.

В 1783—1790 гг. П. С. Батурич служил в Калужском и Тульском наместничестве, в последующие годы в Киеве, Несвиже, Житомире, Воронеже и пр. преимущественно в судебном ведомстве. Умер Батурич в Минске в 1803 г.

Кроме «Исследования книги о заблуждениях и истине», П. С. Батурич является автором и переводчиком еще ряда других напечатанных в Калуге книг: «Колумб в Америке» (1786), «Краткое повествование о аравлянах» (1787), «Собрание разных правоучительных повестей и басен. Перевод с немецкого» (1785), а также статей, появившихся в разных периодических изданиях XVIII века, в частности в «Собеседнике любителей русского слова», издававшегося в 1783—1784 гг. В записках названы также некоторые произведения Батурича, преимущественно драматургические, которые были им написаны, но не были напечатаны.

В предисловии к книге «Краткое повествование о аравлянах» (стр. IX) П. С. Батурич сообщает, что в 1785 г. он намеревался издавать журнал, но встретил в своем предприятии непреодолимые препятствия.

Записки обнаруживают, что автор их был прогрессивным деятелем, презиравшим туеядство, беззаконие, хищения и взяточничество царских чиновников и купечества, полицейский произвол, высокомерие дворянской знати. П. Батурич как судья стойко защищал интересы крестьян от посягательств и обид помещиков и чиновников.

Широкие общественные и философские интересы Батурича побудили его решительно бороться с мистицизмом и масонством, как с реакционным движением, в которое были вовлечены значительные круги столичного и провинциального дворянства.

ИССЛЕДОВАНИЕ КНИГИ О ЗАБЛУЖДЕНИЯХ И ИСТИНЕ

Полное название книги таково: «Исследование книги о заблуждениях и истине. Сочинено особливим обществом одного губернского города. В Туле, 1790». Текст воспроизводится по этому единственному, перепечатанному изданию.

Поводом для написания «Исследования» явился перевод книги мистика Сен-Мартена, изданный в Москве «Типографической компанией» в 1785 г. под названием, которое уже само по себе изобличает претензии ее автора на роль непререкаемого мудреца, провидца, которому единственно удалось понять смысл всего и вся. Приводим это название книги: «О заблуждениях и истине, или воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания. Сочинение, в котором открывается примечателям сомнительность изысканий их и непрестанные их погрешности и вместе указывается путь, по которому должно бы им шествовать к приобретению физической очевидности о происхождении добра и зла, о человеке, о натуре вещественной, о натуре невещественной и о натуре священной, об основании политических правлений, о власти государей, о правосудии гражданском и уголовном, о науках, языках и художествах. Философа неизвестного. Переведено с французского. Изданием Типографической компании. В Москве, в вольной типографии И. Лопухина. С указного дозволения. 1785 года». По сведениям Е. Болховитинова, хорошо осведомленного в вопросах литературы XVIII века, перевод книги Сен-Мартена был сделан студентом П. И. Страховым (впоследствии профессором физики Московского университета). Эта претенциозная, шарлатанская книга, распространявшаяся и рекламировавшаяся масонами, вызвала ряд опровержений ее как за границей, так и в России, и наиболее обстоятельным ее опровержением явилось публикуемое в настоящем издании «Исследование».

¹ Эпиграф к книге заимствован из так называемых духовных од Ломоносова, из «Преложения псалма 26» (см. *М. В. Ломоносов*, Соч., под ред. М. И. Сухомлинова, т. I, Спб. 1891, стр. 297). — 393.

² *О новой секте* — о новой масонской ложе, которую часто в то время называли сектой. — 393.

³ *Науки мартинистов* — учения масонов, сторонников и последователей Сен-Мартена. — 393.

⁴ *До святылища мнимой тайны, хранимой новыми гиерофантами* — намек на таинственность, какой сопровождалась деятельность масонских лож. Гиерофант — старший жрец в древней Греции, посвященный во все сокровенные таинства. — 394.

⁵ *Была пресечена* — имеется в виду запрещение правительством перевода книги Сен-Мартена в 1786 г. *Рассеять* — в данном случае в смысле посеять, распространить. — 394.

⁶ *Господин переводчик*. — По имеющимся сведениям, переводчик книги Сен-Мартена П. И. Страхов был близок в молодости к масонам. — 398.

⁷ В нашем издании таблица опущена. — 398.

⁸ *Нанесло перемену и в обстоятельствах* — имеется в виду фактический запрет Екатериной II деятельности московских масонов-розенкрейцеров, а также изменение служебных обстоятельств автора книги. — 398.

⁹ *Витзна* — Вишна — божество любви и добродетели в древнеиндийской религии. — 404.

¹⁰ *Девты* — Дивы — боги или духи в древнеиндийской религии. — 404.

¹¹ *Вейды* — Веды — четыре священные книги индусов, содержащие описания обрядов, деяний богов и святых, разного рода гимны, заклинания и пр. — 404.

¹² *Ганскрит* — санскрит — древнеиндийский язык. — 406.

¹³ *Молиерова Скангарелу* — комедия Мольера «Сгангарель, или Мнимый рогоносец». — 414.

¹⁴ *Ньютоновы* — Ньютона. — 419.

¹⁵ *Мечтовидца* — мистика, фантаста. — 420.

¹⁶ *Между араблянами* — между арабами. — 421.

¹⁷ *Симулакров* — призраков, привидений. — 421.

¹⁸ Батурин ошибочно приписывает мистику Сен-Мартену точку зрения Спинозы. — 422.

¹⁹ Батурин объясняет здесь процесс пищеварения в соответствии с понятиями и терминологией, которые господствовали в науке той эпохи. — 426.

²⁰ *Флогистиком* — то-есть флогистоном, особым веществом, которое, по мнению некоторых естествоиспытателей тех времен, якобы содействовало горению. — 426.

²¹ *Вольном каменщике*. — Масоны, как правило, именовали себя «вольными каменщиками храма христового», то-есть строителями новой истинной религии. — 434.

²² Батурин объясняет процесс кровообращения в соответствии с понятиями и терминологией, принятыми в медицине XVIII века. — 442.

²³ *Гиерогматы* — хироманты, гадатели. — 458.

²⁴ *Празднества Цереры* — празднества богини земледелия и плодородия. — 458.

²⁵ *Пантоминою* — пантомимую. — 459.

²⁶ *Антидот* — противоядие. Батурин прибегает здесь к аналогии, имея в виду брошюру под таким же названием, написанную, как предполагается, И. И. Шуваловым и изданную по инициативе Екатерины II в опровержение клеветнической книги о России аббата Шаппи де Отерош (см. примечание 4 на стр. 570). — 476.

²⁷ *Иконоборцы* — противники почитания икон. Религиозно-сектантское движение, возникшее в раннем христианстве в VIII—IX веках. — 486.

²⁸ *Манихейцы* — сторонники религиозно-философского учения, возникшего в раннем средневековье. Это учение построено на представлении о борьбе двух первоначал: добра и зла (света и тьмы), образующих два самостоятельных мира; не допускало крещения и требовало строго аскетического образа жизни. — 486.

²⁹ *Духовные кавалеры* — рыцари. — 486.

³⁰ *Фрикци* — мази. — 500.

ЗЕРЦАЛО БЕЗБОЖИЯ

Напечатано впервые в сборнике «Звелья», 1950, № 8, стр. 743—751.

Трактат обнаружен в одном из рукописных сборников конца XVIII века, найденном в городе Костроме в 1941 г.

Автор трактата неизвестен. Время написания — конец XVIII века.

При перепечатке трактата в настоящем издании исправлен ряд опечаток и сокращений текста первопечатной публикации.

«Зерцало безбожия» (то-есть — устав безбожия) является бесспорно выдающимся памятником русской философской мысли XVIII века.

¹ Здесь и ниже все многоточия в тексте оригинала. — 535.

² *Но я препинаюсь* — то-есть я сомневаюсь. — 536.

³ Здесь опечатка. Следует читать: «перст», вместо «перстом», то-есть действие, повеление. — 538.

⁴ *Наказать ниневитян*. — Имеется в виду предание о разрушении дотла столицы Ассирийского царства Ниневии (VII век до н. э.), одного из самых крупных городов в древнем мире. — 538.

⁵ *Весь день* — всегда, постоянно. — 539.

⁶ *Пройти в милостях и в козях козях*, то-есть быть нищим, жить милостыней. — 539.

⁷ *Как и баснословие христианства, одобряет мир единою ссылкой, — пустынею, изгнанием* — т. е. священное писание ложно внушает, что наилучшее существование для человека в отшельничестве, в пустыне, что человек должен сознательно стремиться к мученичеству. — 542.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Август Гай Цезарь Октавиан* (63 до н. э. — 14 н. э.), первый римский император — 382, 486.
- Августин Аврелий* (354—430), богослов — 342, 404.
- Александр Македонский* (356—323 до н. э.), царь Македонии, прославившийся военными походами и жестоким обращением с покоренными народами — 223—232, 304, 337, 378, 384, 388.
- Алцибиад (Алкивиад)* (451—404 до н. э.), афинский государственный деятель и полководец — 290.
- Альберт (фон Больштедт)* (1193—1280), немецкий богослов и натуралист — 436.
- Антоний Марк* (83—31 до н. э.), римский полководец и государственный деятель — 279, 486.
- Аристотель* (384—322 до н. э.), древнегреческий философ — 223—224, 229, 232, 245, 316, 319, 337—340.

Б

- Бакон* — см. Бэкон.
- Бейль Пьер* (1647—1706), французский писатель и философ-просветитель — 408.
- Белобородов Иван Наумович* (XVIII в.), уральский рабочий, ближайший сподвижник Пугачева — 122, 124, 125.
- Бернард Клервоский* (1091—1153), богослов — 343.
- Бехер Иоганн Иоахим* (1635—1682), немецкий химик и медик — 415, 443.
- Биспалов (Беспалов) Петр* (XVIII в.), приказчик Воскресенского металлургического завода, участник Пугачевского восстания — 107.
- Бургаз Герман* (1668—1738), голландский медик и химик — 439, 440.
- Бойль Роберт* (1627—1691), английский физик и химик — 438, 525.
- Бомарше Пьер* (1732—1799), французский драматург и публицист — 356.

- Боме Антуан* (1728—1804), французский химик — 443.
- Бонет (Бонне) Шарль* (1720—1793), швейцарский философ-идеалист — 414.
- Бровцын Григорий* (XVIII в.) депутат Комиссии для сочинения проекта нового уложения от трубчевского дворянства — 73—75.
- Брут Марк Юний* (79—42 до н. э.), римский политический деятель, глава заговора против Юлия Цезаря — 279.
- Буало Николай* (1636—1711), французский поэт, теоретик классицизма — 335, 336, 355, 364.
- Бурдалу* (XVII в.), французский церковный оратор — 288.
- Бэкон Роджер (Роджер)* (1214—1294), английский философ и естествоиспытатель — 436.
- Бюффон (Бюффон) Жорж* (1707—1788), французский естествоиспытатель, автор «Естественной истории». Русский перевод в 10 частях, Спб. (1789—1808) — 414, 508, 525.
- В**
- Валентин (Валентинус) Базилиус* (XV в.), немецкий алхимик — 439.
- Валлерий Корд* (XVI в.), немецкий химик-фармаколог — 443.
- Вильгельм Завоеватель* (1027—1087), английский король — 35, 38.
- Винслов (Виносальво) Готфрид* (XIII в.), английский ученый — 439, 440, 450.
- Виргилий Публий Марон* (70—19 до н. э.), древнеримский поэт — 521.
- Вольтер Франсуа Мари Аруз* (1694—1778), французский философ-просветитель — 174, 245, 459.
- Г**
- Галилей Галилео* (1564—1642), итальянский астроном и физик — 508.
- Ганнибал* (ок. 248—183 до н. э.), карфагенский полководец — 378.
- Гарвей Вильям* (1578—1657), английский медик — 525.
- Гартсекер (Гартзеккер) Николай* (1656—1725), голландский ученый — 525.
- Гартлей Давид* (1705—1757), английский естествоиспытатель и врач — 439, 520.
- Гельвеций Клод Адриан* (1715—1771), французский философ-материалист — 242.
- Генлей* (1692—1756), английский богослов — 357.
- Гераклит Эфесский* (ок. 540—480 до н. э.), древнегреческий философ-материалист и диалектик — 312.
- Глазов Михаил* (XVIII в.), депутат Комиссии для сочинения проекта нового уложения от обоянских дворян — 56—64, 66—68.
- Глаубер Иоганн Рудольф* (1604—1668), немецкий врач и алхимик — 415.
- Гольвий (Гольвард) Иоганн* (1618—1651), немецкий врач — 406.
- Гомер* (ок. 900 до н. э.), древнегреческий легендарный автор «Илиады» и «Одиссеи» — 293, 521.
- Гросс Александр* (XVII в.), английский врач и богослов — 443.
- Грязнов Иван* (XVIII в.), сподвижник Пугачева — 112, 113.

Гус Иоганн (1369—1415), вождь чешского национального движения, сожженный на костре — 486.
Гю.м — см. Ю.м.

Д

Давид (1055—1015 до н. э.), древнеиудейский царь — 247.

Дарий III Кодоман, персидский царь (336—330 до н. э.) — 224, 229, 233.

Декарт Рене (1596—1650), французский философ-дуалист, математик и физик — 336, 525.

Де-Мабли — см. Мабли.

Демокрит (ок. 460—370 до н. э.), древнегреческий философ-материалист — 312, 340.

Демосфен (384—322 до н. э.), древнегреческий политический деятель и оратор — 316.

Депро (Депрео) — см. Буало.
Детуш Филипп (1680—1754), французский драматург — 353, 356, 368.

Диоген Лаэртций (Лаэртийский) (III в.), греческий мыслитель и писатель — 278, 337.

Е

Еврипид (480—406 до н. э.), древнегреческий драматург-трагик — 316.

Екатерина II (1729—1796), русская императрица — 49, 53, 69, 168, 235, 498.

Ерострат (Герострат) (IV в. до н. э.), грек, сжегший великопленный храм богини Артемиды в городе Эфесе, чтобы прославиться и увековечить свое имя — 319.

З

Зарубин-Чика Иван Никифорович (он же «граф Чернышев») (XVIII в.), сподвижник Пугачева — 121, 122.

Зороастр, легендарный религиозный реформатор в древней Персии — 421.

И

Игорь (X в.), великий князь Киевский — 13.

Иеремия Пражский (XV в.), чешский национальный деятель, последователь и сподвижник Яна Гуса — 486.

К

Каллисфен (IV в. до н. э.), древнегреческий философ, последователь Аристотеля — 223—232.

Карл XII, шведский король (1697—1718), войска которого были разгромлены в Полтавской битве в 1709 г. — 304.

Картезий — см. Декарт.

Катон Марк Порций Утический (95—46 до н. э.), римский политический деятель-республиканец — 249, 279.

Кердон (конец I и первая половина II в.), христианский еретик — 404.

Кесарь — см. Юлий Цезарь.

Кипенский Василий (XVIII в.), депутат Комиссии для сочинения проекта нового уложения от Казанской провинции — 80.

Клавдиан Клавдий (ок. 365—408), римский поэт из Александрии — 458.

Климент IX, папа римский (1667—1669) — 486.

Глючарев Василий (XVIII в.), депутат Комиссии для сочинения проекта нового уложения от Велико-Устюжской провинции — 76.

Колумб Христофор (1446—1506), испанский мореплаватель — 377.

Кондырев Михаил (XVIII в.), депутат Комиссии для сочинения проекта нового уложения от зарайских дворян — 56.

Коперник Николай (1473—1543), польский астроном, основатель гелиоцентрической теории — 508.

Косооговский Василий (XVIII в.), участник восстания Пугачева — 109.

Котин (Котен) Шарль (1604—1682), французский писатель — 355, 364.

Крез (VI в. до н. э.), лидийский царь — 274.

Ксеркс (V в. до н. э.), древнеперсидский царь — 281.

Л

Лавуазье Антуан Лоран (1743—1794), французский химик и физик — 437, 439.

Лев X, папа римский (1513—1521) — 486.

Левенгук (Левенгук) Антоний (1632—1723), голландский естествоиспытатель — 525.

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716), немецкий философ-идеалист, математик — 336, 337, 340, 341, 525.

Ле-Саж Аллен Ренэ (1668—1747), французский писатель-сатирик, автор популярных в XVIII в. романов «Хромой бес» и «Жиль Блаз» — 355, 368.

Лок (Локк) Джон (1632—1704), английский философ-материалист — 408.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), гениальный русский ученый, философ-материалист — 245, 368.

Лукиан (Лукиан) Самосатский (ок. 125—? н. э.), древнегреческий сатирик и писатель — 337.

Людовик XIII (1601—1643), французский король — 289.

Людовик XIV (1638—1715), французский король — 282.

М

Мабли Габриель Бонно (1709—1785), французский историк и социолог — 38.

Маккер Пьер Жозеф (1718—1784), французский химик и врач — 440, 443, 444.

Мальпиги Марчелло (1628—1694), итальянский врач и естествоиспытатель — 450, 525.

Маниет (Манех) (III в.), христианский еретик, основатель манихейства — 404.

Марграф Андрей Сигизмунд (1709—1802), немецкий химик — 438.

Марий Гай (156—86 до н. э.), римский полководец и политический деятель — 486.

Маркион (II в.), христианский еретик, основатель движения маркионитства — 404.

Мартин — см. Сен-Мартин.

Менандр (I в.), христианский богослов — 421.

Мольер (Мольер) Жан Батист Поклен (1622—1673), французский драматург — 166, 288, 290, 414.

Мопертюи Пьер Луи (1698—1759), французский философ-идеалист и астроном — 508.

Н

Нерон Клавдий Тиберий Германик (37—68), римский император — 304, 306.

Нейтон — см. Ньютон.

Неклюдов Василий (XVIII в.), депутат Комиссии нового уложения от тверских дворян — 59.

Нестор (1056 — ок. 1114), монах Киево-Печерского монастыря, древнерусский писатель, летописец — 245.

Ньютон Исаак (1642—1727), английский физик, астроном и математик — 313, 363, 419, 439, 508, 525.

О

Ольга (X в.), княгиня Киевская — 13.

Ономакрит (VI в. до н. э.), древнегреческий мистический поэт — 435.

Опочинин Александр (XVIII в.), депутат Комиссии для сочинения проекта нового уложения от углицкого дворянства — 56, 59.

Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783), государственный деятель эпохи Екатерины II — 194.

Осипов Максим (XVIII в.), должностное лицо; следил за выполнением артиллерийских заказов на Авзяно-петровском металлургическом заводе — 96.

Отрепьев Григорий (XVII в.), самозванец — 114.

П

Панин Никита Иванович (1718—1783), государственный деятель в эпоху Екатерины II,

президент иностранной коллегии — 265.

Панин Петр Иванович (1721—1789), брат Н. И. Панина, военный деятель — 265.

Парацельс Филипп (1493—1541), швейцарский врач и алхимик — 442.

Паскаль Блаз (1623—1662), французский математик и философ-идеалист — 339.

Петр I (1672—1725), русский император — 93, 98, 101.

Пифагор (ок. 571—497 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист и математик — 380, 435, 509.

Пласт Тит Макций (ок. 254—184 до н. э.), древнеримский драматург — 459.

Платон (427—347 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист — 224, 316, 338, 380.

Платонов Иван (XVIII в.), казначий атаман Антиповской станицы — 106.

Плиний Старший (23—79), древнеримский ученый и писатель — 360.

Плотников Андрей (XVIII в.), депутат Комиссии для сочинения проекта нового уложения от г. Великого Устюга — 76, 77.

Плющ (Полош) Иероним (XVI в.), испанский врач — 458.

Помпей Гней (106—48 до н. э.), римский полководец — 378.

Портнов Лазарь (XVIII в.), атаман илецкого казачества — 87.

Похвиснев Александр (XVIII в.), депутат Комиссии для сочинения проекта нового уложения от кромских дворян — 56, 61, 64.

Прадон Никола (1630—1698), французский писатель — 355, 364.

Пристель (Пристли) Джозеф (1733—1804), английский химик, философ-идеалист и богослов — 437.

Протасов Александр (XVIII в.), депутат Комиссии нового уложения от гороховецких дворян — 56, 59, 61.

Пулетье (Пелетье) Жан (1517—1582), французский медик и математик — 440.

Р

Рабнер (Рабенер) Готлиб Вильгельм (1714—1771), немецкий писатель-сатирик — 206.

Расин Жан-Батист (1639—1699), знаменитый французский драматург — 185.

Рейнздорп Иван Андреевич (XVIII в.), оренбургский губернатор — 97.

Ришелье Арман (1585—1642), кардинал, французский государственный деятель — 289.

Руйш Фридрих (1638—1731), голландский врач — 450.

Руссо Жан-Жак (1712—1778), французский философ-просветитель и писатель — 174, 368, 374.

Руэль Гильом Франсуа (1703—1770), французский химик — 440.

С

Самие Антуан (1699—1783), португальский врач и социолог — 36.

Свенелд (X в.), киевский воевода — 13.

Свербеев Василий Иванович (XVIII в.), представитель царской администрации в Челябинске — 111.

Секст Эмпирик (II в.), греческий врач и философ-скептик — 435.

Сенека Люций Анней (3—65), римский писатель и философ-идеалист — 277, 282, 287, 361.

Сен Мартин Луи Клод (1743—1803), французский писатель-мистик — 520.

Сенторий (Центореус) Джозеф (XVII в.), итальянский ученый — 525.

Сократ (469—399 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист — 144, 278, 363, 380.

Солон, афинский законодатель (VI в. до н. э.) — 274.

Спаланцини (Спалланцани) Лаццаро (1729—1799), итальянский физик и биолог — 525.

Софокл (ок. 497—406 до н. э.), древнегреческий трагик-поэт — 316.

Спиноза Бенедикт (1632—1677), голландский философ-материалист — 422.

Станислав Август Понятовский (1732—1798), последний польский король — 520.

Стептон Николай (1638—1687), датский врач-анатом — 439.

Сулдешев (Сулдешев) Елеазар (XVIII в.), участник восстания Пугачева — 109.

Сулла Люций Корнелий (138—78 до н. э.), римский полководец, впоследствии консул и диктатор — 486.

Сумароков Александр Петрович (1718—1777), дворянский писатель — 185.

Сципион Корнелий Африканский Старший (ок. 235 — ок. 183 до н. э.), римский полководец и политический деятель — 386.

Т

Тарквиний Древний, древнеримский царь и полководец — 279.

Гартини Джузеппе (1692—1770), итальянский скрипач и музыкальный теоретик — 528.

Тацит Корнелий (ок. 55 — ок. 120), древнеримский историк — 13, 331.

Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (ок. 160—? н. э.), христианский богослов — 458.

Тимашев Иван (XVIII в.), уральский заводчик, участник борьбы против Пугачева — 102.

Тимон Афинский, афинский мизантроп, о котором повествует древнегреческий историк Плутарх — 290, 291.

Тит Флавий Веспасиан (41—81), римский император — 386.

Торнов Василий (XVIII в.), участник восстания Пугачева — 108.

Ф

Федоров Давыд (XVIII в.), управляющий Авзянопетровским металлургическим заводом — 96.

Фенелон Франсуа де-Салиньяк (1651—1715), французский писатель и богослов — 422.

Филипп II Македонский (ок. 379—336 до н. э.), царь, отец Александра Македонского — 245.

Фукидид (ок. 460 — ок. 395 до н. э.), древнегреческий историк — 331.

Ц

Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.), древнеримский государственный деятель, оратор — 277—279, 331, 355, 458.

Ш

Шахматев (Шихматев) Михайло (XVIII в.), участник восстания Пугачева — 110.

Шведенбург (Шведенберг) Эммануил (1688—1772), шведский мистик — 420, 435, 520.

Шейн (Шейнер) Христовор (1575—1650), немецкий физик, математик и астроном — 440.

Шпильман Яков Рейнгольд (1722—1763), немецкий врач и химик — 440.

Шталь (Сталь) Георг Эрнст (1660—1734), немецкий химик и врач, основатель идеалистической флогистонной теории — 415, 443.

Щ

Щербатов Михайло Михайлович (1733—1790), реакционный дворянский публицист; депутат Комиссии для сочинения проекта нового уложения от ярославского дворянства — 75.

Э

Эйлер Леонард (1707—1783), физик и математик, член С.-Петербургской Академии наук — 363.

Эмпедокл (ок. 483—423 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист, врач и поэт — 277, 319, 335, 346, 347, 349.

Эпиктет (ок. 50 — ок. 138), древнегреческий философ-стоик — 282, 287.

Эпикур (342—270 до н. э.), древнегреческий философ-материалист — 332.

Ю

Юлаев Салават (XVIII в.), руководитель восставших башкир, сподвижник Пугачева — 118.

Юлий Цезарь Гай (100—44 до н. э.), римский государственный деятель и полководец — 279, 304, 377, 378.

Юм Давид (1711—1776), английский философ, субъективный идеалист — 35, 37, 39.

Юнг Эдвард (1681—1765), английский поэт — 368.

Юнкар Иоанн (юнкер) (1679—1759), немецкий врач и химик — 443.

Я

Ярослав I Владимирович Мудрый (978—1054), великий князь Киевский, сын Владимира Святославовича — 14.

**СЛОВАРЬ
СЛАВЯНСКИХ И ТРУДНОПОНИМАЕМЫХ СЛОВ
И ВЫРАЖЕНИЙ**

А

Авантаж — выгода, благоприятное положение.
Агнчий — овечий, безропотный.
Адонья — скирда.
Аки — как, так как, подобно, словно, как бы.
Акциденция — взятка.
Алкать — голодать, сильно желать (отсюда алчба).
Алтын — старинная монета достоинством в 3 к.
Алхимист — алхимик.
Аравитский — арабский.
Арапы — арабы.
Афеист — атеист.

Б

Блонды — шелковое кружево.
Бо — ибо, потому что.
Боение — раздражение, биение.
Боиза — вельможа, сановник.
Бременный — тяжелый, обременительный.
Брешие — тление, бренность, земля.
Буде — если, ежели, когда, коли.
Буффон — комик, шут.
Былие — растение, злак.

В

Валы — волны.
Вверяется — доверяется.
Вертец — пещера, убежище.
Вертоград — сад.
Вестно — известно.
Вивлиофика — библиотека, сборник исторических материалов.
Винословие — причина, доказательство.
Винословствовать — доказывать, объяснять.
Вития — оратор.
Винный — виновный.
Вместно — уместно.
Внушат — внимают, выслушают.
Волочага — бродяга.
Волхв — волшебник.
Воспящать — препятствовать, возбранять.
Вотще — напрасно, тщетно.
Вполы — наполовину.
Вседержитель — бог.
Всклепать — оклеветать.
Всуе — попусту, напрасно.
Вынаруживать — обнаруживать.
Выполированный — просвещенный.
Выразумление — истолкование, понимание.

Вычищенный — образованный, просвещенный.
 Вышестественный — сверхъестественный.
 Вяя — шея.
 Вящий — ббльший, высший.

Г

Гадка — дума, мысль.
 Газетьер — журналист, издатель газет.
 Гасы — шелка.
 Гиней — старинная английская золотая монета (около 10 руб.).
 Глагол — слово, речь.
 Горé — вверх, кверху.
 Горячность — любовь, привязанность.
 Греженье — грезение, мечтание.
 Гривна — денежная единица в древней Руси; впоследствии монета достоинством в 10 коп. (гривенник).

Д

Дебелость — унитанность, толщина.
 Длань — рука, кисть.
 Доброхотство — благожелательность, благоволение.
 Доведать — узнать.
 Довлеет — должно, следует.
 Довлетворит — довлеет, является достаточным, удовлетворяет.
 До днесь — до сегодняшнего дня.
 Дска — доска, таблица.

Е

Еже — чтобы, дабы.
 Елико — сколько.
 Емлющий — берущий.
 Ендова — большая медная открытая посуда для вина, пива, меда.
 Епанча — плащ, покрывало.
 Естество — природа.

Ж

Жабо — кружевные оборки у воротника мужской рубашки.
 Жаловать — уважать, предпочитать.
 Желéза — оковы, цепи.
 Живот — жизнь.
 Жиздет — зиждет, основывает.

З

Забрало — подвижная часть шлема, защищающая лицо; защита, прикрытие.
 Заказать — запретить.
 Запнать — препятствовать, задерживать.
 Здорно — вздорно.

И

Игралище — игрушка.
 Изволение — желание.
 Измертвие — умерщвление.
 Инвенция — выдумка, изобретение.
 Инде — кое-где, когда-либо.
 Ирой — герой.
 Искапываемый — ископаемый.
 Искусство — опыт, упражнения.
 Исправление — удовлетворение, выполнение.
 Испещренный — разукрашенный, разнаряженный.
 Исторгнуть — изъять.
 Истощить — источить.
 Истощеваются — истощаются, иссякают.

К

Канище — языческий храм.
 Карлы — карлики.
 Класы — колосья.
 Клуб — клуб.
 Колико — сколько, как.
 Кольми паче — тем более.
 Кондидия — условие, временная должность домашнего учителя, репетитора.
 Корпус — военное училище.
 Кош — загон, конура.
 Кошт — иждивение, счет.

Крепость — документ на право владения, сила.

Кружало — кабак.

Куратор — попечитель университета.

Куца — шатер, хижина, сень.

Л

Ланита — щека.

Ландкарта — географическая карта.

Ласкать — льстить.

Лествица — лестница.

Ливр — старинная французская серебряная монета (около 1 франка).

Линия — линия.

Литера — буква.

Личность — личный выпад.

Ловитва — охота.

Лот — мера веса (12,5 грамма).

Лукавующий — лукавствующий.

Льзя — можно.

Любимец — фаворит.

Любомудрие — философия.

Людкость — человечность, гуманность.

М

Магазейн — магазин, склад.

Маетность — имущество, приобретение.

Майорный — мажорный.

Мание — мановение, знак рукою.

Маркер — прислужник.

Махаться — ухаживать, волочиться.

Меркурий — ртуть.

Мздовоздаяние — взятка.

Мздоимство — взяточничество.

Мусы — муза, науки и искусства.

Мыг — миг.

Мыгтарить — плутовать, обманывать.

Н

Навыкать — привыкать к чему-либо.

Надеющего — надеющегося.

Намнясь — на днях.

Напредки — впредь.

На сотню места — на сто рублей.

Начальник — основоположник, зачинатель.

Наушники — сыщики, доносчики.

Не в пронос — не для произношения, секретно.

Недоверение — недоверие, подозрительность.

Недугование — болезненность.

Неизлаголанное — невыразимое.

Недостаточный — нуждающийся, бедный.

Несть — нет.

Ниже — ни даже, отнюдь не.

Николи — никогда.

Ни синий порошок — ни чуточку, ни крошечки.

Новина — новшество, новизна.

О

Обавание — очарование, обаяние.

Обетшавший — обветшавший.

Оболчен — облачен.

Обрящет — найдет.

Огневица — лихорадка, горячка.

Одноземец — соотечественник.

Оклад — украшение на иконах из серебра или золота.

Окончаем — кончен, смертен.

Окрест — кругом, вокруг.

Опричь — кроме.

Орган — голос.

Отдержать — увести, сдержать.

Отличный — особый, отдельный.

От молодых ногтей — с самых юных лет.

Отменно — отлично, чрезвычайно.

Отписка — письмо.
 Отпрясть — выругать, отделать.
 Отроки — юноши, молодые люди.
 Отрыгать — произносить.
 Осиявать — осенять.
 Охотник — доброволец.
 Очеса — глаза.

П

Падаю — изумляюсь.
 Паки — снова, опять.
 Парадиз — галерка, раек.
 Парасоль — зонтик.
 Партикулярный — частный, негосударственный.
 Паче — более.
 Первенствующие — первенственные, первобытные.
 Пещись — заботиться.
 Поборник — защитник, борец.
 Повинно — должно, обязано.
 Повсемственный — повсеместный.
 Подвигнуть — тронуть, задеть; побудить к какому-нибудь делу.
 Подыск — донос, клевета.
 Поединщик — дуэлянт.
 Позорище — зрелище, театр.
 Поюдень — юг.
 Полигистор — человек, осведомленный во многих областях знания.
 Полизованный — просвещенный.
 Полночный — северный.
 Понеже — так как, ибо.
 Поносный — позорный, унижительный.
 Попускаться — предаваться.
 Порождение — размножение; результат какого-нибудь действия.
 Порекают — нарекают.
 Порфира — царская мантия.
 Последственно — последовательно.
 Поступка — поступок, поведение.

Потраковать — угостить, потчевать.
 Похлебный — выгодный, доходный.
 Превыспренный — высочайший.
 Предбудущий — будущий.
 Предпоставлять — представлять.
 Предрассуждение — предрассудок.
 Претекст — предлог, отговорка.
 Приватный — частный.
 Прилепляться — стремиться, привязаться.
 Приличать — уличать.
 Приметка — донос, извет.
 Приписание — посвящение.
 Присный — истинный, настоящий, вечный.
 Притоманно — непременно.
 Прозрак — перспектива.
 Прозрительный — прозрачный.
 Произвождать — производить.
 Произрастание — растение.
 Произрещи — сказать, произнести.
 Прозябение — растение.
 Происхождение — событие, происшествие.
 Проникать — пронизывать.
 Пролуги — вины, преступления.
 Проразистый — пронзительный.
 Прорицалище — оракул, вещун.
 Просить — жаловаться.
 Простеречь — проследить.
 Противогласие — возражение, противоречие.
 Противочувствие — неприязнь, антипатия.
 Профит — прибыль.
 Прямой — подлинный, настоящий.

Р

Раек — галерка.
 Разве — если, если не.
 Раздорблять — исследовать, выяснять.
 Разиствовать — отличаться.

Рамена — плечи.
 Раскольник — раскольник.
 Расточить — разогнать, рас-
 сеять.
 Рачитель — воспитатель, наблю-
 датель, опекун.
 Ретор — оратор.
 Речь — вещь, предмет.
 Ритор — оратор.
 Розыск — следствие, допрос.
 Росс — русский.
 Рост — проценты.
 Рукодел — ремесленник.

С

Свеча — свеча, факел.
 Се — вот.
 Сентенция — судебный приго-
 вор, определение.
 Сиделец — приказчик.
 Сильф — дух воздушной стихии.
 Сиречь — то-есть.
 Скорохватный — скоропалитель-
 ный, стремительный.
 Скорос — опрометчивый, нетер-
 пеливый.
 Скрытый — скрывающийся.
 Скудельник — горшечник, гон-
 чар.
 Сложение — тело, организм.
 Сметить — узнать, рассудить.
 Собывающийся — происходя-
 щий, совершающийся.
 Содевать — делать.
 Солюбовник — соперник.
 Сподобить — удостоить, допу-
 стить.
 Статочное — достойное.
 Стезя — тропинка, дорога.
 Стержень — предосторожности.
 Стретение — (сретение) течение,
 движение, встреча.
 Стряпчий — судебный чиновник.
 Стяжание — нажива, богатство.
 Стяжать — наживать, добывать.
 Сугубый — удвоенный, значи-
 тельный.
 Сый — сущий, этот.

Т

Такожде — также, как же.
 Татьба — воровство.
 Тоне — тоньше.
 Торжище — торговля, рынок,
 спекуляция.
 Треск Перуна — гром.
 Туаз — старинная французская
 мера длины (2 метра).
 Тупей — прическа, взбитый хо-
 хол на голове.
 Тяжести — повинности, по-
 боры.

У

Убо — ибо, потому что.
 Уголовье — уголовные дела.
 Узилище — темница.
 Умилие — умиление.
 Умословие — силлогизм, умо-
 заключение.
 Уноровленный — приспособлен-
 ный.
 Унция — устаревшая мера апте-
 карского веса (29,86 грамма).
 Управа — суд, способ управле-
 ния, решение, выборное со-
 брание управляющих лиц.
 Усиливаться — пытаться.
 Усторонение — уклонение.
 Утямить — затвердить, вбить
 себе в голову.
 Участный — личный, частный.

Ф

Феникс — чудо.
 Физист — физик, естествоиспы-
 татель.
 Фортеция — крепость.

Х

Хлябь — бездна, пропасть.

Ц

Центроклонная — центростре-
 мительная.

Цуг — запряжка лошадей гуськом (в XVIII веке признак знатности).

Ч

Чада — дети.

Чаятельно — видимо, должно быть.

Черная немочь — эпилепсия.

Чечуй — геморой.

Чинопачалие — учреждение чинов, званий.

Чиноположение — сословие, возведение в чин.

Чреда — очередь, порядок.

Чресла — бедра, поясница.

Чутский — чукотский.

Ш

Шелеп — плеть.

Штиль — слог, стиль.

Шуйца — левая рука.

Э

Экю — старинная французская монета.

Элоквенция — краспоречие.

Эпитимия — церковное покаяние.

Ю

Юфть — особый сорт прочной кожи.

Я

Язык — народ, племя.

Яко — как.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Я. ПОЛЕНОВ

О крепостном состоянии крестьян в России	7
Разделение крестьян	—
Преимущества собственности	8
О происхождении рабского состояния	11
Бедственное состояние наших крестьян	14
О учреждении крестьянского воспитания	16
О собственности в недвижимом имении	21
О собственности в движимом имении	24
Предписание постоянных служб и податей государю и господину.	26
О учреждении крестьянских судов	27
Какие предосторожности при сей перемене упо- треблять.	28

Д. А. ГОЛИЦЫН

Письма.	33

РЕЧИ И МНЕНИЯ ДЕПУТАТОВ КОМИССИИ ДЛЯ СОЧИНЕНИЯ ПРОЕКТА НОВОГО УЛОЖЕНИЯ

[Мнение депутата Г. Коробьина о правах крепостных кре- стьян] Читано 5 мая 1768 года	49
[Мнение депутата Г. Коробьина. Выступление на заседании 21 мая 1768 года]	56

[Мнение депутата И. Жеребцова. Выступление на заседании 20 мая 1768 года]	69
[Мнение депутата И. Чупрова. Выступление на заседании 23 мая 1768 года]	73
[Мнение депутата А. Маслова. Выступление на заседании 27 мая 1768 года]	78

МАТЕРИАЛЫ ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ

Именные указы, повеления и манифесты Е. И. Пугачева	87
Воззвания, увещевания и наставления пугачевских полковников.	111

Н. И. НОВИКОВ

Статьи и заметки из сатирического журнала «Трутень» . . .	129
<i>Трутень</i> . Еженедельное издание на 1769 год	—
Предисловие	—
<i>Трутень</i> . Л и с т IV. Мая 19 дня	132
<i>Трутень</i> . Л и с т V. Мая 26 дня	134
<i>Трутень</i> . Л и с т VI. Июня 2 дня	136
<i>Трутень</i> . Л и с т VII. Июня 9 дня	138
<i>Трутень</i> . Л и с т VIII. Июня 16 дня	—
<i>Трутень</i> . Л и с т IX. Июня 23 дня	143
<i>Трутень</i> . Л и с т XVI. Августа 11 дня	146
<i>Трутень</i> . Л и с т XXIII. Сентября 29 дня	147
<i>Трутень</i> . Л и с т XXIV. Октября 6 дня	149
<i>Трутень</i> . Л и с т XXVI. Октября 20 дня	150
<i>Трутень</i> . Л и с т XXVII. Октября 27 дня	152
<i>Трутень</i> . Л и с т XXX. Ноября 17 дня	153
<i>Трутень</i> . Л и с т XXXII. Декабря 1 дня	157

<i>Трутень</i> . Л и с т XXXIV. Декабря 15 дня	161
<i>Трутень</i> . Л и с т XVII и последний. Апреля 27 дня [1770]	163
Статьи и заметки из сатирического журнала «Живописец» .	166
<i>Живописец</i> . Ежедневное на 1772 год сочинение . . .	—
Неизвестному г. сочинителю комедии «О, время!» приписание.	—
<i>Живописец</i> . Л и с т 2	169
Автор к самому себе	—
<i>Живописец</i> . Л и с т 3	173
<i>Живописец</i> . Л и с т 4	177
<i>Живописец</i> . Л и с т 5	181
Отрывок путешествия в*** И*** Т***	—
<i>Живописец</i> . Л и с т 6	185
<i>Живописец</i> . Л и с т 13	186
Английская прогулка	—
<i>Живописец</i> . Л и с т 14	189
Продолжение отрывка путешествия в*** И*** Т***.	—
<i>Живописец</i> . Л и с т 15	191
Письмо уездного дворянина к его сыну	—
<i>Живописец</i> . Л и с т 20	195
<i>Живописец</i> . Л и с т 23	196
<i>Живописец</i> . Л и с т 24	199
<i>Живописец</i> . Л и с т 25	203
<i>Живописец</i> . Л и с т 5 [1773]	207
Предисловие к первому изданию «Древней Российской Ви- влюфики»	212
«Кошелек». Ежедневное сочинение 1774 года	214
Вместо предисловия	—

Д. И. ФОНВИЗИН

Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке .	219
Каллисфен	223
Опыт Российского сословника	234
Всеобщая придворная грамматика	248
Предуведомление	—
Глава первая. Вступление	—
Глава вторая. О гласных и о частях речи	250
Глава третья. О глаголах	251
Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления и оттого о зыблемом состоянии как империи, так и самих государей	253

И. А. КРЫЛОВ

Письма из журнала «Почта духов»	269
Вступление	—
Письмо I. От гнома Зора к волшебнику Маликульмульку	277
Письмо II. От сильфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку	280
Письмо IV. От сильфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку	286
Письмо VIII. От сильфа Световида к волшебнику Маликульмульку	292
Письмо XVII. От гнома Зора к волшебнику Маликульмульку	295
Письмо XX. От сильфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку	303
Письмо XXIV. От сильфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку	307
Письмо XXVIII. От волшебника Маликульмулька к сильфу Дальновиду	311

<i>Письмо XXXIII.</i> От сальфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку	314
<i>Письмо XXXVI.</i> От гнома Буристона к волшебнику Маликульмульку	321
<i>Письмо XXXVII.</i> От сальфа Дальновида к волшебнику Маликульмульку	330
<i>Письмо XL.</i> От Эмпедокла к волшебнику Маликульмульку	335
<i>Письмо XLIII.</i> От сальфа Световида к волшебнику Маликульмульку	344
<i>Письмо XLVIII.</i> К Эмпедоклу от волшебника Маликульмулька	346
Статьи из журнала «Зритель»	350
Речь, говоренная повесою в собрании дураков . . .	—
Рассуждение о дружестве	358
Мысли философа по моде, или способ казаться разумным, не имея ни капли разума	362
Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная его другом в присутствии его приятелей за чашею пуншу	370
Из журнала «С.-Петербургский Меркурий»	380
Похвальная речь науке убивать время	—

П. С. БАТУРИН

Исследование книги о заблуждениях и истине	393
Предуведомление	—

ЗЕРЦАЛО БЕЗБОЖИЯ

Зерцало безбожия	535
<i>Глава первая.</i> Несовершен бог: имсет пределы своих деяний	536
<i>Глава вторая.</i> Бог имсет пределы разума	—

<i>Глава третья.</i> Бог имеет пределы воли	537
<i>Глава четвертая.</i> Бог не есть творец и промыслитель мира	541
<i>Глава пятая.</i> Мир не зависит от бога	—
<i>Глава шестая.</i> Несовершенный не есть бог	543
<i>Глава седьмая.</i> Бог не есть присущ существованию . .	—
ПРИМЕЧАНИЯ	547
Указатель имен.	587
СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ И ТРУДНОПОНИМАЕМЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	595

Редактор *В. Козерук*

**Переплет, титульные страницы
и оформление книги *Н. Седельникова***

**Ответственный корректор *А. Михельс*
Технический редактор *Ц. Бейлина***

**Подписано в печать 23/IX 1952 г. Тираж
30 тыс. экз. М-43413. Бумага 82 × 108^{1/32}.
Объем 9^{1/2} бум., 31,16 п. л., 29,35 уч.-изд. л.
Заказ № 1508. Цена 8 р. 25 к.**

**2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького
Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.**

